

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

XVIII
ВЕК

XVIII

ВЕК

СБОРНИК

3

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII

ВЕК

СБОРНИК

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1 9 5 8

АННОТАЦИЯ

Подобно двум предыдущим выпускам сборника «XVIII век» (1935 и 1940 гг.), настоящий выпуск включает исследования по различным вопросам истории русской литературы восемнадцатого века. Статьи о жизни и воззрениях Ломоносова, Радищева, Кантемира, Фонвизина, Сумарокова и других русских писателей и общественных деятелей того времени затрагивают проблемы развития художественной и научной прозы, поэзии, драматургии, критики, истории русской науки и философии, а также связей русской литературы с западноевропейской. В разделе публикаций имеется два десятка новых поэтических прозаических и документальных текстов, содержащих новые данные для биографий писателей и для текстологии их произведений.

Приложены библиография советских работ по истории русской литературы XVIII века (за 1951—1956 гг.), а также аннотированный перечень авторефератов диссертаций по русской литературе и языку XVIII века.

Ответственный редактор
Л Н БЕРКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

Издавая после длительного перерыва третий выпуск сборника «XVIII век» (первый под ред. А. С. Орлова вышел в 1935 году, второй под ред. Г. А. Гуковского — в 1940 году), Группа XVIII века Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР считает нужным указать, что в центре ее исследований по-прежнему стоят проблемы литературно-общественной борьбы XVIII века, литературных стилей, формирования в литературе XVIII века реализма, включения русской литературы этого периода в мировой литературный процесс.

Группа XVIII века признает большое значение специальных сборников, посвященных изучению одного автора¹ или отдельной проблемы,² или отдельного жанра.³

Однако опыт показывает, что для равномерного развития литературной науки в целом, во избежание образования отсталых участков, исследование литературы вообще и XVIII века в особенности, наряду с великими писателями, крупными проблемами, большими жанрами, должно охватывать и весь остальной весьма обширный круг вопросов и материалов. Поэтому, как и первые два выпуска сборника «XVIII век», настоящий ставит своей целью осветить самые различные стороны развития русской литературы указанного столетия — от фольклорных и анонимных книжных произведений начала XVIII века и до Карамзина и Радищева и писателей, действовавших на рубеже XVIII и XIX веков и даже в начале XIX века включительно.

¹ А. Н. Радищев. Материалы и исследования, под ред. А. С. Орлова, М.—Л., 1936; Радищев. Статьи и материалы, под ред. М. П. Алексева, Л., 1950; Ломоносов. Сборник статей и материалов, тт. I—III, М.—Л., 1940—1951.

² Сб. «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века», под ред. Н. К. Гудзия, М., 1940.

³ Старинная русская повесть. Под ред. Н. К. Гудзия, М., 1941.

Для Группы XVIII века являются непреложными два тезиса: а) литература XVIII века представляет органическое звено в целостном процессе истории русской литературы и б) рассматривавшаяся долгое время только как «коридор к Пушкину», литература XVIII века, отражающая целое столетие развития русского народа, выдвигает, помимо общих вопросов русского литературного процесса, и свои специфические. Этим определяется и некоторая широта, мы не побоимся даже признать — пестрота, тематики как работы Группы в целом, так и настоящего выпуска сборника «XVIII век» в частности.

Здесь помещены исследования, рассматривающие традиции древнерусской литературы в литературе XVIII века, связи последней с фольклором, отражения в ней философского развития русского общества XVIII века, отношения ее с иностранными литературами, проблемы стиля, развития журналистики и т. д.

Дореволюционные исследователи литературы XVIII века — вообще немногочисленные и за единичными исключениями, вроде В. В. Сиповского и В. П. Семенникова, занимавшиеся XVIII веком только «между прочим», — изучали преимущественно крупнейшие явления литературы этого периода. В результате этого вне поля зрения науки осталось большое число фактов, имен, дат, произведений, рукописных сборников, печатных книг — всего того, что позволяет шире, глубже и объективнее понять литературный процесс XVIII века. Поэтому в сборнике «XVIII век» — как в предшествующих выпусках, так особенно в настоящем — уделяется большое внимание публикации неизданных материалов в форме небольших статей и сообщений, цель которых ввести в научный оборот новые тексты литературных, публицистических и философских произведений писателей XVIII века, дополнить их биографии документально подтвержденными фактами, охарактеризовать и изложить отдельные неизвестные или неверно освещавшиеся эпизоды литературно-общественной борьбы этого столетия, публиковать цензурные и типографско-отчетные перечни, расширяющие наши знания литературы XVIII века.

Наконец, наряду со статьями и материалами, мы даем в настоящем выпуске хронику советской и отчасти зарубежной исследовательской работы в области литературы XVIII века, библиографические обзоры как по советским, так и зарубежным изданиям и библиографические указатели по новейшим работам о литературе XVIII века.

Статьи Г. А. Гуковского и Л. Б. Модзалевского, печатаемые посмертно, воспроизводятся по последней авторской редакции.

В связи с этим литературные материалы, появившиеся после завершения покойными авторами своей работы, не могли быть учтены в публикуемых текстах.

За время, прошедшее с момента выхода в свет первого выпуска сборника «XVIII век», Группа XVIII века лишилась многих своих сотрудников. Из числа членов Группы и постоянных участников первых двух выпусков сборника «XVIII век» умерли: первый председатель Группы и первый редактор ее изданий акад. А. С. Орлов; основатель Группы и второй ее председатель Г. А. Гуковский; Я. Б. Барсков, Е. Я. Данько, К. К. Истомин, Б. И. Коплан, П. Г. Любомиров, А. И. Маленин, Л. Б. Модзалевский, Л. В. Пумпянский, П. И. Рулин, В. П. Семеновников, Ис. М. Троицкий, В. В. Фурсенко, С. Н. Чернов, В. И. Чернышев.

Памяти всех этих товарищей, своими трудами способствовавших созданию и развитию Группы XVIII века, посвящается настоящий выпуск сборника «XVIII век».

Завершив работу по настоящему выпуску сборника «XVIII век», Группа XVIII века сразу же приступает к подготовке очередного и обращается с просьбой ко всем советским литературоведам, специально занимающимся или попутно интересующимся литературой и просвещением России в XVIII веке, сообщать редакции сборника свои статьи и материалы.

П. Н. БЕРКОВ

ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Изучение истории русской литературы XVIII века, как может заметить всякий непредубежденный наблюдатель, в последнее десятилетие несомненно вступило в полосу значительного подъема. Достаточно указать, что после 1936 года, когда были защищены две первые докторские диссертации по истории литературы XVIII века, лишь через двадцать лет — в течение 1955—1956 годов — были сразу защищены четыре докторских диссертации по литературе того же периода. В течение послевоенного десятилетия вышли три издания «Истории русской литературы XVIII века» Д. Д. Благого, т. IV «Истории русской литературы» Академии наук СССР, посвященный второй половине XVIII века, «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века» (в двух томах), монографии о Ломоносове (А. А. Морозова), Новикове (Г. П. Макогоненко), Фонвизине (К. В. Пигарева), ряд книг о Радищеве (В. Н. Орлова, Г. П. Макогоненко, Л. И. Кулаковой, Д. С. Бабкина и др.), о поэме XVIII века (А. Н. Соколова), о русской музыкальной культуре XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом (в двух томах, Т. Н. Ливановой), о журналистике XVIII века, и т. д. Появился ряд сборников и монографий, в которых уделено много места изучению русской философской и эстетической мысли XVIII века, русского искусства, театра, живописи, архитектуры, науки, языка этого периода. Количество литературоведческих, языковедческих, театроведческих, искусствоведческих и философских диссертаций по темам XVIII века настолько велико, что при самом тщательном учете их нет возможности не упустить что-либо. Юбилей Радищева, Новикова, Ломоносова, Фонвизина, Державина принесли обильную литературоведческую продук-

цию в виде академического «Полного собрания сочинений» Ломоносова, однотомника «Избранных сочинений» Радищева под ред. Г. П. Макогоненко, «Избранных философских сочинений» Радищева (под ред. И. Я. Щипанова), «Избранных сочинений» Новикова (под ред. Г. П. Макогоненко), переизданных «Сатирических журналов» Новикова и т. д., в виде сборников «Радищев», под ред. М. П. Алексеева, «Ломоносов. Сборник статей и материалов», тт. II—III, и др., в виде многочисленных журнальных и газетных статей, брошюр, книжечек и книг. В серии «Русские драматурги» издательство «Искусство» отвело XVIII веку семь книжек (Сумароков, Лукин, Фонвизин, Княжнин, Плавильщиков, Крылов, Капнист). Появился ряд антологий по литературе XVIII в.: двухтомник «Русская проза XVIII века» под ред. А. В. Западова и Г. П. Макогоненко, «Русская комедия и комическая опера XVIII века», «Русская народная драма XVII—XX вв.», «Хрестоматия по русской литературе XVIII века» А. В. Кокорева (два издания) и др. В малой и большой серии «Библиотека поэта» изданы стихотворения Ломоносова, Сумарокова, Радищева, Державина, Карамзина, Дмитриева, Кантемира и пр. Был опубликован ряд библиографических пособий по литературе XVIII века в целом или по отдельным авторам, например: «Русские писатели XVIII века. Рекомендательный указатель литературы» Н. П. Ждановского (1954), «Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г.» Т. А. Быковой и М. М. Гуревича (1955), их же «Описание изданий, напечатанных кириллицей, 1689—январь 1725 г.», «М. В. Ломоносов. Указатель основной научной литературы» покойного Г. М. Коровина (1950), «Библиография основной литературы о М. В. Ломоносове за 1911—1916 гг.» Е. Б. Рысс, «Библиография сочинений М. В. Ломоносова и литературы о нем за 1917—1950 гг.» Е. Б. Рысс и Г. М. Коровина (1951), «Юбилейная литература 1949 года об А. Н. Радищеве. (Библиографический указатель)» Т. А. Карпенко и С. К. Симкиной (1950) и др.

Уже этот беглый, далеко не полный перечень изданий, связанных с изучением русской литературы XVIII в., показывает огромный количественный рост научной и научно-популярной литературы по данному вопросу. Конечно, не все из перечисленных и из неупомянутых работ по интересующей нас теме стоят на правильных научных позициях, достаточно убедительны, а иногда и просто грамотны. При внимательном рассмотрении этой научной продукции нельзя не заметить, как много спорных вопросов общего, принципиального и частного, фактического характера имеется в изучении русской литературы

XVIII века. Однако с полной ответственностью можно утверждать, что исследование XVIII века стоит сейчас неизмеримо выше, чем в дореволюционный период.

Здесь нет необходимости делать обзор историографии литературы XVIII века. Достаточно указать, что, если не считать классических критических статей Белинского, Добролюбова и Чернышевского о литературе XVIII века, а также соответствующих глав «Истории русской общественной мысли» Г. В. Плеханова, все прочее изучение художественной словесности этого периода за время с 1801 по 1917 год выразилось в пяти-шести общих курсах, в трех-четыре десятках монографий и сборников об отдельных писателях, журнальных жанрах и просветительных учреждениях XVIII века, имевших отношение к литературному делу. Нисколько не отрицая больших научных заслуг дореволюционных литературоведов, занимавшихся исследованием XVIII века, в особенности таких, как А. Н. Пыпин, Н. С. Тихонов, П. А. Ефремов, М. Н. Лонгинов, Л. Н. Майков, В. Н. Перетц, В. В. Сиповский, В. П. Семенников и другие, мы все же не можем не признать, что и по общей концепции русского литературного процесса XVIII века, и по охвату конкретного историко-литературного материала, и, наконец, по методике его обработки труды наших досоветских предшественников не могут нас в настоящее время удовлетворить. Общий кризис буржуазного литературоведения в конце XIX—начале XX века с неизбежностью сказался и на изучении литературы XVIII века. В предреволюционное десятилетие в изучении литературы XVIII века наметились три тенденции, явно проистекавшие из указанного идейного кризиса буржуазного литературоведения.

а) библиографически-архивная, представленная работами В. П. Семенникова, Н. М. Петровского и др.,

б) эстетическая, скорее даже эстетская, являвшаяся своего рода литературоведческой параллелью к живописи «Мира искусства», посвященной XVIII веку; особенно это сказалось во время юбилея Державина в 1916 году, а несколько раньше в сборниках «Любовная лирика XVIII века» А. А. Веселовского (сына) и т. п.;

в) «идеологическая», проявившаяся в чрезмерно преувеличенной оценке значения русского масонства XVIII века (работы Г. В. Вернадского, Т. О. Соколовской, сб. «Масонство в его прошлом и настоящем», переиздание «Русского масонства» А. Н. Пыпина и т. п.), и — в другой форме — в поздних работах В. В. Сиповского (статьи «Из истории самосознания русского общества XVIII в.», «Из истории русской мысли

XVIII—XIX вв. (Русское вольтерьянство)», «Из истории русской мысли XVIII в. (Идейное содержание русской бытовой комедии XVIII в.)», «Русское свободомыслие XVIII в.» и пр.).

И работы В. П. Семенникова (в особенности), и с идеалистических позиций сделанные попытки В. В. Сиповского и исследователей масонства, и даже подчеркнуто идеалистическое эстетизированное рассмотрение поэзии XVIII века — всё это принесло известную пользу развитию нашей отрасли советского литературоведения. Однако перед историками литературы XVIII столетия, выступившими в конце 20-х годов нашего века, стояли другие задачи: надо было прежде всего понять с марксистско-ленинской, материалистической точки зрения, что представляет собой литература позапрошлого столетия в общем русском и мировом литературном процессе, каково ее значение — историческое и художественное — для нового, советского читателя; надо было переосмыслить, подвергнуть самой суровой, но в то же время объективной критике достижения дореволюционного литературоведения в области XVIII века. Эти большие исторические задачи и вызвали к жизни специальную ветвь советской литературной науки — историю литературы XVIII века.

В самом деле, в дореволюционное время и в первые десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции, за исключением Н. Н. Булича, А. И. Незеленова, В. В. Сиповского и В. П. Семенникова, специалистов по XVIII веку в прямом смысле слова не было. Профессора университетов и духовных академий, читавшие общие курсы по истории русской литературы и очень редко занимавшиеся непосредственными исследованиями по литературе XVIII века, нередко печатали курсы своих лекций по литературе этого периода (И. Я. Порфирьев, А. М. Лобода, Е. В. Петухов, А. С. Архангельский, П. Н. Сакулин) или выступали с книгами и статьями по частным ее вопросам (И. А. Шляпкин, М. Н. Сперанский и др.). Больше других сделал в этом отношении В. Н. Перетц, посвятивший истории русского стихосложения и театра XVIII века ряд ценных исследований, но и его, и других названных выше историков литературы, каковы бы ни были их заслуги в этой области, никак нельзя назвать учеными, занимающимися исключительно литературой XVIII века. А без специалистов, отдавших себя целиком или в основном изучению какого-либо специального отдела науки, этот отдел не может развиваться по-настоящему, планомерно и быстро.

И только в советское время, как уже мы сказали выше, возникли у нас благоприятные условия для развития самостоя-

тельной ветви советской литературной науки — истории литературы XVIII века. За эти несколько десятилетий изучение XVIII века прошло большой путь; оно, как и все советское литературоведение, выросло в борьбе с различными враждебными марксизму-ленинизму течениями: культурно-исторической и филологической школой, формализмом, вульгарным социологизмом и пр. Лишь постепенно, преодолевая свои ошибки, советские исследователи русской литературы XVIII в. овладели методом марксизма-ленинизма и сумели связать изучение своего специфического материала с общими задачами советского литературоведения, сумели подчинить свои штудии общим целям всей советской науки — построению коммунизма в нашей стране.

Поэтому сорокалетний период советского изучения литературы XVIII века не представляется совершенно одинаковым на всем своем протяжении. В зависимости от того, какие задачи ставила перед исследователями XVIII века жизнь, находятся и особенности этой отрасли советского литературоведения. Грубо намечая этапы этого развития, можно говорить о трех периодах: довоенном (20-е, 30-е годы), военном периоде и о послевоенном десятилетии.

Одной из ближайших задач изучения литературы XVIII века в 20—30-е годы было широкое ознакомление советских читателей с художественным наследием XVIII столетия, популяризация творчества крупнейших писателей той эпохи. Это выразилось в издании в обеих сериях «Библиотеки поэта» стихотворений Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Державина, Крылова, Карамзина, Радищева, Капниста, сборника «Поэты XVIII века» и т. д. С той же целью, а также и с педагогической были изданы антологии, представляющие в лучших образцах либо всю литературу XVIII века («Хрестоматия по русской литературе XVIII века» Г. А. Гуковского, его же однотомник «Русская литература XVIII века»), либо наиболее характерные ее жанры («Вирши», «Иронико-комическая поэма», под ред. Б. В. Томашевского, «Русские сатирические журналы XVIII века», сост. Л. Б. Лехтблау, и пр.). Наряду с этой формой работы, проводившейся на высоком уровне советской текстологической и комментаторской техники, развертывалась углубленная научно-исследовательская деятельность, сосредоточенная в основном в литературоведческих институтах Академии наук СССР — главным образом в Группе XVIII века Института русской литературы (Пушкинский Дом) и существовавшего до войны Отдела древнерусской литературы и литературы XVIII века Института мировой литературы им. А. М. Горь-

кого. Уделяя внимание вопросу о связи древнерусской литературы с литературой XVIII века Отдел Древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом).

В итоге этой работы были созданы ценные сборники, содержавшие как публикации неизданных текстов, так и исследования по литературе этого периода («Литературное наследство». 9—10; «XVIII век», вып. 1—2; «А. Н. Радищев. Материалы и исследования»; «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века»; «Старинная русская повесть»). Параллельно с этим появились и первые советские монографии по литературе XVIII века — книга Г. А. Гуковского «Русская поэзия XVIII века» (1927), его же «Очерки по истории русской литературы XVIII века» (1936) и «Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века» (1938), В. Б. Шкловского «Матвей Комаров, житель города Москвы» (1929) и «Чулков и Левшин» (1933), работы о Ломоносове (1936) и пр.

Большое значение имело укрепление в общих курсах по истории русской литературы в высших учебных заведениях специальных разделов, посвященных литературе XVIII века. В связи с этим появляются обобщающие курсы по литературе этого периода: «Русская литература XVIII века» Г. А. Гуковского и третий том академической «Истории русской литературы» — XVIII век, первая половина.

Несмотря на многообразие проблем, разрабатывавшихся в исследованиях и обобщающих трудах по литературе XVIII века в 20—30-е годы, они могут быть сведены к нескольким основным:

- а) общественно-литературная борьба;
- б) самостоятельный характер русской литературы XVIII века;
- в) своеобразие русского классицизма и борьба литературных стилей в литературе XVIII века;
- г) место литературы XVIII века в общей концепции русского литературного процесса;
- д) место русской литературы XVIII века в общеевропейском литературном движении того столетия.

В итоге дискуссий, имевших место и на страницах научной печати (в частности в «Литературном наследстве») и на специальном совещании в Институте русской литературы в 1934 году, а в особенности в результате деятельности указанных выше научных ячеек по изучению XVIII века в академических литературоведческих институтах, установился ряд положений, общепризнанных всеми или почти всеми советскими

исследователями литературы XVIII века. Коротко они могут быть сформулированы так.

Литература XVIII века, рассматривавшаяся в 20-е и начале 30-х годов только как подготовительный этап русской классической литературы XIX века, в частности как материал, объясняющий некоторые черты творчества Пушкина, либо как связующее звено между древнерусской литературой и русской классической и советской литературой, имеет, помимо этих прав на внимание, еще и то — и это главное, — что она по-своему отражает жизнь русского народа или хотя бы значительных его слоев на протяжении целого столетия. В течение XVIII века формировалась новая русская культура, освободившаяся или освобождавшаяся от сковывавшего ее развитие церковно-религиозного, авторитарного мышления. Возникла русская философия, общественная мысль, складывался общенациональный литературный язык, выросли русская журналистика, русская критика, русский театр, научные и высшие учебные заведения. Все это свидетельствовало о большой внутренней, духовной, как говорили в старину, жизни русского народа. Литература этого периода по-своему отражала все эти явления и процессы, и не только пассивно отражала, но и активно участвовала в общем движении. Больше того, только при посредстве изучения литературы XVIII века и можно уяснить многие из этих явлений и процессов. Поэтому, вполне признавая выдающийся интерес, который представляет изучение литературы XVIII века как соединительного звена в общем процессе русского литературного развития между древнерусской традицией и литературой XIX—XX вв., а также как своего рода идейно-художественного трамплина для возникновения русской классической литературы, мы все же считаем, что русская литература XVIII века важна как самостоятельный, большой и ценный раздел национальной культуры, имеющий как историческое, так и эстетическое значение.

Было отброшено в итоге исследований и дискуссий и другое положение, имевшее широкое распространение в 20-е и начале 30-х годов и представлявшее один из коренных принципов дореволюционного изучения литературы XVIII в., — о ее рабской «подражательности», о «рабском, неумелом ученичестве» писателей данного периода. Начиная с критических высказываний самих литературных деятелей XVIII века, которые отмечали заимствования своих современников у западных писателей, продолжая известными формулами Пушкина о «дитяти чужих уроков» — Сумарокове, о «переимчивом Княжине», статьями Белинского и кандидатским сочинением Н. С. Тихонравова

(«О заимствованиях русских писателей», 1853) и т. п., и кончая недостаточно понятой книгой Алексея Веселовского «Западное влияние в русской литературе» (1883; изд. 5-е, 1916), — повсюду настойчиво проводился взгляд на несамостоятельный характер литературы XVIII века. Отрицать заимствования в подавляющей их части было бы просто бессмысленно. И литературоведы, изучавшие XVIII век в 20—30-е годы, этого и не делали. Однако к истолкованию этих заимствований они подходили совершенно иначе. Исследователи ставили своей задачей показать и доказать, с какой целью, вызванной самим развитием русской литературы, делались эти заимствования, какие задачи, стоявшие перед русскими писателями XVIII века, решались с помощью этих заимствований. Короче говоря: если дореволюционных исследователей литературы XVIII в. интересовало установление самого факта заимствований и на этом они считали себя вправе остановиться, то для советских литературоведов было важно определить, в каких исторических условиях, с какой целью делались заимствования и как органически включались они в развитие русской литературы XVIII века.

Подобный подход позволил исследователям понять заимствования писателей XVIII века не как основу развития литературы этого периода, а лишь как одно из средств литературно-общественной борьбы в тогдашней русской действительности. В результате этого отпало самое понятие «подражательности» и «несамостоятельности» русской литературы XVIII века.

Правильное понимание проблемы заимствований стало возможным только потому, что, сгоя на почве марксистско-ленинской философии, исследователи русской литературы XVIII века отказались от буржуазной трактовки литературного процесса как «единого потока». Не отвергая понятия «национальная литература», не впадая в грех вульгарного социологизма, видевшего вместо единой национальной литературы механическую сумму дворянской, мещанской и крестьянской литератур, обособленно, независимо друг от друга существующих, исследователи 20—30-х годов признали основой развития литературы XVIII века идейно-художественную борьбу, аналогично тому, как собственно историки видят в истории русского общества XVIII века, разделенного на антагонистические классы, но в то же время единого, борьбу классов, борьбу общественно-экономическую и социально-политическую.

Там, где дореволюционные литературоведы, как, например, В. В. Сиповский, видели суммарное «русское общественное самосознание» или «русское свободомыслие XVIII в.», где вульгарные социологи находили «чуждую, враждебную пролетариату»

дворянскую литературу XVIII века, которую поэтому и изучать не следует, исследователи 20—30-х годов, вооруженные историко-диалектико-материалистическим методом, научились различать сложную борьбу классово обусловленных идеологических воззрений, а иногда даже и систем. Для них стало ясно, что русская литература XVIII века не представляет литературы одного только дворянского класса или механической суммы литератур (или «литературных слоев», как говорил П. Н. Сакулин) разных классов русского общества, а является отражением сложного процесса формирования «чиновниче-дворянской монархии XVIII века» (Ленин) с характерной для этого процесса борьбой дворянско-помещичьей и демократической идеологий.

Это крупное достижение тогдашнего литературоведения заставило исследователей сосредоточить свое внимание на таких явлениях, как литературные памфлеты, пародии, полемики XVIII века, как рост демократических тенденций в литературе этого периода, как подготовка, а затем и появление первого русского писателя-революционера, Радищева.

Благодаря этому было преодолено (также оставшееся в наследство от буржуазного литературоведения) положение об абстрактном характере русской литературы XVIII века, о ее оторванности от жизни, с одной стороны, и о ее верноподданнической, сплошь монархической направленности. В «подобострастных», прославляющих монархов одах были обнаружены особые формы проведения определенных, большей частью прогрессивных идей. В трагедиях были открыты явные черты политической борьбы. Казалось бы, «общечеловеческим порокам» посвященные притчи, как выяснилось, отражали опять-таки намеки на политические и общественные события. Сатирическая журналистика 1769—1774 годов перестала рассматриваться как верная союзница Екатерины II, «либеральной монархии», «ученицы философов-просветителей». Это стремление показать политическую суть литературы XVIII века, отчетливо проявившееся в печатных работах исследователей в конце 30-х годов и в части их трудов, тогда же подготовленных, но опубликованных уже после войны, особенно расцвело в истекшем десятилетии.

Усмотренная исследователями связь литературы XVIII века с современной ей действительностью, с политическими и социальными событиями и процессами, естественно привела к тому, что прежде, в 20-е годы, решительно еще оспаривавшаяся кое-кем из литературоведов необходимость изучения литературного развития в зависимости от истории обществен-

ной мысли и философских течений, стала общепризнанной. Так появились в конце 30-х годов работы по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века, по характеристике философских позиций Ломоносова, Радищева, писателей 60-х годов XVIII века и т. д.

Наряду с этим исследователи 30-х годов не утратили интереса к анализу стиля русской литературы XVIII века. Здесь также наметился значительный перелом. Под влиянием изучения фактов, привлечения ранее не обращавших на себя внимания авторов и произведений, историки литературы XVIII века отказались от старой точки зрения, согласно которой вся литература этого столетия — от Феофана Прокоповича (некоторые утверждали, что еще от Симеона Полоцкого) и до Державина включительно создавалась в едином художественном стиле — классицизме. Вслед за европейскими искусствоведами стали сперва говорить о русском барокко, о позднем Возрождении, о предклассицизме, т. е. механически переносили готовые европейские схемы на русскую литературу. Это было, по-видимому, результатом еще не изжитого тогда представления о «подражательном», «несамостоятельном» характере русской литературы XVIII века, о том, что русская культура «с запозданием проходит этапы европейского развития».

Лишь постепенно, опять-таки в результате усвоения историко- и диалектико-материалистического метода, стало понятно, что русский классицизм — явление, закономерно возникшее на русской почве и отнюдь не привозное, не заимствованное, что, усваивая некоторые внешние формы, выработавшиеся в западных литературах, русский классицизм, в зависимости от национальных условий и потребностей, наполнял их местным содержанием, сплавлял их со своими литературными традициями, перерабатывал их настолько, что эти заимствованные формы приобретали русское обличье, русскую специфику. Таким образом, к концу 30-х годов сложилось представление о русском классицизме как оригинальном варианте классицизма общеевропейского.

Однако этот тезис о русском классицизме ни в коей мере не являлся рецидивом «теории единого потока», возвратом к преодоленному представлению о суммарной «русской литературе XVIII века» в понимании А. С. Архангельского или В. В. Сиповского, или, наконец, П. Н. Сакулина. Стиль русского классицизма рассматривался как форма выражения, как проявление идейно-художественных представлений русских писателей XVIII века, и поскольку эти идеологические представления находились в непосредственной зависимости от социальной по-

зиции писателей, постольку с необходимостью встал вопрос о дворянском и демократическом варианте русского классицизма. При этом наряду с борьбой вариантов в едином стиле русского классицизма исследователи установили и факты их взаимопроникновения, факты усвоения каждым из них отдельных элементов другого, а также фактов неприятия, отрицания, борьбы с другими элементами.

К концу 30-х годов исследователи накопили достаточно материалов для того, чтобы выдвинуть все более и более затем упрочивавшееся положение, что русская литература XVIII века не исчерпывается одним только классицизмом и «пришедшим ему на сцену сентиментализмом, также заимствованным на Западе», как утверждали досоветские литературоведы. Стало ясно, что уже в конце 50—начале 60-х годов XVIII века в русской литературе начался сперва незаметный, но в дальнейшем усиливавшийся процесс распада классицизма, появления, с одной стороны, тенденций реалистических, с другой — сентиментальных. Стало ясно, что и та, и другая тенденция находится в зависимости от разного отношения русских писателей тех лет к политической борьбе с самодержавием (не как принципом, а как конкретной формой) и крепостничеством. Стало ясно, что накопление реалистических черт в произведениях передовых писателей тех десятилетий XVIII века тесно связано с борьбой последних за интересы народных масс, с их борьбой против желиберализма Екатерины II. Так, постепенно было признано, что зарождение элементов реализма в недрах литературы классицизма явилось результатом не «имманентного саморазвития литературы», как утверждали некоторые литературоведы-формалисты, а политической борьбы.

Перечисленные выше положения, к которым пришли исследователи, определили их понимание места русской литературы XVIII века в общеевропейском литературном процессе. Стало несомненным, что дореволюционные представления о «провинциальном» характере русского литературного развития в XVIII веке не отвечают действительности и что русская литература этого периода не только не может и не должна быть признана «отсталой», «повторяющей зады европейского литературного движения», но, напротив, должна быть оценена по достоинству как оригинальное явление, своей политической направленностью и демократическими тенденциями дополняющая европейский литературный процесс.

Примерно таковы основные выводы, которые были сделаны советскими исследователями в изучении литературы XVIII века к концу 30—началу 40-х годов.

В течение четырех военных лет исследовательской работы в прямом смысле слова в области литературы XVIII века не велось — условия времени не давали возможности заниматься ею. Вместе с тем, исследователи не прекращали осмысления некоторых сторон русской литературы XVIII века. В юбилейных статьях и брошюрах о Державине (Д. Д. Благого, Г. А. Гуковского, С. А. Щегловой), Новикове, Кантемире, Фонвизине больше, чем до войны, отмечались патриотизм этих писателей, национально-воспитательное значение их художественных произведений.

Несмотря на относительную хронологическую краткость военного периода в развитии изучения XVIII века по сравнению с 20—30-ми годами и с последующим десятилетием, итоги литературоведческих работ, сделанных в военные годы, не маловажны для нашей науки. Проблема национально-воспитательного значения литературы XVIII века, тесно связанная с проблемой особенностей русского классицизма и своеобразия русской литературы вообще и XVIII века в частности, если была не полностью решена, то, во всяком случае, заняла в общей проблематике исследовательской работы в послевоенное время подобающее, значительное место.

Несомненный подъем работы по изучению литературы XVIII века после 1945 года был выше охарактеризован с внешней, библиографической стороны. Но следует подчеркнуть, что этот подъем, можно даже сказать расцвет, исследовательской деятельности в данной области, сопровождался и постановкой новых целей и задач изучения.

Прежде всего встал вопрос о роли и месте Радищева в истории русской литературы XVIII века. Еще в довоенный период произошла переоценка в понимании значения «Путешествия из Петербурга в Москву» как памятника литературного развития XVIII века. Дореволюционные исследователи не только не признавали итогового и в то же время новаторского характера литературной деятельности Радищева, но даже вообще не уделяли ему сколько-нибудь серьезного внимания. В работах о Радищеве 30-х годов (сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», 1936; фототипическое переиздание «Путешествия» с дополнительным томом материалов Я. Л. Барскова, 1935; академическое издание «Полного собрания сочинений» Радищева, т. I, 1940, и ряд других изданий и статей) было установлено, что автор «Путешествия» стоит не за пределами литературного процесса и даже не на периферии его, а занимает важнейшее место в истории литературы XVIII века, не меньшее, чем Карамзин, от которого, вслед за досоветскими

литературоведами, признавалась основополагающая роль в формировании первого периода литературы XIX в.

В послевоенное время вопрос о месте и значении Радищева в истории литературы XVIII века перерос в более широкую проблему — об общем пути развития литературы этого периода, о ее философском смысле. Во время радищевских юбилеев 1949 и 1952 годов выросла огромная литература об этом писателе. Им стали заниматься не только литературоведы, но — с большей или меньшей степенью осведомленности в общем литературном процессе XVIII века — и историки, и философы, и экономисты, и юристы. Совместными усилиями всех этих специалистов, часто противоречивших друг другу в своих исходных положениях и, в особенности, в конечных выводах, «проблема Радищева» была во многих пунктах прояснена. Было признано, что, подобно тому, как и вся русская литература XVIII века представляет органическое явление, выросшее на почве национальных традиций и усвоения и переработки западных достижений, так и Радищев сложился как закономерный факт и фактор русской и европейской литературы, науки и общественной мысли XVIII века. Было также признано, что главная суть вклада Радищева в русскую литературу заключается в его последовательном демократизме и революционных выводах его философии. Однако по вопросу о характере этой революционности — демократическом или дворянском — дискуссии еще продолжаются. Больше того, высказываются даже мнения, что последовательным демократом и революционером считать Радищева не следует. Эти рецидивы досоветских трактовок Радищева не могут не вызвать огорчения.

Исследование деятельности предшественников Радищева — Ломоносова, Фонвизина, Новикова, а также его современников и ближайших сторонников, начавшееся еще в довоенный период (в работах Г. А. Гуковского, И. К. Луппола и В. Н. Орлова), было с особой углубленностью продолжено в послевоенное десятилетие в монографиях Г. П. Макогоненко «Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века», 1951, и В. Н. Орлова «Русские просветители 1790-х—1800-х годов», 1950. В этих больших работах и в ряде меньших по объему статьях было освещено своеобразие русского Просвещения и отдельных просветителей. Хотя с некоторыми положениями, выдвинутыми в указанных работах, — например с узостью хронологических рамок и неполнотой признаков русского Просвещения, — согласиться нельзя, в то же время необходимо признать исключительно большое значение самой постановки данного вопроса.

Среди тем, особенно выдвинувшихся в течение последнего десятилетия и ранее занимавших едва заметное место в исследованиях по истории русской литературы XVIII века, в первую очередь должно назвать тему связи литературы этого периода с народным творчеством и несколько шире — тему фольклоризма русских писателей. Здесь следует указать работы М. К. Азадовского, Н. В. Баранской, Г. И. Бомштейна, С. Ф. Елеонского, А. В. Кокорева, В. Д. Кузьминой и др. Проблема соотношения фольклора и литературы XVIII века естественно связана и с изучением истории фольклора XVIII века. И в этом отношении в послевоенное десятилетие имеются значительные достижения, в частности в т. I и т. II, вып. 1 коллективного труда Института русской литературы (Пушкинский Дом) «Русское народное поэтическое творчество» и другого коллективного труда под таким же названием, вышедшего под ред. П. Г. Богатырева. Эти книги содержат множество ценнейших статей, широко раздвигающих границы наших прежних представлений о фольклоре XVIII века.

Вместе с тем, новые материалы показывают, что фольклоризм русских писателей изучен совершенно недостаточно. На очереди стоит обследование отношения (в теории и практике) к фольклору Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Державина, Радищева, да и всех остальных писателей XVIII века.

Близкую по характеру тему, также выдвинувшуюся в послевоенное десятилетие, представляет «старая традиция» в литературе XVIII века. Эта тема была поставлена еще А. Н. Пыпиным в статье «До-Петровское предание в XVIII-м веке» (1886). Остановившись в этой работе на «старине в нравах и бытовых понятиях» и «на продолжении старых понятий в литературе», А. Н. Пыпин, как и полагается большому ученому, выступил против традиционного взгляда на литературу XVIII века как на явление, полностью оторванное от старых национальных традиций. Либерал-западник по своим политическим убеждениям, А. Н. Пыпин этой своей работой, по существу, опровергал излюбленную западниками, усердно развивавшуюся ими концепцию о «несамостоятельности» и «подражательности» русской литературы XVIII века.

Однако сколько-нибудь заметного следа в литературной историографии XVIII века ни эта работа Пыпина, ни его книга «Для любителей книжной старины» (1888; перепечатано с дополнениями в «Сборнике Общества любителей российской словесности на 1891 год»), посвященная рукописной повести XVIII столетия, не оставили. Нельзя, правда, сказать, что

точка зрения Пыпина была забыта (ср. «Старорусскую повесть» Н. К. Пиксанова, 1923; книги П. Н. Сакулина по истории литературы XVIII века, 1919 и 1929), однако дальнейшей, углубленной разработки ее, привлечения нового материала, марксистского осмысления ее в советском литературоведении до послевоенного периода мы не находим.

Зато в последнее десятилетие были опубликованы очень свежие по материалу и по подходу статьи на данные темы Е. А. Касаткиной, В. Д. Кузьминой, С. Ф. Елеонского, Д. М. Молдавского и др. В результате этих работ и пересмотра старых фактов определился иной взгляд на традиционную схему. Сейчас вопроса о «разрыве» между «старой традицией», между «допетровским преданием» и литературой XVIII века не существует. Русский литературный процесс рассматривается в своем единстве и целостности. «Европеизация», если пользоваться термином, возникшим в XIX веке и применявшимся и В. И. Лениным, — европеизация русской литературы XVIII века представляла не перерыв в развитии русского литературного процесса, а лишь одну из форм этого развития.

К числу небольших, но принципиально очень важных тем, разработка которых по-настоящему началась в послевоенное десятилетие, относится изучение взаимоотношений русской литературы XVIII века и современных ей литератур народов тогдашней России. Среди немногочисленных работ на эту тему особенно следует отметить статьи киевского литературоведа Ф. Я. Шолома, посвященные изучению русско-украинских связей XVII—XVIII в., в частности связей украинских сатириков 40—50-х годов XVIII века с творчеством Кантемира («Російсько-українські літературні зв'язки після возз'єднання України с Росією в 1654 році», 1954; «Російсько-українські зв'язки в галузі громадсько-політичної поезії XVIII століття», 1952). В своей диссертации, отдельными главами которой являются опубликованные автором статьи, Ф. Я. Шолом пошел значительно дальше и методологически правильнее старой работы В. Н. Перетца о неизвестных подражателях Кантемира (1928). Однако надо признать, что вообще в области изучения связей русской литературы XVIII века с современными ей литературами народов, уже тогда входивших или позднее вошедших в состав России (белорусы, грузины, армяне), сделано еще очень мало.

Настоящая статья не является историографическим отчетом — тем более отчетом библиографическим — о развитии изучения литературы XVIII века в послевоенное десятилетие. По-

этому имена многих литературоведов, успешно и с пользой работающих в области исследования литературы этого периода (например, Д. С. Бабкин, Л. В. Крестова, Н. Л. Степанов, А. П. Могилянский, Д. Д. Шамрай, И. З. Серман, А. В. Западов, Л. И. Кулакова, Л. Б. Светлов, Ф. Я. Прийма, Ю. М. Лотман, П. А. Орлов и др.), нами не упомянуты, так как ход изложения этого не требовал. Задача настоящего обзора иная. Нам казалось целесообразным предварить предлагаемый третий выпуск сборника «XVIII век» некоторой характеристикой сделанного и наброском того, что необходимо сделать для дальнейшего развития нашей отрасли советского литературоведения. Поэтому были выделены те вопросы, которые нам кажутся существеннейшими и характеризующими как современное состояние изучения литературы XVIII века, так и его предшествовавшие этапы.

Рассмотренные выше материалы позволяют сделать наблюдение: вопросы художественного метода в литературе XVIII века и в особенности вопросы литературного мастерства писателей XVIII века недостаточно, — чтобы не сказать вовсе, — не привлекали в послевоенное десятилетие внимания исследователей. Основательно показана органическая, хотя и своеобразная связь литературы XVIII века с современной ей русской и общемировой политической действительностью. Установлены соотношения между внутренней и внешней политикой Петра I, Елизаветы, Екатерины II и современной им русской литературой. Восстание под руководством Пугачева, американская и французская революция в их отношении к тогдашней русской литературе также исследованы достаточно внимательно. Конечно, не следует считать все сделанным, все факты установленными, все материалы исчерпывающе осмысленными. Изучать политическую связь русской литературы XVIII века с русской жизнью этого столетия необходимо. В частности очередной такой проблемой, несмотря на наличие нескольких диссертаций, остается творчество Кантемира.

Однако следует помнить простую истину, что связь русской литературы XVIII века с тогдашней современностью не отменяла ее эстетической природы как словесного искусства. Значит, не отказываясь от дальнейшего изучения этих связей, мы должны больше уделять внимания изучению теоретических, эстетических взглядов русских писателей XVIII века, их литературному мастерству, их художественной практике. Это позволит вновь вернуться к еще недостаточно выясненному вопросу о литературном стиле или литературных стилях XVIII века и решать его не умозрительно, как это делалось в 20—30-х годах

в статьях о русском барокко и русском классицизме, когда авторы оперировали очень ограниченным кругом материалов.

Предстоит большая задача продолжить изучение вопроса о русской литературе XVIII века как части мирового литературного процесса, об изучении русской литературы на Западе в XVIII же столетии, о формах, причинах и целях отдельных усвоений русскими писателями XVIII века достижений античной, западных, восточных и славянских литератур. Вопрос о связях русской литературы XVIII века с современными ей славянскими литературами, — прежде всего с польской, а также с другими, — еще почти не затронут.

В связи со всем сказанным необходимо признать, что плодотворное изучение литературы XVIII века требует всемерного расширения круга исследуемых материалов. Остаться на том уровне фактических знаний, который был достигнут нами в предшествующем десятилетии, наша ветвь советского литературоведения не должна. Может быть, нас ждут какие-нибудь значительные находки; но дело не в них, главное заключается в широком привлечении как можно большего количества неиспользованных рукописных и печатных источников, действительно раздвигающих границы наших знаний в области литературы XVIII века. Надо помнить, что дореволюционное литературоведение вообще было мало активно в разыскании материалов. В советские годы сделано в этом отношении много больше. Однако надо систематически обследовать все государственные архивы и рукописные отделения библиотек, чтобы создать полный свод существующих рукописей анонимных и авторских произведений XVIII века.

Надо всячески способствовать созданию сводного каталога печатных изданий XVIII века, имеющихся в крупнейших научных библиотеках СССР.

Необходимо подготовить полную библиографию литературоведческих работ по изучению XVIII века хотя бы с 1901 г., считая, что для предшествующего периода до известной степени можно пользоваться «Русской словесностью с XI в. по XIX в. включительно» А. В. Мезьер.

Необходимо признать, что существующие иготавливаемые в издательстве «Советский писатель» (в обеих сериях «Библиотеки поэта») сборники стихотворений поэтов XVIII века, сыгравшие полезную роль в период популяризации литературы этого столетия, сейчас уже не могут удовлетворить потребностей нашей науки. Поэтому следует добиваться — конечно, не сразу, а постепенно — включения в серию академических изданий русских классических писателей полных собраний сочинений Канте-

мира, Фонвизина, Капниста, Крылова, Сумарокова, Карамзина, Тредиаковского, Плавильщикова и др.

Надо совместно с советскими лингвистами приступить к созданию исторического словаря русского литературного языка XVIII века, без которого серьезное изучение вклада отдельных писателей этого периода в развитие языка невозможно.

Надо координировать наши исследования по XVIII веку с работами прогрессивных зарубежных литературоведов для совместного решения ряда проблем, которые в одиночку либо не будут рассмотрены вовсе, либо будут осуществляться много лет.

Благоприятные условия, существующие в настоящее время для всего советского литературоведения, дают основание ожидать дальнейшего успешного изучения литературы XVIII века. Эта ветвь советской литературной науки на своем материале должна решать те же задачи, что и вся советская наука в целом.

А. В. ПОЗДНЕЕВ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЭЗИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Взгляд на литературу Петровского времени, установившийся в первой половине XIX века на основе высказываний Пушкина, Марлинского и, в особенности, Белинского и состоявший в полном отрицании ее существования, в середине прошлого столетия сменился тезисом об особом характере литературы того периода. Это положение было сформулировано в одной из первых диссертаций, посвященных изучению литературы Петровского времени, в книге Н. А. Попова «В. Н. Татищев и его время» (М., 1861). В тезисах этой диссертации мы читаем: «Литература, сопровождающая преобразования Петра и последовавшая за ними, отличалась преимущественно ученым направлением... взгляд на науку и литературу, господствовавший в тогдашнем обществе, был исключительно утилитарным».¹

Сейчас, почти через сто лет после этих высказываний, взгляд на литературу Петровского времени мало изменился. Д. Д. Благой в своей «Истории русской литературы XVIII века» в таких словах характеризует литературу начала XVIII века: «Новая художественная литература... смогла возникнуть далеко не сразу. Есть периоды в истории литературы, в которые развитие ее опережает собой развитие политических форм и общественных отношений... Наоборот, в эпоху политических бурь и социальных преобразований, ломки привычных форм жизни и возникновения нового литература нередко не поспевает за этим процессом, отстает от действительности. Так это было у нас в эпоху Петра... Литература Петровского времени... всю первую треть века... разрабатывала

¹ Тезисы найдены в архиве И. Е. Забелина. (Синодальная библиотека Государственного исторического музея).

это новое содержание в старых традиционно унаследованных формах...»²

Между тем в изучении литературных произведений Петровского времени за этот столетний период был сделан ряд открытий: почти одновременно с трудом Н. А. Попова о Татищеве была напечатана уже в 1862 году в журнале «Время» работа М. И. Семевского «Семейство Монсов», вышедшая и отдельным изданием; в ней были приведены тексты найденных Семевским в архиве казненного в 1724 году Виллима Монса нескольких «стихов»: «Ох, свет мой горький моей молодости», «Ох, коль тягость голубю без перьев летати», «Ох, жалею несносный, где золотые лета» и «Ах, что есть свет и в свете все противное». В 1862 году вышел в свет известный труд П. П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом», в котором значительная часть первого тома посвящена художественной литературе. В 1881 году в «Трудах IV археологического съезда» было опубликовано описание трех рукописных песенников XVIII века, поступивших в Петербургскую публичную библиотеку и известных под фамилией их бывших владельцев — Рубелева и Соболевского. В 1891 году в «Описании рукописей Тверского музея» М. Н. Сперанского было приведено рукописное описание пяти сборников песен середины XVIII века (№№ 152, 153, 156, 162, 186). В 1880—1900-х годах отчеты Публичной библиотеки включают в себя краткие сведения о поступивших в Рукописное отделение рукописных песенников первой половины XVIII века, в том числе песенников Q.XIV.127 и Q.XIV.141. Все эти сборники, а также еще некоторые³ (всего 25 рукописей русских и украинских второй половины XVII и XVIII веков⁴) В. Н. Перетц использовал в своих «Историко-литературных исследованиях и материалах» (т. I, СПб., 1900), где речь идет о возникновении русской лирики в XVII—XVIII веках на основе заимствований из западных литератур. В 1905—1906 годах В. Н. Перетц напечатал в «Журнале министерства народного просвещения» большую статью «Очерки по истории поэтического стиля в России», а в 1909 году вышла книга А. А. Веселовского (сына) «Лю-

² Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. 2-е изд., М., 1951, стр. 43—44; ср.: 3-е изд., М., 1955, стр. 33.

³ Украинские рукописные песенники: Ягельницкого-Гриневича, 1718—1727 годов (описан Грушевским — «Зап. Наук. т-ва ім. Шевченка», т. XV, стр. 78—83); Дзюбаревича, конца 1720-х годов (БАН, 16.6.29); Собр. рукописей Уварова 21830/50 и Вахрамеева 563 и 566 (в ГИМ); Ундольского 897, 898 и 900 — в БЛ; БАН, 16.6.32, некоторые другие.

⁴ Главным образом содержащие духовные песни.

бовная лирика XVIII века».⁵ Оба эти труда посвящены в значительной мере анализу поэтических средств любовной лирики Петровского времени на основе изучения сборников песен преимущественно середины XVIII века с добавлением некоторых других более поздних второй половины XVIII века.⁶

Выводы названных исследований состоят в том, что новая силлабическая поэзия возникла у нас в 1663—1680 годах трудами пришельца с Запада Симеона Полоцкого, принесшего в Москву польско-украинскую традицию; что новая лирика начала развиваться в Петровскую эпоху и особенно во второй четверти XVIII века на основе образцов польско-украинской народной и искусственной поэзии, а также немецкого романса — при преимущественном участии приезжих украинцев и немцев. К Петровскому времени можно отнести лишь немного лирических произведений и нежных песенок, и в качестве их авторов называются люди «чаще всего светские, близкие ко двору»⁷ — верхи тогдашнего общества или иностранцы; остальная часть произведений была анонимна.

Такое понимание процесса созидания новой лирики сразу встретило возражения со стороны ученых, считавших эту трактовку недоказанной. А. И. Соболевский находил подобные выводы В. Н. Перетца преждевременными, так как последний использовал далеко не все известные рукописные сборники песен; по мнению рецензента, лишь в немногих песнях могут быть признаны несомненные следы украинского влияния, остальные же — очень близки к народным.⁸ П. И. Житецкий ставил в вину В. Н. Перетцу ограничение его исследования вопросами формы и отсутствие у него интереса к содержанию, а также игнорирование произведений, представлявших переходную ступень между виршами и народной песней. Возражал он и против метода, применявшегося В. Н. Перетцом, возведения отдельных песен к польскому оригиналу на основании наличия в них полонизмов; полонизмов было много и в украинской речи.⁹ Любопытное предположение высказал В. В. Сиповский, впрочем, не подтверждая его никакими доказательствами, что, «быть может, даже эта любовная лирика, т. е.

⁵ Эта книга основана на материале 12 печатных и 11 рукописных песенников.

⁶ Тверск. муз. 823, 1762 г. (ныне эти рукописи в Калининском областном архиве).

⁷ Д. Благой. История русской литературы XVIII века, 3-е изд., стр. 46.

⁸ ЖМНП, 1901, VI, стр. 521.

⁹ Отчет о присуждении премий митрополита Макария. Сб. ОРЯС, т. 73. № 3, стр. 1—102.

русская Петровского времени, начала складываться у нас в России (в Москве преимущественно) независимо от немецких и польских влияний (церковно-славянизмы) и лишь позднее, в своем конечном развитии, эта струя оригинального творчества слилась и смешалась с другими влияниями родственными, но более значительными».¹⁰

Однако все эти справедливые возражения в дальнейшем учеными не были использованы, так как требовали нового изучения рукописных сборников, и в общие курсы истории русской литературы XVIII века (А. С. Архангельского, Е. Б. Петухова, П. Н. Сакулина, издания АН СССР и др.) вошли положения В. Н. Перетца, принимавшиеся с теми или иными ограничениями, но без принципиальной их критики. Правда, ученые иногда добавляли от себя некоторые новые положения. Так, отмечалось наличие в Петровское время других жанров — кроме любовной интимной лирики — например застольной песни, а равно подчеркивался тот факт, что эти стихи пелись (под аккомпанемент лютни), распространяясь и с голоса и в списках. Таким образом, рядом с виршами — стихотворениями — появлялись иные виды поэтических произведений — искусственные, книжные песни. Д. Д. Благой отмечает существование у нас, рядом с иностранными, и собственных поэтов (и даже поэтесс), слагателей любовных стихов, чьи произведения в ряде случаев предназначались для пения. А. В. Западов¹¹ и И. Н. Розанов¹² подчеркивают роль зрительного впечатления в виршах, на чем основано появление акростиха; И. Н. Розановым также подчеркивается, что интерес к звуковой стороне стиха появляется у нас поздно и растет постепенно, причем так же поздно появляется и деление на строфы, чего ранее не было.

Однако при изучении лирики Петровского времени был допущен и ряд ошибок. Во-первых, источники — рукописные сборники песен — использовались в работе без их палеографического описания, и если указывалась их датировка, то без приведения каких-либо ее обоснований.¹³ Во-вторых, для работы

¹⁰ В. В. Сиповский. Русская лирика, вып. 1. 1914, стр. 36.

¹¹ История русской литературы под ред. В. А. Десницкого, т. I, ч. 2 Учпедгиз, М.—Л., 1941, стр. 16—20.

¹² История русской литературы, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 138.

¹³ Например, сб. ГПБ Q. XIV. 141 был отнесен и к началу XVIII века и ко времени до 1747 года (середина XVIII века): В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 1. СПб., 1900, стр. 160 и 175—176.

не привлекались многие важные рукописи: так, не подвергались изучению многочисленные песенники рукописного собрания Титова,¹⁴ Государственного исторического музея, сборники Библиотеки Академии наук, собраний Погодина, Щукина, Забелина и др. В результате этого ряд ранних ценных рукописных сборников песен XVII и XVIII веков оставались вне поля зрения исследователей. В-третьих, использование песен из более поздних рукописных сборников (середины XVIII века) для характеристики лирики начала XVIII века производилось без достаточной осторожности — без учёта опасности, что на Петровское время могут быть перенесены черты, свойственные более поздним эпохам. Окончательные выводы были построены не только на позднем, но и на малочисленном материале, как уже было отмечено А. И. Соболевским.

Ошибкой исследователей было также и то, что для них сборники песен являлись чем-то единым, однотипным, лишённым индивидуального своеобразия. Если бы лица, изучавшие лирику Петровского времени расположили рукописные материалы последовательно с конца XVII века до конца XVIII века, тогда выяснилось бы, что мы имеем дело с определенной традицией: в сборники включались произведения лишь одного репертуара — например только одни песни — как духовные, так и светские, но не стихотворения как более ранние — силлабические (вирши), так и более поздние — силлаботонические, если они написаны были для чтения, а не для пения. Например, в эти сборники песен из огромного наследства Симеона Полоцкого в 4 тысячи виршей попадают только переложения псалмов из «Рифмотворной псалтыри» и около 10 песен и виршей, которые были положены на музыку и распевались; из стихотворных произведений Сумарокова в сборники, как правило, включались только его песни. Вводились в рукописные песенники и народные песни. В предназначенных же для чтения сборниках стихотворных произведений, которые дошли до нас от второй половины XVIII века (например, в записях учеников духовных семинарий),¹⁵ не встречаются духовные и светские песни. Все старейшие сборники песен XVII века и значительная часть таких сборников XVIII века содержат песни, написанные под нотами; в безнотных же сборниках, содержащих одни тексты песен, нередко встречаются указания, на какой голос исполняется песня. Наконец, из IV сатиры Кантемира, из

¹⁴ Краткое описание всего собрания Титова (Охранный каталог) было напечатано в 1892—1898 годах.

¹⁵ ГПБ Q. XIV. 115 и Тит. 4556; Тверск. муз. 187.

воспоминаний Болотова с описанием времяпрепровождения двора в 1740—1750-х годах и других материалов известно, что все эти песни действительно пелись, а кое-где сообщается, и как они сочинялись. Это приводит к выводу, что в сознании грамотных людей XVII—XVIII веков существовало строгое разграничение между книжной, искусственной (литературной) песней, которая бытовала в пении, с одной стороны, и стихотворными произведениями, в том числе виршами Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, П. Буслаева, А. Кантемира, В. Тредиаковского и других, которые были назначены для чтения, — с другой. Однако и духовная и светская песня, певшаяся в XVII—XVIII веках, резко отличалась от народной песни, с которою она имела только то общее, что и та и другая бытовали в пении, а не в чтении.

Другими словами, во второй половине XVII века и в XVIII веке, рядом с фольклором — народной песней, с одной стороны, и с виршевой литературой, которая назначалась для чтения, — с другой, существовала промежуточная форма творчества — книжная, или искусственная, песня. Можно даже утверждать, что эта книжная, или литературная, песня была основной формой лирического творчества вплоть до второй половины XVIII века. Отсюда неправильно рассматривать книжную (искусственную) песню как самостоятельный литературный жанр, целиком растворяющийся в поэзии по аналогии с положением, какое литературная песня («русская песня») занимала в первой четверти XIX века: книжная песня в XVII—XVIII веках была особым, отдельным и равноправным видом поэтического творчества рядом с фольклором и чисто словесной поэзией.

В это время в книжной песне мы выделяем ряд жанров: 1) песни духовные (хвалебные, или гимнография, и покаянные) и 2) песни светские, среди которых выделяются: а) любовные, застольные, юмористические, сатирические, гражданского характера (о воле) и б) панегирические (по существу относящиеся к песням гражданского характера).

Исследователи русской литературы конца XVII и начала XVIII в. не обращали до сих пор внимания на тот факт, что множество произведений Симеона Полоцкого и его учеников, а также И. Максимовича, Ф. Поликарпова и многих других стихотворцев тех лет дошло до нас буквально в единичных записях, тогда как тексты книжных песен даже от XVII века нам известны в десятках вариантов, а иногда и во много большем числе записей. Это значит, что виршевая поэзия не имела читателя. А. И. Белецкий недаром сказал, что «Симеону Полоц-

кому не удалось найти себе широкого круга читателей». ¹⁶ Исключением из этого, как мы отмечали выше, являются псалмы в стихотворном переводе Симеона Полоцкого, положенные на музыку дяком Титовым, и отдельные произведения его и некоторых других авторов, написанные в форме песен или положенные на музыку: они в XVIII веке пользовались громадным успехом и очень часто встречались в рукописных сборниках песен, — не потому ли, что бытовали в пении?

Стефан Яворский, Дмитрий Ростовский и Феофан Прокопович также сочиняли и силлабические вирши, предназначенные для чтения, и эти произведения (даже юмористические стихи Ф. Прокоповича) в ход не пошли, а их духовные и моралистические книжные песни, напротив, пользовались, судя по рукописным песенникам, огромной популярностью в XVIII в. Наконец, если обратиться к последующему поколению русских писателей, тех, с кого Белинский начинал новую русскую литературу (Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков), то все они начинали свое поэтическое творчество с сочинения светских книжных песен, а позже продолжали создавать одновременно и книжные песни (хотя иногда в небольшом числе) и чисто словесные произведения, назначенные для чтения.

Показателем того, что основной формой поэтического творчества во второй половине XVII века и первой половине XVIII века была книжная песня, является факт широкого распространения в Петровское время:

1) «кантов» — торжественных хвалебных песен в честь Петра и события его времени, которые являются предшественниками классицистической оды: от последней канты отличаются и тем, что они пелись, тогда как оды были назначены для чтения, и

2) псалмов — духовных песен, не включавшихся в богослужение, а исполнявшихся вне церкви — с восхвалением бога, святых и праздников или выражением сознания своей греховности и раскаяния.

Если эта панегирическая и религиозная лирика в Петровское время существовала в формах книжной, искусственной песни, то отсюда можно сделать вывод, что и другие виды лирики существовали в формах той же книжной песни, а не в виде вирш и стихотворений.

Что между народной песней (фольклором) и рукописной книжной письменностью, присущей феодальному средневековью, с одной стороны, и новой литературой, выявляющейся

¹⁶ История русской литературы, т. III. Изд. АН СССР, стр. 12

в словесных формах, с другой стороны, должна быть промежуточная стадия развития, которая по содержанию близка к последней, а по песенной форме — к фольклору, это явствует из изучения литературы других народов. История польской и чешской литератур показывает, что подобная книжная песня была широко распространена в Чехии и Польше: в Чехии духовная — со второй половины XIV века, светская — в XV веке,¹⁷ в Польше — духовная в XV веке, светская — позже, особенно в первой половине XVII века.¹⁸ Родоначальники новой польской литературы, писатели XVI века Николай Рей и Ян Кохановский сочиняли одновременно и в формах песни («Трены» Кохановского, его песенные переложения псалмов и т. д.)¹⁹ и в формах чисто словесных произведений. В Польше и Чехии в XV—XVII веках были широко распространены канционалы, т. е. сборники духовных песен. Развитие немецкой литературы связано с мейстерзангом и миннезангом, т. е. песнетворчеством. В XIV—XV веках у мейстерзингеров преобладает духовная тематика. Ганс Закс (1495—1576) сложил более 4 тысяч песен. М. Лютер выпустил сборник духовных песен. Ф. Энгельс поставил в заслугу М. Лютеру создание псалма «Eine feste Burg ist unser Gott», марсельезы XVI века. Подобный же факт мы имеем для второй половины XVIII века в сербской литературе.²⁰ В туркменской литературе поэтические произведения классиков XVIII—XIX веков (Махтум-Кули, Шабенде, Шейдаи, Зелили, Сеиди, Кеминэ, Молла-Непес и др.) широко пели в народе бахши, певцы-исполнители (хотя песни первоначально были записаны и самими певцами-поэтами — шахирами); в советское же время они были вновь записаны с голоса; лишь традиция восточной поэзии упоминать имя автора (в последней строфе) позволяет отнести многочисленные песни к определенным поэтам и составить, таким образом, собрания песен этих авторов.²¹

Нужно отметить, что книжная (литературная) песня — это поздний этап в развитии песни. Она сочиняется не как народ-

¹⁷ Staročeská lyrika. Melantrich. V Praze, 1940.

¹⁸ K. B a d e c k i. Polska lyrika mieszczańska. Piesni — tance — padwany. Lwów, 1936; J. K r z y ż a n o w s k y. Historia literatury polskiej. Warszawa, 1951.

¹⁹ В русских рукописных песенниках конца XVII века встречаются в польском стихотворном переводе Я. Кохановского 12 псалмов, написанных по-польски русскими буквами в том числе «Седзионц на niskих брзгах бабылонских вод» (пс. 136) и «Кто се в опеке пода пану свему» (пс. 90).

²⁰ Т. О с т о и ћ и В. Ђ о р о в и ћ. Српска грађанска лирика XVIII в. Белград—Карловци, 1926. См. также: «Известия по РЯС АН СССР», т II, кн 2, Л., 1929, стр. 703—704 (рецензия М. Сперанского).

²¹ Антология туркменской поэзии. М., 1950, стр. 17—18.

ная песня (одновременно с напевом, присущим данному тексту):²² книжная песня создается или вместе с напевом (поэты-песнопевцы второй половины XVIII века были уставщиками, т. е. регентами хоров; Тредиаковский сложил и текст и напев песни «Да здравствует императрикс Анна»)²³ или же она кладется на напев другими лицами (напевы Титова к псалмам в переложении Симеона Полоцкого; сочинение музыки к песням Сумарокова Белиградским — по свидетельству Штелина); возможно, наконец, сложение книжной песни на мотив другой песни. В отличие от народной, книжная песня сразу или вскоре же записывается; ей свойственны и зрительное ее восприятие одновременно со слуховым, например с применением формы акростиха.

Итак, светскую поэтическую литературу Петровского времени нужно искать в рукописных песенниках XVIII века. Но так как песенники являются записью книжных песен (а частично и народных), поющих в данное время и нравящихся его составителю, то, очевидно, в нем книжные песни помещаются независимо от времени их создания. Другими словами, рукописные песенники середины XVIII века включают в себя песни, сложенные и в Петровское время, и в последующие десятилетия, и выделить из них только первые — при полной неизученности книжной песни — весьма трудно.

Следовательно, одной из основных задач при изучении лирики Петровского времени является вопрос об отыскании рукописных сборников, написанных в первую четверть века, с параллельным выявлением всех песенников, относящихся к первой половине XVIII века (от какого времени их дошло вообще немного).

Последовательно проведенное обследование основных архивов позволило нам обнаружить 35 рукописных песенников, созданных в первой половине XVIII века, из которых 8 содержат одни духовные песни или духовные и панегирические (хвалебные). К сожалению, основная масса сборников песен относится к 1740-м годам, а песенники с светскими песнями, написанные в первую четверть XVIII века, среди них единичны; старейшими являются 5 рукописных песенников, относящихся: 1) Тит. 4487 — к 1724 году, 2) три — к концу 1720 — началу 1730-х годов (БАН 25.7.14, 5-я тетрадь в сб. Лен. 10.348,

²² «Для народного певца текст немислим без напева, а напев без текста» (Великорусские песни в народной гармонизации записаны Линевою, вып. 1. Изд. АН, СПб., 1904, стр. V).

²³ П. П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. 25.

Куранты), 3) один к 1730-м годам (Син. 316).²⁴ Состав песен в этих сборниках, оказывается, значительно отличается от песен в сборниках 1740-х годов. Такое положение позволяет рассматривать творчество книжной песни Петровского времени только целиком и затрудняет изучение процесса их развития в этот период, а равно определение времени, когда оно началось. Это заставляет обратиться к изучению книжной песни второй половины XVII века, чтобы решить вопрос, какую традицию светская лирическая песня Петровского времени могла получить в наследство от предыдущей эпохи.

Изучение 12 рукописных песенников, а также других сборников, относящихся к последней четверти XVII века (или самое позднее — к началу XVIII века), позволило установить, что рядом с силлабическими виршами Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева и Кириона Истомина, сочинениями, предназначенными для чтения, во второй половине XVII века существовало большое количество книжных силлабических песен (их удалось обнаружить около 380). В громадном большинстве — это духовные песни, по преимуществу гимнография. Но среди них встречаются и отдельные светские песни исторического содержания: силлабическая историческая песня о взятии Смоленска, написанная, очевидно, в 1654 году, три песни на воссоединение Украины с Россией, тоже 1654 года, и др. К этому же времени относятся и духовные песни, связанные с событиями 1654—1655 годов (на привоз Иверской иконы и построение Иверского монастыря патриархом Никоном). Большинство этих духовных песен входит в четыре старейшие рукописные песенника, составленные в 1676—1680 годах (Лен. 10944, ГПБ, Погод. 1974, ГИМ, 1743 и 1938); это позволяет утверждать, что сочинение духовных книжных песен относится к 1650—1680-м годам и что к 1680-м годам основная деятельность стихотворцев этой области была почти закончена.

Хотя эта религиозная лирика по содержанию однообразна, но в ней резко выделяются два противоположных направления: с одной стороны, духовные книжные песни, близкие к зарубежным песням Запада, которые отражают художественные явления стиля барокко:²⁵ они построены на резко эмоциональном переживании сознания своей греховности, выражающемся чуть ли не в крике и доведенном до высших пределов («Мария,

²⁴ Кроме того, в сборнике Тверск. 162 написаны первая часть, содержащая одни духовные песни, в 1716 году, а следующая, где находятся светские песни, — в 1730—1740-х годах.

²⁵ Для этого стиля характерно постоянное смятение, движение, неувлеченность (в живописи, скульптуре, архитектуре, литературе).

спаси, спаси, погибаю»); с другой стороны — песни созерцательного, более описательного характера — «эпические», несколько отвлеченные, свойственные православному Востоку: чувство в них звучит очень приглушенно. Песни первой группы воспевают чаще всего богородицу, праздник рождества, песни второй группы — троицу, спасителя, праздник пасхи. Рядом с этими песнями в рукописных песенниках встречаются духовные песни на польском языке, написанные русскими буквами, но большинство последних встречается по одному разу в одном песеннике. Наибольший интерес представляют для нас духовные песни второй группы — наиболее оригинальные, созданные в Московский Руси самостоятельно, без западного воздействия (если не считать использования принципа силлабики).

Эти духовные песни созерцательного характера представляют собой единство — по манере письма, по применяемым поэтическим средствам, по использованию самых редких и наиболее трудных приемов поэтической техники (звукопись, применение композиционных стыков, словотворчество, оригинальная образность и т. д.), что позволяет предполагать сочинение их одним талантливым автором, певцом-поэтом. В XVII веке они пользовались большой популярностью: в 12 сборниках песен они встречаются по 7—10 раз. Имя автора или авторов этих песен не называется, но по их содержанию можно заключить, что автор был высокообразованный монах, знаток и, возможно, составитель гимнологической церковной поэзии (канонов, тропарей и акафистов), великолепно знающий греческий язык; есть данные считать, что он был кабинетный ученый, склонный к философствованию, выходец из Галиции, миновавший схоластическое образование (Киево-Могилянской академии), умерший до 1680 года. Эти данные позволяют предположить, что автором песен эпического характера был Епифаний Славинецкий. Его обычно рассматривали как «проповедника и руководителя исправления книг» — помощника Никона. Однако переводческая деятельность характеризует его как ученого-энциклопедиста, переводчика книг по истории, географии, медицине, педагогике и другим наукам. Он переводил знаменитый трактат Везалия по анатомии, трактат Блеу по географии и космографии, пропагандирующий систему Коперника, признанную у нас только в 1760-х годах, и т. д.

Рядом с этими духовными песнями выделяются 14 других гимнологических духовных песен с весьма сложными акростихами, вскрывающими имя их автора — Германа (Воскресенского), сначала простого монаха, потом типикаря, или уставщика (регента хора), строителя (т. е. заведующего монастыря

скими именами), иеромонаха. Это — Герман, архимандрит Новоиерусалимского монастыря, умерший в 1681 году, ученик и почитатель патриарха Никона. Духовные песни показывают в авторе мастера акростиха, причем поэт-песнопевец, связывая акростих с содержанием и композицией песни, много работает над своими произведениями. Любопытен акростих «Мая месяца болезнен» в его песне «Память предложити смерти» — описание переживаний в связи с приближением смерти, робкое проявление в поэзии личных переживаний авторов (здесь же первое упоминание «работных» людей). Герман известен также как автор эпитафий на могиле Никона.²⁶

Другие акростихи, надписи и косвенные указания позволяют узнать еще некоторых авторов духовных песен и стихов: Василия, Никанора, Мардария (не Хоникова ли — автора перевода латинских стихов и Библии Пискатора?), иеродиакона Дамаскина, возможно — Кариона Истомина. Все эти имена ведут нас в тот же Новоиерусалимский монастырь и позволяют говорить о существовании в 1660—1670-х годах школы духовной песни, образовавшейся в окружении патриарха Никона. В песенниках 1680-х годов есть также песни Дмитрия Ростовского, Герасима Парфеновича, Симеона Полоцкого.²⁷

Духовные песни из рукописных песенников начала 1680-х годов говорят о большом строфико-ритмическом мастерстве их авторов в силлабическом стихосложении. В них встречается такое богатство строфических построений, простых и сложных ритмических сочетаний, что на вирши Симеона Полоцкого, его учеников и силлабических поэтов XVIII века приходится смотреть уже как на обеднение традиции духовной песни второй половины XVII века, забвение многих сторон ее и неумение использовать ее возможности. Силлабический стих в книжной песне иногда приближается к силлабо-тоническому.

Но среди духовных песен из рукописных песенников 1680-х годов встречаются такие, на которые можно смотреть как на переходные к светским. Таковы высокохудожественные стихотворные переложения пяти глав «Песни песней», в которых можно предполагать зародыш русской любовной лирики. В духовной песне «Федор славный воевода» воспевается и свя-

²⁶ Подробнее о нем см.: А. В. Позднеев. Песни-акростихи Германа. ТОДЛ, XIV, стр. 364—370. *Прим. Ред.*

²⁷ В состав «Вертограда многоцветного» входит несколько стихотворений Симеона Полоцкого, названных им «песнями», — они-то и встречаются в рукописных песенниках; здесь есть еще несколько его стихотворений, очевидно также положенных на музыку.

той Федор Стратилат, и царь Федор Алексеевич. Эта песня является зародышем панегирических песен в честь царя, как и песня «Мессия прииде в мир истинный», рассказывающая о чуде в Кане Галилейской, с веселым припевом: «Всем вино, вино, вино, лучше неже впредь было» (прототип застольных песен). Итак, можно считать, что светская лирика зарождалась в недрах духовной лирики XVII века.

Возникновение в Петровское время любовной «лирики», обнаруживаемой в рукописных сборниках песен середины XVIII века, при наличии в Московской Руси в XVII веке однообразного в ритмико-строфическом отношении словесного творчества Симеона Полоцкого и его учеников до сих пор приводило историков русской литературы к выводу о ее возникновении под воздействием польско-украинских виршей и немецкого романса. Но наличие во второй половине XVII века духовной песни эпического характера и, наконец, таких же песен переходного от духовных к светским дает новое объяснение появлению светских книжных песен: последние связаны с русскими же духовными песнями XVII века, о чем свидетельствуют и изобразительные средства песен Петровского времени. Однако отнесение В. Н. Перетцом очень многих песен Петровского времени к числу украинских народных и книжных песен выдвигает необходимость проверки возможности и такого их происхождения.

В. Н. Перетц изучал вместе и русские и украинские песенники XVIII века. Между тем, в XVII и в XVIII веках украинская культура и литература хотя и были близки к русской, однако развивались самостоятельно и в различной культурной и политической обстановке переживали разные этапы развития — вследствие того, что Украина с XV до XVII века входила в состав Польско-Литовского государства. Поэтому методически правильнее изучать русские и украинские сборники книжных песен отдельно.

Факт влияния украинской и польской поэзии на русскую В. Н. Перетц утверждал, исходя из наличия в языке духовных светских песен тех или иных украинизмов и полонизмов: фонетических (чтение «ять» как «и»), лексических (появление украинских слов «мушу», «мусишь», «що», «чи» и т. п.). Между тем такие украинизмы мы находим у ряда писателей, которые украинцами не были (у Германа, Кантемира и др.). Тредиаковский²⁸ возражает против применения формы слов, близких

²⁸ В. К. Тредиаковский. Стихотворения. «Библиотека поэта», Малая серия. М.—Л., 1935, стр. 345.

к украинским (э глубины души, мою способ), называя их поэтическими вольностями (*licentia poetica*) и рассматривая их с точки зрения тогдашней теории стихосложения. Кроме того, наличие в памятниках XV и XVI веков фонетических и лексических «южнославянизмов» не доказывало факта их перехода из Болгарии и Сербии в Московскую Русь, а было результатом «моды» того времени. Все это позволяет считать, что украинизмы в рифмах и украинские лексические формы были свойственны литературному языку Москвы конца XVII—начала XVIII века, каким являлся церковно-славянский, и применялись рядом с русскими формами. Тщательное изучение рукописных украинских сборников песен XVII—XVIII веков показало, что в них не только отсутствует большинство светских книжных песен, которые В. Н. Перетц причислил к украинским, но и самые такие песенники XVIII века, как правило, содержат преимущественно духовные песни. Следовательно, тезис В. Н. Перетца о сложении в Москве начала XVIII века любовных песен под влиянием украинских песен в лучшем случае требует значительного ограничения. Мы здесь имеем дело с другим явлением. В Петровское время и позже в Россию переселялось очень большое число украинцев, окончивших Киево-Могилянскую академию, которые занимали должности иерархов, настоятелей монастырей, профессоров, учителей, делопроизводителей, секретарей и т. п. Здесь, в России, они находили свою вторую родину, но и при обрусении сохранили в своем языке много украинизмов. И вот среди этих украинцев бытовали, с одной стороны, песни, вынесенные ими с Украины, а с другой стороны — сочиняемые ими здесь, но остававшиеся не известными на Украине. Последние песни, несмотря на наличие в них украинизмов и одновременное употребление одних и тех же слов то в русской, то в украинской форме, украинскими мы признать не можем, это скорее своеобразные украино-русские песни. Да и изучение русских рукописных песенников XVIII века показывает, что удельный вес «украинских» песен в них не так велик и что чаще всего такие песни встречаются лишь в единичных вариантах. Итак, тезис В. Н. Перетца о создании любовной лирики Петровского времени в результате и по образцу украинской книжной песни не может быть признан непоколебимым.

В какой социальной среде бытовала книжная песня, — вопрос, имеющий первостепенное значение. В. Н. Перетц, впервые начавший исследовать книжную песню, привел интересный, но все же неполный материал записей о принадлежности рукописных песенников XVIII века: владельцами их были «семина-

ристы, студенты, лица духовного звания, далее — купцы, канцеляристы, низшее офицерство и нижние чины». «Подобно рукописям переводных романов, сделавшихся уже во второй половине XVIII в. почти исключительно достоянием низшего класса, — рукописные сборники вирш, псалмов, кантов переписываются, передаются, продаются. . . и, переходя главным образом от семинаристов. . . в массы, служат проводниками и распространителями искусственной, а вместе с тем и заимствованной из малорусских и польских источников поэзии». Здесь состояние традиции во второй половине XVIII века показывается как конечная стадия процесса, в котором «чем далее, тем ниже опускаются рукописные сборники песен и кантов в народную среду».²⁹

Ознакомление с записями владельцев рукописных сборников песен в XVII и первой половине XVIII века свидетельствует об отсутствии в их составе лиц высшего класса; напротив — эти сборники в XVII веке принадлежат лицам низшего духовенства и частью приказным, а в первой половине XVIII века — учащимся, лицам низшего духовенства, приказным, канцеляристам, младшим военным (офицерам, младшему командному составу), купцам, мещанам, т. е. низшим и средним слоям городского населения (бытование рукописных сборников песен в деревне у крестьян отмечается только случайно). Тщательное изучение рукописных песенников второй половины XVIII века показывает, что именно только в этот период подобные сборники начинают бытовать и в дворянской среде,³⁰ почему несколько меняют и состав книжных песен: в них появляются песни более изысканного характера (многие песни Сумарокова)³¹ и песни на французском языке.

Таким образом, процесс бытования книжной песни в XVIII веке был совершенно иным, чем предполагал В. Н. Петрец: появившись во второй половине XVII века в среде средневековых грамотных слоев населения — черного и белого духовенства и приказных, она в первой половине XVIII века попадает и в близкие к последнему светские грамотные круги, характер которых расширяется вместе с ростом грамотности и

²⁹ В. Н. Петрец. Историко-литературные исследования и материалы т. I, ч. 1. СПб, стр. 298—307.

³⁰ См. сборники Микулинский, описанный Пыпиным («Отечественные записки», 1858, т. 116, кн. 1, стр. 301—340); БА, 8360; ГПБ Q.XIV. 124; Черкасовой (ИРЛИ, Рук. отдел, 1. Оп. 43, № 1) и некоторые другие.

³¹ Таков же состав песен первого печатного сборника песен Теплова 1759 года.

образованности. Только в середине XVIII века книжная песня с легкой руки Сумарокова попадает в помещичье-дворянскую среду, а затем начинает и бытовать в ней. Конечно, и во второй половине XVIII века основной базой книжной песни оставалась та же среда низших и средних классов городского населения. Не «опускание» песни из высших, будто бы более культурных, кругов в низшие, а, напротив, поднятие ее из грамотных кругов средних слоев населения в высшие дворянские слои общества, которым в массе была свойственна только внешняя «культура», — таков процесс развития книжной поэзии. Попав в дворянское общество, книжная песня сталкивается здесь с развившейся классицистической, чисто словесной литературой, бытовавшей в чтении, а не в песнях, — литературой, назначенной в значительной части для обслуживания дворянского общества.

Результатом этого процесса взаимодействия двух форм поэтического творчества — в связи с постепенным и все более широким развитием образованности, охватывавшим и дворянство и средние слои населения (что привело у нас к появлению интеллигенции), — и быстрого распространения народной песни было умирание книжной песни как самостоятельного вида словесного искусства и превращение ее в жанр поэзии: этот процесс начинается в последней трети XVIII века, сопровождается появлением печатных песенников (Чулкова, Трутовского, Новикова, Львова, Прача), содержащих одни светские книжные и народные песни, без духовных, и продолжается в первую и вторую трети XIX века; рукописные песенники 1780—1790-х годов начинают составляться частично путем переписки печатных песенников, однако продолжают жить до конца XVIII века. С 1790-х годов начинается выпуск массовых печатных песенников, ежегодно издававшихся уже с коммерческими целями, с репертуаром из одних светских песен, что вновь приводит в начале XIX века к изменению характера рукописных песенников. В них теперь помещаются преимущественно духовные песни и только частично — светские. Последние рукописные песенники, нам известные по архивным рукописям, относятся к 1850-м годам.³² Судьба рукописных песенников в дворянской среде была иной — они вытесняются в XIX веке альбомами стихов.

Тот факт, что книжная духовная и светская песня была весьма значительным явлением в литературной жизни XVII—

³² Во второй половине XIX века возникает новый вид рукописных песенников, никогда не привлекавших внимания исследователей, — сборников революционных песен. — Прим. Ред.

XVIII веков, доказывается наличием нескольких сот рукописных песенников 1676—1855 годов, из которых подверглись нашему изучению около 200 сборников и 20 тысяч вариантов песен.³³ После создания светской книжной песни в Петровское время она проделала весьма сложный и интересный путь развития; наиболее популярной она была во вторую треть XVIII века, когда в произведениях Кантемира, Тредязковского, Ломоносова и Сумарокова возникает новый вид литературы, назначенной для чтения. В эти годы книжная песня расширяется по своей тематике и формам творчества: только в книжной песне создается пастораль, первые образцы которой слагаются в силлабических и неумелых силлаботонических стихах ранней формации; позднее она развивается в силлаботонических стихах; пышный ее расцвет падает на 1740—1750-е годы; при этом русский вариант жанра пасторальной книжной песни мало похож на галантную западноевропейскую пастораль. Во второй трети XVIII века, эпоху становления и развития классицистического направления, слагаются повествовательные книжные песни, сначала натуралистического характера, потом — с элементами реализма, представляя большой интерес для историка литературы. Произведения сумароковской школы — лирические, любовные по преимуществу, книжные песни³⁴ — являются необходимым дополнением к литературе классицизма, которая в ее русском варианте почти не знала интимной любовной лирики (интимная лирика Державина выходит за пределы классицистического направления). Наконец в форме книжной песни создается и поздняя масонская песня, рационалистическая в 1750—1770-х годах (после чего масонство, а также и его поэзия принимают мистический характер). Если не изучать развития книжной песни в XVIII веке, то наше представление о поэтическом творчестве этой эпохи окажется сильно обедненным. Необходимо добавить, что русская книжная песня в XVIII веке развивается почти исключительно как светская книжная песня. Отдельные образцы русской любовной лирической песни в XVIII веке попадают в рукописные песенники — украинские, закарпатские и сербские. Вместе с тем немало книжных песен переходило в народ и в XIX—XX веках записывались собирателями в составе песен

³³ С числом песен свыше 4 тысяч.

³⁴ Она хорошо известна по «Собранию разных песен Чулкова»: т. I, №№ 1—60, 101—120 и 200; т. II, №№ 1—80, 106—120, 200; т. III, №№ 1—50, 200; т. IV, №№ 1—55, 200 и, сверх того, отдельные песни, вклинившиеся среди прочих номеров (сюда нами не включены пасторали).

фольклорных: это свидетельствует, что книжная песня была живым литературным явлением.

Излагая развитие книжной песни — силлабической и силлаботонической — в XVII—XVIII веках, мы далеки от мысли, что ею, рядом с художественной поэзией, назначенной для чтения, и с народной песней исчерпывается всё развитие поэтического творчества в это время. Мастерство силлабической духовной книжной песни 1650—1680-х годов заставляет предполагать предшествующие этапы развития поэтической деятельности и видеть образцы последней, может быть, в «умиленных стихах» (сложенных неравномерными, нерифмованными стихами, принцип построения которых еще не раскрыт), известных нам по публикации В. Н. Перетца и по сборнику «Калики перехожие» Бессонова. Однако этот вопрос еще не изучен, и публикация этих материалов едва-едва начата. Изучение опубликованных М. Н. Сперанским записей Квашнина-Самарина 1680-х годов в формах тонического стихосложения показывает в них наличие: 1) поэтических произведений в форме песни, 2) стихотворных, часто словесных произведений, создаваемых путем использования поэтики народной песни (но по содержанию отличающихся от нее), а также 3) украинской книжной песни.³⁵ Если учесть появление в эту эпоху «Повести о Горе-злочастии», — замечательной эпической поэмы, сложенной в формах народной былины, но уже с отказом от воспроизведения ее в пении, — то мы в этих произведениях будем иметь параллельную попытку создания художественной литературы на основе народной песни в формах тонического стихосложения. Поскольку произведения Квашнина-Самарина и «Повесть о Горе-злочастии» воспроизводили старую патриархальную жизнь, использование этой формы в этом случае оправдано, для описания же явлений новой жизни она не годилась.³⁶ Большой успех имело и дольше существовало творчество в формах рашника скоморошеского типа³⁷ в неравномерных тонизированных стихах с рифмами — одной из форм народного творчества; в этих формах в Петровское время и накануне создались «Повесть о Ерше», «Стихотворная автобиография подьячего», «Роман в стихах», многочисленные стихотворения на лубочных картинках, своеобразная «поэма» о масленице,³⁸

³⁵ «Ой, коли любишь» и др.

³⁶ Этот факт объяснен Н. Г. Чернышевским в статье: «Песни разных народов Берга». Собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 305—306.

³⁷ Л. Шептаев. Русский рашник XVII в. «Ученые записки Ленингр. гос. педаг. института им. Герцена», т. 87, Л., 1944, стр. 17—43.

³⁸ «Этнографическое обозрение», 1895, № 1 (есть и другие списки).

скоморошьи вирши — «Прочь, хрен, ретка, толокно, кисель и квас»³⁹ и т. д. Но одновременно syllабическая книжная песня развивалась в демократических слоях городского населения, входя во взаимодействие с другими формами литературы. И только учитывая все эти формы, все богатство отражения в них жизни, мы сможем правильно представить себе своеобразие литературы первой половины XVIII века, как она проявлялась в песне и рукописи и только начала проникать в книгу.

Одной из очередных задач советской литературной науки является публикация книжных (литературных) песен второй половины XVII и первой четверти XVIII века, а также их изучение.

³⁹ Ежегодник императорских театров. Приложения, кн. 2, 1898, стр. 68—86.

З. И. ГЕРШКОВИЧ

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ТВОРЧЕСТВА А. Д. КАНТЕМИРА

(Проблема «девятой» сатиры)

Мировоззрение и творчество А. Д. Кантемира еще недостаточно изучено советскими учеными. Ряд важнейших сторон деятельности Кантемира вовсе не получил освещения в нашей науке. Отдельные проблемы по традиции, идущей от буржуазно-дворянских исследователей, продолжают трактоваться неверно.

Так, в частности, обстоит с вопросом об эволюции мировоззрения и творчества Кантемира. Традиционная точка зрения искажает реальный путь идейного и художественного развития Кантемира, создает ложное представление о якобы происшедшем «поправении» его философских и политических взглядов в последний период жизни.

Перед советской наукой стоит важная задача — представить в истинном свете подлинную эволюцию мировоззрения и творчества Кантемира.

Для достижения этой цели важно правильно решить проблему так называемой «девятой» сатиры.

Литературная судьба сатиры «К солнцу» сложилась своеобразно. В первых изданиях сатир, вышедших уже после смерти автора, прежде за границей,¹ а потом в России,² она не была напечатана. Нет ее и в подавляющем большинстве

¹ *Satyres de monsieur le prince Cantemir. Avec l'histoire de sa vie. Traduites en François, A. Londres, Chez Jean Nourse, MDCCXLIX.* (Второе издание — в 1750 году). Далее цитируется по первому изданию сокращенно: *Satyres de Cantemir.*

² Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями и кратким описанием его жизни. В С.-Петербурге, при имп. Академии наук, 1762.

рукописных сборников XVIII века, где помещены произведения Кантемира. Свыше ста лет сатирическое наследие Кантемира определялось лишь известными по печатным изданиям восемью сатирами.

О возможности существования еще одной, непечатанной, сатиры имелось лишь глухое упоминание в биографии Кантемира, составленной его другом Октавианом Гуаско. Излагая данные о последних годах деятельности Кантемира, Гуаско, близко знавший его в этот период, указывает, что, написав восемь сатир, Кантемир начал было девятую, но не окончил ее из-за болезни.³ Свидетельство авторитетного биографа перешло затем почти во все русские био-библиографические работы о Кантемире, появившиеся в XVIII и первой половине XIX века.

В 1858 году, в «Библиографических записках» Н. С. Тихонравовым был опубликован текст не известной дотоле сатиры Кантемира, имеющей, однако, явно законченный характер.⁴

Н. С. Тихонравов не стал выяснять, в каком отношении находится публикуемый им текст к цитированному нами выше указанию Гуаско о девятой сатире, и ограничился лишь небольшим историческим и фактическим комментарием. Показательно, что Тихонравов не дал порядкового обозначения сатире. Несколько позднее неизвестная сатира Кантемира была перепечатана А. Д. Галаховым в I томе его «Исторической хрестоматии» (1864), а затем, по рукописному тексту, воспроизведена в издании П. А. Ефремова.⁵ Здесь ее поместили вслед за восемью известными сатирами, потому что она была открыта после них, а не по тому соображению, что она действительно была создана Кантемиром после этих восьми. Вслед за Стоюниным сатиру стали именовать девятой, оговаривая условный характер этого обозначения в формуле: «так называемая десятая».⁶

Текст IX сатиры был обнаружен Н. С. Тихонравовым в рукописном сборнике, хранящемся ныне в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.⁷ Это — небольшая по формату (в восьмую долю листа), но объемистая книга (236 листов), представляющая собой рукописную хрестоматию

³ *Satyres de Cantemir*, стр. 67—68.

⁴ Н. С. Тихонравов. Неизданная сатира кн. А. Д. Кантемира «Библиографические записки», 1858, т. I, № 3, стр. 65—69.

⁵ Здесь и в дальнейшем ссылки на издание «Собрания сочинений» А. Д. Кантемира, вышедшее под ред. П. А. Ефремова в двух томах (т. I — 1867 г., т. II — 1868 г.), даются в самом тексте: римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

⁶ В дальнейшем изложении она будет обозначаться римской цифрой IX.

⁷ Сб. О. XIV. 2.

лучших произведений Кантемира, Прокоповича, Ломоносова, Сумарокова, Тредиаковского, Лашевского, Голеневского и других писателей XVIII века. Сборник этот, судя по полустершейся надписи, в свое время принадлежал Клименту Борковскому. Почерк — скоропись середины XVIII века, не всюду, впрочем, одинаковый. Чернила — разные. Сборник был, по-видимому, составлен не ранее середины 50-х годов: в нем имеются произведения, датированные в самом списке 1752 годом (например, «Ода вымышленна в славу правды, побеждающая ложь» И. Голеневского). На последнем листе рукописи пометка: «1777 г.». Рукопись открывается стихотворной «Речью» Кантемира, обращенной к Анне Иоанновне. За ней следуют первые пять сатир в первоначальной редакции, а затем на листах 60—63 помещена сатира «К солнцу», здесь обозначенная как шестая. Далее в сборнике помещена «трагедокомедия» Феофана Прокоповича «Владимир» и ряд произведений названных выше авторов.⁸

Принято считать, что существование IX сатиры впервые обнаружил Н. С. Тихонравов. Но это мнение ошибочно. В Архиве Института русской литературы Академии наук СССР хранится в рукописи исследование о сатирах Кантемира, выполненное студентом Петербургского университета.⁹ Ее автору удалось раньше, нежели Афанасьеву, установить существование первоначальной редакции пяти первых сатир. Кроме того, ознакомившись с рукописным сборником еще из собрания Толстого, он обнаружил в нем текст IX сатиры и подробно разобрал ее. Таким образом, можно утверждать, что сатира «К солнцу» была открыта задолго до Н. С. Тихонравова, а он лишь первый ее опубликовал.

Текст сатиры, напечатанный Тихонравовым, оказался не вполне исправным. Причиной тому была и дефектность самого списка, и неточности, допущенные исследователем в расшифровке его. Если недостатки последнего рода могли быть исправлены позднейшими исследователями (что частично и сделал В. Я. Стоюнин в издании П. А. Ефремова), то неисправности самой рукописи были непреодолимы из-за отсутствия

⁸ О существовании этого сборника в печати было известно с 1825 г. См.: К. Калайдович, П. Строев. обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке гр. Ф. А. Толстого. М., 1825, стр. 691. Авторы, однако, не указали, что сборник содержит не известную дотоле сатиру Кантемира.

⁹ Архив А. В. Никитенко, шифр: 19663 (СХХХIV.6.IV). Датируется рукопись 1841 годом, на ней имеется отзыв проф. П. А. Плетнева. Фамилия автора рукописи не установлена.

других списков сатиры «К солнцу».¹⁰ Кроме того, единственный список данной сатиры оказался лишенным авторских примечаний. Все это серьезно затруднило ее изучение и поставило перед исследователями ряд новых вопросов, на которые до сих пор еще не было найдено верных ответов.

Отсутствие авторского комментария в найденном списке сатиры затруднило в первую очередь ее датировку. Н. С. Тихонравов не решился сколько-нибудь определенно высказаться по этому вопросу. Первую попытку датировать IX сатиру предпринял В. Я. Стоюнин.¹¹

Его концепция сводится к следующим положениям: 1) IX сатира была написана Кантемиром в России и должна быть отнесена к группе сатир, созданных до отъезда его за границу. 2) Она написана после первых пяти сатир и, следовательно, фактически является шестой по счету, если исходить в нумерации из последовательности их создания. 3) Она написана непосредственно перед отъездом Кантемира за границу (т. е. в самом конце 1731 года), поэтому не попала в сборник, приготовленный Кантемиром для печати, и осталась без примечаний. 4) Относя создание IX сатиры к русскому периоду деятельности Кантемира, В. Я. Стоюнин ссылается на тот факт, что стихосложение данной сатиры сходно со стихосложением первоначальной редакции пяти первых сатир и не подчинено еще новым правилам, выработанным Кантемиром позднее, уже в бытность его за границей.

Точка зрения В. Я. Стоюнина была поддержана позднейшими исследователями.

Принимая предположение Стоюнина за несомненный факт и датируя IX сатиру 1731 годом, исследователи тем самым определяют решение вопроса о последовательности создания сатир, об объеме и составе сатирического творчества Кантемира в России и за границей, о направлении и характере его идейно-художественной эволюции и т. п. Из этого видно, что датировка сатиры важна не только для выяснения внешней истории данного произведения, но и для анализа других проблем, более значительных и принципиальных.¹²

¹⁰ Н. С. Тихонравов. Неизданная сатира кн. А. Д. Кантемира, стр. 69. «Замечательно, — писал автор, — что эта сатира попала в одно из десяти известных нам сборников сатир первой редакции».

¹¹ Подробная аргументация его точки зрения содержится в статье «Князь Антиох Кантемир», приложенной к I тому «Собрания сочинений» Кантемира, вышедшего под редакцией П. А. Ефремова (стр. XXIX).

¹² Следует отметить, что в 1953 году С. В. Калачева в кандидатской диссертации выступила с утверждением, будто сатира «К солнцу» вообще не

Концепция Стоюнина носит гипотетический характер и в настоящее время сохранение ее не может быть оправдано. Уже сравнительно давно установлены факты, полностью ее опровергающие.

Каковы же факты?

В 1892 году в июльской книге «Журнала Министерства народного просвещения» С. Н. Браиловский опубликовал новый текст сатиры «К солнцу» по списку, обнаруженному в частном собрании новгородсеверского библиофила Ф. К. Пономаренко.¹³ Этот текст значительно отличается от списка, воспроизведенного Н. С. Тихонравовым в «Библиографических записках». Разночтения были указаны С. Н. Браиловским в специальных примечаниях к напечатанному тексту.¹⁴ Самое существенное отличие заключалось в том, что вновь найденный список содержал авторский комментарий («Изъяснение»), отсутствовавший, как мы отмечали, в прежде известном списке. В «Изъяснении» находим важные сведения, касающиеся истории создания сатиры: «Писана сия сатира 1738 году месяца июля в последних числах, которую сатирик в немощи своей в забаву себе сочинил, рассуждая бедность человеческую, которой и он немало причастия имел; и понеже о состоянии свете оную писал, то избрал речь оную положить к солнцу, как к всесветному светилу, прилично. Совершив он сию сатиру, с покорнейшим своим прошением вручил оную одному из чистосердечных и весьма доброжелательных приятелей своих к исправлению, не довольствуясь по обычаю безмозглых, но высокоумительных в себе голов своим скудным рассуждением».¹⁵

Наибольшую ценность в этом «Изъяснении» составляет заключающееся в нем указание относительно времени создания анализируемой сатиры — 1738 год, а не 1731. Исправление даты разрушает в самом основании всю господствующую концепцию внешней истории девятой сатиры.

Сам С. Н. Браиловский и большинство других авторов не обратили внимания на противоречие между датой создания сатиры, указанной в «Изъяснении», и традиционной датиров-

принадлежит Кантемиру, а написана кем-либо из его подражателей. В пользу этого предположения С. В. Калачева не привела никаких фактов, ссылаясь исключительно на субъективные представления об отличии названной сатиры от других сатир Кантемира; не учла она и всех данных, подтверждающих авторство Кантемира. Поэтому считаем ее мнение необоснованным.

¹³ С. Браиловский. Девятая сатира Кантемира по вновь найденному списку. ЖМНП, 1892, VII, стр. 67.

¹⁴ Там же, стр. 77—80.

¹⁵ Там же, стр. 73—74.

кой, восходящей к Стоюнину.¹⁶ Единственным исключением в этом отношении является Е. В. Петухов.¹⁷ Однако, принимая новую датировку Е. В. Петухов не считал необходимым критически исследовать вопрос, проверить, в какой степени отвечает действительности хронологическое указание, содержащееся в публикации Браиловского. Это упущение было тем более существенно, что труд Е. В. Петухова вышел уже после того, как Т. Глаголева высказала в печати сомнение в истинности новой датировки.¹⁸ Но для сомнений нет никаких оснований. В этом можно убедиться, обратившись к тексту сатиры, в частности к тому месту где излагаются рассуждения суевера-раскольника по поводу Библии:

Как — говорит — Библию не грешно читати,
 Что она вся держится на жидовской стати?
 Вон де за то одного и сожгли недавно,
 Что зачитавшись там стал Христа хулить явно.

(Стихи 31—34)¹⁹

Н. С. Тихонравов видел в стихе 33-м намек на казнь протестанта Квирина Кульмана, сожженного в Москве в 1689 году.²⁰ Это же истолкование было принято В. Я. Стоюниным и П. А. Ефремовым (I, 179). Между тем опубликованное Браиловским «Изъяснение» говорит о другом лице: «В Санкт-Пе-

¹⁶ См., например, следующие издания и статьи: Русская поэзия. Собрание произведений русских поэтов под ред. С. А. Венгерова, вып. VI, СПб., 1897, стр. 206; Кн. А. Д. Кантемир. Избранные сатиры. Изд. И. Глазунова, СПб., 1893, стр. 59; Т. Глаголева. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1906, стр. 67; П. В. Быков. Первый русский поэт. «Знание для всех», 1913, № 7, стр. 31 и др.

¹⁷ Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период. 3-е изд., Пгр., 1916, стр. 451.

¹⁸ Т. Глаголева. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира, стр. 67; Т. Глаголева. Сатиры кн. А. Д. Кантемира и русский быт первой половины XVIII века. «Филологические записки», 1914, вып. 1, стр. 402. Новейший исследователь Ф. Я. Шолом, отстаивая традиционную датировку, выдвинул предположение, будто дата, указанная в списке Браиловского, не является истинной, а заимствована позднейшим переписчиком из примечаний к VI сатире по изданию 1762 года (см.: Ф. Я. Шолом. Російсько-українські зв'язки в галузі громадсько-політичної поезії XVIII століття. «Наукові записки Київського державного університету ім. Т. Г. Шевченка», т. XI, вып. IX, Філологічний збірник, 1952, № 4, стр. 142). Предположение это ничем не обосновывается и противоречит фактам. Версия о заимствовании даты (если уж переписчик не заметил, что речь идет о разных сатирах!) неверна потому, что у названных сатир разные даты; VI, согласно примечаниям, «писана... в начале 1738 года», а IX — «1738 году месяца июля в последних числах», как сказано в «Изъяснении».

¹⁹ ЖМНП, 1892, VII, стр. 68—69.

²⁰ «Библиографические записки», 1858, т. I, № 3, стр. 70.

тербурге 1738 году месяца июля в средних числах сожжен по уложениям блаженные памяти российских государей бывший морского флоту капитан за то, что принял жидовскую веру и так крепко на оной утвердился, что несмотря правды упрямством своим в страшном на спасителя нашего Христа хулении погиб...» С. Н. Браиловский, ссылаясь на цитированные строки, правильно заметил, что Н. С. Тихонравов ошибся и что в сатире речь идет, безусловно, не о Кульмане, а «о казни другого лица», которого, однако, «Изъяснение» не называет по фамилии.²¹ Браиловский же не пытался определить, кто это лицо.

Указанный в «Изъяснении» «морского флоту капитан» — несомненно, капитан-лейтенант Возницын, обращенный в иудейскую веру Борухом Лейбовым. Оба они были по приказу Анны Иоанновны сожжены именно в середине июля 1738 года, что и соответствует свидетельству сатирика: «сожгли недавно».²² (Напомним, что сатира, по признанию Кантемира, писалась «в 1738 году месяца июля в последних числах»).

Эти соображения убедительно доказывают, что авторское свидетельство о времени создания IX сатиры, содержащееся в «Изъяснении», соответствует истине и не может быть подвергнуто сомнению. Тем более, что ни одного веского довода против него не имеется.

Где была написана IX сатира?

Датируя сатиру 1731 годом, Стоюнин и его последователи считали, что она была написана в Москве.

На основании этих хронологических и локальных определений IX сатира привлекалась исследователями для характеристики душевного состояния Кантемира накануне его отъезда из России. Так, например, В. Я. Стоюнин писал: «При таком взгляде на состояние сего света, о котором Кантемир мог судить по московской да по петербургской жизни, ему не о чем было жалеть ни в одной столице, не над чем было долго задумываться при прощании» (т. I, стр. XXXI). В биографическом очерке о Кантемире, написанном Р. И. Сементковским, содержание сатиры также используется для характеристики умонастроения сатирика в последние месяцы его пребывания в России.²³

Таким образом, ошибочная датировка и неправильное определение места создания сатиры «К солнцу» повлекли за

²¹ ЖМНП, 1892, VII, стр. 74, 78.

²² ПСЗ, т. X, 1830, № 7612.

²³ Р. И. Сементковский. А. Д. Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893, стр. 65—66.

собой ложные выводы более серьезного и принципиального характера. Е. В. Петухов из-за незнания фактов пришел к неверному выводу: «В июле того же года 1738, т. е. уже при переезде в Париж, была сочинена Кантемиром и так называемая IX сатира».²⁴

В действительности дело обстояло иначе. Во второй половине 1738 года Кантемир переехал из Лондона в Париж. Последнее из известных нам писем Кантемира из Лондона датируется 18 августа 1738 года.²⁵ В Париж Кантемир прибыл, как указывает исследователь его дипломатической деятельности, 8 сентября 1738 года.²⁶ Сопоставляя эти факты с датой создания IX сатиры, указанной в «Изъяснении» («1738 году месяца июля в последних числах»), можно с полной уверенностью заключить, что она была написана не в Париже, как утверждает Е. В. Петухов, а в Лондоне, примерно за месяц до отъезда в Париж.

Попутно необходимо уточнить, где (в Париже или в Лондоне) были созданы и другие сатиры, помимо первых пяти написанных в России.

В авторском примечании к VI сатире говорится о том, что она была написана в начале 1738 года (I, 142), т. е. во время пребывания Кантемира в Лондоне, и нет никаких оснований относить ее к числу сатир, «задуманных и написанных в Париже», как это делает Л. В. Пумпянский.²⁷

Что касается VII сатиры, в отношении которой имеется противоречивое утверждение М. Эрар, то она, как это следует из авторского примечания (I, 158), была написана уже после приезда Кантемира в Париж (в начале 1739 года).

О месте создания VIII сатиры разногласий нет: она была написана в Париже в конце 1739 года.

Таким образом, первые пять сатир, несомненно, были созданы Кантемиром в России (в Москве). В Лондоне Кантемир написал VI сатиру «Об истинном блаженстве» и, кроме того, IX сатиру «О состоянии сего света. К солнцу». В Париже Кан-

²⁴ Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период. 3-е изд., Пгр. 1916, стр. 457. Разрядка моя. — Э. Г.

²⁵ Письмо Кантемира к маркизе Монконсель. В нем Кантемир, между прочим, пишет, что его отъезд состоится не позднее, чем дней через десять (Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903, стр. III).

²⁶ Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. IV. М., 1902, стр. 102.

²⁷ История русской литературы, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 191.

темир написал последние две сатиры: VII — «О воспитании» и VIII — «На бесстыдную нахальчивость».

Новая датировка IX сатиры позволяет также уточнить вопрос о последовательности, в какой Кантемир создавал свои сатиры. Как известно, в предсмертный сборник, подготовленный для печати (1743), Кантемир включил восемь сатир. Они были расположены в хронологической последовательности и в соответствии с этим получили порядковое обозначение, сохраненное и поныне. Открытие новой сатиры («К солнцу»), не вошедшей в названный сборник, внесло осложнение в нумерацию сатир. Чтобы не вызывать путаницы, исследователи, как уже отмечалось выше, обозначили вновь опубликованную сатиру девятой, полагая, что на самом деле, по порядку создания, ее следует считать шестой.²⁸ С последним мнением, однако, нельзя согласиться. После пяти сатир, написанных в России, Кантемир возобновил работу над созданием новых сатир за границей в начале 1738 года. Первой из заграничных и, следовательно, шестой в общем ряду его сатир была не так называемая IX — «К солнцу», а та сатира, которая и в традиционной нумерации обозначена VI — «Об истинном блаженстве». Последняя, как явствует из примечания к ней, была создана Кантемиром в начале 1738 года.

Что же касается IX сатиры, то, как указывается в «Изъяснении», она была написана в последних числах июля 1738 года, т. е. после VI сатиры. Известные нам еще две заграничные сатиры (по традиционной нумерации — VII и VIII) относятся к 1739 году. Отсюда можно заключить, что сатиру «К солнцу» следует фактически считать не шестой, а седьмой в общем ряду сатир; не последней из созданных в России (как считали сторонники стоюнинской датировки), а второй — из сатир, созданных за границей. Отсюда далее следует, что традиционная VII сатира («О воспитании») на самом деле является по порядку создания восьмой, а традиционная VIII («На бесстыдную нахальчивость») — девятой. Разумеется, не имеет смысла изменять устоявшуюся нумерацию сатир. Мы остановились специально на этом вопросе с целью уточнения реальной, фактической последовательности работы Кантемира над сатирами. Такое уточнение поможет накоплению проверенных данных, необходимых для построения правильной концепции творческой и идейной эволюции сатирика.

²⁸ Некоторые исследователи даже без всяких оговорок называют ее шестой. См.: Т. Глаголева. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира, стр. 36.

Одна странная особенность в рукописной истории IX сатиры обратила на себя внимание исследователей. Еще Н. С. Тихонравов отметил, что среди многочисленных сборников, содержащих произведения Кантемира, лишь в одном из них удалось обнаружить текст занимающей нас сатиры. Тихонравов перечисляет 10 известных ему сборников.

Стоюнин знал больше, но и ему она попала в том сборнике, который указал Тихонравов. Сейчас нам известно еще больше сборников (приблизительно около полусотни), но положение существенно не изменилось: списки так называемой IX сатиры составляют большую редкость в рукописных сборниках, содержащих сатиры Кантемира.²⁹ Чем объяснить такое явление?

Попутно необходимо выяснить и другой вопрос. Чем можно объяснить тот факт, что так называемая IX сатира, созданная за границей, в тех редких случаях, когда она попадает в рукописных сборниках, обязательно соседствует с пятью русскими сатирами первоначальной редакции (вследствие чего «преписатели» даже нумеровали ее шестой)?

Ответы на все эти вопросы, хотя и не вполне исчерпывающие, можно найти в «Изъяснении» к сатире: Кантемир «с покорнейшим своим прошением вручил оную одному из чистосердечных и весьма доброжелательных приятелей своих к исправлению, не довольствуясь по обычаю безмозглых, но высокоумительных в себе голов своим скудным рассуждением». По-видимому, слово «вручил» надо понимать не в буквальном, а в более широком смысле: передал, переслал и т. п. и искать «приятеля» не в числе лиц, непосредственно окружавших Кантемира в Лондоне или Париже, а среди друзей, находившихся в России.

Но к этому времени (1738—начало 1739 года) в России уже в большом количестве ходили по рукам списки пяти сатир первоначальной редакции, сочиненных Кантемиром еще до отъезда за границу. Текст новой сатиры, присланной Кантеми-

²⁹ Кроме названного, теперь известны еще два списка. Один — в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве (см. «Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1879—1882 гг.», М., 1884, стр. 28). Здесь дано описание сборника, содержащего шесть сатир Кантемира первоначальной редакции, причем указано: «Последняя сатира — „На состояние света сего. К солнцу“, кроме настоящего, известна только в одном списке (Кантемир, Сочинения, изд. Ефремова, т. I, стр. 177). Многие варианты против печатного текста служат объяснением темных мест последнего». Следовательно, уже в 1884 году появилось в печати сообщение о новом списке IX сатиры — за 8 лет до публикации Браиловского. Другой хранится в Библиотеке АН УССР в Киеве.

ром в Россию, мог стать достоянием лишь немногих лиц, прямо или косвенно связанных с упомянутым в «Изъяснении» «приятелем». Те, кому удалось познакомиться с этой сатирой, переписывали ее вслед за пятью известными, соответственно именуя ее шестой. Этим обстоятельством объясняется, на наш взгляд, во-первых, почему сатира, созданная за границей, соседствует в рукописных сборниках с пятью «русскими» сатирами первоначальной редакции, а во-вторых, почему она редко попадает в этих сборниках.

Чем объяснить отсутствие в некоторых списках примечаний в IX сатире? В «Изъяснении» к ней Кантемир указывает, что послал текст сатиры «приятелю» для «исправления». Вполне естественно предположить, что посланный текст не имел примечаний и что последние были составлены позже, возможно после получения ответа от «приятеля» (иначе сообщение об отправке сатиры приятелю для исправления не имело бы смысла). Отсюда следует, что известные нам списки сатиры могут иметь два различных источника. Один — это указанный уже текст, посланный «приятелю» и лишенный примечаний; другой — текст, попавший в Россию позднее первого и снабженный, как и все сатиры, соответствующим «Изъяснением».

По-видимому, и в указанном выше сборнике, известном Тихонравову и Стоюнину, список IX сатиры был воспроизведен по первому источнику. Список, опубликованный Браиловским, по всей вероятности отражает более поздний, второй источник. Возможно, что различия между двумя указанными источниками касались не только примечаний, но и самого текста. Именно этим, очевидно, следует объяснить те разночтения, какие существуют между списком Тихонравова, с одной стороны, и списками Браиловского, библиотеки им. В. И. Ленина и библиотеки АН УССР в Киеве — с другой.

Итак, рассматриваемая сатира названа девятой условно, на самом деле ее следует считать по порядку создания седьмой и датировать 1738 годом. Как же, однако, согласовать с этими фактами цитированное выше свидетельство Октавиана Гуаско о том, что Кантемир после окончания восьми сатир начал было девятую, но из-за предсмертной болезни (конец 1743—начало 1744 года) не закончил ее? Идентичны ли эти сатиры? Верны ли свидетельства биографа? Не ошибочны ли наши выводы о времени, месте и последовательности создания IX сатиры?

Вопрос о тождестве IX сатиры и той, какую Гуаско именуется девятой, занимал уже в свое время Стоюнина. Вот что он

писал по этому поводу: «В „Житии князя Антиоха Кантемира“, напечатанном при первом издании его сатир в 1762 году, говорится: „он начал было и девятую сатиру, но по несчастью болезнь оная совершить не допустила“. Если биограф имел в виду эту последнюю, на которую мы указали (так называемую IX, — З. Г.), то он ошибся, потому что заключительные стихи ее:

Больше с удивления не могу писати
И хоть не в пору, да уж принужден кончати

показывают, что сатира доведена до конца. Кроме того, неправильное падение ударений в середине стихов и некоторые славянизмы, которые уже не встречаются в последних стихотворениях Кантемира, убеждают нас, что эта сатира не могла быть написана перед смертью автора. Если же биограф говорит не об этой, а о другой, то мы должны только пожалеть, что не осталось никаких следов ее» (т. I, стр. LXXX). Таким образом, Стоюнин здесь утверждает, что сатира и упоминаемая биографом «девятая» сатира не являются тождественными произведениями. Между тем, в подстрочных примечаниях к IX сатире, принадлежавших также перу Стоюнина, мы читаем: «Эта сатира не вошла ни в одно из прежних собраний сочинений Кантемира, хотя о ней говорится в „Житии князя Антиоха Дмитриевича Кантемира“, напечатанном в первом издании его сатиры в 1762 г.» (I, 177).

Таким образом, противореча себе, Стоюнин здесь допускает тождество так называемой IX сатиры и той «девятой», о которой говорят биографы.

Позднее исследователи не касались больше этого вопроса. Нам кажется, что он может быть решен, если обратиться не к «Житию», на которое ссылается Стоюнин, а к первоисточнику биографических сведений о Кантемире — к очерку аббата Гуаско. «Житие князя Антиоха Дмитриевича Кантемира», приложенное к изданию 1762 года, как, впрочем, и многие позднейшие биографические работы о Кантемире, представляет собой лишь более или менее близкое переложение «*La vie du prince Antiochus Cantemir*» аббата Гуаско. Цитированные Стоюниным строки из «Жития», где говорится о «девятой» сатире, являются сокращенным переводом соответствующего места из очерка Гуаско.³⁰

³⁰ Стоюнин не обратил на это обстоятельство внимания, хотя был знаком с обоими «лондонскими» изданиями Кантемира (1749 и 1750 годы), содержавшими указанный биографический очерк, и мог сравнить его с «Житием» из русского издания 1762 года.

Сравнивая это место с цитированными отрывками из «Жития», замечаем здесь весьма существенные дополнения. В «Житии» говорится лишь о том, что Кантемир начал было, но не закончил из-за болезни девятой сатиры; здесь, кроме того, дается краткая характеристика ее содержания: «Из этой сатиры можно было бы увидеть, в чем, по мнению Кантемира, состоит дух философский и многие мнимые философы из нее могли бы узнать, как далеки они от цели».³¹

Правда, данная здесь характеристика недостаточно конкретна. Это объясняется, по нашему мнению, следующими причинами. Гуаско не знал русского языка. Переводы восьми сатир были им сделаны в сотрудничестве с Кантемиром первоначально на итальянский язык, которым русский сатирик владел хорошо.³² Лишь позднее, уже после смерти Кантемира, Гуаско перевел сатиры с итальянского на французский и издал их. Поскольку упоминаемая им «девятая» сатира не была включена в число сатир, предназначенных к переводу, она, очевидно, не была известна Гуаско в подробностях. Сам же он свидетельствует, что знает о ней лишь со слов Кантемира («ce qu'il m'en avoit dit»).

Учитывая сделанную оговорку о недостаточной конкретности данной биографом характеристики «девятой» сатиры, мы все же полагаем возможным отнести ее именно к IX сатире («К солнцу»). В этой последней мы, правда, не найдем положительно и систематически изложенного взгляда Кантемира на то, что, по его мнению, составляет «дух философский» («l'esprit philosophique»). Однако его философская концепция нашла в этой сатире чрезвычайно яркое выражение как в общем взгляде «на состояние сего света», так и главным образом в сатирической галерее образов, вполне подходящих к определению «мнимых философов» («prétendus philosophes») из характеристики Гуаско. Показательно, что сам Кантемир несколько раз называет своих персонажей «философами» и вообще рисует их не просто как носителей соответствующих пороков, а именно в качестве ложно-мудрствующих представителей «злых нравов».

³¹ Приведем полностью это место (речь идет о сатирах): «Nous en avons huit de lui: il en avoit commencé une neuvième, la dernière Année de sa Vie: ce qu'il m'en avoit dit, me fait regretter de n'avoir pû la joindre aux autres. On y auroit vû en quoi il faisoit consister l'Esprit Philosophique: et beaucoup de prétendus Philosophes y auroient pû reconnoître, combien ils sont éloignés du but: mais par malheur la Maladie ne lui permit pas de l'achever» (Satyres de Cantemir, стр. 67—68).

³² «Durant sa dernière Maladie nous les traduisimes ensemble en Italien» (Satyres de Cantemir, стр. 8—9).

Вся сатира построена на обличении всевозможного рода суеверий, безнравственных и вредных, с точки зрения Кантемира, «мудрствований».

Вот мужик-раскольник, который «аза в глаза не знает и болтнуть исправно», а между тем, «он ти воротит богословски речи». Здесь и «безмозгие» хуления Библии, новых установлений в церкви, «немецкого» платья и «брадобрития», париков — «всио адски приметы», по характеристике этого «философствующего» раскольника. Далее излагаются его суеверные представления о строении вселенной. Комментируя эти рассуждения, Кантемир в «Изъяснении» пишет: «Сии все речи неоднократно произносили суеверные головы, философствуя, как то земля стоит и на чем, и совершенно утверждают, что земля есть девица чистая и непорочная и стоит она на спинах четырех китов» и далее: «Помянутые пустые головы суеверных (буди достойно их назвать) философов доказывают, что солнце святое есть девица ж непорочная, живая и чувственная, и что оно когда заходит, то в своих палатах через ночь отдыхает» и т. д.³³ Для нас в этих комментариях представляют интерес характеристики, даваемые Кантемиром этим «суеверным философам», вполне соответствующие определению Гуаско («*prétendus philosophes*»).

Далее следует фигура защитника пьянства, который «ти понесет представлять резоны, / Что с ума тя собьет, хоть как будь ученый». «Сей то муж, — пишет далее Кантемир, — в философии живёт ненарушно: / Признают то пьяницы все единодушно. / Сей Аристотелю не больно уступит, / Паче когда мудрости вина кружку купит».³³

Следующий персонаж, выведенный Кантемиром, относится к числу «пастырей». Кто от «пастыря» хочет «божьих слов в церкви поучиться, — замечает Кантемир, — тот не раз потом оболотся, / А чуть ли о том от них и слова добиются». Зато «за кружалом» эти «пастыри» (тут Кантемир прямо называет попов) становятся многоречивыми, излагая свою «речь медоточну» — «не учением ведь здравым и умным, / Но суеверным мозгом своим с вина шумным». Описывая затем ханжу-купца («к богу лицемер, к власти вор и хищник»), Кантемир предлагает обратиться взор на то, «как ученых заводят заводы», и дает сатирическое описание Академии наук, где «заморски учителя» и «палаты славны», но «бедный, кто сердцем учится желает» найдет только лишь «комплементы», «высоких же наук там и стены не бывало».

³³ Разрядка моя, — Э. Г.

Вся сатира строится Кантемиром на противопоставлении должного и действительного. Хотя людям известны законы правосудия: «чтоб богатый не был прав, а обижен скудный, / Не судило б нам серебро, но правда святая», в действительности, «когда ж несут подарки, где злато блистает, / То вся та мысль за сто виорст от нас отбегает... Выше души ставим деньги не плоше Иуды». Таков вывод Кантемира, подкрепляемый образом взяточника подьячего. Наконец, образ «философа деревенского», который «облнчает в людях моду грубу, / А себе четвериком сам валит за губу», завершает галерею сатирических персонажей и приводит Кантемира к пессимистическому заключению о «состоянии сего света», «причастного» «всем злым» (то есть всему злону), полного «всех бедств» и «мерзостей».

Философия Кантемира, одной из главных особенностей которой была морально-этическая направленность, здесь выражена достаточно рельефно, хотя и не в положительной, а в критической форме. Впрочем, трудно представить себе какую-либо иную форму выражения взгляда на «дух философии», если принять во внимание, что этот взгляд должен был быть изложен в жанре сатиры. Гуаско имел основание говорить, что «из этой сатиры многие мнимые философы могли бы узнать, как далеки они от цели»: в самой сатире представлен ряд таких «мнимых философов», которых выдвинула современная Кантемиру русская действительность.

Произведенный анализ содержания сатиры «К солнцу» позволяет заключить, что именно это произведение имел в виду Гуаско, говоря о девятой сатире. Но в этом случае, на первый взгляд, возникает ряд осложнений. Стоюнин правильно подметил, что сатира «К солнцу» является законченным произведением. Между тем Гуаско указывает, что Кантемир начал было, но не закончил из-за болезни свою сатиру. Совершенно справедливо также и другое замечание Стоюнина, указавшего, что Кантемир к концу своей жизни не мог написать сатиру, пользуясь отвергнутой им уже к тому времени обычной силлабической формой стихосложения, в какой написана сатира «К солнцу». Наконец, принимая свидетельство биографа, что Кантемир создавал девятую сатиру в конце своей жизни, мы вступаем в противоречие с установленной выше точной датой создания этой сатиры. Верно ли в таком случае сообщение Гуаско? Мы полагаем, что оно, безусловно, заслуживает доверия, но должно быть правильно истолковано и уточнено. Гуаско, не знавший русского языка и судивший о работе Кантемира над IX сатирой лишь со слов последнего, видимо не совсем точно представлял себе, в чем именно заключалась эта работа. По прямому смыслу

его сообщения получается, что Кантемир начал было создавать новую («девятую») сатиру, но не успел ее окончить. Нам представляется, что Кантемир действительно незадолго перед смертью после отправки в Россию в марте 1743 года сборника, состоявшего из 8 сатир, принялся за работу над «девятой» сатирой, но работа эта состояла не в создании новой сатиры, а в переработке старой, имеющей законченный текст сатиры. И то обстоятельство, что IX сатира была написана нетонзированной силлабикой, служит наиболее реальным объяснением причины, побудившей Кантемира заняться подобной переработкой, незаконченной из-за предсмертной болезни.

Решение проблемы IX сатиры имеет важное значение для построения правильной концепции идейного и творческого развития Кантемира.

В существующей литературе эволюция мировоззрения и творчества Кантемира изображается в искаженном виде. Общий смысл господствующей концепции идейного и художественного развития сатирика сводится к резкому противопоставлению двух этапов его литературной деятельности — «русского» и «заграничного». Так, например, А. Шалыгин утверждал, что в последний период «обличения автора принимают отвлеченный философский характер, теряя в сатирической силе и в историческом значении».³⁴ Подобные высказывания мы находим и у Т. Глаголевой.³⁵

К сожалению, следует отметить, что в трудах советских исследователей это в корне неправильное представление не только не подвергалось критике, но получило дальнейшее распространение и стало пропагандироваться в качестве непреложной истины. Л. В. Пумпянский, разграничивая в творчестве Кантемира «два отчетливо несходных периода», утверждал, что во второй — «заграничный» — период произошло и «несомненное понижение уровня его политической мысли».³⁶ Эта точка зрения нашла свое отражение и в учебнике А. А. Кайева, вышедшем вторым изданием в 1953 г.³⁷ Должно отметить, что подобного

³⁴ А. Шалыгин. Антиох Дмитриевич Кантемир. Русский биографический словарь, том «Ибак—Ключарев», СПб., 1897, стр. 467.

³⁵ Т. Глаголева. Сатиры кн. А. Д. Кантемира и русский быт первой половины XVIII века. «Филологические записки», вып. I, 1914, стр. 400.

³⁶ История русской литературы, т. III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 205.

³⁷ А. А. Кайев. Русская литература, ч. I, 1953, стр. 422. Верное решение вопроса см.: Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века, М., 1955.

взгляда на эволюцию мировоззрения и творчества Кантемира придерживаются и современные зарубежные исследователи. Такая точка зрения выражена, например, во французском исследовании о Кантемире, изданном в Париже в 1938 году, автором которого является М. Эра. Говоря о последних сатирах, М. Эра указывает на то, что в них «сатирический пыл почти полностью исчез, уступив место размышлениям о роли воспитания и литературы», что Кантемир «вдали от родины отказался от своих дарований колкого наблюдателя, чтобы предаться отвлеченному размышлению».³⁸

В связи с изложенной схемой идейно-тематической эволюции сатирического творчества Кантемира находятся и господствующие в науке представления о различии «русских» и «заграничных» сатир в художественном отношении.

Так, Л. В. Пумпянский противопоставляет обе указанные группы сатир по их жанровым особенностям. Выдвинутое еще В. А. Жуковским деление сатир на «философические» и «живописные» принимается исследователем в качестве критерия для классификации сатир по жанровой манере, причем «русские» сатиры все оказываются отнесенными Пумпянским к разряду «живописных», а «заграничные» — к разряду «философических».³⁹ Внутренний смысл этого противопоставления заключается в том, чтобы доказать, что наряду с «понижением уровня политической мысли» в заграничный период литературной деятельности Кантемира происходило и «понижение» художественной ценности созданных им сатир.

Вся эта в своей методологической сущности чисто метафизическая схема идейно-художественной эволюции Кантемира искусственно рассекает путь сатирика на два «отчетливо несходных периода», абсолютно противопоставленных друг другу.

Неоспоримый факт создания IX сатиры в 1738 году, спустя более чем шесть лет после отъезда Кантемира из России, имеет исключительно важное значение для сравнительного анализа идейной позиции сатирика, подрывает утвердившееся мнение о «поправении» Кантемира в «заграничный» период.

Сатира «К солнцу» бесспорно одна из самых острых в социальном отношении. По своим идейным установкам, по силе сатирического обличения эта «заграничная» сатира нисколько не уступает I сатире, по всеобщему признанию — самой разящей из всех сатир Кантемира. Это отмечают все исследователи, выступавшие с характеристикой IX сатиры, начиная от

³⁸ Marcelle Ehrhard. Le prince Cantemir à Paris. Paris, 1938, стр. 207.

³⁹ История русской литературы, т. III. Изд. АН СССР, стр. 192.

Н. С. Тихонравова и вплоть до современных нам авторов. Ведь именно сходство IX сатиры с первыми пятью по остроте социальной критики, а также по художественным особенностям послужило решающим аргументом для Стоюнина и его последователей, чтобы отнести эту сатиру к «русскому» периоду творчества Кантемира и гипотетически датировать ее создание 1731 годом.

Теперь же, когда точно доказано, что Кантемир создал IX сатиру в 1738 году, будучи за границей, настойчивые (и вполне правильные) утверждения исследователей о сходстве этой сатиры с группой русских сатир получают значение прямо противоположное тому, какое прежде им придавалось.

Идейно-политические тенденции, определившиеся в творчестве Кантемира в ранний период, не только не были ослаблены в позднейший, но получили свое дальнейшее углубление и развитие. Особенно явственно это обнаруживается при сопоставлении IX сатиры с I сатирой. Сатиры эти связаны между собой внутренней преемственностью общего замысла. Это не просто произведения, написанные на сходную тему и в сходном духе, но два произведения, из которых позднейшее (IX сатира) является органическим продолжением и развитием предшествующего (I сатиры).

Нетрудно обнаружить, что некоторые сатирические персонажи, выведенные Кантемиром в IX сатире, образно раскрывают ряд мотивов, намеченных, но не развернутых, в I сатире.

Так, например, в I сатире Кантемир, в числе других доводов, выдвигавшихся хулителями наук против «учения», приводит следующие:

Ереси и расколы науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
В безбожие приходит тот, кто над книгой тает;
Говорит тот, кто и сам мало бога знает.⁴⁰

В своих комментариях Кантемир, опровергая этот довод, между прочим, замечает: «Хотя то правда, что почти все ересиархи... были ученые люди, однако от того не следует, что тому вина есть наука их; ибо много ученых, которые да не еретики... между тем и то приметно, что в России расколы больше от глупости, чем от учения рождаются... суеверие есть истое невежества порождение» (I, 197). В IX сатире это небольшое замечание получает образное раскрытие в лице раскольника, который принимается за богословские рассуждения, сам «аза в глаза

⁴⁰ Здесь и далее I сатира цитируется по так называемой первоначальной редакции, созданной в России.

не знает» и притом еще хулит «истинное учение». Для просветителя Кантемира раскольниковство выступает как ретроградная сила, противящаяся насаждению новой культуры и держащая народ в темном невежестве.

Образ раскольника помогает сатирику опровергнуть распространявшееся обскурантами мнение, будто науки являются причиной раскола, мнение, которое имело целью скомпрометировать просвещение в глазах современников Кантемира. Таким образом, здесь — несомненное углубление и развитие мотива, только намеченного в I сатире.

В IX сатире Кантемир с новой силой обрушивается на особенно ненавистных ему врагов просвещения из среды духовенства. Продолжая галерею сатирических образов I сатиры, Кантемир в новом произведении не просто повторяет свое обличение «духовных пастырей», а с еще большей энергией обрушивается на них, углубляет свою критику. Для Кантемира наделенный пороками «пастырь», изборожденный в IX сатире, является ответственным за темноту и низкий моральный уровень «паствы». Отрицательные явления потому и держатся в простом народе, что ему не у кого учиться, не с кого брать примера: духовный пастырь своим корыстолюбием, пьянством, невежеством и суеверием только развращает «пасомых». С печалью описывая положение науки в I сатире:

Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Из всех знатнейших домов с ругательством сбита;
И в самой богадельне места не находит,
Мразна, нага, голодна, беспомощна бродит,

Кантемир очень смело развивает этот мотив в IX сатире. Несомненно, имея в виду положение дел в зависимой от императрицы Академии наук, Кантемир с горькой иронией пишет:

Вон дивись, как учений заводят заводы:
Строят безмерным коштом тут палаты славны,
Славят, что учения будут тамо главны;
Тщатся хотя именованьем умножить к ним чести
(Коли не делом); пишут печатные весты:
«Вот завтра учения высоки зачнутся,
Вот уж и учителя заморски сберутся;
Пусть как можно скоро всяк о себе радеет,
Кто оных обучаться охоту имеет».
Иной бедной, кто сердцем учиться желает,
Всеми силами к тому скоро поспешает,
А пришел — комплементов увидит не мало,
Высоких же наук там стены не бывало,
А деньги хоть точатся тут беспереривно,
Так комплементов много с них: то и недивно.
(Стихи 138—152).

И здесь перед нами развитие мотивов, намеченных в I сатире, причем развитие с явным их политическим заострением.

В I сатире Кантемир мельком — в одной строчке — говорит о царящем в судах мздоимстве, порождающем несправедливые решения (стих 126). Комментируя этот стих, сатирик пишет: «Ст. 126. Серебро, золото в приказах потеряет цену. То есть, когда нельзя будет уже ничего деньгами в приказе себе на пользу сделать» (1, 201). Этот мотив в IX сатире развертывается гораздо полнее и глубже:

Грозят нам права земски, но бог правосудный —
 Чтоб богатой не был прав, а обижен скудный,
 Не судило б нам серебро, но правда святая,
 Винным казнь, а правым милость подавая.
 Мы ж то помним и знаем, как сребра не видим,
 И клянемся богу, что бедных не обидим,
 Но в правости все будем о душах радети,
 И на лица и серебро не станем смотреть.
 Когда ж несут подарки, где золото блистает,
 То вся та мысль за сто вюрст от нас отбегает.
 Где божий и земский страх? Даром наши души,
 Как звонят серебряным колокольцем в уши.
 Подьячий ходит сух, худ, лишь кожа да кости;
 Ведь не с труда сох, с коварств, да с завистной злости,
 Что ему не удастся драть так, как другому;
 Нет чем жену потешить, как придет до дому;
 Лучше б он изволил тут смерть перетерпеть,
 Нежели над чьим делом без взятки сидеть.
 Вон иному хоть деньги он с казны щитает,
 А не взять ему гривны — душа смертно тает.
 Так то мы милостивы, к бедным правосуды:
 Выше душ ставим деньги не плоше Иуды.

(Стихи 163—184).

Кантемир был одним из наиболее энергичных пропагандистов системы Коперника в России. Обычно указывается на его заслуги в качестве переводчика «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля и почти совсем обходится молчанием тот факт, что и в своих сатирах Кантемир резко критикует суеверные представления о мироздании и отстаивает взгляды Коперника. В I сатире Кантемир, излагая доводы врагов науки, приводит следующий «резон» против изучения астрономии:

К чему звезд течение и свойства счисляти,
 Для одного в планете пятна ночь не спати,
 Для любопытства только лишиться покою,
 Ища, солнце ль движется или мы с землею?

(Стихи 97—100).

В IX сатире мы находим обличение суеверных невежественных представлений о земле, о движении небесных тел:

... как земля четырьмя китами
 Стоит, которы ея подперли спинами;
 Сколькo солнце всякой день миллионoв ходит,
 И где оно в палаты в отдышку заходит.

(Стихи 43—46).⁴¹

Таким образом, в IX сатире Кантемир продолжает начатую еще в I сатире борьбу против фантастических невежественных взглядов на строение мироздания. Об идеологическом значении этой борьбы в эпоху Кантемира можно судить по тому факту, что в 1757 году, через 13 лет после смерти сатирика, его перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля, наряду с другими произведениями, пропагандировавшими гелиоцентрическое мировоззрение, был запрещен специальным постановлением Синода как сочинение богопротивное.⁴²

Число подобных примеров непосредственного развития отдельных мотивов I сатиры в тексте IX сатиры может быть увеличено. Мы остановились на сравнении этих двух сатир именно потому, что они являются наиболее значительными в социально-политическом отношении произведениями, представляющими лучшие достижения Кантемира соответственно в «русский» и «заграничный» периоды его сатирической деятельности. Сравнивая эти произведения, можно наиболее конкретно решить вопрос, имел ли вообще место тот пресловутый спад обличительного пафоса Кантемира, то «снижение уровня его политической мысли», о котором донныне твердят почти все исследователи. Создание IX сатиры именно в заграничный период служит одним из убедительных доказательств несостоятельности господствующего взгляда на характер идейно-творческой эволюции Кантемира.

Новые данные о IX сатире в корне подрывают созданную дореволюционным литературоведением схему эволюции мировоззрения и творчества Кантемира, доказывают, что между «русским» и «заграничным» периодами деятельности Кантемира существует общность и преемственность, что прогрессивные идейно-политические тенденции, определившиеся в ранний период, не только не были ослаблены в дальнейшем, но получили свое углубление и развитие.

⁴¹ Ср. цитированные выше примечания к этим стихам, где Кантемир саркастически отзывается о «пустых головах суеверных (буде достойно их называть) философов...», распространяющих подобные нелепые представления.

⁴² Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е Изд., М.—Л., 1947, стр. 263.

Г. И. БОМШТЕЙН

АНТИКЛЕРИКАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ ЛОМОНОСОВА И РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

Отношение Ломоносова-стихотворца к устной народной поэзии остается пока одним из наименее освещенных вопросов его литературной деятельности.

П. Н. Берков в порядке предварительной постановки вопроса высказал соображения о непосредственных отголосках народного песенного творчества в поэтической лексике Ломоносова.¹ По мнению М. А. Гнездилова, повторение припева в «Гимне бороде» сближает «Гимн» с «народной песней», а начало «Оды Трессотину» «очень удачно дается в тоне народных песен».² Е. А. Касаткина приводит из русских од XVIII века (Ломоносова, Петрова, Державина) такие поэтические детали, которые считает сходными с соответствующими образами русского фольклора, а следовательно, свидетельствующими о воздействии фольклора на одописцев XVIII века, в частности на Ломоносова.³ Д. К. Мотольская заметила, что лексика и ритмика сатирических стихов Ломоносова «отчасти подсказана народной песенностью».⁴ А. Н. Соколов обратил внимание на фольклорные мотивы в первой песне ломоносовской поэмы «Петр Великий».⁵

¹ П. Н. Берков. Ломоносов и фольклор. «Ломоносов», сборник статей и материалов, М.—Л., 1946, стр. 113—114.

² М. А. Гнездилов. М. В. Ломоносов — сатирик и полемист. «Научные записки Ворошиловградского государственного педагогического института имени Т. Г. Шевченко», т. I, Ворошиловград, 1940, стр. 50, 52.

³ Е. А. Касаткина. Торжественная ода XVIII в. и древнерусская устнопоэтическая литературная традиция. «Ученые записки Томского государственного педагогического института», т. III, Томск, 1946.

⁴ Д. К. Мотольская. Ломоносов. История русской литературы, т. III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 268.

⁵ А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955, стр. 107—108.

В деятельности Ломоносова — истоки демократической линии в русском просвещении XVIII века. Уже поэтому проблема отношения Ломоносова к поэтической культуре народа приобретает особенную актуальность.

В настоящей статье рассматривается одна из сторон данной проблемы: в каком отношении антиклерикальная поэзия Ломоносова стоит к русской народной сатире, преимущественно пословичной. В связи с этим в работе ставятся следующие задачи: показать наличие творческого использования народной сатиры в ломоносовской поэзии; выяснить существенные стороны в отношении Ломоносова-просветителя к народному свободомыслию, как оно отразилось в антицерковном фольклоре; установить преемственность антицерковной демократической сатиры XVII века в сатире Ломоносова, а также — по необходимости в сжатых чертах — определить место ломоносовских антиклерикальных стихов в истории фольклоризма русской передовой сатирической литературы.

Ломоносов использовал сатиру в борьбе за просвещение, против церковно-схоластической идеологии.⁶

Наиболее выдающееся произведение в цикле антицерковных стихов Ломоносова — «Гимн бороде».

Этот памфлет явился одним из самых острых, действенных произведений русской сатирической поэзии XVIII века. Не ограничиваясь обличением пороков духовенства, «Гимн бороде» показывает церковь как силу, являющуюся препятствием на пути государственного и культурного прогресса страны.

Ломоносов (как автор «Гимна бороде») наносил сильнейший удар клерикальной идеологии. Поэт показал истинное лицо церкви, он предал публичному осмеянию догматы церковного учения и обрядности. Его сатира, получившая в свое время широкий общественный резонанс, занимает видное место

⁶ Отношение Ломоносова к сатире было теоретически осознанным. Положительно отзывавшись о двух эпистолах Сумарокова («О русском языке» и «О стихотворстве») и рекомендовав их к печати, Ломоносов отстаивал право поэта на сатиру и, утверждая ее правомерность, ссылаясь на поэзию народов Западной Европы и на произведения Кантемира. Он заявил, что «в российском народе сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира с общею анпробациею приняты, хотя в них все страсти всякого чина людей самым острым сатирическим жалом пронизаются...» Показательно, что Ломоносов выделяет именно это: стихи Кантемира поражают пороки людей «всякого чина», т. е. и «высокородных». Здесь приоткрываются существенные стороны ломоносовского восприятия сатир Кантемира (см.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. IX, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 621, Рапорт в канцелярию Академии наук 17 ноября 1748 года).

в истории борьбы русского просвещения XVIII века с силами реакции.

Мысли о «тактике» и общественной роли церкви, изложенные в «Гимне бороде» (и в других ломоносовских произведениях), получают дальнейшее развитие — на принципиально новой, революционной основе — у Радищева, в оде «Вольность». Ломоносов в «Гимне бороде» показывал, что церковь сеет в народе «ложные мнения» и освящает их своим авторитетом; что церковь — это «корень действий невозможных»; утверждал, что церковь боится научной истины и преследует ее; обличал обман и лицемерие — характерные черты духовенства. Радищев в оде «Вольность» писал, что церковь повсюду сеет призраки и тьму, велит слепо верить, учит бояться истины, «обманывать и льстить умеет...». Радищев как носитель революционного мировоззрения вскрыл социальную роль и лицемерие церкви несравненно глубже, чем Ломоносов. Разоблачение церковной организации носит у Радищева принципиально новый характер в сравнении с ломоносовской критикой. Автор «Вольности» показал, что церковь в союзе с монархической властью служит орудием экономического, политического и духовного порабощения народных масс. Борьбу с клерикальной идеологией Радищев связывал с народной революцией, с уничтожением крепостничества и самодержавия. До такой критики церкви Ломоносов подняться не мог. Антицерковная тема заняла свое место в сочинениях Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, М. Д. Чулкова и других писателей последней трети века. И тем не менее, если не считать выступления Радищева, «Гимн бороде» представляет наиболее яркое проявление антиклерикальной идеологии в русской сатире XVIII столетия.

В обширной критической литературе о Ломоносове полемике, развернувшейся в XVIII веке вокруг «Гимна бороде», уделено большое внимание.⁷

Однако, насколько нам известно в печати не освещен вопрос о глубоко народных истоках ломоносовской сатиры; «Гимн бороде» не рассмотрен на фоне русского антицерковного фольклора, в частности сатирических пословиц и поговорок. Это обстоятельство отчасти связано с тем, что подробный анализ самого текста «Гимна» не привлекал исследователей.

В авторской позиции создателя «Гимна бороде» есть особенность, не обратившая на себя должного внимания: давая уничтожающую характеристику духовенства, говоря о презрении

⁷ О полемике вокруг «Гимна бороде» см.: П. Н. Берков, Ломоносов и литературная полемика его времени. М.—Л., 1936, стр. 195—239.

к попам как характерной черте русского общества, Ломоносов как бы принимает на себя миссию выразителя общенародного мнения, поэт передает это мнение и солидаризируется с ним. О бороде и ее носителях автор пишет:

О коль в свете ты блаженна,
 Борода — глазам замена!
 Люди обще говорят
 И по правде то твердят:
 Дураки, враль, проказы
 Были бы без ней безглазы,
 Им в глаза плевал бы всяк;
 Ею цел и здрав их зрак.⁸

Отношение русского народа к церковникам охарактеризовал Белинский в письме к Гоголю.

Взгляд народа на духовенство, очерченный Белинским, ярко сказался в фольклоре не только в XIX веке, но и гораздо раньше. Об этом свидетельствуют хотя бы рукописные сборники пословиц и поговорок XVII и XVIII столетий и народные сатирические повести второй половины XVII века.

XVII и XVIII столетия — время интенсивного развития антицерковного русского фольклора, богато представленного, в частности, пословицами и поговорками.

В ряду антицерковных и антидворянских народных изречений, известных уже по сборникам XVII—XVIII веков, довольно видное место занимает группа пословиц и поговорок о бороде.⁹

⁸ Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомятина, т. II, изд. АН, СПб., 1893, стр. 138—139. В дальнейшем цитируется: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II. «Гимн бороде» цитируется здесь и в дальнейшем по этому изданию.

⁹ Используемые ниже двенадцать сборников пословиц обозначаются в тексте статьи сокращенно:

Б — Рукописный сборник пословиц А. И. Богданова. «Собрание пословиц и присловий российских, которые в повестях и во употреблении народных речях бываемые и по алфавиту оные скорого ради приискания расположены в пользу народной забавы и увеселения. 1741 году». Рукописное отделение БАН, 17.7.33.

ДП — В. И. Даль. Пословицы русского народа. Изд. 3-е. М., 1905.

ДРП — Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1770.

И — И. И. Аллюстров. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Изд. 3-е. М., 1915.

КГ — Н. Г. Курганов. Российская универсальная грамматика, или всеобщее письмословие. М., 1769.

КП — Н. Г. Курганов. Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезного вещесловия. Изд. 8-е, СПб., 1809.

Такие пословицы отрицают за старшим поколением, за «бородами» монополию на «всеведение» и правоту; они отвергают правило «древлего благочестия», выразившееся в изречении: «Чем старее, тем правее» (СНС, стр. 57). Используя образ бороды как популярную аллегорию святости, они изобличают скудоумие и развращенность, показное смирение и волчью повадку ханжей-церковников и мирян. Народные изречения такого типа противостояли распространенным в свое время «патриархальным» афоризмам.¹⁰

Общий по духу с сатирическим фольклором, «Гимн бороде» по своей теме, мотивам, в которых она раскрывается, по образно-стилистическому воплощению темы теснее всего связан с пословицами о бороде.

Определяя в 1-й строфе тему «Гимна», Ломоносов говорит о традиционном отношении к бороде: она пользуется уважением («Волосам, от всех почтенным...»), она придает вес, «уважительность» суждениям советам, которые дает обладатель бороды («Волосам... / Что под старость наших лет / Уважают

- П — Повести или пословицы всенароднейшие по алфавиту (П. К. Симоны. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий, вып. 1. Сборник ОРЯС АН, т. LXVI, № 7, СПб., 1889).
- Р — Рукописный сборник пословиц, поговорок и присказок Петровского времени (П. К. Симоны, там же).
- СНС — И. М. Снегирев. Новый сборник русских пословиц и притчей. М., 1857.
- СП — И. М. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.
- СР — И. М. Снегирев. Русские в своих пословицах, кн. 1—2. М., 1831; кн. 3, М., 1832; кн. 4, М., 1834. В этом исследовании, в отдельных главах, есть подборка пословиц.
- Т — Рукописный сборник пословиц В. Н. Татищева (заголовок не обозначен). Рукописное отделение БАН, 17.7.32.

Естественно, что, приводя пословицы и поговорки в параллель к произведениям Ломоносова, мы пользуемся в первую очередь сборниками, предшествующими по времени его выступлениям.

¹⁰ Примеры патриархальных пословиц о бороде: «Брадою честен стар, а разумом хвален млад» (СП, стр. 21), «Седая бородушка — золотая головушка» (Р, стр. 213); борода как аллегория всеведения и высокого сана — в пословицах «Ведают того больше, у кого бороды толще» (Р, стр. 212), «Ведают то больше, у кого бороды пошире» (П, стр. 89). Последняя пословица использована Сумароковым в его притче, помещенной в «Трудолюбивой пчеле»: «Когда же не знал никто, / И мне безвестно то / То знали только в мире / У коих бороды пошире». Почитание бороды в допетровской Руси и борьба за право ношения бороды, вызванная указами Петра, — факты общеизвестные. Почитание бороды отражено в изречениях раскольников, например: «Образ божий в бороде, а подобие в устах», «Брить бороду — портить образ Христов» (см., например, ДП, т. I, стр. 13).

наш совет»). Однако уже первые строки произведения подчеркивают иронический смысл ломоносовской хвады бороде. В первых трех строках поэт с ироническим пафосом отвергает традиционные гимны в честь Венеры и провозглашает новую тему — о бороде, якобы не менее достойную гимна, чем античная богиня любви. Едва ли нужно пояснять, что, отвергая обычай почитания бороды, Ломоносов так же, как народ, создавший сатирические пословицы о бороде, выступает не против уважения к старости (ср. пословицу «Борода делу не помеха»; СП, стр. 20, ДП, т. II, стр. 29), а против домостроевской морали, против церкви, которая использовала и этот древний обычай в своих целях.

Третья и четвертая строфы «Гимна», как известно, формально являются сатирой на раскольников. Ломоносов пишет о раскольниках, которые вносят в казну пеню за ношение бороды:

Борода в казне доходы
Умножает по вся годы:
Керженцам любезный брат
С радостью двойной оклад
В сбор за оную приносит,
И с поклоном низким просит
В вечный пропустить покой
Безголовым с бородой.

(Стр. 138)

Эта строфа имеет тематические и стилистические соответствия в пословицах, появившихся в связи с указом Петра о ношении бород. Фразе «Борода в казне доходы / Умножает по вся годы» соответствует по смыслу изречение петровских времен: «Без рубля бороды не отрастишь» (ДП, т. II, стр. 29), оно возникло как отклик на петровский указ, по которому раскольники облагались двойным окладом. Откупавшие свою бороду должны были носить на шее штрафную монету — медаль с изображением бороды. Очевидно, в это же время возникли пословицы: «Борода лишняя тягота» (СП, стр. 20; ДП, т. II, стр. 29), «Борода — трава, скосить можно» (ДП, т. I, стр. 15; т. II, стр. 29).¹¹

¹¹ В доказательство того, что пословица «Борода — лишняя тягота» заимствована с «штрафной» медали, которая давалась откупавшим свою бороду, И. И. Иллюстров ссылается на письмо М. Я. Диева к И. М. Снегиреву. М. Я. Диев сообщает, что видел «медную четырехугольную медаль, которую обыкновенно давали тем, кои вносили за бороду деньги: на одной стороне вытеснено: пошлины взяты 1725 г., а по краям: борода — лишняя тягота». «Последние слова, — замечает М. Я. Диев по поводу этого изрече-

Последние две строки 3-й строфы — «В вечный пропустить покой / Безголовым с бородой» — как бы пародируют пословицы об отношении раскольников к бороде, проповедовавших, что без бороды в рай (в ломоносовском «Гимне» — «вечный покой») не попасть: «Без бороды и в рай не пустят» (СР., стр. 48; ДП, т. I, стр. 13). Мотив «Без головы, но с бородой» — в таких, например, пословицах: «Режь наши головы, не тронь наши бороды» (СР, кн. II, стр. 48; ДП, т. I, стр. 13; т. II, стр. 29), «Борода дороже головы» (ДП, т. II, стр. 29),¹² А. И. Богданов в своем сборнике пословиц поместил следующее изречение: «Расколнику борода мняе как его голова» (Б, стр. 12).

Фраза из «Гимна» «безголовым с бородой» имеет двоякий смысл; это и передача пословиц о готовности раскольника расстаться с головой во имя сохранения бороды, это в то же время ироническое использование слова «безголовый» в качестве синонима слова «безмозглый».

Учитывая контекст ломоносовского «Гимна» в целом, можно заключить, что Ломоносов не видит особой разницы в отношении к бороде, и шире — ко всему косному, домостроевскому, — у раскольников и в массе служителей официальной церкви.¹³

В 4-й строфе речь идет о раскольниковцем «вероучителе».

Не напрасно он дерзает,
Верно свой прибыток знает:
Лишь разглядит он усы,
Смертной не боясь грозы,
Скачут в пламень суеверы;
Сколько с Оби и Печеры
После них богатств домов
Достаёт он бородой.

(Стр. 138).

ния, — нередко мне случалось слышать вроде поговорки» (письмо Диева — в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских», М., 1887, кн. I, стр. 50).

¹² Происхождение этих пословиц относится к Петровским временам. По свидетельству одного из современников Петра I, раскольники говорили: «Готовы главы наши за брады наши положить». О том же свидетельствует Чулков. В «Словаре русских суеверий» он поместил следующую заметку: «Борода, раскольники, именующие себя староверами, сию кучу волосов почитают выше всех своих членов и дороже самой их головы, мня, что они с бороною составляют образ и подобие божие... а для сей неправосоставленной ими системы лучше хотят быть лишены головы, нежели бороды; чем и многих простаков заразили» (Словарь русских суеверий, СПб., 1782, стр. 4—5).

¹³ Старший современник Ломоносова, Кантемир писал: «Широкою бороду и по брюху распушено невежи священническому чину за особливую украсу приписуют» (Сочинения, письма и избранные переводы А. Д. Кантемира, т. I, СПб., 1867, стр. 30).

Анализ этой строфы показывает, что сатира на раскольников обращена и против официальной церкви. Раскольников «законоучитель», проповедник самосожжения, извлекает «прибыток» из религиозных верований, которые сам же распространяет. Лишь только «разглядит он усы» (нужно думать, намек на убеждение раскольников, выраженное в пословице: «Образ божий в бороде, а подобие в усах»), «суеверы», сохраняя бороду, расстаются с головой, «скачут в пламень», идут на самосожжение. Богатства «самосожженцев» достаются законоучителю: «Сколько... / После них богатств домой / Достает он бородой». Здесь борода — символ суеверия, которое эксплуатируют в целях наживы.¹⁴

В 7-й и 8-й строфах, прямо относящихся к попам казенным, к официальной церкви, борода — это средство, при помощи которого поп «будет нескуден», «великая борода» — «мать дородства», «мать достатков».

Поэт не ограничивается критикой духовенства как врага научного знания — «Гимн» показывает церковь как силу паразитическую: «борода», церковный сан, церковный обряд — это источник дохода. Ту же мысль Ломоносов высказал в работе «О сохранении и размножении российского народа». Констатируя, что обряд крещения является одной из причин большой детской смертности, Ломоносов писал: «Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодной водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти».¹⁵ О том же говорит и общеизвестная народная пословица: «Родись, женись, умирай — за все попу деньги отдавай». Следовательно, «Гимн бороде» (так же, как трактат «О сохранении и размножении российского народа») отражает отношение народа к экономической практике церкви, породившее не только сатирические сказки, но и многочисленные, до сих пор не забытые пословицы. Показательно, что такие пословицы входят уже в сборники XVII и XVIII веков, например в «Повестях или пословицах всенароднейших по алфавиту»: «Кому тошно, а попу в мошно» (стр. 115), «Попам да клопам жить добро», «Попы паствятся над мертвым,

¹⁴ Очевидно, Ломоносов обратил внимание на то, что раскол использовался определенной частью старообрядцев в качестве средства наживы на единоверцах и влияния на них.

¹⁵ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 391. — Разрядка моя, — Г. Б. — В этом трактате Ломоносов говорит о больших церковных праздниках, приносящих доход церкви, как о страшном зле народной жизни. Он доказывал, что один только первый день пасхи («великий день») уносит ежегодно тысячи жизней.

а клопы над живым» (стр. 132), «Ждучи поп усопших, да сам уснул» (стр. 103), «Поп любит блин, а ел бы он один» (стр. 132), «Сыт пономарь и попу подает» (стр. 142; та же пословица в сборнике стр. 71), «Хорошо попам, да поповичам: дураками их зовут да пирогами им дают» (стр. 150), «От священника молитва, от людей пять рублей» (стр. 152); в сборниках А. И. Богданова: «Попа плешью не стражай, от ее сыт бывает» (допетровский обычай простригать у священников макушку при «рукоположении», Б, стр. 179), В. Н. Татищева: «Не грози попу церковь, от нее сыт бывает»,¹⁶ «Попа сеном не кормят» (Т, стр. 44, 59); та же пословица в сборнике Богданова (Бг, стр. 179); в «Собрании 4291 древних российских пословиц»: «Богу слава, а попу каравай сала», «Деревенский попок любит горячий пирог» (ДРП, стр. 9, 51). Антиклерикальные пословицы отмечены В. П. Адриановой-Перетц в рукописном сборнике конца XVII—начала XVIII века (Рукописное отделение БАН СССР).¹⁷

Народная пословица отмечает, что «Великий день» выгоден для духовенства: «Коли б то можно бути через зиму котом, через лито пастухом, а на Велик день попом» (И, стр. 135).

Таким образом, ломоносовский стих о бороде как «матери» достатков и дородства имеет общую основу с народными пословицами о поповской корысти. Использование мотива о бороде как аллегории церковного прибытка отмечаем в старинной народной пословице «У Власия — и борода в масле» («приношения» прихожан на церковь «натурой» — маслом на Власиев день — ставились под икону Власия).¹⁸

В 5-й, 7-й и 8-й строфах Ломоносов развивает следующую мысль: борода — «прикраса», она заменяет ум, совесть, за «великой бородой» скрываются «дураки, ввали, проказы». Этот мотив «Гимна бороде» имеет множество параллелей в русских пословицах о бороде.

Так, в «Гимне бороде» «ввали, проказы» прикрываются «великой бородой».

Слово «проказы» требует пояснений. В I томе «Словаря церковно-славянского языка» А. Х. Востокова, 1858 года — «про-

¹⁶ В этой последней пословице слова «от нее сыт бывает» приписаны другим почерком. Сличение сборников Татищева и Богданова создает впечатление, что почерк в тексте второго сборника и в приписках, имеющих в первом сборнике один и тот же. Оба содержат весьма яркие антицерковные пословицы.

¹⁷ В. П. Адрианова-Перетц. К истории русской пословицы. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 62—63.

¹⁸ А. Коринорский. Народная Русь. 1901, стр. 151.

каза... проказы... вредные козни»; во II томе «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского, 1902 года — «проказа» — «зло, вред, злодеяние»; «проказство» — лукавство, коварство; там же с аналогичным смыслом — «прокуда» («вред, зло, грех») и «прокудник» в значении «распутник». «Толковый словарь» Даля (т. III) и областные словари¹⁹ свидетельствуют о том, что понимание слова «проказить» в смысле «красть», «лукавить», «хитрить», «обманывать» и т. п., зафиксированное в древнерусском языке, сохранилось и в XIX веке. Следовательно, оно жило с таким значением и в языке XVIII века.

Учитывая это словоупотребление, с одной стороны, и с другой — общую направленность «Гимна бороде», можно не сомневаться в том, что слово «проказы» автор «Гимна» употребил не как синоним слова «шалуны», а в смысле «коварные», «лукавые», «хитрые», «злые», «обманщики», «развратники» и т. д.²⁰ Вот что говорит Ломоносов о «проказах», «прокудах», «прокудниках», прикрывающихся «великой бородой», иноческим саном: «... в чернечестве блуднику, прелюбодею или еще и мужеложцу литургию служить и всякие тайны совершать дается воля», «... монашество в молодости ничто иное есть, как черным платем прикрытое блудодеяние...».²¹

«Проказам», «прокудам», прикрытым «великой бородой», посвящено много народных пословиц и поговорок. Достаточно выразительными являются следующие примеры из сборников XVII—XVIII веков (преимущественно первой половины XVIII века): «Верь бороде, а порука в воде» (П, стр. 87; К. Г., стр. 110), «Верил бороде, а порука в воде» (Р, стр. 212); «По образу Никола, а по усу Илья, а по уму свинья» (Р, стр. 204); «По бороде Никола, а по зубам собака» (Т., стр. 57); «Апостольска бородка, а чертовский усок» (Б, стр. 12); «Боро-

¹⁹ Опыт областного великорусского словаря. Изд. АН, 1852; «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». Изд. 2-е, СПб., 1858.

²⁰ Очевидно, употребление Ломоносовым слова «проказы», как синонима «проказники» грамматически однотипно с употреблением слова «прокуды» в смысле «притворщики», «обманщики», «хитрые», «лукавые люди», «распутники» и т. д. Возможно, что замена Ломоносовым слова «проказники» словом «проказы» вызвана требованиями соблюдения ритма и рифмы («проказы» — «безглазые»).

²¹ М. В. Ломоносов. О сохранении и размножении российского народа. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 387. В «Примечаниях <об обязанностях духовенства>» Ломоносов писал: «... при всякой пирушке по городам и по деревням попы — первые пьяницы. И не довольствуясь тем, с обеда по кабакам ходят, а иногда и до крови дерутся» (там же, стр. 408).

душка апостольская, а усок дьявольский» (ДРП, стр. 9).²² Все эти пословицы повторены затем в сборниках XIX—XX веков.

Мотив клятвы бородой, отмеченный нами выше, а также пословичный мотив о бороде и голове — в том же, сатирическом, направлении, но с новым смыслом и несравненно большей заостренностью используются в 6-й строфе «Гимна»:

Есть ли правда, что планеты —
Нашему подобны свету,
Конче в оных мудрецы
И всех пуще там жрецы
Уверяют бороною,
Что нас нет здесь головою.
Скажет кто: мы вправду тут —
В струбе там того сожгут.

(Стр. 139)²³

Аргументы церковников против теории множества миров — это «уверения бородою». Превратив священников в жрецов иных

²² Яркие пословицы на ту же тему имеются у Даля: «По бороде хоть в рай, а по делам — ай-ай!» (т. III, стр. 193), «По бороде давно бы ему быть в воде», «По бороде быть бы тебе в воде, да усы не пускают» (т. I, стр. 212), «Четки на руке, а девки на уме», «По бороде апостол, а по зубам собака», «Стоит ад попами, дьяками да неправедными судьями» (т. III, стр. 192, 193, 204). Очевидно, дополнительные сличения показали бы, что большинство этих пословиц Даля — старинные.

²³ Этой строфе близка великолепная отповедь церковникам — противникам теории множества миров, данная Ломоносовым в работе «Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санкт-Петербургской... Академии наук...». Здесь Ломоносов писал: «Некоторые спрашивают, ежели-де на планетах есть живущие нам подобные люди, то какой они веры? Проповедано ли им Евангелие? Крещены ли они в веру Христову?». Ломоносов по поводу этих вопросов заявил: «Сим дается ответ вопросный. В южных великих землях, коих берега в нынешние времена почти только примечены мореплавателями, тамошние жители, также и в других неведомых землях обитатели, люди видом, языком и всеми поведениями от нас отменные, какой веры? и кто им проповедал Евангелие? Ежели кто про то знать или их обратить и крестить хочет, тот пусть... туда пойдет. И как свою проповедь окончит, то после пусть поедет для того ж и на Венеру. Только бы труд его не был напрасен. Может быть тамошние люди в Адаме не согрешили, и для того всех из того следствий не надобно» (М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. IV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 374—375). Параллель к данным словам Ломоносова — заметка в «Трутне» Новикова: в «Ведомостях» (1769) сообщается, что некий Безрассуд, познакомившись с теорией множества миров, лишился «совсем ума», «ездит ныне ко своим родственникам и знакомым и прощается, сказывая, что он в висячие отправляется миры для проповеди и что он там, яко у непросвещенных людей, всеконечно за веру пострадает» (Сатирические журналы Н. И. Новикова. Редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова, М.—Л., 1951, стр. 113—114).

планет, Ломоносов оценивает отношение церкви к науке: если кто станет отстаивать научную теорию мироздания, того сожгут в срубе. Ломоносов подчеркивает, что в преследовании научной мысли церковь проявляет такое же изуверство, как и в истреблении раскола.

Приведем еще параллель между «Гимном бороде» и пословицами: «Дураки», люди «в разуме незрелом» и их большая («великая») борода. Благодаря ей дурак будет считаться умным («будет рассуден»). Много русских пословиц говорит о большой бороде и малом разуме: «Борода, что ворота, а ума с малой прикалиток» (II, стр. 79); эта пословица в приведенной редакции и с незначительными вариантами встречается во многих сборниках XVIII века,²⁴ «Без уса борода — без ума голова» (II, стр. 79), «Борода выросла, да ума не вынесла» (Т, стр. 5; см. также из сборников XVIII века: Б, стр. 12, КГ, стр. 109; КП, стр. 123; ДРП, стр. 9; из сборников XIX века: СП, стр. 20; ДП, т. II, стр. 29), «Борода с воз, а ума с накопыльник нету» (ДП, т. II, стр. 72 и 163), «Нос (борода) с локоток, а ума с ноготок (там же, стр. 163), «Борода велика (см. в «Гимне» — «Для великой бороды»), а ума ни на лыко» (ДП, т. III, стр. 192). Смысл этих пословиц обобщен в пословице: «Мудрость в голове, а не в бороде» (ДП, т. II, стр. 29). О глупости как о типичной черте попов говорят также, например, пословицы: «Храбрых в тюрьме, мудрых на кабаке, а глупых искать в попех» (II, стр. 148), «Умен, что поп Семен: книги продал да карты купил» (Б, стр. 209); ср.: «Умен, как поп Семен; книги продал, да карты купил; забился в овин, да играет один» (СП, стр. 415).²⁵

Параллели к мотиву о большой и «глупой» бороде, использованному в ломоносовских сатирах, находим не только в устном народном творчестве, но и в народной письменной литературе — в «Притче о старом муже и молодой девице» («посконная борода»),²⁶ в лубочной сатире «О женщине и глупом ста-

²⁴ Р, стр. 175; Б, стр. 12; КП, стр. 123; ДРП, стр. 9. Из сборников XIX века: СП, стр. 21; ПДП, т. II, стр. 29, 163. Сильнее эта же пословица звучит в варианте: «Борода, что ворота, а ума и с прикалиток нет» (например: Б, стр. 12).

²⁵ В работе «К истории русской пословицы» В. П. Адрианова-Перетц, на стр. 63, приводит пословицу из сборника бывш. петровской галереи (конец XVII — начало XVIII века): «Поп пьяный, книги продал, да карты купил».

²⁶ В сборнике Д. И. Богданова есть поговорка: «Борода что посконное помело» (Б, стр. 12).

рике... большой бороде»,²⁷ в лубке «Ералаш с молодницей», высмеивающем длинную бороду и глупого обладателя бороды.²⁸

Приведенные нами пословицы о большой бороде и глупости, несомненно, имеют антидомостроевский характер, и в этом плане они воспринимаются как факты антиклерикального фольклора, хотя и не говорят прямо о попах. По-видимому, в быту, в живой речи их относили и к мирянам и к священникам.

В «Гимне бороде» мотив о «великой бороде», украшающей дурака, отнесен именно к церковникам. Имея истоки в пословицах, этот мотив приобретает в сатире Ломоносова особую заостренность и совершенно явную антиклерикальную направленность: большая борода заменяет ум, потому что борода — это церковный сан.

В плане наблюдений над фольклорным элементом «Гимна» несомненный интерес представляет стих: «Борода — глазам замена!» Такого изречения в просмотренных сборниках пословиц мы не нашли. Однако в «Толковом словаре» Даля эта фраза дана как пословица: «Борода глазам замена» и объяснена так: «иной плюнул бы в глаза, а плюнет в бороду»; ср. с этим: «Плюнь ему в глаза, врет он», «Хоть плюй в глаза — и то божья роса!»²⁹ Если понимать эту фразу так, как ее объясняет Даль, то тогда последующие строки строфы могут быть восприняты как пояснение от автора: «дураки, ввали, проказы» сохраняют глаза потому, что люди плюют им в бороду. Именно так, очевидно, понял эту строфу автор пастыря «Передетая борода», писавший в ответ на «Гимн бороде»: «Люди, правда, хоть велят / В бороду глупцам плевать...» Однако в соответствии с 7-й строфой это изречение получает другой смысл: борода заменяет ум, человек «в разуме незрелом» будет благодаря бороде (т. е. церковному сану) считаться умным (будет «рассуден»). Во многих сборниках есть пословица «Борода козлу не замена» (или «Козлу борода не замена», П, стр. 79, 112; Т, стр. 32; Б, стр. 12, а также в сборниках XIX в.). Смысл этой пословицы: если человек имеет бороду, но не имеет ума, то по бороде и глупости его

²⁷ Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. I, СПб., 1881, стр. 450.

²⁸ Там же, стр. 348—349.

²⁹ В. И. Даль. Толковый словарь, т. I, М., 1955, стр. 115; т. III, М., 1955, стр. 123. В сверстанной, но не вышедшей в свет в связи с начавшейся войной книге пермского краеведа и фольклориста В. Н. Серебренникова (псевдоним Г. Аргентов) «Фольклор Прикамья» (Свердловск, 1941), приведена пословица: «Борода — не вреда, глазам — замена» (стр. 23).

можно сравнить с козлом, однако борода не заменит ему ума, борода уму не замена. Именно об этом говорят пословицы, помещенные в «Российской универсальной грамматике» Курганова: «Борода глазам (козлу) не замена» (КГ, 110; в «Собрании 4291 древних российских пословиц» эти два изречения даны раздельно); здесь глаза — синоним ума, так же, как в пословице «Борода глазам (уму) не замена» (ДП, т. II, стр. 72). Пришла ли фраза «Борода — глазам замена» в сатиру Ломоносова как пословица, созданная до него в значении, на которое указал Даль, или же Ломоносов дал эту фразу, как антитезу по отношению к пословице «Борода глазам (уму) не замена» и таким образом подчеркнул, что порядок вещей, при котором «Борода — глазам замена», противоречит здравому смыслу, народному взгляду на вещи, — и в том и другом случае он не явился простым передатчиком пословицы, а использовал ее творчески, подчинил общему идейному замыслу своей сатиры.³⁰

В «Гимне бороде» духовенство неоднократно изобличается в форме оценки существующих традиций как противоречащих тому, что должно быть. Если ничтожный церковник благодаря «великой бороде» — церковному сану «выходит в люди», становится «знатен» «и нескуден», то пословица говорит: «Бородой в люди не выйдешь» (ДП, т. II, стр. 29).

В двух последних строфах «Гимна» идет речь о намерении автора ухаживать за бородой — расчесывать ее, растить, умащивать и т. д., т. е. держать ее в холе. Любопытно, что мотив холеной бороды есть и в пословицах: «Держать бороду, держать холю» (ОП, стр. 90). Известно, что уход за бородой составлял одну из забот щеголей допетровской Руси — церковников и мирян. Ломоносов придает резко комический и сатирический оттенок этому мотиву тем, что «ветхозаветную» бороду уподобляет щегольскому парикю: «наряжает» «по всем модам» — так, как это делалось с париком: завивает тупей (взбитый хохол на голове), пудрит, заплетает бороду в косу и прячет ее в «кошелек» — мешок для поддержания косы, — всё это Ломоносов называет «уборами». У Ровинского в «Русских народных картинках» помещена «Ода о прекрасном уборе» (т. I, стр. 463—464) — сатира на прическу щеголихи XVIII века.

«Гимн бороде» обнаруживает и стилистическую связь с пословицами, при этом она сказывается не столько в форме от-

³⁰ О возможностях различного толкования текста 5-й строфы «Гимна бороде» не говорим за недостатком места.

дельных языковых соответствий, сколько в общем характере стиля ломоносовской сатиры. Афористичность «Гимна», которую мы ощущаем при чтении, имеет своим источником живую речь широких народных масс, уходит своими корнями в стиль русской народной пословицы по преимуществу. При этом стиль «Гимна» не тождествен стилю пословицы. Афоризмы «Гимна бороде» преимущественно являются частью самостоятельного предложения. В этом произведении фраза включает (как свою часть) одно предложение афористического типа. Иногда здесь ломоносовский период воспринимается от начала и до конца как сочетание нескольких афоризмов. Афористический, пословичный строй имеют, например, следующие фразы: «Не явится борода, / Не открыты ворота» (самостоятельное предложение); «Борода в казне доходы / Умножает по вся годы» (часть самостоятельного предложения); «...Борода глазам замена...» (часть самостоятельного предложения), «Дураки, ввали проказы / Были бы без ней (бороды, — Г. Б.) безглазы...» (часть самостоятельного предложения). В 8-й строфе каждая часть самостоятельного предложения, совпадая со стихотворной строкой, служит определением одного из «достоинств» бороды, и каждое простое предложение, входящее в состав периода, представляет собою своеобразный афоризм с той особенностью, что подлежащее в нем не повторяется, так как каждый из афоризмов относится к одному предмету (бороде). Борода — «мать дородства и умов», она «мать недостатков и чинов», «корень действий невозможных», борода — «завеса мнений ложных». (Как известно, последнее изречение было особо выделено церковниками).³¹

К фольклорному элементу «Гимна» мы относим совпадения рифмы в ломоносовской сатире и в пословицах; при этом мы приводим такие пословицы, которые зафиксированы уже в XVII столетии: «Гимн бороде» — «Не явится борода, / Не открыты ворота», пословица — «Борода, что ворота...» (П, стр. 79); «Гимн бороде» — «Уверяют бородюю, / Что нас нет здесь головою», пословицы — «Без уса борода, без ума голова» (П, стр. 79); «Волосат без бороды, а усат без головы» (П, стр. 87), «Не отсохнет голова будь борода» (П, стр. 129).

³¹ В докладе Синода Елизавете по поводу «Гимна бороде»: «...пашквилянт... чрез название бороду ложных мнений завесою всех святых отец учения и предания еретически похулил» (Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 165—166, втор. пагин.).

Фольклорное начало оказывается и в других антицерковных сатирах Ломоносова: «О страх!...», «Зубницкому», «Ода Трессотину», «Суд бородам».³²

Как и в «Гимне», идея каждого из этих произведений оформляется в аллегорическом образе бороды, сотканном из развитых и переосмысленных мотивов народных сатирических пословиц. Общий смысл аллегорического образа бороды в стихах, последовавших за «Гимном», такой же, как и в «Гимне». Вместе с тем, раскрытие в них народных мотивов о бороде приобретает некоторые новые оттенки.

В «оде Трессотину» изображается «поднятая борода», аллегорическое обозначение лжепророка, побуждающего раскольников-суеверов к самосожжению (во имя «святой бороды» они идут за своим пастырем «в рай... пылая», ср. в «Гимне» — «Скачут в пламень суеверы») и в то же время это автор пасквиля «Передетая борода, или гимн пьяной голове» (автором этого пасквиля Ломоносов считал Третьяковского), «поднятая борода» — это флаг, вокруг которого собрался «злой сброд», мракобесы и который явился знаком к активным действиям против науки, против Ломоносова.

В сатире «Суд бородам» мотив бороды представляет в новом варианте: «борода над бородами» — аллегорическое обозначение Синода. Новая деталь подчинена основному замыслу произведения: оно направлено против Синода в первую очередь. Но Ломоносов показывает не только членов Синода, но и «тьму бород», которые пришли жаловаться на автора «Гимна бороде» и требовать расправы с «брадоборцем». Таким образом, поэт использует мотив бороды, показывая, что его сатира вызвала реакцию в широких кругах духовенства. Другая новая деталь в произведении «Суд бородам» — это портретная функция аллегорического образа бороды.³³

Ломоносов продолжает использовать народный мотив большой бороды (см. пословицы: «Борода велика...», «Борода

³² О принадлежности «Оды Трессотину» и «Суда бородам» Ломоносову см.: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени, стр. 226—235; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Изд. 3-е, М., 1955, стр. 162. Тексты см. в указанном исследовании П. Н. Беркова, а также: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II.

³³ О намеках Ломоносова на членов Синода см. в том же исследовании: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени, стр. 231, 234—235. Отметим, что Ломоносов путем описания «внешних» признаков бороды передает «переживания» ее обладателей: бороды «расширяются», трясутся, вьются кнутами и т. д. Подобный прием в пословице: «У Игната к пирогам борода с лопату, а увидел дубину, борода клином» (СР, стр. 413).

с воз...», «Борода с ворота...», «Борода с посконное повесмо» и др.), но теперь это борода — «помело» сатаны («Ода Трессотину», «О страх!», «Суд бородам»); данная деталь в ряду с другими оформляет одну из новых тем сатирических стихов — ярость церковников, вызванную «Гимном бороде». Для сатирического изображения сатанинской злобы мракобесов Ломоносов использует (см. «О страх!..», «Суд бородам») другой мотив русских пословиц — усов и бороды: сатану дернули за бороду, и потому его усы «наполнены» «огнем» («усок дьявольский» — в пословице); бородами, сплетенными в сеть, церковники изловят, а усами, свитыми в плеть, засекут «брадоборца», врага церкви, т. е. Ломоносова.

В сатире «О страх!..» Ломоносов развивает сравнение попов с козлами («Козлята малые роятся с бородами / Коль много почтены они перед попами» и т. д.).³⁴ Этот мотив имеет основу в народных пословицах, сравнивающих бородатых людей с козлами, в речениях, которые входили в язык быта, в обиход (например, «козлиная борода»). Но в ломоносовской сатире мотив попов и козлов чреват «кощунством», — направленный против духовенства, он служит намеком на то, что борода не «удостоена» «тайнств святого крещения»; ломоносовский стих о козлах и попах прямо связан с смыслом с припевом о «некрещенной бороде» (в «Гимне»). Продолжая один из мотивов «Гимна» — «удобренной», «унавоженной бороды», сатира «О страх!..» изображает «тучную бороду», ставшую обиталищем «премножества площади...». На аналогичном мотиве — заселенной «живностью» бороды — строится лубочный анекдот «Ералаш и молодица».³⁵

Однако в ломоносовском произведении «О страх!..» та же натуралистическая деталь используется как элемент острой антиклерикальной сатиры: попы уподобляются площадим, а заселенная площадью борода — земле. Площадки «меж собой как люди рассуждают, / Других с площадками бород не признают...» Так же, как попы считают, что не существует других планет, кроме земли, так и площадки «признают» существующей только ту бороду, которая является их жилищем. Малозначащая деталь, пришедшая из какого-нибудь народного анекдота, из «обиходной», «сниженной» речи, развернута в пародию на церковную космогонию. Таким образом, сатира «О страх!..» про-

³⁴ В доносе Синода на Ломоносова было сказано. «Между многими явными духовному чину ругательствы, б.разумных козлят далеко почтеннейшими, нежели попов, ставит. А при конце точно их назвавши козлами...» и т. д. (М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 186, втор. пагин.).

³⁵ Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. I, стр. 438—439.

должает тему 6-й строфы «Гимна бороде», тему, развернутую в исследовании «Явление Венеры на солнце».

Приведенные выше наблюдения позволяют внести новые данные в вопрос об отношении Ломоносова к фольклору.

Поэзия Ломоносова в ее сатирической линии тесно связана с русским народным творчеством. Сатирическая тема о бороде, развернутая Ломоносовым, имеет фольклорные истоки — она возникла в русском народном творчестве не позднее XVII века; ломоносовской сатире на «бороду» предшествует сатира народная. Почти все мотивы ломоносовской антиклерикальной поэзии имеют соответствия в русском сатирическом фольклоре, прежде всего — в пословичном.

Общность сатирической характеристики духовенства в антиклерикальной поэзии Ломоносова и в народном творчестве обусловлена идейными и художественными позициями писателя. В своей критике церковников Ломоносов отразил народное мнение. Не случайно в ломоносовском «Гимне» аллегорический образ бороды оказался средоточием таких черт духовенства, которые издавна были знакомы народу и показаны в фольклоре.

В «Гимне бороде» есть «грубый» реализм, сближающийся с реализмом русских народных сатирических сказок, сатирических антимонашеских песен, пословиц и поговорок. В самом стиле ломоносовских памфлетов есть энергия, живость, точность, грубоватое и беспощадное остроумие меткого народного слова. Без всяких сомнений, пословицы, поговорки, мотивы и стиль которых проступают в антиклерикальной поэзии Ломоносова, не были для поэта материалом, к которому он шел «со стороны». В 1824 году Пушкин писал: «...вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания».³⁶ Тем не менее, именно Пушкин, как известно, в совершенстве постиг дух русской народной поэзии. Ломоносову не надо было преодолевать те недостатки воспитания, о которых писал Пушкин. Народные пословицы составляли органический элемент мышления и языка бывшего крестьянина. Народный опыт не только обогащал научное мышление³⁷ Ломоносова, но и прорывался в его поэзии. Фольклор-

³⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XIII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 121.

³⁷ Едва ли будет правильным считать, что связь сатирических стихов Ломоносова с пословицами ни в какой степени не осознавалась им. Автор «Гимна бороде» проявлял специальный интерес к пословицам и поговоркам. См. указанную выше (в прим. 1) статью П. Н. Беркова «Ломоносов и фольклор», а также мою статью «Русское народное поэтическое творчество как

ная традиция сатирических стихов Ломоносова восходит к народным основам его культуры.

В ломоносовском «Гимне» нет установки на индивидуализацию сатирического персонажа. Но эта черта «Гимна» скорее идет от традиций фольклора, чем от рационалистичности художественной манеры ломоносовской эпохи. Сатирический образ антиклерикальной поэзии Ломоносова принципиально отличается от персонажей «правильной» сатиры, создававшихся как олицетворение «господствующей страсти» в ее «чистом» виде. Не считаясь с правилами сатирического жанра в эстетике классицизма, с теорией «господствующей страсти», Ломоносов рисует не ханжу вообще, а «поповскую породу» с ее невежеством и мракобесием, с духовным убожеством и моральной низостью, жадностью и паразитизмом, он перечисляет типичные черты церковника, одну за другой. В работе над антиклерикальной сатирой Ломоносовым руководили не литературные «правила», а желание дать бой церковной реакции, показать ее подлинное лицо, сказать полным голосом всю правду о ней. Так, в острой идейной борьбе с силами реакции, из поэтической практики, подчинившейся передовым общественным задачам, возникает, может быть, теоретически даже не осозанный, новый творческий принцип: Ломоносов-сатирик идет не от жанрового шаблона, а от самой действительности, от своего жизненного опыта, впитавшего опыт народа.

Позиция воинствующего просветителя, борца с церковной реакцией, установка Ломоносова-сатирика на создание обобщенного и заостренного образа — всё это вносило творческое начало в связи его антиклерикальных стихов с народной поэзией. Народная традиция в этих стихах обогащается уже в силу того, что антиклерикальная сатира Ломоносова представляет в известном смысле более высокий тип обобщения действительности в сравнении с произведением сатирического фольклора. В памфлетах Ломоносова антицерковная, антимостроевская направленность народных пословиц и поговорок не только не приглушена, но становится более резкой и целенаправленной. Обогащенные, получившие еще большую заостренность, фольклорные мотивы сливаются здесь в правдивом сатирическом портрете. Ни одно отдельно взятое произведение антицерковного фольклора (пословица и поговорка, сатирическая песня и сказка) не охватывает полностью тех качеств сатирического персонажа, которые сконцентрированы Ломоносовым в одном образе. К тому же

материал филологических работ Ломоносова» — «Известия Отд. лит. и языка АН СССР», т. XVI, вып. 2, 1957.

при посредстве этого образа проведена такая тема, которая не могла стать достоянием фольклора XVIII столетия: тема борьбы вокруг теории мироздания. Антицерковная поэзия Ломоносова несет в себе творческое, идейно-художественное обобщение мотивов и образов народной сатиры. В творчестве Ломоносова сатирический фольклор обогащен передовой для своего времени просветительской мыслью, поднят на новую ступень поэтической культуры. И в то же время связи антицерковной сатиры Ломоносова с русским фольклором делают ее более полнокровной, реалистической, оформляют ее народность и национальное своеобразие.

Этим самым решается вопрос и о характере восприятия поэтом одного из актуальных, социально острых начал в русском народном творчестве XVIII века. Ломоносов не только принял фольклор, отразивший дух критики, дух протеста русского народа против церковного засилия, но и сделал оружием борьбы с врагами науки. Народное свободомыслие, проявившееся в остром слове, в сатирической пословице и поговорке, шло навстречу устремлениям воинствующего просветителя демократического склада, пропагандиста антиклерикальной идеологии. Опора сатирического поэта Ломоносова на народную сатиру, творческое усвоение ее и оплодотворение передовыми просветительскими идеями — всё это означало, что русский сатирический фольклор определенными своими элементами включался в культуру передового русского просвещения XVIII века, утверждался в роли творческого источника передовой национальной литературы. Это была одна из форм проявления действительности русского народного творчества.

Анализ народнопоэтической традиции в сатирических стихах Ломоносова ставит исследователя перед проблемой связей ломоносовской антиклерикальной поэзии с народной сатирической литературой второй половины XVII века.

Прежде чем народное творчество было использовано в антиклерикальных стихах Ломоносова, оно уже послужило основой противоцерковной сатирической повести XVII столетия.

Русская демократическая сатира второй половины XVII века и сатирические стихи Ломоносова сопоставимы по их отношению к церковно-схоластической идеологии.³⁸

³⁸ О сатире XVII века см. работы В. П. Адриановой-Перетц: *Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в.* М.—Л., 1937; *Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII в.* — глава в книге «Русское народное поэтическое творчество», т. I. М.—Л., 1953; *Русская демократическая сатира XVII века.* М.—Л., 1954 (статья и комментарии), и др.

В озорном юморе, «глумстве», с каким народная повесть изображает персонажей Библии и пользуется церковными текстами, есть ростки свободного, скептического отношения к церковному правоверию.

В научной литературе неоднократно проводился в качестве иллюстрации смелого просветительского вольномыслия В. Н. Татищева рассказ Феофана Прокоповича³⁹ о том, что Татищев отрицал принадлежность «Песни песней» к священному писанию, считая ее произведением светским.

Но в памятниках демократической литературы второй половины XVII века, например «Повести о бражнике», обращение с текстами священного писания, с героями Ветхого и Нового завета проникнуто еще большей дерзостью, чем отзыв дворянского просветителя о «Песне песней». В комическом «прении» бражника с апостолами есть элементы рациональной критики канонических текстов и христианских догм. Автор повести о бражнике подмечает в «Писании» противоречия, например между евангельским «друг друга любяй» — учением о всепрощении, и идеей наказания за грехи. Церковно-догматическому правоверию повесть противопоставляет здравый смысл. Это тоже вольнодумство, хотя и не освещенное теоретической мыслью. Оно возникло как реакция народа на враждебные устои жизни.

В работах по истории русской философии отмечается в качестве характерной черты процесс «борьбы против господствовавшей религиозно-схоластической идеологии».⁴⁰

В этот процесс включается своими сильными сторонами и русское народное творчество.

Доказывая, что религиозность не свойственна русскому народу, Белинский привел пословицу: «Годится — молиться, а не годится — горшки покрывать». В сборниках XVII—начала XVIII века мы находим не менее выразительные пословицы: «В одном дереве икона и лопата», «Аллилуя петь над поклонами преть», «Грядет Макар к вечерне от собак на кабак» (П, стр. 85, 74, 92), «Бога молит, затылком в пол колотит», «Молбен пет, а полги нет, ладан выкадил, а беса не выгонил», «Был в Палестине — стоял лицом к стине» (Р, стр. 176, 186, 176).

Отражение народного свободомыслия в пословичном фольклоре отмечалось Горьким, приводившим такие афоризмы, как

³⁹ Феофан Прокопович. Рассуждение о книге Соломоновой... М., 1774.

⁴⁰ И. Т. Иовчук. Об исторических особенностях и основных этапах развития русской философии. Сб. «Из истории русской философии», М., 1951, стр. 11—12.

«молился, молился, а гол, как родился». Это свободомыслие Горький вскрыл в русском героическом эпосе, в озорном богоборчестве новгородского богатыря «грамоте ученого» Василия Буслаева, в гневном протесте предводителя «голей», любимого народного героя Ильи Муромца. Горький показал, что кощунство Буслаева, стрельба «мужика-богатыря» Ильи Муромца «по церковным главам» — мотивы, которые существовали в эпосе вопреки интересам церкви и оформляли протест народа против гнета.⁴¹ В былинном эпосе сказалась критическая мысль, она противостояла церковной проповеди, которая внушала: «умом ниже — богу ближе». В былинах о Василии Буслаеве смелость разума показана как проявление богатырства.⁴²

Критическое отношение к церковной догме, поэтизация «дерзости разума и деяния» (Горький), богоборческие тенденции, антицерковная сатира, «ясность и положительность» народного ума (Белинский), утверждение силы знания — всё это черты, которыми русский фольклор веками стихийно противостоял клерикальной идеологии и которые в ряду с другими идеями народного творчества позволяют видеть в нем один из истоков русской материалистической мысли. В связи с этим будет закономерным ставить вопрос о преемственности развития русской прогрессивной мысли от антицерковных тенденций, присущих фольклору и демократической литературе средневековья, к антиклерикальным, просветительским идеям Ломоносова. С появлением сатирической повести антиклерикальные начала, жившие в сознании и устном художественном творчестве народа, впервые нашли рельефное выражение и в древней русской литературе и дали ей новое направление. Противоцерковная сатира народной повести XVII века и просветительской поэзии первой половины XVIII века соответствуют двум крупным этапам в преодолении господства клерикальной культуры, в движении русской литературы от противоцерковных тенденций к антиклерикальной идеологии.⁴³ Белинский писал, что «любовь к свету, выразившаяся в пословице: „ученье свет, неученье тьма“, составляет одно из лучших и благороднейших свойств русского

⁴¹ А. М. Горький. О религиозно-мифологическом моменте в эпосе древних. Собрание сочинений, т. 27, М., 1953.

⁴² Значительное место былинам о Василии Буслаеве уделено в исследовании В. Я. Проппа: Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 427—460.

⁴³ Считаю необходимым при этом подчеркнуть, что демократическую сатиру XVII века и просветительскую сатиру первой половины XVIII века мы выделяем как наиболее важные для указанного времени, но не единственные явления в этом процессе; к тому же, как известно, и раннее русское просветительство уже не было однородным.

народа...»⁴⁴ Любовь к свету как одна из характерных черт народа воплотилась в созидательной деятельности, в ясной материалистической мысли великого просветителя, в его борьбе против клерикальной идеологии, церковного мракобесия, пинтизма.

Общность оценки и реалистичность изображения церковников в стихах Ломоносова и в сатирических повестях, а также связь этих произведений (качественно различная) с устным народным творчеством обуславливают родственность существенных художественных мотивов и приемов. Так, например, мотив о поповском скудоумии, известный по произведению фольклора и развернутый в «Гимне бороде», входит в сатирическую повесть. В «Азбуке о голом и небогатом человеке» — это «Фома поп глуп», в «Сказании о попе Савве» — это сам Савва: показывая его как хитрого добытчика и эксплуататора, автор в то же время с особенной настойчивостью подчеркивает глупость попа: Савва — «шелной», «дурной поп», «глупый папенцо», «глупой», «прямой дурак» и даже «воистину дурак». Интересно отметить, что в повести использован мотив о большой бороде и малом разуме, при этом, как и у Ломоносова, в отнесении к попу. Фальшь церковного благочестия и монашеского аскетизма Ломоносов высмеял в аллегорическом образе бороды («проказы» в «Гимне бороде», «Оде Трессотину»), а также в образах чревоугодницы-мышы и аскета-пустытника (эпиграмма «Мышь некогда, любя святыню»). Ту же обличительную функцию и общие черты имеет, например, образ лисы-исповедницы в повести о куре и лисице и образ лицемера в сатирическом фольклоре, в частности в пословицах и поговорках (в таких, как «По бороде Никола, а по зубам собака», «Абие, абие, а на уме бабие», «Четки на руке, а девки на уме» и др.).

С повестей XVII века в русской литературе начинается широкое использование фольклора в подчинении сатире. Освоение устного народного творчества, определявшее характер сатирических повестей XVII века, не было теоретически осмыслено их авторами, некоторые повести в какой-то степени еще остаются на уровне фольклора там, где связаны с ним, и в этом смысле представляют как бы ряд переходов от фольклорной сатиры к литературной. Следующий этап в истории русской сатиры, черпающий богатства народной словесности, связан с литературой первой половины XVIII века. Народные повести XVII века и антицерковные стихи Ломоносова — это важные

⁴⁴ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. X, Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 70.

вехи и в развитии фольклоризма русской сатирической литературы.

Сатирические повести XVII века и антицерковные памфлеты Ломоносова соединяет отношение к русским народным пословицам и поговоркам. Одни изречения входят в произведения сатирической литературы XVII века в том виде, в каком они известны по сборникам пословиц XVII века, другие — видоизменяются, например в повести о попе Савве почти все народные изречения подвергались авторской редакции. Но и тогда, когда пословицы остаются в тексте повестей без изменений, они неоднократно используются для сатирической характеристики и оценки действующих лиц. Иногда пословица перефразируется в соответствии с авторскими целями. Использование пословицы как один из приемов характеристики литературного персонажа — несомненно, творческая тенденция. Правда, от нее еще далеко до той манеры привлечения пословичного фольклора, которая характерна для Ломоносова, но какие-то зародыши этой манеры в народных сатирических повестях уже есть. Приведем примеры. Образ попа Саввы (в одноименной повести) создается не только повествованием о поступках Саввы, но и перечнем его качеств (как перечень качеств строится образ церковника и в «Гимне бороде»). Используя этот прием, автор повести о попе Савве привлекает пословицы и поговорки оценочного характера, изречения, которые определяют ту или иную черту человека, — именно пословицы этого типа используются в ломоносовской сатире. Пословицы о глупости применены в повести к церковнику — опять-таки прием, развернутый в «Гимне бороде». Там же и другие пословицы, использованные для характеристики Саввы: «Кто друга съедает, тот всегда сам пропадает. / А кто за ябедою гоняетца, тот скоро от нея погибаетца». В сборнике «Повести или пословицы всенароднейшие» есть изречение: «Знай боле, а говори мене» (II, стр. 108). В «Азбуке о голом и небогатом человеке» эта пословица переименована, в соответствии со стилем автора «Азбуки». В новой, комической, редакции пословица отнесена к попу и звучит насмешкой над ним: «Фома поп. . . меньше знает да больше молчит».

Стилистическое влияние пословичного фольклора, отбор пословиц, их приспособление к сатирической характеристике духовенства — все эти элементы сатирической повести в ином качестве, как черты новой поэтики, возникают в антиклерикальных стихах Ломоносова.

Говоря о том, что «демократическая сатира XVII в. вместе с народной сатирой начинает» «сатирическое направление, которое развивали прогрессивные писатели — сатирики XVIII в.

(Фонвизин, Новиков, Крылов) и классики русской сатиры XIX в.», В. П. Адрианова-Перетц выделяет общее для сатиры XVII и XVIII веков тяготение к приемам и формам пародии.⁴⁵

Отметим еще один факт соприкосновения сатирических повестей XVII века и антиклерикальных стихов Ломоносова.

«Гимн бороде» формально построен как стихотворное «похвальное слово», или, по определению самого Ломоносова, «похвальна песнь». «Гимн бороде» отличается от пародий на похвальную речь, появлявшихся позднее в русской литературе XVIII века. У Ломоносова пародия не выдержана, жанровые обозначения «гимн», «похвальна песнь» — это как бы внешнее обрамление памфлета. Ломоносов не заботится о том, чтобы его сатира была уложена в формы, отвечающие жанру и стилю панегирика. В «Гимне» Ломоносова нет той двусмысленности, «двухпланности», которые присущи, например, произведению Крылова «Похвальная речь в память моему дедушке». «Корень действий невозможных», «Завеса мнений ложных» — подобные словосочетания не совмещаются с «гимном», «похвальной песней». Автор не скрывает, что его «гимн» — это обличение.

Всеми этими чертами незамысловатая, так сказать, «открытая» пародийная форма ломоносовского гимна тяготеет к пародийным приемам сатирических повестей XVII столетия. Заключительная часть «Повести о попе Савве» — акафист «Савве и его великой славе». В этой повести славословие только обрамление. Использование формы акафиста отражается в стиле произведения лишь внешне: в употреблении анафоры «Радуйся» и элементов синтаксического параллелизма. Автор и не скрывает, что его акафист — насмешка и обличение, это, по его собственному определению, «смешной икос». Этот акафист густо уснащен всякими ругательными эпитетами. Акафист, славословие и «вшивая голова», «дурной нос», «дурак», «дурной поп» («Повесть о попе Савве») несовместимы, так же как несовместимы гимн, «похвальна песнь» и «корень действий невозможных», «дураки, вралы, проказы» («Гимн бороде»). Сам автор повести определяет смысл ее заключительной части как панегирик Саввиной глупости: «...и всей глупости твоей слава». Сатирический акафист, славословие попу Савве и сатирический гимн, «похвальна песнь» «бороде», духовенству в целом, могут служить одним из примеров преемственности и различий демократической сатиры XVII века и сатиры Ломоносова.

⁴⁵ В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. В кн.: Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954, стр. 184—185.

Для XVIII века антиклерикальные стихи Ломоносова — это факты рукописной традиции. В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится рукописный сборник, в который вошел один из списков «Гимна бороде». Здесь же — повести о Ерше, о Шемякином суде и др. В данном случае рукописная традиция объединила демократическую сатиру XVII века и сатиру Ломоносова.

При всем своем значении для истории литературы сатирическая повесть XVII века не поднялась до глубоко творческой разработки фольклорных мотивов и образов.

В русской передовой сатире XIX века прослеживается линия использования фольклора как художественного источника. Это освоение — высоко творческое, оно обогащает используемые мотивы и образы народной словесности, на уровне передового мировоззрения и культуры эпохи (поэты-декабристы, Пушкин, Некрасов, Салтыков-Щедрин и др.).

У истоков этого процесса в русской национальной литературе стоит сатирическая поэзия Ломоносова.

Е. А. КАСАТКИНА

ТРАГЕДИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА «ДЕМОФОНТ»

Трагедия «Демофонт» не является лучшим произведением Ломоносова: он получил приказание от императорского двора создать ее как раз в такое время, когда был особенно погружен в свои научные исследования. Работа над нею не составила тогда его главного занятия, и, если бы не было приказания, возможно, Ломоносов не стал бы ее писать. В трагедии заметны недоделки. Однако, несмотря на это, она представляет для нас интерес, так как отличается некоторыми своеобразными чертами, указывающими на особенности развития трагедии на русской почве.¹

Кроме того, она является одной из первых русских классических трагедий. До этого А. П. Сумароков написал пять произведений этого жанра, одну трагедию создал В. К. Тредиаковский и одну сам М. В. Ломоносов («Тамира и Селим»).

Действие трагедии происходит при дворе фракийской царицы Филлиды. Последняя дала у себя приют потерпевшему морское крушение сыну афинского царя, Демофону, одному из победителей Трои. Полюбив его, Филлида хотела соединить с ним свою жизнь. Демофонт, сначала ей отвечавший взаимностью, увлекся невестою царского наместника Фракии Полимнестора, троянкою Илионою. Он скрывал свои чувства от Фил-

¹ Псвященная анализу трагедии Ломоносова «Демофонт», статья Е. А. Касаткиной рассматривает данную пьесу с иных точек зрения, нежели В. Н. Мочульский (М. В. Ломоносов как драматург, «Русский филологический вестник», 1911, т. LXVI, стр. 310—331), В. И. Резанов (Трагедии Ломоносова. Ломоносовский сборник, СПб., 1911, стр. 235—265) и А. А. Шалина (Ломоносов как драматург. Варшава, 1915, 36 стр. Оттиск из «Русского филологического вестника»). Редакция считает попытку Е. А. Касаткиной показать трагедию Ломоносова в ее связях с эпохой заслуживающей внимания лиц, занимающихся изучением русской литературы XVIII века — *Прим. Ред.*

лиды, но она узнала о них. Илиона любила Полимнестора, и страсть Демофонта отвергла. К тому же она считала Демофонта врагом своего отечества, а следовательно, и лично своим, так как он был участником разгрома ее родного города. Напрасно Демофонт обещал Илионе восстановить разрушенную Троию, в случае если она ответила бы на его любовь: Илиона осталась непреклонной. Военачальник Демофонта Драмет старается убедить его забыть Илиону и вернуться к Филлиде, указывая на то, что троянцы являются врагами греков и что он должен выполнить обещание, данное Филлиде. Мало того, он убеждает Демофонта похитить у Илионы ее брата — ребенка Полидора — с тем, чтобы обеспечить свое отечество от будущей возможной мести со стороны этого последнего отпрыска троянского царя Приама. Отвергнутый Илионою, а также убежденный увещаниями Драмета, Демофонт дает согласие на похищение Полидора и возвращается к Филлиде, Филлида сначала не верила в искренность Демофонта, но когда последний в доказательство своих слов хотел было на ее глазах заколоться, она простила ему измену и согласилась ехать с ним на его родину. Однако руки Филлиды в то же время искал и Полимнестор, в течение двенадцати лет успешно управлявший Фракией и не желавший расстаться с властью. Он всячески стремился, с одной стороны, помешать любви Филлиды к Демофонту, а с другой — способствовать сближению Демофонта с Илионой, от которой сам отказывался, лицемерно ссылаясь на волю богов. Филлида отвергла его домогательства. Отношение Полимнестора к Илионе вызвало недовольство наместника города — Мемнона, который в поведении правителя усмотрел нарушение им же изданных законов. Считая, что проступок Полимнестора освобождает подданных от повиновения ему как правителю, Мемнон переходит на сторону Филлиды и Демофонта и хочет им помочь в их замыслах. Однако любовь Филлиды к Демофонту окончилась трагически. Не зная о намерениях Демофонта похитить брата Илионы Полидора, но услышав, что младенца Полидора (на самом деле — сына Полимнестора Деифила) отнесли на корабль Демофонта, готовый к отплытию на родину, Филлида поверила слуху, будто Демофонт вторично ей изменил и вместе с Полидором увозит в Грецию и Илиону. Она приказывает сжечь суда Демофонта, а с ними погубить и его самого. Когда выяснилось, что она напрасно заподозрила Демофонта в измене, а месть уже совершилась, Филлида кончает жизнь самоубийством. Полимнестор раскаивается, считая себя причиной страшных событий. Из трагедии известно, что сам Полимнестор предложил грекам похитить Полидора. Читатель подозревает, что он мог содействовать и слуху об увозе

Илионы Демофонтом. Узнав о гибели греков и видя страдания Полимнестора, Илиона торжествует; чтобы еще более усилить его душевные муки, она сообщает ему о том, что вместо своего брата Полидора, вручила похитителям, грекам, сына Полимнестора — Деифила. Деифил, а не Полидор погиб в огне вместе с греками.

В произведении отражены многообразные жизненные явления: стихийные бедствия, война и страдания побежденных, политические планы, патриотизм, честолюбивые расчеты и борьба за власть, религия; сложные и противоречивые чувства — страсть с ревностью, ненависть с мстостью; различные оттенки человеческих переживаний, как-то: жалость, переходящая в любовь, благодарность и уважение, также переходящие в любовь, благородное чувство сострадания к слабому. Всё это в трагедии представляет нечто единое — человеческую жизнь, полную противоречий.

Как уже было отмечено, Ломоносов писал свою трагедию для придворной сцены по заказу императрицы Елизаветы. Этим главным образом объясняется выбор любовного сюжета и любовных конфликтов — следование традиции, установившейся как в западной, так и в сумароковской трагедии. Однако с планом любовным в трагедии непосредственно сочетается и план общественно-политический, и за конфликтом любовным стоит конфликт между личными желаниями человека и закономерной естественной необходимостью, своего рода античным «роком».

В условных образах классицистической трагедии Ломоносов попытался показать свою эпоху, воссоздать нравственную и идейную атмосферу, установившуюся в высших кругах и прежде всего при елизаветинском дворе.

Замысел трагедии в основе своей критический, отрицательный.

Одним из главных героев трагедии является Демофонт, человек знатного рода. Потерпев на море крушение, он живет при дворе фракийской царицы, пользуясь ее милостями. Многими чертами характера он походит на доблестных князей, Хорева и Трувора, царевича Гамлета и других положительных дворянских героев пьес Сумарокова. Ему присущи высокие порывы, сознание долга и чести, отвага и презрение к смерти. Порою он проявляет чувство гуманности: он с содроганием вспоминает о жестокостях, которые чинили победители-греки над троянцами. Его любовь к Илионе возникла из чувства сострадания и жалости к ней. Но, в противоположность Сумарокову того же периода, Ломоносов не останавливается перед тем, чтобы в аристократическом герое трагедии, обычно высоко поднятом дворянским драматур-

гом над простыми смертными не только в силу его рождения, но и по его добродетелям, показать низкие, недостойные человека черты — ложь и лицемерие. Раскрывая взаимоотношения Демофонта и Филлиды, с одной стороны, и Демофонта и Илионы, с другой, Ломоносов обнаруживает крайне непривлекательные моральные свойства героя.

Скрывая свое увлечение Илионей, Демофонт всячески откладывает брак с Филлидой. Он неискренно ссылагается на сыновние чувства, которые ему повелевают спешить с возвращением на родину, так как отцу якобы угрожает опасность со стороны других греческих царей. Демофонт старается убедить Филлиду в том, что их поспешный брак усилит агрессивные намерения греческих царей и что он должен сперва укрепить свою власть на родине, а уже потом жениться на Филлиде. Его речь в ответ на просьбу Филлиды поспешить с браком проникнута лицемерием:

Возлюбленный отец, о как ты вздыхаешь!
 Ты взоры слезные чрез воды простираешь!
 И наблюдаешь всех судов бегущих путь.
 И на берег едва дерзаешь ты взглянуть,
 Где злой тиран тебя насильно утесняет...
 Тогда как Грецию отрада оживляет.
 С победою пришли обратно там цари.

.....

 Отцы и матери встречают там сынов,

 А ты, родитель мой, утехи той лишен!²

(Д. I, явл. 1).

Высказав все это перед Филлидою, Демофонт тотчас отправляется к троянке Илионе, клянется ей в любви и дает обещание восстановить разрушенную Трою. Последнее шло вразрез с интересами его родины и, во всяком случае, задержало бы его возвращение к отцу, о котором он только что с таким чувством говорил Филлиде. Таким образом, Демофонт нарушает свой долг перед родиной, отцом и Филлидою, лицемерит и жлет.

В конце концов, он все же подавил в себе чувство любви к Илионе. Однако из трагедии явствует, что прежде всего сама Илиона отвергла Демофонта и лишь после этого он послушался уговоров своего военачальника Драмета покинуть ее, быть верным интересам родины, отца и Филлиды. Остается

² Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова, т. II, СПб., 1893. В дальнейшем цитируется это издание.

неизвестным, что стал бы делать Демофонт, если бы Илиона не отказалась от его любви. Следовательно, и здесь образ дворянского положительного героя снижается. Бросает тень на Демофонта — храброго воина — и заявление Филлиды, что он «убийством и кровью» приобрел богатства побежденной Трои. Ломоносов показывает, что рядом с человечностью, сочувствием чужой беде в Демофонте уживаются холодность и жестокость. Без жалости и волнений он соглашается, после того как решил вернуться к Филлиде, похитить у Илионы, и без того несчастной и одинокой, ее последнее утешение — брата.

Ломоносов не боялся показать без прикрас моральный облик дворянского героя своей трагедии. С этим последним связано его стремление отойти от однолинейности в изображении трагедийного героя.

Другая особенность ломоносовского Демофонта состоит в том, что в душе его очень мало внутренней борьбы между долгом и страстями, борьбы, которая обычно так возвышает героя трагедии и вызывает к нему сочувствие. Демофонт борется не столько с самим собою, сколько с внешними препятствиями: сначала с равнодушием к его чувству Илионы, потом с гневом и подозрительностью Филлиды. Борьба между долгом и чувством в душе Демофонта Ломоносовым не показана, в противоположность Сумарокову, который внутренней борьбе героев отводил в своих трагедиях тех лет основное место.

Стремление Ломоносова отойти от героизации дворянского героя говорит о демократической направленности его трагедии.

В образе Филлиды отражены некоторые черты современной Ломоносову новой женщины. Россия той эпохи уже знала тип энергичной, смелой женщины, разбирающейся в политической обстановке и способной самой вмешиваться в политическую жизнь. И ломоносовская Филлида понимает, что народ недоволен суровым правлением Полимнестора и что если ему противопоставить сильного и достойного претендента на власть, вроде Демофонта, народ пойдет за ним. Она сама готова вмешаться в политику, организовать заговор против правителя Полимнестора. Филлида умна и проницательна; она быстро угадывает намерение Демофонта оставить ее. Не верит она и в любовь к ней Полимнестора:

Что нынче я начну, куда я обращусь?
Или от лстивого к неверному склонюсь?

(Д. III, явл. 2).

Филлиде свойственно сознание своего женского достоинства. Обладая сильной волей, она приказывает себе: «Закрой

от них глаза, оставь надежду лживу», «Неблагодарного забудь, забудь льстеца».

Филлида энергично отстаивает свободу своего чувства: «Не могут повелеть цари любовной страсти», — говорит она. Стремясь к независимости и отличаясь смелостью, она готова ради любимого человека пуститься в опасное и далекое плавание в незнакому страну.

По природе своей Филлида отзывчива. Узнав, что в море погибают люди, «объята жалостью, подвигнута бедой», она спешит оказать им помощь: «...бедным помогать, — говорит она, — велит сама природа». Филлида полна чувства сострадания, и любовь ее к Демофону в своем возникновении была связана с жалостью к нему. Честная и нетерпимая, Филлида с негодованием упрекает Полимнестора за измену Илионе:

Не чувствуешь в своем ты сердце Илионы?
Где правда естества, где божески законы?

(Д. III, явл. 1).

Однако и при изображении Филлиды Ломоносов в какой-то мере стремится отойти от однолинейности и героизации. Несмотря на наличие некоторых положительных черт, героиня Ломоносова, как и другие герои трагедии, наделена рядом отталкивающих свойств. Она лицемерит с Полимнестором. Замышляя против него заговор, восстание, она ему говорит при встрече: «Я, лишась отца, в тебе его имела». Она находится во власти страстей: ревности, безудержного гнева и свирепой мести. В отличие от идеальных героинь сумароковских трагедий, ей свойственны недостатки и ошибки. Страстный гнев и мстительность отдаляют ее от человеческого идеала. Но все же в ней привлекательны ее сострадание, ум, пронизательность, способность к глубокому раскаянию и презрение к смерти.

Ломоносов, по-видимому, хочет показать, что Филлида по природе своей хороша, но обстоятельства жизни толкают ее на ошибки и зло. Сама ее жестокая месть любимому человеку связана с глубоким душевным потрясением, которое она испытала, поверив ложному слуху об измене Демофонта.

В душе Филлиды нет борьбы между долгом и личными интересами. Автор не видит ничего преступного в ее любви к иноземцу Демофону, не считает это нарушением долга. В душе Филлиды были кратковременные колебания, простить ли Демофону его измену или нет, после того как он раскаялся. Вообще же она человек действия, а не рефлексии.

Илиона «оставлена от всех, лишенная всего», «Не может, — как признается она сама, — в бедности сыскать себе покою». Мемнон изображает ее трагическое положение:

Ах, лучше б со стены низринуту разбиться,
И ей в крови своей невинной обагриться!
Со братними костями соединясь лежать,
И купно пепел свой с отеческим смешать,
Как ныне преклонить куда главу не зная,
Не видеть горести неслыханныя края!

(Д IV, явл 4)

Илиона — жертва войны, все ее близкие и соотечественники погибли во время защиты Трои; она исполнена горя, обиды и чувства ненависти побежденного к победителю. Она глубоко несчастна и в своем личном чувстве к Полиместору. Ничто не привлекает ее, так как любимый человек не отвечает ей взаимностью. «Ни царство уж меня, ни слава не прельщает, которые в ничто судьбина превращает», — говорит она.

Илиона изображена человеком сильных чувств, неспособным на компромиссы с совестью, правдивым. Лишь необходимость спасти брата от гибели заставила ее лгать. Обстоятельства жизни сделали и ее злой и мстительной.

Так же как и Филлида, она чужда рефлексии, в душе ее нет никакой внутренней борьбы, она полна воли и решимости. Нетерпимая и страстная, она, как и Филлида, готова мстить своим обидчикам.

В трагедии с особенным подъемом и художественной силой написаны монологи Илионы и высказывания о ней других персонажей.

Любовь в «Демофонте» изображена Ломоносовым более многогранно, нежели Сумароковым в трагедиях того же времени. Так, страстная любовь Илионы к Полиместору сочетается с желанием найти в нем жизненную опору. Сирота, беззащитная, терзаемая тяжелыми воспоминаниями о гибели своих соотечественников и кровно близких людей, она тянется к Полиместору как к защитнику и утешителю. Сюда же примешивается сознание ею своих прав на него, так как давно было условлено, что она его невеста. Таким образом, чувство Илионы к Полиместору представляет собой не только влечение природы, но и целую гамму иных чувств и переживаний.

Образ Полиместора является одним из главных в трагедии, хотя последняя не озаглавлена его именем. Не так открыто и прямолинейно, как делал в своих трагедиях Сумароков, решал Ломоносов здесь тему правителя. Вероятно, опасаясь навлечь

на себя недовольство Елизаветы, Ломоносов в образе Полимнестора многого не договаривает, и по сравнению с другими последний менее отчетлив.

Автор характеризует Полимнестора как храброго и опытного полководца. Он «Победами свое правленье укрепил», — говорит Филлида. Однако из мимоходом брошенного ею замечания видно, что подданные Полимнестора чувствовали себя угнетенными под его властью и что они «отстали б от него, отвергнув тягость уз» и против него «свой дух и руки обратили», если бы видели надежную опору в лице Демофонта. Мемнон и Драмет являющиеся положительными персонажами трагедии, отзываются о Полимнесторе отрицательно. Мемнон о нем говорит: «...ныне он свои законы преступает», или: «в коварных умыслах успех имеет князь». Склонность Полимнестора к Филлиде Демофонт объясняет корыстными соображениями и говорит ей: «Он царством, я тобой, дражайшая, пленился». Филлида упрекает Полимнестора: «...ты делу злomu дать хочешь вид добра».

В пьесе Ломоносова Полимнестор выступает в качестве хитрого властителя, человека лукавого и лживого. Он ведет ловкую игру с Демофонтом, стараясь сблизить его с Илионой и убедить его восстановить Троию. Внешне любезный с Демофонтом, он считает его своим врагом: «Везде соперник мне и супостат сугуб», — говорит он о Демофонте.

Свое неблагоприятное поведение по отношению к Илионе он прикрывает маской религиозности. Он говорит ей, что боги ему велят любить ту, «которую он воспитал», то есть Филлиду. Зная о любви к Илионе Демофонта, он старается ее уверить в том, что боги решили при помощи греков (а следовательно, и грека Демофонта) восстановить Троию:

Чрез греков небеса повергнули троян,
Чрез греков же хотят и исцелить от ран.
(Д. IV, явл. 1).

Поэтому он поручает ее, Илиону, их воле: боги велят — «тебя, дражайшая, их воле поручить».

На это проницательная Илиона отвечает:

Вотще ко храму ложь прибежище имеет;
Сквозь святости покров коварства яд чернеет.
(Д. IV, явл. 1).

Свою измену Илионе Полимнестор объясняет и Демофонту и Мемнону боязнью, что боги еще гnevаются на троянцев и их

мщение может пасть также и на него. Он уверяет, что его брака с Филлидою хотят боги. Но раскаяние Полимнестора в конце трагедии, его самобичевание свидетельствуют о признании им аморальности своих поступков. Таким образом, и здесь Ломоносов отошел от обычных приемов драматургии своего времени.

Изображая Полимнестора, Ломоносов, сторонник просвещенного абсолютизма, высказывал свою излюбленную мысль, что правитель, нарушающий самим им изданные законы, отталкивает от себя подданных и что стремление последних освободиться от его власти вполне закономерно. Положительный персонаж трагедии, правитель города Сеста, — Мемнон, не считает себя обязанным повиноваться Полимнестору, так как тот пренебрег законами. Мемнон говорит Демофону:

Дотоле князю я от ревности служил,
Пока он правду сам и искренность хранил,
Но ныне он свои законы преступает
И тем от них меня и прочих освобождает.

(Д. IV. явл. 5).

Эту же мысль Ломоносов, как известно, высказывает и в своей оде на день восшествия на престол императрицы Екатерины II.

Условия эпохи не позволяли Ломоносову осветить преступления правителя Полимнестора против закона в плане политическом. Более безопасной представлялась писателю ситуация любовного характера: измена Полимнестора Илионе.

Образы Мемнона, Драмета и Креузы схематичны и однолинейны. Мемнон является главным разонером трагедии, он — глашатай мыслей автора. Еще критикой XIX века была отмечена особенная яркость и идейная значительность его монологов. Это связано с особенно глубокой прочувзованностью их самим автором. Мемнон, по замыслу Ломоносова, выражает мнения передового общества эпохи, в которую происходит действие трагедии. Драмет — своего рода совесть Демофонта, Креуза — обычный тип наперсницы.

Действующие лица трагедии хотя довольно часто и упоминают богов, сами не благочестивы. На первый взгляд благочестивым кажется Полимнестор, постоянно ссылающийся на волю богов и изображающий людей их слепыми орудиями. Однако из финала трагедии явствует, что под маской благочестия Полимнестор сознательно совершал неблагоприятные поступки, в которых потом был вынужден раскаяться.

Не испытывает страха перед богами и Демофонт. На предположение Полимнестора, что в лице Илионы боги и в дальнейшем могут продолжать мстить троянцам, он отвечает:

Иль рвение богов на Трою будет вечно?
 Когда уже и в нас смягчились сердца,
 То им ли злوبيться на бедных без конца?

(Д. II. явл. 1).

Он не допускает мысли, что боги продолжают гневаться на троянцев, а в общем весьма безразлично относится к их мнению и, не считаясь с «волею богов», ищет любви троянки Илионы.

Илиона же хотя и признает, что боги управляют судьбой человека, относится к ним критически и упрекает их в несправедливости. Так, она негодует на то, что боги неодинаково относятся к троянцам и грекам, тогда как по природе своей эти народы равны:

Мы равны с греками имеем плоть и кровь:
 И ваша быть должна во всем равна любовь.
 Но грекам вы отцы, троянам вы тираны...

(Д. II, явл. 4).

Когда Полимнестор ей объявил, что по воле богов должен ее оставить, она с негодованием упрекает его за то, что он согласился с волей богов:

И можешь воле их немедля согласиться,
 Как ежели она против твоей стремится?
 Не смеешь против ней ты слова испустить!

(Д. IV. явл. 1).

Эти речи вовсе не говорят о ее благочестии. Илиона убеждена, что человек может совершать поступки и независимо от воли богов. Так, она размышляет по поводу слов Полимнестора, будто боги ему приказали поручить ее их воле:

И что меня еще вручает он богам,
 Когда сокрыть от бед скорее может сам.

(Д. II, явл. 4).

Такое отношение к религии характерно было для людей высшего класса русского общества середины XVIII века. Как известно, уже в эту эпоху среди дворянской интеллигенции начинает появляться тип «вольнодумца», выступающего против религиоз-

ных установлений. Чаше, однако, можно было наблюдать безразличное отношение к религии. Люди высшего общества выполняли церковные обряды, оставаясь глубоко равнодушными к религиозным верованиям. Когда это было выгодно, иные свои поступки, материальные расчеты и намерения они прикрывали маской религии, что и наблюдаем у ломоносовского Полимнестора.

Ломоносов разрушает церковные представления о жизни. Всем развитием действия он показывает, что хотя люди собственные желания и поступки приписывают воле потусторонней силы — судьбы, на самом деле все совершающееся с человеком есть дело человеческих же рук. Из трагедии следует, например, что не божественная сила, а Филлида совершает месть над Демофонтом, что Полимнестор испытывает муки (в финале произведения) из-за поступков Филлиды и особенно из-за Илионы, а не из-за мести божества.

В конце 40-х и в начале 50-х годов XVIII века при дворе императрицы Елизаветы шла особенно обостренная борьба между отдельными дворянскими группами за близость к трону и влияние. Плелись бесконечные интриги, повод для которых подавала сама Елизавета, легкомысленная, ленивая, имевшая пристрастие к развлечениям и уделявшая много внимания «нежной страсти».

В условных образах ломоносовской трагедии в какой-то мере отражена жизнь елизаветинского двора. Все действия происходят при дворе фракийской царевны Филлиды, представляющей собой арену разнообразных политических интриг.

Не успев вернуться Полимнестор во Фракию, как он начинает интриги с целью вступить в брак с Филлидой и проложить себе путь к трону. Он стремится уронить Демофонта в ее глазах, чтобы предотвратить их возможный брак; Илиону, когда-то назначенную ему троянским царем в жены, он хочет сделать женой Демофонта, надеясь, что тот ради нее займется восстановлением Трои. Царевна Филлида замышляет заговор против Полимнестора и пытается втянуть в него Демофонта. Она говорит Демофону:

И подданные все, увидев наш союз,
Отстали б от него, отвергнув тягость уз,
На храбрость бы твою надежду положили,
Против его свой дух и руки обратили.

(Д. 1, явл. 1).

Демофонт дает Илионе заведомо ложные обещания восстановить разрушенную Троию. Из политических соображений Драмет

пытается организовать похищение ребенка Полидора, а Демофонт, после того, как оставляет свои притязания на любовь Илионы, из тех же политических соображений соглашается на это. Из трагедии видно, что в организации этого политического дела принял участие и Полимнестор. Драмет говорит Демофонту:

И случай повелел и Полимнестор сам,
Чтобы Приамов сын был отдан в руки нам.

(Д II, ява 8)

При дворе Филлиды—Полимнестора большей частью поступков людей руководит расчет, личная выгода, причем интересы другого человека не принимаются во внимание. Во взаимоотношениях друг с другом персонажи трагедии нередко сами весьма откровенно ссылаются на выгоды, которые могут произойти от тех или иных действий. Так поступает Филлида, уговаривая Демофонта спешить с их браком; хотя самую ею движет искренняя любовь к нему, однако, очевидно, она предполагает, что на Демофонта может подействовать ссылка на выгоду. Демофонт, убеждая Илиону ответить на его чувство, обещает восстановить ее родную Трою, т. е. тоже указывает на политические выгоды брака с ним. Драмет, уговаривая Демофонта оставить домогательства любви Илионы и жениться на Филлиде, перечисляет доводы политического характера. Полимнестор, признаваясь Филлиде в своем чувстве, приводит политические соображения о целесообразности их брака.

Все действующие лица трагедии, исключая Мемнона и Креузы, приносят друг другу зло. Демофонт причиняет страдания Филлиде своей изменой; своим согласием похитить Полидора он принес бы Илионе величайшее горе, если бы она своевременно не приняла мер и не спасла своего брата. Полимнестор причиняет зло Илионе, Илиона—Полимнестору, Филлида—Демофонту, Драмет—Илионе.

Однако, согласно теории классической трагедии, основа человеческой природы нравственна и разумна. Отрицательные персонажи пьесы Ломоносова по природе своей совсем не плохи, но лучшие стороны их личности гложут под влиянием жизненных условий. В целом ряде случаев обстоятельства заставляли героев делать зло и быть жестокими, попирая интересы другого человека и даже лишая его жизни. Ломоносов верит в разумное и доброе, заключающееся в человеческой природе. Даже Полимнестор им не изображается исключительным злодеем.

Трагедия показывает, что объективными условиями жизни определяются сознание и судьбы людей, при этом огромную

роль играет политическая необходимость. Так, жизнь и поступки Демфонта в конечном счете определены политической ситуацией, необходимостью ограждения отечества от возможной опасности. Судьба Илионы связана с судьбой Трои.

Одной из главных тем трагедии является война. Как грозный призрак присутствует она во всех актах пьесы. Заревом троянской войны освещена жизнь героев произведения, их помыслы и дела.

Война изображается Ломоносовым как варварство, устами своих персонажей драматург отзывается о ней как об ужасном зле. Драмат говорит Демфону:

Все гречески цари с отцом твоим согласно
Тобою отвратить желают зло ужасно,
Чтоб стен приамов сын, как он, не обновил,
Их детям и тебе потом бы не отмстил.

(Д. II, явл. 8).

Филлида, как уже указывалось, считает, что участник взятия Трои, Демфонт приобрел сокровища покоренного города преступлениями. Сам Демфонт с содроганием вспоминает о жестокостях, проявленных победителями при взятии Трои:

Когда представляю я в уме своем Приама,
Терзаюсь мыслями от жалости и срама,
Что греческой рукой царева седина
О варварство! в его крови обагрена!

(Д. II, явл. 1).

Устами Илионы Ломоносов изображает трагическую судьбу покоренного города, хорошо знакомую тогдашним читателям по античной литературе. В монологе троянской царицы выражено негодование против варварства и жестокостей войны:

Когда представится в моем мечтанье грек,
Кровавы вижу я потоки наших рек,
Пылает дом отцов; сестру влекут из храма,
Рыдающе среди ругательства и срама.
Девиц троянских в плен окованных везут,
По детям матери, терзая грудь, режут.
Раздранны вижу там я гекторовы члены,
И страшно в слух мой бьют валяющиеся стены.
Под каменным бугром несчастна стонет мать!

(Д. II, явл. 5).

Илиона не может

... позабыть отечества паденье,
И братьей и сестры несносное мученье,
Как Гектор был погран, лишен по смерти гроба.

Как матери моей растерзана утроба,
 Пронзенный как Приам пред алтарем лежал,
 В сыновней и в своей крови живот скончал!

(Д. IV, явл. 2).

Мемнон сокрушается о том, что под пеплом разгромленного города погребено много доблестных воинов:

О Троя, ты сердца геройские родила
 И в пепеле своем, упавши, их покрывала!

(Д. IV, явл. 3).

Драмет вспоминает, как в былые времена много зла нанесли троянцы грекам в лице могучего Гектора:

Коль многие он слез и крови пролил токи,
 И раны наложил коль Греции глубоки!
 Коль много славных он опустошил домов!
 Коль много там сирот, коль много плачет вдов!

(Д. II, явл. 8).

Так Ломоносов изображал кровавое зрелище войны.

Трагедия создает впечатление постоянных опасностей, подстерегающих государства, впечатление непрочности человеческого благополучия. Эта мысль выражена и устами Мемнона:

Сего дня свержен вниз, кто был вчера высок.
 Сей час нам радостен, но следующий слезен.

(Д. IV, явл. 4).

По ходу трагедии Ломоносова чувствуется во всем война: греческие цари вот-вот пойдут войной на отца Демофонта, Илиона мечтает о восстановлении родного города, что, безусловно, будет поводом к новой войне, Демофонт и Драмет опасаются, как бы в дальнейшем не появился мститель за разрушенную Трою и, таким образом, не возобновились старые споры. Во всех этих тревожных переживаниях Ломоносов отразил европейские настроения тех лет.

Международная обстановка во второй половине 40-х—начале 50-х годов XVIII века была очень напряженная. Между западноевропейскими государствами шла борьба за колонии и за влияние на материке Европы. Только что закончилась война за австрийское наследство (1740—1748). Захват Силезии чрезвычайно усилил Пруссию, и прусский король Фридрих строил новые планы еще больших завоеваний. Агрессивные

действия Фридриха возбуждали большое беспокойство в России. Сильного обострения достигла в середине XVIII века англо-французская борьба за колонии. И та и другая стороны искали союзников в Европе, где должен был разрешиться исход войны за колониальное преобладание. Россия, опасавшаяся усиления Пруссии, также готовилась к борьбе. Начало 50-х годов XVIII века было очень напряженным временем подготовки к войне, названной впоследствии семилетней. Вопросы эти тогда в России волновали многих, и это отразилось в трагедии Ломоносова.

Устами Мемнона автор объясняет причину войн: это стремление правителей к могуществу и наживе. «О скверная алчба могущества и злата!» — восклицает Мемнон, услышав о похищении греками Полидора.

Изображая кровавое зрелище войны и ее горестные последствия, разгул человеческих страстей, приводящий в конце концов к взаимному уничтожению, Ломоносов высказывает идею мирных, гуманных, дружелюбных отношений между народами. В уста Илионы Ломоносов вкладывает мысль, что люди рождаются равными, поэтому народы имеют одинаковое право на благополучное существование, и несправедливо, когда один народ попирается, а за его счет другой пользуется благами жизни. Илиона упрекает богов:

Мы равну с греками имеем плоть и кровь:
И ваша быть должна ко всем равна любовь.
Но грекам вы отцы, троянам вы тираны,
Они вознесены, а мы лежим попорнаны!

(Д. II. явл. 4).

Эта мысль Илионы близка и автору, так как к ней он приводит читателя всем содержанием своей трагедии.

Отношения, основанные на гуманности, являются, по мнению писателя, естественным законом природы.

Одной из центральных тем «Демофонта», как и всех тогдашних трагедий, являются страсти. Писатель изображает их разрушительную силу и как гуманист выступает против их безудержности и произвола. Так, не знает границ чувство мести ахейцев — победителей Трои. Эта страсть выглядит в трагедии Ломоносова свирепой, варварской, позорной, ведущей к убийству даже стариков и женщин. Под воздействием безудержной ревности и гнева Филлида проявляет бесчеловечную, бессмысленную жестокость, губит множество людей, в том числе любимого ею Демофонта и, в конце концов, гибнет сама. Страсти

привели к несчастьям Полимнестора, ими руководится Илиона. Страсти у Ломоносова являются двигателями, толкающими человека к преступным действиям. Но возбудители страстей — явления объективной действительности.

Ломоносов показывает закономерность совершающихся событий. По трагедии одни жизненные явления с необходимостью вытекают из других, и отдельная личность не может вырваться из этого круга. Закономерность обусловлена сущностью самих явлений. Правда, создается такая закономерность по вине и самого человека. Так, Демофонт сам себе создал свою судьбу — гибель, которая в то же время неизбежна. Однако в трагедии проводится мысль о естественности происходящих в мире процессов. Естественная необходимость, с его точки зрения, не является абстрактной, метафизической. Она обусловлена человеческими поступками и страстями, а эти последние определены, в конце концов, общественными условиями, по трагедии — прежде всего политическими.

Критическое отношение Ломоносова к дворянству, его тенденция низвести дворянского героя с искусственной высоты, на которую тот был поставлен западной драматургией и Сумароковым, философский взгляд на мир как единство многообразных противоречивых явлений — все это обусловило художественные искания Ломоносова как драматурга.

Особенно отчетливо видны отступления Ломоносова от традиций классицизма в построении образа Полимнестора.

Творческие приемы Ломоносова в раскрытии внутреннего мира Полимнестора разнообразны. Читатель познает особенности характера этого героя через его поступки, его взаимоотношения с другими действующими лицами, через его переживания, через характеристику, даваемую ему другими персонажами, и, наконец, через его непосредственные высказывания о самом себе. При этом последний прием раскрытия образа Полимнестора у Ломоносова отнюдь не является главным. Из трагедии явствует, что не всем высказываниям этого героя о самом себе надо верить. При чтении ломоносовской трагедии сначала затруднительно решить, жлет ли Полимнестор, или он действительно верит в то, что боги ему приказали оставить Илиону и любить Филлиду. Лишь финал произведения показывает, что Полимнестор ссылкой на волю богов прикрывал свои собственные намерения. А между тем в сумароковской трагедии правильность самооценок действующих лиц находится вне сомнений.

Что Полимнестор — опытный полководец, укрепивший могущество Фракии, читатель узнает со слов его самого и Филлиды, что он является суровым правителем, власть которого тяжела

для подданных, становится известным из слов Филлиды же, что он хитрый, ловкий, умный, корыстный, лицемерный царедворец — видно из всего его поведения. Эта последняя сторона его личности стоит в центре внимания автора, и в художественном отношении она является наиболее убедительной. Поэтому Полимнестор выступает прежде всего как царедворец.

Пытаясь отойти от схематизма и однолинейности, Ломоносов рисует самые разнообразные оттенки чувств хитрого, проницательного царедворца, стремится разносторонне раскрыть его психологию. Он показывает, какой продуманностью и изворотливостью отличается Полимнестор в своих домогательствах руки Филлиды. В сцене первой встречи с нею Полимнестор сначала сообщает Филлиде о своих воинских подвигах, следствием которых было укрепление могущества Фракии, а вместе с тем и благополучие Филлиды, затем делает комплименты ее красоте, и лишь потом говорит ей прямо о своем желании вступить с нею в брак. Ломоносов стремится психологически верно и естественно изобразить поведение Полимнестора во время второй встречи с Филлидою. От Мемнона ему известно, что Филлида печальна, потому что не видит взаимности со стороны Демофонта. Однако, желая вызвать свою собеседницу на откровенность и тем самым создать для себя возможность прямо открыть ей свои намерения, Полимнестор спрашивает Филлиду:

Каки противности тебя поколебали?
 И смею ли подать совет тебе в печали?
 Я смею ль угадать, кто мог твой дух смутить?
 И угадав, тебя от скорби свободить?

(Д. III, явл. 1).

Убеждая Филлиду оставить Демофонта, Полимнестор тонко рассчитывает на ее патриотическое чувство и на сознание долга перед отечеством:

Ах, сжался, погляди на отческие бреги,
 Исполнены везде приятности и неги!
 Или они тебя не могут побудить,
 Чтобы ты пришлеца старалась позабыть?
 И реки, и поля, и горы вздыхают
 И видом жалостным тебя увещевают.

(Д. III, явл. 1).

Ломоносов воспроизводит также вкрадчивую и в то же время негодующую речь Полимнестора, намекающего на любовь Филлиды к Демофонту:

Неверности отмстить ты полну власть имея,
 Как можешь предпочесть защитнику злодея,

Пришельца своему и Демофонта мне,
Кроваву Грецию любезной той стране,
Где трон твой, где на свет впервые ты воззрела?
(Д. III, явл. 1).

Полиместор ревнует Филлиду к Демофону, и в его словах, намекающих на отношение фракийской царевны к пришельцу — греку, звучат язвительность и досада.

Художественные искания Ломоносова выразились в введении ярких картин природы и в изображении военных действий и связанных с ними переживаний людей. Впрочем, несомненно здесь проявилось и прекрасное знакомство Ломоносова с античной поэзией, в особенности с соответствующими стихами «Энеиды» Вергилия.

В трагедии имеются сцены, исполненные живости и поэзии. Они преимущественно связаны с темой гибели Трои. Характерная их особенность — динамизм. В картине гибели Трои отсутствуют выражения, не изображающие движения: дом отцов «пылает», сестру «влекут», «рыдающе», девиц троянских «ведут» в плен, матери «терзая грудь, ревут», мать «стонет» под «каменным бугром», стены «валяются», греки «спешат» «в буйстве», густая кровь «течет»...

Выразительна картина бури на море в рассказе Мемнона. Чувствуется, что в основе этого изображения лежат живые наблюдения самого поэта:

Внезапно солнца вид на востоке стал багров
И тусклые лучи казал из облак св.
От берегу вдали пучина почернела,
И буря к нам с дождем и градом налетела.
Напала мгла, как ночь, ударил громный треск,
И мрачность пресекал лишь частых молний блеск.
Подняв седы верьхи, стремились волны яры...
(Д. I, явл. 5).

Особенным драматизмом отличается дальнейшее описание картин бури:

И берег заревел, почувствовав удары.
Тогда сквозь мрак едва увидеть мы могли,
Что с моря бурный вихрь несет к нам корабли,
Которы лютость вод то в пропастях скрывает,
То вздернув на бугры, порывисто бросает:
Раздранны паруса пловцы отдав ветрам,
Уж руки подняли к закрытым небесам...

(Д. I, явл. 5).

Природа и люди в этой картине и ее продолжении полны движения. Море уничтожает корабли, и их раздробленные остатки волны швыряют на берег, человек бьется в волнах. Волнением охвачены и те, кто находится на берегу: полна переживаний, беспокойства, жалости Филлида, Мемнон спешит вместе с рабами спасти человека. Вся картина проникнута напряженным драматизмом.

Прием портретной живописи не характерен для трагедии Ломоносова. Лишь в отдельных случаях мы встречаем своего рода намеки на описание внешности героев.

Большей частью портрет не удастся Ломоносову, как не удавался он и другим авторам трагедий. В «Демофонте» мы встречаем шаблонные черты, по которым живого портрета представить нельзя. Так, Полиместор говорит Филлиде: «Какая <сила> в нежности и младости твоей блистает из твоих пленяющих очей».

В трагедии, как и требовалось правилами этого жанра, имеются отточенные формулы: «Минута жар зажгла, минута погасит», «Любовь с надеждою живет и умирает», «Чужого сердца знать движений невозможно», «Когда болящему сама болезнь любя, то сила всех лекарств бездельна и слаба», «Сквозь святости покров коварства яд чернеет» и др.

Требуемая «правилами» торжественность стиля трагедии создается в «Демофонте» при помощи подбора слов и целых выражений, характерных для древнерусской литературы, и в частности для торжественных проповедей. Так, в трагедии имеются выражения: «предерзостный», «чтят завистнии», «наречен», «несносный супостат», «На брани положить готов был свой живот», «мерзкая измена», «княжеско владенье», «тщусь», «тщетно ль жду», «Но с Троею всего величества лишенну, || И только лишь к тебе надеждою укрепленну», «превыше мер тобою я почтен».

В трагедии часто используется любовный язык чувствительных песен ломоносовской эпохи. В монологах влюбленных героев встречаются выражения: «твой плачевный вид», «нежно сердце», «своей любезной», «печальна грудь моя», «мне речь сия печальну грудь разит», «моя несчастна грудь», «оставь наедине несчастную вздыхать», «вздыханиям моим, ах, небо, помоги!», «любовь — пламя», «любовию пылаю», «любовью... тает», «потоки слезны».

Лексика устных народных поэтических произведений также встречается в ломоносовской трагедии: «судбина», «бесщастная», «судбина злая», «лютая судьба», «лютый яд», «тоска люта», «лютое мученье», «лютый злодей», «лютая напасть»,

«слез река», «коль ты мне любя!», «острый меч». Отдельные выражения, типичные для произведений устного творчества, обычно используются Ломоносовым в «Демофонт» при передаче любовных переживаний героев. Мотивы устной народной поэзии придают особенный лиризм монологам. Известно, что и любовный романс той эпохи использовал народную песню.

Живая разговорная речь также нашла свое отражение в ломоносовской пьесе, что связано с художественными исканиями автора. Филлида упрекает Демофонта: «Свирепый, чаешь ты, я *мало слез лила?*». Илиона говорит Полимнестору: «Твои все мысли с той, *которой ты постыл*», «Я больше *скучными* не удержу словами», «*Поди и ей клянись*, как раньше клялся мне».

Эти особенности языка ломоносовской трагедии нарушают ее высокий стиль, делают ее ближе и понятнее широким кругам читателей и зрителей.

В целом трагедия «Демофонт» является произведением классического направления. В ней сюжет и имена взяты из античного мира, действующие лица — по своему положению люди из высшего социального круга. В трагедии поставлены темы большой общегосударственной важности. Однако это трагедия не сумароковского типа. В ней, как отмечалось, явственно выступает тенденция Ломоносова отойти от сплошной героизации действующих лиц, показать их в многообразии положительных и отрицательных качеств, сделать их тем самым более простыми и естественными. Ломоносов стремится изобразить подлинные причины человеческих поступков и ту естественную закономерность, которой подчинено по его мнению человеческое поведение. Политические тенденции трагедии, отражение в ней художественных исканий писателя в сторону большей естественности, можно даже сказать, реалистичности, представляют ростки того нового, что в последующей передовой русской литературе найдет свое яркое развитие.

Трагедия «Демофонт», вопреки общепринятому мнению, не стоит особняком в литературном наследии ее автора; она проливает свет на общественно-политические взгляды Ломоносова, на его отношение к елизаветинской действительности и в известной мере помогает уяснить его эстетические и этические воззрения.

Л. Б. МОДЗАЛЕВСКИЙ

ЛОМОНОСОВ И ЕГО УЧЕНИК ПОПОВСКИЙ

(О литературной преемственности)

Николай Никитич Поповский в истории русской литературы и просвещения занимает скромное место,¹ а между тем он давно уже заслуживает специального изучения не только как первый профессор словесности Московского университета и первый русский магистр философии, но и как любимый ученик Ломоно-

¹ Его имя не упоминается даже в «Литературной энциклопедии». Биографии Поповского кратки и основаны преимущественно на «Опыте исторического словаря» Н. И. Новикова 1772 года. Даем перечень основных источников:

1) *Stada. Ephémérides Russes, poétiques, littéraires, historiques et pérologiques*, t. Saint Pétersbourg, 1816, стр. 199—201; 2) Н. И. Греч. *Опыт краткой истории русской литературы*. СПб., 1822, стр. 177—178; 3) Д. Н. Бантыш-Каменский. *Словарь достопамятных людей русской земли*, ч. IV, М., 1836, стр. 170—172; 4) Митрополит Евгений. *Словарь русских светских писателей*, т. II, М., 1845, стр. 131—132; 5) С. К. Смирнов. *История Московской славяно-греко-латинской академии*. М., 1855, стр. 253; 6) С. П. Шевырев. *История императорского Московского университета*, М., 1855, стр. 30 (в дальнейшем цитируется сокращенно: С. П. Шевырев. *История*); 7) С. П. Шевырев. *Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета*, ч. II, М., 1855, стр. 305—320 (в дальнейшем цитируется сокращенно: С. П. Шевырев. *Словарь*; то же: С. А. Венгеров. *Русская поэзия*, т. I, СПб., 1897, стр. 815—818 и 332—333 в примечаниях); 8) Филарет (Гумилевский). *Обзор русской духовной литературы*, кн. II. Изд. 3-е, СПб., 1884, стр. 327—328; 9) А. В. Арсеньев. *Словарь писателей среднего и нового периодов русской литературы XVII—XIX века*. СПб., 1887, стр. 54—55; 10) В. Е. Рудаков. *Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона*, т. 24, СПб., 1898, стр. 555; 11) В. Якушкин. *Из первых лет жизни Московского университета*. «Русский филологический вестник», 1902, № 3—4, стр. 156—158, 162—163; 12) В. Строев. *Русский биографический словарь*, том «Плавильщиков—Примо», СПб., 1905, стр. 509—510. Кроме того, Поповскому отведено место в курсах истории русской литературы: А. Д. Галахов. *История*

сова в элоквенции в широком смысле этого слова. Насколько Поповский был дорог Ломоносову как ученик видно из того, например, что в конце 1763 года, подводя некоторые итоги своей научной деятельности, Ломоносов через три года после смерти Поповского отмечал в своей «Росписи сочинениям и другим трудам советника Ломоносова»: «Читал лекции стихотворческие, и по оным обучился поэзии студент Поповский, который после того был профессором красноречия в Московском университете»,² т. е. из всех своих учеников (среди которых были А. Л. Дубровский, А. А. Барсов, И. С. Барков, Б. А. Волков и др.) он счел возможным отметить лишь одного Поповского.

Цель настоящей работы и заключается в том, чтобы проследить на фоне еще мало изученной биографии Поповского основные этапы его творческого пути как студента Академического университета и как талантливого поэта — ученика Ломоносова, суммировать накопившийся к нашему времени опубликованный и неизданный материал по этому вопросу, а также показать значение Поповского как поэта — преемника Ломоносова и его художественно-эстетической системы. С другой стороны, это дает возможность осветить некоторые неизвестные стороны деятельности самого Ломоносова, важные для понимания его многогранной личности. Работа эта идет также навстречу тезису, высказанному А. И. Андреевым в его статье «Ломоносов и Крашенинников»: «Биографы Ломоносова мало останавливались на тех отношениях, которые существовали у него с русскими учеными и научными работниками, трудившимися в Академии наук в те же годы, когда там был Ломоносов. Между тем выяснение этих отношений представляет несомненный интерес, так как может показать, какие же русские силы уже тогда противостояли тем многочисленным „иностранцам“, которыми в массе своей был представлен „академический корпус“, и дасть материал

русской словесности древней и новой, т. I, СПб., 1863, стр. 363—364; П. Н. Полевой. История русской словесности, т. I, СПб., 1903, стр. 629—630; А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. IV. Изд. 4-е, СПб., 1903, стр. 19, 103—104 и 118; И. Порфирьев. История русской словесности, ч. II, отд. I. Изд. 5-е, Казань, 1907, стр. 286—289; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. М., 1945, стр. 152—153. Мы не упоминаем специальных библиографических пособий Г. Н. Геннади, А. В. Мезнер, В. И. Межова, С. А. Венгера и другие источники, в которых содержатся чисто библиографические сведения о Поповском.

² Посланной при письме к гр. М. И. Воронцову от 19 января 1764 года (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, лл. 56—59).

для суждения о долголетних попытках Ломоносова объединить всех „природных русских“ в его борьбе с реакционными элементами в Академии наук».³

Н. Н. Поповский⁴ принадлежит к числу тех «природных» русских студентов Академического университета третьего призыва, которые были вывезены в 1748 году из Московской славяно-греко-латинской академии академиком В. К. Тредиаковским согласно распоряжению Академии наук для пополнения состава Академического университета.⁵

В конце марта 1748 года Тредиаковский приехал в Москву и здесь в названной Академии отобрал 10 учеников «преимущественно из детей разночинцев».⁶ Среди отобранных оказались: А. А. Барсов, 19 лет; П. Добротворский, 24 л.; Н. Н. Поповский, 22 л.; Л. Соловьев, 21 года; Ф. К. Соколов, 16 л. и Б. А. Волков, 16 л.;⁷ П. И. Введенский, 23 л.; И. Ф. Фрязин, 25 л.; В. И. Клементьев, 16 л. и А. Л. Дубровский, 15 л.⁸ Пер-

³ «Ломоносов», сборник статей и материалов, под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, Л., 1940, стр. 286.

⁴ Точная дата его рождения неизвестна. По одним показаниям он родился в 1730 году, а по другим — в 1726 году. Первое, однако, более соответствует истине, так как он умер в 1760 году, едва достигнув тридцатилетнего возраста.

⁵ П. П. Пекарский. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов, СПб., 1867, стр. 30—31 (в дальнейшем цитируется сокращенно: П. П. Пекарский. Редактор); П. П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. 123 (в дальнейшем цитируется сокращенно: П. П. Пекарский, т. II); А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских, т. I. СПб., 1880, стр. 87; Д. А. Толстой. Академический университет в XVIII столетии. СПб., 1885, стр. 18—19; А. К. Бороздин. Академический университет в XVIII веке. «Исторический вестник», 1886, № 4, стр. 124—125. Инициатива вызова учеников для Академической гимназии из школ и монастырей принадлежит Ломоносову. См. его представление об этом в Канцелярию Академии наук, 28 апреля 1746 г., опубликованное у М. И. Сухомлинова в его «Истории Российской академии» (вып. II, СПб., 1875, стр. 408—409); ср. Л. Б. Модзалевский. Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Л., 1937, стр. 209, № 700.

⁶ С. К. Смирнов. История Московской академии. М., 1855, стр. 238—239; 253; ср.: М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. IV, СПб., 1878, стр. 189; Д. А. Толстой. Академический университет в XVIII столетии, стр. 18.

⁷ См. составленную и подписанную В. К. Тредиаковским 24 марта 1748 года «Роспись выбранным в Москве студентам первого отпуска» в «Материалах для истории императорской Академии наук» (т. IX, СПб., 1897, стр. 124—125). В дальнейшем это издание цитируется кратко: «Материалы».

⁸ Материалы, т. IX, стр. 129.

вые шесть учеников (кроме А. Барсова) выехали из Москвы 24 марта,⁹ а остальные — 26 марта.¹⁰ В рапорте в Академию наук 24 марта Тредиаковский сообщил о Поповском: «Николай Поповский, москвитин, церковничей сын, а отроду ему двадцать два года».¹¹ Учитель философии в Московской Академии иеронах Константин дал своим ученикам 22 марта «в рассуждении их добронравия» такой аттестат: «В Санктпетербургскую ея императорского величества Академию выбранные ученики из Московской академии, школы философии Петр Добротворский, Николай Поповский, Антон Барсов и Леонтий Соловьев обучались во оной школе чрез полгода и, сколько можно было усмотреть чрез оное время в состоянии своем не явились подозрительны».¹² В. К. Тредиаковский в рапорте из Москвы 26 марта дополнительно сообщил, что «впрочем, все вообще московские студенты пошное получили искусство в латинском языке».¹³ Пока ученики находились в дороге, в Академии наук велено было особым указом Историческому собранию подготовиться к чтению новым студентам лекций, которые должны были начаться 18 апреля 1748 года. С этой целью Канцелярия Академии наук 29 марта распорядилась через конференц-секретаря академика Штрубе-де-Пирмонта «академиков, а именно: Винцгейма, Рихмана, Ломоносова и Бургава в помянутое собрание призвать, чтоб обще с профессорами оное дело в совершенство привести и лекции и часы так расположить, дабы всем потребным наукам учить».¹⁴ Сообразно с этим 31 марта и состоялось «в присутствии господ профессоров Миллера, Винцгейма, Лероя, Штелина, Штруба, Ломоносова, Крузиуса, Фишера и Брауна» заседание Исторического собрания, на котором были намечены примерные планы будущих лекций. К этому времени ученики прибыли в Петербург и, как отмечено в том же протоколе, «господа профессора Ломоносов, Фишер и Браун свидетельствовали вышереченных студентов»¹⁵ и по свидетельстве усмотрели, что 17 из них в гуманиорах и школьной философии

⁹ Там же, стр. 124.

¹⁰ Там же, стр. 129.

¹¹ Там же, стр. 124. По утверждению Я. Я. Штелина Поповский был по происхождению украинец (Н. С. Тихонравов. Сочинения, т. III, ч. 2, М., 1898, стр. 75).

¹² Материалы, т. IX, стр. 115.

¹³ П. П. Пекарский. Редактор, стр. 32 (отрывок); Материалы, т. IX, стр. 129 (полностью).

¹⁴ Материалы, т. IX, стр. 141.

¹⁵ Среди них был и Н. Н. Поповский. Кроме приехавших из Москвы, освидетельствованы были и другие ученики, принятые из Новгородской и Александро-Невской семинарий.

о чистоте штиля, здравейшей философии и математике допущены довольный успех имеют, так что оные на академические лекции быть могут, а двух из них, а именно: Василья Клементьева и Андреяна Дубровского, послать на несколько времени в академическую гимназию латинскому языку учиться».¹⁶ Н. Н. Поповскому и другим его товарищам с 1 апреля было назначено жалованье по 48 рублей на год и выдано «для исправления их нужд и содержания в пище» на апрель каждому по 4 рубля.¹⁷ В июне последовал указ Канцелярии АН о приведении всех новоприбывших студентов к присяге.¹⁸ 19 апреля Канцелярия Академии наук утвердила следующий план лекций новым студентам: «Тредиаковскому — учить латинской элоквенции, Крузиусу — толковать латинских авторов, древности и чистоте штиля, а притом бы и лекции о истории литеральной давать, Фишеру — универсальной истории и хронологии, Броуну давать курс философский, Рихману — математический, Винцгейму — на обсерватории показывать охотникам руководство к астрономии и географии, Бургаву читать курс анатомический, Ломоносову — химический, адъюнкту Крашенинникову учить истории натуральной и ботанике, профессору Штрубу изъяснять натуральные и народные права».¹⁹ Однако начало лекций было отложено «для художего проходу чрез реку», и 11 мая Канцелярия АН постановила лекции начать 15 мая двум профессорам: Тредиаковскому и Крузиусу, первому «о штиле и чистоте латинского языка», а второму «начать толковать авторов классических и историю литеральную, соединяя с древностями».²⁰

Для уяснения вопроса о степени подготовленности Н. Н. Поповского как ценимого впоследствии переводчика латинских авторов и профессора красноречия следует подробнее остановиться на рапорте Х. Крузиуса от 13 мая, в котором последний излагал содержание своего курса лекций: «По понедельникам и вторникам слушателям толковать буду Салустия, по средам задавать буду для сочинения задачи и сделанные поправлять стану, по четверткам и пятницам изъяснять буду Горациевы Письма и Виргилиевы Еклоги. По окончании Салустия, из Цицерона, Лелия и Катона, потом выбранные его письма,

¹⁶ П. П. Пекарский. Редактор, стр. 32 (отрывок); *Материалы*, т. IX, стр. 145 (полностью).

¹⁷ *Материалы*, т. IX, стр. 147; ср. т. X, СПб., 1900, стр. 278 — о жаловании в течение 1750 года.

¹⁸ ААН, ф. 3, оп. 9, № 14.

¹⁹ *Материалы*, т. IX, стр. 156; Д. А. Толстой. *Академический университет*, стр. 19—20.

²⁰ *Материалы*, т. IX, стр. 199; Д. А. Толстой, *ук. соч.*, стр. 20—21

а наконец некоторые философские его ж книги толковать стану, Горациевы Оды, а Virgiliевы Георгики. Что касается до познания древностей и до правил красивой речи, то оное показывать буду как при толковании, так и при делаемых слушателями сочинениях, також и истории литеральной некоторые главы, а паче, что к гуманиорам прилично покажется и поколику в пользу слушателей служить может, кратко предлагать буду, до тех пор, пока научившимся им другой науке совершенное оное познание по Гейманову краткому описанию показывать можно будет».²¹ Такое же значение имеет и план лекций В. К. Третьяковского, у которого Поповский начал слушать лекции почти одновременно с лекциями Х. Крузиуса. 18 мая Третьяковский представил доношение в Канцелярию АН, в котором писал: «1) Истолюкую моим слушателям Целлариеву латинскую Ортографию, которую с сим текущим маием месяцем окончить имею. 2) С самого начала июня месяца начну им диктовать Гейннекциевы Основания стила; а сие продолжать имею чрез весь год... 3) С начала октября по генварь будущего 1749 года, в каждый пяток... имею им читать по одному панегирику из оных (латинских историков), которые сочинены Мамертином, Евмением, Назарием, Авзонием и Пакатом, иногда ж вместо сих панегириков по Цицероновой орации, или иногда по Муретовой».²²

Трудные бытовые условия жизни студентов²³ не способствовали, однако, их занятиям, они мало ходили на лекции, и Канцелярия АН 12 ноября 1748 года вынуждена была издать распоряжение, которым повелевалось им неукоснительно присутствовать на лекциях «под опасением положенного штрафа по генеральному регламенту».²⁴ К концу 1748 года ректор Университета Г. Ф. Миллер смог уже на основании характеристик профессоров дать о студентах свое заключение, из которого видно, что Н. Н. Поповский у Г. В. Рихмана на математических лекциях значился среди «средних» студентов, у В. К. Третьяковского — среди «первых, лучшего класса» по «латинскому штилю» и «элоквенции», у Х. Крузиуса — среди лучших «в толковании древних латинских авторов», у И. Э. Фишера — также среди лучших «по истории ветхого завета» (из первых двух частей предмета). В итоге Миллер отметил, что Поповский

²¹ Материалы, т. IX, стр. 205—206; ср.: П. П. Пекарский. Редактор, стр. 32.

²² Материалы, т. IX, стр. 214—215.

²³ Там же, стр. 483—484, 527—528 и др.; т. X, СПб., 1900, стр. 206—207; ср.: Д. А. Толстой, ук. соч., стр. 22—26.

²⁴ Материалы, т. IX, стр. 543.

и некоторые другие его товарищи «похваляются между лучшими», именно у В. К. Тредиаковского и Х. Крузиуса, в то время как «у господина профессора Рихмана между средними и худыми место занимают».²⁵ Таким образом, уже в первый год обучения в Университете Поповский имел особенное призвание к филологии как русской, так и классической.²⁶ К сожалению, сведений об успехах Н. Н. Поповского за 1749 год не сохранилось. Это объясняется, очевидно, тем, что полная программа лекций не была выполнена: в феврале 1749 года были прекращены лекции В. К. Тредиаковского для того, чтобы студентам дать более времени для занятий новыми иностранными языками; в апреле был уволен из Академии профессор Х. Крузиус, а лекции элоквенции хотя и были поручены тогда же читать И. Э. Фишеру, но он, занятый административными делами по Университету, к ним не приступил.²⁷

С 29 января по 8 февраля 1750 года происходил экзамен всем студентам в присутствии асессора Г. Н. Теплова и профессоров Г. Ф. Миллера, Г. В. Рихмана, И. Э. Фишера и И. А. Брауна, причем о каждом студенте было вынесено особое мнение, записанное Г. Ф. Миллером 12 февраля. В этом мнении о Поповском говорится следующее: «Николай Поповский — в математике и философии имеет успех посредственной, а впрямь о нем не без надежды, ибо он понятие имеет и показывает немалое прилежание; разумеет Юлия Цезаря посредственно. Он переводит нечто по-русски и потом по-латински чисто и хорошо». О всех студентах добавлено: «Все читают по-французски и по-немецки».²⁸ Тогда-то инспектор студентов проф. И. Э. Фишер доносил в Канцелярию АН специально «о нравах и понятиях студентов», причем, сравнивая Поповского с студентом Леонтием Соловьевым, который вел беспутный образ жизни, сообщал, что «товарищ его и друг Николай Попов <sic> поступает несколько осторожнее».²⁹

²⁵ Рапорт Г. Ф. Миллера в Канцелярию АН 20 декабря 1748 года (Материалы, т. IX, стр. 615—618; ААН, ф. 3, оп. 1, № 124, лл. 540—559; там же, лл. 550—558, отзывы профессоров); ср. отзыв И. Э. Фишера 19 октября 1749 года в книге: П. П. Пекарский. Редактор, стр. 33.

²⁶ В «Реестре книгам, которые хотят студенты взять из Книжной лавки в свою пользу», в 1749 году, например, значится, что Поповский отобрал себе следующие книги: «Cornelium Nepotem. Julium Caesarem. Crazzii Hist Fabri Thesaurum Neumannum (ААН, ф. 21, оп. 1, № 101, л. 61).

²⁷ Д. А. Толстой, ук. соч., стр. 21.

²⁸ Материалы, т. X, СПб., 1900, стр. 297 и 300; ср.: П. П. Пекарский. Редактор, стр. 33; ААН, ф. 21, оп. 1, № 101, лл. 220—220 об.

²⁹ Материалы, т. X, стр. 305.

В составленном 5 мая 1750 года списке студентов, «которые по своей охоте и склонности избрали науки, которым и обучаться желают», значится, что Поповский «желает обучаться философии».³⁰

В течение 1750 года лекций в Университете было очень мало, профессора часто пропускали их, о чем в октябре 1750 года новый ректор Университета акад. С. П. Крашенинников сообщал в Канцелярию АН.³¹ Никакой специальной программы лекций не было. Студенты занимались главным образом изучением иностранных языков и брали уроки танцев.³² Сохранилась также записка Поповского к ректору Университета от 21 мая 1750 года о том, что он согласен на основании его предложения обучать арифметике «обретающихся в гимназии учеников».³³

С 29 мая по 4 июня 1751 года специальная комиссия в составе академиков Ф. Г. Штрубе де Пирмонта, Г. В. Рихмана, М. В. Ломоносова, И. Э. Фишера, И. А. Брауна, Х. Г. Кратценштейна, С. П. Крашенинникова, А. Н. Гришова и Н. И. Попова вновь экзаменовала студентов и представила свое «мнение об успехах в науках» студентов, которые подверглись «освидетельствованию». Комиссия признала достойными звания адъюнктов шестерых студентов: М. Софронова, Братковского, С. Румовского, А. Барсова, Н. Поповского и Ф. Яремского, причем Поповскому дала следующий отзыв: «5. Николай Поповский в физике и математике не весьма много упражнялся, в словесных и философских науках такой опыт искусства оказал, что на все вопросы изрядно ответственствовал, а сверх того сообщил своего сочинения стихи на российском и латинском языках, которые с немалою его похвалою читаны».³⁴ В словесных науках и философии далее простирается желает, которые по нашему рассуждению надлежит ему продолжить таким образом, чтобы со временем быть стихотворцем или оратором Академии, 21 год». Однако правитель Канцелярии И. Д. Шумахер подал особое мнение, полагая, что прежде студенты должны представить диссертации, которые они должны были защитить на публичном диспуте. Что же касается Поповского, то Шумахер наметил следующее: «Студентам первого класса... Николаю Поповскому принимать наставления от господина советника и профессора Ломоносова». Все материалы по экзамену студентов были посланы 4 июля 1751 года президенту АН гр. К. Г. Разу-

³⁰ ААН, ф. 21, оп. 1, № 101, л. 203.

³¹ Д. А. Толстой, ук. соч., стр. 34.

³² Там же, стр. 40—41.

³³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 144, л. 205.

³⁴ Эти стихи неизвестны и в бумагах Канцелярии АН отсутствуют.

мовскому.³⁵ Мнение И. Д. Шумахера восторжествовало, и на основании распоряжения президента от 30 августа Поповский был отдан «на выучку» к Ломоносову, который начал читать ему «стихотворческие лекции». По указу Канцелярии АН 9 ноября 1751 года Поповскому и другим студентам с 1 августа по 1 ноября было выплачено «прибавочное жалованье» по 1 рублю в месяц.³⁶

В 1751 году начались те «стихотворческие лекции» Ломоносова, о которых он говорит в конце 1763 года.³⁷ Специально «для наставления в поэзии» ему был поручен Поповский орденом президента 30 августа этого года.³⁸ Лекции читались им частным образом и безвозмездно. По-видимому, Ломоносову были поручены и другие студенты, так как, делая в 1757 году отчет о своих трудах «в словесных науках», он отмечал, что в течение 1751 года «давал приватные лекции студентам в российском стихотворстве, а особливо Поповскому, который ныне профессором; диктовал студентам сочиненное мною начало третьей книги красноречия о стихотворстве вообще».³⁹ Следует подчеркнуть, что Поповскому лекции читались «особливо», т. е. занимался с ним Ломоносов особенно много и обращал на него особенное внимание. Такое отношение к Поповскому со стороны Ломоносова, несомненно, вызывалось не только официальным поручением, но и исключительными способностями молодого студента. Ломоносов хотел видеть в нем своего ученика, подававшего большие надежды. Еще в мае 1751 года Ломоносов послал И. И. Шувалову первое стихотворение Поповского, эклогу, под заглавием: «Зима», со следующей характеристикой: «Я в ней не поправил ни единого слова, но какову он прошедшей зимы дал, так к вам и вручить честь имею».⁴⁰ Таким образом,

³⁵ Донесение акад. С. П. Крашенинникова в Канцелярию АН об этих экзаменах помечено 19 июня 1751 года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 153, лл. 324—333 и ф. 3, оп. 9, № 17); П. П. Пекарский. Редактор, стр. 34.

³⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 153, л. 347.

³⁷ См. выше, стр. 112.

³⁸ П. С. Биллярский. Материалы для биографии Ломоносова. Изд. АН, СПб., 1865, стр. 190. (В дальнейшем цитируется кратко: Биллярский). Ордер Ломоносову И. Д. Шумахера с возложением на него этих обязанностей помечен лишь 31 октября 1751 года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 153, л. 339 отпущ).

³⁹ Биллярский, стр. 163; П. П. Пекарский, т. II, стр. 466.

⁴⁰ П. П. Пекарский, т. II, стр. 482; ср.: Биллярский, стр. 151; П. И. Бартечев. И. И. Шувалов. «Русская беседа», 1857, т. I, кн. V, отд. «Биография», стр. 19—20. Эклога Поповского не сохранилась. — Отрывок эклоги под названием «Начало зимы» сохранился и будет опубликован в следующем выпуске сб. «XVIII век». — *Прим. Ред.*

еще зимою 1750/51 года Ломоносов интересовался поэтическими опытами молодого Поповского. В дальнейших отчетах Ломоносов уже не говорит о своих «стихотворческих лекциях», а указывает лишь на продолжающиеся занятия только с одним Поповским. Так, в отчете за майскую треть 1752 года Ломоносов отмечал: «Студенту Поповскому давал наставления в стихотворстве»,⁴¹ и в отчете за сентябрьскую треть того же года: «Сверх химической моей профессии: давал наставление в поэзии студенту Николаю Поповскому».⁴² В том же 1752 году эти «наставления» Ломоносова, вероятно, и прекратились; по крайней мере, он нигде о них более не упоминает. О том, как он относился к Поповскому в конце своих с ним занятий видно из рапорта Ломоносова в Канцелярию Академии наук от 12 января 1753 года. В нем он дал блестящую характеристику молодому поэту: «Порученный прошлого 1752 <sic> года мне студент Николай Поповский от Канцелярии Академии наук, чтоб он от меня получал в стихотворстве наставления, показывает в оном весьма изрядные опыты своей особливою способностью. И уже прошлого 1752 года на торжественный праздник коронования ее императорского величества сочинил оду, которую письменную приватно показывал я при дворе моим благодетелям и немалую похвалу от них слышал. А в последних месяцах минувшего 1752 г. подал он мне свой перевод Горациевых стихов о стихотворстве (*ars poetica*) и некоторых од, который так хорошо сделан, что напечатания весьма достоин. И при отъезде двора знающие в красноречии силу желали их видеть в печати. Того ради Канцелярия Академии наук да соблаговолит оные напечатать, а помянутому студенту Поповскому сделать отличное одобрение от прочих награждением ранга и жалованья, ибо он уже ныне в состоянии искусством своим в чистоте российского штиля и стихотворства приносить Академии наук честь и пользу. Сочиненные им с Горациевых стихи при сем прилагаются».⁴³

16 января 1753 года Канцелярия Академии наук распорядилась о напечатании оды и стихов Поповского, а о награждении

⁴¹ Цитируется впервые (Архив АН, ф. 2, оп. 2, 1752 г., октябрь, № 6).

⁴² П. С. Билярский, стр. 186—187; В. В. Пассек. Очерки России, кн. V. М., 1842, стр. 82.

⁴³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 190; П. П. Пекарский, т. II, стр. 508—509; ср.: Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова, т. II, изд. АН, СПб., 1893, стр. 134 втор. пагин. (В дальнейшем цитируется: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II). Посланная рукопись «Горациевых стихов» не сохранилась.

его рангом и прибавкой жалованья сообщила, что этого выполнить невозможно, вследствие отсутствия президента.⁴⁴

Перевод Поповского вышел в свет в марте того же года, под заглавием: «Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам, переведено с латинского языка Николаем Поповским. Печатано в Санктпетербурге при императорской Академии наук 1753 года» (40 нум. стр.).⁴⁵

Здесь «Письмо» напечатано на стр. 3—24, а затем, на стр. 25—40, помещены переводы следующих од Горация: «Integer vitae» (кн. I, 22), «Non usitata nec tenui ferar» (II, 20), «Justum et tenacem» (III, 2), «Pindarum quisquis» (IV, 2). «Beatus ille». По-видимому, это было первое печатное произведение Поповского, изданное благодаря поддержке Ломоносова, который, надо думать, гордился им как первым серьезным большим трудом своего ученика. В качестве вознаграждения за перевод «Горациевых стихов» Поповский получил по ордеру Канцелярии АН 25 мая 1753 года пятьдесят экземпляров издания, по 10 коп. за экземпляр. Таким образом, первый литературный гонорар Поповского составлял 5 рублей.⁴⁶

Этот новый перевод Горация, являющийся третьим по счету после переводов А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского, занял в русской литературе важное место в истории познания Горация в России в XVIII веке.

19 января 1753 года был произведен новый и последний экзамен всем 20 студентам Университета. Семь из них были признаны окончившими курс, среди них находился и Поповский. На основании отзывов профессоров 30 января был составлен «экстракт», в котором говорилось о Поповском следующее: «Николай Поповский в гуманиорах, особливо же в стихотворстве лучше всех, в философии достаточен, немецкий, французский и греческий языки разумеет нарочито, с латинского на россий-

⁴⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 191 и № 464, л. 18.

⁴⁵ Было издано 637 экземпляров (П. П. Пекарский, т. II, стр. 509; ААН, ф. 3, оп. 1, № 174, л. 194 и № 464, л. 18). Названное издание показано у В. С. Сопикова в его «Опыте российской библиографии...», СПб., 1813—1824, № 2853. (В дальнейшем цитируется кратко: Сопиков). Описание его см. в книге: «Издания гражданской печати времени императрицы Елисаветы Петровны 1741—1761, часть первая: 1741—1753. Под ред. П. Н. Беркова, М.—Л., 1935, стр. 246—247, № 491. Подробное описание издания дано: Н. В. Губерти. Материалы для русской библиографии, вып. III. М., 1891, стр. 271—273, № 68.

⁴⁶ Собственноручная расписка Поповского находится в деле Книжной лавки АН за 1753 год (ААН, ф. 3, оп. 1, № 1384, л. 4; Б. Л. Модзалевский. Ломоносов. Академия наук. Московский университет. 2-е изд., СПб., 1912, стр. 185, № 865).

ский переводит презрительно, в поступках честен, за достойного произведения в тех науках, к которым определил себя, признан; от роду имеет 25 лет».⁴⁷

К этому времени его интересы уже окончательно сложились. С одной стороны, он специализировался у акад. И. А. Брауна «в философии и преимущественно философии дидактической», а с другой стороны — у Ломоносова по поэтике и красноречию. На основании «экстракта» об успехах студентов Канцелярия АН 30 января постановила о том, что те из студентов, окончивших курс, которые предназначают себя к наукам математическим и физическим, могут быть назначены адъюнктами; тех же, которые «положились на философию и на словесные науки, произвести в магистры», с увеличением жалованья до двухсот рублей.⁴⁸ Однако дело с производством студентов долго не получало разрешения президента АН гр. К. Г. Разумовского. В сентябре 1753 года ректор Университета акад. С. П. Крашенинников вынужден был об этом ходатайствовать вновь.⁴⁹

В самом начале февраля 1753 года всем профессорам, в том числе и Ломоносову,⁵⁰ было предложено сообщить об успехах порученных им студентов, для составления «генерального рапорта» президенту АН. Профессора не замедлили представить свои отзывы. 5 февраля Ломоносов подал в Канцелярию свой рапорт, в котором повторил свои представления о Поповском, дав ему опять замечательную характеристику: «Николай Поповский задаваемые ему от меня разные материи стихами сочинял и переводил весьма изрядно и ныне имеет опыт своего искусства в переводе стихами, которой уже по соизволению Канцелярии Академии наук к печатанию отдан.⁵¹ Того ради по моему рассуждению весьма достоин, чтоб его, Поповского, за его особливую в красноречии способность отличить от прочих студентов чином и жалованьем и отделить квартиру от их «студентов» общежития, чтобы он, с хорошими людьми обращаясь, привык к пристойному обхождению; ибо между студентами, которые пристойного воспитания не имели и для своей давней фамилиарности не без грубостей поступают, учтивых

⁴⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, л. 44. Расхождение в указании возраста — явление обычное в документах XVIII века.

⁴⁸ Д. А. Толстой, ук. соч., стр. 42; ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, л. 45.

⁴⁹ Д. А. Толстой, ук. соч., стр. 42—43; ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, лл. 530—531; № 181, лл. 249—250.

⁵⁰ См. посланный ему 4 февраля 1753 года ордер И. Д. Шумахера (ААН, ф. 3, оп. 1, № 174, л. 20).

⁵¹ Имеется в виду перевод «Горациевых стихов» (см. выше, стр. 121).

поступков научиться нельзя».⁵² Отличную оценку успехов Поповского дал в своем рапорте 6 февраля и акад. И. А. Браун: «Со времени последнего экзамена 1751 года <sic>, — писал он, — означенные студенты лекции философические по приказанию так продолжали, что слушали все части философии мною толкованные. И хотя не ровные успехи оказали, однако все так успели, что сами в философии далее происходить могут, ежели похотят приложить прилежание и меня спроситься. Однако Барсова успехи наибольшие, прочих успехи состоят в таком порядке, что первым считается Поповский... Диспутации я поныне продолжил и еще продолжаю, в которых Барсов, Поповский, Яремский изрядно упражнялись... По окончании всех частей философии начал толковать я историю философическую по руководству Брукерова, которую еще продолжаю. На сии лекции, кроме Братковского, все же ходили и хорошо успели».⁵³ Акад. И. Э. Фишер также 6 февраля дал студентам Барсову, Поповскому и Яремскому следующую благоприятную характеристику: «Студентам Барсову, Поповскому и Яремскому не могу отказать в справедливом аттестате, что они сочинением своих пиэсов много меня удовольствовали и во всех добрая прозорливость, выбор, разбирание, порядок и здравая рассудительная сила явствует, так что из нынешних успехов справедливо заключить можно, что будут они впредь хорошие ораторы и философы. Также и штиль их не презрителен, ибо они, выключая немногие пассажи, предложенному автору по большей части счастливо подражали и мысли свои пристойными словами изображали. Вообще они в латинском языке нарочито сильные, и о всех делах, им знаемых, могут свободно и хорошо говорить, и каждого автора (выключая некоторые трудные места, к изъяснению которых требуются другие способы) нарочито разумеют. Сверх того, вышеозначенные три студента говорили при случае своего сочинения речи с доброю похвалою. Наконец, они и в латинском стихотворстве хорошо упражнялись, и знают все роды стихов, чему и имеют пробу своего сочинения».⁵⁴

Таковы были научные успехи Поповского. И теперь, после того как отзывы непосредственных его учителей делаются до-

⁵² П. С. Биллярский, стр. 190; ср.: П. П. Пекарский, т. II, стр. 509—510; ААН, ф. 3, оп. 1, № 174, л. 33; Ср.: А. К. Бороздин. Академический университет в XVIII веке. «Исторический вестник», 1886, № 4, стр. 130.

⁵³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 174, л. 38.

⁵⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 174, лл. 41—42; М. И. Сухомлинов. «История Российской академии», вып. IV. СПб., 1878, стр. 192. Латинские стихи Поповского неизвестны.

ступными для выводов, можно говорить о том, что отзывы Ломоносова о нем не были пристрастны. Дарование Поповского сказывалось во всех областях гуманитарных наук. Его филологическая подготовка была действительно блестящей. В академической среде середины XVIII века, как молодой ученый, Поповский, несомненно, выделялся. О нем начинали говорить как о представителе той научной смены из «природных» русских людей, о которой так ратовал Ломоносов в эти годы и значительно позже, когда сам стал управлять Академическим университетом. Как несомненно талантливому поэту Поповскому стали поручать особенно ответственные переводы немецких стихов акад. Я. Я. Штелина, сочиняемых им на торжественные праздники — иллюминации и фейерверки, на дни, связанные с разными придворными празднованиями. При этом Поповский выступал в этих случаях наравне с Ломоносовым, а это означало уже общественное признание его и как поэта.

В настоящее время мы располагаем значительным количеством стихотворений Поповского, написанных в эти годы (1752—1754). Некоторые из них даже были опубликованы тогда же в «С.-Петербургских ведомостях» при описании придворных торжеств, но без подписи Поповского, другие напечатаны акад. М. И. Сухомлиновым в примечаниях к академическому изданию сочинений Ломоносова, но также анонимно, а другие и совсем не появлялись в печати. Эти стихи Поповского, помимо их высоких поэтических достоинств, подтверждают позднейшие (относящиеся к началу 1780-х годов) воспоминания Я. Я. Штелина, в которых он писал следующее: «Он переводил при всех придворных торжествах поэтические объяснения и описания иллюминаций, фейерверков и представлений, сочинения надворного советника Штелина и так удачно, что они почти всегда заключали в себе столько же стихов и были такого же размера, как немецкий оригинал».⁵⁵ «Объяснения» Поповского являются действительно в большинстве случаев точными переводами немецких стихотворений Штелина. Все они писаны шестистопным ямбом и по своим лексическим, метрическим и стилистическим приемам не уступают подобным же произведениям самого Ломоносова (параллели излишни).

Нами установлены следующие стихи-переводы Поповского на разные «случаи», т. е. праздничные даты царствования императрицы Елизаветы Петровны:⁵⁶

⁵⁵ П. А. Ефремов. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 163.

⁵⁶ Все они (кроме № 11) хранятся в Архиве АН вместе с немецкими стихами Я. Я. Штелина и составленными им проектами иллюминаций и

1) На годовщину вступления на престол 25 ноября 1752 года («Что десять здесь знамен Россия представляет...»)⁵⁷

2) На новый 1753 год («Начавши под твоей державой новый год...»)⁵⁸

3) На годовщину коронации 25 апреля 1753 года («Какой приятный вид мы в день сей ощущаем...»)⁵⁹

4) На «день тезоименитства» 5 сентября 1753 года («Священное твое, богиня, имя веет...»)⁶⁰

5) К фейерверку в годовщину вступления на престол 25 ноября 1753 года («Отечество любя, богиня, предприяла...»)⁶¹

6) К иллюминации тогда же («Войти, монархиня, в храм чести посвященный...»)⁶²

7) На новый 1754 год («День первой празднуж с весельем каждой год...»)⁶³

8) На годовщину коронации 25 апреля 1754 года («Когда достоинство и милостивый суд...»)⁶⁴

9) На «день тезоименитства» 5 сентября 1754 года («Елисавет своей гремещей в свете славы...»)⁶⁵

10) На годовщину вступления на престол 25 ноября 1754 года («Какой, Россия, свет тебе та ночь дала...»)⁶⁶

11) На день рождения императрицы Елизаветы Петровны 18 декабря 1754 года («Коль чудны времена явил нам оный год...»). Рукопись этого перевода не сохранилась. Но сохранились немецкие стихи Я. Я. Штелина.⁶⁷ Текст перевода Поповского был анонимно опубликован в «С.-Петербургских ведомо-

фейерверков. Автографы Н. Н. Поповского определены нами по почерку. Ни одной подписи Поповского на них не имеется.

⁵⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 168, л. 237. Напечатаны: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 19 втор. пагин. с предположением о принадлежности Поповскому (стр. 20). Там же проект и стихи Я. Я. Штелина (стр. 18—19).

⁵⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 170, л. 280. Опубликовано анонимно: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 31 втор. пагин. Там же проект и стихи Я. Я. Штелина (стр. 30—31 и 31—32).

⁵⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 546. Опубликовано анонимно: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 65 втор. пагин. Там же проект и стихи Я. Я. Штелина (стр. 64 и 64—65).

⁶⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 562 об.

⁶¹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 578.

⁶² Там же, л. 578 об.

⁶³ Там же, л. 619 об.

⁶⁴ Там же, № 185, л. 549.

⁶⁵ Там же, № 189, л. 334. Опубликовано анонимно: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 100 втор. пагин. Там же немецкие стихи Я. Я. Штелина (стр. 100).

⁶⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, л. 373. Опубликовано в «С.-Петербургских ведомостях» (1754 года, 29 ноября, № 95, стр. 758—759).

⁶⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, лл. 378—379.

стях», 20 сентября 1754 года.⁶⁸ Там же (стр. 803—805) напечатано описание иллюминации.

О стихах Поповского на новый 1755 год будет сказано дальше.

С переездом его в Москву в начале 1755 года его занятия этими переводами прекратились.

Не оставляя мысли о выдвижении Поповского, Ломоносов 23 августа 1753 года в письме к И. И. Шувалову ходатайствовал о назначении его ректором Академической гимназии после смерти (6 августа) ее ректора Ротгакера и представил Шувалову при этом новое сочинение своего ученика. О нем и об его авторе Ломоносов отзывался, как и прежде, с большою похвалою: «Получив от студента Поповского перевод первого письма Попиева Опыта о человеке, — писал он, — не могу преминуть, чтобы не сообщить вашему превосходительству. В нем нет ни единого стиха, который бы мною был поправлен. Я весьма опасюсь, чтобы его в закоснении не оставили. Он давно уже достоин произведения. Ныне есть место ректорское в Гимназии, после ректора Ротгакера, которое он весьма способно управлять может, зная латинский язык совершенно и притом изрядно разумея греческий, французский и немецкий; а о искусстве в российском сей пример об нем свидетельствует. Для того и профессор Фишер, который сам был долго ректором, весьма его к сей должности одобряет. Шумахер, хотя кажет вид, что то же хочет делать, однако отнюдь верить нельзя, и больше, чаю, противное сделать намерен».⁶⁹ Однако и на этот раз ходатайство Ломоносова не возымело своего действия. Вопрос об утверждении Поповского в звании магистра также находился еще на рассмотрении президента АН гр. К. Г. Разумовского.

После публичного диспута студента А. А. Барсова в Академическом университете 7 сентября 1753 г. «при присутствии разных знатных персон и многих других слушателей», «по случаю высочайшего дня тезоименитства ея императорского величества, студент Филипп Яремский и Николай Поповский читали речи, первой о философии Цицероновой, а другой о несправедливом презрении нравоучительной философии, особливо у древних философов, прежде Сократа бывших, и в заключении он же всенародные желания о здравии и благополучии августейшия

⁶⁸ № 101, стр. 805—806. Перепечатан анонимно: М. В. Ломоносов. Сочинения, т. II, стр. 82—83, втор. пагин., с приведением немецких стихов Я. Я. Штелина по указанной рукописи (стр. 81—82).

⁶⁹ П. С. Билярский, стр. 215—216; ср. П. П. Пекарский. т. II, стр. 518.

покровительницы Академии изъявил стихами латинскими и российскими». Так извещали читателей «С.-Петербургские ведомости» 10 сентября 1753 года.⁷⁰

О произнесенных Поповским стихах сохранились интересные материалы. Это было крупное, не менее 50 стихов, стихотворение, писанное александрийскими стихами, а по терминологии В. К. Тредиаковского «ямбическими гекзаметрами». Граф К. Г. Разумовский 7 октября 1753 года распорядился напечатать произнесенные на диспуте речи,⁷¹ но они вместе с стихами Поповского предварительно были отправлены 11 декабря в Историческое собрание, которое поручило рассмотрение их акад. В. К. Тредиаковскому. Он отнесся к этой задаче с большим вниманием, но, в связи с тем, что Поповский был поручен не его «наставлениям в стихотворстве», на что он как профессор элоквенции имел право рассчитывать, — Тредиаковский не удержался от выпада против Ломоносова как руководителя Поповского.⁷² Кроме того, именно в это время происходила острая литературная полемика вокруг сатиры И. П. Елагина «На петиметра и кокеток». В ней участвовал как Тредиаковский, так и Ломоносов с Поповским.⁷³ Взаимные оскорбления, писанные в литературной форме, непрерывным потоком выливались на головы всех участников двух противостоящих враждующих литературно-политических групп. Тредиаковский был в курсе этой перепалки и не преминул в официальном отзыве кольнуть своего противника. В своем отзыве 22 декабря 1753 года, обращенном «почтенным господам товарищам Исторического собрания», он писал следующее: «Речь господина профессора Брауна, диссертацию студента Барсова и две речи студентов Яремского да Поповского, переведенные на российский язык, я прочел с великим удовольствием, и надеюсь, что с неменьшим примет их и все общество читателей. Радуюсь сердечно, что повелено их печатать. Чаятельно, что столько же оне будут полезны, сколько и другие о любопытных материях. И так я не нашел в них ни-

⁷⁰ № 73, стр. 587—588. Ни речь, ни стихи Н. Н. Поповского неизвестны. Об этом университетском празднике см. в материалах ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, л. 507; № 181, лл. 207—224. Печатное объявление об этих речах на латинском языке там же (лл. 223—224 и ф. 21, оп. 7, № 72). См. также: Б. Л. Модзалевский. Ломоносов. Академия наук. Московский университет, стр. 150, № 825.

⁷¹ П. С. Билярский, стр. 245. Ректор университета акад. С. П. Крашенинников и адъюнкт И. И. Тауберт дали о них положительные отзывы (там же, стр. 246).

⁷² Ломоносов официально занимал в это время кафедру химии.

⁷³ Об этом см. ниже, стр. 130 и след.

чего, что могло б быть препоною к их изданию,⁷⁴ и перевод мне не худым показался. Впрочем, что до русских стихов ямбических гекзаметров студента Поповского, то, понеже стих 4, 6, 9, 10, 12, 15, 20, 27, 32, 33, 35, 40, 41, 42, 47 неправильны в своем составе и противны природе и образцу ямбических стихов гекзаметров, того ради не могу сих токмо стихов одобрить, пока они в надлежащее им не приведутся падение; хотя, с другой стороны, и ведаю, что сей погрешности не студент Поповский есть причиною, но учивший его сложению стихов господин советник и профессор Ломоносов, у которого такой порок в гекзаметрах очень часто находится, да и вплеся он быть тому учителем как в противность академическому регламенту, так и мне в незаслуженное предосуждение и толь наипаче, что он уже славится дерзновенно, как то и учинил действительно в чрезвычайной профессорской конференции, бывшей октября 3 дня 1753 года,⁷⁵ когда при многом своем постороннем велеречии и мнимом первенстве профессорства своего и пред всеми председательства кричал, что он один здесь отправляет давно должность профессора красноречия и стихотворства».⁷⁶

Помимо уже сказанного, суждение Тредиаковского о ломоносовском шестистопном ямбе представляет значительный интерес. Вероятно, он работал уже в это время над переводом «Тилемахиды» русскими дактило-хорейческими гекзаметрами.⁷⁷ Отрицательное отношение Тредиаковского вообще к ямбическим стихам понятно в свете принципиальных установок его поэтической системы, не включавшей долгое время ямбических метров, утверждавшихся Ломоносовым в его поэтической практике. Поповский, как его ученик и последователь, в основном также разрабатывал ямбические метры и преимущественно александрийский стих. Хотя рукопись стихотворения Поповского не сохранилась и оно не известно в печати, можно все же предполагать, судя по

⁷⁴ П. С. Билярский (стр. 248) сообщает, что он «напрасно искал не только книги, в которой изданы речи этого акта, но и самого ее заглавия». По-видимому, издание это не состоялось, так как мы также не могли его отыскать.

⁷⁵ Ошибочно; нужно: 3 ноября. В этом заседании обсуждался вопрос о печатании речи Ломоносова «О явлениях воздушных» и возникло тогда множество споров (П. С. Билярский, стр. 233; «Ломоносов». Сборник статей и материалов, под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, стр. 107 и др.).

⁷⁶ Приводим по копии (ААН, ф. 3, оп. 1, № 181, л. 222); П. С. Билярский, стр. 247; ср.: П. П. Пекарский, т. II, стр. 172—173.

⁷⁷ «Тилемахида» напечатана была в 1766 году. См. о поэме В. К. Тредиаковского работу акад. А. С. Орлова в сборнике: XVIII век, вып. I, Л., 1935, стр. 5—60.

замечаниям Тредиаковского, что, говоря о «неправильных в своем составе» стихах «ямбического гекзаметра» Поповского, он имел в виду следующее: очевидно, Поповский, так же как и Ломоносов, допускал в шестистопном ямбе в первом его полустишии пиррихий перед цезурой. В своем «Способе к сложению российских стихов против выданного в 1735 году исправленном и дополненном» (1752), во II части (член второй — «О стихе гексаметре иамбическом») в § 16 Тредиаковский говорит, что «всемерно должно блюстись, чтоб в иамбическом гексаметре первого полстишия не оканчивать пиррихией, но всегда иамбом: природа стиха не терпит сего порока».⁷⁸ Отзыв Тредиаковского именно и подчеркивает ряд стихов Поповского (перенумеровывая их) как «противных природе и образцу ямбических стихов гексаметров». В поэтике Тредиаковского подобные стихи не допускались вовсе, несмотря на то, что в других своих частях переработанный им в 1752 году «Способ к сложению стихов» во многом уже принимал ломоносовскую систему стихосложения.

Отрицательный отзыв Тредиаковского о стихах Поповского, однако, никак не отразился на окончательном суждении о них Канцелярии АН в лице И. Д. Шумахера, для которого тонкости литературных споров Тредиаковского с Ломоносовым в области русского стихосложения были непонятны и для которого важным в отзыве Тредиаковского являлось положительное мнение его о речи Поповского. Впрочем, независимо от этого мнения, 23 декабря 1753 года в Канцелярии АН было наконец объявлено решение президента о судьбе окончивших Университет студентов: «Сего декабря 18 числа, при ордере от его высокографского сиятельства то мнение Канцелярии⁷⁹ обратно сюда получено, на котором его высокографское сиятельство апробацию подписать изволил с тем резонем, что оное больше согласует с регламентом академическим, по которому Канцелярия поступать имеет. Чего ради во исполнение того его высокографского сиятельства повеления сего декабря 23 дня по определению Канцелярии Академии наук и велено студентов Барсова, Яремского, Поповского и Константинова⁸⁰ произвести в магистры, а Софронова и Румовского в адъюнкты».⁸¹ А. А. Констан-

⁷⁸ Тредиаковский, Сочинения, т. I, изд. А. Смирдина, СПб., 1849, стр. 132.

⁷⁹ Вынесенное еще в январе 1753 года (см. выше, стр. 122—123).

⁸⁰ Алексей Алексеевич Константинов (род. 1728 года, ум. 1808 года), будущий (с 1766 года) зять Ломоносова, женившийся на его единственной дочери Елене Михайловне (род. 1749 года, ум. 1772 года). Константинов был позже библиотекарем императрицы Екатерины II.

⁸¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, лл. 698—699. Копия определения Канцелярии АН от 23 декабря 1753 года с расписками студентов в чтении

тинов, Ф. Яремский, А. А. Барсов и Н. Н. Поповский были первыми из русских, получивших звание магистров в России. Они были утверждены в этом звании на заседании Конференции Академии наук 17 января 1754 года.⁸²

22 июля того же года четыре новых магистра ходатайствовали перед Канцелярией АН о том, чтобы им было определено в Историческом собрании «против адъюнктов место и голос», чтобы они «пред равными» им «не были обижены и могли совершенную от участия в том собрании получить пользу».⁸³ Но из дела не видно, была ли удовлетворена их просьба.⁸⁴

К концу 1753 года относится участие Н. Н. Поповского на стороне Ломоносова в литературной полемике вокруг сатиры И. П. Елагина «На петиметра и кокеток», направленной против Ломоносова. В нашу задачу не входит подробное изложение этой полемики.⁸⁵ Для нашей цели важно участие Поповского в этой полемике само по себе, свидетельствующее о том, что он уже к этому времени как поэт, полностью принимал поэтическую систему Ломоносова и принимал ее не только «теоретически», но и «практически». В этой полемике Поповскому принадлежит пародия на сатиру Елагина, под заглавием: «Возражение или превращенный петиметр»,⁸⁶ которая была хорошо известна Ломоносову и Шувалову. В письме к последнему от 16 октября 1753 года Ломоносов, между прочим, писал: «Но и еще притом прошу, ежели возможно, удовольствоваться тем, что сочинил г. Поповский, почетный за свою должность по справедливости, что Перфильевич⁸⁷ здесь несправедливо присволяет. Данный мне от него титул никогда бы я не оставил в его стихах, если бы я хвастовством моих завистников не принужден был рассудить, что тем именем ныне ученику меня назвать можно,

хранится в ф. 3, оп. 1, № 181, лл. 255—256; там же (л. 262) текст присяги Поповского на звание магистра; Д. А. Толстой, ук. соч., стр. 43; П. П. Пекарский, Редактор, стр. 34.

⁸² ААН, ф. 3, оп. 9, № 20; ф. 1, оп. 2—17 января 1754, № 4.

⁸³ ААН, ф. 3., оп. 1, № 189, л. 289.

⁸⁴ Никто из них, впрочем, начиная с этого времени, в протоколах заседаний Конференции АН в числе присутствующих не зарегистрирован.

⁸⁵ См. подробно о ней в книге: П. Н. Берков, Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. Л., 1936, стр. 119—146. Там же напечатана и самая сатира (стр. 119—124).

⁸⁶ Впервые опубликована А. Н. Афанасьевым по рукописи так называемого «Казанского сборника» в «Библиографических записках» (1859, № 15, стлб. 457—458), перепечатана у П. Н. Беркова (ук. соч., стр. 137—138); им же установлено и авторство Поповского (там же, стр. 134).

⁸⁷ Т. е. И. П. Елагин.

которым меня за двадцать лет учителя мои называли». ⁸⁸ Как разъяснил П. Н. Берков, И. И. Шувалов требовал от Ломоносова ответа на выпады зоилов и предлагал ему принять непосредственное участие в полемике, но Ломоносов полагал «удовольствоваться» ответом Поповского, который «почел за свою должность» (т. е. своим долгом) «по справедливости» вступить за обиженного поэта, своего учителя. ⁸⁹ Несмотря на нежелание Ломоносова участвовать в полемике, ему, по мнению П. Н. Беркова, все же пришлось это сделать в двоякой форме: в форме стихотворной — он написал стихотворение «Златой молодых людей и беспечальный век» — и в виде письма будто бы к неизвестному лицу, но на самом деле к тому же Шувалову. «По-видимому, эпистолярная форма для публичного выступления, — пишет П. Н. Берков, — была избрана Ломоносовым в данном случае для того, чтобы, с одной стороны, скрыть свой стихотворный ответ, а с другой, подчеркнуть несерьезность литературных претензий своих противников, не заслуживающую более основательной трактовки. Письмо это очень остроумно, в нем под видом защиты Сумарокова от мнимых нареканий Елагина, Ломоносов, — как правильно заметил А. Н. Афанасьев, — зло насмехается над ними обоими, и над творцом „Семиры“ еще более, нежели над панегиристом». ⁹⁰ Если предположение П. Н. Беркова относительно этого письма не вызывает сомнений (оно бесспорно является ответом на вызов И. И. Шувалова), то относительно стихотворения «Златой молодых людей...» П. Н. Берков допускает некоторую хронологическую неточность. В самом деле, возникает вопрос, когда оно было написано? До пародии Н. Н. Поповского или после нее? Из последующего изложения будет очевидно, что оно было написано до пародии Поповского и до письма Ломоносова к И. И. Шувалову от 16 октября 1753 года, в котором Ломоносов говорит об этой пародии. Тем самым рассматривать стихотворный ответ Ломоносова на сатиру Елагина как написанный по желанию И. И. Шувалова нельзя. Напротив, свой стихотворный ответ Ломоносов написал без ведома Шувалова, очевидно, сразу после появления сатиры Елагина, под ее непосредственным впечатлением. Затем последовала пародия Н. Н. Поповского, а после нее — письмо Ломоносова к Шувалову от 16 октября 1753 года, в котором он вовсе о своем

⁸⁸ П. Н. Берков, ук. соч., стр. 134; П. П. Пекарский, т. II, стр. 535 и сл.

⁸⁹ П. Н. Берков, ук. соч., стр. 134.

⁹⁰ П. Н. Берков, ук. соч., стр. 134—135. Далее приводится и самое письмо, получившее распространение в списках (стр. 135—136).

стихотворении не упоминает и утверждает, что он «с Перфильевичем переписываться никогда намерен не был» и просит Шувалова «удовольствоваться тем, что сочинил г. Поповский». А в то же время его стихотворный ответ уже ходил в многочисленных списках, один из которых по «Казанскому сборнику» имел такую подпись: «Через Л», т. е. «через Ломоносова».⁹¹ Таким образом, имя его как автора стихотворения стало сразу известно его современникам. С другой стороны, П. Н. Берков совершенно прав, когда делает предположение, что своему другому ответу Ломоносов придал эпистолярную форму, чтобы скрыть свой литературный ответ. Это вполне согласуется и с хронологией всего круга полемических произведений, о которых только что шла речь.

Следует отметить, что, помимо дошедшего до нас списка стихотворного ответа Ломоносова в «Казанском сборнике», до нас дошел и автограф его в архиве И. И. Шувалова,⁹² использованный и П. Н. Берковым. Этот автограф, однако, переписан был для Шувалова значительно позднее и отослан вместе с переписанными для него же двумя другими стихотворениями в письме, допускающими датировку первой половиной ноября 1753 года по упоминанию в нем корректур речи, которую он должен был произнести 26 ноября 1753 года («О явлениях воздушных от электрической силы происходящих»)⁹³ К ноябрю 1753 года авторство Ломоносова было уже давно раскрыто, скрывать его было уже незачем и, очевидно по просьбе Шувалова, Ломоносов переписал для него свой стихотворный ответ вместе с двумя другими своими эпиграммами на В. К. Тредиаковского («Отмщать завистнику меня вооружают» и «Искусные певцы всегда в напевах тщатся»), из которых вторая относится еще к 1746 году и была вызвана спором об окончании имен прилагательных в именительном падеже множественного числа. Отправляя их Шувалову, Ломоносов просил извинения у Шувалова, «что для краткости времени набело переписать не успел».⁹⁴

⁹¹ «Библиографические записки», 1859, № 15, стлб. 455.

⁹² ААН, ф. 20, оп. 3, № 65, лл. 28—29. См.: Л. Б. Модзалевский. Рукописи Ломоносова. Л., 1937, стр. 83, № 182; факсимиле в книге П. Н. Беркова (ук. соч., между стр. 128—129).

⁹³ П. С. Билярский, стр. 243. М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 133—134 и 135—144 втор. пагин. Письмо со стихотворениями неправильно отнесено к 1755 году. Эта же ошибка повторена и нами (Рукописи Ломоносова. Л., 1937, стр. 83, № 182). В 1755 году Ломоносов никакой академической речи не произносил.

⁹⁴ М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 136 втор. пагин.

В литературе об этой полемике остался еще неразрешенным⁹⁵ вопрос о стихотворении И. П. Елагина «К Сумарокову». Г. А. Гуковский считает,⁹⁶ что всё письмо Ломоносова к Шувалову от 16 октября 1753 года⁹⁷ написано в защиту от нападок, заключенных в этом стихотворении (и датирует его 1753 годом), а не в связи с сатирой Елагина «На петиметра и кокеток».⁹⁸ Можно положительно утверждать, что «он <т. е. Елагин> в моих одах ни Пиндара, ни Малгебра не находит»⁹⁹ имеет в виду именно это стихотворение Елагина «К Сумарокову», в котором есть такие стихи:

Где Мальгерб тобой почтенный
Где сей Пиндар несравненный,
Что в эпистолах мы чтем.¹⁰⁰

Но остальная часть письма, как это доказано П. Н. Берковым, относится к полемике вокруг сатиры «На петиметра и кокеток». Неясна лишь хронология полемических сочинений. Г. А. Гуковский утверждает, «что сатира на петиметра написана до ноября (надо — до 16 октября, — Л. М.) 1753 и до пьесы „К Сумарокову“».¹⁰¹ Этот вывод совершенно очевиден, но приурочивать пьесу «К Сумарокову» к полемике вокруг сатиры и датировать ее 1753 годом нет никаких оснований.¹⁰² Пьеса могла быть написана и в 1752 и в 1751 году, т. е. в самом начале литературной полемики. За это говорит и нахождение пьесы в «Казанском сборнике» вне круга полемических произведений, вызванных сатирой Елагина 1753 года, и последовательность изложения в письме Ломоносова. Действительно, к 1753 году раздражение его против Елагина достигло апогея, и выпады последнего он излагает в хронологическом порядке. Сначала он говорит о пьесе «К Сумарокову» как ранней в цепи выпадов, затем — о пародии, написанной Елагиным в конце 1752 года, на трагедию «Тамира и Селим».¹⁰³ Только после этого Ломоносов переходит, так

⁹⁵ П. Н. Берков в своей книге его не затрагивает и только глухо на него ссылается (П. Н. Берков, ук. соч., стр. 308, прим. 97).

⁹⁶ Г. А. Гуковский. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927, стр. 32—34 и 203—204, прим. 39.

⁹⁷ У Г. А. Гуковского почему-то это письмо приводится с неверной датой 10 ноября 1753 года (такого письма Ломоносова не существует).

⁹⁸ Как это указывал еще П. С. Билярский (стр. 223).

⁹⁹ Там же, стр. 222; ср.: П. Н. Берков, ук. соч., стр. 113.

¹⁰⁰ Т. е. в эпистоле А. П. Сумарокова «О стихотворстве» 1748 года: «Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен» (А. Н. Афанасьев, ук. соч., 1859, № 17, стлб. 524; Г. А. Гуковский, ук. соч., стр. 32—33).

¹⁰¹ Г. А. Гуковский, ук. соч., стр. 203.

¹⁰² Не делает этого и П. Н. Берков в своем исследовании.

¹⁰³ См.: П. Н. Берков, ук. соч., стр. 103.

сказать, к «текущим событиям», т. е. к выпадам зоилов в связи с сатирой «На петиметра и кокеток» и с ответом Поповского.¹⁰⁴ Первым же ответом Ломоносова, как нами установлено, и является стихотворение его «Златой молодых людей и беспечальный век».

Возвращаясь к пародии Поповского, следует сказать, что она носит такой же полемический характер и направлена против Сумарокова и Елагина. Она написана в очень резких выражениях и начинается перифразом обращения сатиры Елагина к Сумарокову как своему учителю.

У Елагина:

Открытель таинства любовныя нам лиры,
Творец преславныя и пышныя Семиры,
Из мозгу рождшейся богини мудрый сын,
Наперсник Боалов, российский наш Расин,
Защитник истины, гонитель злых пороков,
Благий учитель мой, скажи, о Сумароков!
Где рифмы ты берешь? — Ты мне не объявил... и т. д.

У Поповского:

Открытель таинства поносныя нам лиры,
Творец негодныя и глупыя сатиры,
Из дрязгу родшейся Химеры глупой сын,
Наперсник всех вралей, российский Афросин.¹⁰⁵
Гонитель щеголей, поборник петиметров,
Рушитель истины, защитник южных ветров!
Скажи мне, кто тебя сим вздорам научил.

Далее Поповский дает совет Елагину больше не ругать петиметров, перестать врать и прибегает к тем же намекам, которые делал Ломоносов в своем стихотворении «Златой молодых людей и беспечальный век». Этим устанавливается, что пародия Поповского написана после появления стихотворения Ломоносова.

У Ломоносова:

Мы помним, как ты сам, хоть ведал перед браком,
Что будешь подлинно на первую ночь свояком,
Что будешь вотчим слыть, на девушке женясь,
Или отец княжне, сам будучи не князь...

и т. д.

У Поповского:

Сваяков ты забудь и ввек не вспоминай:
Известно то уж всем, что знал ты и до брака,
Что будешь ты иметь и сам в ту ночь свояка

¹⁰⁴ П. Н. Берков склоняется к тому, что пьеса «К Сумарокову» появилась в 1752 или в начале 1753 года, после пародии Елагина на «Тамиру и Селима» Ломоносова (П. Н. Берков, ук. соч., стр. 114).

¹⁰⁵ Т. е. дурак.

*И будешь вотчим слыть, на девушке женишь,
Или отец княжне, сам будучи не князь...*

и т. д.¹⁰⁶

Кончается пародия Поповского прямой защитой Ломоносова:

*Парнасского писца для бога не замай,
Стократ умней тебя — его не задирай.*

«Парнасский писец» и является тем «титолом», который, по предположению П. Н. Беркова,¹⁰⁷ был дан Поповским Ломоносову и о котором последний писал в цитированном выше письме к И. И. Шувалову 16 октября 1753 года как о имени, данном ему еще его учителями в начале его литературного поприща. Действительно, этот «титул» можно понимать как имя «парнасского поэта божиею милостью». Поповский предостерегал И. П. Елагина как ученика Сумарокова не задевать («не замай»), «не задира́ть», т. е. не трогать Ломоносова как крупнейшего поэта современности, человека непревзойденного ума («Стократ умней тебя»). И в этом заключалась цель пародии Поповского: унизить литературных противников Ломоносова — и тем самым и своих противников — и возвеличить своего учителя, защитить его от грубых нападок последователей сумароковской поэтической школы. В этой защите своего учителя Поповский выступает как его единомышленник, как его последователь и верный ученик. Из упомянутого письма Ломоносова видно, что прежде чем пародия Поповского была распространена в списках, он ознакомился с нею и одобрил ее, оставив в ней и данный ему Поповским «титул».

Пародия Поповского не осталась без ответа. Ответ этот писан неизвестным лицом из елагинско-сумароковского лагеря. Первая же строчка его свидетельствует о том, что автор ответа был в курсе предыдущей литературной полемики и знал ее участников — Ломоносова и Поповского:

*Куда с копытом конь, туда и рак с клешней —¹⁰⁸
Пословица сия сталася над тобой.*

Конь — это Ломоносов, рак — это Поповский. Так начинается этот ответ. Далее, сравнивая сатирические методы Ломоносова и характеризуя их как «пристойные»,¹⁰⁹ автор «ответа» приходит к выводу о недопустимости полемических приемов Поповского.

¹⁰⁶ Курсив наш. — Л. М. Об этих намеках см.: П. Н. Берков, ук. соч., стр. 126; ср.: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 144 втор. пагин.

¹⁰⁷ П. Н. Берков, ук. соч., стр. 134.

¹⁰⁸ Курсив наш. — Л. М.

¹⁰⁹ Ср.: П. Н. Берков, ук. соч., стр. 136.

Особенно важна следующая строчка «ответа»:

А ты покрав стихи творений чужих,
Ты «Афросин» писал со тьмою браней в них,

т. е. здесь заключается определенное указание на использование Поповским приведенного выше места из стихотворного ответа Ломоносова¹¹⁰ и на слово «Афросин» (дурак), допущенное Поповским в своей пародии по отношению к И. П. Елагину.

Кончается «ответ» неожиданно. Автор его пишет:

Прилежно в критиках таких же упражняйся,
И будешь дураком, как Балабаном он,¹¹¹

т. е. открыто называет Поповского дураком, уже не прикрываясь никакими иносказаниями, вроде «Афросина».

Участие Н. Н. Поповского в литературной полемике на стороне Ломоносова — яркая страница в его биографии. Она свидетельствует о том, что литературные противники Ломоносова сами определяли Поповского как его ученика и последователя. Об этом красноречиво говорит «ответ» анонимного автора.

К началу 1754 года литературная деятельность Н. Н. Поповского завершилась окончанием одного из самых крупных его произведений, создавших ему позже наибольшую известность у современников. Он закончил свой перевод дидактической и философской поэмы английского поэта А. Попа «Опыт о человеке». Ломоносов поспешил представить этот перевод в Канцелярию Академии наук для отсылки к президенту Академии гр. К. Г. Разумовскому. 28 марта 1754 года он писал об этом И. И. Шувалову: «Господин Поповский свой перевод всех стихов Попиевых, несколько еще исправленных, сего дня чрез меня в Канцелярию для посылки к его сиятельству отдал».¹¹² Несомненно, извещая об этом Шувалова, Ломоносов надеялся на то, что он скажет свое мнение о новом сочинении Поповского императрице Елизавете Петровне, так как Шувалов уже имел к этому времени представление о полном переводе Поповского¹¹³ в 4 письмах. Этот перевод, как установил акад. Н. С. Тихонравов, сделан был Поповским с французского прозаического пере-

¹¹⁰ Ср.: С. А. Венгеров. Русская поэзия, вып. IV. СПб., 1894, стр. 724, прим. 1—4.

¹¹¹ Т. е. Ломоносов, назвавший так И. П. Елагина в стихотворении «Златой младых людей и беспечальный век». Балабан значит увалень, болван (ср.: П. Н. Берков, ук. соч., стр. 125—126 и др.).

¹¹² П. С. Билярский, стр. 261; ср. стр. 261—262 — соображения Билярского.

¹¹³ Еще 23 августа 1753 года Ломоносов представил ему перевод первого письма «Попиева Опыта о человеке» (см. выше, стр. 126).

вода Силуэтта (Silhouette), изданного в Амстердаме в 1738 году,¹¹⁴ так как Поповский не знал английского языка; французским же языком он владел к этому времени «изрядно», по выражению Ломоносова.¹¹⁵ Опираясь на слова Ломоносова в его доношении в Канцелярию АН 5 февраля 1753 года о том, что «задаваемые ему <т. е. Поповскому> от меня разные материи стихами сочинял и переводил весьма изрядно»,¹¹⁶ Н. С. Тихонравов поставил вполне законный вопрос: «Не принадлежит ли и перевод „Опыта о человеке“ к числу работ, заданных Поповскому Ломоносовым?» и прибавил: «это весьма вероятно. По-видимому „Опыт“ Попе пользовался в то время уважением и в среде ученых специалистов». Далее Тихонравов приводит очень важный факт: известный физик, академик Г. В. Рихман, также один из учителей Поповского (чего Тихонравов не знал) в 1741 году перевел «Опыт» Попа на немецкий язык в прозе и подарил его своему ученику Ф. А. Остерману, сыну его покровителя, государственного деятеля гр. А. И. Остермана, рекомендовавшего Рихмана в члены Академии наук¹¹⁷ (у Остермана Рихман был домашним учителем). С этим выводом Н. С. Тихонравова согласен исследователь этого вопроса Б. Е. Райков, хотя он осторожно формулирует эту мысль: «Можно предположить, — говорит он, — что и самый выбор оригинала для перевода сделан по указанию Ломоносова».¹¹⁸ Дело заключается в том, что Ломоносова и его друга и единомышленника в науке Г. В. Рихмана объединяли близкие им обоим теоретические взгляды и в вопросах гелиоцентрической системы мира,¹¹⁹ а помимо общих религиозно-философских и дидактических положений, философская поэма Попа содержит как раз пропаганду

¹¹⁴ Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. III, ч. I, М., 1898, стр. 82. Перевод Силуэтта издавался затем несколько раз и вошел во французское издание сочинений Попа 1749 г. (там же, стр. 10 втор. пагин., прим. 2 и 3). Каким именно изданием пользовался Поповский для своего русского перевода, установить затруднительно.

¹¹⁵ См. выше, стр. 126.

¹¹⁶ См. выше, стр. 122.

¹¹⁷ Рукопись этого перевода хранилась в Библиотеке Московского университета. Описание ее см.: Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. III, ч. I, стр. 87—88 и стр. 11—12 втор. пагин., прим. 17.

¹¹⁸ Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Л., 1937, стр. 194.

¹¹⁹ О гелиоцентрических взглядах Ломоносова обширный материал собран в названном исследовании Б. Е. Райкова (см. особенно стр. 203—213). Здесь же (стр. 212 сл.) Б. Е. Райков выдвигает гипотезу о том, что в 1761 году Ломоносов предложил выпустить в свет вторым изданием незадолго перед тем осужденное Синодом сочинение Фонтенеля «Разговоры о множестве миров». Нам кажется, что это предположение можно считать бесспорно доказанным.

гелиоцентрической идеи вселенной.¹²⁰ Научно-философское мышление Н. Н. Поповского формировалось именно в этой академической среде, у его учителей Рихмана и Ломоносова,¹²¹ и мы можем утверждать, что он всецело разделял с ними эту философскую концепцию. После всего изложенного становится очевидным, что Поповский взялся за перевод поэмы А. Попа под воздействием Ломоносова, для которого в большей, чем для Рихмана, степени важна была пропаганда гелиоцентрических идей в России. Помимо стремления к выдвижению своего любимого ученика, Ломоносовым в данном случае руководило и сознание огромной научной пользы от издания этого перевода и уверенность в том, что Поповский хорошо справится с поставленной перед ним задачей. Поповский оправдал эти надежды. Поэма в его переводе имела у русского читателя большой успех и выдержала до 1791 года еще 3 издания. Но прежде чем она увидела свет (в 1757 году), как Ломоносову, так и особенно И. И. Шувалову пришлось, как известно, потратить много сил и энергии на преодоление препятствий со стороны церковной цензуры, все же искажившей в ответственных местах мысли ее автора и стихи переводчика. Шувалов вынужден был дважды представлять готовый к печати перевод на рассмотрение Синода.¹²² Один из его членов, архиепископ Переяславский Амвросий (Зертис-Каменский) не только исключил все «опасные» места книги, но и заменил их другими, собственного сочинения, во избежание пропусков. Его вставки оказались, однако, очень слабыми в литературном и метрическом отношениях: Амвросий сбивался с силлабо-тонического на чисто силлабическое стихосложение, более ему близкое по условиям духовного воспитания и образования. Получив обратно свою рукопись, Поповский не пожелал выправить вставки цензора в отношении стихосло-

¹²⁰ Там же, стр. 194—200.

¹²¹ Относительно физика акад. И. А. Брауна, также учителя Поповского (и как раз в области философии), утверждать этого нельзя за недостатком материалов. Как показал Б. Е. Райков (ук. соч., стр. 191—194), И. А. Браун был дипломатически осторожен в своих высказываниях по этому вопросу и не рекомендовал для «всемирного» распространения книгу Фонтенея «О множестве миров». Но поскольку Браун был другом Ломоносова, можно предполагать, что и он разделял научно-философские идеи гелиоцентризма.

¹²² См. переписку по этому вопросу И. И. Шувалова, опубликованную П. П. Пекарским в «Библиографических записках» (1858, № 16, стлб. 489—491). Здесь напечатано письмо Шувалова в Синод 19 августа 1756 года от имени Московского университета, ответ Синода с указанием «сумнительств» и письмо архимандрита Амвросия к Шувалову со ссылкой на передачу ему Шуваловым в Москве 17 февраля 1757 года перевода Поповского «с Поппия стихами для рассмотрения».

жения, что ему советовал сделать Шувалов, но при печатании книги выделил, как известно, эти вставки более крупным шрифтом, предоставив читателю догадываться об истинном значении этого факта, после того как Шувалов воспрепятствовал ему оговорить в предисловии настоящую причину подобной меры.

Д. И. Фонвизин, ученик Поповского, слушавший его лекции в Московском университете, в своем «Чистосердечном признании» (1789—1792) приводит следующую остроту бывшего адъюнкта Академии наук и секретаря императрицы Екатерины II, Г. Н. Теплова, сказанную по этому поводу: «Вам, без сомнения, известен перевод г. Поповского „Опыта о человеке“? — спросил меня Григорий Николаевич. — Мне сей перевод очень знаком, отвечал я, и я его высоко почитаю. — Но какие неприятности, какие затруднения встретил бедный переводчик к печатанию, сказывал мне он же. Попы́ стали переправлять перевод его и множество стихов исковеркали; а дабы читатель не почел их стихов за переводчиковы, то напечатали они их нарочито крупными буквами, как будто бы читатель сам не мог различить стихов поповских от стихов Поповского».¹²³

Получив наконец разрешение на издание книги, Шувалов энергично взялся за ее печатание. Сохранились его распоряжения по типографии Московского университета, где одновременно набиралась и первая часть «Сочинений Ломоносова» 1757 года. Из этих распоряжений видно, насколько внимательно он следил за процессом набора и печати, вникал во все детали, начиная от выбора шрифтов и кончая выбором гравюр и внешнего оформления издания и его распространения. Перевод Поповского вышел в самом конце 1757 года под следующим заглавием: «Опыт о человеке. Господина Попе. Переведено с французского языка Академии наук конректором Николаем Поповским 1754 года. Печатано при императорском Московском университете 1757 года».¹²⁴

¹²³ Сочинения, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонвизина», под ред. П. А. Ефремова, СПб., 1866, стр. 551—552.

¹²⁴ Сопиков, № 7896. Было отпечатано 400 экземпляров издания. Подробности о цензурных мытарствах и о ходе набора и печатания книги см.: Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 313—314; С. П. Шевырев. История, стр. 27, 47, 92; Н. С. Тихонравов. История издания Опыта о человеке в переводе Поповского. «Русский архив», 1872, кн. 7 и 8, стлб. 1311—1322 (статья перепечатана: Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1898, стр. 82—89 и 10—12 втор. пагин.; ср там же, стр. 296—299); Н. В. Губерти. Материалы для русской библиографии, вып. III, М., 1891, стр. 312—318, № 76; Б. Е. Райков, ук. соч., стр. 194—200; Библиографическое описание книг библиотеки Д. М. Остафьева. «Русский библиофил», 1911, № 4, стр. 22—23, № 101. О выходе издания в свет и о продаже его было напечатано извещение в «Московских ведомостях» 12 декабря 1757 года (№ 99): «В типографии

Поповский вполне сознавал недостатки своего перевода, с одной стороны потому, что переводил не с английского оригинала, а с другой — вследствие цензурных искажений. Кроме того, он опасался новых придирок со стороны духовной цензуры и чтобы обезопасить себя и свой труд отметил в конце своего предисловия следующее: «Как материя сия важная, то может найтись кому-нибудь нечто и сомнительное в рассуждении нашей религии, в чем, однако, справедливый читатель меня извинит для двух причин: первая, что я не богослов и потому простиительно мне будет, естли где не мог усмотреть несходства с нашею религиєю; второе, что я не критиком был, но переводчиком; следовательно, хотя бы и усмотрел нечто противное, однако поправлять не имел никакого права. Я только старался как можно ближе подходить к французскому переводу; и так сумнительные места¹²⁵ могут больше причтены быть французскому переводчику, которому я следовал, нежели мне». В октябре 1757 года Шувалов в письме к директору Московского университета И. И. Мелиссино утверждал, что «сей перевод господину Поповскому много чести принесет» и высказывал надежду, «что скоро первое издание раскупят, а второе <переводчик> напечатает, может быть, как от него переведено без поправления было».¹²⁶ Действительно, труд Поповского принес ему большую славу и литературную известность, но до второго издания его перевода он не дождал; все последующие издания его перепечатывались с первого издания со всеми цензурными искажениями.

По свидетельству Ломоносова, Поповский после окончания своего перевода в начале 1754 года еще раз «несколько исправляя» свои стихи.¹²⁷ Теперь, когда известна вся совокупность данных о заинтересованности Ломоносова в этом переводе, можно с уверенностью говорить о том, что он, если и не вносил

Московского императорского университета вышла на сих днях из печати книга, называемая „Опыт о человеке“, сочинения англинского стихотворца Попе, а переводу господина Поповского стихами и продается в Книжной университетской лавке без переплету экземпляр по 60 копеек». Следующие публикации об этой книге появились там же 16 декабря (№ 100) и 19 декабря (№ 101). Изданием «Ведомостей» с 26 апреля 1756 года (выход первого номера) заведывали профессора университета Н. Н. Поповский вначале, а затем А. А. Барсов (С. П. Шевырев. История, стр. 24; Н. М. Лисовский. Библиография русской периодической печати. 1703—1900. Пгр., 1915, стр. 6; А. Н. Неустроев. Историческое разыскание... СПб., 1874, стр. 68; Сопиков, № 2711).

¹²⁵ Это же выражение употребила и духовная цензура о стихах, подвергшихся изменению.

¹²⁶ Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. III, ч. 1, стр. 86.

¹²⁷ См. выше, стр. 136.

своих поправок в рукопись перевода, то, во всяком случае, давал свои советы переводчику во время его работы над переводом.¹²⁸ Тем самым при детальном изучении биографии Ломоносова нельзя пройти мимо этого факта и следует в дальнейшем более основательно изучить перевод Поповского с точки зрения словоупотреблений, языковых и стилистических норм, структуры стиха, рифм и других поэтических и стилистических приемов переводчика, что в нашу задачу не входит.

Вторым отдельным печатным выступлением Н. Н. Поповского была его «Ода на всерадостный день возшествия на престол ея императорского величества благочестивейшия и самодержавнейшия великия государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийския ноября 25 дня 1754 года. С искренним усердием и ревностно принесенная от всеподданнейшего раба Николая Поповского. Печатана в Санктпетербурге при императорской Академии Наук».¹²⁹ Следов участия Ломоносова в этом новом произведении Поповского не находится, но ода представляет исключительный интерес, так как является первою из двух дошедших до нас од Поповского. Именно по ней мы можем судить об его оригинальном творчестве. Уже покойный Л. В. Пумпянский, называя эту оду «талантливой», отмечал близость ее к ломоносовской оде 1746 года. «Именно данная ода, — говорит исследователь, — после перепечатки ее в Собр. соч. Ломоносова 1751 г. (где она стала 2-ой похвальной одой),

¹²⁸ В Московском архиве Министерства иностранных дел, под № 236 хранилась рукопись «Опыта о человеке» в переводе Поповского, с пометой: «Переведено с французского перевода профессор. Николаем Поповским. Списано с подлинника прежде, как оной святейшим Синодом был поправлен». Этой рукописью пользовался Тихонравов, который и извлек необходимые сведения о поправках, внесенных в перевод духовною цензурою (Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. III, ч. 1, М., 1898, стр. 49 втор. пагин., прим. 84).

¹²⁹ Ода начинается следующим стихом: «От тихих солнца вод восходит...», 7 нев. стр., в лист. У Сопикова значится под № 7247 (4°). Описание титульного листа дано в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1900 и 1901 годы» (СПб., 1905, стр. 15—16). Дело о напечатании оды хранится в ААН (ф. 3, оп. 1, № 194, лл. 128—137). Там же хранится и текст оды в автографе Поповского с вариантами (разр. II, оп. 1, № 212, лл. 40—44). Из дела видно, что ода была напечатана по распоряжению гр. К. Г. Разумовского для того, чтобы Поповский имел возможность «подать ее при дворе», о чем писал Г. Н. Теплов к И. Д. Шумахеру в письме от 23 ноября 1754 года (там же, № 194, лл. 129—130). Отрывок этого письма напечатан в Акад. изд. соч. Ломоносова, т. II, СПб., 1893, стр. 135 втор. пагин., но неправильно приурочен к стихам Поповского на новый 1755 год. На рукописи Поповского имеется поправка рукою Г. Н. Теплова.

стала образцовой для учеников Ломоносова». Приведа из нее отрывок:

Уже народ наш оскорбленный
В плачевнейшей ночи сидел

Нам в *оном ужасе* казалось,
Что море в ярости своей...

и т. д.,

Л. В. Пумпянский говорит, что «почти буквально повторяет „оний ужас“ Поповский в талантливой оде 1754 г.».¹³⁰

Действительно, в оде Поповского находим следующие стихи:

Мяется в страхе мысль глубоко,
Представив тот ужасный час

Господь сам сильною рукою
Тебе в час оной помогал,
Он *страх и ужас* пред тобою
Врагам в смятение послал.

Но помимо этого сближения, ода Поповского содержит в себе и основные мысли Ломоносова о гении Петра и о надеждах на его правнука Павла Петровича, который пойдет, так же как Елизавета, по следам Петра I:

Плоды веселый наших спеют
В приятном Павловском лице

Петрова внука ты блюдися,
Еще растет орел молодой;
Представь их деда пред очами,
Они его *пойдут* следами,
Растет в потомках предков дух.

У Ломоносова в оде 1754 года на рождение Павла Петровича; в обращении к Елизавете Петровне:

Когда ты на престол достигла,
Петра Великого воздвигла
И жизнь дала ему собой.
Он паки ныне воскресает
Что в правнуке своем дышает
И род в нем *восстанавлиет* свой.

Налицует в оде Поповского и тема войны и «тишины» (мира). Поповский, подобно Ломоносову, прославляет Елизавету за прекращение войны (мир с Швециею в 1743 году.), но,

¹³⁰ Л. В. Пумпянский. Ломоносов и Малерб. Сб. «XVIII век», вып. I, Л.—М., 1935, стр. 120. Здесь и в дальнейшем в стихотворных цитатах курсив наш, — Л. М.

так же как и Ломоносов, он говорит о возможной справедливой войне, необходимой для защиты родины, олицетворенной в Елизавете:

И любящи тебя народы
 Через огонь, мечи, пучины, вóды,
 Во гневе пойдут на врагов
 Отмстят за злобу их сурову,
 Покажут, что за дщерь Петрову
 Всяк кровь свою пролить готов.

Характерен конец оды — о процветании государства, наслаждающегося «тишиной»:

Творец всесильною рукою
 Тебя, богиня, да блюдет,
 Часов спокойных с тишиною
 В России да не пресечет.

И опять возвращение к теме Петра:

И купно под своим покровом
 Престол при племени Петровом
 Недвижимо да сохранит.

Отсутствует в оде Поповского тема просвещения и восхваления наук, особенно сильно звучащая у Ломоносова уже в знаменитой оде 1747 года. Эта тема находится во второй оде Поповского 1756 года, о которой будет сказано ниже.

Нужно сказать, что общяя тональность оды 1754 года у Поповского не имеет ломоносовской напряженности и гиперболичности образов. Кроме «оного ужаса», уже отмеченного Пумпянским в связи с абстрактностью одического стиля и «алгебраичностью одического языка, у Поповского находим лишь одно-два места в оде 1754 года, характерных для ломоносовского одического гиперболизма.

Россия жалостно рыдает
 И к небу руки простирает,
 Где права, где — гласит — закон.

Этот гиперболизм Поповского полностью совпадает в данном случае с следующим местом из оды Ломоносова 1747 года:

Тогда божественны науки,
 Через горы, реки и моря
 В Россию простирали руки,
 К сему монарху говоря.

В оде Ломоносова 1742 года:

Там смерть меж Готфскими полками

 И ладны руки простирает,
 Их гордый исторгая дух.

Или другое место из оды Поповского 1754 года:

Так Росския, богиня, грады

 От радости лились слезами,
 Их речи плеск перерывал

 В беседах сладких рассуждали,
 Коль им пресветлый день настал.

С другой стороны, Поповский следует Ломоносову в разработке лексики и синтаксиса. Вот начало оды Поповского:

От тихих солнце вод восходит
 В Россию сквозь багряну дверь,
 Прекрасный день с собой приводит,
 В которой мы Петрову дщерь
 Возшедшу на престол узрели.

У Ломоносова — начало оды 1748 года:

Заря багряною рукою
 От утренних спокойных вод
 Выводят с Солнцем за собою
 Твоей державы новый год.

Есть и обратные лексико-ритмические совпадения; например, в оде Поповского 1754 года:

Шумят поля, лесá и вóды.

У Ломоносова в оде 1757 года:

Поля, лесá, брега́ и вóды.

Эти параллели, которых можно было бы привести большое количество, достаточны для вывода об исключительной близости смыслового и стилистического единства од Поповского как ученика Ломоносова. Идейную и стилистическую близость обоих поэтов — одного, оваянного уже славой, и другого, еще начинающего, — ощущали, конечно, прежде всего их современники. Поэтичным являются и восторженные отзывы Ломоносова о своем

ученике, понятно и вмешательство в одические упражнения Поповского Г. Н. Теплова, внимательное изучение которым оды Поповского, предшествовавшее передаче ее в печать для поднесения императрице, выразилось во внесении в нее нескольких поправок.

При основании в 1755 году первого для широкой публики журнала Академии наук «Ежемесячные сочинения» в первом же номере появилось третье произведение Поповского, которое значительно позже было приписано Ломоносову и даже пять раз включалось в собрания его сочинений.¹³¹ Это — «Стихи ея императорскому величеству великой и всемилостивейшей нашей монархини» на фейерверк, представленный 1 января 1755 года, начинающийся стихом: «Где в свете есть народ, земля, страна и царство...».¹³²

На основании бумаг Я. Я. Штелина акад. Н. С. Тихонравов доказал, что стихи эти являются переводом немецких стихов Штелина и принадлежат Поповскому.¹³³ П. П. Пекарский, изучая в 1867 году архивные материалы Академии наук, самостоятельно пришел к тому же выводу, но указал, что они «переведены сначала прозою с немецкого подлинника Штелина Иваном

¹³¹ В изданиях 1778 года (ч. I, стр. 306—307); 1784 года (ч. I, стр. 307—308); 1803 года (ч. I, стр. 307—308); 1847 года (Смирдина), т. I, стр. 273—274; в «Русскую поэзию» С. А. Венгерова, т. I, СПб., 1897, стр. 128. Венгеров исправил свою ошибку, указав в том же издании на стр. 142 примечаний, что стихи принадлежат не Ломоносову, однако, согласно атрибуции П. П. Пекарского, приписал их студенту-поэту Адриану Дубровскому.

¹³² Опубликованы в «Ежемесячных сочинениях» (1755, январь, стр. 25) и в «С.-Петербургских ведомостях» (1755, 3 января, № 1). Вошла также в отдельное издание под заглавием: «Описание и изъяснение великого фейерверка, который в честь ея императорскому величеству Елисавете Первой, самодержице всероссийской и проч. и проч. и во изъяснение всеподданнейшего и всеусерднейшего при вступлении в новый год поздравления от всех верных подданных Российския империи в Санктпетербурге пред императорским зимним домом на Неве в первый вечер 1755 года сожжен. Печатано в Санктпетербурге при императорской Академии наук», 10 нен. стр. (Сопиков, № 7767). Текст стихов в этом издании помещен на 8 стр. (экземпляр издания имеется в ААН, разр. IV, оп. 1, № 546). Принадлежность этих стихов Ломоносову повторил и В. А. Милютин в своих «Очерках русской журналистики» в «Современнике», 1851, № 1, отд. II, стр. 24 (со ссылкой на издание Смирдина).

¹³³ «Москвитянин», 1853, № 3, отд. IV (вошло в «Сочинения» Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 2, стр. 31). Со ссылкой на Тихонравова исправляют эту ошибку: А. С. Будилович. Ломоносов как писатель. СПб., 1871, стр. 43—44; С. И. Пономарев. Материалы для библиографии литературы о Ломоносове. СПб., 1872, стр. 8. Ср.: Г. З. Кунцевич. Библиография изданий сочинений М. В. Ломоносова на русском языке. Пгр., 1918, стр. 130, прим.

Голубцовым, а потом переложены в стихи Дубровским».¹³⁴ Однако впоследствии Пекарский воздержался от этого категорического утверждения и сослался лишь на вывод Н. С. Тихонравова,¹³⁵ признав, очевидно, авторство Поповского. Акад. М. И. Сухомлинов также пришел к выводу о том, что «Стихи» эти принадлежат Поповскому.¹³⁶ Теперь, после произведенного нами нового анализа бывших в руках Пекарского и Сухомлинова документов, можно окончательно подтвердить вывод Тихонравова.¹³⁷ В архиве Академии наук СССР хранится дело о сочинении и печатании разных стихов Штелина¹³⁸ и между ними — на новый 1755 год. В этом деле находится и вся переписка по этому вопросу и рукописи переводов Н. Н. Поповского:

1) стихов Штелина на новый 1755 год, начало (л. 405):

Где в свете есть народ, земля, страна и царство. . . :

2) перевода тех же стихов Штелина, но в копии (лл. 415—416);

3) перевода Поповского надписи Штелина под фигурой при описании фейерверка на новый 1755 год (л. 391 об.):

Тебя, избранная, и верный твой народ
Как прежде, так и в сей хранить я буду год.

Кроме того, нашлись и другие материалы, связанные с этими стихами Штелина:¹³⁹

1) перевод прозаического текста фейерверка, сочиненного Штелиным на новый 1755 год, сделанный переводчиком Иваном Голубцовым и копия, его же рукою, перевода Поповского стихов Штелина, но без последних шести строк (лл. 26—34 и 34—34 об);

¹³⁴ П. П. Пекарский. Редактор, стр. 36—37 (на основании сличения почерка А. Дубровского). Дубровский, однако, стал переводить оды Штелина с 1755 года после отъезда Поповского в Москву, что произошло позже и о чем будет сказано ниже. С. А. Венгеров включил эти стихи в список сочинений А. Дубровского (см. выше прим. 131).

¹³⁵ П. П. Пекарский, т. II. СПб., 1873, стр. 558, прим. 3. Ср.: Н. В. Губерт и. Материалы для русской библиографии, вып. III. М., 1891, стр. 251, прим. 1.

¹³⁶ М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 134 втор. пагин. Там же (стр. 133—134) напечатан и текст «Стихов» Поповского по рукописи (ААН, ф. 3, оп. 1, 189, л. 405).

¹³⁷ Принадлежность Поповскому перевода этих стихов Штелина подтверждает и сам Штелин.

¹³⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, лл. 323—416. О других стихах Штелина и переводах Поповского, находящихся в этом же деле, говорилось выше, стр. 24—25.

¹³⁹ ААН, разр. II, оп. 1, № 212, лл. 26—36.

2) автограф (Поповского) перевода в стихах надписи Штелина под гербом в описании фейерверка, с латинского языка (лл. 27 и 35):

Тебя, Елисавет, в сей год благославляю,
И подданным твоим всю милость обещаю.¹⁴⁰

Никаких следов участия Ломоносова в этой работе Поповского не находится. Тем не менее уже самый факт того, что с 1755 по 1853 год, т. е. в течение ста лет, эти стихи Поповского были приняты за произведение Ломоносова, свидетельствуют о том, насколько Поповский уже в 1755 году проникся стилистической манерой Ломоносова (приведение параллелей нам представляется излишним). Во всяком случае, в сознание читателей они вошли тогда как неотъемлемая часть поэтического наследия Ломоносова.

В конце 1753 года заботы Ломоносова о своем ученике увенчались, наконец, успехом, выразившимся в том, что Поповский получил место конректора Академической гимназии, хотя Ломоносов и предназначал ему место ректора. К этому времени относится записка Ломоносова для журнала специально образованной тогда Комиссии «для отрешения излишеств» от Академии наук: «Дабы Академическая гимназия была учителями нужными удовольствована, а от излишеств освобождена, — писал он, — то должно определить ректора, Николая Поповского, конректором Филиппа Яремского».¹⁴¹ Инспектор гимназии акад. С. П. Крашенинников с своей стороны еще после смерти ректора Ротгекера в августе 1753 года представлял на его место студента и учителя Гимназии Назара Герасимова. Но президент гр. К. Г. Разумовский орденом 23 декабря 1753 года сделал следующее распоряжение: «Определяется конректором гимназии студент Николай Поповский».¹⁴² При этом ему было поручено «обучать ректорский класс» в Гимназии, с освобождением от «перевода ученых дел», слушания лекций у профессора философии и обучения «живым языкам» (как то было постановлено в отношении других магистров — Барсова, Яремского и Констан-

¹⁴⁰ Это двустишие опубликовано три раза в тех же изданиях, где печатались и «Стихи» Поповского, при описании фейерверка (см. выше, прим. 132).

¹⁴¹ П. С. Билярский, стр. 779; П. П. Пекарский, т. II, стр. 564.

¹⁴² Д. А. Толстой. Академическая гимназия в XVIII столетии. СПб., 1885, стр. 30—32; ААН, ф. 3, оп. 9, № 20. В «Словаре» митрополита Евгения (ч. II, стр. 131), в биографии Поповского ошибочно сказано, что он 16 ноября 1758 года «взял отставку от Университета и определался было, по ходатайству Ломоносова, конректором при Гимназии С.-Петербургской Академии наук».

тинова), так как он «будет учеников обучать».¹⁴³ 23 декабря Поповский и был на этих условиях постановлением Канцелярии АН утвержден конректором Академической гимназии.¹⁴⁴ Впрочем, в этой должности Поповский пробыл недолго. В 1755 году с основанием Московского университета перед ним открылись большие возможности самостоятельной деятельности в новом высшем учебном заведении в России.

Известно, какое большое участие принимал Ломоносов в организации этого величественного государственного дела. И если официальным основателем университета в силу своего особого положения при дворе императрицы оказался И. И. Шувалов, то инициатором и вдохновителем этого начинания был Ломоносов, которому принадлежит и разработка детальной программы будущего университета и всей его внутренней структуры и постановки дела преподавания. В 1764 году Ломоносов сам писал о том, что он «первую причину подал к основанию помянутого корпуса» и был «участником при его учреждении».¹⁴⁵ Достаточно ознакомиться с замечательным письмом его к И. И. Шувалову от июня—июля 1754 года с изложением его «мнения о учреждении Московского университета», чтобы оценить, насколько глубоко и тонко он разрабатывал вопросы, связанные с этим большим делом.¹⁴⁶ В этом письме Ломоносов благодарит Шувалова за присылку чернового экземпляра его доношения в Правительствующий Сенат (слушанного 19 июля 1754 года)¹⁴⁷ и излагает подробный план всего учреждения. По справедливому мнению В. Е. Якушкина,¹⁴⁸ Ломоносов и составлял тот план Университета, который был приложен при доношении Шувалова. Во всяком случае, в основу этого плана положены те

¹⁴³ ААН, ф. 3, оп. 9, № 20.

¹⁴⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, л. 706.

¹⁴⁵ П. С. Биллярский, стр. 197; В. И. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М., 1865, стр. 69.

¹⁴⁶ «Московский телеграф», 1825, ч. V, № XVIII, сентябрь, стр. 133—136; П. С. Биллярский, стр. 269—271. Письмо это с приложением других документов об основании Университета напечатано в издании «Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании императорского Московского университета июня 26 дня 1830 года» (М., 1830, стр. 80—81 и сл.). В напечатанном там же «Слове» М. П. Погодина говорится, что Университет был основан «на краеугольной мысли Ломоносова по ходатайству Шувалова» (стр. 121). Ныне письмо к И. И. Шувалову помещено под № 45 в кн.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. X, Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 510—516 — *Прим. Ред.*

¹⁴⁷ См. текст его в названном издании «Речи и стихи» (стр. 82—84).

¹⁴⁸ В. Е. Якушкин. Из первых лет жизни Московского университета. «Русский филологический вестник», 1902, № 3—4, стр. 147—152.

же самые начала, которые кратко перечислены в названном письме Ломоносова. Осуществленное при открытии Университета распределение кафедр совпадает с тем, какое предлагал Ломоносов в этом письме, за исключением того, что Кафедра поэзии была соединена с Кафедрой красноречия, а Кафедра древностей с Кафедрой истории, отчего и оказалось не 12 кафедр, предложенных Ломоносовым, а 10 кафедр. И. Ф. Тимковский, например, прямо утверждает, со слов И. И. Шувалова, что «с ним он <Ломоносов> составлял проект и устав Московского университета. Ломоносов тогда много упорствовал в своих мнениях и хотел удержать вполне образец Лейденского с несовместными вольностями».¹⁴⁹ Влияние Ломоносова сказалось и на общей постановке научного преподавания, получили отражение идеи Ломоносова и в «Положении» Университета 1755 года, приложенном к доношению Шувалова в Сенат и затем опубликованном при указе Сената 24 января 1755 года и подписанном императрицей 12 января того же года.¹⁵⁰

Когда перед Шуваловым, назначенным первым куратором Университета, возник вопрос о заполнении новых университетских вакансий, он мог надеяться получить подготовленных русских ученых лишь из Академического университета. Был использован и другой путь — приглашение профессоров из-за границы (из Лейпцига), переписка велась через акад. Г. Ф. Миллера.

6 февраля 1755 года Шувалов обратился к Разумовскому с письмом, в котором просил прислать в Университет трех русских магистров, Поповского, Барсова и Яремского, для занятия учительских мест в Университетской гимназии. И. М. Снегирев

¹⁴⁹ «Русский архив», 1874, кн. 1, стлб. 1453; Билярский, стр. 138.

¹⁵⁰ Полный печатный текст указа 24 января 1755 года с «Приложением» опубликован в «Полном собрании законов Российской империи», т. XIV, № 10. 346; ср.: П. П. Пекарский, ч. II, стр. 565—569; С. П. Шевырев. История императорского Московского университета, М., 1855, стр. 8—17; И. М. Снегирев. Действия Московского университета в первом периоде его существования (с 1755 по 1762 год). «Ученые записки императорского Московского университета», ч. IV, М., 1834, май, № XI, стр. 330—364; на латинском языке напечатано в названном издании «Речи и стихи» (М., 1830, стр. 39—79); А. В. Погодин. Ломоносов и основание Московского университета. «Московские ведомости», 1905, № 12; П. И. Бартнев. И. И. Шувалов. «Русская беседа», 1857, т. I, кн. V, отд. «Биографии», стр. 26—34; Русский биографический словарь, том «Шебанов—Шютц», СПб., 1911, стр. 478 (в биографии И. И. Шувалова); Б. Л. Модзалевский. Ломоносов. Академия наук. Московский университет. Изд. 2-е, СПб., 1912, стр. 165—176; «Ученые записки Московского государственного университета». Юбилейная серия, вып. L, История, М., 1940, стр. 8—10 и др.

утверждает,¹⁵¹ что Поповского и Барсова рекомендовал Шувалову Ломоносов. На самом деле всех трех названных магистров ему рекомендовал Теплов, как это видно из названного письма Шувалова. Эту рекомендацию со стороны Теплова можно объяснить, с одной стороны, тем, что Теплов и сам Шувалов знали молодых ученых с хорошей стороны и Теплов желал услужить Шувалову, а с другой стороны, удаление из Академии Наук сразу трех прекрасно подготовленных русских магистров «ломоносовской» ориентации наносило Ломоносову чувствительный удар в отношении использования в самой Академии им подготовленных специалистов, о чем Ломоносов заботился в течение многих лет. Именно в это время между Ломоносовым и «Коварником», как он называл Теплова, неприязненные отношения достигли своего предела, и 23 февраля 1755 года на заседании Конференции между ними и произошло то крупное столкновение по вопросу пересмотра академического регламента 1747 года, которое закончилось их публичной ссорой.¹⁵²

Под влиянием Теплова К. Г. Разумовский в ответном письме Шувалову 8 февраля 1755 года согласился на просьбу Шувалова, хотя и указывал, что делает это неохотно, и лишь потому, что молодые ученые для нового университета все же будут необходимее, чем для Академии наук.¹⁵³

Поповский выехал к месту своей новой службы,¹⁵⁴ между серединой февраля и серединой марта 1755 года, и на этом пре-

¹⁵¹ И. М. Снегирев, ук. соч., стр. 335—336. П. П. Пекарский правильно указывает, но без ссылки на источник, что названные магистры были отосланы в Московский университет по просьбе И. И. Шувалова (П. П. Пекарский, Редактор, стр. 35).

¹⁵² В. И. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М., 1865, стр. 94—95; письмо Ломоносова к Шувалову 10 марта 1755 года (П. С. Билярский, стр. 288—289) и его рассказ (там же, стр. 171—172).

¹⁵³ Письмо Шувалова от 6 февраля и ответ Разумовского от 8 февраля опубликованы в биографии А. А. Барсова М. И. Сухомлиновым в его «Истории Российской академии» (вып. IV, СПб., 1878, стр. 193 и 478—479). Подлинники хранятся в ААН, ф. 3, оп. 1, № 196, лл. 132—133; ср.: П. П. Пекарский, Редактор, стр. 35.

¹⁵⁴ Точная дата его отъезда неизвестна. Канцелярия АН еще 23 февраля 1755 года представила в Конференцию АН «к обучению в Академической гимназии верхнего латинского класса» на место Поповского студента Андреяна Дубровского («Протоколы», т. II, стр. 324, 15 марта 1755 г.; ААН, ф. 1, оп. 2—15 марта 1755 г., № 5; ср. ф. 3, оп. 1, № 196, л. 138), а 17 марта 1755 года занесла в протокол своего заседания, что по требованию И. И. Шувалова «для определения в Московский университет отосланы из Академии магистры Николай Поповский, Филипп Яремский и Антон Барсов, а потребно при Академии иметь такого человека, который бы довольны имел знания в математике, но за отсылкою оных Поповского с товарищами (которые к тому были способны) других определить некого» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 466, л. 85).

кратилась его служебная и литературная деятельность в Академии наук и вообще в Петербурге.

26 апреля 1755 года в торжественной обстановке состоялось открытие Московского университета.¹⁵⁵ К этому времени Н. Н. Поповский был назначен ректором Университетской гимназии и в этот день начал курс лекций речью на латинском языке «о содержании, важности и круге философии».¹⁵⁶ Эта замечательная по тому времени речь была тогда же напечатана по инициативе Ломоносова на русском языке в «Ежемесячных сочинениях» (август, стр. 177—186),¹⁵⁷ под заглавием: «Речь, говоренная в начатии философских лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским». Ее рукопись, послужившая оригиналом для набора, сохранилась до нашего времени и носит на себе следы ее внимательного чтения Ломоносовым, как это удалось нам установить еще в 1937 году.¹⁵⁸ Вследствие большого значения как самой речи, так и факта чтения ее Ломоносовым необходимо рассмотреть ее более подробно.

Впервые на эту речь обратил внимание В. А. Милиutin в своих «Очерках русской журналистики, преимущественно старой», анализируя содержание «Ежемесячных сочинений».¹⁵⁹ Он писал: «Речь эта, написанная с целью доказать важность и пользу философии, имеет гораздо более литературных, чем ученых достоинств. Она написана языком для того времени довольно чистым и плавным. Но в ней весьма замечательно одно место, показывающее, что намерение Поповского читать философию на русском языке казалось тогда чрезвычайно странным и почти неисполнимым. Схоластики того времени полагали, что преподавать философию и писать об этой науке можно не иначе,

¹⁵⁵ В «С.-Петербургских ведомостях» (1755, № 39) и в «Ежемесячных сочинениях» (1755, февраль, стр. 103—110), напечатан указ от 24 января 1755 года об основании Университета. См. также: «Le Caméléon littéraire», 1755, № 19, стр. 436—439 (письмо из Москвы); ср.: С. П. Шевырев. История, стр. 17.

¹⁵⁶ И. М. Снегирев, ук. соч., стр. 337. У митрополита Евгения в «Словаре» (ч. II, стр. 132) она озаглавлена: «Речь о пользе и важности теоретической философии».

¹⁵⁷ В других экземплярах, на стр. 167—176. По тексту «Ежемесячных сочинений» «Речь...» перепечатана позже в издании: Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оногo; с краткими их жизнеописаниями. Изданы Обществом любителей российской словесности, ч. I, М., 1819, стр. 9—17.

¹⁵⁸ ААН, разр. II, оп. 1, № 217, лл. 419—425 (раньше лл. 446—453); см.: Л. Б. Модзалевский. Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Л., 1937, стр. 127, № 338). Рукопись писана писарским почерком и, помимо поправок Ломоносова, имеет одну поправку Поповского.

¹⁵⁹ «Современник», т. XXVI, 1851, № 3, март, отд. 2, стр. 3—6.

как на языке латинском». Поповскому, действительно, принадлежит здесь афоризм, от которого не отказался бы и сам Ломоносов: «Нет такой мысли, кою бы по-русски изъяснить было не возможно». Вся остальная часть речи и содержит в себе систему доказательств этого тезиса. Приведя затем значительный отрывок из речи Поповского, Милютин добавляет: «В наше время, конечно, смешно бы было доказывать то, что доказывал в своей речи Поповский. В наше время справедливость этой мысли никто не вздумает и опровергать. Но в половине XVIII столетия такая мысль была, без сомнения, смелою и счастливою новостью».¹⁶⁰ «Исполненный веры в великое умственное назначение Отечества и изведав опытом силы языка родного, — говорит С. П. Шевырев, — Поповский первый в Московском университете призывал науку наук выражаться по-русски». Этот призыв, добавим мы, был первым не только в Университете, но и первым в России вообще, выраженным так афористически. И прав Шевырев, говоря, что афоризм Поповского следовало бы вырезать на его памятнике золотыми буквами.¹⁶¹ За эту идею Поповский боролся до конца жизни, открыто сражаясь с группой немецких профессоров, сторонников преподавания философии на латинском языке. К 1767 году Московский университет имел уже в своем составе шесть русских профессоров, которые получили в нем свое образование. Идея Поповского получила у них горячую поддержку. Их общими усилиями удалось в результате сломить сопротивление иностранцев. Дело было доведено до сведения императрицы Екатерины II, посетившей в 1767 году Москву, и директор Университета поэт М. М. Херасков в письме к С. М. Кузьмину 13 февраля писал следующее: «При всеподданнейшем поднесении университетских каталогов, ея императорское величество оказать соизволила высочайшее свое желание, при чем и вы находились, чтоб лекции, при Университете на российском языке преподаваемы были». Херасков просил далее, чтобы это «высочайшее намерение», будучи «утверждено письменно», «уже навсегда твердым узаконенным» осталось. Херасков добавлял, что «Русские профессоры и доктора, читая лекции по-русски, пользу отечеству и честь и славу наук основательнице принесут. Между тем юридические лекции на сей неделе по-русски читать начнутся».¹⁶² Из этого письма акад. М. И. Сухомлинов, впервые его

¹⁶⁰ Там же, стр. 4, 5 и 6.

¹⁶¹ С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 309 и 310.

¹⁶² М. И. Сухомлинов. История Российской академии, т VII. СПб., 1885, стр. 27—28.

опубликовавший, сделал, однако, неверный вывод, утверждая, что только с именем М. М. Хераскова «связано введение русского языка в университетское преподавание».¹⁶³ Если, действительно, Хераскову принадлежит заслуга продвижения этого вопроса в жизнь, то это облегчалось тем, что вопрос этот к тому времени достаточно назрел. Настоящая же заслуга в этом деле принадлежит Н. Н. Поповскому. С. П. Шевырев точно сформулировал это еще в 1855 году: «В 13 лет своего существования Московский университет совершил важный подвиг, и мысль первого русского в нем профессора, Поповского, была исполнена».¹⁶⁴ 15 января 1768 года в «Московских ведомостях» (№ 5) появилось сообщение: «С сего 1768 года в императорском Московском университете для лучшего распространения в России наук, начались лекции во всех трех факультетах *природными россиянами на российском языке*».¹⁶⁵

Хотя о задачах преподавания философии в понимании Поповского и об его философских взглядах отчасти уже говорилось выше необходимо вновь коснуться этих вопросов в связи именно с этой речью. Представляя себе философию как науку в виде великолепного храма всей вселенной, Поповский утверждал, что все другие науки зависят от нее: она — «мать всех наук и художеств». «Хотя она в частные и подробные всех вещей рассуждения не вступает, однако дальнейшие и самые общие правила, правильное и необманчивое познание природы, строгое доказательство каждой истины, разделение правды от неправды от нее одной зависит». Иначе говоря, Поповский настаивал на философском обосновании всех наук — мысль по тому времени не новая, но основанная на новейших достижениях передовой философской мысли середины века. Далее, говоря о значении преподавания философии, Поповский считает, что на формирование мышления влияние философии особенно благотворно сказывается у людей, отошедших от религии, возвращая их путем познания и исследования законов и явлений природы к богопознанию. Необходимость изучения философии для Поповского состоит в том, что она убеждает атеистов в существовании бога «правильным и необманчивым познанием природы». В этом обос-

¹⁶³ Там же, стр. 27, М. М. Херасков об этом же писал 19 ноября 1767 года в Петербург к куратору В. Е. Адодурову (С. П. Шевырев. История, стр. 140—141).

¹⁶⁴ С. П. Шевырев. История, стр. 141.

¹⁶⁵ Там же, стр. 141; ср.: Ф. А. Витберг. Ревнители русского слова. ЖМНП. 1899, январь, стр. 76—78.

новании и соединении философии и религии Поповский выступает как философ-деист.¹⁶⁶

Поправки Ломоносова в рукописи речи Поповского можно разделить на три категории: поправки ошибок переписчика, лексические и стилистические изменения и изменения по существу. Первая группа не представляет интереса. Ко второй категории относятся, например, такие поправки: в заглавии вместо «Речь, говоренная при начатии философии» — «Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете»; вместо «очеса» — «очи»; вместо «Такой тяжелой доступ» — «Какой тяжелой доступ»; вместо «прочим» — «прочим»; вместо «ничтожной» — «малой»; вместо «неспокойного мира философии» — «неспокойства философии»; вместо «не повинно» — «не безвинно»; вместо «по окончании заслуг» — «по окончании трудов»; вместо «заохочены» — «поощрены», и др. В основном — это сглаживание славянизмов, которых в прозе у Поповского вообще больше, чем у Ломоносова.

Гораздо интереснее и важнее поправки по существу. Говоря о том, что от философии «зависят все познания, она мать всех наук и художеств», Поповский в рукописи добавил: «познание всех вещей в нее едину собрано». Последнюю фразу Ломоносов исключил как несоответствующую его пониманию естественнонаучного познания природы. Как последовательный философ, опытным путем познававший явления видимого мира, Ломоносов не мог согласиться с этой мыслью Поповского, признававшего познание «всех вещей» только через философское умозрение. Также значительна и другая поправка Ломоносова. Поповский, говоря о философии как науке, которой «подвержено рассмотрению» всё «что ни есть под солнцем» (даже «сокровенные созданий роды лежат перед ее глазами»), в рукописи утверждал также, что «она есть великий океан, от которого озера, реки, источники происхождение свое имеют и к ней паки возвращаются». Отчеркнув эту фразу дважды на полях и зачеркнув ее, Ломоносов написал сбоку: «ложь». Такая постановка вопроса шла вразрез с естественно-научным мышлением

¹⁶⁶ Густав Шпет, между прочим, не совсем правильно утверждает, что из речи Поповского не видно, «каковы собственные философские взгляды оратора, какова его философская подготовка, какие задачи должно преследовать философское преподавание». Шпет говорит, что «об этом красноречивый профессор не считает нужным сообщить, а увидеть это читателю самому за блеском элоквиенции нет никакой возможности. Прославившийся переводами и оригинальными одами, Поповский через год (в мае 1756) был назначен профессором красноречия, что, видимо, и соответствовало его способности и научной подготовке» (Г. Шпет. Очерк развития русской философии, ч. I—II, 1922, стр. 56).

Ломоносова, который не мог принять подобного объяснения природных явлений. Эти поправки Ломоносова важны для понимания его философских взглядов. Они свидетельствуют еще раз о том, что для него материальный, видимый мир является объективной реальностью. «Материалистические позиции Ломоносова в учении о природе находят яркое отражение и в его настойчивом и последовательном стремлении объяснить материальные явления на основе законов природы».¹⁶⁷ Может создаться впечатление, что в основном вопросе мировоззрения Поповский расходился с Ломоносовым. Однако то обстоятельство, что он легко согласился с удалением этого пункта, свидетельствует, что данное место в его речи было только неудачным поэтическим образом, а не твердым и незыблемым принципом.

Характеризуя эту речь Поповского, неизвестный автор биографии его 1819 года¹⁶⁸ отмечал, что «если ораторский слог Ломоносова был образцом силы и великолепия, то философский язык Поповского мог служить примером ясности и чистоты. Никто из его современников не писал языком, столько сходным с нынешним, уже образованным в обществе людей просвещенных».

Речь Поповского была явлением действительно замечательным, так как это была вообще первая вступительная речь профессора русского университета и притом произнесенная на русском языке перед началом учебных занятий. Новаторство Поповского переключается здесь с новаторством Ломоносова, который способствовал появлению этой речи в печати. Речь Поповского стала тем самым первой печатной профессорской речью в России. Таким образом, Поповский как новатор и прогрессивный профессор должен занимать в истории русской науки и просвещения в России одно из первых мест среди ученых его времени.

Деятельность Н. Н. Поповского в Московском университете еще мало изучена и пока приходится ограничиваться теми материалами, которые были использованы С. П. Шевыревым

¹⁶⁷ Предисловие Г. Васецкого к книге: М. В. Ломоносов, Избранные философские сочинения, М., 1940, стр. XV.

¹⁶⁸ См.: Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного с краткими их жизнеописаниями. Изданы Обществом любителей Российской словесности, ч. I, М., 1819, стр. 7—8.

в его трудах по истории Московского университета¹⁶⁹ и некоторыми другими печатными источниками, очень немногочисленными.

Выступив в Московском университете с таким триумфом с речью «в начатии философических лекций», Поповский вошел в новый научный и литературный кружок преподавателей Университета, внося в него тот ломоносовский дух, который на многие годы воцарился затем в стенах этого нового рассадника просвещения. Д. И. Фонвизин впоследствии вспоминал, что свою любовь к русской литературе он приобрел именно в этом учебном заведении, в котором обучался с его основания. Он писал: «Я должен с благодарностью воспоминать университет. Ибо в нем, обучась по-латыни, положил основание некоторым моим знаниям. В нем научился я довольно немецкому языку, а паче всего в нем получил я вкус к словесным наукам. Склонность моя к писанию явилась еще в младенчестве, и я, упражняясь в переводах на российский язык, достиг до юношеского возраста».¹⁷⁰ Большое впечатление произвела на Фонвизина и личная его встреча с Ломоносовым в январе 1758 года в Петербурге, куда он вместе с директором Университета И. И. Мелиссино и другими лучшими учениками отправился для представления куратору Университета И. И. Шувалову. Об этой встрече Фонвизин рассказал следующее: «Через несколько дней директор представил нас куратору. Сей добродетельный муж, которого заслуг Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво и, взяв меня за руку, подвел к человеку, которого вид обратил на себя почтительное мое внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? „По-латыни“, — отвечал я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с великим, правда сказать, красноречием».¹⁷¹ Автор первой биографии Фонвизина, П. А. Вяземский пишет по этому поводу: «В числе разительнейших впечатлений, пробудивших внимание 14-летнего отрока в приезд его в Петер-

¹⁶⁹ С. П. Шевырев. История; С. П. Шевырев. Словарь, части I и II. К сожалению, предпринятый С. П. Шевыревым «Биографический словарь питомцев Московского университета» остался незаконченным и не увидел света (см. Д. Д. Языков. Одно из неоконченных предприятий С. П. Шевырева. «Исторический вестник», 1906, № 10, стр. 247—250; Б. Л. Модзалевский. Автобиография С. Е. Раича. «Русский библиофил», 1913, кн. VIII, стр. 5—7).

¹⁷⁰ «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина, под ред. П. А. Ефремова, СПб., 1866, стр. 534).

¹⁷¹ Там же, стр. 537—538; С. П. Шевырев. История, стр. 65—66.

бург, была встреча у Шувалова и знакомство с человеком, который мог бы один служить выражением русской образованности, столь же внезапной, как и оң, с человеком, неприготовленным событиями и ознаменовавшимся в ученом мире явлением столь же самовластным, как и Петр Великий в мире государственном, — с Ломоносовым. . . Может быть, встрече с Ломоносовым и смеху, порожденному игрою актера Шумского, обязаны мы наиболее, что в Фонвизине имеем писателя, а от него хорошие комедии».¹⁷² Во всяком случае, еще до этой поездки в Петербург Фонвизин, конечно, многое мог узнать о Ломоносове еще в Москве от Н. Н. Поповского, одного из своих учителей сперва в философии, а затем и по русской литературе. Так могла возникнуть та литературная связь между Петербургом и Москвой, которая затем в 1757 году дала повод говорить Ломоносову об образовании «нового московского Парнаса». В литературе о Фонвизине существует неправильное, на наш взгляд, представление, что наибольшее влияние на него в его студенческие годы оказал профессор университета Рейхель. Нам кажется, что можно говорить с полным правом о том, что на формирование поэтического гения Фонвизина могла оказывать и, вероятно, оказывала влияние русская часть профессуры Университета во главе с Поповским, А. А. Барсовым и Ф. А. Яремским как учениками Ломоносова. Живая связь Фонвизина с Ломоносовым через этих учеников могла заложить в сознание Фонвизина то русское национальное начало, которое затем творчески перевоплотилось в гениальных произведениях автора «Бригадира» и «Недоросля».

26 апреля 1756 года Университет праздновал свою годовщину актом, на котором Поповский говорил новую речь на русском языке и читал новую оду. Речь была тогда же напечатана.¹⁷³ По отзыву Шевырева, Поповский «в описании добродетелей государыни» «подражал» в этой речи «учителю своему Ломоносову». Однако Шевырев не увидел в ней других мыслей Поповского, перекликающихся с мыслями Ломоносова о русской национальной культуре и науке, о воспитании новых поколений русских людей: «Несказанное веселие видеть граждан ко всякому званию, ко всякой должности способных, понятных и искусных, которым всякое дело монарх надежно поверить и поручить может, не имеет нужды заимствовать от других стран

¹⁷² П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1880, стр. 20—21.

¹⁷³ У В. С. Сопикова (№ 10723) она озаглавлена как «Слово в день коронации императрицы Елисаветы Петровны Николая Поповского» (М., 1756) Такого издания нам не удалось видеть. См. ниже, прим. 175.

разумных художников, мужей ученых к удовольствованию своего народа необходимо потребных». И далее: «О! какую радость, какое ощущаем мы веселие, возбуждаемы надеждою, что увидим вожделенные плоды сего новонасажденного винограда; что дождемся блаженного оного времени, когда из сего премудрого государынею учрежденного места произойдут судии правду от клеветы отделяющие; полководцы на море и на земле спокойство своего отечества утверждающие; когда процветут здесь мужи, закрытыя натуры тайнства открывающие».¹⁷⁴

Отпечатанная тогда же ода Поповского озаглавлена «Ода ея императорскому величеству всемилостивейшей государыне императрице Елизавете Петровне самодержице всероссийской, которую в высочайший день коронации ея священнейшего величества искреннее свое усердие и благодарность засвидетельствует императорский Московский университет, апреля 26 дня 1756 года. Печатано при императорском Московском университете» («Начни шумящею трубою...»)¹⁷⁵ Эту речь и оду слушали студенты Д. И. Фонвизин и Г. А. Потемкин, получившие в этот день поощрительные награды.

¹⁷⁴ С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 310—311; С. П. Шевырев. История, стр. 20—21. Неизвестный автор биографии Поповского 1819 года считал эту речь также «более подражанием красноречию Ломоносова» (Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета, стр. 7—8). Отрывки из нее цитировал в своей юбилейной речи в день основания Московского университета 12 января 1855 года С. П. Шевырев (Историческая записка, речи, стихи и отчет императорского Московского университета, читанные в торжественном собрании 12-го января 1855 года по случаю его столетнего юбилея. М., 1855, отд. II, стр. 3—4). См. также замечания сенатора К. Н. Лебедева в его «Записках» («Русский архив», 1888, кн. III, стр. 254—255).

¹⁷⁵ 4^о, 8 нен. стр. Ср.: Сопиков, № 7175. Описание см.: Б. Л. Модзалевский. Ломоносов. Академия наук. Московский университет. 2-е изд., стр. 171—172, № 926. Речь (без заглавия, см. выше, прим. 173) и ода Поповского (с указанным заглавием), произнесенные 26 апреля 1756 года, составляют, кроме того, издание без упоминания имени Поповского, под заглавием: «Высочайший день коронации ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийския публичным собранием празднует императорский Московский университет апреля 26 дня 1756 года. Печатано при императорском Московском университете» (см.: Сопиков, № 12884). Это издание 1756 года хранится в Библиотеке Академии наук СССР под шифром: «XVIII в., № 1756/1», рукопись оды неизвестна. Речь под заглавием «Торжественное слово на высочайший день коронации ея императорского величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 26 апреля 1756 г.» воспроизведена в издании Общества любителей российской словесности в Москве: Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями, ч. I, М., 1819, стр. 18—34.

Так же, как и ода Поповского 1754 года, эта вторая оригинальная его ода представляет образец мастерского восприятия Поповским сущности одической поэзии Ломоносова. В отличие от первой, новая ода насквозь проникнута чисто ломоносовским прославлением наук. Кроме того, она посвящена новому московскому Парнасу или Геликону, т. е. храму науки — Московскому университету, с одной стороны, и московским музам — с другой.

Согласны песни Аполлон
Елисаветиной хвалою
Наполни новой Геликон.
Московски музы, лиру стройте
.....
Дщерь нову милость к вам <т. е. Музам> явила,
Когда жилище учредила
В преславном граде вам, в Москве.

Обращаясь далее к музам, Поповский говорит об Елизавете, которая «с тишиной» «льет в сердца отрады»:

Готовит щедрые награды,
Приемлет в собственный покров
И вас в России умножая,
Чрез вас науки расширяя,
Являет вид и дух Петров.

Далее, говоря музам, что

Москва представит вам героев
И храбры россия полки,

Поповский вновь обращается к Петру Великому, мудрости которого будет следовать Россия:

Россия, вид являя новой,
Пример даст мудрости Петровой
Любовь к народу, правда, суд
И кроткой дух в Елисавете
С хвалой во всем гласяся свете.
Коль славной предлежит вам труд!

В последних строках характерно подчеркивание «кроткого духа» в Елисавете, которым она должна руководиться в государственном управлении.

Затем Поповский вновь возвращается к теме процветания наук, сравнивая Петербург с Москвою:

Как крин цветут науки в них.

Музы

Надеждой мысли веселятся,
 Представив вожденной час,
 Как с невскими соединятся
 Вознесть московским музы глас,
 Наполнят воздух шумом новым
 И купно с именем Петровым
 Елисавету возгласят.

Далее, говоря о науках, находящихся в России еще только в младенческом возрасте, Поповский вновь употребляет характерный ломоносовский образ наук, «простирающих руки» к монарху в благодарность за насаждение наук в России:

Младенчествуя науки
 Тебе, монархиня, гласят,
 К тебе свои простерши руки
 И немотствуя говорят.

Представляет интерес для характеристики поэзии Поповского последний оксюморон — «И немотствуя говорят», т. е. молча говорят.

Чисто по-ломносовски звучит строфа о «недоброхотах», которые завидуют похвалам по отношению к другим:

Иные зависть производят
 В недоброхотах похвалы,
 Иные в жизни честь находят,
 По смерти страждут от хулы.
 Сия заслуга всем любезна,
 Чужим мила, своим полезна.
 Живущих беспритворна честь
 По смерти славу оставляет
 И память в веки продолжает,
 Ей зависть не вредит и лезть.

Поповский подчеркивает важность для живущих «беспритворной чести», которая оставляет после смерти славу и остается в памяти людей. Таким не может повредить ни зависть, ни лезть.

Все эти примеры ломоносовского стиля в оде Поповского свидетельствуют о том, что новый московский Парнасс получил в лице Поповского действительно достойного последователя Ломоносова. Успехи его на литературном и научно-педагогическом поприще, конечно, воспринимались Ломоносовым с глубоким удовлетворением. В Поповском он видел достойного себе преемника. Так воспринимали эту преемственность и их современники, высказываясь и о Ломоносове и о Поповском в этом плане уже после их смерти.

В том же 1756 году состоялось определение Поповского профессором красноречия, о чем было напечатано в «Московских ведомостях»: «Сегодня в 11 часов поутру в Московском университете при собрании магистров, учителей и учеников в Канцелярии оного Университета объявлен был магистр Николай Поповский при том же Университете профессором красноречия».¹⁷⁶ Кафедра красноречия, или элоквенции, входила тогда в состав философского факультета.¹⁷⁷ Поповский с этого времени занимал ее до конца своей жизни, а затем (в 1761 году) ее получил его товарищ по Академическому университету А. А. Барсов.¹⁷⁸

«Как профессор элоквенции Поповский объяснял слушателям Саллюстия, основания слога излагал по Гейнекцию, риторику по Эрнестию. Правила сей последней он объяснял частью примерами, почерпнутыми из писателей, частью своими практическими опытами. Ни на одном писателе особенно не останавливался, но старался объять всех поэтов, ораторов и историков и объяснял в них достойное изучения; кроме того, упражнял студентов в переводах с латинского языка на русский и обратно».¹⁷⁹ Нам удалось разыскать объявление о лекциях Поповского «в последнюю половину 1757 года», где говорится, что «в большой аудитории... пополудни по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам 3 и 4 часы Николай Поповский элоквенции профессор толковать будет латинских стихотворцев, историков и ораторов, Гейнекциевы основания чистого штиля и правила риторические Эрнестовы, изъясняя их примерами или выбранными из знатнейших авторов, или нарочно сочиненными. Сверх того задавать будет разные мате-

¹⁷⁶ «Московские ведомости», 1756, 10 мая, № 5; С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 311. В «Словаре» митрополита Евгения показана дата: 2 мая (т. II, стр. 131).

¹⁷⁷ См.: С. П. Шевырев. История, стр. 56—57.

¹⁷⁸ Там же, стр. 31 и 86; М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. IV. СПб., 1878, стр. 194—195.

¹⁷⁹ С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 318. Подобные сведения о преподавании Поповского по «Каталогу» лекций за январь 1757 года напечатаны, например, на латинском языке в издании: Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании императорского Московского университета, июня 26 дня 1830 года. М., 1830, стр. 97. Перечень таких «каталогов» лекций за 1757—1760 г. см. в книге: Б. Л. Модзалевский. Ломоносов. Академия наук. Московский университет. Изд. 2-е, СПб., 1912, стр. 166—169, №№ 897—915. Содержание курса риторики профессора Лейпцигского университета Иоганна-Августа Эрнести (1707—1781) см.: М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. IV, стр. 195—199; ср.: В. Е. Якушкин. Из первых лет жизни Московского университета. Русский филологический вестник, 1902, № 3—4, стр. 155.

рии для сочинения и переводы с русского на латинский и с латинского на русский».¹⁸⁰ Таким образом, претворялись в жизнь в Московском университете уроки, воспринятые Поповским у его учителей в Академии наук, акад. Х. Крузиуса и акад. В. К. Тредиаковского, отчасти Ломоносова.¹⁸¹

Учеником Поповского, помимо Д. И. Фонвизина, несомненно был также Н. И. Новиков, учившийся в Университете в 1758—1759 годах.¹⁸² Он впоследствии принимал меры к увековечению памяти своего учителя. Безусловно учились у Поповского и известные ученые С. Г. Зыбелин и П. Д. Вениаминов.¹⁸³ собеседник Вольтера Б. М. Салтыков,¹⁸⁴ дипломат Я. И. Булгаков,¹⁸⁵ поэт И. Ф. Богданович, директор Академии наук С. Г. Домашнев и некоторые другие.

День восшествия на престол императрицы Елизаветы 6 сентября 1756 года был отмечен Университетом, как это полагалось, специальным заседанием. Здесь Поповский произнес речь «О преизяществе красноречия». Выбором такой темы он ознаменовал свое новое назначение.¹⁸⁶ Возможно, что Поповскому принадлежит и напечатанная к этому дню Ода, начинающаяся стихом: «Умолкните теперь стихии. . .»¹⁸⁷

К 1756 году относится также замечательное по тому времени оригинальное произведение Поповского: «Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества», обращенное им к И. И. Шувалову.¹⁸⁸ Оно написано, несомненно, под формаль-

¹⁸⁰ «Объявление, какие лекции в которые дни и часы читаны быть имеют публично в императорском Московском университете в последнюю половину сего 1757 года» (БАН, Отдел редкой книги), стр. 6 (нен.).

¹⁸¹ См. выше, стр. 115 и след.

¹⁸² См. при статье Б. Л. Модзалевского о С. Е. Раиче воспроизведение 154-й страницы из «Биографического словаря питомцев Московского университета» с началом биографии Н. И. Новикова («Русский библиофил», 1913, № VIII, стр. 5).

¹⁸³ С. П. Шевырев. История, стр. 135.

¹⁸⁴ Л. Б. Модзалевский. Собеседник Вольтера Б. М. Салтыков и два его новых письма. Сборник ЛГУ «Вольтер», под ред. М. П. Алексеева, Л., 1947, стр. 174—184.

¹⁸⁵ «Русский архив», 1898, кн. I, стр. 29—30.

¹⁸⁶ С. П. Шевырев. История, стр. 25. Текст речи, к сожалению, неизвестен. Объявление см.: Б. Л. Модзалевский. Ломоносов. Академия наук. Московский университет, стр. 173—174, № 933.

¹⁸⁷ Там же, № 919. Разыскать оду не удалось.

¹⁸⁸ Опубликовано единственный раз после смерти Поповского под заглавием: «Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества, писанное покойным профессором Поповским к его превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову при заведении Московского университета, 1756 года» в журнале Н. И. Новикова «Живописец» (1772, лист 8, стр. 57—64; то же, в воспроизведении первого издания, ч. первая, СПб., 1898, издание А. С. Суворина, стр. 50—58).

ным воздействием «Письма» Ломоносова «о пользе стекла», 1752 года, также обращено к Шувалову, но короче его в два раза. Самое название его и содержание имеют ярко выраженный дидактический характер. Собственно «о пользе наук» в «Письме» говорится мало; оно содержит главным образом мысли о воспитании юношества путем воздействия на духовное и телесное развитие молодежи:

Ты к славе, Меценат, надежней путь избрал,
 Что Мусы возлюбил, что зреть их предпринял:
 Обычаем худым, растленной нашей воле
 Чем можно пособить и чем исправить боле?
 Сие осталось едино врачество,
 Душевный исцелить недуг и естество.

Основная мысль: ребенок имеет «семена естественных доброт, которы дать могли б плоды своих красот», но худые примеры окружающих

Доброту красную естественных даров
 В противну сторону напрасно преклоняют.

Отсюда

Так ложны мнения в младый ум впечатленны
 Не трудно могут быть на долго вкорененны

С другой стороны:

Опека добрая, прилежное ученье,
 Пример похвальных дел, честное обхожденье
 Незараженное сообществом худым,
 Все может произвеств в младенцах, что хотим.
 Сие и добрую природу утверждает,
 И склонную ко злу способно исправляет.

Однако Поповский сознает:

Но много ли таких родителей сыскать,
 Чтоб честности детей старались наставлять?

Подобных родителей мало, а потому воспитание подрастающего поколения должно подвергнуться общественному воздействию. Поповский обращается затем к меценату, прославляя его за основание Московского университета и за взятое им на себя попечение об исправлении неправильного домашнего воспитания:

Сие родителей о детях небреженье
 Чрез собственное ты об оных попеченье,
 Старайся теперь исправить Меценат!

Един ты обще всех приял в опеку чад,
 Представив мудрый твой совет Петровой дщери:
В Минервин храм отверз российским детям двери
 И случай подал им свой разум просвещать:
Познанием наук себя обогащать.

Таким образом, педагогические идеи Поповского, переключаясь с изданиями Ж. Ж. Руссо и Локка, были на уровне передовых воспитательных идей середины XVIII века и позволяют считать его одним из ранних предшественников в России педагогической деятельности И. И. Бецкого.

Со стороны стилистической «Письмо» Поповского интересно как разрабатывающее ломоносовский язык и стиль вплоть до его гиперболизма и «громоподобия». Последнее особенно ярко выражено в его первой части, рассматривающей различные способы достижения бессмертия. Начало «Письма», с другой стороны, совпадает по замыслу с последней частью оды Поповского 1756 года, о которой говорилось выше:

Различны, Меценат! к бессмертию дороги:
 Иный повергнув тьмы людей себе под ноги,
Через раны, через кровь, чрез кучи бледных тел,
Развалины градов, сквозь дым сожженных сел,
 Отверз себе мечем путь к вечности кровавой,
 И с пагубой других достиг бессмертной славы;
 Но плач и вопль сирот, и стон оставших жен,
 Родителей печаль, и треск упавших стен
Гремящую трубу их славы заглушает
 И ясно проникать в слух смертных воспящает.
Другий, подняв верхи ужасных пирамид
Превыше тучь, где ветер и буря не шумит,
 Потомству по себе мнит память тем оставить,
 И имя чудными громадами прославить

и т. д.¹⁸⁹

Но затем, при переходе к изложению основных взглядов Поповского на задачи воспитания, стиль становится менее напряженным, в отличие от ломоносовского «Письма о пользе стекла», сохраняющего эту стилистическую напряженность и метафоричность на всем его протяжении.

В оде 1756 года, как отмечалось, Поповский подчеркивает важность для живущих «беспритворной чести», которая оставляет после смерти славу и остается в памяти людей. То же находим и в «Письме» Поповского:

Но много ли таких мы найдем на земле,
 Чтоб честность предпочли напрасной похвале;
 Чтобы имели дух и сердце благородно,

¹⁸⁹ Курсивом выделены нами обороты, характерные для стиля Ломоносова.

И не смотрели бы на мнение народно;
 Чтоб не прельщались ни суетной хвалой,
 Не оскорблялись бы безумною хулой;
 Чтоб совести одной и правде угождали,
 И на бесстрастный бы потомства суд взирали

.....
 Чтоб твердо верили, что все дела честныя
 Хоть в жизни хуляются от ненависти злых,
 Иль меньше хвалятся по существу заслуг:
 Но как из брэнного изыдет тела дух,
 Тогда им должная цена постановится,
 И мрачным никогда забвеньем не затмится!

«Ода» и «Письмо» Поповского написаны почти одновременно в 1756 году.

В начале 1757 года была образована впервые Конференция Университета для управления его делами; в нее вошли три ассессора — М. И. Веревкин, князь Хованский и М. М. Херасков и три профессора — Н. Н. Поповский, Ф. Г. Дильтей и И. Г. Фроман. Заседания ее начались 24 февраля,¹⁹⁰ и Поповскому поручен был надзор за студентами «как человеку, усердия к Университету исполненного»,¹⁹¹ о чем писал к Шувалову М. И. Веревкин.¹⁹² Дирекция Университета настаивала также на том, чтобы должность инспектора Гимназии была поручена русскому профессору, которому «природный язык давал возможность входить в прямые сношения с учениками и ближе наблюдать за их поведением». Н. Н. Поповский тяготился этими обязанностями, так как они отвлекали его от его ученых и литературных занятий, и в 1759 году он отказался от должности инспектора.¹⁹³ Принимая в 1758 году эту должность 13 августа, в начале занятий в обеих гимназиях Поповский говорил «речь на российском языке о том, коль многотрудна есть должность учащих, есть ли оную исправлять по надлежащему».¹⁹⁴

По назначению Конференции Поповский, как исполнительный чиновник и профессор элоквенции, говорил в публичном собрании Университета 6 марта 1757 года похвальное слово умершему первому директору А. М. Аргамакову, который, однако, этого вовсе не заслуживал, так как злоупотреблял университетскими суммами и привел в расстройство университет-

¹⁹⁰ С. П. Шевырев. История, стр. 26—27

¹⁹¹ Там же, стр. 28.

¹⁹² С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 318.

¹⁹³ С. П. Шевырев. История, стр. 58—59; С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 319—320.

¹⁹⁴ «Московские ведомости», 1758, 14 августа, № 65.

ские финансы.¹⁹⁵ Есть также указание на то, что в начале июня при начале публичных экзаменов, происходивших по приказанию И. И. Шувалова, Поповский говорил еще одну речь.¹⁹⁶

1 ноября 1757 года, в день рождения Шувалова, на обеде у нового директора И. И. Мелиссино было открыто первое заседание Московского литературного общества при Университете, организованного по мысли Мелиссино. В состав этого Общества вошел и Поповский, который прочел на первом заседании русскую оду.¹⁹⁷ «Слушатели были многочисленны, — говорит Шевырев, — между ними и высшее духовенство». Так образовался в Москве «Новый Парнасс».¹⁹⁸ «Мысль Мелиссино, здесь являющаяся только в слабом зародыше, — говорит С. П. Шевырев, — исполнена была позднее (в 1771 г.) учреждением Вольного российского собрания, когда он сам получил уже место второго куратора при Университете».¹⁹⁹

В январе 1758 года, как говорилось выше, И. И. Мелиссино ездил в Петербург с группой лучших студентов для представления их И. И. Шувалову. В этой поездке его сопровождал и Поповский.²⁰⁰ Фонвизин тем самым неотлучно находился при своем учителе. При Поповском произошло и его знакомство

¹⁹⁵ С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 318; С. П. Шевырев. История, стр. 28; Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. III, ч. 2, СПб., 1898, стр. 22 и 303; Черты из истории императорского Московского университета. Московский городской листок, 1847, № 15, стр. 60. В «Московских ведомостях» (1757, 11 марта, № 20) сообщалось: «Сего марта 6 дня пред полуднем, в Московском императорском университете в большой аудитории при собрании многих любителей наук элоквенции профессор господин Поповский читал речь похвальную покойному оного университета директору господину Аргамакову». Текст этого похвального слова неизвестен.

¹⁹⁶ С. П. Шевырев. История, стр. 28; С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 318—319: «Сего июня 3, то есть в прошедшей вторник, — сообщалось в «Московских ведомостях», — в Московском императорском университете учинено начало экзаменов как студентам, так и ученикам обеих гимназий. По причине сего читаны были в большой аудитории две речи: одна на российском языке профессором элоквенции господином Поповским, к слушанию которых приглашенные, напечатанною нарочно на российском и латинском языках программю, любители наук, собрался того числа в 4 часа пополудни в великом множестве, причем были некоторые и дамские персоны» (1757, 6 июня, № 45). Текст и этой речи Поповского неизвестен.

¹⁹⁷ Она также неизвестна.

¹⁹⁸ М. М. Херасков в первом собрании Общества тоже читал свои стихи.

¹⁹⁹ С. П. Шевырев. История, стр. 52; М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. IV, стр. 213; вып. VII, СПб., 1885, стр. 126—127.

²⁰⁰ С. П. Шевырев. История, стр. 79, прим. 48 и стр. 80, прим. 52.

с Ломоносовым.²⁰¹ Поповский уже в это время был в неладах с иностранной частью профессуры Московского университета. Он не желал, так же как и Ломоносов в Академии наук, уступить иностранцам свое старшинство в Конференции Университета. Отсюда возникали споры и пререкания, в результате которых Поповский начал с 1758 года избегать посещения заседаний.²⁰² Особенно напряженными у Поповского стали отношения с профессором Ф. Г. Дильтеем. Дошло до того, что Поповский отказался подписать ему аттестат для возобновления с ним университетского контракта, срок которого перед этим истек. Поповский не одобрял назначения Дильтея профессором Университета. В этом случае могли иметь место и личные побуждения. Поповскому могли стать известными те инсинуации Дильтея, которые он изложил в своем письме к Г. Ф. Миллеру, сообщая ему, что Поповский отправился в Петербург с целью оклеветать профессоров перед Шуваловым в их пьянстве и что он сам предается этому пороку.²⁰³ Из сохранившегося черного письма Миллера видно, что последний, однако, отрицал это, уверяя Дильтея, что Поповский ничего подобного в Петербурге не говорил.²⁰⁴ С другой стороны, на отношения Поповского к профессорам-иностранцам могли влиять и расхождения их по вопросу о введении в Университете преподавания философии для некоторых учеников на русском языке, чего так страстно добивался Поповский именно в это время (см. выше). 17 сентября 1758 года он поставил этот вопрос на заседании Конференции уже официально. Однако остальные четыре профессора (Дильтей, Фроман, Керштенс и Шаден) решительно высказались против этого нововведения. Поповский оказался один против четырех и потерпел поражение.²⁰⁵ Мы видели выше, что эта мысль Поповского получила реальное воплощение лишь значительно позже.

27 апреля 1758 года в связи с днем коронации императрицы (25 апреля) в Московском университете было празднество «при

²⁰¹ Отсюда следует, между прочим, что Ломоносов лично знал И. И. Мелиссино еще с января 1759 года. Их знакомство подтверждается письмом Мелиссино к М. И. Веревкину от 12 октября 1783 года (см. в статье Д. С. Бабкина. «Биографии М. В. Ломоносова, составленные его современниками» в сб.: Ломоносов. Под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, т. II, Л., 1946, стр. 26 и 27, прим. 1).

²⁰² С. П. Шевырев. История, стр. 56; С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 319.

²⁰³ С. П. Шевырев. История, стр. 79, прим. 48.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же, стр. 57—58; С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 319, где изложены некоторые подробности.

многочисленном собрании знатных особ», на котором в большой аудитории Н. Н. Поповский «говорил речь на российском языке о преимуществе монархии пред аристократию и демократию», о чем было сообщено в «Московских ведомостях» 28 апреля.²⁰⁶ Хотя текст этой речи неизвестен, но, судя по заглавию ее, можно сделать вывод, что политические воззрения Поповского определялись, так же как и Ломоносова, программой «просвещенного абсолютизма». Идеал «просвещенного монарха», наделенного абсолютной властью, — это идеал большинства прогрессивных деятелей той эпохи, в особенности поэтов-классицистов, каковым являлся Поповский как ученик и последователь Ломоносова.

В начале 1760 года Московский университет напечатал новую книгу Поповского, вышедшую под заглавием: «О воспитании детей, господина Локка. Переведено с французского на российский язык императорским Московского университета профессором Николаем Поповским. Печатано при императорском Московском университете 1759 года» (4 нен. + 148 стр.). То же, часть II, 1760 года (266 стр.). Обе части вышли одновременно, о чем сообщалось в «Московских ведомостях» 15 февраля 1760 года.²⁰⁷

Этот новый перевод с французского, начатый, несомненно, еще в 1756 году, когда писалось «Письмо о пользе наук», показывает, что Поповский шел в ногу с философской педагогиче-

²⁰⁶ «Московские ведомости», 1758, 28 апреля, № 34. Речь эта, к сожалению, не сохранилась и неизвестно, была ли она тогда опубликована. Неизвестный автор биографии Поповского 1819 года (см. выше, прим. 168) утверждает, что, кроме двух речей (1755 и 1756 годов), речи Поповского напечатаны вообще не были.

²⁰⁷ «Императорского Московского университета в Книжной лавке продается переведенная с французского языка профессором элоквенции господином Поповским и при оном Университете напечатанная книга аглинского писателя Локка о *воспитании детей*, в двух томах, в осьмую долю листа, ценою экземпляр по одному рублю без переплету». Ср.: Сопиков, № 6009 (с указанием одного года издания — 1760). В 1788 году «Типографической компании» Н. И. Новикова этот перевод был переиздан. Описание 2-го издания дано В. П. Семенниковым в его книге: Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической компании. Пгр., 1921, стр. 119, № 786 (Сопиков, № 6010). В «Росписи» А. Ф. Смирдина первое издание показано под 1759 годом (№ 1450). Судя по объявлению в «Московских ведомостях» (см. выше) первое издание книги (1759—1760) появилось в продаже в момент смерти Н. Н. Поповского. Несомненно, что его переводом книги Локка воспользовалась Екатерина II при составлении инструкции для Н. И. Салтыкова о воспитании великих князей Александра и Константина Павловичей, в 1784 году (см.: Д. А. Толстой Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1885, стр. 84—85, 91—100; П. М. Майков. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904, стр. 49).

ской мыслью своего времени. Перевод Поповского приблизил педагогические идеи Локка к русскому читателю. В своем введении «К читателю» Поповский говорит о том, что хотя «критические умы» находят в Локке «неизвестно какой недостаток» и что его педагогические правила созданы специально для англичан, тем не менее, на взгляд переводчика, эти правила могут с успехом быть приняты и другими народами. «Правила г. Локка, — говорит Поповский, — почти везде могут употребляемы быть с великим успехом. Предмет его был тот, чтобы показать, каким образом детей честных родителей предуготовлять в пользу отечества». Хотя Локк и «рассуждает только о воспитании детей знатного роду», но, по мнению Поповского, «и незнатные могут теми же правилами пользоваться, оставляя то, что с их обстоятельствами несходно, прочее потребными отменами приноравливая к своему состоянию». В истории педагогических идей XVIII века перевод Поповского должен занять подобающее ему место, что, к сожалению, до сих пор не сделано нашими историками русской педагогической мысли.

13 февраля 1760 года Н. Н. Поповский умер.²⁰⁸

²⁰⁸ Единственное указание на точную дату его смерти находится в работе Спада: Spada. Ephémérides Russes poétiques, littéraires, historiques et nécrologiques, t. I, стр. 199. Имеется указание (Сопиков, № 6480), что Поповскому принадлежит перевод или составление книги под заглавием: «Наставление для пехотных офицеров, каким образом приводить в оборонительное состояние разные посты, замки, кладбища, церкви, деревни, города и местечки, со многими таблицами», изданной в Москве в 1786 году (указание на первое издание этой книги в 1760 году в Москве находится в «Описи библиотеки гр. Шереметева, сгоревшей в 1812 г.», СПб., 1833, стр. 423, № 1548). Насколько это указание достоверно, судить, однако, трудно.

Ф. Я. ПРИЙМА

ЛОМОНОСОВ И «ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ» ВОЛЬТЕРА

«История Российской империи при Петре Великом» Вольтера уже не однажды привлекала к себе внимание исследователей. Перечень работ, частично или специально посвященных этому труду прославленного французского писателя-просветителя, насчитывает к настоящему времени не один десяток названий.¹ Тем не менее нельзя сказать, что «История Российской империи при Петре Великом» более или менее обстоятельно изучена. Самого серьезного изучения по-прежнему заслуживает, на наш взгляд, история написания книги. В дополнительном изучении нуждается, в частности, также вопрос о характере и степени участия М. В. Ломоносова в создании названного труда Вольтера, вопрос, который уже рассматривался в работах Е. Ф. Шмурло и А. И. Андреева.

Выяснению этого вопроса главным образом и посвящается настоящая статья.

Свой труд по истории России Вольтер создавал по заданию русского правительства, заинтересованного, разумеется, не

¹ Ниже перечисляются наиболее важные из этих исследований: Е. Ф. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства, вып. I. СПб., 1912, стр. 49—60 перв. пагин, и стр. 70—80 втор. пагин; E. F. Smirlo. Voltaire et son oeuvre «Histoire de l'Empire de Russie sous Pièrre le Grand». Prague, 1929; Н. С. Платонова. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом». «Литературное наследство», т. 33—34, 1939, стр. 1—24; А. И. Андреев. Ломоносов и Крашенинников. Сб. «Ломоносов», вып. 1, под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, М.—Л., 1940, стр. 294—296, 301; А. И. Андреев. Неизвестные труды Ломоносова по географии, этнографии и истории России. Там же, стр. 297—301; А. И. Андреев. Труды Ломоносова по географии России. Там же, вып. 2, 1946, стр. 130—143; К. Н. Державин. Вольтер. 1946, стр. 185, 196—206, 346; М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. Сб. «Вольтер. Статьи и материалы», Изд. ЛГУ, 1947, стр. 14—25

только в том, чтобы автором истории Петра I выступил всеевропейски-известный писатель, но и в том, чтобы труд этот был написан в благожелательном по отношению к России направлении. Посредник в сношениях русского правительства с Вольтером, И. И. Шувалов, будучи весьма высокого мнения об исторических изысканиях и поэтическом творчестве Ломоносова, склонен был, разумеется, предоставить ему самые широкие возможности как для оказания помощи Вольтеру, так и для того, чтобы воздействовать на Вольтера в желательном духе.

К трудам иностранных авторов, писавших о России, Ломоносов относился с законным недоверием, так как в них, как правило, излагались самые предвзятые мнения о русском народе, его культуре и истории. «Немало имеем свидетельств, — писал Ломоносов, — что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели. Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою».² С чувством известного недоверия отнесся Ломоносов и к замыслу русских правительственных кругов поручить написание русской истории Вольтеру. Считаясь, однако, с уже совершившимся фактом, Ломоносов включился в работу по сбору и редактированию материалов, предназначенных для Вольтера. До нас не дошло написанное летом 1757 года письмо к Ломоносову И. И. Шувалова, в котором, как следует полагать, помимо сообщения о поручении Вольтеру работы по истории Петра Великого, содержалось также и обращенное к Ломоносову приглашение принять участие в разработке материалов, необходимых французскому писателю. Ответное письмо от 2 сентября 1757 года, равно как и другие письма Ломоносова к тому же адресату, свидетельствуют об исключительной заинтересованности их автора в снабжении Вольтера материалами по истории России. «У меня, — писал Ломоносов И. И. Шувалову, — сколько есть записок о трудах великого нашего монарха, все для сего предприятия готовы».³

Предлагая свой план для работы Вольтера, Ломоносов предвидел и возникавшие в связи с этим трудности, в частности, — связанные с необходимостью перевода отобранных материалов на французский язык. Работа канцелярии И. И. Шувалова не отличалась оперативностью. Так, например, французский перевод «Слова похвального... Петру Великому» Ломоносова был

² М. В. Ломоносов, Полн собр соч, т. VI, Изд. АН СССР, т. VI, М.—Л., 1952, стр. 170.

³ М. В. Ломоносов, Сочинения, т. VIII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 197.

издан в Петербурге только в июле 1759 года и только в сентябре этого года попал в руки Вольтера, хотя еще 2 сентября 1757 года Ломоносов писал Шувалову о необходимости срочного изготовления этого перевода. Между тем, приступив летом 1757 года к написанию «Истории России при Петре Великом», Вольтер работал с таким увлечением и быстротой, что уже в августе 1757 года прислал в Петербург первые восемь глав своей книги. Труд Вольтера носил на себе, тем не менее, явные признаки того крайне ограниченного представления о России, русском народе и его культуре, которое было свойственно почти всем иностранным авторам, писавшим на русскую тему, и которое преодолеть в своем труде — при всем желании достигнуть этого — Вольтер не смог. Письма Вольтера, относящиеся к периоду его работы над историей Петра I (1757—1763) полны жалоб на слабое поступление архивных материалов из России, в которых нетрудно услышать признание автора в слабом знакомстве с избранной темой. Особенно характерно в этом отношении письмо Вольтера к Б. М. Салтыкову, написанное не ранее июня 1759 года (точной даты это письмо не имеет). Спрашивая адресата, как правильно транскрибируется слово раскольники (Kalkonistky, ou Ratzoniski, ou Ralkoniky, ou Roskolchiqui), Вольтер даже не пытается скрыть своего раздражения (ср. т. 40, стр. 115).⁴

Присланные на одобрение И. И. Шувалову восемь глав «Истории Российской империи при Петре Великом» ни с какой стороны не могли удовлетворить Ломоносова, насколько можно судить об этом по составленным им «Примечаниям» на рукопись Вольтера.⁵

Ломоносов увидел в труде Вольтера и умаление значения Петра I, и переоценку роли Лефорта и иностранных генералов, и обильное количество фактических ошибок и неточностей, включая в них и такие, как, например, неправильное написание «российских имен».

Нам не известно, в каком виде были отправлены Вольтеру замечания Ломоносова на рукопись первых восьми глав его труда. Вероятнее всего, замечания Ломоносова были объединены Шуваловым с замечаниями других членов Петербургской Академии наук на эту же рукопись и в таком отредактированном и обобщенном виде отправлены Вольтеру. Нам известно,

⁴ Как здесь, так и ниже в скобках дается указание на том и страницу редактированных Л. Моланом «Oeuvres complètes de Voltaire» (1—52), Garnier frères, libraires-éditeurs, Paris (1877—1885).

⁵ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, 1952, стр. 89—96.

однако, что некоторые замечания Ломоносова были учтены автором «Истории Российской империи при Петре Великом».⁶

В подготовительных рукописных материалах к «Истории Российской империи при Петре Великом», хранящихся в Библиотеке Вольтера, находится несколько обособленных друг от друга документов, состоящих из полученных Вольтером из России замечаний как на первые восемь глав, так и на всю первую часть его труда.⁷ Авторы всех этих документов не обозначены, и это, вероятно, не простая случайность: известно, что некоторые из полученных Вольтером замечаний вызывали у него необычайно острую отрицательную реакцию. Отсюда не следует, однако, что И. И. Шувалов тщательно скрывал от Вольтера имена тех членов Петербургской Академии наук, которые принимали посильное участие в написании труда Вольтера.

До нас, к сожалению, дошла только ничтожная часть писем И. И. Шувалова к Вольтеру, и поэтому трудно судить о том, насколько подробно освещалась в них работа русских ученых, занятых подготовкой материалов к «Истории Российской империи при Петре Великом».⁸

Летом 1759 года в числе других материалов Шуваловым был послан Вольтеру французский перевод «Слова похвального Петру Великому» Ломоносова. Как известно, Ломоносов твердо рассчитывал на то, что ощущавший большую потребность в материалах Вольтер «сочиненный мною панегирик <т. е. «Слово похвальное», — Ф. П.» не без пользы употребить может».⁹ Это желание Ломоносова, вероятно, было передано Шуваловым по назначению. Несомненно, произведение русского поэта и ученого было прочитано Вольтером. На экземпляре перевода «Похвального слова» Ломоносова, хранящегося в библиотеке Вольтера, имеется рукописная пометка.¹⁰

⁶ Там же, стр. 563—568

⁷ ГПБ, Библиотека Вольтера, № 242, т. 1, лл. 325—390. Названные выше подготовительные материалы, хранящиеся в Библиотеке Вольтера под шифром № 242, состоят из пяти объемистых томов

⁸ Известно всего лишь четыре письма И. И. Шувалова к Вольтеру, из которых три опубликованы в «Литературном наследстве» (т. 29—30, 1937, стр. 159—161; т. 33—34, 1939, стр. 1—24). Четвертое, неопубликованное письмо (от 19 ноября 1760 года) хранится в «Собрании автографов» ГПБ (папка: «И. И. Шувалов»). Перевод названного письма см. в приложении к настоящей статье.

⁹ М. В. Ломоносов, Сочинения. Изд. АН СССР, М.—Л., т. VIII, 1948, стр. 196—197.

¹⁰ См.: Panegyrique de Pierre le Grand, prononcé dans la séance publique de l'Académie Impériale des Sciences le 26 avril 1755, par M. Lomonosow, Conseilleur et Professeur de cette Académie et traduit sur l'original Russien

В своем письме к И. И. Шувалову от 18 сентября 1759 г. Вольтер писал: «Я получил Панегирик Петру Великому, который, ваше сиятельство, благоволили мне прислать. Вполне справедливо то, что член вашей Академии возносит похвалы этому императору. По этой же причине люди обязаны петь хвалу богу, ибо непременно надлежит хвалить того, кто нас создал. В этом панегирике действительно есть красноречие. Я вижу, что ваш народ скоро начнет отличаться своей литературой в такой же степени, как и оружием; но этому он будет обязан прежде всего вам, милостивый государь. Что касается меня, то я вам обязан за получение от вас записок, более поучительных, нежели панегирик. То, что является только похвалой, часто может служить только для оценки способностей автора. Уже одно название заставляет насторожиться читателя; только одни исторические истины могут заставить рассудок верить и восхищаться. Наилучший панегирик Петру Великому, по моему мнению, — его камер-фурьерский журнал, в котором он всегда виден занятым мирными искусствами среди войны, пробегающим из края в край своей страны в качестве законодателя, защищая ее в то же время от Карла XII. Я всегда жду от вас новых записок с неудержимым рвением, которое вы мне внушили» (т. 40, стр. 174—175).

Никакого комментария приведенное письмо Вольтера в нашей литературе не получило, а между тем смысл его нельзя уяснить посредством простого прочтения.

И желание Вольтера подчеркнуть, что ему в своей работе нет особенной необходимости обращаться к «Слову похвальному» Ломоносова, и отсутствие в приведенном письме даже простого упоминания имени русского писателя и ученого нельзя назвать случайностью. Вольтер, конечно, хорошо понимал, что «Слово похвальное» Ломоносова не отменяло значения камер-фурьерского журнала, что «Слово» принадлежало к разряду произведений художественных, написанных согласно требованиям и правилам избранного жанра. Жанр похвального слова был широко распространен в современной Вольтеру француз-

par M. le Baron de Tschoudy, St.-Petersbourg, 1759. ГПБ, Библиотека Вольтера, № 242, т. III, лл. 258—278. На последней, 42 странице (л. 278 об.) «Панегирика», после слов «слезы, которые проливали две сестры, две дочери Петра, разлучаясь» поставлен крестик и на полях написано: «Da bord après la mort de Pierre le Grand sa fille la Princesse Anna fut envoyée en Holstein» («Сперва после смерти Петра Великого дочь его царица Анна была отправлена в Голштинию»). Текст этот зачеркнут и вместо него написано: «Après la mort de Pierre le Grand et de l'Imperatrice Caterine sa fille la Princesse Anna fut envoyée en Holstein» («После смерти Петра Великого и императрицы Екатерины дочь его царица Анна была отправлена в Голштинию»).

ской литературе. Хорошо известный Вольтеру французский писатель Антуан-Леонар Тома (1732—1785) посвятил в 1773 году этому жанру специальное исследование «Опыт о похвальных словах», в котором, кстати сказать, дал исключительно высокую и восторженную оценку «Слову похвальному» Ломоносова.¹¹ К жанру и стилистическим приемам похвального слова неоднократно прибегал в своей литературной деятельности и сам Вольтер. Достоин внимания также и то, что, получив в 1771 году от кн. Е. Р. Дашковой экземпляр похвального слова Петру I, произнесенного по случаю Чесменской битвы тверским архиепископом Платоном, Вольтер писал Екатерине II в своем письме от 15 мая 1771 года: «Сие слово, обращенное к основателю Петербурга и вашего флота является, на мой взгляд, одним из замечательнейших в мире памятников. Я полагаю, что никогда ни один автор не имел столь счастливой темы для своего „Слова“, не исключая и греческого Платона» (т. 47, стр. 431—432). Сравнение русского архимандрита с древнегреческим философом («Архимандрит по имени Платон, столь же красноречивый, как и афинянин») Вольтер не забыл повторить также и в своем письме к А. Л. Тома от 14 июня 1771 года (т. 47, стр. 450).

Неоднократно высказывал Вольтер свое восхищение также историческими познаниями и красноречием И. И. Шувалова, называя при этом себя «секретарем» последнего (ср. т. 39, стр. 470; т. 40, стр. 359). В свете этих фактов трудно понять, почему «Слово похвальное» Ломоносова получило столь сдержанную, более того — уклончивую и двусмысленную оценку Вольтера.

Следует думать, что Вольтеру стало известно желание Ломоносова оказать своим «Словом похвальным» воздействие на общее направление и план «Истории России при Петре Великом». Это желание Вольтер мог оценить как посягательство на свою авторскую самостоятельность, как претензию члена Петербургской академии на соавторство с ним, Вольтером. Только уязвленное авторское самолюбие Вольтера могло, на наш взгляд, продиктовать ему письмо к И. И. Шувалову от 18 сентября 1759 года, в содержании и самом тоне которого Вольтер явно отступал от этикета, соблюдавшегося им по отношению к все-сильному русскому вельможе.

Оценка «Слова похвального» Ломоносова, данная Вольтером, является, может быть, первым, но отнюдь не заключитель-

¹¹ Essai sur les éloges, par Thomas, de l'Académie Française, t. II. Paris, 1804, стр. 281—282.

ным звеном в истории своеобразного «общения» этих двух крупнейших представителей просветительной мысли XVIII века. Возникнув однажды, интерес Вольтера к Ломоносову не мог исчезнуть бесследно.

В перечисленных выше работах А. И. Андреева были установлены новые факты, свидетельствующие об огромной заинтересованности Ломоносова в подборе, редактировании, а отчасти и написании различных «экстрактов» и других материалов, предназначенных для «Истории России при Петре Великом». Отправленные Вольтеру и частично им использованные «Описание стрелецких бунтов», «Описание Камчатки», «Описание России» были подготовлены и написаны при самом непосредственном участии Ломоносова.

Когда в начале 1760 года Вольтером был послан в Россию пробный экземпляр первого тома «Истории Российской империи при Петре Великом», Ломоносов написал на него свои замечания, ставившие целью повысить научный уровень книги.¹²

Е. Ф. Шмурло и А. И. Андреевым, как выясняется, были установлены далеко не все материалы, которые через И. И. Шувалова Ломоносов посылал автору «Истории Российской империи при Петре Великом». Так, например, в начале 1760 года Ломоносов отправил Вольтеру французский перевод своего «Краткого летописца», о чем более подробно будет сказано несколько ниже.

Огромное, поистине самоотверженное участие, проявляемое Ломоносовым в деле снабжения Вольтера необходимыми ему материалами, должно было привлечь к себе внимание последнего. Возникновению и развитию этого внимания не могли не способствовать также и непрекращавшиеся связи Вольтера с русскими людьми. Здесь следует упомянуть прежде всего Бориса Михайловича Салтыкова (1723—1808), отправленного в мае 1759 года в Женеву в качестве специального посредника в сношениях И. И. Шувалова с Вольтером. В существующей литературе, к сожалению, нельзя найти сколько-нибудь обстоятельных сведений о Б. М. Салтыкове,¹³ хотя деятельность этого человека для историка русской литературы представляет несомненный интерес. Воспитанник дворянской гимназии, основанной при Московском университете, Б. М. Салтыков был

¹² М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 359—364 и 592—594.

¹³ См.: «Библиографические записки», 1861, т. 3, стлб. 71, 78—80; «Русский архив», 1879, № 12, стр. 418—419; Л. Б. Модзалевский. Собеседник Вольтера Б. М. Салтыков и два его новых письма 1760—1761 гг. Сб. «Вольтер. Статьи и материалы», стр. 174—184.

одним из ранних представителей русского «вольнодумства» XVIII века. Он имел самое непосредственное отношение также и к русской литературе своего времени. Отметим здесь один не упоминавшийся в литературе факт: приблизительно в период своего пребывания в Женеве, Б. М. Салтыков был занят переводом на русский язык анонимного французского романа «Амуры графа де Суассона и герцогини дель Бефф». Рукопись названного перевода хранится в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде.¹⁴ Не только с Вольтером, но и со многими парижскими писателями у Б. М. Салтыкова, как следует полагать, были хорошие связи. В своем письме к И. И. Шувалову от 1 июня 1760 года А. Р. Воронцов писал о Б. М. Салтыкове следующее: «Г-н Салтыков не испортил репутации, которую он завоевал себе по справедливости. Многие литераторы (*gens de lettres*) рассказывали мне о нем неоднократно в Париже, и всегда с похвалой, которую он заслужил. Это человек большого ума и прилежания, он делает честь Московской императорской академии и выбору вашего превосходительства».¹⁵

Из переписки Вольтера мы узнаем, что Б. М. Салтыков поддерживал близкие связи с фернейским отшельником, часто посещал его и подолгу беседовал с ним. В этих беседах должны были с неизбежностью затрагиваться вопросы, связанные с состоянием русской культуры и литературы. Сам Салтыков в письме к И. И. Шувалову от 11/22 июля 1760 года из Женевы писал: «Он <Вольтер> всегда питает наилучшие чувства к особе покровителя российских муз (это его манера выражения)»¹⁶ О повышенном интересе Вольтера к «российским музам», т. е. русской науке, культуре и литературе, мы находим многочисленные свидетельства в его сочинениях и переписке

В письме к И. И. Шувалову от 1 апреля 1760 года Вольтер с восхищением отзывался о двух русских путешественниках, друзьях Б. М. Салтыкова, гостивших в Фернее несколько дней: «Они говорят на моем языке в такой же мере правильно, в какой вы на нем пишете. Я еще не видел среди ваших соотечественников таких, которые не убеждали бы меня в достоинствах вашего народа» (т. 40, стр. 342). Нам не известны имена этих путешественников, однако не исключена возможность, что одним из них был молодой А. Р. Воронцов. О том, что А. Р. Воронцов был частым гостем Вольтера в этом году, мы узнаем из

¹⁴ Отдел рукописей ГПБ Q. XV 124. Рукопись на 154 лл. На рукописи рукою переписчика поставлена дата «20 мая 1760 г».

¹⁵ П. А. Вяземский Фонвизин СПб, 1848, стр. 305

¹⁶ Там же, стр. 305.

письма французского просветителя к И. И. Шувалову от 7 июня 1760 года, в котором Вольтер писал: «Молодой г. Воронцов сделал мне честь своими многократными посещениями моего убежища и укрепил мое рвение по отношению к вашей стране. Все молодые люди, состоящие при вашем дворе, которых я видел, кажутся намного старше своего возраста; но г. Воронцов возвышается, как мне кажется, над нами всеми» (т. 40, стр. 412). Важно отметить, что А. Р. Воронцов принадлежал к числу почитателей Ломоносова и стремился всеми доступными средствами пропагандировать труды великого русского ученого и писателя за границей. Так, например, в неопубликованном письме к Я. Я. Штелину, написанном в Париже 10/21 июня 1760 года, А. Р. Воронцов писал: «Г-н Павлов передал мне, милостивый государь, по моем прибытии сюда письмо, которое вы соблагволили мне написать, вместе с одой г. Ломоносова, за которую я вам весьма признателен. Она, конечно, разрушает представление о том, что поэзия не может развиваться в соседстве с северными людьми. Если здесь когда-либо сомневались в хорошем состоянии петербургских муз, то вот, может быть, случай, благодаря которому наша литература станет известна за границей».¹⁷

Заметим здесь же, что и в другом своем письме к Я. Я. Штелину из Вены (от 27 августа—7 сентября 1761 года А. Р. Воронцов также благодарил адресата за присылку какого-то научного труда Ломоносова («observations de M. Lomonossow»)).¹⁸

Если А. Р. Воронцов с таким рвением стремился на примере Ломоносова рассеять предубеждения иностранцев в отношении возможностей развития русской науки и литературы, то естественно будет предполагать, что в роли пропагандиста научных и поэтических трудов Ломоносова должен был выступить А. Р. Воронцов прежде всего перед Вольтером.

Можно было бы привести немало примеров того, что начиная с середины XVIII века возможность появления на Западе русских путешественников, пропагандировавших Ломоносова становилась все более и более реальной. Ярким подтверждением этому является, в частности, и «Письмо русского вельможи к ***», напечатанное в 1760 году в одном из парижских журналов и содержащее в себе довольно обстоятельный очерк творчества двух русских писателей, Ломоносова и Сумарокова.¹⁹

¹⁷ Отдел рукописей ГПБ, Архив Я. Я. Штелина, № 409.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: П. Н. Берков. О «Письме молодого русского вельможи». Сб. «XVIII век», вып. 1, 1935, стр. 351—366.

Особенно участвовавшие, начиная с 1759 года, встречи Вольтера с русскими людьми, многочисленные беседы знаменитого французского просветителя на русские темы, и в частности на тему о Ломоносове, и послужили, как мне кажется, основой для написания Вольтером в мае 1760 года стихотворного памфлета под названием «Русский в Париже». Это произведение рельефно отразило то представление о русской культуре и ее деятелях, которое сложилось у французского писателя в связи с его работой над историей России и вызванными этой работой многообразными, личными и письменными, общениями Вольтера с русскими людьми. Сатирический памфлет Вольтера носил подзаголовок: «Маленькая поэма в александрийских стихах, составленная в Париже, в мае месяце 1760 года Иваном Алетовым, секретарем русского посольства» (т. 10, стр. 119). Скрываясь под вымышленным именем русского писателя Алетова, Вольтер разоблачал и беспощадно высмеивал в памфлете своих идейных противников, представителей воинствующего католицизма и клерикальной реакции, Лэфрана де Помпиньяна и его единомышленников. Поэма «Русский в Париже» была написана в виде диалога между парижанином и русским путешественником, прибывшим в Париж с намерением приобщиться к сокровищам французской культуры. Наделенный трезвым и критическим умом, русский путешественник сразу же убеждается в том, что ему нечего делать в Париже: культура великого народа померкла от засилья ханжей и иезуитов; свободная мысль преследуется. Чувство восхищения французской культурой сменяется у русского путешественника чувством сострадания. Он покидает Францию, обещая вернуться тогда, «когда французы станут иными» (т. 10, стр. 131).

Можно предположить, что образ представителя русской культуры, изображенный в памфлете «Русский в Париже», складывался в сознании Вольтера под заметным воздействием тех рассказов о Ломоносове, которые приходилось слышать французскому писателю от его русских знакомых. Судить об этом позволяет небольшое предисловие Вольтера к памфлету, в котором дана краткая характеристика Ивана Алетова, воображаемого автора произведения, образ которого служил дополнением к образу русского путешественника.

«Всеми миру известно, — сообщал здесь Вольтер, — что г. Алетов изучал французский язык в Архангельске, откуда он родом, занимался художественной литературой с невероятным рвением и достиг в этом еще более невероятных успехов: его труды разрушили его здоровье. Он легко возбуждался, как и

Гораций «был» *irasci celer*.²⁰ Он никогда не прощал авторам, наводившим скуку» (т. 10, стр. 119).

Возникновение русской темы в художественном творчестве Вольтера не являлось чем-то неожиданным. В связи с Семилетней войной русская тема нашла самый широкий отклик во всех европейских странах. Характерно, однако, что Вольтера заинтересовала в данном случае не русская тема вообще, а тема русского мыслителя и писателя. Если замыслу Вольтера хоть в какой-либо мере соответствовала реальность, то она, несомненно, была связана с личностью и образом Ломоносова. И место рождения, и упорство в преодолении трудностей, и принципиальность изображенного Вольтером русского писателя вполне совпадают с теми сведениями о Ломоносове, которые в то время уже начали проникать в западноевропейскую печать.

Вольтер, разумеется, не ставил перед собой цели добиться портретного сходства образа Ивана Алетова с Ломоносовым, поскольку главной задачей памфлета «Русский в Париже» была борьба с клерикальной реакцией во Франции. Вместе с тем, создавая образ положительного героя, представителя самобытной русской культуры, Вольтер едва ли мог не вспомнить оригинальную фигуру выдающегося русского писателя и ученого — Ломоносова. Вольтер хорошо понимал, что Ломоносов — самое выдающееся явление русской культуры своего времени, тогда как Шувалов, Воронцов, Салтыков и другие, которыми Вольтер не переставал восхищаться, при всех их достоинствах — явления второстепенные.

И вместе с тем великий французский просветитель не мог быть доволен «вмешательством» Ломоносова в работу над «Историей Российской империи при Петре Великом». Вольтеру казалось, что критика петербургских ученых помешает своевременному и успешному завершению его труда.

В апреле 1760 года, как уже указывалось выше, Вольтер отправил в Петербург на одобрение первый том своего труда. В ожидании замечаний на него из Петербурга, 9 августа 1760 года Вольтер писал к де Мэрану: «Я совсем не хотел выпускать в свет этот том, не выставив его предварительно на критику ученых из Архангельска и Камчатки» (т. 40, стр. 498). В этих словах отразилась, на мой взгляд, тревога Вольтера в связи с ожидаемыми им критическими замечаниями Ломоносова и Миллера на «Историю Российской империи при Петре Великом». Ответ из Петербурга был получен Вольтером только в начале 1761 года. Замечания Ломоносова, как и замечания

²⁰ Вспыльчив

Миллера и Тауберта, носили весьма серьезный характер.²¹ Петербургские критики обнаружили в книге Вольтера большое количество уязвимых мест, и это обстоятельство не могло не встревожить автора, подтверждением чего является его письмо к И. И. Шувалову от 11 июня 1761 года. Вольтер отвечал раздраженно и, отказываясь от последовательного рассмотрения полученных замечаний, переходил к критике присылаемых Шуваловым материалов, ставя под сомнение их научную ценность. С особой силой нападал Вольтер на полученное им накануне из Петербурга «*Abrégé des recherches de l'antiquité des Russes, tiré de l'Histoire étendue à laquelle on travaille*». Достаточно сравнить только это приведенное Вольтером название с названием первой части «Краткого российского летописца» Ломоносова («Показание российской древности, сокращенное из сочиняющейся пространной истории»), чтобы убедиться в том, что именно этот труд Ломоносова и имел в виду Вольтер в упомянутом письме. Впрочем, в этом нас убеждает не одно только сличение названий, но также и сравнение содержания «Показания российской древности» Ломоносова с тем его выборочным и несколько искаженным изложением, которое дано в письме Вольтера:

«Эта странная записка начинается рассказом о том, „что древность славян простирается до Троянской войны и что король их Полимен ездил с Антенором на край Адриатического моря и т. д.“. Подобным образом у нас писали историю лет тысячу тому назад; подобным образом через Гектора выводили наше происхождение от Франкуса, и, по-видимому, из-за этого хотят восстать против моего предисловия, в котором я указываю, как следует думать об этих жалких вымыслах. У вас, милостивый государь, слишком много вкуса, слишком много разума и ясности мысли, чтобы в столь просвещенный век допустить, чтобы такие смешные примеры выставлялись бы в виде образца.

«Я подозреваю, что тот же самый немец²² является сочинителем и этой записки, ибо я вижу, как в ней Ivonovitz, Basilovitz написаны следующим образом: Wanovitsch, Wassiliewitsch. Я пожелал бы этому человеку побольше рассудка и поменьше согласных< . . .>».

«Поверьте мне, милостивый государь, и держитесь вы Петра Великого. Я отдаю на ваше усмотрение наших Шильперика,

²¹ См.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 359—364.

²² В опущенной части цитируемого письма Вольтер подвергал критике полученные из Петербурга замечания на первый том его «Истории России», одним из авторов которых был Г. Ф. Миллер.

Шильдерика, Сижеберта, Кариберта и равняюсь на Людовика XIV.

«Если вы, ваше сиятельство, думаете так же, как я, то покорнейше прошу известить меня об этом» (т. 41, стр. 319—320).

По счастливой случайности до нас дошел черновик ответного письма Шувалова к Вольтеру, из которого мы узнаем, что всесильный русский вельможа поспешил успокоить своего знаменитого и взыскательного корреспондента. Не называя имени авторов «Замечаний», ни автора «Показания», Шувалов признал справедливыми требованиями Вольтера.²³

Вряд ли есть необходимость отводить от Ломоносова обвинения в том, что он в своей истории слепо следовал мифам и народным преданиям. Еще в своих «Замечаниях на диссертацию Миллера» (1749) Ломоносов писал: «Правда, что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках».²⁴ Об «известиях невероятных»²⁵ летописного предания говорил Ломоносов и в «Показании российской древности», французский перевод которого читал и подвергал критике Вольтер. Однако в том же «Показании» Ломоносов приводил пример того, какой реальный смысл могли содержать отдельные «баснословные» предания.

Ломоносов-историк относился с большим уважением к национальным летописным преданиям, хотя, как мы видели, и отдавал себе отчет в том, что истина в последних нередко смешивается в вымысл. Ломоносов дорожил при этом не вымыслом как таковым, а тем реальным зерном, которое они могли в себе содержать.

Впрочем, искренность Вольтера там, где он критикует «устаревшие» методы исторического исследования Ломоносова, крайне сомнительна.

Среди многочисленных материалов, которые начиная с 1757 года И. И. Шувалов посылал Вольтеру, многие были сделаны наспех, содержали в себе непроверенные сведения, ошибочные взгляды, несостоятельные гипотезы. Тем не менее Вольтер никогда не подвергал названные материалы критике, так как ему предоставлялась полная свобода в характере и степени их использования. В критике, направленной на «Пока-

²³ Н. Платонова. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом». «Литературное наследство», т. 33—34, 1939, стр. 19—20.

²⁴ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 20.

²⁵ Там же, стр. 296.

зания российской древности» Ломоносова, нашли отражения не столько убеждения Вольтера, сколько его раздражение, угнетенное состояние духа. Замечания петербургских критиков на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» были расценены Вольтером как стремление поколебать его авторитет как историка, и отсюда возникает у Вольтера желание нанести удар по авторам или основному автору «Замечаний». Указание Вольтера в его письме к Шувалову от 11 июня 1761 года на то, что якобы он воюет с немцами, засевающими в Петербургской академии наук, на мой взгляд, нельзя принимать всерьез; оно сделано из предосторожности, чтобы не оскорбить чувства национальной чести И. И. Шувалова. Вольтер не мог не знать, что над пространной историей России, отрывок из которой он подвергал столь суровой критике, в течение ряда лет трудился Ломоносов.

В работе над «Историей Российской империи при Петре Великом» Вольтер обнаружил огромную силу исторического мышления, незаурядные качества историка, разделяющего передовые идеи эпохи. Поставленная Вольтером задача — написать историю Петра I не как биографию выдающейся исторической личности, а как экономическую и культурную историю целого народа, была новаторской и смелой.

Принадлежавшая Ломоносову концепция истории Петра I остается для нас не известной, и трудно поэтому посредством сравнения на конкретных примерах дать оценку преимуществ и недостатков исторических взглядов Вольтера, с одной стороны, и Ломоносова — с другой. Сильные и слабые стороны исторической концепции Ломоносова в достаточной мере освещены советской наукой.²⁶

Как бы ни было, однако, значительно воздействие старой, «описательной» традиции на концепцию автора «Древней российской истории» Ломоносов-историк обнаружил ряд важных достоинств не только в своих общих воззрениях (проблема происхождения славянства и русского народа, проблема периодизации истории России и т. д.), но и при рассмотрении конкретных явлений русского исторического процесса.

Одно из достоинств исторической концепции Ломоносова обнаружилось и в его полемике с Вольтером-историком. Ломоносов воспринимал русский исторический процесс в его целостности. Деятельность Петра I была для него логическим

²⁶ См.: Б. Греков. Ломоносов-историк. «Историк-марксист», 1940, № 11, стр. 18—34; К. Пономарева. У истоков русской исторической науки «Исторический журнал», 1940, № 4—5, стр. 85—92.

завершением многовековой истории Русского государства. Исходя из этого взгляда, Ломоносов и в цитированном выше письме 1757 года к Шувалову, и в замечаниях своих на «Историю Российской империи при Петре Великом» Вольтера настаивал на необходимости ввести в последнюю не только материалы по предшествующим царствованиям, но и представить в ней даже краткий очерк древней русской истории.

Эта точка зрения, как известно, вызывала неоднократные возражения Вольтера, считавшего излишним заходить в глубокую «варварскую древность». Собственный взгляд на этот вопрос Вольтер изложил довольно обстоятельно в цитированном выше письме к И. И. Шувалову. Заметим тут же, что эта точка зрения разделялась не только Вольтером, но и большинством французских просветителей. Не случайно Дени Дидро, познакомившись в конце 70-х годов XVIII века с «Древней российской историей» Ломоносова и отдавая должное «большим разысканиям» автора, писал: «Что бы ни говорили Жан Жак Руссо и фанатические враги прогресса человеческого духа, трудно читать историю о веках варварства какого бы то ни было народа, не радуясь тому, что ты рожден в просвещенный век и среди цивилизованного народа». ²⁷ Яркую характеристику этой слабости в идеологии западноевропейских буржуазных просветителей мы находим у Энгельса: «Все существовавшие дотоле государственные и общественные порядки, все унаследованные от прошлого воззрения были отвергнуты как неразумные и свалены в одну кучу. Мир в течение прошедших веков руководился нелепыми предрассудками; лишь теперь его озарил яркий свет разума, и все прошлое заслуживало лишь сострадания и презрения». ²⁸

Исторические взгляды Ломоносова испытали на себе воздействие просветительской идеологии. Тем не менее отмеченную Ф. Энгельсом ограниченность исторических взглядов просветителей, которая целиком приложима к Вольтеру, нельзя применить к Ломоносову. Как это, так и другие достоинства исторической концепции Ломоносова, не говоря уже о его поистине обширных познаниях в области русской истории, не были правильно оценены Вольтером.

²⁷ Oeuvres complètes de Diderot, t. 17, Ed. de I. Assezat et M. Tourneux, Paris, 1876, стр. 495—496.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, М—Л., 1931, стр. 357.

Мы не говорим здесь, наконец, о том, что отзыв Вольтера о «Показании российской древности» был оскорбительным по своей форме. Коллектив петербургских ученых, занятый подготовкой материалов для Вольтера, во многих случаях снабжал его не сырыми только материалами, не статистическими выкладками, а вполне законченными историческими очерками, результатами напряженной творческой научной работы. Названный коллектив по справедливости мог претендовать на соавторство с Вольтером. И в форме взаимоотношений Вольтера с петербургскими учеными (через «покровительственное» посредничество Шувалова) и в характере и форме использования Вольтером петербургских материалов нашла своеобразное отражение существовавшая в то время культурная зависимость России от западноевропейских государств.

Пренебрежительно-высокомерный отзыв Вольтера об извлечении из «Краткого российского летописца», несомненно, стал известен Ломоносову. Как реагировал Ломоносов на резкий и несправедливый отзыв Вольтера, остается неизвестным. Не будет, однако, ошибкой утверждение, что, по ознакомлении с грубой выходкой Вольтера, Ломоносов не мог более продолжать подготовку материалов для его труда. И действительно, у нас нет решительно никаких данных об участии Ломоносова во втором томе «Истории России» Вольтера, вышедшем в свет в 1763 году. Изучение фактов, связанных с отношением Ломоносова к написанию Вольтером «Истории Российской империи при Петре Великом» помогает, как мне кажется, понять ту крайне непримиримую позицию, которую спустя некоторое время занял он по отношению к Шлецеру и его попытке воспользоваться материалами русских архивов для своих исторических занятий. Заявляя о том, что русские архивные материалы, попав в руки Шлецеру, будут преданы «вечному забвению»,²⁹ Ломоносов, несомненно, учитывал печальный опыт своих «общений» с Вольтером. Из этого опыта великий русский просветитель вынес твердое убеждение в том, что история России должна быть написана не иностранцами, изучающими незнакомую им страну из своего «прекрасного далека», а хорошо знающими как прошлое, так и настоящее русского народа, отечественными историками.

²⁹ П. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова, СПб, 1865, стр. 703—704. См. также: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. IX, М.—Л., 1955, стр. 416—423, 427—434.

Приложение

Письмо И. И. Шувалова к Вольтеру от 19 ноября 1760 года
(русский перевод с французского оригинала)

Милостивый государь!

Я сейчас только получил письмо, которым вы меня почтили 27 сентября. Если бы вы только знали, какое удовольствие доставляет мне получение ваших известий, вы бы не ждали о времени, потраченном вами на письма ко мне. Письмо графа Головкина, о котором вы соблагородили мне сообщить, мною получено, но экземпляра вашего труда все еще нет. Я всегда вспоминаю, милостивый государь, ваши слова о том, что, к несчастью, отсюда до Женевы слишком большое расстояние. Я теряю от этого много во всех отношениях.

Я в такой же мере удивлен, как и возмущен тем, что г. Пушкин не прибыл к вам. Он был срочно послан мною, и у него нет никакого другого дела, которое могло бы его задержать в его путешествии. Бумаги, которые я с ним отправил, приводят меня в смущение. Уже порядочное время прошло с тех пор, как я имел известие, что он прибыл в Вену; и после этого я не слышал о нем ничего более.

Нет ничего более странного, милостивый государь, и более фантастического, конечно, как анекдоты, касающиеся принцессы, жены царевича. Ложь всех этих подробностей слишком очевидна, чтобы удостаивать ее какими-либо опровержениями. Я удовлетворюсь тем, что сообщу вам, что названная принцесса умерла в Петербурге в 1715 году. Она была любима и уважаема императором, особенно императрицей, которая во время ее болезни почти не покидала изголовья ее ложа. Ее притяливый характер и ее ум возбудили к ней всеобщую привязанность. У меня есть копия ее завещания и несколько ее писем, которые я мог бы сообщить вам, если бы я знал, что это могло бы быть для вас в какой-либо мере полезно.

Небольшие подробности, рассказанные мне г. Салтыковым об очаровании беседы с вами, заставляет меня завидовать ему. Я весьма рад, однако, узнать, что он делает успехи в своих занятиях: он не упустит возможности под вашим покровительством сделать когда-нибудь честь своему отечеству.

Я имею честь послать вам, милостивый государь, копии двух писем, оригиналы которых разысканы мною в архивах. Они весьма интересны, тем более потому, что принадлежат монарху, столь знаменитому своими добродетелями, сколь же и славному теми преобразованиями, осуществление которых в результате <1 нрзб> исхода битв выпало на его долю.

Я побеспокою вас еще, милостивый государь, по поводу стихов под портретом Петра Великого. Гравировальная доска уже изготовлена. Она сделана одним молодым человеком, моим соотечественником, учеником Академии, которая находится под моим управлением. Портрет должен быть помещен в начале вашего сочинения.

С чувством уважения и признательности,

милостивый государь,

Ваш нижайший и покорнейший слуга

И. Шувалов.

С.-Петербург,
19 ноября 1760 г.

Д Д ШАМРАЙ

К ИСТОРИИ ЦЕНЗУРНОГО РЕЖИМА ЕКАТЕРИНЫ II

О цензурном режиме при Екатерине II в начальные годы ее царствования опубликовано так немного, что даже самые краткие изыскания, а в частности и предлагаемая работа, преимущественно о цензуре русской художественной литературы, могут принести пользу.

Казалось бы, что для Екатерины II, отнявшей у своего мужа власть путем вооруженного переворота, было одинаково важно как уничтожить русские печатные произведения в честь Петра III или упоминавшие его имя, так и не допускать в Россию заграничные издания о бывшем императоре. По крайней мере, Елизавета Петровна, тоже с помощью оружия овладевшая тронном двадцатью годами раньше, неоднократно пыталась изгладить в церковно-славянских книгах, в русской гражданской печати по всей России и даже в иностранных книгах библиотеки Академии наук следы «известных персон» (т. е. Ивана VI) и бывших при нем двух правлений Елизавета приказала произвести соответствующую замену всех паспортов отставным, паспортов крестьянам для работы, всяких квитанций, описей, выписок и так называемых «данных ярлыков». Даже архивные дела за время Ивана VI были все сданы в Сенат. Разрешалось учреждениям сделать для себя копии лишь таких дел, которые были существенно необходимы для административных текущих справок, причем имена «известных персон» заменялись в копиях хронологическими датами.

Криминальный печатный материал время от времени публично сжигался перед зданием Правительствующего Сената, за исключением церковно-богослужебных книг, в которые предлагалось вклеить перепечатанные выходные листы. Очень много таких книг хранилось на секретном положении в особом помещении Библиотеки Академии наук и сгорело при пожаре академической библиотеки в 1747 году.

Екатерининская цензура из всех родов русской художественной литературы должна была бы обратить внимание прежде всего на оды, потому что одическая поэзия совершенно неизбежно тесно связывалась с «правительствующими лицами» и входила в ритуал праздничной жизни двора. Однако, хотя мы имеем очень раннее прямое и открытое цензурное распоряжение Екатерины II относительно недопущения в русские пределы заграничных изданий о Петре III, все-таки у нас создается впечатление, что сверху не было дано распоряжения об изъятии или уничтожении напечатанных в России од в честь Петра III, связанных с его именем и тем более упоминавших о нем, как о великом князе Петре Федоровиче. Например, в отчете типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, без всякой ссылки на высочайшее повеление, говорится, что остатки посвященной Петру III оды адъютанта Бужо на французском языке было приказано употребить на макулатуру.¹ Так, местная администрация, свидетельница елизаветинских порядков по этой части, сама принимала соответствующие меры и достигла того, что все произведения одической поэзии кратковременного царствования Петра III, а также различные описания фейерверков (обычно печатавшиеся к тому же малыми тиражами) относятся к чрезвычайно редким изданиям. Яснее всего это обнаруживается в случае с речью Ломоносова о катадиоптрической трубе (на латинском языке). Она была напечатана к Петрову дню (29 июня) 1762 года для произнесения в торжественном собрании Академии наук в честь Петра III. Вследствие этого назначения совершенно специальный доклад академика имеет концовку, типичную для придворной панегирической манеры. После свержения Петра III (28 июня 1762 года) отпала всякая возможность произносить речь о катадиоптрической трубе. Единственный дошедший до нас печатный текст этой речи Ломоносова находится в библиотеке Центрального государственного архива древних актов с собственноручной пометкой академика Миллера на немецком языке, причем титульный лист как абсолютно криминальный кем-то был сорван.² Можно с большим основанием предполагать, что весь тираж этой речи был уничтожен советником Академии

¹ ЦГИАЛ, ф. 314, № 178 (за 1757 г.). Заведующий типографией дословно писал так: «Не повелено ли будет остальные 16 экземпляров употребить на макулатуру?»

² «Новый журнал естественной истории, физики, химии и сведений экономических», 1827, ч III, № 1, стр. 31—50; М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. IV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 471—487 и 793—800.

наук И. И. Таубертом как лицом, которое было тесно связано с июньским переворотом 1762 года и участвовало еще в дни Петра III в предварительном изготовлении печатных манифестов о вступлении Екатерины на престол.³ Надо иметь в виду, что Тауберт был в курсе всяких придворных интриг, поскольку он состоял при С.-Петербургском почтамте перлюстратором и дешифровщиком шифрованной корреспонденции иностранных дипломатических миссий.⁴

Гораздо более важную и интересную группу представляют те случаи, когда оды и другие произведения придворного назначения наполнялись в той или иной степени гражданскими или политическими мотивами и по этой именно причине подвергались цензурному преследованию. Здесь цензура руководствовалась не формальным признаком, а судила по существу содержания. Например, так называемый «другой», «Хор ко превратному свету» совсем не был включен в печатный текст описания грандиозного московского маскарада 1763 года — «Торжествующая Минерва».⁵ Или в 1767 году совсем не увидела света напечатанная в типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса неизвестного автора «Ода на пришествие Екатерины II из Москвы в С.-Петербург».⁶ Известен случай конфискации екатерининской цензурой оды, имевшей определенное политическое значение. Это — сочиненная А. П. Сумароковым «Ода королю польскому Станиславу-Августу, новоизбранному Пиасту».⁷ Нет сомнения, что в этой оде было неприемлемое для Екатерины политическое содержание или, может быть, даже намеки на личные отношения ее к Станиславу Понятовскому.

Имя Станислава-Августа Понятовского и какие-то другие невыясненные частности или обстоятельства причинили цензурные неприятности неизвестному автору, написавшему под псевдонимом «De la Tierse» историческую поэму в стихах «Le temple de la gloire», более доступную по изданию 1773 года во Франкфурте-на-Майне в составе шести песен.

³ П. П. Пекарский. История императорской академии наук в Петербурге, т. I. СПб., 1870, стр. 658—659. (В дальнейшем цитируется кратко: П. П. Пекарский. История Академии наук).

⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V, СПб., 6. г., стр. 429.

⁵ Ср. статьи П. Н. Беркова и Г. А. Гуковского в сб. «XVIII век», вып. I, 1935.

⁶ Сб. «XVIII век», вып. II, 1940, стр. 329.

⁷ В. П. Семеновичев. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1914, стр. 109

Первая песнь 24 ноября 1771 года была посвящена Екатерине II, причем в особом примечании Франкфуртского издания рассказывалось, что рукопись этой песни была направлена через полномочного министра России Гросса в Петербургскую Академию наук и что, по докладу директора Академии наук камер-юнкера Ржевского, состоялось распоряжение Екатерины II об издании этого поэтического произведения, о чем академик Штелин и уведомил автора без всякого промедления.

Вторая песнь 1 февраля 1772 года была посвящена польскому королю Станиславу-Августу Понятовскому, причем в особом уведомлении сообщалось, что текст второй песни был вручен русскому чрезвычайному посланнику при польском дворе барону фон Сальдерну.

Третья песнь 20 марта 1772 года была посвящена наследнику русского престола Павлу Петровичу; в предисловии сообщалось, что она, как и две предыдущие песни, уже была напечатана в России.

Четвертая песнь 24 сентября 1772 года за подписью Иоганны Эрмут де ля Тиерс посвящена была Екатерине II; в особом уведомлении говорилось, что автор был извещен академиком Штелином о получении этой четвертой песни Петербургской Академией наук.

Относительно пятой песни 24 октября 1772 года, посвященной Петербургской Академии наук, уведомлялось, что и она своевременно была получена в С.-Петербурге, как о том сообщал автору академик Штелин.

Шестая песнь 24 ноября 1772 года посвящена была «знаменитой русской нации»; и о ней читателю сообщалось, что в рукописном виде она была своевременно доставлена в Петербургскую Академию наук, о чем у автора имелось извещение от акад. Штелина.

Только таким путем и можно было довести до общеевропейского сведения, что трех последних песен поэмы «Le temple de la gloire» де ля Тиерс в России не пожелали напечатать, хотя одна из них была посвящена Екатерине II, а другая — Петербургской Академии наук, располагавшей прекрасной типографией. Но петербургское издание первых трех песен на французском языке имеет особенность явно цензурного порядка: посвящение второй песни польскому королю Станиславу-Августу Понятовскому было снято полностью. Между тем, первой песне было оказано чрезвычайное благоволение: она была издана в С.-Петербурге даже на греческом языке в переводе Евгения Булгариса «Ἐπιθεὸν τῆς δοξῆς. Ποιητὴς Ἰδριχὸς»

(Περτρούπολεϊ 1772, стр. 31).⁸ В том же году вышел в С.-Петербург руский перевод прозою Ивана Кудрявцева трех песен, причем, по явному неведению переводчика, третья песнь названа «и последнею». В русском переводе дано только посвящение Екатерине II (посвящения Станиславу-Августу и Павлу Петровичу сняты. Подверглось замалчиванию даже имя Елизаветы Петровны).⁹

В стремлении Екатерины II направлять общественное мнение серьезное место занимал вопрос о контроле за комедиями и романами. Собственноручные ее замечания от 1768 года на рукописный текст комедии Сумарокова «Лихоимец» в этом отношении чрезвычайно показательны.¹⁰ Здесь она возражает против шуток, касающихся религиозных понятий и культовых предметов, например против слов «туфли вселенского патриарха в соборной церкви» Екатерина II пишет: «Не лучше ли шутку другую вздумать, а о соборной церкви и вселенских патриархах на театре с презрением не упоминать?» Выступая в роли цензора, Екатерина II предлагает писать «уж я с Вами по смерть не увижусь» вместо широко бытующего выражения «уж я с Вами до второго Христова пришествия не увижусь». Далее в этих замечаниях цензор-императрица рекомендует употребить слово «кто-нибудь» вместо имеющегося в сумароковском тексте «депутаты Комиссии для составления Нового уложения», причем здесь не ясно, защищает ли Екатерина высокое звание депутата Комиссии или желает замолчать самое существование Комиссии для составления Нового уложения, — второе вернее.¹¹ Екатерина II заботилась также о благопристойности выраже-

⁸ ААН, ф. № 3, оп. № 1, д. № 543, статья 307, от 1 июня 1772 года. Здесь же указан тираж 200 экз. Греческий перевод есть в БАН (X. Q 114a)

⁹ В 1798 году в письме на французском языке из Лондона С. Р. Воронцов благодарит брата за присланные стихи престарелого Хераскова и благодарит поэта: «За упоминания об императрице Елизавете, которую забывали... в течение всего долгого прошлого царствования» (Архив князя Воронцова, кн. 10, М., 1876, стр. 24—25).

¹⁰ Сб. РИО, 1872, т. X, стр. 274—275.

¹¹ Датировать эти замечания Екатерины II следует августом 1768 года, потому что 8 сентября того же года Сумароков, представляя директору Академии наук гр. В. Г. Орлову о печатании этой комедии, писал: «... рецензии, кажется, больше никакой ненадобно, ибо она была уже ради рассмотрения у высочайшей особы, и по отметкам отставлено, что было благоволено к отмене» (В. П. Семенов в Материалы для истории русской литературы, стр. 96). Между тем 24 сентября предыдущего 1767 года Сенат предписал всем правительственным учреждениям, чтобы разосланные им экземпляры «Наказа» «содержаны были единственно для сведения одних тех мест присутствующих» (С. М. Соловьев в История России с древ-

ний. В одном замечании она требует исключить из текста комедии какое-то слово, потому что оно имеет «ззорную этимологию», а в другом настаивает на изъятии фразы, потому что «слова столь обнажены, что благопристойность дозволить не может при столь великой публике их произвесть». Наконец исключительный интерес представляет замечание Екатерины II о том, можно ли метить на личности в комедиях: «Ябедники скажут, что по указам сочинителя допросить должно, кого он именно в сих словах разумеет».

Для характеристики цензурной практики первых лет царствования Екатерины показательное давление, производившееся на литераторов — выходцев из старого Сухопутного шляхетного корпуса как раз из-за комедии. В крепости св. Елизаветы в Новороссии (впоследствии Елизаветград, ныне Днепродзержинск) в начале 60-х годов XVIII века возникла своеобразная литературная комиссия, которая занялась изданием произведений словесности. В Новороссию был направлен с почетным поручением ревизовать деятельность генерала Хорвата (а фактически в ссылку) известный по Сухопутному шляхетному кадетскому корпусу А. П. Мельгунов, активный сторонник Петра III во время недолгого сопротивления его захвату власти Екатериной II. В 1764 года туда прибыл В. А. Чертков, заведывавший типографией названного корпуса со дня ее открытия. По представлению Мельгунова для Новороссийского края был выделен Военной коллегией один станок из типографии Сухопутного шляхетного корпуса с минимальным числом обслуживающего персонала, причем высшая власть Новороссийского края (т. е. в данном случае тот же А. П. Мельгунов) имела там на месте право цензуры. Из Новороссийской краевой типографии, которая обосновалась тоже в крепости св. Елизаветы, вышли, кроме бланков, «Букварь» и комедия «Кафейный дом».¹² Но с прибытием туда Я. И. фон Брандта в конце 1765 года в качестве начальника края¹³ и в роли проводника цензурной практики нового царствования, книгопечатная

нейших времен, кн. 27. СПб., б. г., стр. 400). Кроме того, известно, что как раз в августе 1768 года Екатерина окончательно разочаровалась в возможности повести Комиссию по желательному пути и уже склонялась к прекращению ее деятельности. Фактически закрыта Комиссия была 10 сентября 1768 года.

¹² В. П. Семенов. Дополнительные материалы для истории провинциальных типографий XVIII и начала XIX в. «Русский библиофил», 1913, VII, стр. 6.

¹³ А. Скальковский. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, ч. I. Одесса, 1730—1823, стр. 70—71.

деятельность типографии приостановилась и уже не возобновлялась на всем протяжении XVIII века. Относительно комедии «Кафейный дом» следует иметь в виду, что она вовсе не сочинение Черткова, как это утверждается в трудах Семенникова, Всеволодского-Гернгросса¹⁴ и в «русском биографическом словаре», а представляет полный перевод комедии «Le caffè» Ж. Б. Руссо, из первого периода его литературного творчества.¹⁵ Эта комедия осмеивает дворянство, ищущее браков с богатыми мещанками единственно по расчету. Там же выведен аббат — завсегдатай кафе и участник разных проделок. Самый текст «Кафейного дома» имеет отдельные двусмысленные места, например Евфросиния («благоразумная»), содержательница кафе, говорит о женских ночных доходах (стр. 50), в которых как будто принимает активное участие и ее дочь Лисанька, желанная для всех невеста из-за 20 тысяч рублей приданого. Комедия «Кафейный дом» имеет выходную дату 1765; но 1 августа 1774 года из крепости св. Елизаветы доносили в Сенат, что напечатанные «Российская азбука» и комедия «Кафейный дом» и поныне в продажу не вышли.¹⁶

В 1772 году Екатерина II жаловалась Вольтеру, что все театральные сочинения слишком наполнены любовью и ведут к преждевременному возбуждению страстей, а поэтому почти невозможно выбрать приличные пьесы для постановки их силами воспитанниц Смольного института. Вольтер исправил 12 строк в «Мизантропе» и 40 строк в «Скупом», а также обещал внести подобного рода поправки в ряде французских комедий и трагедий, для чего был приобретен в Париже полный их комплект и переплетен пополам с чистыми листами для вписания соответствующих поправок.¹⁷

Прямое указание на преследование романов екатерининской цензурой в 1760-х годах мы находим в напечатанной коме-

¹⁴ В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Алфавитный указатель пьес, представленных, а также изданных в России в XVII и XVIII вв. Сборник Историко-театральной секции, т. II, Пгр., 1918, раздел 8, стр. 20

¹⁵ *Le caffè. Comédie. La ceinture magique. Petite comédie. Pièces dramatiques choisies et restituées par monsieur ****, Amsterdam, 1734 г. В этом издании имя Ж. Б. Руссо не названо. «Кафейный дом» имеется в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде. В. Сопиков (Опыт Российской библиографии. СПб., 1813—1821, № 5413) тоже считает эту комедию русским произведением, а не переводом.

¹⁶ ЦГИАЛ, фонд Сената, 1341, I департамент, по приказному столу, д. № 219/3790, л. 299.

¹⁷ Философская и политическая переписка Екатерины II с г. Вольтером с 1763 г. по 1778, ч. II. Перевод с французского, СПб., 1807 стр. 89 и 100.

дии Ф. Эмина «Ученая шайка». Учитель юриспруденции Февеус говорит учителю мореплавания Назону: «Ты сам подал мне повод меньше о тебе думать, нежели, может статься, и в самом деле находишься. Вчерашнего дня я видал, как к тебе принесен был роман, и сочинитель тебя просил, чтобы ты его в типографии, находящейся под твоим смотрением, напечатал; ты автора, в первый раз видя, презрел, сказал, что ты не хочешь печатать романов, потому что они бесполезны и порицания достойны».¹⁸ Эти слова Февеуса мы можем рассматривать как протест современника против вмешательства цензуры в литературное дело.

В это же время можно констатировать явное крушение издательских планов дирекции Морского кадетского корпуса. Например, приобретенная в 1767 году от сержанта Александра Щербинского переведенная с французского трехтомная рукопись «Похождение крестьянки, достигнувшей знатности и богатства через добродетель и осторожность»,¹⁹ как известно, напечатана не была. Между тем к этому сочинению у читателей XVIII века был интерес, потому что, например, в Государственной Публичной библиотеке (Ленинград) хранится II том другого рукописного перевода его под названием «Похождения достигнувшей знати и богатства мужички»,²⁰ который, весьма вероятно, представляет собой тоже жертву цензурного режима.²¹

Можно документально доказать, что Морской кадетский корпус в эти годы не выполнял частных заказов по печатанию романов. Например, 6 сентября 1768 года артиллерии штык-юнкер Федор Васильев просил начальство этого Корпуса о следующем: «Имею я переводу моего книгу „Препятствии в любви и счастья“, — того ради прошу книги сея напечатать 600 экз. и по напечатании деньги от меня принять».²² Никаких дальнейших следов в делопроизводстве по этому поводу не имеется, а книги такой напечатано не было.

Что же касается Сухопутного шляхетного корпуса, то он в это время совсем прекратил печатание романов. Так, до нас

¹⁸ БЛ, рукопись № 2968, л. 205.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1473, д. № 25, лл. 36, 38 и 44.

²⁰ ГПБ, рукопись Q.XV.60.

²¹ В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина есть третий перевод под заглавием «Гистория Жанетты, происшедшей из мужички через добродетели и чистоту в достоинство маркизы» (Собрание Ундольского, № 932). — Об этом произведении подробнее см.: А. Н. Пыпин. Для любителей книжной старины, СПб., 1883, стр. 25—26; ср. также: Л. К. Ильинский. Библиотека Ив. Мих. Хвостова. Сб. «Sertum bibliologicum in честь А. И. Маленна», Пгр., 1922, стр. 367, № 143. — Прим. Ред.

²² ЦГИАЛ, ф. № 1473, д. № 25, л. 101.

дошла рукопись, озаглавленная «Горжество любви, или приключения Екатерины, принцессы французской, королевы английской. Часть первая» в переводе Решетова из «Bibliothèque de samraigne», во II томе которой, действительно, имеется «Histoire de Catherine de France, reine d'Angleterre, par Mr. Baudot de Iuilly». Решетов преподавал французский язык в Корпусе; в типографии этого Корпуса по частным заказам его служащих было уже напечатано несколько переводов из названной французской серии. Весьма интересно, что рукопись хранилась как семейная ценность, и только из рук третьего поколения она поступила в музей П. Дубровского,²³ сделавшийся основной частью Рукописного отделения Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Попутно мы делаем допущение, что находившиеся в обращении рукописные экземпляры романов свидетельствуют иногда о недозволенных цензурой первых изданиях, а иногда о недозволенных ею повторных изданиях.

Мы имеем полное основание считать А. Н. Радищева свидетелем того, что на издание романов существовало цензурное запрещение по мотивам попечения о благонравии. Он признает, что «сочинения любострастные, наполненные похотливыми начертаниями, дышущие развратом, коих все листы и строки стрекательною наготою зияют, вредны для юношей и незрелых чувств» и что они, «распламеняя воспаленное воображение, тревожа спящие чувства и возбуждая покоящееся сердце, безвременную наводят возмужалость, обманывая юные чувства в твердости их и заготовляя им дряхлость».

«На каждой улице в обеих столицах видим роскошных любовниц, — продолжает Радищев. — Скитающиеся любовницы, отдающие сердца свои с публичного торгу наддателю, тысячи юношей заразят язвою и все будущее потомство сея тысячи. Но книга не давала еще болезни». «Итак, цензура да останется на торговых девок; до произведений же развратного хотя разума ей дела нет».²⁴ Неоспоримо, что здесь в первую очередь речь идет об эротических сочинениях, которых, однако, по свидетельству самого Радищева, в России печатным образом не распространяли; следовательно, под произведениями развратного разума, которых екатерининская цензура не допускала к печатанию в намерении удержать юношество от половой распущенности, мы имеем право разуметь главным образом

²³ ГПБ, рукопись F. XV. № 8.

²⁴ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 334—335.

любовные романы. Если же отвергнем этот последний вывод, то должны будем допустить мысль, совершенно несообразную с задачей знаменитого сочинения и со всей личностью Радищева, будто он в данном рассуждении по такому важному вопросу, как цензура, не основывался на конкретном материале. В главе «Торжок» Радищев прямо свидетельствует, что при цензурном рассмотрении романов не пропускали даже таких выражений, как «лукавый бог любви».

В 1770 году отчетливо обозначалось, что русскому обществу в качестве литературных новинок остаются для чтения только оды, сказки и издания учрежденного Екатериной «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Именно так и надо понимать прощальные слова «Трутня» к своим читателям: «Слушайте, читатели! Я хотел было сочинить двенадцать трагедий в том вкусе, о которой трагедии недавно я упоминал, двадцать комедий, пятнадцать романов... Но вы ничего этого не увидите. Читайте...»

Здесь же, среди материалов о запрещении печатать романы, представляется уместным отвести несколько строк неудавшейся попытке издать антироманическое произведение Ж.-Ж. Руссо под названием «Предисловие к „Новой Элоизе“, или разговор о романах между издателем и одним ученым человеком». Оно содержится в рукописи, которая была в цензуре, как ясно из постраничной скрепы («коллежский актуариус Новиков») и цензорских подчеркиваний.²⁵ От рукописи, судя по скрепе, дошло до нас только ее начало, в котором, однако, полностью содержится «Предисловие».

Цензор обратил внимание на л. 13 на такую фразу и подчеркнул слова, набранные здесь курсивом: «*Это ремесло проповедников кричат нам: „будьте добродетельны и мудры“, не беспокоясь об успехе своих слов; а гражданин, который о том беспокоится, не должен отнюдь только кричать нам глупо: „будьте добродетельны“*».

Переводчик предложил такое исправление: «Пусть некоторые кричат нам: „будьте добродетельны и мудры“, не беспокоясь об успехе своих слов; а гражданин, который о том беспокоится, не должен отнюдь только кричать нам безрассудно: „будьте добродетельны“».

Переводчик не смог предложить никакого варианта к следующей тираде на лл. 19/20: «Но будем справедливы против женщин. Причина их беспорядка не столько в них, как в наших худых установлениях. После того как все естественные чув-

²⁵ ГПБ, рукопись F. XV. № 9.

ствования истреблены чрезвычайным *неравенством*, от беззаконного самовластия родителей происходят пороки и несчастья детей». Если к этим двум цитатам прибавить, что «Предисловие» относит придворные обычаи к развращающим силам городской жизни (л. 13), то будет понятно, почему «Предисловие» Ж.-Ж. Руссо не было дозволено к печатанию.²⁶

Обратимся к отношению тогдашней цензуры к сатирическим произведениям и в первую очередь поставим вопрос об издании «Сатир» Кантемира; здесь мы опираемся на полностью неизвестные архивные материалы, среди которых до нас дошли любопытнейшие данные о печальной судьбе первопечатного издания «Сатир».

В реестрах всего печатного наличия, обнаруженного в академической типографии, в академической книжной лавке и на книжных складах при весьма тщательном обследовании, произведенном после отстранения С. Г. Домашнева от должности директора Академии наук, среди принадлежавших казне печатных произведений, учтенных на 1 января 1784 года,²⁷ встречаются также и запрещенные цензурой. Например, (на л. 203 об.) там указаны 167 экземпляров «речей» архимандрита Тимофея (Щербацкого), говоренных в 1744 году. Канцелярия Академии наук еще в том же 1744 году постановила употребить их на макулатуру,²⁸ вследствие запрещения Синодом выпускать их в свет без весьма многочисленных редакционных и орфографических поправок, которые потребовали бы столько же работы, сколько нужно для нового печатания. «Речи», как мы видим теперь, пролежали 40 лет.

В тех же реестрах значится 5 экземпляров притчи Сумарокова «Два повара», напечатанной в 1765 году в количестве 400 экземпляров,²⁹ из коих до нас не дошло ни одного: все они бесследно исчезли вместе с рукописным оригиналом. Здесь повторяется судьба упоминавшейся выше «Оды» Сумарокова в честь новоизбранного короля польского Станислава-Августа Понятовского.

Дело № 914 показывает наличие большого количества экземпляров четырехязычного «Наказа о сочинении проекта Нового уложения», напечатанного по заказу Г. В. Козицкого

²⁶ Напомним, что «Эмиль» Руссо был 6 ноября 1763 года запрещен для обращения в России.

²⁷ ДАН, ф. № 3, оп. 1, д. № 914.

²⁸ Там же, д. № 93, л. 167.

²⁹ Там же, д. № 289, л. 242. — В «Полном собрании всех сочинений А. П. Сумарокова (М., 1781, эта притча помещена в ч. 7. — *Прим. Ред.*).

в количестве 4800 экземпляров; счет был оплачен из сумм Екатерины II.

Залежи экземпляров «Наказа» образовались вследствие вышеприведенного распоряжения Сената от 24 сентября 1767 года о строгом хранении русского текста «Наказа» в правительственных местах единственно для сведения высших должностных лиц, а не для руководства и не для публики; задержание иностранного текста «Наказа» было связано с запрещением французской цензурой пропуска внутрь страны прибывших на границу экземпляров «Наказа». В свое время А. Н. Пыпин обращал внимание на прекращение продажи «Наказа» внутри России и сделал совершенно правильную догадку: «Так как бросалось в глаза противоречие заявленных в нем правительственных и нравственных идеалов с наличной действительностью, то уже вскоре, видимо, для устранения возможных практических недоразумений, распространение „Наказа“, переведенного между тем на несколько иностранных языков, было ограничено административною мерой».³⁰ Однако мы обязаны провести разграничение между изданиями «Наказа» на одном русском языке и четырехязычным. Последнее издание было даже приобретено академической книжной лавкой в июне 1783 года в количестве 617 экземпляров. Кроме того, 17 ноября 1783 года в «Объявлениях» № 92 «С.-Петербургских ведомостей» (на стр. 3 второго счета) появилась публикация: «В доме № 259, Московской части в 3 м квартале у колл. ас. Водарского имеются для продажи экземпляры на любской бумаге числом более 1000 „Наказа“ на русском, латинском, французском и немецком языках, данного Комиссии о сочинении нового Уложения. Цена каждого экз. 70 коп. А кто большое число купить пожелает, тот получить может по 60 коп., с уступкою против продаваемых в академической книжной лавке по 1 р. 50 к. таковых же экземпляров».³¹ Но 23 июня 1784 года на просьбу заведующего академической книжной лавкой напечатать «Наказ» на одном русском языке замещавший президента Академии наук С. Ф. Стрекалов постановил «Наказ» не печатать, «поелику оно много находится на 4-х языках».³²

Среди книжного имущества, принадлежавшего Академии, обнаружено было на 1 января 1784 года в наличности также 114 экземпляров «Сатир и других стихотворческих сочинений»

³⁰ Сочинения императрицы Екатерины II, т. I, изд. АН, СПб., 1901, стр. VII—VIII.

³¹ ААН, ф. 3, оп. 1, д. № 554, л. 619.

³² Там же, д. № 556, л. 559.

Антиоха Кантемира, напечатанных в 1762 году, спустя 20 лет после смерти автора.

Разрешение печатать «Сатиры» Кантемира было дано в феврале 1762 года самим президентом Академии наук гр. К. Г. Разумовским. Текст разрешения представляет интерес в историко-литературном отношении: «Представлял мне словесно канцелярии советник Тауберт, что имеет он у себя исправный манускрипт всех покойного князя Антиоха Кантемира сатир и прочих стихотворческих сочинений с примечаниями, присланный сюда от самого автора к некоторому его приятелю, и просил, чтобы дозволено было оное напечатать на его кошт за указанную плату, как и от других печатаются на их же кошт всякие книги; а понеже упомянутые Кантемировы сочинения на разных иностранных языках давно уже в свет изданы, а российские любители наук поныне принуждены оные один у другого списывать и то с недостаточных и погрешностями наполненных копий, того ради г. Тауберту в печатании на его кошт оных Кантемировых сочинений сим дозволяется».³³

На этом издании никаких типографских долгов не имелось, потому что И. И. Тауберт 1055 экземпляров выкупил, заплатив 325 руб. 86¹/₂ коп., а остальные 145 экземпляров сдал в книжную лавку Академии наук по расценке 1 руб. 20 коп. за экземпляр в покрытие 174 руб. числившегося остатка по типографскому счету. Продажная цена «Сатир» была указана академической книжной лавкой на хорошей бумаге 1 руб. 50 коп. и на простой 1 руб. 20 коп. за экземпляр, а самые объявления о продаже прекратились после второго раза.³⁴

Свои собственные экземпляры И. И. Тауберт продал С. В. Зборомирскому, работавшему в книжной лавке Академии наук, т. е. эта книга, возбуждавшая повышенный интерес, попала в частную книготорговую сеть при очень низкой стоимости бумаги и типографских расходов (325 руб. 86 коп.: 1055 = 31 коп.), что, по сравнению с казенной ценой, открывало широкую возможность оплатить все расходы и продавать книгу даже дешевле академической книжной лавки, как мы это видели и на вышеприведенном примере с «Наказом». Отметим, что при этом переучете, как свидетельствует Е. Р. Дашкова, была передана семье скоропостижно скончавшегося Зборомирского вся обнаруженная книгопечатная продукция, в отношении которой

³³ Там же, д. № 267, л. 108. П. П. Пекарский приводит эти сведения ошибочно под 1761 годом (П. П. Пекарский. История Академии наук, т. I, стр. 654).

³⁴ «С.-Петербургские ведомости», 1762, №№ 93 и 95

нельзя было доказать прав собственности самой Академии, какого-либо учреждения или какого-либо другого лица.³⁵

Мы должны думать, что 114 экземпляров «Сатир» представляют остаток от упомянутых выше 145 экземпляров, которые были сданы Академии наук и, очевидно, залегли в закоулках складских помещений не потому, что не было покупателей, а потому, что прекратилась продажа вследствие цензурного вмешательства, не потребовавшего, однако, уничтожения «Сатир».

Такое предположение находит поддержку в том факте, что известная лейпцигская «*Nachricht von einigen russischen Schriftstellern*», перечисляя всех крупных и даже мелких писателей со времени Феофана Прокоповича, совершенно не упоминает имени А. Кантемира.

Этому нисколько не противоречит тот факт, что в «*Антидоте*» Кантемир полностью назван, ибо автор этого остро полемического сочинения, не связанный никакими угрозами ответственности, не мог не считаться с исключительной известностью А. Кантемира в Западной Европе и как поэта и как политического деятеля.³⁶

Для изучающих цензурную практику екатерининских лет крайне любопытен текст переизданной в 1788 году «Адской почты». Казалось бы, что 20 лет спустя можно было без затруднений полностью повторить печатный текст 1769 года, так как сам Эмин умер в 1770 году и уже умерло много людей, о которых сатирически писала «Адская почта». В действительности же переиздание 1788 года совсем исключило больше 30 писем, напечатало в укороченном виде больше 20 писем, и на всем протяжении журнала, вместо полных фамилий и имен, хотя они были вымышленные, напечатаны были только первые буквы, а также были уничтожены все локальные и должностные признаки осмеянных лиц. Приведем примеры, сохраняя нумерацию писем подлинников:

Текст 1769 года

- № 4. Теперь уведомляю тебя о досаде Полимена.
 № 4. городской канцелярист у меня живущий, искусный знатель родословий.
 № 4. Губернатор Полимен засыпал его за столом ругательствами.

Переиздание 1788 года

- № 3. Теперь уведомляю тебя о досаде П
 № 3. канцелярист у меня живущий
 № 3. однако Г. П. засыпал его за столом ругательствами

³⁵ Архив князя Воронцова, т V, М, 1872, стр. 194

³⁶ В переводе, однако, предисловие к французскому изданию «Сатир» появилось с выпусками и изменениями текста в политической части.

№ 6. Перекрести ж меня, хлопче.
Не успел хлопец перекрестить.

№ 7. Филиант, Доримен, госпожа
Дорализа.

№ 12. Секретарь здешней воевод-
ской канцелярии поссорился с
здешним мясником.

№ 4. Перекрести ж меня. Не ус-
пел он перекрестить <т. е. изъ-
яты слова, указывающие на
украинское происхождение ли-
ца, — Д. Ш.>.

№ 5. Д., госпожа Д.

№ 10. Секретарь некоторой кан-
целярии поссорился с одним
мясником.

Эта редакционная обработка старого текста, конечно, удовлетворяла требованию цензуры не задевать личностей. Если мы обследуем предуведомление 1769 года и отдельные письма, не вошедшие в переиздание 1788 года, то убедимся, что этими пропусками было снято все, что так или иначе касалось Екатерины II как личности и как писательницы, или даже, например, ее взаимоотношений с Вольтером. Кроме того, в переиздании 1788 года совсем пропущены статьи общего счета №№ 17—34 и принадлежащие к ним «Адские ведомости из-за реки Косита, из присоединенных к аду провинций, из Тарторов». Это — полностью августовский выпуск «Адской почты». При наличии общей нумерации писем в издании 1769 года издатель или редактор 1788 года не мог не заметить пропуска. Единственное объяснение этого пропуска состоит в том, что весь августовский выпуск «Адской почты» был цензурой задержан в 1769 году, и потому-то не было дозволено из него перепечатать ни одной строчки и в 1788 году. Подтверждается это мнение тем, что, например, в одном экземпляре Библиотеки Академии наук СССР как раз отсутствует августовский выпуск, а в частных руках имеются экземпляры годового комплекта в двух переплетах: недостающий августовский выпуск переплетен отдельно, как добытый гораздо позже.³⁷ Таким образом, мы приходим к заключению, что «Адская почта» дважды подверглась цензурному преследованию, причем второй раз почти через 20 лет после смерти автора.³⁸

³⁷ См. по этому поводу: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII в. М.—Л., 1952, стр. 260.

³⁸ Редактор переиздания 1788 года не считался с тем, что у Эмина Кривой бес всегда пишет из С.-Петербурга, Хромой — из Москвы, а зарубежные новости печатаются как корреспонденция из ада. После изъятия некоторых номеров переписки по требованию цензуры иногда должно было оказаться у редактора рядом по два письма от Кривого к Хромому или наоборот. В переиздании принято механическое чередование писем, вследствие чего получилось, что о московских событиях и лицах писалось из С.-Петербурга от лица Кривого и наоборот, а иногда даже корреспонденции из ада, то есть, заграничные темы, описывались Кривым бесом от лица очевидца, тогда как этот бес находился в Невской столице.

О посмертном преследовании Ф. Эмина мы можем говорить на основании того, что «Трутень» поместил в своем XVI листе от 20 апреля: «Стихи на смерть Федора Александровича Эмина, российской истории писателя, последовавшую в Санкт-Петербурге 18 апреля 1770 году, писанные к его другу», где ни одного слова не сказано о литературно-художественной его деятельности, публицистических его произведениях и сатирических сочинениях. Через два года в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» Новиков очень жгато говорит о сатирических сочинениях Эмина и публикует второе стихотворение на его внезапную смерть, в котором центральными можно признать две строчки:

Сомкнулись те уста, что страсти порицали;
Ослабла та рука, которой гнан порок.

Мы подходим очень близко к подозрению, что жизнь Ф. Эмина закончилась трагически: бывший «янычар» не выдержал натиска власти и покончил с собою сам, как это косвенно подтверждается тем, что 1) нигде не говорится о болезни Эмина и 2) на его могиле не было поставлено никакого надгробия, т. е. выполнено было церковное требование не ставить креста на могиле самоубийцы. Организованное сверху замалчивание привело к тому, что от современников и почитателей Эмина не дошло до нас об этом никаких известий.

Вообще Эмин имел много неприятностей с цензурой. Уже первое его выступление в сатирическом роде вызвало возражения со стороны цензора. В 1764 году его «Нравоучительные басни» просматривал адъютант Карл Фридрих Модерах, «нет ли в них такой непристойности в самой материи или неисправности в слоге, и можно ли их так, как они есть, напечатать в академической типографии». Модерах 7 июля сообщал в Канцелярию Академии наук: «Я оную книгу прочел, а описки и то, что в слоге показалось мне сумнительным, подчеркнул карандашом или приставил знак NB, также о некоторых местах напомнил самому автору».³⁹ В мае 1765 года Эмин за сочинительство был посажен на две недели в крепость.⁴⁰

«Адская почта» была лучшим произведением Эмина по силе и яркости сатирической манеры, по меткости языка и разно-

³⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, д. 282, л. 304. Речь идет о произведении «Сон на 1765 год» (см.: Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий СПб, 1889, стр. 325—330).

⁴⁰ Тюремное заключение было определено «вместо заслуженного им, по состоянию вины его и строгости законов, наказания». Ср.: К. В. Сивков. Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII в. «Исторические записки», 1946, № 19, стр. 88—89

образию приемов в расположении материала. Можно сомневаться в том, что сатирическим пером Эмина руководили всегда чистые и благородные гражданские цели, — ведь от смелого нападения на высоких лиц и описания нравственной распущенности проистекала сенсация и зависел коммерческий успех журнала. Наряду с этим в «Адской почте» прорывались элементы внецерковного богословствования, например в рассуждениях об участи некрещеных детей. Однако впоследствии стало известно, это Эмин, издавая сатирический журнал, в то же самое время писал «Путь ко спасению», т. е. готовился зарабатывать деньги на сочинении религиозного содержания (если только это не проистекало от уклона в сторону масонства). Тем не менее «Адская почта» Эмина содержала много животрепещущего, разоблачительного материала. За эту правду Эмин и подвергался посмертному цензурному преследованию. Не могло остаться безнаказанным и доброе слово Эмина о землепашцах.

Имеются некоторые основания ставить вопрос и о посмертном преследовании А. П. Сумарокова екатерининской цензурой. Например, Новиков, вопреки своему печатному обязательству в объявлении о выпуске сочинений Сумарокова, все-таки не смог издать его биографию при своем десятилетнем «Полном собрании всех сочинений в стихах и прозе» Сумарокова (М., 1781—1782). Хорошо известно, что Новиков имел возможность привлекать образованных и работоспособных людей к выполнению своих издательских планов, и, тем не менее, на этот раз ни литературные силы, ни деньги, ни личная его энергия ему не помогли. Единственное объяснение этого в запрещении благожелательных статей, заметок и сочинений о Сумарокове (ведь набросок панегирической его биографии был известен еще в 1778 году).⁴¹

Н. И. Новиков не смог ввести в «Полное собрание всех сочинений» Сумарокова даже всего того, что уже вышло из-под печатного станка в свое время при жизни автора.

На основании имеющихся данных сейчас можно по-новому осветить рассказ о том, будто Екатерина II приказала напечатать на казенный счет трагедию Н. П. Николева «Сорена и Замир» с полным сохранением в 5-м явлении IV действия тех строк, которые вызывали у зрителей антидеспотические настроения. Обращают на себя внимание такие обстоятельства: 1) Екатерина II запрещения на трагедию не сняла, 2) постановка трагедии возобновилась лишь в 1810 году и успеха не

⁴¹ «С-Петербургский вестник», 1778, № 1, стр. 39—40

имела.⁴² Следует думать, что Екатерина II использовала метод, который был применен лондонской цензурой в отношении брошюры Вольтера «Le philosophe ignorant», т. е. «очистила» неприятный текст и приказала в новом виде напечатать его вместо игранного в театре по рукописи, которая бесследно исчезла.

Сам Николев в своем обращении к Александру I ясно засвидетельствовал гнет и вред цензурного режима предыдущих лет:

Тебе, что < . . >
 Снял путо студное и с мысли и с пера,
 Отверз в грудях сынов все токи живоносны,
 Цензуры обуздав суды, дарам несносны,
 Тебе мой слабый труд дерзая посвятить.⁴³

Эти слова его в равной мере относятся и к прямолинейной павловской и к более тонкой екатерининской цензуре, причем устранять из-под ее воздействия литературную деятельность самого Николева нет никаких оснований. Дело в том, что Николев различал только два основных вида государственной власти: монархию и республику.⁴⁴ Отсюда и мог вылиться совсем иной, не дошедший до нас монолог огорченного Премьсла. В печатном же тексте трагедии мы имеем обращенное к «России пренесчастной» такое пятистишие:

Исчезни навсегда сей пагубный устав,
 Который заключен в одной монаршей воле,
 Лъзя-лъ ждать блаженства там, где гордость
 на престоле,
 Где властью одного все скованы сердца³
 В монархе не всегда находим мы отца

(Д IV, явл 4)

Здесь не следует искать «бунтарской» идеологии. В других печатных произведениях того времени встречаются более жесткие и более резкие слова, например «тиранство» (у Николева «власть одного» и «одна монаршая воля»), но оно почти всегда означает отсутствие законов и реже поправление их. У Николева мы находим и совершенно верноподданническое посвящение второго тома творений Екатерине II. Но никак нельзя забывать, что зрительный зал 12 февраля 1785 года при первом представлении трагедии «Сорена и Замир» сочувственно встретил слова со сцены о «пагубном уставе». А тяжесть цензурной

⁴² «Русский вестник», 1810, №№ 3 и 4, стр. 95—123.

⁴³ Трагедия в 5 действиях «Святослав». ГПБ, рукопись Эрм. № 214, л. 2.

⁴⁴ Творения Николая Петровича Николева, ч. III, Лиродидактическое послание, М., 1796, стр. 295—296, нота 16-я

практики в России екатерининских лет — вне всяких сомнений: глава «Торжок» в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева, целиком посвященная цензуре, хотя насыщена западноевропейскими историческими справками, все-таки порождена протестом против наблюдаемого автором екатерининского цензурного гнета, тем более, что Радищев в этой же главе давал обещание в другой раз поговорить специально о цензуре в России. Несомненно, что Радищев о российской цензуре XVIII века знал больше того, что известно и опубликовано до сих пор.

Таким образом, мы видим, что цензура Екатерины II боролась против выдающихся русских писателей, преследовала их после смерти, иногда их произведения частями передельвала, а иногда некоторые из них полностью уничтожала. И вступила Екатерина II на этот путь очень рано, конфисковав в 1765 году литературный и научный архив Ломоносова,⁴⁵ и сделала это в самом спешном порядке, не выждав даже похорон великого человека. Русское передовое общество знало об этом архиве и высоко ценило его.

«Я умалчиваю здесь, — писал в 1774 году М. Н. Муравьев, — о творениях его, более бы достойнейших быть изданным в свет, где б усматривались величие его намерения, провидание божественного ума, где б явился в удивленных очах многочисленных сограждан не один в нем стихотворец, не один вития, не один природы испытатель, мудрец и мира гражданин; но честный человек, сын отечества, ревнитель добрых дел, рачитель общественного блага, Росс и именем и делом».

И далее: «А вы, живые, завидующие славе мертвого, не будьте соперники Ломоносова, будьте подражатели его. Уже наступает тот час, где будет судить его справедливое потомство. Зависть не будет в состоянии затмевать заслуги его. Вотще восстанете вы против него: падение ваше посрамит вас, потомство презрит усилия ваши, а достоинство будет жить во веки».⁴⁶

На основании наиболее полной библиографии о Ломоносове⁴⁷ можно заметить на всем протяжении царствования Ека-

⁴⁵ «Литературное наследство», т. 9—10, 1933, стр. 327—339.

⁴⁶ Похвальное слово Михайле Васильевичу Ломоносову. Писал лейб-гвардии Измайловского полку каптенармус Михайло Муравьев. СПб., 1774, стр. 8—9 и 14. Есть некоторые очень слабые признаки, что эта брошюра изымалась. Она считается очень редкой. В «Сочинения» Муравьева она не включена.

⁴⁷ Материалы по библиографии о Ломоносове на русском, немецком, французском, итальянском и шведском языках. Составили А. Г. Фомин, К. Дукмейер, Г. Эллис, А. Мартен и А. Йенсен. Выставка «Ломоносов и елизаветинское время», т. VII, СПб., 1915.

терины II и Павла I стремление посмертно замалчивать его заслуги. Объяснять такое отношение к Ломоносову со стороны печати какой-то неблагодарностью русского общества никак невозможно. Когда иностранец Леклерк, будучи избран русским почетным академиком, произнес 15 апреля 1765 года в С.-Петербурге на французском языке речь, в которой горячо говорил о только что умершем Ломоносове, то она напечатана не была, хотя и заканчивалась риторическими похвалами Петру I и самой Екатерине II. Нужно особо отметить, что в богатейшем Архиве Академии наук СССР не сохранилось текста этой речи. Лишь в XIX веке акад. П. П. Пекарский опубликовал из нее то, что относилось к Ломоносову.⁴⁸ На этом библиографическом фоне концовка «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева под названием «Слово о Ломоносове» выступает как вызов, как трактовка замалчиваемой темы.

⁴⁸ О речи в память Ломоносова, произнесенной в Академии наук доктором Леклерком. Извлечение из т. X «Записки императорской Академии Наук», СПб., 1867, стр. 178—187.

И Э. СЕРМАН

ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ 60-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

(Неизданная комедия Федора Эмина «Ученая шайка»)

Литературные позиции Федора Эмина и его место в идейной борьбе 1760-х годов неоднократно привлекали внимание исследователей. В работах П. Н. Беркова, Д. Д. Благого, Г. А. Гуковского освещены некоторые стороны мировоззрения и творчества Эмина. Однако Ф. Эмин, как и другие писатели-разночинцы 1760-х годов, Михаил Чулков, Попов, Курганов, ждут еще тщательного и серьезного изучения.

Их роль в развитии русского реализма, в развитии критического направления в литературе середины XVIII столетия еще недостаточно исследована.

Неизданная до сих пор комедия Эмина «Ученая шайка» дает интересный материал для характеристики общественно-литературных позиций этого малоизученного писателя, его взаимоотношений с литературными противниками и для установления хода его идейно-творческого развития.

Федор Эмин появился в Петербурге в мае месяце 1761 года и подал на имя императрицы Елизаветы прошение, написанное по-итальянски и подписанное Theodoro Eminescu. Очевидно, тогда же Эмин был зачислен в Сухопутный шляхетный кадетский корпус преподавателем итальянского языка. По делам Архива Академии наук (1763 и 1764 гг.) видно, что: «Федор Еммин обучает итальянскому языку в Шляхетном сухопутном кадетском корпусе по 8 часов в неделю, жалованья 150 р. в год».¹

В это же время Эмин преподавал итальянский язык в Академии художеств, как об этом сообщает «Ведомость нынешнего

¹ Картотека Б. Л. Модзалевского (ИРЛИ)

состояния Академии художеств» от 28 января 1763 года. В ней указан в графе «Учителя» — «итальянского языка Петр Эмин 150 рублей»² (жалованья в год).

В том же 1763 году Эмин благодаря покровительству гр. Г. Орлова был зачислен переводчиком Коллегии иностранных дел. Об этом свидетельствует титульный лист первого издания (СПб., 1768) «Мирамонда»: «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда, — сочинения Государственной коллегии иностранных дел переводчика Федора Эмина».

По приезде в Россию Эмин очень скоро становится деятельным участником нового направления в русской литературной жизни как переводчик и как автор оригинальных русских романов. Начало 1760-х годов характерно появлением нового для русской литературы жанра. Роман, правда на первых порах переводный, становится заметным явлением литературной жизни. Сумароков, всегда очень живо отзывавшийся на все неприемлемое для него в общественной жизни и в литературе, в 1759 году помещает в «Трудолюбивой пчеле» (стр. 374) статью «О чтении романов», в которой с раздражением пишет: «Романов столько умножилось, что из них можно составить половину библиотеки целого света. Пользы от них мало, а вреда много. Говорят о них, что они умеряют скуку и сокращают время, т. е. век наш, который и без того краток. Чтение романов не может называться препровождением времени; оно погубление времени».

Ему отвечает Семен Порошин в предисловии к своему переводу одного из популярнейших романов аббата Прево: «Сии сочинения (романы, — И. С.) такое несчастье по дни наши постигло, что многие не токмо никакой пользе от оных быть не надеются, но еще к повреждению нравов служащими их почитают».³

В Петербурге с 1759 года действует группа литераторов-переводчиков, большей частью преподавателей Сухопутного шляхетного корпуса (Семен Порошин, Петр Свистунов, Евгений Харламов, Степан Перфильев и другие). Эта группа приняла в 1759 году издание журнала «Праздное время, в пользу употребленное». Издатели-сотрудники этого журнала не разделяли общественно-литературных позиций Сумарокова, проявившихся со всей свойственной его натуре энергией и страстностью в его журнале 1759 года «Трудолюбивая пчела».

² Сборник материалов для истории Академии художеств за сто лет, под ред. П. Петрова, ч. 1, СПб., 1864, стр. 71.

³ «Аббат Прево». Философ аглинской, или житие Клевленда, побочного сына Кромвеллева, т. I, СПб., 1760, предисловие.

Д. Д. Шамрай с несомненностью доказала,⁴ что кружок корпусных литераторов (Семен Порошин, Петр Свистунов, Евгений Харламов, Степан Перфильев и другие) стал значительно менее активно сотрудничать в журнале «Праздное время, в пользу употребленное» в 1760 году, когда в журнале усилилось участие Сумарокова. Литературный кружок «Праздного времени» не только практически, но и теоретически обосновывает необходимость романтически-повествовательных жанров. В этом смысле программой было уже цитировавшееся предисловие Семена Порошина к его переводу романа Прево «Английский философ, или житие Клевленда, побочного сына Кромвелева, писанное им самим» (конец 1760 года). Порошин писал: «Чтения разумно писанных романов отвергать и опораживать ни малой нет причины: изображаются в них нравы человеческие, добродетели их и немощи; показываются от разных пороков разные бедствия в примерах, то причиняющих ужас, то соблезнование и слезы извлекающих, и между цепью наистройнейшим порядком совокупленных приключений наставления к добродетели полагаются. На толь препохвальном основании и с толь добрым намерением расположенное сочинение хулы ль нашей достойно?»

В одном из номеров «Праздного времени» доброжелательно упоминается «полезная история» о Памеле, т. е. называется знаменитый роман Ричардсона.

Типография Сухопутного шляхетного корпуса в 1760—1764 годах в невиданном дотоле в России количестве печатает романы в переводе корпусных литераторов. В этом потоке романтической литературы, насыщенной умеренно-просветительскими и сентименталистскими идеями, обращенной к частной жизни, к эмпирическому бытоизображению, к конкретной и противоречивой психологии личности, литературы в конечном счете антиклассицистической, видное место занимают переводы и романы Эмина Федора.

Из одиннадцати романов, изданных в 1763 году типографией Сухопутного корпуса, Эмину принадлежат два переводных⁵ и два оригинальных романа.⁶

⁴ Д. Д. Шамрай. Об издателях первого частного русского журнала. Сб. «XVIII век», вып. I, Л., 1935.

⁵ Любовный вертоград, или непреоборимое постоянство Камбера и Арилены. Перевел с португальского... Федор Эмин, СПб., 1763; Бесщастный Флоридор. История о принце Ракалмуцком. Перевел с итальянского Ф. Эмин, СПб., 1763.

⁶ Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда. Соч. Ф. Эмина. СПб., 1763; Приключения Фемистокла... Соч. Ф. Эмина. СПб., 1763.

В 1764 году среди шести романов, изданных типографией Сухопутного шляхетного корпуса, один принадлежит Эмину.⁷

Таким образом, за два года Эмин напечатал пять романов. Но не только количество должно было привлечь к себе внимание современников. Непереводные романы Эмина были исполнены публицистического пафоса и духа гражданственности. Сатирические эпизоды и новеллы в «Мирамонде» и «Приключениях Фемистокла»⁸ во многом предваряют сатирические выступления «Адской почты».

Комплименты по адресу верховной власти, которых немало в романах Эмина, не ослабляют их общей антидворянской направленности, их глубокого сочувствия к «тщательному земледельцу», который «кровавым своим потом чело свое орошает, чтобы со временем куском хлеба насладиться».⁹ Явное отрицание духа сословности, предпочтение «благородного» земледельца и честного купца бездельнику дворянину — всё это делало романы Эмина неприемлемыми для таких идеологов сословной исключительности и сословных привилегий, каким был Сумароков. Неприемлема для них была и форма романов Эмина — свободное переплетение вымысла и фактов, смелость, с которой Эмин вводит в свои романы куски собственной биографии, пускай и литературно-стилизованной.¹⁰

Наконец нужно указать, что Эмин, по-видимому, был зачинщиком полемики с Сумароковым, против которого им был сделан очень резкий выпад в «Приключениях Фемистокла».¹¹ Отголоском конфликта, вызванного этим выступлением Эмина, является, очевидно, запись в дневнике Порошина: «Обедал у нас Александр Петрович Сумароков, его высочество весьма забавлялся, как он описание делал о г. Емине и о его с ним ссоре, также и о бывших его побранках с маршалом Сиверсом».¹² «Побранки» Сумарокова с Сиверсом из-за руководства

⁷ Горестная любовь маркиза де Толедо. Перевел с гишпанского Ф. Эмин, СПб., 1764.

⁸ Особенно замечательны в этом смысле картины неправосудия и мздоимства в Сенате государства Кария, которое посещает Фемистокл и в котором легко узнать екатерининскую Россию.

⁹ Ф. Эмин. Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда, ч. 1. Изд. 2-е, М., 1781, стр. 31.

¹⁰ «И хотя сия книжица истинные Мирамондовы приключения и мое несчастное похождение в себе заключает...» (там же, Предисловие).

¹¹ Ф. Эмин. Приключения Фемистокла. СПб., 1769, стр. 169—172. Полемический смысл этого эпизода вскрыт в статье Г. А. Гуковского «Эмин и Сумароков» (Сб. «XVIII век», вып. II, М.—Л., 1940, стр. 77—82).

¹² Семен Порошин. Записки. СПб., 1881, стр. 4, запись 20 сентября 1764 года.

театром происходили в 1759—1760 годах и названы здесь «бывшими», т. е. прежними, минувшими. Очевидно, по смыслу записи, что ссора с Эминым относится к более близкому времени и говорится о ней по свежим следам. Характерно и то, что рассказывает Сумароков о ссоре в тонах юмористических, никакого озлобления у рассказчика (в передаче Порошина) не чувствуется.

Однако в комедии Сумарокова «Ядовитый» (напечатанной в октябре 1768 года) Эмин, выведенный под именем Герострата, представлен уже вместилищем всех пороков и злодейств, клеветником, безбожником и мошенником, готовым на любую подлость ради денег. По-видимому, именно на протяжении 1764—1768 годов борьба между Эминым и Сумароковым дошла до такой степени ожесточения, что заставила последнего написать пасквиль-комедию, целиком посвященную обличению Эмина.

«Ученая шайка», как мы это попытаемся показать, может разъяснить многое в литературных взаимоотношениях Сумарокова и Эмина. Кроме того, в ней, в памфлетной форме, Эмин высказывает свое отношение к ряду видных деятелей русской культуры и просвещения середины 1760-х годов. Эта комедия в известной мере предвосхищает тематику и направленность «Адской почты» и помогает проследить, как складывалась сатирическая направленность в русской литературе 1760-х годов с ее стремлением бичевать «лица», а не «пороки».

Самый факт существования комедии Ф. А. Эмина давно известен историкам литературы.

В 1886 году в «Отчете Московского румянцовского музея» в числе других документов из собрания А. В. Федорова, указан под № 2968 «Сборник» списков с оригинальных и переводных драматических произведений. Скоропись конца XVIII века. Среди этих списков под № 6 значится: «Ученая шайка, комедия в 3-х действиях. Соч. Ф. Эмина. Напечатана не была».¹³

Упоминалась также «Ученая шайка» в работе А. Лященко «Из истории русского романа. Публицистический элемент в романах Ф. Эмина» (СПб., 1892, стр. 7), а также в статье А. Космана «Комедии Сумарокова».¹⁴

Ставилась она на сцене или нет — не известно. Ни одна из биографий Эмина не упоминает о том, что он пробовал свои силы в драматических жанрах.

¹³ Отчет Московского Румянцовского музея за 1883—1885 гг. М., 1886, стр. 33.

¹⁴ «Ученые записки ЛГУ», № 33, вып. 2, Л., 1939, стр. 175.

Поскольку «Ученая шайка» до сих пор не опубликована,¹⁵ необходимо кратко изложить ее сюжет и содержание.

Действие комедии Эмина происходит в Афинах, «в Петроковом доме». Кроме самого философа Петрокса, его жены Ернесты и дочери Белизы, актрисы, в комедии действуют еще Аперонт-комедиант, муж Белизы, три учителя: юриспруденции — Февийус, мореплавания — Назон, грамматики — Аннон.

Кроме учителей и философа Петрокса, которые вместе составляют какое-то «ученое собрание» под председательством стихотворца Ергаста, в сценах, изображающих семейную жизнь Петрокса, действуют поклонники Белизы — петиметр Негрин и «старый богач» Юлиан. Имеется в комедии и фарсовый слуга Фарнасп, который сначала служит стихотворцу Ергасту, а потом переходит к философу Петроку.

Первое действие «Ученой шайки» открывается продолжительным спором между философом Петроксом и стихотворцем Ергастом о целях и направленности поэтического творчества, о принципах нравственности и т. д.

По уходе Петрокса Фарнасп сообщает своему господину, что «песенка, которую сочинил некоторый офицер», всеми хвалится и признается «замысловатее» песен Ергаста. Взбешенный Ергаст посылает Фарнаспа к этому офицеру с требованием признать, что эта песня сочинена Ергастом или «по крайней мере им правлена». Фарнасп вскоре возвращается с сообщением, что офицер с радостью отрекся от «такой негодной песни».

Вновь пришедший в бешенство Ергаст хочет избить Фарнаспа, но снова посылает его к офицеру на этот раз уже с требованием признать «песню» своей.

Ергаст уходит. На сцене появляются Петрокс и Аперонт, между ними идет спор о значении и важности актерского ремесла. Петрокс называет его «безделицей».

Возвращающегося Ергаста Аперонт называет своим «истинным другом» и хочет обнять. Тот противится, между ними возникает ссора, обмен пощечинами. Оба просят Петрокса быть судьей их спора. Философ высмеивает мнимое величие и тщеславную похвальбу обоих.

Фарнасп, восхищенный речами философа, берет у Ергаста расчет и переходит на службу к Петроку.

Во втором действии показана семейная жизнь философа Петрокса. Его жена Ернеста учит дочь «жить роскошно и иметь

¹⁵ Текст этой комедии, в свое время подготовленный к печати Г. А. Гуковским, предполагается опубликовать в следующем выпуске «XVIII века». — *Прим. Ред.*

много друзей». Вслед за этими «философскими», как называет их слуга Фарнасп, разговорами в доме появляется петиметр Негрин, ухаживающий за Белизой. Свидание Белизы с Негрином прерывает внезапный приход ее отца. Вслед за тем появляется «грамматики учитель» Аннон — «пьяный, шатаюсь на все стороны». Аннон грубо ухаживает за Белизой и бьет Петрокса, пытающегося его выгнать; затем Аннон уходит.

Третье действие, подобно первому, открывается спором «юриспруденции учителя» Февисуа и «мореплавания учителя» Назона о познаниях Назона в «науке мореплавания».

С приходом Аннона, Петрокса и Ергаста начинается заседание «ученого собрания», на котором председательствует Ергаст-стихотворец. Он жалуется на появление в «нашей земле» «бездельников», сочиняющих негодные книги, которые «в оных нам досаду делают, а когда мы их за то ругаем, то и они нам таким же образом отвечают».

Каждый из членов ученого собрания прославляет свою науку. Их спор прерывает Эрнеста сообщением: «некоторый» вельможа требует к себе «разумнейшего изъ всего собрания».

Решают ехать всем собранием. Как выясняется из следующего за их отъездом разговора Эрнесты с Фарнаспом, мнимое приглашение имело целью удалить все ученое собрание из дома Петрокса, чтобы сделать возможным приход к Эрнесте старого вельможи Юлиана.

Неожиданно возвращается Петрокс; по совету Фарнаспа Юлиан притворяется мертвым. Петрокс хочет анатомировать мнимого мертвеца, но Юлиан, испугавшись, убегает.

Постепенно возвращаются все «ученые», и Петрокс произносит окончательное свое суждение о всех членах ученого собрания вместе взятых, и в частности об Ергасте и Назоне.

Даже при таком кратком изложении ясно, что не в интриге и не в разработке характеров видел свою цель автор, хотя все второе действие и частично третье Эмин посвятил сатирическому изображению нравов, показу разложения семьи философа Петрокса.

В образах членов «Ученой шайки», в их репликах и монологах содержится ряд более или менее прозрачных намеков и пародийных выражений, которые заставляют предположить, что Эмин имел в виду определенных лиц и, несмотря на то, что действие «Ученой шайки» происходит в Афинах, героев ее надо искать в Петербурге.

Поэтому целесообразно будет начать с тех героев комедии, прототипы которых сравнительно просто устанавливаются в результате расшифровки намеков автора.

Как уже указывалось, в разговоре Февиуса «юриспруденции учителя» и Назона «мореплавания учителя» идет спор о познаниях последнего в науке мореплавания (д. III, явл. 1):

Февиус. ... Но и ты, мой друг, не очень чванься твоими делами, ты учишь мореплаванию, а чаю, что отроду на море не бывал. Мне кажется, что на бумаге гораздо легче управлять кораблем, нежели на море, понеже на море ветры не пером, ниже кистию не начертаны.

Назон. Я на море не бывал, однако мореплавания науку совершенно знаю. Знаю, сколько у нас было адмиралов, кораблеплавателей и славных мастеров, следовательно, я довольно знаю сию науку.

Февиус. Это, о чем ты упоминаешь, знают и все адмиралтейские копейцы, потому что все то у них в протоколах написано.

По-видимому, Февиус намекает на следующую книгу: «Собрание списков, содержащее имена всех служивших в российском флоте с начала одного флагманов, обер-сарваеров и корабельных мастеров и ныне служащих в оном и при Адмиралтействе как флагманов, штаб- и обер-офицеров. В Санктпетербурге. При Морском шляхетском кадетском корпусе, генваря 1 дня 1764 года». Книга эта, действительно, не содержит ничего, кроме списков. Она составлена и издана Иваном Логиновичем Голенищевым-Кутузовым, с 1762 года определенным в Морской шляхетный корпус и в 1764 году назначенным директором Корпуса.

Следовательно, можно предположить, что Назон — это Кутузов! Окончив Морской корпус в 1746 году, И. Л. Голенищев-Кутузов плавал командиром фрегата в 1753—1754 годах между Кронштадтом и Архангельском, что тогда считалось серьезным испытанием для мореходца, но позднее, по слабости здоровья, он уже в плаваниях не бывал, и это дало, очевидно, Эмину повод заставить Назона — Кутузова говорить о себе: «Я на море не бывал».

Что речь идет именно о Голенищеве-Кутузове, доказывается еще и продолжением разговора Февиуса с Назоном, в котором, по-видимому, звучит отголосок какой-то личной обиды Эмина на типографию Морского корпуса и ее начальство:

Февиус. Вчерашнего числа я видел, как к тебе был принесен роман, и сочинитель тебя просил, чтоб ты его в типографии, находящейся под твоим смотрением, напечатал; ты, автора в первый раз увидя, презрел, сказал, что ты не хочешь печатать романов потому, что они не полезны и порицания достойны. Но мне кажется, что для тебя все равно, какую бы кто книгу не печатал, понеже ты за печать всякой книги равное число денег получаешь. Такая твоя речь показала тебя человеком много о себе думающим, но при всем твоим умствованием не очень же ты славен твоими делами и, презирая романы, физических и астрономических книг не издаешь.

Назон. Ты со мной говори поучтивее. Знаешь ли ты, что я чином знатный человек?

«Знатным» по чину человеком Голенищев-Кутузов мог считаться с 1764 года, когда стал директором Морского корпуса, генерал-интендантом флота, членом Адмиралтейств-коллегии и наставником по морской части у наследника Павла Петровича.

Укажу, кстати, еще одно обстоятельство, приобретающее значение в общей связи доказательств. Назон, как известно, по-латыни означает «носач»; достаточно посмотреть на портрет Голенищева-Кутузова, приложенный к книге Ф. Ф. Веселаго «Очерк истории морского корпуса» (1852, стр. 143), чтобы понять происхождение этого значущего имени.

Если Назон — это Голенищев-Кутузов, то мы имеем возможность предположить, что «ученое собрание», изображенное Эмином, — это Морской шляхетный корпус, а «учителя», действующие в «Ученой шайке», — преподаватели этого Корпуса.

В дальнейших поисках прототипов наше внимание привлекает «грамматики учитель» Аннон. По-французски *ânon* — молодой осел, осленок. Возможно, что Эмин, давая имя своему герою, учитывал это значение слова *ânon*. Самые характерные черты Аннона в комедии — это пьянство и грубость. На сцене он появляется всегда пьяный. О нем Фарнасп говорит: «Он больше всех нас философ, только несколько его голова закружилась от грамматики» (д. II, явл. 7). Аннон «грозит тумачом» Ернесте, в кармане у него «графинчик с водкой», который он вынимает и тут же в чужом доме (у Петрокса) пьет водку. Петрокса он бьет и т. д.

Грубиян и пьяница, учитель грамматики, как можно предположить, — это памфлетный образ Николая Гавриловича Курганова, о ссоре с которым Эмина сохранилось неясное предание, приведенное у Колбасина.¹⁶ Оговариваюсь, что если прототип Назона можно считать установленным, то в отношении Аннона пока вопрос можно только поставить.

Правдоподобно предположение о том, что в образе философа Петрокса Эмин вывел инспектора над классами Морского шляхетного корпуса (с 1764 года) Григория Андреевича Полетику (1725—1784). Какие основания для такого предположения? Петрокс во всех своих высказываниях изображен философом стоического толка, проповедующим презрение к смерти и жизненным благам, противником завоевательных войн и угнетения человека человеком.

Полетика в своих переводах пропагандирует в 1760-е годы именно стоическую философию. В 1762 году он с многозначи-

¹⁶ Е. Колбасин. Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859, стр. 186.

тельным посвящением Екатерине печатает Ксенофонта «О достопамятных делах и разговорах Сократовых и оправдание Сократово перед судьями». Ксенофонт, как известно, в этике Сократа оттеняет преимущественно элементы, сближающие учение Сократа со стоицизмом.

В 1759 году Полетика издает свои переводы в одной книге «Епиктета стоического философа Енхиридион и Апофегмы и Кевита Февейского Картины или изображение жития человеческого»; этот свой перевод Полетика вновь переиздал в 1767 году без всяких изменений.

Между репликами философа Петрокса и мыслями Эпиктета в переводе Полетики есть совпадения:

«Ученая Шайка»

Смерть постоянному человеку не страшна: вы только оною целый свет устрашили, бесчисленно ей сыскывая неправедно лица (д. 1, явл. 1).

..она <смерть> есть возвращение того, что есть не наше.
(д. 1, явл. 1).

«Енхиридион»

Не вещи смущают людей, но мнения, которые они о тех имеют, например: смерть нимало не страшна... но токмо мнение наше о ней представляет нам ее столь устрашительною (гл. 10)

Никогда ни о чем не говорил: я сие потерял, но я сие возвратил. Умер ли твой сын? Ты его возвратил (гл. 15).

Сходство здесь мне представляется несомненным, хотя для окончательного решения вопроса о соотношении между образом Петрокса и его предполагаемым прототипом понадобятся, быть может, дополнительные изыскания.

Зато для установления прототипа образа стихотворца Ергаста мы располагаем исчерпывающими данными. Уже само имя Ергаст, по-видимому, намекает на его буйный, бешеный нрав.¹⁷

В 1 явлении I действия Ергаст говорит о «трудолюбивой пчеле», которая «...с разных цветочков собирая мед, толь великой похвалы и удивления достойные из своего чрева издает происшествия, следует, что стихотворцы, повсюду летая своими мыслями, приятнейшие прочих издают сочинения». Здесь одновременно содержится намек на первый русский сатирический журнал Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759) и на «собираение» им, Ергастом, с «разных цветочков», т. е. у других авторов идей и образов для его произведений.

¹⁷ Можно предположить, что своего неистового героя-стихотворца Эмин назвал Ергастом, имея в виду одно из производных значений латинского *ergastulum* — казарма для рабов, а также смиренный дом для непокорных и буйных

Только намеченное здесь обвинение Ергаста развивается в истории с песенкой, сочиненной «неким офицером», о которой уже говорилось выше.

Далее Петрокс упрекает стихотворцев в том, что они «начали своими песнями выхвалять тех, которые из собственного дому хозяина выгоняют, которые похищают явственно чужое добро». Речь идет, несомненно, об одах Сумарокова и поэтов его группы, восторженно приветствовавших дворцовый переворот 28 июня 1762 года.

Возмущенный этими словами Петрокса и обвинением, что он, Ергаст, «хвалит того, кто ему за песни заплатит», Ергаст раздражается репликой, по-видимому, пародирующей стиль статей и басен Сумарокова, в которых очень часто были обращения к Юпитеру.

Ергаст. О боги! За что ты, Юпитер, не извергнешь все твои молнии на такого простака!

В статье Сумарокова «Письмо»¹⁸ «Утесненная истина» просит Юпитера истребить взяточников-приказных: «По долгом ее прошении согласился наконец Юпитер ударить громом...»

В притче «Юпитер, сокол и щука», напечатанной в журнале «Праздное время, в пользу употребленное», номер от 14 октября 1760 года (в «Полном собрании всех сочинений» Сумарокова эта притча напечатана под названием «Мост»), разгневавшись плутнями откупщика,

..Юпитер отвечает
Откупщику: я думаю о том,
Что мне на вас давно пора бросати гром.

В репликах и монологах Петрокса содержится ряд выпадов против Ергаста, в которых можно усмотреть намеки на некоторые черты характера и поведения Сумарокова. После того как Ергаст, взмолившийся Юпитеру, уходит со сцены, Петрокс говорит о нем:

Я думаю, что сильная болезнь френезии обладает им, и потому временами он умен и изрядные стихи пишет, а временами на него бешенство находит, так что он сам не знает, что делает; и если б здесь были такие дома, в которых сумасшедших лечат, то я б сего бедного туда отдал, чтоб ему какое-нибудь сделать вспоможение. Но я думаю, что и тот дом, в котором он живет, немного равенствует от шальных обиталища; я чаю, что он уже всех домашних с ума свел своим бешенством.

¹⁸ «Трудолюбивая пчела», 1759, ноябрь, стр. 631—633.

Тяжелый характер Сумарокова, его горячность, осложнения в семейной жизни поэта, — всё это в памфлетно-преувеличенном виде дается у Эмина и всё это ему нужно для психологической подготовки главного обвинения против Ергаста—Сумарокова — обвинения в плагиате, которое сформулировано в эпизоде с песней, сочиненной «некоторым офицером».

Это прямое обвинение Ергаста—Сумарокова в плагиате, в присвоении чужой песни, упорно держалось в течение всего XVIII столетия и повторялось еще в начале XIX века последними могиканами Екатерининских времен.

Упорно настаивал на этом обвинении против Сумарокова Александр Палицын, переводчик «Садов» Делиля (1814) и «Времен года» Сен-Ламбера (1814), автор стихотворного переложения «Слова о полку Игореве» (1807). В письме к графу Д. И. Хвостову от 28 июня 1807 года Палицын писал: «Одна песня П. С. Свистунова полюбилась так А. П. Сумарокову, что он ее присвоил. . .».¹⁹ В своей поэме «Послание к Привете, или Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени» (Харьков, 1807). Палицын писал:

Разборчив и в стихах и в прозе Свистунов.
Есть песенка одна между его стихами,
Где грации писали сами.

К последней строке цитируемого отрывка Палицын сделал примечание: «Сия песенка начинается так:

Тщетно я скрываю скорби люты.

Она была напечатана сперва между песнями г. Сумарокова».

Таким образом, обвинение Эмина против Сумарокова у Палицына конкретизируется. Что же могло подать повод к возникновению подобного обвинения? Для этого надо уяснить характер отношений между Сумароковым и Свистуновым и проследить историю злополучной песни.

Начнем со второго.

В 1759 году вышел песенник «Между делом безделье, или собрание разных песен», положенное на музыку Г. Тепловым. Все песни этого сборника были анонимны. Как оказалось впоследствии, составитель включил туда несколько песен Сумарокова. В ноябрьской книжке «Трудолюбивой пчелы» появилась заметка «Песни», подписанная А. С. . ., т. е. Александр Сумароков. «Следующие песни нашел я между протчими напечатан-

¹⁹ «Библиографические записки», 1859, № 8, стр. 250.

ными песнями с приложенными нотами, под чудным титлом, которые отчасти были испорчены; чего ради должен я их, поправив, как они от меня сочинены, выдати в сих изданиях, чтобы чужие погрешности не были почтены моими, притом желая, чтоб сия дерзость издавати чужие сочинения, без воли авторов, не умножилася, а еще меньше то портити, что другие тщательно сочиняли и меньше еще налагати чужим трудом непристойные титла, чего нигде не водится и что нигде не позволяется».

Вслед за этой заметкой Сумароков перепечатал шесть песен, в том числе, под № 6, «Тщетно я скрываю сердца скорби люты...»

Без изменений текста песня эта перепечатана Новиковым.²⁰ Новиков, который располагал архивом Сумарокова, не сомневался в принадлежности этой песни Сумарокову! Таким образом, категорическому утверждению Сумарокова о принадлежности ему песни «Тщетно я скрываю сердца скорби люты», утверждению, поддерживаемому Новиковым, противостоят указания Палицына.

«Послание к Привете» Палицына свидетельствует, что он хорошо знал литературу XVIII века. Он учился в Сухопутном шляхетном корпусе; литературные предания 1750-х годов могли сохраниться у него в памяти.

О Свистунове как поэте и авторе песен с похвалой отзываются и лейпцигское «Известие о некоторых русских писателях» (1768) и Новиков в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772). В «Известии» говорится: «Петр Свистунов, подполковник Шляхетного корпуса. Он написал несколько прекрасных песен и других мелких стихотворений, которые обличают, что произведения его были бы украшением литературы, если б его служебные обязанности не были ему сильной помехою».²¹

Новиков в своем отзыве о Свистунове гораздо сдержаннее: «Генерал-майор, человек разумный, ученый и искусный: в молодых своих летах много написал элегий, песен и других мелких стихотворений, много похваляемых, но они не напечатаны».²²

Как и большинство песен того времени, песни Свистунова включались в песенники анонимно, и поэтому установить его

²⁰ А. П. Сумароков, Полн. собр. всех соч., т. VIII, М., 1781, стр. 218—219, № XXXIII

²¹ П. А. Ефремов, Материалы для истории русской литературы, СПб., 1867, стр. 136.

²² Н. И. Новиков, Избранные сочинения, М.—Л., 1951, стр. 350

авторство очень трудно. П. Н. Берков напечатал одну песню Свистунова в своей книге «Ломоносов и литературная полемика его времени» (А., 1936).

Приводим начало этой песни:

Полно, свет мой, не гордись
 Красотою ты своей.
 Коль пленила, веселись
 Я во власти уж твоей.
 Милы взгляды мя прельстили,
 Взор и дух во мне вспаляли.
 Не скажу того, драгая,
 Чтоб ты краше всех была,
 Только многих уязвила
 И мне язву то ж дала.

и т. д.

Возможно, что она искажена перепиской, однако даже с такой поправкой ни в какое сравнение она не идет не только с песней «Тщетно я скрываю сердца скорби люты», представляющей собой один из шедевров литературного песенного творчества середины века, но и с любой песней Сумарокова.

Конфликт между Тепловым и Сумароковым из-за песен, напечатанных первым без авторского согласия, в кругу литераторов Сухопутного корпуса мог быть воспринят неблагоприятно для Сумарокова. Может быть, даже высказывались сомнения в принадлежности этих песен Сумарокову, во всяком случае, до Эмина, с 1761 года ставшего учителем итальянского языка в Корпусе, могли дойти какие-либо неопределенные, но, во всяком случае, невыгодные для Сумарокова слухи, на основании которых в своей комедии-памфлете Эмин уже прямо обвинил Сумарокова в литературной краже. Менее открыто, в завуалированном виде, это обвинение повторено Эминым в 13-м письме «Адской почты» (1769), где снова выводится Ергаст-стихотворец, по всем признакам Сумароков, о котором между прочими обвинениями говорится, что «лучшее его достоинство состоит в том, что умеет хорошо обирать других писателей».

Уже в более отдаленную эпоху смутные отголоски этих слухов и намеков превратились в связный рассказ известного выдумщика Макарова. Он обвиняет Сумарокова в присвоении песен, написанных будто бы его дочерью Екатериной Александровной, в замужестве Княжжиной. Макаров говорит: «...некоторые из написанных Екатериной Александровной и где-то напечатанных песен Сумароков, рассердясь, переиначал и тотчас напечатал вновь от своего имени в „Трудолюбивой пчеле“, сделав при том выноску, что *сии песни найдены им, между*

прочими напечатанными его песнями, с приложенными к ним нотами, под чудным титулом и проч.»²³ В действительности же в «Трудодобивой пчеле» напечатана «Элегия», подписанная «Катерина Сумарокова».

Что же касается шести песен, перепечатанных Сумароковым из тепловского песенника 1759 года, то именно самый факт перепечатки песен мог возбудить неприятные для Сумарокова толки. Сочинение песен в 1750-е годы было широко распространено среди дворянской литературной и околотитулярной молодежи. Однако песня считалась жанром домашним, бытовым; ее не печатали, с ней не считались всерьез. Первый русский сборник песен одного поэта издал Михаил Попов в 1765 году. Но ведь Попов стал очень рано из актера писателем-профессионалом, традиции дворянского литературного дилетантизма ему были чужды; для него литература была ремеслом, источником средств существования. А в исходе 1750-х годов «песенки» ходили только в рукописном виде. Их писали не для печати, а для исполнения — и только. Поэтому возмущение Сумарокова перепечаткой его песен могло вызвать к себе ироническое отношение в эпоху, когда песня была сплошь анонимной. Из этого неприязненного, может быть, на первых порах только иронического отношения к шуму, поднятому Сумароковым вокруг шести песен, в конце концов, мог возникнуть слух о присвоении чужих песен, разработкой которого занялся Эмин в «Ученой шайке», когда его отношения с Сумароковым по какой-то нам еще неясной причине обострились.

После того как мы установили, что Ергаст — это Сумароков, необходимо определить время написания комедии Эмина, ее место в развитии взаимоотношений поэта и романиста, и тем самым и ее роль в литературной борьбе эпохи.

Как известно, Сумароков вывел Эмина под именем Герострата в комедии «Ядовитый», написанной не позже лета 1768 года, так как 23 октября этого года датируется «Доношение» Сумарокова в Академию наук с просьбой напечатать эту комедию (закончена печатанием 5 ноября 1768 года).

В явлении XI комедии Сумарокова издевательски упоминаются романы Эмина, его «Российская история» и, наконец, его собственная биография, которую он любил расцвечивать романтическими происшествиями:

К л и т а н д р. Ваше колкое перо всему просвещенному свету столь гадко, сколь правилам, разуму и слуху противен склад ваш.

Г е р о с т р а т. Кто знает языков целую дюжину, так кажется, тому писать можно.

²³ «Дамский журнал», 1830, № 29, стр. 33—34.

Клитандр. Двух или трех языков вы слов несколько знаете, это и я засвидетельствую.

Герострат. Изрядно. И кто разные степени человеческого знания познал опытом, быв и прикованным на галере гребцом и монархом на престоле.

Клитандр. Одно истина.

Герострат. Изрядно. И кто знает опытом разные богослужения, теплые принося молитвы и во Ерусалиме и в Медие.

Клитандр. Ето правда.

Герострат. Кто знает историю Сима, Хама и Яфета так подробно, как будто бы с ними во весь их век жил купно.

Клитандр. Ето вам одним известно.

Герострат. Кто был лейбмедиком у великого Могола, обершталмейстером у Богдыхана и оберкригскомиссаром у Кутухты.

В явлении VII Герострат похвально «ядовитостию» и широким расхождением своих пасквилей.

Дромон А ну как когда-нибудь и узнают автора и сыщут таскающуюся его сочинения?

Герострат. Я скажу, что то и то прибавлено; так и отверчуся: а пасквиль-то силу свою возьмет; потому что у нас еще не вовсе известно, что пасквили у себя дома иметь бесчестно: и ради того слышал я, что такие мои сочинения у многих как полезные рукописи в библиотеках сохраняются, ради бессмертного пугаемых мною бесчестия: и не только сторонние, да и приятели чтением ругательства о своих приятелях услаждаются; хотя в моих пасквилях ни соли, ни вкуса нет; да полно не те сатиры больше в моде, в которых вкус и соль; да те, в которых много яду. А мои пасквили так приятны ядовитостию своею, что с великим услаждением родные братья против родных сестер, а родные сестры против родных братьев читают их.

А в XI явлении Герострат—Эмин прямо заявляет о себе:

...Я автор сатир, комедий и пародий. Комедии мои на кабаках читаются; трагические сцены, представляемые при дворе, я во сквернословие и в ругательство автора превращаю,²⁴ а сатиры мои прибаваются на заборах.

Под «сатирами» Сумароков имеет в виду, может быть, прозаический «Сон, виденный в 1765 году генваря 1-го», опубликованный Л. Н. Майковым, в котором Эмин сатирически изобразил тогдашнее положение дел в Академии наук, Академии художеств и Сухопутном кадетском корпусе. «Пародия» — очевидно, «Элегия», в которой Эмин пародирует форму монологов героинь в трагедиях Сумарокова и в пасквильных тонах изображает его семейную жизнь. Заканчивается эта «Элегия» следующими стихами, адресованными от лица Сумарокова его возлюбленной — крепостной девушке:

Со всеми хоть тогда лакеями таскалась,
Но страстная душа надеждою ласкалась,
Что буду я тебе сих подлых всех милей.
Коль подлых любишь ты, то я их всех подлей!

²⁴ Здесь, по-видимому, имеются в виду пародии И. С. Баркова.

Весь стиль этой «Элегии» пародиен при довольно точном воспроизведении характерных черт сумароковских трагедийных монологов, особенно в последней строке.

Последнее обвинение, ранее непонятное, против Герострата в том, что автор «комедий», теперь разъясняется — Сумароков имеет в виду «Ученую шайку» Эмина!

Таким образом, установив, что «Ядовитый» Сумарокова был ответом на «Ученую шайку» Эмина, мы получаем возможность определить время написания комедии-памфлета Эмина. «Ученая шайка» не могла быть написана позже начала 1768 года, так как в печати она не была, распространялась в рукописи, и на то, чтобы какая-то из копий стала известна Сумарокову, нужно было некоторое время. Для верности, как мне кажется, следует даже говорить о 1767 году как крайнем сроке.

Упоминание книги Кутузова-Голенищева «Собрание списков», вышедшей в 1764 году, говорит о том, что «Ученая шайка» не могла быть написана ранее середины 1764 года. Таким образом, крайними датами оказываются 1764—1767 годы. Однако в тексте комедии имеются указания, которые позволяют уточнить ее датировку. В последнем явлении III действия Петрокс говорит Ергасту (Сумарокову): «Я нарочно с тобой завел ссору, чтоб тебя побудить к трудам: ибо давно уже ты ничего не делаешь...».

Подобное обвинение можно было предъявить Сумарокову только до середины 1768 года. В этом году он напечатал три комедии («Лихоимец», «Три брата — совместника», «Ядовитый»), три трагедии («Вышеслав», «Ярополк и Дамиза», «Семира»), брошюру «Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве 1682 года в месяце мае».

С 1762 года, когда вышли его «Притчи», Сумароков печатал очень мало, в 1766 году он напечатал три оды, послание Троепольский и «Дифирамв Пегасу», в 1767 году была напечатана одна ода Сумарокова. Трагедий после своей отставки от театра в 1761 году до 1768 года он не писал. Следовательно, обвинение в том, что он давно ничего не делает, имело особенный смысл именно в 1767 году.

Имеется в тексте «Ученой шайки» еще одно указание, которое позволяет окончательно уточнить ее датировку. Ергаст (Сумароков) говорит:

Я удивляюсь своей постоянности, как я мог сдержать такой судьбы удары; слышу, что другого пинту хвалит народ, сказывая, что он весьма приятно и громко стихи лишет и якобы знает разные науки. О глупый народ! В каком ты погружен невежестве, можно ли тому стать, чтоб какое-нибудь сочинение было хорошо, если я его не похваляю?

«Пиита» — конечно, Василий Петров, известность которого началась в 1766 году «Одой на карусель».

Пользуясь случаем, чтобы указать здесь на первое издание этой оды. До сих пор исследователи, писавшие о Петрове и полемике вокруг него (Берков, Гуковский), располагали только «Сочинениями Василия Петрова» 1782 года, где текст оды, как справедливо указывалось, был Петровым изменен под влиянием полемических выпадов сатирической журналистики 1769 года. Недавно первое печатное издание оды Петрова обнаружено в Библиотеке СССР им. Ленина. Оно имеет следующий титульный лист: «Ода на великолепный каррусель, представленный в Санктпетербурге 1766 года, в четвертое лето мирного владения всепресветлейшия, великия государыни Екатерины вторыя, императрицы и самодержицы всероссийская, сочиненная Московскою славяно-греко-латинскою академиею реторикой учителем Васильем Петровым. Печатано при императорском Московском университете 1766 году».

«Карусель» происходил в Петербурге 22 сентября 1766 года; вслед за появлением подробного описания в газетах, была написана и напечатана ода Петрова, а 19 декабря 1766 года Сумароков получил тираж напечатанного «Дифирамба Пегасу».

«Дифирамв Пегасу», как известно, является злой, воинствующей пародией на оду Петрова. Сумароков не принял и не мог принять нового поэта, для него в равной степени были неприемлемы и общественные позиции Петрова — его почти рабское преклонение перед Екатериной II и Орловым, и его художественные позиции, воскрешавшие в традициях Ломоносова то, против чего Сумароков боролся на протяжении двух десятилетий. Появление «Дифирамба Пегасу» — такого быстрого, как бы мы сказали оперативного, отклика на новую оду нового поэта не могло не привлечь внимания литературных кругов.

«Дифирамв Пегасу», следовательно, мог быть известен в литературных кругах в конце 1766—начале 1767 года; таким образом, этот намек в «Ученой шайке» приводит нас к 1767 году, который следует признать наиболее вероятной датой написания «Ученой шайки».

«Ученая шайка» Эмина проясняет существенный момент в его взаимоотношениях с Сумароковым. Из дневника Семена Порошина мы знаем, что раздоры между ними начались давно. Однако «Ученая шайка», с одной стороны, и «Ядовитый» — с другой, свидетельствует о взаимном ожесточении сторон. Писатели-разночинцы начинают чувствовать более твердую почву под ногами. Их выступления против дворянской литературы становятся все более смелыми. «Ученая шайка» Эмина

является одним из первых откровенных выступлений недворянской литературы против дворянского либерализма. Ведь основное политическое обвинение против Эргаста—Сумарокова, которое выдвигается Эминим, — это сервильизм и продажность. Сумароков обращается в одах к Екатерине — Эмин видит в этом прислужничество правительству, Сумароков превозносит свои заслуги перед литературой своего времени — Эмин видит в этом только тщеславие и неуважение к «обществу». Словом, «Ученая шайка» является свидетельством нарастания недворянских сил в литературе 1760-х годов, сил, заговоривших полным голосом в сатирических журналах 1769 года.

Помимо памфлетных характеристик недругов Эмина из Морского корпуса, помимо карикатуры на Сумарокова, «Ученая шайка» содержит в себе и нравоописательный материал. Ернеста, жена Петрокса, учит свою дочь Белизу жить по моде, т. е. обманывать мужа. Выслушав ее, Белиза говорит:

И поданно я была глупа и не знала, в чем состоит роскошь. Муж мой будет всегда мужем, хотя я и с другими буду знаться. Разве друзей иметь грешно? Другу же все приятности оказывать надобно и в возможных делах отказывать не должно. Куда великое счастье иметь разумную мать! Я бы бедная состарилась, не зная, что есть лучшего в свете, если бы не моя матушка.

Петиметр Негрин, вычурно объясняющийся в любви Белизе, старый богач Юлиан, поклонник Ернесты, — все эти персонажи комедии Эмина совершенно явственно предвосхищают его журнальную сатиру.

Таким образом, помимо своего литературно-полемиического интереса, «Ученая шайка» важна как одна из звеньев творческого пути Эмина. Начав с романов авантюрных и политико-нравоучительных («Похождение Мирамонда», «Приключения Фемистокла»), Эмин перешел к роману современному («Письма Эрнеста и Доравры»), хотя и на иностранном материале.

В «Ученой шайке» Эмин берется за сатирическое изображение современной русской жизни. Тяготевший к сатире с самого начала своей литературной работы, Эмин только в «Адской почте» с блеском проявил свое сатирическое дарование, первой пробой которого была «Ученая шайка».

Н. В. БАРАНСКАЯ

ЕЩЕ ОБ АВТОРЕ «ОТРЫВКА ПУТЕШЕСТВИЯ

В* * И* * Т* *»

Спорный вопрос об авторе «Отрывка путешествия в * * И* * Т* *», помещенного в «Живописце» Н. И. Новикова (1772, ч. I, листы 5 и 14), продолжает привлекать внимание исследователей.

Последней работой, посвященной этой проблеме, является статья Л. В. Крестовой «Из истории журнальной деятельности Н. И. Новикова (Кто был автором «Отрывка путешествия в * * И* * Т* *» и «Писем к Фалалею»)». ¹ Л. В. Крестова поддерживает гипотезу об авторстве Новикова, которую развивает Г. П. Макогоненко. ² Часть из его доводов Л. В. Крестова отвела, иные дополнила и, кроме того, выдвинула новые. ³ Однако вопрос об авторе «Отрывка» еще рано считать решенным.

Гипотеза об авторстве Новикова у Г. П. Макогоненко и Л. В. Крестовой основывается, как будет показано ниже, на ряде ошибочных положений. Основная их ошибка заключается в принципиальном игнорировании художественной формы произведений, автора которых надо установить.

Вступая в борьбу за Новикова-писателя, Г. П. Макогоненко объявляет свой план исследования: это — анализ «идейного со-

¹ «Исторические записки», 1953, № 44, стр. 253—287. То, что автором «Писем к Фалалею» является Фонвизин, я считаю доказанным работами А. Н. Лурье и И. В. Исакович (см. «Ученые записки ЛГУ», 1939, № 47) и теми аргументами, которыми их дополняет П. Н. Берков (История русской журналистики XVIII в., М.—Л., 1952, стр. 194—195). К пересмотру вопроса об авторстве писем к Фалалею Л. В. Крестова не привлекла сколько-нибудь веских данных. Этому вопросу мы не будем касаться.

² Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, гл. VI, стр. 227—270.

³ Выводы Г. П. Макогоненко и Л. В. Крестовой (еще до опубликования статьи) принял Д. Д. Благой и включил их в свой учебник для вузов по истории русской литературы XVIII века (изд. 2-е, М., 1951, стр. 287; ср. изд. 3-е, М., 1955, стр. 258).

держания произведений, истории журнальных редакций и авторской правки текста, изучения новиковского отношения к делу писателя, автора, его печатных высказываний об анонимности как одном из моментов своего понимания общественного дела писателя». ⁴ Как видим, в этой программе отсутствует анализ художественного метода, языка и стиля писателя.

Обходит вопросы художественной формы и Л. В. Крестова.

Оба исследователя не обращаются к анализу стиля и языка «Отрывка», который был сделан В. П. Семенниковым. ⁵

Уделив рассмотрению этой части работы Семенникова несколько строк, Г. П. Макогоненко не принимает и не отвергает ничего в частности, а просто перечеркивает все одним словом «формализм». ⁶

Л. В. Крестова отказывается рассматривать анализ Семенникова, утверждая, что это лишь «соображения, основанные на сходстве словарного материала». ⁷

Также отвергает Г. П. Макогоненко работы молодых исследователей А. Н. Лурье и И. В. Исакович, анализирующих особенности языка и стиля «Писем к Фалалею» в сравнении с произведениями, безусловно принадлежащими Фонвизину и написанными в тот же период. ⁸

Иронизируя всячески над «кардинальным вопросом» сходства, ⁹ Г. П. Макогоненко отвергает необходимость сопоставления «Отрывка» с другими произведениями Радищева и «Писем к Фалалею» с другими произведениями Фонвизина. Ироническое отношение к «кардинальному вопросу» сходства по сути дела означает, что Г. П. Макогоненко отвергает изучение стиля писателя.

Игнорирование художественной формы привело к тому, что Г. П. Макогоненко и Л. В. Крестова пошли методологически неверным путем при анализе идейного содержания художественного произведения.

Они видят идейное содержание «Отрывка» не в общей картине рабства и бедности, которую рисует «Отрывок» в целом, а в отдельных высказываниях, в частных утверждениях. Г. П. Макогоненко опирается в основном на сообщение путе-

⁴ Г. П. Макогоненко, ук. соч., стр. 238.

⁵ В. П. Семенников. К истории создания «Путешествия из Петербурга в Москву». Сб. «Радищев», М.—Пгр., 1923, стр. 319—364.

⁶ Г. П. Макогоненко, ук. соч., стр. 241.

⁷ «Исторические записки», № 44, 1953, стр. 261.

⁸ «Ученые записки ЛГУ», № 47, 1939, стр. 44—68 и 68—76.

⁹ Г. П. Макогоненко, ук. соч., стр. 255.

пешественника о том, что он собирается из деревни Разоренной в деревню Благополучную:

На другой день, поговоря с хозяином, я отправился во свой путь, горя нетерпеливостью увидеть жителей *Благополучной деревни*: хозяин мой столько наставлял мне доброго о помещике той деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных.¹⁰

Основываясь лишь на этой фразе, Г. П. Макогоненко находит, что в «Отрывке» заключена идея «урегулирования» отношений между помещиком и крестьянином на началах патриархальных, как отношений между „отцами“ и „детьми“». ¹¹

Он сближает «Отрывок» с «Рецептами» Новикова в «Трутне» 1769 года (лист XXIV) и его же статей «В новый год новое счастье» в «Трутне» 1770 года (лист II), где, действительно, помещикам-тиранам противопоставляется идеал помещика-отца.

Г. П. Макогоненко не чувствует или, может быть, не хочет показать, что чувствует несоответствие между трагизмом первой части «Отрывка» и примиряющим смыслом заключительной фразы, будто где-то существует иная, благополучная, жизнь. Исследователь даже не ставит вопроса о противоречивости высказываний, не обращает внимания и на полное несоответствие текста в конце «Отрывка» с относящейся к нему сноской. «Отрывок» заканчивается сообщением автора, что хозяин-крестьянин «столько наставлял . . . доброго о помещике той деревни (Благополучной, — Н. Б)», что путешественник заранее радуется предстоящей встрече с «благополучными крестьянами». В сноске же к этому абзацу сказано, что разговор с крестьянином не приводится «по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может». Очевидно, содержание разговора опущено по цензурным соображениям, на это и указывает автор.

Л. В. Крестова опубликовала свою работу после того, как П. Н. Берков, возражая Г. П. Макогоненко, обратил внимание на несоответствие содержания и стиля первой и второй частей «Отрывка» и выдвинул предположение о сознательном смягчении издателем «Живописца» Новиковым второй части (поправки и внесение своей концовки).¹² Л. В. Крестова, не рас-

¹⁰ Здесь и в дальнейшем текст «Отрывка» дается по «Живописцу», изд. 2-е, незначительное отличие текста от 1-го издания принято во внимание (Сатирические журналы Новикова, М.—Л., 1951, стр. 332).

¹¹ Г. П. Макогоненко, ук. соч., стр. 242.

¹² П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 202—203.

смастривая, отвергает предположение П. Н. Беркова, так как, идя дальше Г. П. Макогоненко, она находит идею «урегулирования», или противопоставление жестокого помещика доброму уже в первой части «Отрывка».

«В самом начале „Отрывка“, — пишет Л. В. Крестова, — автор отмечает, что он описывает только „некоторые села, деревни и помещиков их“. Следовательно, путешественник знает как о таких деревнях, где господствует „бедность крестьянская“, так и о таких, где живут „благополучные“ крестьяне. Подобное противопоставление было в высшей степени присуще Н. И. Новикову, бичевавшему помещиков-„тиранов“ в противовес помещикам-„отцам“».¹³

Однако, если обратиться к тексту «Отрывка», картина получается несколько иная:

По выезде моем из сего города, — пишет автор «Отрывка», — я оставался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали, но в три дни сего путешествия ничего не нашел я, похвалы достойного. *Бедность и рабство* повсюду встречались со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение.

Маленькие, покрытые соломою хижины из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие адоньи хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны.

Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! Тебя не знают в сих поселениях. О господство! Ты тиранствуешь над подобными себе человеками... С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина перся моим руководством!¹⁴

Выхваченная Л. В. Крестовой фраза в контексте получает совершенно иной смысл: путешественник, видевший за три дня множество бедствующих сел и деревень собирается описать только «некоторые». Слово «благополучные», взятое Л. В. Крестовой в кавычки, сбивает с толку читателя ее статьи, — этого слова нет в первой части «Отрывка», где речь идет только о «бедности крестьянской». Это слово взято ею из второй части.

¹³ Л. В. Крестова, ук. соч., стр. 262.

¹⁴ Сатирические журналы Новикова, стр. 295. — Разрядка моя, — Н. Б.

Таким образом, попытка Л. В. Крестовой найти опору для своей точки зрения в первой части «Отрывка» не является убедительным подкреплением позиций Г. П. Макогоненко, основывающего свой вывод исключительно на второй части «Отрывка».

Идейное содержание «Отрывка» сводится у обоих исследователей, развивающих гипотезу об авторстве Новикова, к последней заключительной фразе второй части.

Допустим, что автор «Отрывка» (кто бы он ни был) действительно убежден в существовании благополучных деревень. Но ведь благополучная жизнь крестьян не показана (и, как известно, так и не была показана впоследствии). Мы имеем дело только с изображением бедственного положения крестьян и судим и должны судить об «Отрывке» именно по этому изображению.

Широкая и мрачная картина бедственного положения крепостных крестьян, проникнутая чувством возмущения и негодования, была выступлением не против Григория Терентьевича, не против помещиков-тиранов, а против крепостного права вообще.

Антикрепостническую суть «Отрывка» отметил Н. А. Добролюбов. Он говорил, что «Отрывок» ставит под сомнение «законность самого принципа крепостных отношений».¹⁵

Именно как выступление против крепостного права восприняла «Отрывок» и часть современников.

Об этом свидетельствует «Английская прогулка» Новикова, написанная для того, чтобы истолковать «Отрывок» как выступление против злоупотребления «дворянским преимуществом» и как «порицание» «худых дворян»,¹⁶ т. е. с целью смягчить его антикрепостническую силу.

«Английскую прогулку», этот интереснейший для истории «Отрывка» документ, обходят сторонники авторства Новикова.

Об этом важном материале нам придется сказать подробнее ниже.

Итак, к чему же привело Г. П. Макогоненко, а затем и Л. В. Крестову невнимание к тексту «Отрывка» в решении вопроса об его авторе?

Прежде всего к неправильному пониманию идейного содержания произведения; к сглаживанию его социальной остроты, к затушевыванию его демократической основы.

Свои суждения относительно авторства Новикова оба исследователя основывают и еще на одном утверждении.

¹⁵ Н. А. Добролюбов. Русская сатира в век Екатерины. Полн. собр. соч. в 6 томах, т. II, Л., 1935, стр. 173—174.

¹⁶ «Живописец», 1772, лист 13 (Сатирические журналы Новикова, стр. 327—328).

Г. П. Макогоненко, например, указывает, что в основании «Отрывка» и «Путешествия из Петербурга в Москву» «положены две глубоко различные и враждебные друг другу идеи. «Путешествие» Радищева строится на революционной идее, «Отрывок» — нет, следовательно, «Отрывок» написан не Радищевым, — говорит Макогоненко. Утверждение, что автором «Отрывка» является Радищев, по мнению исследователя, «искажает действительное положение вещей и принижает первого русского революционера».¹⁷

Действительно, революционной идеи в «Отрывке» нет. Но это не может быть доказательством против авторства Радищева.

«Отрывок» написан в 1772 году, его появление связано с беспорядком крестьян в России, с остротой крестьянского вопроса. «Путешествие из Петербурга в Москву» вышло в свет через 18 лет после «Отрывка». Начало работы над «Путешествием» отделено от «Отрывка» десятилетним промежутком. В это десятилетие произошло восстание под руководством Пугачева. В эти годы формировалось мировоззрение писателя. «Отрывок» мог писать молодой человек 23 лет, потрясенный при возвращении на Родину из-за границы положением народа. Над «Путешествием» работал накопивший богатый материал, переживший крестьянское восстание и сделавший из него свои выводы зрелый писатель.

Л. В. Крестова стремится подкрепить слабые места концепции Г. П. Макогоненко, учитывая критику в его адрес. Она утверждает, например, что Радищев будто бы уже в 1773 году обнаруживал революционность. Л. В. Крестова говорит об этом осторожно, избегая употреблять такие слова, как *революция* или *восстание*: «Он еще в 1773 г. — в примечании к переводу Мабли — отмечал право народа на активное действие», в то время как для автора «Отрывка» «народ — это пассивная забитая масса».¹⁸

Но в примечании Радищева к переводу Мабли говорится о правах народа (не русского народа, а народа вообще) в государстве (не в России, а в идеальном государстве, где, как подчеркнуто Радищевым, «*государь есть первый гражданин народного общества*»)¹⁹. Закон — вот основа отношений между народом и государем, нарушение закона государем дает право народу судить его. Такова основная мысль примечания. О революционной активности в нем нет и речи.

¹⁷ Г. П. Макогоненко, ук. соч., стр. 242—243.

¹⁸ Л. В. Крестова, ук. соч., стр. 261.

¹⁹ А. Н. Радищев, Избранные сочинения, М., 1952, стр. 3.

Пытаясь представить дело так, будто Радищев в 1773 году смотрел на народ так же, как и в 80-е годы, Л. В. Крестова забывает что мировоззрение не есть «нечто законченное, не содержащее никаких противоречий»,²⁰ т. е. это те же слова, которыми она сама упрекала Г. П. Макогоненко в упрощенном подходе к мировоззрению Новикова (Новикова, но не Радищева!).

Неверно представление обоих исследователей об отношении писателей-издателей журналов к писателям — участникам журналов.

Отношения между издателем журнала и писателями — сотрудниками журнала — в XVIII веке не были определены какими-либо законами. Во второй половине XVIII века затраты по изданию нес издатель журнала, и весь доход с издания принадлежал ему. Он мог делиться со своими сотрудниками по своему усмотрению. Все, что отдавалось издателю журнала, поступало в собственность данного журнала и могло переиздаваться в дальнейшем; разрешение автора для этого не требовалось.

Представление о «чужих» и «своих» сочинениях в 1770-х годах были еще не очень определены. Своим «сочинением» считались переводы и переделки чужого; встречается частичное использование текста чужого сочинения в своем без всяких ссылок и даже издание чужого сочинения при жизни автора без его ведома (правда, с извинениями в предисловии).²¹

На основе неверных представлений о том, будто в текст «Отрывка» во всех позднейших изданиях мог вносить правку только его автор, строится исследовательская часть работы Л. В. Крестовой.

Сличая тексты «Отрывка» и «Писем к Фалалею», напечатанных в 1806 году в «Московском собеседнике», с текстом их в «Живописце» 1772, 1773 и 1775 годов, Л. В. Крестова установила, что в «Собеседнике» в текст этих произведений внесен ряд поправок, а в «Отрывке» сделаны и композиционные изменения.

Из отмеченных Л. В. Крестовой существенными в «Отрывке» являются следующие поправки:

1) в тексте той части «Английской прогулки», которую можно было бы назвать рассуждением о положении крестьян

²⁰ Л. В. Крестова, ук. соч., стр. 271.

²¹ Эти наблюдения проведены при описании собрания изданий XVIII века Государственного литературного музея (около 4000 томов). Примером подобной практики может служить издание книги «Нрав кардинала Ришелье» (СПб., 1776), автор этого произведения не назван, но к нему обращается издатель.

и которая в «Московском собеседнике» присоединена к «Отрывку» и является как бы концовкой его, добавлены два существенные штриха, рисующие положение крепостных — телесные наказания и массовое бегство крестьян от помещиков;

2) выпущено все, что касается деревни Благополучной.

Эти поправки, действительно, усиливают критическое звучание «Отрывка». Верно, что это не случайные «безграмотные» поправки, какими показались они П. А. Ефремову.²² В этом Л. В. Крестова права.

Но неправа она в выводе: если Новиков правил текст, значит он автор «Отрывка».

Л. В. Крестова считает, что добавления в «Английской прогулке» восстанавливают первоначальный текст, измененный в 1772 году самим Новиковым по цензурным соображениям.

Но она не рассматривает публикацию «Отрывка» в «Московском собеседнике» с точки зрения восстановления пропусков 1772 года в целом.

В тексте «Английской прогулки» и «Отрывка» в «Живописце» 1772 года было пять пропусков — четыре в тексте «Прогулки» и один во второй части «Отрывка». Все пропуски в «Английской прогулке» были означены отточием. Два первых сопровождались сносками, в которых говорилось о необходимости редакционных пропусков по цензурным соображениям. Такая же сноска была дана во второй части «Отрывка».

В «Московском собеседнике» были сняты сноски только в тексте «Английской прогулки», сноска же в тексте «Отрывка» оставлена. При новой композиции «Отрывка» эта сноска приходится перед текстом из «Английской прогулки». В нее внесены некоторые поправки. «Я не включу <1772 — «включил»> в сей листок разговоров <1772 — «разговор»> путешественника со крестьянином по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может».²³ В данном случае в «Московском собеседнике» оставлено прямое указание на изменение, сделанное по цензурным соображениям. Никаких вставок в места, обозначенные отточиями или сносками без отточий, в тексте «Отрывка» в «Московском собеседнике» не сделано.

Единственное дополнение, внесенное в текст в «Московском собеседнике», — именно то, которое рассматривает Л. В. Крестова, — сделано выше отточия, которое тем не менее сохранено. Осталось также и отточие, обозначающее следующий затем

²² «Живописец», изд. 7-е (под ред. П. А. Ефремова), СПб., 1864, стр. 327.

²³ «Московский собеседник», 1806, ч. II, стр. 172.

пропуск в тексте «Английской прогулки».²⁴ Отточия выпали только там, где была произведена перекомпановка текста.

Рассмотрим, как изменился текст 1772 года в «Московском собеседнике» (варианты приводятся в угловых скобках):

«Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? *М. С.* Здесь описанному?» Кто посмеет *М. С.* Кто дерзнет утверждать, что сие злоупотребление недостойно осмеяния? *М. С.* Здесь описан помещик, не имеющий ни здравого рассудка, ни любви к человечеству, ни сожаления к подобным себе; и следовательно, описан дворянин, властью свою во зло употребляющий? И кто скажет, что худое рачение помещиков о крестьянах не наносит вреда всему государству. *М. С.*— Пусть выникнут в сие здравым рассуждением, *М. С.* :> тогда увидят, отчего останавливаются и приходят в недоимку государственные поборы. Отчего *М. С.* поборы; отчего> происходит то, что крестьяне наши бывают бедны, *М. С.* бедны;> отчего во дворянских поместьях имеется много изувеченных; отчего многие скитаются по лесам и степям без пропитания, оставив свои дома, родственников, друзей и все, что имеют; отчего упало скотоводство; отчего у худых помещиков и у крестьян их частые бывают неурожаи *М. С.* частые неурожаи> хлеба? Не все ли сие происходит от употребления во зло преимущества дворянского?»²⁵

Итак, говорить о восстановлении в «Московском собеседнике» всех редакционных пропусков 1772 года, сделанных по цензурным соображениям в тексте «Английской прогулки», нет оснований.

Даже если таким восстановлением счесть дополнение о наказаниях и бегстве крепостных, сделанное не на месте отточия, а выше, то и тогда следует говорить о восстановлении одного из пропусков.

Если, как утверждает Л. В. Крестова, правка 1806 года принадлежит Новикову и он сам восстановил в тексте «Английской прогулки» пропуски 1772 года, то ведь и снятая при этой правке фраза о деревне Благополучной должна была быть добавлена Новиковым в 1772 году, чтобы оградить «Отрывок» от цензуры, а это опровергает одно из основных положений Л. В. Крестовой.

Как ни соблазнительно предположение о восстановлении Новиковым первоначального текста в 1806 году, можно в этом усомниться: восполнив один из пропусков, он должен был бы восполнить и остальные.

Исправления в тексте несомненно принадлежат человеку, стоявшему на позициях защиты прав крестьянства. Л. В. Крестова, учитывая поправки в тексте, даже самые незначительные, не обратила внимания на такую поправку: «Бедность и рабство

²⁴ Там же, стр. 173, 174.

²⁵ Сатирические журналы Новикова, стр. 327—328.

повсюду встречаются «вместо вст р е ч а л и с я, — Н. Б.» со мною в образе крестьян». А эта поправка говорит о стремлении использовать в 1806 году действительную антикрепостническую силу «Отрывка», сказать при помощи этого произведения, написанного 34 года назад, о бедственном положении крестьян сейчас, в 1806 году.

Новый материал, который привлечен для доказательства, что автором «Отрывка» является Новиков, свидетельствует только об одном — о том, что отредактированный кем-то «Отрывок» через много лет после своего появления был вновь использован как яркое и смелое слово против крепостничества.

Л. В. Крестова выдвигает еще один довод в пользу авторства Новикова. Она пытается доказать, что «Отрывок» был связан с журнальной полемикой 1769 года. «Отрывок» является «полемическим выпадом» Новикова против журнала Екатерины II, утверждает Л. В. Крестова, и «был написан именно по тому плану, который намечался „Всякой всячиной“. По соображениям осторожности Новиков опубликовал его почти через три года».²⁶

Если мы обратимся к указанным Л. В. Крестовой страницам «Всякой всячины», то вместо обнаруженных исследовательницей сообщения о путешествиях, начинания, связанного с путешествиями, и плана путешествия, найдем две большие статьи, содержание которых совсем не имеет отношения к путешествиям. Одна из них (№ 96) иронизирует над общественными интересами передовых сатирических журналов и чернит главного противника Екатерины II в полемике — Правдулюбова — Новикова. Другая (№ 105) изображает острый момент полемики 1769 года, когда на «Всякую всячину», вслед за «Трутнем», набросились журналы «Смесь» (лист 12), «Адская почта» (июль—август), «И то и се» (28-я неделя, июль).

Сказанное в статье № 96 об отправке «в другую столицу» «послов», которые являются «глазами» и «ушами» журнала императрицы на всех «гуляньях, празднествах или иных народных собраниях»,²⁷ преследует лишь одну цель: показать, что императрице известны все факты общественной жизни Петербурга и Москвы. «Послы» проникают всюду, от них ничего не скроешь, и автор статьи № 96 дает понять, что ему известно, кто прячется под прозрачную «епанечкою правды»,²⁸ т. е. под псевдонимом Павдулюбова.

²⁶ Л. В. Крестова, ук. соч., стр. 282—284.

²⁷ «Всякая всячина», СПб., 1769, стр. 249

²⁸ Там же, стр. 251.

В другой статье (№ 105) говорится о тяжелом положении «послов» журнала. Они не успевают отвечать на перекрестные вопросы «детей, внучат и правнучат до четвертого колена». «Послы» «чуть не остались коротки на ответы за усталю», но, к счастью, они имели при себе «дневные записки своей езды», «которые много им послужили для довольствования желающих знать о часах выезда и приезда на каждой почтовой станции, так же о числе лошадей, о избах... о ночлегах и о прочем подобном».²⁹

Все упомянутые аксессуары почтовой езды, в которых Л. В. Крестова увидела план некоего путешествия, всего лишь элементы аллегории, изображающей столкновение «Всякой всячины» с другими журналами, а «дневные записки» — буквальный перевод слова «журнал».

Статьи «Всякой всячины», к которым обратилась Л. В. Крестова, вышли в самый разгар полемики 1769 года (июль—август). И Новиков тогда же, а не через три года, ответил на обе эти статьи Екатерины II, как ответил он ч на статью № 103 («Некогда читал некто следующую повесть»). Ответы его можно найти в XX и XXI листах «Трутня» от 8 и 15 сентября 1769 года (статьи №№ 33, 35, 37).

Итак, предпринятые в последние годы попытки решить вопрос об авторстве «Отрывка» в пользу Новикова не могут быть признаны удовлетворительными.

Пути решения вопроса лежат в изучении характерных особенностей творчества предполагаемых авторов.

Только при изучении языка и стиля писателя в целом можно найти характерные черты этого стиля в одном из его произведений. Разумеется, стиль писателя должен рассматриваться в развитии. Те, кто до сих пор отмечали стилистическое сходство «Отрывка» с «Путешествием» Радищева, допускали одну существенную ошибку — они отождествляли «Отрывок» с «Путешествием». Вместо того, чтобы выделить основное, сосредоточить внимание на характерных чертах стиля и особенностях «Отрывка», которые затем повторялись в других произведениях Радищева, исследователи проводили множество частных параллелей и сопоставлений. В конечном счете на «Отрывок» стали смотреть как на часть «Путешествия», на его начало (В. П. Семенников). Попытаемся пополнить историю создания «Отрывка» путем сравнения текстов «Отрывка» и «Английской прогулки» (напомним, что последняя не принималась во внимание сторонниками авторства Новикова).

²⁹ «Всякая всячина», стр. 270—271.

«Английскую прогулку» Новиков писал два месяца спустя после того, как вышла первая часть «Отрывка», и непосредственно перед тем, как была опубликована его вторая часть; она написана по поводу «Отрывка» и ради него: Новиков старается смягчить впечатление, произведенное первой частью «Отрывка». Помещая первую часть «Отрывка» в своем журнале, Новиков понимал, что это «блюдо» «приготовлено очень солоно»,³⁰ но, очевидно, не предвидел той реакции, какую вызовет «Отрывок». Судя по сказанному в «Английской прогулке», «Отрывок» вызвал возмущение одной части общества и одобрение другой.

Вероятно, Новикову было передано неодобрение Екатерины II, а может быть, он получил предупреждение о каких-либо мерах, предпринимавшихся в отношении журнала. Перед публикацией второй части «Отрывка» Новиков готовится к нападению цензуры: об этом свидетельствуют сделанные им в тексте «Английской прогулки» и последовавшего за ней «Отрывка» купюры и сноски, в которых он весьма ясно говорит о вынужденности уступок.

Почему статья Новикова, посвященная «Отрывку», названа «Английской прогулкой»? Это поясняется во второй части статьи. В ней говорится о «перенимании» у «иностранных» вообще и о вкусе в последнее время к английскому («Всё английское кажется нам теперь хорошо, прелестно, всё нас восхищает»). Сказав о пороках «иностранных», но также отметив и «добрые» свойства других наций, Новиков продолжает: «Некоторые из нас удивлялись шатавшимся провинциальным английским актерам, а своих имеем, которые равняются с наилучшими английскими актерами и актрисами, но, однако ж, они нам не удивительны потому, что они русские».

Следующий (последний) абзац поясняет, какое отношение все это имеет к «Отрывку»: «Когда ж всё английское в такой у нас превеликой моде, то для чего любители иностранных вкусов не почитают пятый ваш листок в английском вкусе написанным: там дворяне критикуются так же, как и простолюдины. Я сожалею, что вы в заглавии сего сочинения не написали: *Путешествие, в английском вкусе написанное*, может быть, что это название вместо порицания, привело бы его в моду». Затем «почтенный человек», от лица которого высказываются все суждения об «Отрывке», просил дать статье название «Английской прогулки».

Смысл предлагаемого заглавия ясен: критиковать надо так, как принято в Англии, то есть подвергать критике все обще-

³⁰ Сатирические журналы Новикова, стр. 298.

ственные группы без исключения. Свобода печати в Англии хорошо была известна русским читателям. «Путешествие, в английском вкусе написанное» означало свободную, беспристрастную критику.³¹

«Английская прогулка» писалась в напряженной атмосфере ожидания неприятностей в связи с публикацией «Отрывка» — произведения, уже осужденного за смелость и резкость. Чтобы закончить публикацию «Отрывка» и, вместе с тем, обезопасить и сохранить журнал, всё в статье должно было быть подчинено только этой одной основной теме, поэтому каждое слово «Английской прогулки» связано с «Отрывком».

Создание «Отрывка», как мы уже указывали, было связано с первыми, очень сильными и особенно контрастными впечатлениями Радищева от России после возвращения из-за границы.

Смотреть на «Отрывок» как на начало «Путешествия из Петербурга в Москву» нет оснований. Молодой Радищев, несколько месяцев назад вернувшийся из Лейпцига, не мог задумать такую большую книгу, как «Путешествие». Он еще мало знал о жизни народа в России. Он только начинал узнавать о ней. В «Отрывке» чувствуется жадный интерес путешественника к жизни крестьян: «... я останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали...», «не пропускал я ни одного селения, чтобы не спрашивать о причинах бедности крестьянской».³²

Активное стремление узнать правду о жизни народа вызывалось глубоким разрывом между патриотическими чувствами и ожиданиями молодого человека, готовившегося принять участие в улучшении жизни народа, и той действительностью, которая открывалась перед ним с первых же шагов по русской земле. «Вспомни о восторге нашем, когда мы узрели между, Россию от Курляндии отделяющую... — писал Радищев в «Житии Федора Васильевича Ушакова», — ... если кто, понимая, что есть исступление, скажет, что не было в нас такового и что не могли мы тогда жертвовать и жизнью и для пользы отечества, тот, скажу, не знает сердца человеческого. Признаюсь, и ты, мой любезный друг, в том признаешься, что последовавшее по возвращении нашем жар сей в нас гораздо умерило».³³

³¹ Напомним, что писал по этому поводу впоследствии Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Торжок» — «Краткое повествование о происхождении цензуры»): «Скончавшись, в 1694 году вольность печатания утверждена в Англии совершенно, и цензура, зевнув в последний раз, издохла» (А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 346).

³² Сатирические журналы Новикова, стр. 295.

³³ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. I, стр. 173.

Вот этот-то разрыв между ожидаемым и сущим и порождал чувство горечи и негодования, которым проникнут «Отрывок».

Первые впечатления, полученные в России уже давали толчок критической мысли, а в Петербурге молодого Радищева ожидало знакомство с итогами деятельности Комиссии (он не мог не интересоваться тем делом, к которому готовился). Эти итоги заключались не только в официальных отчетах, но в определенном, уже отстоявшемся общественном мнении о созыве и роспуске Комиссии и о дискуссии в ней по крестьянскому вопросу. Передовые сатирические журналы 1769—1770 годов, особенно «Трутень» и «Смесь», давали определенное освещение положению народа в России. Знакомство Радищева с опытом передовой мысли 1760 и 1770-х годов в крестьянском вопросе, пусть даже самое беглое, не могло не вызвать естественного желания увидеть жизнь народа своими глазами, услышать о ней от самих крестьян.

Своеобразной чертой Радищева является то, что он не только рисует жизнь народа как художник, но и изучает ее как исследователь. В «Отрывке» Радищев только приступает к изучению народной жизни, в «Путешествии» он выступает уже как историк, экономист, философ, словом, как ученый, хорошо знакомый с итогами своего и чужого изучения. Уже начало «Отрывка» говорит нам о сочетании взгляда художника, воспринимающего все обостренно чутко, с пронизательностью исследователя, стремящегося к накоплению и анализу материала.

Собственные живые наблюдения Радищев мог вынести из поездки к родителям в Верхнее Абязово (Саратовской губ.).³⁴

Знакомству же его с жизнью крестьян в России предшествовали годы изучения трудов западноевропейских просветителей, и в частности Мабли.³⁵ Учение Мабли о народном суверенитете и бесправное положение крестьян в России — вот что определяло позицию автора «Отрывка».

Своеобразие «Отрывка путешествия» заключалось в свободном направлении гражданских чувств, в смелом голосе, разоблачающем истинное положение угнетенного народа. Чувства

³⁴ Она подтверждается документально, см.: Г. П. Макогоненко. А. Н. Радищев и его время. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Л., 1955, стр. 17. Указав, что «рапорт пензенского воеводы свидетельствует, что Радищев, будучи дома, тяжело заболел», Г. П. Макогоненко на этом основании отрицает принадлежность «Отрывка» Радищеву. Но разве не известно, как фабриковались такие «рапорты» для продления отпуска.

³⁵ В. В. Мияковский. Учебные годы А. Н. Радищева. «Голос минувшего», 1914, № 5, стр. 91—95. — Ср. статью Ю. М. Лотмана «Радищев и Мабли» в настоящем томе, стр. 276—308. — *Прим. ред.*

путешественника направлены к убеждению других: выражение их публицистично.

Это отражается в напряженных интонациях авторских отступлений. Такой характер авторских отступлений — особенность стиля «Отрывка», которая встречается также и в «Путешествии из Петербурга в Москву». Но авторские отступления «Путешествия» более разнообразны по интонациям, более выразительны — словом, более совершенны.

Был ли «Отрывок путешествия в * * И * * Т * * » действительно отрывком — частью большого произведения? Нет. Он был самостоятельным произведением. Из чего это следует?

Стремление представить «Отрывок» в качестве части большого произведения («глава XIV») совпадало с традицией сатирических журналов Новикова вообще, которым свойственно большое разнообразие форм, при этом форм, как бы взятых из самой жизни: объявления, газетные сообщения («ведомости»), письма, рецепты, официальные документы и др. В таком же плане надо принимать «Отрывок». Композиция «Отрывка», особенно декларативный характер вступления, говорят о том, что перед нами начало некоего произведения, но в журнал было дано сочинение небольшого объема: в примечании к первой части «Отрывка» Новиков называет его «сочиненьцем».³⁶ «Сочиненьце» было названо автором, а вернее всего, автором вместе с издателем, «Отрывком путешествия в * * И * * Т * * ». Что скрывается под этими буквами и звездочками? Под первой, очевидно, название местности. Под второй и третьей некоторые исследователи пытались угадать имя и фамилию или псевдоним автора. Я полагаю, что слова, обозначенные И * * Т * * составляют часть заглавия.

Л. В. Крестова изменила заглавие, вынеся из него буквы «И. Т.» заменив при этом звездочки точками. «И * * Т * * » — не инициалы. Нигде в русских журналах этого времени вы не встретите инициалов действительных лиц в подписях с добавлением звездочек. В том же журнале Новикова имена и фамилии обозначаются начальными буквами с точками: В. Р. — Василий Рубан, П. П. — Павел Потемкин и др.

То, что Новиков назвал автора «Отрывка» в своем примечании к первой части «господином И. Т.», не дает оснований изменять название произведения. За этими буквами скрывается часть заглавия, а примечание Новикова позволяет понять, какая именно часть: эта часть заглавия называется, и не просто называет, а характеризует путешественника.

³⁶ Сатирические журналы Новикова, стр. 298.

Можно предположить, каким путешественником считал себя автор «Отрывка». Откровенно описывающий тяжелую жизнь своего народа, вопреки утверждениям Екатерины II о полном благоденствии ее подданных, путешественник стремился к установлению истины.

В начале «Отрывка» писатель восклицает: «Истина пером моим руководствует!». В примечании к первой части «Отрывка» Новиков дважды употребляет слово «истинный». Встречается оно и в «Английской прогулке». Возможно, звездочки были не в оригинальном тексте, а проставлены Новиковым, знавшим полное обозначение заглавия. Всё это наводит на мысль, что под буквою «И» с тремя звездочками могло скрываться слово «Истинный». Русский путешественник — истинный — кто? Может быть — т и р а н о н е н а в и с т н и к. Содержание «Отрывка» не противоречит этому. Убеждения Радищева, прямо высказанные в примечаниях к переводу труда Мабли, над которым писатель работал как раз в это время, поддерживают это предположение, но, конечно, настаивать на том, что под буквою «Т***» скрыто именно это слово, — нельзя.

Вопрос об авторе «Отрывка» пока еще остается открытым. Но думаем, что есть основания сказать: «Отрывок путешествия в *** И***Т***» преждевременно включать в издание сочинений Н. И. Новикова.

Е. П. ПРИВАЛОВА

А. Т. БОЛОТОВ И ТЕАТР ДЛЯ ДЕТЕЙ

Имя Андрея Тимофеевича Болотова хорошо известно советскому читателю. Никогда, кажется, научное и литературное наследство этого замечательного деятеля русской культуры второй половины XVIII века не изучалось так пристально, как изучается оно в наши дни. Тщательно отобранные, изданы и прокомментированы «Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике».¹ В статьях советских исследователей убедительно показана прогрессивная роль ученого в развитии отечественного естествознания. Мы узнаем о Болотове как о пропагандисте микроскопа в России: ему принадлежат четыре статьи о микроскопии, им была разработана методика наблюдения и заложены основы микрохимического анализа. «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков», остаются и сейчас важнейшим источником для изучения быта и нравов XVIII века. Правда, мы не имеем еще полного издания этого замечательного памятника русской мемуарной литературы и соответствующего современным научным требованиям комментария к нему. Однако неоднократные сокращенные издания записок А. Т. Болотова широко популяризировали его имя среди читателей. Литературоведами приведены в известность критические статьи Болотова. Не прошел мимо внимания исследователей богатый и сочный язык болотовских записок. Этой теме посвящена диссертация одного из советских лингвистов.²

¹ А. Т. Болотов. Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. Ред. статья, коммент. члена-корр. Акад. наук УССР И. М. Полякова и А. П. Бердышева. Изд. Московского общества испытателей природы, М., 1952, 512 стр.

² П. В. Бурба. Особенности лексики «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков». Автореферат диссертации. Киев, 1953, 16 стр. (Государственный университет им. Т. Г. Шевченко).

Однако в многогранной деятельности Болотова остается одна сторона, совершенно не освещенная нашей наукой. Мы говорим об участии его в детской литературе. Между тем творчество Болотова для детей интересно с нескольких точек зрения.

Во-первых, в его лице мы имеем одного из ранних русских детских писателей. Первые опыты Болотова в этой области относятся к началу 60-х годов, т. е. к тому времени, когда двадцатилетний помещик, оставив ненавистную военную службу, уединился в сельце Дворяниново и отдался любимым занятиям — чтению и литературному творчеству. В эти годы оригинальные детские книги насчитывались единицами, а переводные едва ли десятками. Произведения Болотова для детей увидели свет во второй половине 70-х и в начале 80-х годов, т. е. тогда, когда рост детской литературы в России только еще намечался.

Важно отметить и другое: Болотов не был в детской литературе случайным гостем. Он пришел в нее сознательно, руководимый серьезными принципиальными соображениями, и писал много, упорно и горячо.

Земное благополучие, — а Болотов умел ценить и добиваться его, — тесно связывалось в его сознании с мировоззрением человека, с его умением «правильно» ответить на те основные вопросы, которые ставит перед всяким мыслящим существом жизнь.

«Познание бога, мира и человека есть неоспоримо превосходнейшие, но вкупе и полезнейшие и нужнейшие познания из всех прочих познаний человеческих. Ибо что нужнее для нас, как знать того, кто бытию нашему причиною, и уметь на следующие вопросы отвечать: Что такое мы? Откуда от чего взялись? Где, в каких обстоятельствах и зачем живем и что с нами впредь будет? И когда не совершенно все сие знать, так по крайней мере, чтоб не быть в рассуждении сих пунктов совсем незнающим, а иметь хотя некоторое о том правильное и по нужде уже достаточное понятие».³

Болотов был искренне убежден в том, что он-то и обладал тем «правильным понятием», которое имеет «великие выгоды» делать человека «благополучным». В основе болотовского мировоззрения лежала религиозность. В его представлениях прекрасно уживалось ортодоксальное православие с явным влиянием протестантизма и немецкого идеализма. Религиозность Болотова

³ А. Т. Болотов. Детская философия, или нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей, т. I, Унив. тип., М., 1776, стр. XIII.

поддерживалась его социально-общественными взглядами. Преданный сын своего класса, Болотов всегда оставался принципиальным защитником крепостнического режима. Это не значило, что взгляды его на окружающую действительность были лишены критики. Несмотря на всю свою сдержанность и осторожность, Болотов позволял себе отдельные критические суждения о фаворитизме и Потемкине. Образ жизни паразитирующего дворянства заставлял его нередко задумываться и грустить о печальном будущем своего класса. Взыскательный и суровый хозяин, Болотов с негодованием говорил о чрезмерных жестокостях диких крепостников. Но в основе всей этой критики лежало одно соображение — забота об интересах дворянства. В сущности, вся многогранная и плодотворная деятельность Болотова как ученого-естествоиспытателя была вызвана задачей интенсификации сельского хозяйства. Без решения этой важной задачи немислимы были дальнейший рост и крепость дворянского корпуса. Для нас, свидетелей той большой работы, которую проделали советские ученые над изучением научного наследия Болотова, совершенно ясно сейчас, что мировоззрение его отнюдь не было столь цельным, как казалось когда-то читателям болотовских записок. Болотов-естествоиспытатель значительно выше Болотова-философа. Читая его научные труды, мы видим перед собою талантливую экспериментатора, сторонника идеи познаваемости мира, защитника роли опыта и практики в научном исследовании. Эти черты дали основание нашим ученым отнести Болотова в лагерь стихийных материалистов.⁴ Однако сам Болотов не чувствовал противоречивости своих взглядов. Он сумел сохранить монолитность миросозерцания, перекинув мост между своей деятельностью ученого и традиционным религиозным взглядом на мир. Таким мостом явилась идея целесообразности вселенной и сентиментальное восхищение «красотою природы».

Глубокая убежденность в своей правоте сделала Болотова горячим пропагандистом дорогих его сердцу идей. Естественно, что внимание его обратилось прежде всего на детей. Он стремился приобщить детей, «сих будущих заместителей наших мест», к той мудрости, которой сам обладал. Он мыслил «поспешествовать с сей стороны общей пользе».⁵

⁴ И. М. Поляков и А. П. Бердышев. А. Т. Болотов и его труды в области сельскохозяйственной и биологической науки. В кн.: А. Т. Болотов. Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике, стр. 426—474.

⁵ А. Т. Болотов. Детская философия, или нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, т. I, стр. X.

Из «Записок» Болотова мы знаем, как много времени отдавал он педагогической деятельности. Мы не говорим уже о том тщательном воспитании, которое он давал своим детям и внукам. Болотов постоянно вел занятия с племянниками и племянницами, брал на воспитание бедных родственников. Неустанно заботился об открытом в Богородицке пансионе для дворянских детей. Сам читал ученикам лекции по физике, геометрии и морали. Вел философские беседы с семинаристами. Организовывал волостное училище и ездил набирать для него учеников. Наконец, Болотов открыл театр, в котором играла руководимая им труппа детей.

Интерес к педагогике привел Болотова к детской литературе. Страстный любитель чтения, сам испытавший на себе его благотворное влияние, Болотов видел в книге могучее воспитательное средство. Он отдавал себе ясный отчет в тех трудностях, которые возникали перед каждым, кто пытался писать для маленького читателя. Детский писатель, по мнению Болотова, должен «входить во всю связь всей философической и некоторых других наук и извлекать из всех обширных ее частей, а особливо из физики и морали все нужнейшие и приличные к тому истины».⁶

Не менее сложна была и вторая задача: с детьми надо было говорить «так просто, предлагать все так хорошо, так ясно и располагать все материалы и перемены оным таким образом, чтобы они детям были, колико можно, понятны, и паче всего не скучны».⁷

Приведем перечень произведений Болотова для детей.

«Детская философия, или нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей» — первый опыт автора в детской литературе.

Начав «Детскую философию» в 1763 году, Болотов закончил последнюю, седьмую, часть ее в 1776 году. Этому произведению писатель придавал очень большое значение. Работа над этой книгой натолкнула Болотова на ряд научных изысканий. Так, разрабатывая раздел физики в «Детской философии», автор увлекся изучением электричества, сконструировал электрическую машину и приступил к лечению электричеством больных. Научная работа Болотова-ботаника началась с поисков доступного материала о растениях для детской книги. Из написанных семи частей увидели свет только две: первая в 1776 году,

⁶ Там же, стр. XVI.

⁷ Там же, стр. XVI.

вторая в 1779 году. Переговоры о печатании «Детской философии» в университетской типографии послужили поводом для знакомства Болотова с Новиковым.

«Кунсткамера душевная» — начатая в 1772 году и не доведенная до конца детская энциклопедия в вопросах и ответах.

Пьеса «Честохвал», первоначально названная автором «Заыгалою», написанная в 1779 году, напечатана не была.

«Несчастные сироты, драма в трех действиях. Сочинена в Богородицке в 1780 г., напечатана в типографии Н. И. Новикова в 1781 г.»

Пьеса «Награжденная добродетель» (1781) в печати не появилась.

«Сельская академия» — незаконченная книга «о разных материях». Шесть первых «разговоров» были написаны в 1781 году.

В 1789 году Болотов набросал план детского журнала и даже заготовил материал для первых номеров его. Замысел остался неосуществленным. Мысль о журнале была вызвана тем, что в этом году прекратилась аренда Новиковым типографии Московского университета, вследствие чего окончилось издание «Детского чтения для сердца и разума».

По свидетельству М. П. Болотова, Андрей Тимофеевич высоко ценил свои пятнадцать томов, носивших название «Беседы деда с внуком». Произведение это до нас не дошло, и упоминаний о нем в болотовских записках нет.

Таким образом, Болотов работал по преимуществу над детскими пьесами и над книгами энциклопедического типа, которые должны были обогатить маленьких читателей фактическими знаниями и способствовать выработке их мировоззрения.

Настоящая статья ставит своей целью осветить одну сторону многогранной деятельности Болотова — его участие в создании театрального репертуара для детей.

Детские домашние спектакли не были редкостью в помещицком быту в те годы, когда Болотов приступил к организации театра. Во всяком случае, интерес детей к театральным постановкам был очень велик. Эта любопытная бытовая черта не раз отмечалась в литературе.

Автор «Драматического словаря» 1787 года говорит, что «мысль начать собирать российские оригинальные и переводные из разных языков драматические сочинения и делать им короткие по алфавиту описания» была вызвана настойчивыми запросами детей. Приехав в отдаленный от Москвы городок, автор словаря, сам страстный театрал, был поражен тем интересом к театру, который проявляли все члены семьи хозяина.

«Маленькие дети, — читаем мы в словаре, — резвясь подле меня завсегда, чем изъясляли мне свое усердие и привязанность, рассуждая со мною, спрашивали меня очень часто, какие забавы в Петербурге и в Москве, часты ли театральные представления, какие играют большие пьесы; но я, не зная всех наизусть, удовлетворял их любопытству наименованием только некоторых. Они, будучи сим недовольны, желали знать, кто которую сочинил, какая материя, чья музыка, когда представлена, удачно ли принята публикой».⁸

Интерес к детским спектаклям поддерживался сочинениями писателей-педагогов. В таком популярном среди русского дворянства педагогическом романе, как «Новое детское училище, или опыт нравственного воспитания» г-жи Жанлис, ряд страниц посвящен детскому театру. Французская писательница красноречиво доказывала воспитательную ценность спектаклей, поставленных силами детей: «Отрок не ведал и сам, как возлюбить чрез то добродетельные подвиги, при которых получил он только плескания в ладоши на театре». Здесь же давался конкретный совет, как создавать «сей новый род театральных штук», т. е. пьес для детей.⁹

Повод для организации домашнего театра дали сами дети. Молодежь города Богородицка, дети городничего, судей и других чиновников, увлекалась разучиванием отрывков из пьес и декламацией стихотворений. Подслушав случайно детские выступления, Болотов, «имея сам с малолетства приверженность к театральным зрелищам и упражняясь в молодости сам в подобных тому декламациях», сделал юным артистам ряд замечаний. Так возникла мысль о детском театре. В течение двух лет, с 1779 по 1781 год, при доме богородицкого управителя ставились спектакли, собиравшие частенько «одних благородных около 50-ти особ, а с прочими зрителями всего человек более двухсот». Во главе театра стоял сам хозяин. Он был в нем архитектором и столяром, и живописцем, и антрепренером, и режиссером, и автором.

⁸ Драматический словарь, или показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки. М., 1787, стр. 4

⁹ Новое детское училище, или опыт нравственного воспитания обоего пола всякого состояния юношества; содержащий препознейшие наставления к образованию разума и сердца и совершенному нравственному воспитанию, представленные в изящнейших письмах, сочинениях весьма известного и прославившегося своими касающимися до воспитания и других предметов нравственности графинею Жанли, т. I. СПб., 1792, стр. 224—226.

Первой заботой Болотова было приспособить под театр одну из просторных комнат богородицкого дворца. Когда спектакли умножились и приобрели известность в округе, в театр был превращен один из дворцовых сараев. Крепостные маляры, столяры и плотники соорудили под руководством Болотова «с надлежащим возвышением сцену», двойные кулисы, партер и «помосты позади оного для прочих зрителей, о многих лавках и ступенях». В результате получился заправский театр, «театрик как водится», по выражению одного из зрителей. Импозантный характер театру придавал также оркестр, встречающий публику «громкой симфонией».

Группа состояла из детей разных возрастов. Главные женские роли играла дочь хозяина Елизавета, юная девушка «нарочито уже возраста и лицом собою прекрасная». Роли стариков удачно исполнял тринадцатилетний болотовский воспитанник Сезенев. Общим любимцем зрителей был маленький сын Болотова — Павел. Принимали участие в труппе и дети дошкольного возраста. На их долю доставался дивертисмент. Спектакли заканчивались балетом, «пропрыганным малютками». Сам Болотов выступал обычно в роли главного положительного героя.

Много энергии уходило на изготовление декораций. Над ними трудился не только сам руководитель театра, но и крепостной живописец, а также вся детская труппа. Характерно стремление Болотова подойти как можно ближе к натуре, создать у зрителя полную иллюзию реальности. Труды художника не пропадали даром. «Великий гром биением в ладоши» встречал поднятый занавес. Особенно восхищались зрители открывшимся перед ними морским пейзажем и подплывающим к острову кораблем, как две капли воды похожим на настоящее судно. «Декорация сия не постыдна была и для лучшего городского театра», — с гордостью писал Болотов.¹⁰

Но самым трудным и ответственным был выбор репертуара. Для начала Болотов обратился к общей театральной литературе.

Репертуар болотовского театра был достаточно богат и разнообразен. Спектакли открылись постановкой пьесы Хераскова «Безбожник». Произведение это, написанное еще в 1761 году, продолжало старую традицию школьных назидательных драм первой половины XVIII века. Далее ставился ряд комедий Сумарокова: «Три брата совместника», «Приданое обманом», «Рогоносца по воображению». Проскользнули в болотовском репертуаре «Отгадай, не скажу», комедия М. Попова, автора,

¹⁰ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков, т. III. СПб., 1872, стлб. 903.

чуждого эстетике Сумарокова, и «довольно забавная» пьеса «Подражатель», написанная неизвестным автором, жителем города Дмитрова. Тяга Болотова к русскому репертуару несомненна. Это не мешало ему увлекаться старой пьесой Ле-Грана «Новоприезжие» в переделке А. Волкова и переведенной с французского веселой и популярной комедией «Необитаемый остров».

Болотов со свойственным ему педагогическим чутьем должен был скоро понять, что постановка подобных произведений силами детей была делом нелегким: «Возраст детей величайшие предлагал к тому препоны», не говоря уже о том, что юным артистам надоело по многу раз выступать в одних и тех же вещах. Болотову удалось хорошо сформулировать требования к пьесе для детского театра. По его словам, он нуждался в «комедии, расположенной таким образом, чтоб все действующие в нем лица действительно сообразны были и с самыми летами, возрастом и свойствами тех детей, которые должны были представлять в ней разные роли».¹¹

Оставался один выход: взяться за перо самому. И вот Болотов берется за «предприятие, поистине отважное». Он приступает к созданию репертуара, посильного для детей-артистов. Результаты скоро показали неопытному, но смелому драматургу, что дело, взятое им на себя, не так уж сложно: «Против всякого чаяния полилась материя из пера моего, как река», — не без самодовольства пишет Болотов в своих мемуарах.¹²

Так обогатился детский театр тремя болотовскими пьесами. Говоря о своей первой комедии «Честохвал», автор отмечает в ней обилие «морального, сатирического и комического» элемента. Ее цель — осмеяние лгунов, хвастунов, невежд и молодых волокит. Им противопоставлены «добродетельные деяния» примерных детей. Последняя и наиболее любимая автором пьеса «Награжденная добродетель»¹³ ставила задачу изобразить в главном лице «характер наиболее добродетельнейшего человека». Преследуя воспитательную цель и никак не отказываясь от прямой и примитивной назидательности, Болотов, тем не менее, сумел оразить в своем творчестве и живую действитель-

¹¹ Там же, стлб. 871.

¹² Там же.

¹³ Пьеса Болотова дошла до нас лишь в автографе, хранящемся в Отделе рукописей ГПБ в собрании Помяловского (см.: Д. И. Абрамович Каталог собрания рукописей профессора И. В. Помяловского, ныне принадлежащих императорской Публичной библиотеке. СПб., 1914, стр. 49). — Там же находится и автограф «Несчастливых сирот» (стр. 49—50). — *Прим. Ред.*

ность, которая, правда, пока еще очень робко завоевывала себе место в произведениях для детей. В этом отношении несомненный интерес представляет драма в трех действиях «Несчастные сироты».

Рассматривая пьесу Болотова как одно из звеньев русской драматургической литературы для детей, мы должны поставить перед собой следующие два вопроса. Какое место занимало это произведение в литературном процессе того времени? Что нового внесли «Несчастные сироты» в детскую театральную литературу 70—80-х годов?

Обратимся к содержанию пьесы. Молодая девушка Серафима и маленький брат ее Ераст живут в семье их дальнего родственника Злосердова. Злосердов стремится завладеть состоянием сирот. С этою целью он хочет женить своего сына Митрофана на Серафиме, а Ераста каким бы то ни было способом извести. Жестоким преследованиям подвергается со стороны Злосердовых Родивон, преданный слуга несчастных сирот. Родивона назначают лесником и заставляют под страхом наказания выполнять непосильный урок — рубить дрова, а также отвечать за целостность барских угодий. Митрофан делает все возможное, чтобы подвести слугу под наказание. В имение Злосердовых случайно попадает добродетельный граф Благодравов. Он влюбляется в Серафиму. Родивон рассказывает ему о судьбе несчастных сирот. Уезжая, граф велит преданному слуге дать ему знать, если Серафиме и ее брату будет грозить опасность. Тучи над головами сирот сгущаются. Злосердов запирает Серафиму и требует в течение получаса согласия на брак с Митрофаном. Девушка отвечает отказом. Злосердов велит послать за священником, чтобы обвенчать Серафиму насильно. Ераст помогает сестре уйти. Мальчику грозят жестокой расправой. Не спасает Ераста даже жестокая болезнь. Он отравлен пирогом с мухоморами, которым угостил его Митрофан. Родивона грозят засечь до смерти. Верный слуга произносит горячую речь, обличая тиранов. Графский лакей, пришедший извиниться за причиненные убытки и испросить прощение невинному леснику, становится свидетелем издевательств Злосердова над сиротами. Слуга спешит сообщить обо всем своему господину. Является граф в сопровождении отряда солдат с офицером во главе. Благодравов именем государя велит офицеру арестовать Злосердовых. Ерасту дают противоядие. Граф делает предложение Серафиме.

В научной литературе достаточно подробно изучены комедии, вышедшие после «Недоросля» и принадлежащие к фонвизинской школе. Неоднократно указывалось также и на то, что

для зрителей, современников Фонвизина, многое в его комедии было хорошо знакомо. Все главные фонвизинские персонажи не раз уже появлялись в более ранних пьесах. К таким пьесам, имеющим точки соприкосновения с «Недорослем», относятся и «Несчастные сироты». Можно наметить следующие сюжетные мотивы, сближающие оба произведения: 1) состоятельная девушка-сирота находится во власти жадных и способных на всякий произвол родственников; 2) родственники из корыстных побуждений замышляют женитьбу хозяйского сына на девушке-сироте, не останавливаясь при этом даже перед насилием; 3) злодеи разоблачены проезжим господином, который является носителем правды и благородства; 4) злодеи подвергнуты наказанию. Арест в одном случае и наложение опеки в другом организованы тем же господином, а осуществлены проходившим мимо воинским отрядом.

Общность сюжетной схемы обеих пьес не говорит еще ни о влиянии, ни о заимствовании. Оба автора наблюдали одну и ту же действительность. В окружающей их жизни факты, рассказанные великим комедиографом и скромным автором пьес для домашнего детского театра, не были редкостью. Но известную роль могла играть и литературная традиция. Невинность в сетях порока, добродетельная девушка-сирота, воспитанница корыстолюбивых и деспотичных родственников — мотив, часто встречающийся в театральном репертуаре XVIII века. Подобная ситуация положена в основу сумароковских комедий «Опекун» и «Лихоимец». Происки Злосердовых против Ераста напоминают поступок Чужехватова, героя «Опекуна», с одним из близнецов, наследников большого состояния.

Обратимся к дальнейшему идейному и художественному анализу болотовской пьесы.

Главным героем драмы Болотова является помещик Злосердов. Фамилия вполне определяет его внутреннюю сущность. Это злодей в полном смысле этого слова, корыстолюбец, самодур и тиран. Его месту в болотовской пьесе соответствуют роли Чужехватова и Кашея у Сумарокова, хотя по своему характеру Злосердов ближе к типу дикого и невежественного помещика в стиле Скотинина, чем к ханже и лицемеру — герою «Опекуна». Роль Злосердова выпадает в «Недоросле» на долю Простаковой. Их роднит между собою не только положение, в котором они очутились, но отчасти и черты характера. Но в лице Простаковой Фонвизин сумел дать подлинно реалистический образ, вложив в него громадную силу обобщения и обнаружив его социальную сущность. Болотов, со свойственной ему идейной ограниченностью, не мог даже приблизительно стать на путь

автора «Недоросля». Злосердов просто одержимый порочными страстями злой человек, связь которого с породившими его уродливыми социальными условиями никак не показана. Нет в нем и положительных, человеческих черт фонвизинской героини. В этом Болотов стоит ближе к своему учителю — Сумарокову.

Митрофану Простакову соответствует у Болотова его тезка — Митрофан Злосердов. Помимо имени, их роднит и ситуация, в которой они находятся: оба хозяйские сынки, оба не прочь жениться, хотя бы и насильно, на состоятельной сироте. Во всем остальном фонвизинский Митрофан, хам и невежда, типичный недоросль, ничем не напоминает болотовского героя. Митрофан Злосердов — как бы другая сторона своего папаша. Если Злосердов-отец — вспыльчивый самодур, который от малейшего противоречия приходит в ярость, «как загорел огонь поल्या», то Злосердов-сын — коварный и низкий пройдоха, не останавливающийся ни перед чем для достижения своей цели. Именно он, а не отец, отравляет Ераста мухоморами. Серафима дает Митрофану исчерпывающую характеристику. По ее словам, он «скарעד», «изверг естества», «негодяй», «глупец, который уже о сю пору непотребствует и погружен во все пороки». Характерно, что Болотов наделяет своего отрицательного героя еще одним недостатком, который в глазах благочестивого автора кажется самым ужасным из всех. От Серафимы мы узнаем, что Митрофан не чужд атеистических мыслей. Он «презирает и поносит» бога. В этом отношении болотовский Митрофан напоминает Руфина, героя комедии Хераскова «Безбожник».

Если в основном характеры ведущих персонажей «Несчастливых сирот» и «Недоросля» не во всем совпадают, то в отдельных проявлениях их душевной жизни, в деталях их поведения, наконец просто в манере выражать свои мысли чувствуются родственные черты.

И Злосердовы и Простаковы корыстолюбивы. Они спят и видят, как бы овладеть состоянием своих беззащитных питомцев. Интересно, как раскрывается эта черта в обеих пьесах.

Словом не мы ему дороги, а наши деревни, — говорит о Злосердове Серафима. — Они прельщают его до бесконечности; ему их-то прибрать к рукам хочется.¹⁴

¹⁴ А. Т. Болотов. Несчастливые сироты, драма в трех действиях. Сочинена в Богородицке, в 1780 г. М., в Унив. тип. у Н. Новикова, 1781, стр 18. В дальнейшем цитируется сокращенно: Несчастливые сироты

В последнем действии девушка еще раз возвращается к той же мысли:

Не я ему нужна, а наши деревни.¹⁵

Родивон, рассказывая графу о насилии Злосердовых над сиротами, говорит:

По всему видимому, есть у дядюшки его с сыном на уме посредством сей женитьбы каким-нибудь образом прибрать к себе все его деревеньки.¹⁶

Вспомним страницу из «Недоросля».

Г-жа Простакова. Неужели тебе эта девчонка так понравилась? Скотинин. Нет, мне нравится не девчонка.

Простаков. Так по соседству ее деревеньки?

Скотинин. И не деревеньки, а то, что в деревеньках ее водится, и до чего моя смертная охота.¹⁷

В живом, выразительном, богатом интонациями фонвизинском диалоге полностью вскрывается психология Скотинина и Простаковых. Лаконичное, несколько сухое утверждение Серафимы «не я ему нужна, а наши деревни» как бы получает здесь свое дальнейшее развитие.

Злосердов и Простакова — оба страшные люди, но страшны они по-разному. Читая «Недоросля», мы ясно сознаем, что весь ужас показанного автором общественного уклада заключается в том, что семья Простаковых отнюдь не составляла исключения. Простаковых и Скотининых было много. Злосердов же изображен автором как «изверг естества», как явление из ряда вон выходящее, существующее безотносительно к той среде, с которой он связан и которая его породила. Дело здесь не только в том, что Фонвизин как большой художник показал зрителю типичные черты современности. Много зависело, конечно, и от разных точек зрения, с которых оба автора рассматривали окружающий их мир социальных отношений. Болотову был чужд гражданский пафос Фонвизина. В глазах автора Злосердов прежде всего злодей, а потом уже крепостник. Характерно, что Злосердов неистовствует не столько среди рабов, сколько среди своих дворянских родственников. По отношению к отпрыску благородного рода Ерасту дядюшка тоже применяет «щипанцы, толчки и проклинания ежеминутно». Плети и арапники в его практике постоянные атрибуты. Речь Злосердова пестрит выражениями, вроде следующих: «Размучу всех!»;

¹⁵ Там же, стр. 83.

¹⁶ Там же, стр. 83.

¹⁷ Д. И. Фонвизин. Недоросль. В кн.: «Русская комедия и комическая опера XVIII столетия». Изд. «Искусство», М.—Л., 1950, стр. 315.

«Ключьями полетит мясо, только дай мне дорваться до него»; «Растерзаю мошенника и, подымая за ногу, так о дерево и тяпну»; «О ракалия! Люди, подай плетей, раздевай его!»; «Исторгну дух твой из сего злодейского тела!»; «Да за волосы! Слышите! Так и тащите!» Эти угрозы направлены столько же на преданного раба Родиона, сколько и на Ераста с Серафимой.

Тема крепостничества для Фонвизина была центральной темой. Болотов только коснулся ее, рассматривая своих героев преимущественно как носителей общечеловеческих пороков и добродетелей. И всё же те места, где автор пытается раскрыть перед читателем психологию барина-крепостника, лучшие в пьесе.

Злосердов остро реагирует на приход графского слуги. Самодур-помещик видит в заступничестве графа за Родивона недопустимое посягательство на свои права.

Слушай, слуга! — вопит Злосердов. — Скажи ты своему господину, граф ли он, князь, мне нужда невелика! По мне он хоть бы раскнязь, а луг мой и вытравлять его не годилось бы. А с своими уставами он в чужую церковь не ходи: лесник мой, и я, что хочу, то с ним и делаю. Ему не годится мне указывать.¹⁸

Деспот-помещик так не привык даже к самым мягким формам вмешательства в свои дела, что буквально ошеломлен всем происшедшим. К словам графского посланца он возвращается не раз:

Великий чорт! Граф! Видал я этаких графов, баронов и князей довольно! Подъехал чем! Не секи-де я лесника! Укажет он мне! Вот еще какой! Для этой просьбы прибавлю еще более. Благо все кстати одно к одному.¹⁹

Дикие вопли и неистовые угрозы Злосердова действуют на нас меньше, чем эта маленькая сценка. Там перед нами, действительно, «изверг естества». Здесь живой человек. В этой сцене мир Злосердовых созвучен миру Простаковых и Скотининых, ярко выраженному в знаменитом диалоге:

Правдин. А за что вы хотите наказывать людей ваших?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! это что за вопрос? Разве я не властна в своих людях?

Правдин. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин (2-же Простаковой). Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

¹⁸ Несчастные сироты, стр. 105.

¹⁹ Там же, стр. 107.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен! Да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства? Стародум. Мастерца толковать указы! ²⁰

Болотов дает в зародыше то, что на широком социальном фоне и глубоко показано в комедии Фонвизина.

В последнем действии драмы Болотова, которое, кстати сказать, самое сильное в пьесе и вместе с тем наиболее близкое к «Недорослю», заключительная сцена явно близка к фонвизинской. Психологии Простаковой и Злосердова здесь совпадают.

Граф застаёт Злосердова в момент его дикой расправы с сиротами.

Граф. Пойдите! Погодите на часок, государь мой! Еще успеете! (Все пугаются и люди покидают девицу). Что это такое? Государь мой, в чем это изволите упражняться?

Злосердов. А вы что пришли за указчики, и какая вам нужда?

Дальше действие продолжает нарастать и достигает своего кульминационного пункта:

Граф. Ах, злодей! Изверги естества! Своего ли вы затеяли. (К солдатам) Тотчас окружите обоих сих бездельников и ведите прямо в город. Сей же час представляю их пред суд и предаю наказанию, какое они по строгости законов заслужили. (Солдаты хотят вести).

Злосердов. (Не даваясь) Как! Меня! Здесь! Люди! Чего смотрите? ²¹

Помещик, не знающий преград своему произволу, растерян, чувствуя, как власть уходит у него из-под ног. Такие же чувства охватывают и Простакову, но кипучая натура ее долго еще не может уgomониться. Злосердов же больше не произносит ни слова.

Раскрытие порочного характера главного героя было основной задачей автора.

Гораздо меньше удался Болотову показ добродетельных персонажей. Серафима и Благодетель не живые люди, а схемы. Но трактовка этих схем очень показательна для миропонимания писателя.

Сирота-воспитанница Серафима — традиционный персонаж пьес того времени. Вспомним сумароковских героинь: Софью из комедии «Опекун», Изабеллу из «Лихоимца», Флориду из

²⁰ Д. И. Фонвизин. Недоросль. В кн.: Русская комедия и комическая опера XVIII в., стр. 362—363.

²¹ Несчастные сироты, стр. 122.

«Рогоносца по воображению», наконец фонвизинскую Софью. Образ Серафимы наделян всеми добродетелями, приличествующими ее полу и возрасту. Она скромна, чувствительна, невинна. Участь молодой девушки должна вызывать сочувствие зрителя. Ко всем ее качествам Болотов прибавляет еще одно: Серафима образована. Граф приходит в умиление, увидав в руках юной девицы нравоучительные книги «О красоте натуры» и «Христианин в уединении». «Какая невинность и украшенная еще разумом и охотою к чтению книг и книг еще столь полезных», — восклицает Благодоров.²²

Софья в «Недоросле» тоже читает. Стародум одобряет чтение племянницей трактата «О воспитании девиц», так как он написан рукой Фенелона, автора бессмертного Телемака. Выбор книг очень характерен: в первом случае назидательная литература, уводящая читателя в мир изысканных духовных наслаждений, во втором — имя автора, которое среди либерально настроенного дворянства воспринималось как причастное к политической оппозиции.

В пьесе Болотова граф Благодоров исполняет роли фонвизинских положительных героев — Правдина и Милона. Он женится на Серафиме, то есть тем самым осуществляет развязку сюжетной линии пьесы. Вместе с тем он является рукой правосудия, карающей злодеев. Но болотовский герой лишен той идейности, которая характерна не только для Правдина, но и для Милона. Правдин — носитель дворянской правды, разоблачитель «тех злонаправных невежд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют ее во зло бесчеловечно». Милон не просто жених и не случайно военный: он идеальный представитель армии, как его понимал Фонвизин. Благодоров не высказывает никаких политических суждений. Он действует от имени правительства. «Приказываю вам по данной от государя моего власти», — говорит граф солдатам. На основании чего дана ему эта власть — мы не знаем. Благодоров далек от мысли искоренить общественное зло. Граф арестовывает насильников, которые терзают бедных сирот, ребенка и юную девушку. Отчасти им руководят и личные соображения. Он влюблен в Серафиму.

Но Благодоров не только носитель судьбы, карающей пороки и венчающей добродетель. Он очень напоминает нам тех любителей природы и философических разговоров, тех прекрасных помещиков, с которыми так любил побеседовать

²² Там же, стр. 38.

Болотов. Вот монолог, вскрывающий душевный мир идеального графа:

Ах, какое это прекрасное место! — восклицает он, любясь прекрасной лужайкой. — Какая милая площадка! как нарочно сделанная для гульбища: истинно она достойна того, чтоб ею полюбоваться! Какое прекрасное зрелище представляет очам сия вода! сии берега! и эти горы! Ах! Natura! как ты в иных местах прекрасна, и какое утешение может принести умеющему тобою любоваться²³

Большую роль в пьесе Болотова играют слуги. Их много: Родивон, Марианна, Дмитрий и Ерофей. В них нет и тени того грубоватого реализма, который проглядывает моментами в образах сумароковских слуг. Мы не говорим уже о Еремеевне и Тришке в «Недоросле». В сравнении с ними слуги у Болотова — бледные тени, которые делятся на добрых и злых, в зависимости от того, кому они служат. Так, Ерофей, слуга Митрофана, не уступает своему господину в коварстве и подлости. Одним из центральных героев пьесы является Родивон. Недаром автор, любивший исполнять роли идеальных персонажей своих произведений, выступал перед публикой в образе Родивона. В его лице Болотов воплотил свой идеал преданного слуги. Родивон — личность героическая. Ради своих господ он готов пожертвовать жизнью. Вместе с тем образ Родивона — наиболее бледный в пьесе. Его гладкая, несколько приподнятая речь, совершенно лишенная каких бы то ни было элементов простонародности, значительно уступает живым диалогам отрицательных героев пьесы. «Недоросль» — острая политическая комедия, созданная рукой большого художника. «Несчастные сироты» — посредственная морально-бытовая пьеса, написанная дилетантом в художественной литературе и предназначенная для детского домашнего театра. И тем не менее трудно не заметить сходства между ними в трактовке отдельных сцен и положений.

По свидетельству автора, драма «Несчастные сироты» была написана с молниеносной быстротой: начатая 19 июля 1780 года, она была закончена 22-го того же месяца. В августе она уже шла на сцене. В 1781 году Новиков издал ее в университетской типографии. Книга вышла тогда, когда работа над «Недорослем» еще не была закончена.

Не есть ли перед нами еще один факт, характеризующий много раз отмеченную в науке черту творческой работы великого сатирика, его умение, оттолкнувшись от поразившей его

²³ Там же, стр. 31.

детали в чужом произведении, создавать картины большого обобщения и художественной силы?

«Несчастные сироты» не оставили сколько-нибудь заметного следа в литературе, тем не менее постановка подобной пьесы на сцене домашнего детского театра — факт немаловажный. Дело в том, что детский театральный репертуар в те годы был чрезвычайно беден. Первая попытка восполнить этот пробел принадлежала Новикову. В 1779 году в университетской типографии у Новикова был издан переведенный с французского «Театр для пользы юношества». В него вошли моралистические драмы и комедии Жанлис из жизни французской аристократии, а также небольшие сценки, в которых конфликты между добродетельными и порочными детьми разрешались при участии доброй феи. Год спустя, в апрельской книжке новиковского журнала «Утренний свет» за 1780 год, появилась пьеса «Награждение добродетели», принадлежащая перу русского автора.²⁴

Эта пьеса представляет особый интерес, потому что, являясь редкой для своего времени пьесой для детей из русской жизни, она была написана в тот же год, когда и драма А. Т. Болотова «Несчастные сироты».

Пьеса «Награждение добродетели» выходила отдельным изданием, а также вошла в состав анонимного сборника «Собрание трудов одного россиянина изданное в пользу училищ, заведенных издателями „Утреннего света“» (1781).

В. П. Семенников в статье «Литературно-общественный круг Радищева»²⁵ называет, не приводя доказательств, автором сборника Игнатия Антоновича Тейльса. Правота В. П. Семенникова подтверждается при сличении книг, вышедших за подписью И. А. Тейльса, с произведениями, вошедшими в состав анонимного сборника. Так, «Слово на день Всерадостного от прививания оспы выздоровления ее имп. величества...», изданное И. А. Тейльсом в 1771 г., почти дословно совпадает с «Похвальным словом Ее Императорскому величеству», включенным в «Собрание трудов одного россиянина».

Игнатий Антонович Тейльс (1744—1815) — сын Антона Вильгельмовича Тейльса, переселившегося из Голландии в Россию по приглашению Петра Первого. Один из братьев

²⁴ «Награждение добродетели», драма, представленная питомцами Александровского училища, заведенного в Санктпетербурге издателями Утреннего света и для них сочиненная. «Утренний свет», 1780, ч. VIII, апрель, стр. 346—383.

²⁵ А. Н. Радищев. Материалы и исследования. Изд. Акад. наук СССР, М.—Л., 1936, стр. 217—218.

И. А. Тейльса был Антон Антонович Тейльс, директор Московского университета, поэт, переводчик Паскаля в новиковском журнале «Утренний свет». В 60 и 70-х годах И. А. Тейльс служил преподавателем немецкого языка, а позднее секретарем Совета Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. В это время он был одним из издателей журнала «Приятное с полезным». Будучи масоном, Тейльс имел тесную связь с Н. И. Новиковым. В 1784 году Н. И. Новиков рекомендовал Тейльса в капитул масонского ордена в Петербурге. Есть основание думать, что И. А. Тейльс принимал участие в новиковском «Обществе старающихся о напечатании книг». Был он также деятельным членом «Общества друзей словесных наук».

Тейльсу принадлежит ряд книг, а также переводов, в том числе перевод «Дон Кихота» Сервантеса. В 1786 году Тейльс оставил Сенат, в котором служил, и переехал в Тверь, где получил место председателя Уголовного суда и директора народных училищ. Умер Тейльс в Белостоке, будучи сенатором, тайным советником и управителем Белостокской и Гарнопольской областей.

Несомненно, Игнатию Тейльсу, а не Антону Тейльсу, как указано в указателе Рогожина, принадлежит пьеса «Чувствование благотворений, драма с балетом, сочиненная в Твери и в высочайшем присутствии их имп. высочеств государей великих князей Александра Павловича и Константина Павловича, представленная питомцами Тверского дворянского училища 1787 г. июля 9 дня», изданная в 1787 году.

Анонимное «Собрание Трудов одного россиянина» подводит итог раннему периоду творчества И. А. Тейльса.

Таким образом, удастся установить еще одно имя среди деятелей детского театра XVIII века. Пьесы Тейльса интересны тем, что обе они построены на русском материале. Пьеса «Чувствование благотворений» отличается ярко выраженным панегирическим характером. Цель ее — восхваление Екатерины II, которая, по мысли автора, затмила своими делами даже Петра Великого. Действие происходит в пригородном тверском имении. В центре внимания два помещика: просвещенный граф Благомыслов и приверженец старины Старолесов. Граф восхищен вновь открытыми народными училищами. Старолесов с умилением вспоминает прошлое, когда дворяне не умели подписать своей фамилии, а дворянские детки довольствовались нянюшкиными сказками о Бове Королевиче и о Петре Золотые ключи.

Значительнее и богаче содержанием пьеса «Награждение добродетели». Ее герой Милосердов — человек наиболее благороднейший. Он посвящает свою жизнь заботам о страждущих и несчастных.

Завязкой пьесы «Награждение добродетели» служит преступление слуги Степана. Постоянов, барин, которому предан Степан, разорился благодаря легкомысленно проведенной молодости и зарабатывает хлеб сапожным ремеслом. Не будучи в силах смотреть на непосильный труд и бедность своего господина, слуга решается ограбить богатого приезжего барина Милосердова. Выслушав рассказ раскаявшегося Степана, Милосердов берет к себе семью Постояновых и их верного слугу.

В пьесе, рассчитанной на юного зрителя-разночинца или на детей обедневших дворян, последовательно проводилась мысль о том, что умный и добродетельный слуга должен играть роль друга и советчика молодого барина. Большинство персонажей драмы — простые люди: слуги, дети крестьян, живущие своим трудом обедневшие дворяне, мальчик-пастух. В центре пьесы живой, вызывающий симпатии зрителя образ Степана. Интересна речь его, пересыпанная пословицами, поговорками и диалектизмами. Положительный герой Милосердов не удался автору. Образ его значительно снижается в сцене ограбления, когда Милосердов проявляет невероятную трусость и растерянность. Любопытная бытовая черта: добродетельный богач отдает деньги в рост, чтобы обеспечить образование взятым на свое иждивение детям Постоянова. Несмотря на то, что действие протекает в Московском уезде, пьеса, в сущности, лишена местного колорита. Отсутствует на ней и печать времени. Отдельные удачные сцены не меняют общего впечатления. Пьеса слащавая и сентиментальна.

Сравнение драмы Болотова с пьесой Тейльса говорит о том, что «Несчастные сироты» и в идейном и в художественном отношении являлись несомненным шагом вперед. Маленький зритель видел на сцене кусок окружающей действительности и учился осуждать ее уродливые явления. Характерно стремление Болотова связать всё происходящее на сцене с определенным историческим моментом. Серафима и Ераст — не просто «несчастные остатки одной благородной и крайне добродетельной фамилии». Отец их погиб во время турецкой войны, а мать «нечаянно захвачена была одною партией злодеев и умерщвлена без милосердия».²⁶ Подобное отношение к пугачевцам характерно для Болотова, автора полного классово-ненавистного рассказа о казни Пугачева.

В 80-х годах XVIII столетия в русскую детскую литературу хлынул поток переводных комедий и драм. В изобилии переводились Кампе, Беркен, Жанлис. Драматургия для детей значи-

²⁶ Несчастные сироты, стр. 77.

тельно обогатилась с выходом в свет «Детского чтения для сердца и разума». Новиковский журнал бережно отбирал все лучшее среди пьес Запада. Маленький читатель находил на страницах «Детского чтения» многое, что волновало его сердце и воображение. Известно, что Н. И. Пирогов с умилением вспоминал на старости лет прочитанную в детском журнале пьесу Беркена «Невинная воровка». Не случайно именно ее использовали впоследствии составители хрестоматий. Некоторые из пьес, несмотря на иностранное происхождение, оказывались созвучными русской жизни. Такова переведенная с французского комедия «Благородство в низком состоянии», одна из лучших пьес «Детского чтения».²⁷ Правдивый живой образ спесивой помещицы и поднятая автором проблема отношений барчат с простыми детьми не могли не задевать русского читателя.

Достоинства зарубежного репертуара не умаляют заслуги Болотова, автора одной из ранних детских пьес, написанных на русском материале — драмы о зверствах помещика-злодея. Однако пьеса настоящего социального звучания, пьеса антикрепостническая в полном смысле этого слова появилась позже. Мы говорим о «Солдатской школе» Н. Н. Сандунова, поставленной в театре Московского университетского благородного пансиона в 1794 году.

²⁷ Источник пьесы «Благородство в низком состоянии» — драма «Le paysan généreux» (в кн.: *Entretiens, drames et contes moaux à l'usage des enfants par madame De La Fite*, I, 1791, стр. 184—220) По свидетельству автора, пьеса заимствована из немецкого журнала «Kinder-Freund» Вейссе

И. А. КРЯЖИМСКАЯ

ТЕАТРАЛЬНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ Н. М. КАРАМЗИНА В «МОСКОВСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Русская театральная критика возникает в последнее десятилетие XVIII века. Это годы усиления политической реакции, но одновременно и годы, когда театральное искусство становится особо важным общественным явлением.

Непрекращавшиеся крестьянские волнения, повсеместный голод 1787 года, вторая война с Турцией, война со Швецией, французская буржуазная революция — всё это делало обстановку крайне напряженной.

Екатерина окончательно сбрасывает с себя маску «философа на троне», которая ей нужна была только для того, чтобы «прикрыть некоторые слабости», и становится открытым гонителем тех, кто с помощью печатного слова вставал на защиту интересов народа. В этих условиях в области идеологической происходила заметная перегруппировка сил. В то время как демократически настроенные писатели пытались уберечь и продолжить сатирическую линию развития русского искусства, демократизировать литературу и театр, многие писатели дворянского лагеря отходят от борьбы. В недалеком прошлом «свободомыслящие», «республиканцы в душе», выступавшие с критикой отдельных сторон действительности, они теперь или открыто переходят в лагерь реакции, или стараются оградить себя от малейшей необходимости вмешиваться в события общественно-политической жизни.

В области литературы и театра они стремятся ориентировать читателя только на западноевропейскую культуру, растворить все национальное в «общечеловеческом». Это обращение на Запад нельзя рассматривать только как стремление познакомить молодого русского читателя с достижениями западноевропейского искусства: это своеобразный уход от необходимости решать вопросы русской жизни, протест против

растущей демократизации национальной культуры, против прихода в искусство людей недворянского происхождения.

Писатели дворянского лагеря — выразители нового направления в искусстве, направления сентиментализма, — выступили с пропагандой отказа от какой бы то ни было борьбы, утверждая ее обреченность, с попыткой затушевать классовые противоречия, а это объективно вело к оправданию политики екатерининского правления.

Первыми театральными критиками-профессионалами выступают И. А. Крылов и Н. М. Карамзин — представители общих группировок, демократической и дворянской, столь различных по своим идейным программам. Критику они делают составной частью своих журналов, придавая ей очень важное значение.

Несомненно, что выступления Новикова и Лукина по вопросам драматургии и театра, а также публикации в «Ведомостях» имели значение для развития демократической критики, а замечания Сумарокова — для дворянской, но эти выступления при всей их, в ряде случаев, принципиальности были всё же лишь эпизодическими.

До 90-х годов XVIII века в России не существовало театральной критики в нашем, современном, понимании. Крылова и Карамзина можно считать ее родоначальниками.

При беглом ознакомлении с эстетической концепцией демократического и дворянского лагерей может создаться впечатление о некоторой общности их программы: выдвигаются почти одни и те же требования — правдивости и правдоподобия в воспроизведении жизненных явлений и поступков персонажей, естественности в изображении человеческого характера, переживаемых чувств.

Но в результате диаметральной противоположности идеологических позиций внутренний смысл, вкладываемый в эти требования, различен, разрешаются эти вопросы по-разному, и этим определились оба исходных пути, по которым пошла в своем развитии театральная критическая мысль.

Вслед за русскими просветителями 70—80-х годов крыловская группа боролась за создание русской национальной литературы, за постановку больших и серьезных тем, за естественность и убедительность социальных положений и взаимоотношений персонажей, за демократического читателя и зрителя «Настоящими учителями его, — писал Белинский о Крылове, — были тогдашние русские писатели».¹ Крылов с первых же ша-

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VIII, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 579

гов своей творческой деятельности, почувствовав правильность и действенность эстетических принципов Новикова и Фонвизина, последовательно развивал их общественно-политические и творческие установки. В 90-е годы, после смерти Фонвизина, ареста Радищева и Новикова, в суровые годы реакции, он стал во главе демократической настроенных писателей.

Эстетическая концепция последних складывалась, прежде всего, не в борьбе с французским классицизмом, как это утверждают некоторые исследователи,² но в борьбе с эстетическими установками карамзинской школы, сознательно уводившей читателей в мир лишь частной жизни героев, воинствующей в своей проповеди бессилия человеческой личности, подменявшей социальные проблемы моральным их истолкованием.

Что касается критической деятельности Н. М. Карамзина, составляющей предмет непосредственного нашего рассмотрения, то при всех отрицательных свойствах, всецело вытекающих из вышеописанной классовой позиции, личная заслуга его, широкообразованного, с тонким вкусом, талантливого писателя, в области русской театральной критики весьма значительна. Рецензии Н. М. Карамзина на постановки пьес в Московском театре — одна из ярких страниц в ранней истории русской театральной мысли. Его «Московский журнал», выходивший в 1791—1792 годах, был первым русским журналом, в котором систематически печатались статьи, посвященные вопросам театра, драматургии, вопросам актерского мастерства Карамзин одновременно сообщал о постановках французского, итальянского и русского театров.

Рецензии «Московского журнала» различны по своему объему, построению, содержанию. Иногда это просто более или менее подробный пересказ пьесы, сопровождаемый краткой оценкой, как например: «Сия маленькая пьеса изрядно принята московской публикою». Но чаще Карамзин дает анализ драматического сочинения с характеристикой действующих лиц, постановкой и решением вопросов общетеоретического характера, с разбором актерского исполнения ролей. Причем он не просто, сцена за сценой, передает содержание, а выбирает по своему усмотрению наиболее трагический или трогательный момент и через психологию действующих в этой ситуации лиц раскрывает смысл происходящего.

Нередко постановка трагедии или драмы интересует Карамзина не сама по себе, но лишь как повод для теоретических

² См статью Т. Я. Карской «Крылов и эстетика русского театра» (Сб. «Русские классики и театр», Изд. «Искусство», М—Л, 1947, стр. 109—163).

рассуждений. О самой же пьесе говорится в двух-трех фразах: пьеса «была очень хорошо принята Московскою публикою. Многие прекрасные стихи были замечены» и т. д.

В своей деятельности театрального критика Карамзин исходит из общих эстетических норм сентиментализма. Критерий оценки драматических произведений — «истинный вкус» просвещенного писателя и просвещенного зрителя, — разумеется, не из демократической среды.

Искусство, — проповедует Карамзин, — должно «прикосновением розовых перстов своих» превращать «свинцовое бремя жизни в легкое, зефиром несомое перо».³ Выдвигая требование «естественности», «простоты», правдивости сцен, характеров, диалогов, он понимает эти термины совершенно иначе, нежели их понимали представители демократического лагеря.

Крылов и Клаушин тоже указывали на торжество «истинного вкуса». Но они хотели видеть на сцене людей различных сословий и состояний. Вслед за Н. И. Новиковым, который, ожидая от драматурга пьес, заключающих в себе нравоучения и примеры, к «подражанию народному годные», требовал в роли героев выставлять слугу, купца, хлебопашца, и Крылов хочет, чтобы на сцене можно было видеть не одних царей и вельмож, а людей различных сословий и состояний. Тем более, что «и самый низкий хлебопашец, исполняющий рачительно должности своего состояния», скорее «заслуживает быть назван честным человеком, нежели гордый вельможа и несмысленный судья».⁴

Исходя из положения, что источником искусства должна быть «сама природа» и «свое обыкновение», критики демократического лагеря, вопреки желанию «многих сочинителей», считавших, что «российский крепостной слуга будет низок на театре», требовали представить крепостного «в собственном его виде».⁵

Карамзин крайне далек от подобной постановки вопроса. Он полагает, что искусство должно состоять прежде всего в «живости мыслей и чувств».⁶

Такая позиция определила и его выбор для разбора спектаклей Московского театра.

Карамзин не дает общего обзора постановок. Он берет не комедии и трагедии, где обычно наиболее остро вставали вопросы современности, его интересуют прежде всего драмы

³ «Московский журнал», 1791, ч III, стр. 325

⁴ «Зритель», 1792, март, стр. 144.

⁵ Там же, октябрь, стр. 135.

⁶ «Аонида», 1797, кн. 2, стр. VI.

сентиментально-романтического характера, вызывающие слезы умиления, драмы пера западноевропейских писателей.

«Литературная уклончивость», о которой говорил В. Г. Белинский в связи с именем Карамзина, сказалась и в области его театральных интересов. Его стремление оградиться от каких бы то ни было проблем, связанных с внутренней общественно-политической жизнью страны, со всей очевидностью выявилось и здесь. Карамзин сознательно «забывает» о существовании национального репертуара. Он анализирует лишь переводные пьесы. Все свои теоретические рассуждения и соображения по вопросам драматургии Карамзин подкрепляет примерами западноевропейских пьес, отдавая предпочтение английской и немецкой драматургии перед французской. Его внимание привлекают «семейственные картины» драм Ифланда, и он очень бы хотел, чтобы они стали известны благодаря искусному переводчику русской публике.⁷

Карамзина, следовавшего той мысли, что «творческий дух обитает не в одной Европе, он есть гражданин вселенной», мало волнует вопрос, где, в какой стране, кем создавалось то или иное произведение. Если пьеса имеет «хорошие места», «трогательные чувства», «прекрасные стихи», то она должна быть включена в число «наших лучших новых драм».

Из сравнительно большого числа рецензий, помещенных в «Московском журнале», только одна посвящена разбору оригинального российского сочинения. Это комедия Николева «Баловень, или об заклад проигранная невеста».

Рецензия на «Баловня» помещена в ноябрьской книжке «Московского журнала» за 1791 год. Постановка пьесы Николева должна была состояться на сцене театра Маддокса 24 сентября 1791 года. Но 24 сентября в «Московских ведомостях» появилось вдруг объявление, что «по некоторым обстоятельствам она отменяется, а представлена будет комедия „Преступник от игры“».

«Баловня» разрешили к постановке через месяц после того, как автор или театральная дирекция внесли в текст комедии ряд исправлений и изменений.

Очевидно, увидев на сцене первое представление этой комедии — 19 октября 1791 года, Карамзин поспешил высказать свое впечатление, поместить в журнале отрицательную, полную издевок рецензию, что было совершенно не характерно для его писательской манеры.

⁷ «Московский журнал», 1791, ч. III, стр. 293.

С чувством возмущения он писал, что драматург «унижив Честона <героя комедии> возвышает за то слугу...».⁸ В этом критик видел главный порок комедии.

Вполне возможно, что П. А. Плавильщиков именно эту заметку имел в виду, когда говорил что «слуге не позволяют быть на театре ростом выше своего господина, кольми паче в чувствованиях».⁹

Так обстояло дело с единственной рецензией Карамзина на постановку оригинального произведения.

Между тем репертуар московского театра мог дать значительно более богатый и интересный материал для зарождавшейся русской театральной критики, особенно людям, ратовавшим за создание национального, содержательного репертуара. Критика, в свою очередь, могла ориентировать актеров и содержателя театра в выборе пьес и для бенефисных и для обычных спектаклей.

«Московские ведомости» помогают воссоздать точную картину репертуара этих лет. Газета извещала о постановке «Хорева», «Дмитрия Самозванца» Сумарокова и «Владисана» Княжнина, «Магомета» Вольтера и «Сорены» Николева. С октября 1791 года в репертуаре становятся постоянными талантливые комедии Княжнина «Хвастун» и «Сбитеньщик», «большая опера» Николева «Розана и Любим», «большая комедия» Соколова «Сибиряк» и «Преступление от игры» Ефимьева, «Севильский цырюльник» Бомарше и «Мещанин во дворянстве» Мольера, «Гостиный двор» Матинского. В эти же годы значительное место занимает слезная драма, вроде «Евгении» Бомарше.

Московский театр самого начала 90-х годов представлял собой очень заметное явление в истории русской театральной культуры. Во главе стоял Михаил Егорович Маддокс, человек энергичный, предприимчивый, талантливый. Несмотря на целый ряд серьезных препятствий со стороны крайне невежественного и грубого блюстителя порядков и законности, генерал-аншефа А. А. Прозоровского, рассчитанных просто на срыв антрепризы Маддокса, последнему все-таки удалось в начале 90-х годов вывести театр из состояния упадка. Находясь в курсе театральной и литературной жизни обеих столиц,¹⁰ обладая незаурядными познаниями техники сцены, Маддокс умел поставить

⁸ Там же, ч. IV, стр. 242.

⁹ «Зритель», 1792, декабрь, стр. 251

¹⁰ Отметим, что М. Е. Маддокс был подписчиком «Московского журнала» Карамзина и «Зрителя» Крылова — двух виднейших журналов конца XVIII столетия.

наиболее интересные по содержанию и со вкусом оформленные, насколько это позволяли средства, спектакли.

В начале 90-х годов он привлекает в труппу несколько талантливых артистов петербургского театра, предоставляя им право выбора пьес для постановок. Поэтому и изменение репертуара Московского театра во многом зависело от присутствия в труппе тех или иных ведущих актеров. Так, русская комическая опера особенно оживает и имеет колоссальный успех в связи с переходом на московскую сцену актеров Сандуновых. Один из бытописателей Москвы конца XVIII века, И. Рихтер,¹¹ с изумлением и восхищением писал о Е. Сандуновой и Н. Ожогине как о лучших исполнителях в национальном оперном репертуаре.

Во время гастролей в Москве Я. Шушерина и Н. Калиграфовой возобновлены «мещанские трагедии» «Мисс Сара Самсон» и «Беверлей», классические трагедии Сумарокова и Княжнина.

С переходом П. А. Плавильщикова в Петровский театр связано усиление трагедийного репертуара. По его просьбе Маддокс включает в список постановок «Пальмиру», «Сорену и Замира» Николева, «Безбожного» Браве, «Магомета» Вольтера и некоторые другие. Почти бессменно с большим успехом идут в сезоны 1790—1792 годов комедии Княжнина, Фонвизина, Мольера, Реньяра, комические оперы Аблесимова, Княжнина, Николева, Матинского.

Интересно отметить, что тенденциозные пьесы Екатерины II, занимавшие и в начале 90-х годов значительное место на петербургской сцене, совсем не включаются в репертуар московского театра.

Тот же Рихтер с сожалением отмечал, что «труппа московских актеров не так многочисленна, как бы надлежало ей быть. Иных характеров вовсе у них недостает, как например характера коварного проныры». Но, как видно, репертуар начала 90-х годов был таков, что можно было вполне обойтись и без этого неперменного участника французских и итальянских комедий.

Из переводных пьес наибольшим успехом пользовались «Мещанин во дворянстве» и «Амфитрион» Мольера, «Чадолюбивый отец» Дидро, «Эльфрида» Бертуха, «Днанино дерево» и «Редкая вещь», переведенные с итальянского Дмитревским. Последняя пьеса выделялась на остальном фоне переводных коми-

¹¹ И. Рихтер. Начертание Москвы М., 1791, стр. 15

ческих опер своей социальной окраской. Со сцены звучали ноты протеста против подневольного положения крестьян.¹²

Развивавшийся сентиментализм постепенно захватывал и сцену. В 90-е годы особенно начинают завоевывать себе место в репертуаре и любовь зрителей так называемая мещанская трагедия и сентиментальная драма, «большой части с немецкого языка переведенные».¹³ Началась эпоха, метко названная драматургом и автором многочисленных эпиграмм Горчаковым эпохой «коцебятины». Но это скорее относится уже к середине 90-х годов, начало же, как было выше указано, ознаменовалось расцветом национальной бытовой комедии и национальной оперы с музыкой, составленной русскими и иностранными композиторами на голоса народных песен.

Обращение Маддокса и московских актеров главным образом к драматическим произведениям русских писателей должно было бы заслужить самое пристальное внимание критики, особенно при сопоставлении репертуаров Московского и Петербургского театров.

Но от решения такой большой и необходимой задачи Карамзин, один из ведущих литераторов и журналистов того времени, уклонился, так как это было совершенно чуждо ему и противоречило его творческой программе.

Вполне возможно, что именно Карамзин имел в виду Плавильщиков, говоря о людях «большого света», значительная часть из которых, «если не гнушается российским зрелищем, то, по крайней мере, по великодушию своему его презирует».¹⁴

Сам Плавильщиков пытался обратить внимание своих соотечественников на «Недоросля» Фонвизина, «Мельника» Аблесимова как на лучшие драматические произведения, с успехом шедшие тогда на сцене русского театра. Ему было «странно и непонятно, какое побуждение влечет умы российские извинять

¹² Пьеса была переведена Дмитриевским в 1789 году и тогда же поставлена на сцене, но напечатали ее только в 1792 году в типографии «Крылова с товарищи». Крылов же с Клушиным в «Санктпетербургском Меркурии» поместили «Послание к Елизавете Семеновне Сандуновой» (исполнительнице партии героини в опере):

Хоть часто, Лизанька, ты Редку вещь играешь;
В которой надобно название пременить;
Но публику игрой и пеньем столь пленяешь,
Что может опера то званье сохранить.

¹³ И. Рихтер, ук. соч., стр. 6.

¹⁴ П. А. Плавильщиков, Собр. соч., т. IV, СПб., 1816, стр. 37.

недостатки в иностранных, и даже совсем не видеть, а достоинства уважать свыше меры».¹⁵

Барски снисходительное или крайне пренебрежительное отношение к подлинно русской культуре встречает суровое осуждение также и со стороны Крылова и Клушина.

Подобные мысли позднее высказывают деятели Вольного общества любителей словесности, наук и художеств и декабристы.

Положительным в творческой программе Карамзина было то, что он очень резко и последовательно выступал против основ классицизма. Он полагал, что господство классицизма в русском искусстве мешает нормальному и правильному развитию всех его родов, в первую очередь театрального.

Основное в театральной эстетике Карамзина — представление о человеческом характере. О чем бы он ни писал, какую бы драму ни разбирал, главная задача критика, — полагает он, — состоит в том, чтобы показать, как изображен в ней характер. Драма должна представлять собой нечто «гармоническое целое», «приключения» должны быть «натурально связаны», а «характеры» «искусно изображены».¹⁶ Органически связанными в нечто целое должны быть завязка, кульминация и развязка действия. И все это подчинено единой мысли — раскрытию «мятущейся человеческой души», более углубленному показу психологии героя.

В центре внимания критика — не обстоятельства, не ситуация, а изображенный «весьма искусно» человеческий характер. Герой должен трогать зрителя «до глубины сердца». Сама драма должна содержать «претрогательные и ужасные сцены».¹⁷

Характер для Карамзина является главным объектом художественного изображения. Именно характер определяет у него разрешение драматического конфликта.

Психологическая сложность характера совершенно необходима для развития действия всякого драматического произведения. И Карамзин отвергает построение характера по одной какой-либо доминирующей черте. В такой постановке вопроса он очень близок Лессингу, писателю, с перевода драмы которого собственно и началась его деятельность театрального писателя. Близки их исходные позиции: оба они протестуют против того типа характеров, какими богата французская драматургия и в которых преобладает одна сильная «господствующая» черта;

¹⁵ Там же, стр. 37.

¹⁶ «Московский журнал», 1791, ч. I, стр. 63.

¹⁷ Там же.

подобные характеры, утверждают Лессинг и Карамзин, недраматичны вследствие своей односторонности.

Но Лессинг в своих как драматических, так и теоретических произведениях подчеркивает влияние внешних обстоятельств на изменение характера, поступков персонажей. Карамзин же на это очень мало обращает внимания. Его больше волнует, например, не взаимоотношение Эмилии Галотти с окружающим ее враждебным миром, а «скорые перемены в ее мятущейся душе». Карамзин не идет дальше характеристики изображенных в драме интимных переживаний человека. Достоинство драматурга он усматривает прежде всего в знании им сердца человеческого.

Карамзин ратовал за торжество психологического принципа в создании образов. И это, несомненно, было одним из самых интересных и прогрессивных положений его творческой программы. Правда, он сознательно стремился к тому, чтобы ограничиться только «психологизмом», оставив вне поля зрения социальные моменты, среду, окружающую и воспитывающую этого персонажа. Не обращает Карамзин внимания и на идеологические позиции драматурга, вне поля зрения остается идейная сторона разбираемого произведения.

Для Карамзина Коцебу такой же хороший писатель, как Гете, Шиллер, Лессинг, так как он, подобно им, умеет рисовать «истинно трогательные сцены».

Внимание читателей, зрителей Карамзин стремится сосредоточить не на идейной стороне драмы, а на анализе действий и переживаний героев в момент наиболее сильных душевных потрясений. Он сознательно игнорирует при разборе протестующий пафос произведения. Особенно это чувствуется при чтении рецензий на постановку драмы Лессинга «Эмилия Галотти» и трагедии Шиллера «Заговор Фиеско».

Карамзин справедливо считает «Эмилию Галотти» «венцом Лессинговых драматических творений», он верно уловил одну из особенностей построения Лессингом драматического характера — органическое сочетание эмоционального начала с героическим. Однако внимание его почти целиком поглощено эмоциями, в его изложении драма предстает более чувствительной, нежели она была на самом деле; демократизм же ее, бунт Эмилии и Одоардо против произвола, против насилия двора и принца оставлен в тени.

«Главное действие возмутительно, но не менее того естественно», — пишет он, имея в виду сцену убийства отцом Эмилии. Принимая этот эпизод за основной, Карамзин так строит свою рецензию, что и передача содержания и характеристика

образов должны подвести читателя к оправданию этого убийства, но весь анализ сосредоточен на психологических размышлениях героев. А сам принц вызывает даже сострадание критика. «... сладострастный, слабый, но притом добродушный Принц, могущий согласиться на великое злодеяние, когда то способствует удовлетворению его страсти, но всегда достойный нашего сожаления».¹⁸

«Заговор Фиеско» произвел на Карамзина, по его же словам, большое впечатление, особенно сценой, где Фиеско размышляет, остаться ли ему простым гражданином или присвоить верховную власть; но при анализе пьесы мысль Карамзина идет всё в том же направлении: внимание его целиком поглощено внутренними переживаниями героя, живостью языка монолога. Гражданский пафос драмы, «закаленная, — по определению Добролюбова, — в республиканстве натура Веррины», видевшего в собственном оскорблении «возможность оскорбления целой власти...»,¹⁹ не привлекают внимания Карамзина.

Давая обзоры парижских спектаклей, Карамзин останавливается на драмах и комедиях, в которых преобладает прежде всего элемент чувствительности или содержание настолько просто, незамысловато, безыдейно, что они не принесут никакого вреда русской читающей публике, не заставят ее хотя бы на мгновение задуматься над событиями.

«Легко» или «трогательно» — вот эпитафия, который может быть поставлен к пьесам, разбираемым Карамзиным. Поэтому, если в репертуаре встретится критику драма, созданная, например, по горячим следам французской революции, то о ее содержании не будет сказано ни слова, ибо «в ней представляется народное смятение, взятие Бастилии, и прочее, что может быть интересно для одной парижской публики».²⁰

Карамзин ищет в произведении, в характере персонажа «натуральность», способную «трогать» душу читателя, вызывать «слезы умиления». Действие драмы должно «раздирать душу» «чувствительного зрителя».

Эти «сладкие впечатления», «трогательное», «прекрасное» приводят к тому, что критик «забывает критику». Вот как он, например, пишет о впечатлении, произведенном на него постановкой драмы Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние». «Никакая пьеса не оставляла во мне таких сладких впечатле-

¹⁸ «Московский журнал», 1791, ч. I, стр. 71.

¹⁹ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч. в 6 томах, т. I, ГИХЛ, 1934, стр. 489.

²⁰ «Московский журнал», 1791, ч. III, стр. 326—327.

ний, как сия. Не скажу, чтобы в ней нельзя было ничего покритиковать: напр., всякому странно покажется, что барон фон дер Горст, выслушав историю своего друга, просит его идти сватать за него г-жу Миллер. Однако ж в ней так много трогательного и прекрасного, что зритель забывает критику».²¹

Во имя «прекрасного» (в смысле «чувствительного») и «трогательного» прощаются даже многие погрешности и нелепости в развитии действия. Передавая, например, содержание мелодрамы итальянского театра «Павел и Виргиния», Карамзин пишет: «Холодный и строгий критик может сказать, что первый акт совсем не связан с главным действием пьесы; трудно также поверить тому, чтобы матери любовников, жившие 14 лет вместе, не рассказывали еще друг другу всех своих несчастий, которые зритель узнает от них во втором действии. Но видя сию мелодраму в представлении, нельзя чувствовать в ней сего порока: столько в ней прекрасного, столько трогательного. А особливо в третьем акте, когда Виргиния утопает, и когда любовник ее великодушно решится жертвовать своею жизнью для ее спасения».²²

Более критичен Карамзин там, где речь в рецензии идет о слоге произведения. Карамзин исходит из принципа, что драматическое произведение «есть представление общежития» и те слова, которые не употребляются в разговорах, не должны употребляться и в комедиях. «Чем слог театральной пьесы натуральнее и простее, тем лучше».

Вспоминая, например, о постановке в немецком театре драмы Шиллера «Дон Карлос», Карамзин называет эту пьесу одной из лучших немецких драматических пьес, но здесь же указывает: «Есть только слишком фигурные выражения (так, как и у самого Шекспира), которые, хотя и показывают остроумие автора, однако они в драме не у места».²³

Критические замечания делает Карамзин и по поводу переводов-переложений пьес западноевропейских драматургов. Он справедливо указывает: если «господину переводчику неотменно хотелось одеть... <пьесу> в русское платье», то в ней «надлежало бы многое переменить»;²⁴ далее приводит ряд очень остроумных примеров того, что выдается в пьесе за русские обычаи, но чего в России нет и никогда быть не могло.

²¹ Там же, ч. II, стр. 21.

²² Там же, ч. III, стр. 330. Разрядка моя, — И. К.

²³ Там же, ч. II, стр. 40—41.

²⁴ Там же, ч. I, стр. 233.

Почти в каждой рецензии уделяется внимание актерскому исполнению роли. Это новый и очень интересный момент в развитии русского театрального искусства, положительный в программе самого Карамзина. Писатель-сентименталист выступает последовательным обличителем реторики, напыщенности, ходульности в сценическом искусстве.

Его замечания по поводу игры Марии Синявской или Василия Померанцева могут сохранять за собой значение документа. Спустя много лет, в журнале «Северный вестник» было помещено «Письмо к приятелю», автор которого с благодарностью упоминает, что Карамзин был первым писателем, «растолковавшим» московской публике большой талант Померанцева.

Соображения об игре актеров обычно вытекают из всего анализа драматического произведения. Карамзин вновь повторяет основные положения — характеристики действующих лиц — и показывает, какую черту и какими средствами сумел раскрыть актер.

Обращение к психологии героев драматических произведений, оценка актерской игры с этой точки зрения — всё это было очень плодотворным для дальнейшего развития актерского мастерства.

Карамзин учил русского актера, как следует подходить к пониманию ролей, видеть в персонаже сценического произведения живого человека со всеми присущими ему чувствами и переживаниями.

Выдвинув положение «драма не терпит никаких долгих рассуждений, так как она состоит в действии...»,²⁵ он и от актера требовал игры, которая производила бы «разительное» впечатление на зрителя. Отмечая, например, жизненную убедительность игры Марии Синявской в роли графини Орсины (в драме Лессинга), Карамзин тут же замечает, что было бы еще лучше, если бы «восторг ее в конце седьмой сцены IV акта более похож был на иступление, чтобы изображалось в глазах ее более дикой, свирепой, радости».²⁶

Василий Петрович Померанцев был тем велик для Карамзина, что умел передавать весь сложный комплекс чувств и переживаний человека, увлекая зрителей искренностью исполнения. Создавая образ, артист «показывает нам, каковым бы надлежало ему быть в натуре». Особо подчеркивается Карамзиным выразительность игры Померанцева: вряд ли найдется актер, — пишет он, — «который превзошел бы Померанцева в игре глаз,

²⁵ Там же, стр. 234—235.

²⁶ Там же, стр. 78.

в скорых переменах лица и голоса».²⁷ Только сочетая в себе «знание, разум, искусство», актер может стать великим.

Значительное место в рецензиях Карамзин уделял анализу недостатков исполнения. Причины неуспеха актера Сахарова в роли живописца (в драме Лессинга) Карамзин видит в том, что актер не имел настоящего представления об ученых итальянских живописцах, об их манере держаться при дворе. Отсюда неестественность, натянутость, неумение найти общий правильный тон исполнения.

Критик подчеркивает, что, знакомясь и работая над ролью, актеру необходимо вникнуть во все детали авторского замысла, научиться понимать смысл внутренний не только слов, но и пауз: «Господин Зальшкин, конечно, имеет способности, но не для роли камергера Маринелли, которая имеет в игре великие тонкости. Автор весьма много оставил в ней для глаз и тона, а это всё, к сожалению, пропадает».²⁸

Совершенно недопустимым полагает он небрежное отношение актера к учению назначенных ролей.

Важно отметить, что статьи эти писались с уверенностью, что они будут известны актерам, в надежде, что их учтут при дальнейшей работе над ролью. В числе подписавшихся на «Московский журнал» значатся имена Михаила Егоровича Маддокса, ведущего актера труппы Василия Петровича Померанцева, Николая Даниловича Сахарова, Ивана Федоровича Соколова.

Своими замечаниями и суждениями о принципах актерской игры Карамзин намечал положительную программу сценического искусства, выдвигая на первый план—в противовес статичности и ненатуральности, риторичности и холодной патетике классических приемов игры—требование естественности и простоты.

²⁷ Там же, стр. 74.

²⁸ Там же, стр. 78.

Ю. М. ЛОТМАН

РАДИЩЕВ И МАБЛИ

Изучение идейных отношений Радищева и Мабли принадлежит к числу назревших научных вопросов. Указанный еще В. С. Сопиковым факт перевода Радищевым книги Мабли после разысканий В. П. Семенникова приобрел научную достоверность¹ и широко используется в радищевской литературе. Беглая характеристика Мабли в связи с возможным воздействием его на Радищева дана еще в работе Сухомлинова.² В 1935 году Я. Л. Барсков в содержательной биографии Радищева привел упомянутые Сухомлиновым данные об изучении русскими студентами (в том числе и Радищевым) «Публичного права Европы» Мабли еще в Лейпциге,³ а также сделал попытку определить степень воздействия на Радищева-студента политических и общественных идей Мабли, Руссо и физиократов.⁴ Ранее тот же автор указал на наличие в библиотеке, оставшейся после смерти Радищева, сочинений Мабли.⁵ В 1941 году редакция полного собрания сочинений А. Н. Радищева включила во второй том издания полный текст «Размышлений о греческой истории», дав в примечаниях обширный очерк, до настоящего времени остающийся наиболее полным освещением интересующей нас темы. Примечание к слову «самодержавство» в радищевском переводе книги Мабли неоднократно упоминалось

¹ В. П. Семенников. Собрание старающихся о переводе иностранных книг. СПб., 1913, стр. 43; В. П. Семенников. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и типографической компании. Петербург Госиздат, 1921, стр. 12.

² М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I. СПб., 1889, стр. 549—551.

³ Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 89—90.

⁴ Там же, стр. 95—98.

⁵ Я. Л. Барсков. Книги из собрания А. Н. Радищева. «Дела и дни», I, 1920, стр. 339.

в дальнейшем в обзорных статьях о творчестве Радищева, предпринимались попытки и более детального рассмотрения этого перевода,⁶ но в целом литература последних лет не прибавила чего-либо нового к разбираемому вопросу.

Рассмотрение идейных отношений Радищева к Мабли требует некоторых предварительных замечаний общего характера.

При определении воздействия идей, возникших в одних историко-национальных условиях, на писателей другой национальной среды необходимо учитывать разницу в путях развития каждой из конкретных культур, частью которых является данная идеологическая система. Своеобразные черты в развитии русской и западноевропейской прогрессивной философии XVIII века в конечном итоге определялись различием в характере классовых сил, искавших идеологического оформления своим практическим интересам, степенью развития общественных противоречий. Однако эти причины выступали опосредствованно как обусловленные наличной идеологической традицией.

На Западе материалистическое мировоззрение имело давнюю, восходящую еще к античности традицию. Широкое влияние на распространение материалистических идей оказала культура Возрождения. Таким образом, сравнительно полно развитая теория философского материализма сложилась там задолго до того, как вопрос о разрушении феодального порядка приобрел практический характер. Это помогло буржуазному мировоззрению найти последовательные формы идеологического выражения и объективно подготавливало умы к решительному штурму феодального порядка. «Писатели XVIII в. — проповедники эгоизма, вызвавшие столько самоотвержения, поборники отрицания, возбуждавшие фантастическую веру», — писал А. И. Герцен.⁷

Однако процесс распространения материалистических идей был весьма сложным и непрямолинейным. В период, когда внутренние противоречия феодального общества еще не настолько созрели, чтобы встал вопрос о полном его разрушении, и, следовательно, исторически не сложились условия для возникновения революционной теории, освободительные социальные выводы, объективно следующие из основных предпосылок материализма, еще не выступали на первый план. Материализм воспринимался лишь как учение, направленное на пересмотр

⁶ См., например, в книге: В. С. Покровский. *Общественно-политические и правовые взгляды А. Н. Радищева*. Киев, 1952.

⁷ Ранняя редакция повести «Долг прежде всего», публикация Ю. Кравцовского. «Литературное наследство», т. 61, 1953, стр. 51—52.

средневековых идей в естествознании. Конечно, и эта критика церковных догм объективно играла великую революционную роль. Но нельзя упускать из виду и другое: усваиваясь аристократическим верхам общества (это было возможно в силу уже указанной непроясненности боевого антифеодального смысла материалистических идей), новое философское учение легко приобретало поверхностную искаженную сторону «барского скептицизма», который характеризует «все приходящие в упадок классы».⁸ Так возникал аристократический эпикурейский «либертиаж».

Еще не захваченная предреволюционным подъемом, умеренная, думавшая о реформах феодального порядка, а не о его уничтожении, французская буржуазия первой половины XVIII века была, однако, заинтересована в идейном разгроме феодального государства и его главной опоры — церкви. В связи с этим великие материалисты XVIII века во Франции смело крушили теоретические основы современного им общества, но были чаще всего весьма осторожны в практических политических выводах. Это привело к тому, что когда революционная ситуация начала назревать, материализм в глазах некоторых идеологов демократической массы, формировавшей свою теоретическую позицию, в результате их идейной незрелости оказался в известной мере скомпрометированным как учение аристократическое.

С другой стороны, мыслители-демократы второй половины века, безусловно отвергавшие всю систему феодальных общественных отношений, возлагавшие на нее ответственность за искажение человеческой личности, старались не замечать неизбежной связи идеи переделки общества с основными принципами материализма. Известная осторожность к философскому материализму характеризует не только идеологических предшественников революции: Руссо, Мабли и других, но и руководителей якобинцев. «Эта секта стояла в политике не на высоте народных прав», — характеризовал энциклопедистов Робеспьер. Напротив, Руссо и Мабли оценивались в период якобинской диктатуры как философы, «наиболее причастные к нашей революции».⁹ Создавалось своеобразное положение, при котором

⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 177.

⁹ Слова публициста Борье (Beaurieu), автора популярной брошюры «Ученик природы», поклонника Плутарха, Руссо и Марата. См. его издание: *Entretiens de Phocion. Sur le rapport de la morale avec la politique par Mably. Edition augmentée d'un Discours et notes, par l'Auteur de l'Elève de la Nature, où sont appliqués à notre nouveau Gouvernement, les principes*

материалистические теории не были «достроены» до революционных выводов, а революционные идеи, в свою очередь, часто оказывались без сознательной материалистической базы.

Иными путями шло развитие антифеодальной мысли в России. Освобождение общественного сознания от средневековых идеологических форм произошло сравнительно поздно, и распространение материалистических идей совпало с эпохой глубокого кризиса феодально-крепостнической системы. Так исторически обусловленный факт более позднего, чем в Западной Европе, распространения идей материализма неожиданно специфически положительно повлиял на характер его общественного восприятия. Материализм почти сразу же стал восприниматься как учение о природе человека и общества и не отделялся от социальных выводов. Это отпугнуло ту часть дворянских читателей, которые увидели, было, в буржуазных идеях лишь отвлеченную теорию. Мода на новинки атеистической мысли у читателей подобного рода (ср., например, перевод М. Щербатовым «Естественной политики» Гольбаха) быстро прошла. Острота социальных конфликтов обнажала общественную сущность философских идей, и дворянский читатель в испуге обратился к мистике масонов или догмам официальной церкви. Однако социальный кризис в России XVIII века не имел такого глубокого характера, как во Франции, и в силу этого демократическая идеология не получила широкого распространения, критика общественных порядков не коснулась обширного круга вопросов, сама разночинная масса, очень еще малочисленная, часто оказывалась в плену классово чуждых ей идей, а уровень общественной сознательности крепостного крестьянства был еще весьма низок. Но, вместе с тем, сам характер демократической мысли, коль скоро она возникла, был в известной мере иным.

В России выработался тип интеллигента-разночинца, далеко не всегда, в силу конкретных исторических обстоятельств, реши-

exposés dans cet ouvrage, A'Paris, L'an II de la République, стр. 27. Издание снабжено «вступительной беседой» и политически острыми примечаниями.

Это настороженное отношение к материализму энциклопедистов и противопоставление их Руссо определило и характер высказывания бабуиниста Буонаротти. Указав, что Робеспьер, когда его в 1789 году избрали в Генеральные Штаты, был исполнен благоговения перед памятью Руссо, он очень сухо отзывался об энциклопедистах. Совершенно в духе Мабли он утверждает, что вместе с распространенным философами-материалистами учением «в души вкралось горячее желание власти и богатства». «Освободившись от предписываемой церковью обрядности, они часто забывали о великих законах равенства и братства, провозглашенных Иисусом». Ср.: Philippe Buonarrotti. Observations sur M. Robespierre. «Revue historique de la Révolution française», 1912, № 9 (Janviermars), стр. 478 и 482.

тельного в политических выводах, но последовательного в материалистических принципах. Типом такого деятеля был, например, Пнин. Для наиболее же последовательных мыслителей, вроде Радищева, характерно соединение обеих идеологических линий — материализма и революционности. В этом смысле исполнено глубокого значения одновременное увлечение Радищева еще в Лейпциге Гельвецием, с одной стороны, и Руссо и Мабли — с другой.

Произведения Мабли были хорошо известны в России. Оставляя в стороне радищевский перевод «Размышлений о греческой истории», можно указать на появившийся в 1772 году перевод «Разговоров Фокионовых о сходности нравоучения с политикой» (к этому изданию мы еще вернемся), а также на появившееся в 1803 году в переводе М. Цветкова трехтомное издание «Нравственные основания нравоучения» и в 1812 году (в переводе Егора Гиляева) — «О изучении истории». Однако еще более широко был известен Мабли русскому читателю XVIII—начала XIX века во французских оригиналах.

В далекой Уфе в начале 90-х годов Г. С. Винский, обучая 17-летнюю дочь помещика французскому языку, читал с ней «труднейших авторов, каковы: Гельвеций, Мерсье, Руссо, Мабли».¹⁰

В недатированном письме (вероятно, 1801 год) Андрей Тургенев писал В. А. Жуковскому: «Я, брат, читаю теперь Raynal и Мабли; первый слишком часто завирается, второй вселил в меня твердость и спокойствие, презрение к глупым обстоятельствам».¹¹ В первом варианте черновой редакции XXII строфы VII главы «Евгения Онегина» Пушкин перечислил «избранные томы» библиотеки Онегина: «Юм, Робертсон, Руссо, Мабли, Баркон д'Ольбах, Вольтер, Гельвеций».¹²

¹⁰ Г. Винский. Мое время. Записки. Ред. и вступ. статья П. Е. Щеголева. Изд. «Огни», Пгр., 1919, стр. 139.

¹¹ ИРЛИ, Архив бр. Тургеневых, ф. 309, № 4759 (листы не нумерованы).

¹² Пушкин, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, 1937, стр. 438. О чтении Мабли сообщал Карамзин Вяземскому («Русский Архив», 1872, стр. 1324); Муравьев по Мабли и Кондильяку изучал французскую историю с великими князьями Александром и Константином (Н. Жинкин. Муравьев. «Известия ОРЯС», т. XVIII, 1913, кн. 1, стр. 291); о влиянии Мабли на Г. Попова см.: М. М. Штранге. Отклики русских современников на французскую буржуазную революцию. «Из истории социально-политических идей», сборник статей к 75-летию акад. В. П. Волгина, М., 1955, стр. 347. В ряду популярных французских философов упоминается Мабли в шуточном стихотворении И. И. Дмитриева «Путешествие NN в Париж и Лондон» (Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев. Избранные стихотворения, Л., 1953, стр. 285). В «Вестнике Европы» (1804,

Хорошо известны были произведения Мабли и Радищеву. Кроме неоднократно отмечавшегося в литературе знакомства автора «Путешествия» с ранними произведениями французского философа, Радищев был, бесспорно, знаком с «Беседами Фокиона» и, как мы увидим в дальнейшем, с произведением зрелых лет Мабли: «О законодательстве, или принципах законов», а также находился в курсе развернувшейся в 1768 году полемики Мабли с физиократами.

Вряд ли можно предположить, чтобы появившиеся в 70—80-е годы труды Мабли на остро актуальные темы о положении Польши и Америки, равно как и его труды по вопросам истории и морали, не привлекли внимания Радищева, чутко следившего за новой политической и философской литературой. В письме от 3 марта 1783 года парижский корреспондент А. Р. Воронцова писал: «Ничто не производило у нас такого шума, как сочинение аббата Мабли о способе писать историю. Однако этот шум был вызван лишь свободой, с которой он отнесся к памяти Вольтера как историка».¹³ Книга в дальнейшем вероятно, была доставлена Воронцову.

Однако сам факт знакомства Радищева с произведениями Мабли мало еще о чем говорит; необходимо определить отношение автора «Путешествия из Петербурга в Москву» к идеям французского философа, а это, в свою очередь, требует хотя бы сжатой характеристики воззрений Мабли.

№ 17) была опубликована статья «Вольтер и Мабли, разговор в царстве мертвых», автор которой вложил в уста Вольтера следующую характеристику Мабли: «Почитаю вас самым жарким из революционистов, какие только мне известны. Если б живучи в мире, прочитал я вашу книгу „Гражданин“, то непременно поспешил бы, как можно скорее, продать свой Ферней, все закладные на имения и выехать из любезной Франции. Вы подали способы перевернуть вверх дном наше милое отечество» (ук. соч., стр. 59). Статья представляет перевод из журнала Архенгольца «Минерва».

¹³ Архив князя Воронцова, т. XXX. М., 1884, стр. 34. «О способе писать историю» в 1783 году уже не являлось новинкой — первое издание книги вышло в 1773 году, а в 1778 году появился труд Мабли «Об изучении истории». Каталог библиотеки А. Р. Воронцова содержит указания на следующие исторические труды Мабли (том каталога, посвященный книгам по философии, политике и политической экономии не сохранился): «De la manière d'écrire l'histoire. Paris, 1738; Observations sur les Romains. Genève, 1751; Observations sur l'histoire de la Grèce... Zurich, 1767; Parallèle des Romains et des français. Haye, 1741; Observations sur l'histoire de France. Genève, 1765. (Воронцовский архив в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, № 994, лл. 36 об., 46, 48, 89, 90 об.). В более позднем каталоге 1809 года содержатся указания на: Droit public de l'Europe, 3 vol. Genève, 1767; Principes des Négociations. Haye, 1757; Sur le gouvernement des Etats-Unis de l'Amérique. Amst., 1784; De l'Etude de l'histoire. Paris, 1778 (там же, № 995, лл. 8, 9, 13, 56).

Идеи Мабли неоднократно рассматривались в научной литературе, причем советские исследователи сосредоточили основное внимание на изучении социальных воззрений писателя. К данной в работах акад. В. П. Волгина и ряда других исследователей характеристике коммунизма Мабли добавить можно немного. Значительно менее изучены противоречия Мабли как философа-моралиста.¹⁴ А между тем именно эта сторона вопроса оказывается весьма существенной для рассматриваемой темы.

Воззрения Мабли, даже в период создания им наиболее боевых произведений, были противоречивы. Отрицание частной собственности, признание ее основой всех общественных зол подразумевало представление о господстве социальной среды над индивидуальной нравственностью человека и содержало, как указывал В. П. Волгин, элементы материалистического подхода к общественным явлениям. Однако именно это представление об определяющем характере общественных условий не могло иметь иной философской основы, кроме материалистической формулы: «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими».¹⁵ Если материалисты типа Гельвеция, твердо принимая первую половину формулы, были весьма осторожны в истолковании тех общественных перемен, которые должны (пользуясь цитируемым К. Марксом выражением Гельвеция) «вырвать корни, порождающие порок», то в центральных сочинениях Мабли вторая часть формулы заполнена вполне конкретным социальным содержанием: писатель враждебен современному ему общественному порядку и всякому эксплуататорскому укладу вообще. Однако в решении гносеологических вопросов Мабли допускал колебания, наложившие отпечаток на всю его систему, включая и социологические выводы.

Автор последней по времени появления советской работы о мировоззрении Мабли, С. С. Сафронов, определяет философскую позицию Мабли как «одно из направлений материалистической философии, именно то, которое было представлено в Англии Локком, а во Франции развивалось братом Мабли — Кондильяком».¹⁶ Указание на связь Мабли с системой Кон-

¹⁴ Ср. интересную работу И. К. Луппола «Социальная этика Мабли и Морелли» в его книге: Историко-философские этюды. М.—Л., 1935.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство. Сочинения, т. III, стр. 160.

¹⁶ С. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли. «Из истории социально-политических идей», сборник статей к 75-летию акад. В. П. Волгина, стр. 244.

дильяка имеет длительную историю¹⁷ и опирается на свидетельство самого Мабли в его работе «О развитии и границах разума». Однако оброненная автором фраза мало говорит о философских воззрениях Мабли, тем более что сам Кондильяк не был последователен в своем сенсуалистическом материализме, допуская высказывания и о непознаваемости мира (за что его упрекал Дидро), и о самостоятельности души.

Картезианская теория познания не вызывала у Мабли сочувствия. В полемике с физикратами он не уставал издеваться над тезисом об очевидности постигаемой разумом истины и даже в позднем трактате «О прекрасном» иронизировал по поводу «власти, которую покойные экономисты приписывали своей жалкой очевидности».¹⁸ «Система врожденных идей, — писал он, — с полным основанием всеми отброшена».¹⁹

Однако преодолеть дуализм в решении основных философских вопросов Мабли не удалось. Человек для него «состоит из двух столь различных субстанций, как душа и тело».²⁰ Следствием этого является противопоставление чувств, страстей, с одной стороны, разума — с другой, как противоположных, борющихся начал.

Причиной заблуждений является то, что «наш разум обречен видеть только сквозь наши чувства (*à travers nos sens*)».²¹ Поэтому «наш разум должен усвоить привычку не доверять нашим чувствам». Люди, одаренные от «природы разумом, способным возвышаться над чувствами», — философы.²²

Рожденные чувствами страсти — основа гибельного эгоистического начала в человеке, разум же влечет человека к общественному благу. В произведениях конца 60—начала 70-х годов, наиболее интересных в теоретическом отношении, Мабли, подходя к материалистическому объяснению природы человека, рассматривает социальную действительность — собственность и неравенство имуществ — как источник возникновения страстей, но, вместе с тем, у него часто можно встретить рассуждения о «вечности» страстей, как неотъемлемого

¹⁷ См., например, *Esprit de Mably et de Condillac relativement à la morale et à la politique* par M. Bérenger, à Grenoble, 1789, vol. I—II. В предисловии (стр. V—VI) автор сближает воззрения братьев-философов.

¹⁸ Mably, *Collection complète des oeuvres*, t. XIV, à Paris, L'an III de la République (1794 à 1795).

¹⁹ Там же, т. XV, стр. 23, также т. X, стр. 332.

²⁰ Там же, т. XV, стр. 42. Ср.: «Тайнственный способ, который объединяет столь различные субстанции, как дух и материя» (т. X, стр. 258).

²¹ Там же, т. XV, стр. 44.

²² Там же, т. X, стр. 267—268 и 362.

свойства человеческой природы.²³ Мораль, по мнению Мабли, должна строиться не на основе личной пользы. Непросвещенный человек «считает мудрым то, что ему полезно».²⁴ Богатство, развивая губительную страсть — жадность, привязывает человека к личной пользе. Бедность способствует подчинению личных интересов общественным. Так Мабли оправдывает исторически определенный грубо уравнительный характер своего коммунистического идеала. Утопия Мабли окрашена в аскетические тона. Имущественное равенство, «ограничивая наши потребности, сохраняет в нашей душе мир».²⁵ «Чем проще будут ваши потребности, тем ваши наслаждения будут чище и длительнее. Чем менее вы будете подавлять свои желания, тем более вы будете ощущать нужду, которая вас будет преследовать и осаждать со всех сторон».²⁶ Мабли резко осуждает политическое и социальное угнетение народа, рисует картины нравственного разложения собственнического общества, неоднократно заявляет себя сторонником народного суверенитета.²⁷ Однако проповедь демократии вступала в противоречие с теорией страстей, как ее понимал Мабли. Мабли выступает против руссоистского представления о доброй основе человеческой природы. «Дикий» «дообщественный» человек — игральщик страстей — отнюдь не является для Мабли идеалом.²⁸

Коль скоро порожденное частной собственностью господство страстей уже существует, то наиболее нравственными членами общества объявляются наиболее просвещенные граждане, способные подавлять страсти разумом. Это — философы, слушающиеся разума и привыкшие не доверять свидетельствам чувств.

²³ «Страсти столь же древни, как и мир, всегда в дружбе и вражде между собой, всегда постоянные в своих заблуждениях, они не перестают воздвигать одной рукой то, что разрушают другой. Вот зрелище, которое представляют и человеческие общества, и отдельные граждане. Все это кончается революцией, но кончается только затем, чтобы повториться вновь таким же самым образом. Изменяются только лишь имена» (там же, стр. 238).

²⁴ Там же, т. VIII, стр. 352.

²⁵ Мабли, Избранные произведения, под ред. В. П. Волгина, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 73. — Разрядка моя, — Ю. Л.

²⁶ Mably, Collection complète, т. X, стр. 277.

²⁷ См., например: «Демократия должна служить основой всякого правления» (там же, т. VIII, стр. 351).

²⁸ «Погружаясь в глубь веков (...) вы в действительности не найдете почти во всех странах ничего, кроме людей, погруженных в отвратительное варварство, водимых скотскими страстями, жертвами которых они являлись. Дикари, подобные животным, кажется, как и они, обладали лишь грубыми инстинктами» (там же, т. XII, стр. 2).

Рожденные для «мудрой умеренности», они «знают, что счастье в нас, а не в предметах, нас окружающих, и могут избежать всеобщей заразы».²⁹ Характерно, что, одобряя мудрецов, стремящихся установить благотворное равенство имуществ (так истолковывается, например, законодательство Ликурга), Мабли резко отрицательно относится к стремлению бедняков сам им добиться равенства. Страсть жадности «вызывает надежды, которые подготавливают умы к уменьшению покорности, невозможно <беднякам, — Ю. Л.> помешать завидовать участи господ; бедняки желают возвыситься до них или их унижить до себя».³⁰

Применительно к современности прямое народоправство внушает Мабли опасения. «У этого уравнителя есть некоторый страх перед массаами», — пишет акад. В. П. Волгин.³¹ Выступая против монархии и аристократии, Мабли опасается и «прямого народного правления, своевольтва черни всегда слепая, всегда необузданная в желаниях своих».³² Власть должна осуществляться просвещенными представителями народа, находящимися под его контролем. Представитель народа — «законодатель, который приходит на помощь народу <...> дабы помешать ему злоупотреблять своей властью».³³

Боязнь прямого народоправства заставила Мабли даже предпочесть умеренную конституцию Массачузетса более демократической конституции Пенсильвании, одобрить, вопреки собственным принципам, имущественный ценз и даже оправдать то, что древнегреческие рабы были лишены политических прав.³⁴

²⁹ Там же, т. VIII, стр. 362 и 305—306.

³⁰ Там же, т. VIII, стр. 352.

³¹ В. П. Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789). Изд. АН СССР, М—Л, 1940, стр. 153.

³² Разговоры Фокионовы о сходности нравоучения с политикою, собранные греком Никоклесом. СПб., 1772, стр. 57. Характерно, что переиздавший книгу в 1794 году Борей снабдил это место примечанием: «Если бы Мабли еще жил, если бы он увидал, как просвещается масса свободной печатью, публичностью заседаний Национальной ассамблеи, народными обществами, он отнюдь не страшился бы чистой демократии. Только это правление истинно, ибо только оно естественно».

³³ M a b l i u, Collection complete, т. VIII, стр. 347—348.

³⁴ «Я возвращаюсь к Массачузетсу, сударь, и вижу, с удовольствием, что правительство держит в удалении от себя всех тех людей, которые не имеют имущества, кроме своих рук, и могут лишь волновать политическое управление, если им сообщить какую-либо власть. Возможно, что именно поэтому древние республики, столь глубоко понимавшие права человечности применительно к гражданам, оскорбляли эти же права, допуская существование рабов, которые не были в государстве ничем и были единственно покорны воле своих господ» (там же, т. VIII, стр. 387—388). В «Разговорах Фокионовых» автор презрительно говорит о народном собрании, в котором принимают участие невольники и иностранцы.

Противоречивость воззрений Мабли, противника тирании, защитника народных интересов, активного создателя характерного для революционной идеологии XVIII века культа античных добродетелей, определила сложность отношения к нему А. Н. Радищева.

В 1772 году в Петербурге появился анонимный перевод книги Мабли «Разговоры Фокионовы о сходности нравочений с политикою, собранные греком Никоклесом». Изданная впервые в Амстердаме в 1763 году, книга эта еще не содержит свойственных другим произведениям 60—70-х годов коммунистических требований; так, говоря о законах Ликурга, Мабли еще не выделяет общности земель. Тем не менее книга уже содержит характерные черты воззрений зрелого Мабли: осуждение тирании, «неестественного» феодального порядка, неравенства в распределении имуществ. Критерием целесообразности действий правительства является воля народа: «К чему служит персам завоевание всей Азии? Больше ли они от того имеют воляности? Подданной пользуется ли с большею надежностью своим счастьем потом как государь свое толь уродливо умножил». ³⁵ Неравенство имуществ губит чувство патриотизма: «Жадность к деньгам, нас снедающая, задушила любовь к отечеству». «Отечество, честь, правосудие все то он (богатый, — Ю. Л.) продаст, лишь бы было б кому купить. Сенатор, сокрушаем несварением в желудке, отдаст всю область тому, кто поднесет ему элексир, удобный оживить утраченные его стомаха (желудка, — Ю. Л.) силы, а вы хотите, чтоб он наведывался, нет ли какого бедного гражданина, голод претерпевающего? Не чаете ль вы, что жадные и веселием удручаемые градоначальники очень способны мыслить о нуждах общества». ³⁶

Переводчик не указал на титульном листе своего имени, но обращение к архивным источникам позволяет его установить. В делах типографии Академии наук за 1772 год находим под 20 августа: «Комиссару Збормирскому приказать, чтобы он статскому советнику Г. Курбатову подаренной им Академии и напечатанной переводу его книги „Фокионовых разговоров о сходности нравочения с политикою“ к преждевыданным ему г. Курбатову двенадцати экземплярам в знак благодарности выдал еще двадцать восемь экземпляров безденежно, записав в расход, с роспискою». ³⁷

³⁵ Разговоры Фокионовы, стр. 74. (Страница ошибочно обозначена как 47).

³⁶ Там же, стр. 37 и 94—95.

³⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 543, л. 180. Петр Петрович Курбатов (1707—1786), писатель и переводчик, служил в Коллегии иностранных дел с 16 ав-

Перевод Курбатова не свободен от погрешностей, говорящих о не очень высоком мастерстве переводчика, но вместе с тем он свидетельствует о сознательном и самостоятельном отношении его к переводимому сочинению. Курбатов не перевел обширных авторских комментариев (в связи с этим опущенным оказался и последний абзац предисловия Мабли, поясняющий характер примечаний), но зато дал два своих. Встречающиеся в тексте термины «цензор» и «эфоры» снабжены следующим пояснением: «Цензор. В Римской республике был чин великий между важнейшими градоначальниками. Достоинство сие за верх всех честей почитается. Он попечение имел о пользе народной; он рассматривал и переписывал людей и каждого имения, распределяя по тому уравнивательные подати с римских граждан; в его ведомстве были капища, дороги, публичные здания. Власть его над всеми была толь большая, что он исправлял нравы; сокращал роскоши и всякие злоупотребления, лишал рыцарского чина; имел право выключать сенаторов, ежели кого признает недостойна быть в сенате по злому какому или соблазненному поведению». «Ефоры. Градоначальники в Лакедемонии, которых название значит надзиратели; они надсматривали за всеми поступками граждан и как опекунами были над королями; надмерную их власть в умеренность приводили и прямо сопротивлялись сенату, который, преступая свою должность, обыкновенно изменял пользе народной».³⁸

Нельзя не заметить, что примечания Курбатова составляют не только фактическую справку, но и отражают определенную теоретическую позицию. И цензор, и эфоры рассматриваются как представители народа, контролирующие действия правительства. Таким образом, исполнительная власть правительства через выбранных народом лиц оказывалась под непосредственным контролем суверенной нации. Такая точка зрения несколько отличалась от позиции Мабли в переведенной Курбатовым книге, в которой автор решительно заявлял себя сторонником смешанного правления, опасаясь чрезмерного влияния охваченного страстями народа на власть.

густа 1760 года. Им же, видимо, выполнен перевод книги «Велисарий, сочинение г. Мармонтеля, академика французского, печатано при императорской Академии наук, 1769 С амстердамского 1767 года издания, переведено в Москве в том же году». Последняя помета, вероятно, необходима для того, чтобы отвести подозрение в соперничестве с изданной в 1768 году в Москве книгой «Велизер, сочинения г. Мармонтеля. Переведен на Волеге» — коллективным переводом Екатерины II и ее двора.

³⁸ Разговоры Фокионовы, стр. 59 и 61.

Любопытно, что, вставив свое толкование роли эфоров и цензора, Курбатов не перевел близко расположенное примечание Мабли, в котором говорилось, что Платон и все другие великие мужи древности «всегда желали учредить в своих городах смешанное правление, которое, утверждая власть законов над должностными лицами и власть должностных лиц над гражданами, объединяет преимущества трех обычных правлений (имеется в виду демократия, аристократия, монархия, — Ю. Л.) и не имеет недостатка ни одного из них». Далее Мабли с осуждением говорил о том, что «власть народа в Афинах не знала границ. Правительство являлось лишь пустым названием...». Однако текст примечаний показывает, что, уточняя Мабли, Курбатов разделял самую суть его идей о главенстве народных интересов и стремление к возможному установлению равенства имуществ (об общности земли в «Фокионовых беседах» речи еще не идет). Характерно, что в функциях цензора он выделяет установление прогрессивного налога и «сокращение роскошей».³⁹

Мы сравнительно подробно остановились на переводе Курбатовым книги Мабли, поскольку текст ее был, бесспорно, в поле зрения Радищева. На это указывает, прежде всего, совпадение некоторых внешних особенностей обеих книг. Радищев, как и Курбатов, не перевел подстрочных примечаний Мабли, зато добавил свои. Как и Курбатов, Радищев краткое содержание глав, содержащееся в оглавлении («*Sommaires*») книги Мабли,

³⁹ В этом отношении любопытно, что в другой книге, переведенной Курбатовым — «Опыте о народных недовольствах, из сочинений Шевалье Вильгельма Тамплъ» (в книге «Два опыта». СПб., 1778) — среди великих писателей назван Томас Мор. В числе причин «непорядкам в государстве» автор переведенной Курбатовым книги называет «неравенство состояний» (там же, стр. 22). В пределах имущества Тамплъ (William Temple, 1628—1699) видит стремление «приводить (общество, — Ю. Л.) на первобытные его начала через оказание и самое действие некоторых великих добродетелей или некоторыми ж строгостями. Флорентинцы называют то в их республике *Ripigliare il Stato*; а римляне тож часто делали введением закона о разделе земель» (там же, стр. 27). Правда, автор настроен пессимистически и считает, что пределы происходили «без всякого успеха». Общество делится на довольных и недовольных: «... первые желают мира и соблюдения того, что имеют; вторые отваживаются на опасность в надежде достать себе то, чем другие законно владеют». Но само законное владение оказывается результатом древнего грабежа. Нынешние сторонники «порядка происходят от счастливых его противников». «Таким образом, древние норманы по разделению между собою отнятых у англичан земель и имений ревностными стали защитниками древних саксонских порядков или обыкновенных английских законов противу нарушителей оных собственных королей своих» (там же, стр. 29). Выхода автор не видит: общество вечно будет раздираемо враждой, в которой обе стороны по-своему правы и не могут прийти к примирению.

разнес по соответствующим главам. Можно предположить, что появление перевода Курбатова побудило Радищева опубликовать и свой, а возможно, и определило само решение переводить Мабли. Однако самым важным свидетельством в пользу предположения о знакомстве Радищева с переводом Курбатова является тот факт, что примечания «Размышлений о греческой истории» составлены с явным учетом примечаний «Разговоров Фокионовых».

Однако прежде, чем говорить об отношении Радищева к переводимой им книге, необходимо в нескольких словах остановиться на произведении, избранном им для перевода. Это тем более необходимо, что в научной литературе существует вряд ли оправданное стремление рассматривать радищевские примечания изолированно от той книги, к которой они были сделаны.

Основная тема книги Мабли — прославление республиканских добродетелей древнего мира. Не случайно преклоняющийся перед памятью Марата издатель «Фокионовых бесед» в 1794 году советует для воспитания истинных республиканцев читать «превосходные произведения Плутарха и Мабли». ⁴⁰ Рассматривая историю как политический урок, считая, что «довлеет почерпнуть в сих великих происшествиях нужные просвещения к соделанию истинного народов могущества и благоденствия», ⁴¹ Мабли утверждал, что именно судьба древних греков способна возбуждать величие добродетели. «Читая их историю, мы воспламеняемся, — писал он. — Представим себе землю сию, наполненную республиками, пышность и роскошь ненавидящими, населенную воинскими гражданами, любящими токмо правосудие, славу, вольность и отечество» (II, 326).

«Размышление о греческой истории» не может еще быть поставлено по глубине социальной концепции рядом с «Сомнениями, предложенными философам-экономистам» и «Законодательством, или принципами законов». Однако основные контуры идей Мабли здесь уже отчетливо очерчены. Придавая законодательству Ликурга в Спарте черты идеального общественного порядка, Мабли в первую очередь выделяет уничтожение частной собственности на землю: «Ликург, желая граждан сделать достойными истинную вкушати вольность, учредил в имении их совершенное равенство; но он не остановился при новом земель разделе. Природа вселила в лакедемонян без сомнения неодинаковые страсти; не тот же замысел

⁴⁰ Entretiens de Phocion . . , à Paris, An II (1794), стр. 26.

⁴¹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 276. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте, в конце цитат, с указанием на том и страницу.

в приращении своих наследств: и для того он опасался, чтобы сребролюбие не собрало поместья в единую руку <...> Ликург изгнал употребление сребра и золота и пустил в обращение железную монету. Он учредил народные столы, где каждый гражданин принужден был непрестанный подавать пример воздержания и строгости» (I, 237).⁴²

В основе политической концепции книги лежит идея народного суверенитета. Идея республики была выражена в переведенной Радищевым книге с неслыханной смелостью. Греция, «восхотев» «быть вольной», сбросила царей. «Тогда любовь к бесподанству стала отличающим греков качеством: даже царское имя им стало ненавистно и удрученный город мучителем был бы всей Греции поношением» (I, 232). Величие античного мира прямо связывается с господством республиканского строя: «Самодержавно управляемая Греция не произвела бы ни законов, ни художеств, ни добродетелей, вольностью и соревнованием в ней произращенных» (I, 232).

Свобода — высшее благо, и «народ никогда по воле своей не оставляет свою независимость» (I, 318).

Исполненный добродетели мир древних республик прямо противопоставляется монархическому рабству современности: «Мы не знаем, что такое есть покорение вольного народа. С тех пор, как монархия стала общее в Европе правление, где все подданные, а не граждане, и где разумы равно от сребролюбия и сладострастия изнемогают; то война и производится в землях к повиновению обыкших и защищаемых наемниками. Самые республики, нам предлежащие, представляют токмо толпу мещан, прилепленных ко гражданским упражнениям: отчаяние не родит уже там чудес, и мы не найдем народов, предпочитающих разрушение свое потерею своей вольности. Спартане и афиняне хотели умереть свободными» (I, 245).

Для характеристики политических воззрений Мабли в такой же мере, как и для его социальных взглядов, показательна

⁴² Кстати, бесспорно, именно это имел в виду Радищев, когда иронически писал в «Путешествии» о крестьянах, питавшихся за общим столом на помещичьем дворе: «По обыкновению лакедемоняне пировали вместе на господском дворе». Ясно, что Е. В. Приказчикова заблуждается, когда упорно истолковывает в своих работах это место как сравнение крепостных крестьян с греческими рабами: «Радищев недаром сравнивал этих крестьян с лакедемонянами и называл их узниками: они были на положении таких же говорящих орудий, как рабы в рабовладельческой системе» (История русской экономической мысли, т. I, ч. 1. Гослитиздат, М., 1955, стр. 638). Радищев, конечно, знал, что рабами в Спарте были илоты, термин «лакедемоняне» имел в виду лишь свободных граждан. Ср. употребление этих терминов в радищевском переводе Мабли (А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I. Изд. АН СССР, Л., 1938, стр. 238).

трактовка им законодательства Ликурга. В реформированной Ликургом Спарте, по Мабли, суверенная власть принадлежит народу: «Народному же телу отдал законодатель сей власть самодержавную, то есть право давать законы, учреждать мир или войну и поставлять судей. . .» (I, 235).

«Самодержавство, коим народ пользовался» (I, 236), сочетается с подчиненной ролью царей и сената. Первым оставлена «неограниченная как полководцам над войском власть», причем, будучи судьями, они «купно с сенатом» являются «только орудием или исполнителями законов» (I, 235). «Отдельные республики объединяются в федерацию, которую автор называет «слитком государств вольных и цветущих» (I, 295).⁴³

Однако, изложенная смелая теория народной власти получила в книге Мабли характерное освещение. Она проникнута духом исторического пессимизма. Если для Радищева характерна вера в способность человека «противиться заблуждению» (I, 227), стремиться «всегда к прекрасному, величественному, высокому» (I, 215), с чем связана была вера в возможность достижения общественного порядка, обеспечивающего человеку счастье, то для Мабли господствующие в человеке в ущерб разуму страсти делают счастье фатально недостижимым. Он говорит о «мрачном благополучии» (так Радищев переводит «*bonheur obscur*»), для которого-то, вероятно, люди и сотворены» (II, 312).

Неверие в способность разума восторжествовать над неразумием страстей заставляло Мабли и в «Размышлении о греческой истории», как и в других произведениях, признавая, что народные интересы являются высшей задачей государства, в то же время подозрительно относиться к прямому народоправству. Осуждая демократический строй Афин, он спрашивал, не присваивался ли «через сие всемогущий сан толпе несмысленной, неосновательной, завидущей щастию богатых», не возникало ли «под именем димократии истинное безначальство?» (II, 251). Он считал, что «Солону надлежало бы умалить число частых народа собраний» (II, 252).

Поэтому Мабли полагал, что лучшей государственной формой является правление мудрецов, проникнутых сознанием народных интересов. Так, Ликург учинил «Спартянам мудрое насилие, дабы преобразить их нравы и законы» (II, 317), «принудил лакедемонян быть мудрыми и счастливыми» (II, 246). Мабли даже допускает не только насилие, но и обман, если они

⁴³ Ср.: «Сто вольных и неподвластных городов составили наконец одну только союзную республику, коя мы во Швейцарии довольно сходственный видим образ» (там же, стр. 232).

имеют целью народное благо. Фемистокл, «не могши возвести чернь до своих мыслей, убеждал ее властною; возбуждал ее веру; отверзал уста богов; и Грецию исполнил прорицаниями, способствующими его предприятиям» (II, 246). Такая позиция определила понимание института эфоров в Спарте, излагаемое в книге. Надзор за исполнительной властью возлагается не на народное собрание, а на «эфоров или надзирателей». «Им особливо препоручено было предохранять, чтобы цари или сенаторы не употребляли во зло исполнительную власть» (II, 235—236). Это была фактически уже знакомая нам теория народных представителей, причем и в данной книге Мабли подчеркивал свои симпатии к «смешанному правлению», опасаясь неустойчивости «чистой демократии». Такова была, в общих чертах, социально-политическая концепция книги, с которой Радищев познакомил русского читателя. Однако самым существенным является то, как оценивал сам переводчик положение переводимого им сочинения Мабли. Радищев снабдил текст шестью примечаниями. Идейное значение имеют из них лишь два, но зато изложенная в них система воззрений весьма последовательна. Понимание этой системы невозможно без сопоставления их с другими высказываниями Радищева по аналогичным вопросам. Если сопоставить лейпцигские сочинения Ушакова, солидарность с которыми Радищев печатно подтвердил много лет спустя, выписки и заметки Радищева 80-х годов, оду «Вольность» и примечания к книге Мабли, то можно сделать вывод, что замечания переводчика к тексту Мабли неизбежно обусловлены всем ходом его мысли.

Радищеву чуждо противопоставление страстей и разума. На всем протяжении его творчества мы не встретим колебаний в том, что, «по системе Гельвециевой», «разум идет чувствованиям в след, или ничто иное есть, как они» (III, 346). Чувства связывают человека с окружающей средой. «Люди зависят от обстоятельств, в коих они находятся» (I, 191), — писал Ушаков в Лейпциге (перевод Радищева), «Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей», — много лет спустя, в Сибири, развивал ту же мысль Радищев (II, 64). Согласно радищевскому представлению о человеке, о его исконной антропологической основе — это «существо, всесилию и всеведению сопричастное» (II, 51), наделенное внешним «благолепием», стремящееся и к личному, и к общему благу. Основанному на представлениих сенсуалистического материализма идеалу человеческой личности соответствовал и определенный общественный идеал. Человек рожден для счастья: «Дерзай желати своего блаженства и блажен будешь» (III, 29).

Стремление человека к личному счастью не противостоит стремлению к нему других людей, ибо все они, живя в одинаковых условиях, подвергаясь одинаковому воздействию среды, имеют сходные представления, сходные потребности и интересы. В свободном от угнетения обществе эгоистическое стремление человека к личному счастью вместе с тем есть и гражданственное стремление к общему благу. «Доколе единомыслие в обществе царствовало, закон ничто иное был, как собственное каждого к пользе общей побуждение, ничто иное, как природное почти стремление исполнять каждому свое желание; и бо каждый в особенности своей ничего иного желал, как чего желали все...» (III, 29).⁴⁴ Из этого проистекало убеждение в том, что личная польза человека совпадает с нравственными требованиями общества, и стремление связать материальный интерес с общественной моралью. «Всякое действие его (человека, — Ю. Л.) во благе и во зле есть мздоимно», так как «причина к общежитию есть единственная, а именно собственная каждого польза» (III, 30). Другим следствием изложенной системы являлось убеждение в том, что, заключая общественный договор, человек сохраняет всю свободу естественного состояния, поскольку его свобода, по Радищеву, не имеет (в отличие от того, как полагал Руссо) антиобщественного характера. «Закон положительный, — писал Радищев в «Опыте о законодательстве», — не истребляет, не долженствует и немогущен всегда истребить закона естественного» (III, 10).

«Гражданин, — писал Радищев в «Путешествии», — становясь гражданином, не перестает быть человеком» (III, 47).⁴⁵

Из подобного понимания характера общества закономерно вытекало и представление о «естественном» государственном порядке. Цель государства — счастье граждан: «Государство есть великая машина, коея цель есть блаженство граждан» (III, 5). Радищевское понимание природы человека заставляет его верить в народную массу, поэтому идея прямого и непосредственного народовластия находит в нем естественного защитника: «Собрание граждан именуется народом; соборная

⁴⁴ Ср.: «Свою творю, творя всех волею». — Разрядка моя, — Ю. Л.

⁴⁵ В этом отношении даже Пнин стоял на позиции, отличной от радищевской. Полемизируя с якобинской конституцией, он писал «Права человека согласуются ли сколько-нибудь с правами гражданина. Всякой человек может сделаться гражданином, но гражданин не может уже сделаться человеком... Из сего ясно видеть можно, сколь мнимые права человека противоположны правам гражданина» (Ив. Пнин. Опыт о просвещении относительно к России. СПб., 1804, стр. 24—25).

народом власть есть власть первоначальная, а потому высшая...». Исполнительная власть, которую «вверяет народ единому или многим», находится под его прямым и непосредственным контролем. «Худое власти народной употребление есть преступление» (III, 10). Подобный идеал политического порядка отличался от представительной системы Мабли и по непосредственным государственным формам, и по теоретическим установкам. Не случайно Мабли с раздражением говорил о развитии искусства красноречия в Афинах. Из-за права «всякому пятидесяти лет гражданину держать речь в народном собрании» «витийство приобрело сим власть сената превышающую», что «судейскую мудрость покорило своевольству народа» (II, 252). Радищев же с удовлетворением отмечает летописные сведения о древнерусском красноречии как историческое свидетельство распространения в древней Руси демократических форм правления. Выписав указание на то, что «Воробей посадник... бе вельми сладкоречив... иде на торжище и паче всех увеща», — он делает вывод: «Из сего видно, что красноречие тогда было почитаемо и народные собрания во употреблении» (III, 34).

Ясно, что замена прямого народовластия представительством — излюбленная идея Мабли — не встретила у Радищева сочувствия. Это выразилось в пояснительном примечании к слову «эфоры». Характер примечания заставляет предположить, что Радищев имел в виду и концепцию Мабли, и уточнение ее в аналогичном примечании Курбатова. Если Мабли в характеристике эфоров подчеркивал «между различными властями равновесие», вследствие чего, с одной стороны, «самодержавство, которым народ пользовался», было гарантией от узурпации власти царями и сенатом, с другой — «демократическая правления часть всегда бывала бессильна и утеснена судейскою властью, сколь скоро она свою власть во зло употребить хотела» (II, 236), то концепция Курбатова уточняет эту характеристику в духе идей Руссо о народном суверенитете. Однако и Мабли, и его русский переводчик положительно относятся к институту эфоров, видя в нем средство защиты народных интересов.

Точка зрения Радищева была, как мы видели, иной. Сторонник непосредственного народовластия, глубоко веривший в творческие возможности народа, Радищев критически относится к созданию политического института, подменяющего народное собрание. Он осуждает то, что «эфоры не имели положенных пределов своей власти. Представление об эфорах как защитниках «самодержавия народа» — основной тезис и Мабли, и Курбатова — также берется Радищевым под сомнение.

«Учреждение ефоров, — пишет он, — можно почесть средством, употребленным к восстановлению тишины и спокойствия» (II, 235). Достаточно вспомнить отношение Радищева к терминам «мир и тишина», чтобы понять, что защитники их для него не могли быть стражами народных интересов. В оде «Вольность» (в составе главы «Тверь») он писал: «В мире и тишине суеверие священное и политическое, подкрепляя друг друга союзно общество гнетут» (I, 357).

В другом месте «Путешествия»: «Оно <мучительство>, проповедуя всегда мир и тишину, заключает засыпляемых лестию в оковы. Боятся оно даже посторонния тревоги» (I, 299).⁴⁶ Можно было бы привести и ряд других примеров.

Таким образом, примечание Радищева к слову «ефоры» представляет справку не столько фактическую, обнаруживающую его «осведомленность в столь специальном вопросе греческой истории» (II, 410), сколько формулу, вытекающую из иного понимания им представительного правления.

Второе значительное из примечаний Радищева к книге Мабли посвящено толкованию понятия «самодержавство». Цитация и комментирование его весьма часто встречаются в радищевской литературе. Исследователи обращали уже внимание на то, что содержание этого текста находится в известной зависимости от трактата Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре». Следует иметь в виду, что сам по себе этот факт весьма примечателен. Появившийся в 1762 году труд Руссо оставался еще произведением, сравнительно мало популярным. Свою известность и значение программного политического документа он приобрел значительно позже — в годы революции. Ссылаясь на данные Морне, согласно которым в каталогах частных дореволюционных библиотек Франции последнему удалось обнаружить 126 указаний на наличие «Новой Элоизы» (на наличие сочинений Вольтера — указаний 178) и лишь одно упоминание «Общественного договора», акад. В. П. Волгин отмечает: «В предреволюционное время в публицистике мало ссылок на Руссо как на политического мыслителя».⁴⁷ Однако значение

⁴⁶ Разрядка моя, — Ю. Л. Ср.: «Нужно обращать менее внимание на внешнюю тишину и на спокойствие начальников и более на благосостояние целых наций... Бунты, гражданские войны, сильно пугают глав государства, но не они являются причиной истинных несчастий народов... процветанию людей в действительности помогает гораздо больше свобода, а не мир» (Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре. Соцгиз, М.—Л., 1938, стр. 73—74).

⁴⁷ В. П. Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789). Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 131 Ссылка

примечания о «самодержавстве» не ограничивается изложением демократической теории народного суверенитета и общественного договора. Несмотря на краткость, оно содержит элементы, отражающие своеобразие позиции Радищева. Это — высказывания о размерах прав общества в наказании преступников и о праве народа судить государя. Тематически это связывает примечание с сочинениями Ушакова, одой «Вольность» и черновыми набросками Радищева. С последними имеются и текстовые совпадения. Без сопоставления с этими произведениями своеобразие примечания не может быть до конца понято.

Теория неделимости и неотчуждаемости народного суверенитета и вытекающее из нее требование прямого народоправства обусловили мысль о том, что только малые государства способны иметь демократический строй.⁴⁸

Гарантией выполнения правительством общей воли являлась возможность ее непосредственного изъявления. Таким образом, хотя система Руссо и подразумевала возможность вооруженного сопротивления народа воле узурпатора, но последнее входило в нее как отклонение от нормы, естественный же порядок государственной жизни протекал мирно. Система воззрений Радищева уже в первый период творчества сложилась иначе. Идея общего народного собрания, веча, свободно приглашающего и изгоняющего князей, была свойственна его политическому мышлению. Она определила интерес писателя к вечевым республикам древней Руси. Однако Радищев понимал утопичность лозунга федерации применительно к современности. Выказав его в оде «Вольность», Радищев более к нему не возвращался, а в заметке «Монтескию и Руссо» подверг эту идею резкой критике. Но уже в той же оде «Вольность» им была развернута и иная система воззрений, детали которой помогают нам восстановить черновые наброски юридических сочинений Радищева: «В России суть два члена общества: государь и народ» (III, 15). Народ — суверен: «Соборная народа власть есть власть первоначальная, а потому власть высшая». Поскольку «употребление народу самому своей власти в малом

на статью Морне в «Revue d'histoire litteraire», XVII, juillet—septembre, 1910. Следует иметь в виду, что, как указывает сам Морне, показательность приводимых им цифр снижается тем, что они дают, в основном, сведения о читателе, принадлежащем к социальным верхам, имевшем возможность создавать собственные обширные библиотеки, и не отражают вкусов демократических кругов.

⁴⁸ Ср.: «Суверену отныне возможно сохранить свои права лишь в том случае, если гражданская община очень мала» (Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, стр. 84).

обществе есть трудно, а в большом невозможно» (III, 10), он образует правительство из «единого или многих». Если для Руссо законодателем может быть только суверен, т. е. народ, собранный на площади,⁴⁹ то у Радищева «употребитель народной власти (т. е. исполнительная власть, правительство, — Ю. Л.) дает законы». В таком понимании закон может предписывать свою волю лишь отдельным гражданам, но не всему народу, который всегда выше законодателя: «Законы есть предписание высшей власти для последования единственного; ибо соборному деянию народа власть, народом поставленная, хотя всего превыше, не может назначить ни пути, ни предела» (III, 10—11). Правительство — только «употребитель» народной власти. В этом отношении понимание Радищева близко к Руссо, считавшему, что «хранители исполнительной власти являются не господами народа, а его чиновниками», и при соблюдении этого условия «даже монархия становится республикой».⁵⁰ Критерием исполнения государем своих обязанностей является счастье отдельного гражданина. Поскольку (здесь Радищев расходится с Руссо) эгоизм отдельного человека должен совпадать в справедливом обществе с общенародными интересами и является основой морали, то государство, созданное как орудие общей пользы, не может посягать на счастье даже одного из граждан: «Отъявй единое из сих прав <имение, честь, вольность или жизнь, — Ю. Л.> у гражданина, государь нарушает первоначальное условие и теряет, имея скиптр в руках, право ко престолу» (III, 15). Единичный случай угнетения есть свидетельство искаженности всего государственного порядка. Радищев выписал «мнение судии Гольма»: «Если человек заключается властью не законною, то сие есть достаточная причина всем для принятия его в защиту<...> Когда свобода подданного нарушается, то сие есть вызов на защиту ко всем английским подданным» (III, 44). Уничтожение несправедливой власти мыслится Радищевым как революционный акт,

⁴⁹ Ср. «Суверен может действовать, лишь когда народ собран». Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, стр. 78.

⁵⁰ Ж.-Ж. Руссо, ук. соч., стр. 86 и 33. На аналогичную, по сути дела наивно-крестьянскую, точку зрения ориентировался Чернышевский, когда в листовке «Барским крестьянам» писал о политическом порядке, при котором «царь, значит для всего народа староста, и народ-то, значит, над этим старостой, над царем-то, начальствует». И дальше: «А то и при царе тоже можно хорошо жить»<...> Только, значит, с тем, чтобы царь во всем народу послушанье оказывал и без народа ничего сделать не смел...» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XVI, ГИХЛ, М., 1953, стр. 951).

венцом которого является суд народа-суверена над мятежником-царем:

Преступник власти мною данной,
Вещай, злодей мной увенчанный,
Против меня восстать как смел.

Народная революция и суд над царем утверждается как своеобразный государственный институт, проявление народного суверенитета. В примечании к тексту Мабли читаем: «Неправосудие государя дает народу, его судии, тоже и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками» (II, 282). «Худое власти народной употребление есть преступление величайшее, но судить о нем может только народ в собранном своем лице», — писал Радищев в юридических набросках» (III, 10). Суд над царем мыслится как общенародный акт (ср.: «На вече весь народ течет»). Таким образом, государственная система, создаваемая Радищевым, не только включала, как это было у Руссо, потенциальную возможность революционных выводов, но и прямо узаконивала народную революцию в качестве гаранта политической справедливости. Мы не имеем достаточных материалов, чтобы судить, насколько эта система воззрений оформилась в период работы над переводом Мабли, но основное звено — суд над царем — в примечании уже присутствует. Таким образом, примечание оказывается связанным с целостной и в высшей степени интересной концепцией государственной власти, в которой стражем народного суверенитета оказывалась не возможность одновременного сбора народа на голосование, а готовность его к вооруженному восстанию против забывшего свои обязанности правительства.

Книга, которую перевел Радищев, содержала, в основном, политическую концепцию Мабли, и, если сам перевод указывал на определенную степень солидарности переводчика с автором, то примечания определены были, как мы видели, принципиальным расхождением по ряду вопросов.

Однако наиболее интересную и передовую часть воззрений Мабли составляют его социальные теории. Для разбираемой темы представляет интерес вопрос: в какой мере Радищев был в них осведомлен и как к ним относился. Одним из ярких эпизодов идейной жизни Франции конца 60-х годов XVIII века была развернувшаяся полемика между Мабли и физиократами.

Сочинения физиократов были, бесспорно, хорошо известны внимательно следившему за экономической литературой Радищеву. В «Записке о податях Петербургской губернии» читаем: «О, вы, гордящиеся наукою вашею в способах обогатить земле-

делателя! Вы, мнящие во время, когда благодетельная природа, сожимающая сосцы свои, дает вместо класов, мучным соком упоенных, куколь и «пробел в рукописи» когда, измолочивая из снопа своего вместо зерен плевую и мякину, содрогаешься, что можно опустелые жилы питательного сока наполнить вместо благодетельного мучного раствора тем, что назначил скоту своему в снеде! Устыдитесь своего изобретения, возгнушайтесь, когда костистая лапа глады тягчит рамена земледельца, помышлять о прибытке. Дайте ему работу, но с работою и плато! Тогда он иметь будет пищу, тогда дом его согреться, тогда птенцы его не погибнут от наготы или худыя пищи» (III, 105).

Чтобы понять смысл приведенного отрывка, необходимо установить, кого Радищев имеет в нем в виду. Прежде всего, очевидно, объектом обличения являются некие теоретики-экономисты, занимающиеся вопросами земледелия и стремящиеся обосновать использование трудного положения наемных рабочих для снижения получаемой ими платы. (Из контекста ясно, что речь идет о крестьянах, вынужденных в случае голода идти работать по найму). Здесь же Радищев «для прокормления поселян в годы худого урожая» предлагает учредить общественные работы.⁵¹ Приведенные наблюдения дают возможность выдвинуть некоторые предположения об адресате.

Острота социальных противоречий во Франции второй половины XVIII века позволила физиократам сделать ряд глубоких экономических наблюдений. Вместе с тем физиократы не только раскрывали законы нарождающегося буржуазного порядка, но и стремились оправдать их как «естественные». Это особенно ярко проявилось в разработке философами-«экономистами» вопроса оплаты наемного труда. Еще Кене отметил влияние конкуренции на понижение платы работнику в сельском хозяйстве, в результате чего «чистый продукт» переходит в руки землевладельца. Детально это явление было освещено и теоретически оправдано в сочинениях Тюрго. «Простой работник, — писал Тюрго, — кроме своих рук и умения, не имеет ничего, пока ему

⁵¹ Последняя четверть XVIII века во Франции, как и в России, отмечена целой полосой тяжелых голодных лет. Голод был социальным явлением и свидетельствовал о кризисе системы феодального землевладения. В этих условиях проблема борьбы с обнищанием крестьян, с последствиями неурожая приобретала особую остроту. Физиократы откликнулись на нее идеей общественных мастерских (ateliers de charité). Тюрго удалось добиться от короля эдикта 2 мая 1775 года о мерах оказания помощи неимущим, «предоставляя им работу (en leur offrant du travail)». Однако, как указал еще Чернышевский, сама идея заботы о благосостоянии работника находилась в противоречии со всем духом учения физиократов и предлагаемые ими мастерские сулили народу только эксплуатацию.

не удастся продать кому-либо свой труд. Он его продаст более или менее дорого. Но эта цена, более или менее высокая, не зависит от него одного; она определяется соглашением, которое рабочий заключает с теми, кто оплачивает его работу. Этот последний ему платит как можно дешевле, а так как он имеет выбор из большого числа рабочих, то он и предпочитает тех, кто работает за более дешевую плату. Работники же завистью одного к другому принуждены понижать цену. Во всех родах работ должно происходить и происходит на самом деле то, что плата работнику ограничивается тем, что ему необходимо для поддержания существования».⁵²

Предлагаемые Радищевым общественные работы противоположны «ateliers de charité» — работники в них не средство, а цель. Если принять предположение (а с известной долей осторожности это можно сделать), что в приведенном отрывке Радищев имел в виду Тюрго, то раскроется резкая противоположность позиций. Радищев выступает с позиции защитника народных интересов. Вместе с тем характерно, что раскрытый Тюрго объективный закон буржуазного общества рассматривается Радищевым лишь как злонамеренная выдумка в ущерб интересам трудового человека.

Отрицательно настроенный по отношению к учению физиократов, в условиях оживления внимания к проблемам экономики и производительности хозяйства, характерного для 70—80-х годов XVIII века (такие события, как приезд в Россию Мерсье де ла Ривьера, еще более подогревали общественное внимание к трудам учеников Кене), Радищев вряд ли мог пройти мимо появившейся в 1768 году полемической книги Мабли «Сомнения, предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политических обществ».

В этой книге критика собственного общества и социалистические идеалы Мабли проявились с полнотой и блеском. Мабли называет основанный на собственности «естественный порядок» физиократов противоестественным. «Я не могу отказаться от приятной мысли обобщенности имуществ, — говорит он. Мабли указывает на то, что в собственническом обществе люди делятся на непримиримо враждебные классы. Однако Радищева привлекала особенно одна сторона полемики француз-

⁵² Turgot. Oeuvres, t. V, Paris, 1808, стр. 7—8. Радищев, вероятно, был знаком с первым изданием, осуществленным в 1782 году в Филадельфии Дюпон де Немуром. Интересовавшийся событиями в Америке и следивший за экономической литературой, Радищев не мог пропустить подобного издания. Цитата извлечена из «Записки о податях Петербургской губернии», создававшейся в 1786—88 годах.

ского утописта с физиократами. Последние, считая, что национальное богатство создается земледельцем, требовали устранения какого-либо вмешательства в дела собственников. Конкуренция и «естественный ход» экономического развития сами научат землевладельцев искусству получения наибольших урожаев, от чего и зависит благоденствие нации. Мабли также являлся сторонником процветания земледелия: «Люди не имеют другого истинного богатства, кроме продуктов земли». ⁵³ Считая, что торговля развращает нравы, он даже на гербе возникающих в Америке Штатов не желал бы видеть корабль. «Подумайте, — писал он, — что для вас он будет ящиком Пандоры». ⁵⁴ Однако сам подход к общественным вопросам у Мабли резко отличается от подхода физиократов. Он отказывается считать целью общества получение наибольшего количества продуктов земледелия. Он пишет: «Может быть скажут, что задачей, целью, предназначением общества является обработка земли. Нет, сударь, общественные установления не затем были созданы, что человек животное, которое следует насыщать, но потому, что он разумен и чувствителен». Дело не в богатых урожаях, а в общественной справедливости: «Нет, сударь, при том состоянии, до которого земельная собственность довела людей, совершенно неверно, будто вся политика должна состоять в увеличении „свободного дохода“, в том, чтобы учреждать лишь прямые налоги на земли и в религиозном преклонении перед землями, необходимыми для выращивания хлебов. Надо, конечно, иметь хорошие урожаи, но сперва надо иметь отличных граждан». ⁵⁵

Теория физиократов была глубоко противоположна идеям Радищева. Для него на первом плане стояли интересы живой человеческой личности: «Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни сулило, есть и пребудет всегда человек, а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда» (I, 279). Стремление оценить государственные действия с точки зрения «малой дробинки», живого человека, отнюдь не было проповедью индивидуализма — оно означало защиту интересов утесняемого народа. ⁵⁶ Не случайно,

⁵³ M a b l y, Collection complète, т. VIII, стр. 386.

⁵⁴ Там же, стр. 391.

⁵⁵ Там же, т. XI, стр. 26 и 29. Ср.: Г.-Б. М а б л и, Избранные произведения, М.—Л., 1950, стр. 187 и 190.

⁵⁶ Ср. ответ Герцена на утверждение Огарева в письме 1841 года, что «частный случай не может навести уныние за общее». «Частный случай! Конечно, все, что случается не с целым племенем, можно назвать частным случаем, но, я думаю, что есть повыше точка зрения, с которой землетрясение Лиссабона — частный случай, на который надобно смотреть сложа руки, а приказ Геслера Телю стрелять в яблоко, касавшийся только двух

как мы уже отмечали, отдельный случай угнетения, по Радищеву, — основание для всеобщего восстания. Понятно, что во взглядах физиократов, забывавших, по меткой характеристике Чернышевского, «что цифры в его (Кене, — Ю. Л.) итогах представляют людей»,⁵⁷ стремившихся заслонить интересы народа «естественным» («противоестественным», по замечанию Мабли) процессом развития собственности, оправдать угнетение народа ростом общественного богатства, не могли вызвать у Радищева никакого сочувствия. Есть основания полагать (хотя, конечно, возможно и случайное совпадение формул), что в критике физиократов Радищев учитывал «Сомнения» Мабли. Радищев не ставил своей целью всестороннее критическое рассмотрение учения физиократов. Его интересовали те вопросы, которые были актуальны для русских условий. В связи с этим перед ним вставал вопрос, о чем должен заботиться теоретик-экономист: об одном лишь увеличении плодов земледелия или об улучшении положения народа. В этом аспекте критика Мабли могла показаться ему особенно интересной. Как и Мабли, Радищев требует сосредоточить внимание не только на увеличении урожая, но и на справедливом его распределении. Его не удовлетворяет забота об *агротехнике*, приводящая к увеличению эксплуатации: «С умножением роскоши, с познанием правил и выгод земледелия <...> жребий их <крестьян, — Ю. Л.> становится тягостнее» (III, 118).⁵⁸

Попытки приспособить идеи физиократов к русской крепостнической действительности шли именно по линии пропаганды рационализации помещичьего хозяйства. Именно поэтому сторонников теории урожая как источника национального богатства, равнодушных к судьбам непосредственного производителя, Радищев и смог полемически приравнять к помещикам-крепостникам. В «Путешествии» он писал: «Блаженно <государство, — Ю. Л.> кажется, когда нивы в нем не пустеют» (I, 315). Чтобы понять, кого имеет Радищев в виду, достаточно сопоставить это место с «Сомнениями» Мабли: «Когда у экономиста спрашивали, какой народ самый счастливый, он отвечал: „тот, у которого поля лучше всего обработаны“». Какое государ-

индивидов, — самое возмутительное действие для всего человечества» (А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. II, Пгр., 1919, стр. 415). Ср. также мысль Добролюбова о том, что все сложные общественные вопросы можно свести к формуле: «человек и его счастье» (Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. 2, Л., 1935, стр. 234).

⁵⁷ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. V, ГИХЛ, М., 1950, стр. 296.

⁵⁸ (Разрядка моя, — Ю. Л.). В данном контексте характерен выпад против роскоши, т. е. имущественного неравенства.

ство самое могущественное? — „То, которое способно извлечь наибольший доход из своих земель“». ⁵⁹ Закономерно, что сторонники подобного взгляда поставлены Радищевым рядом с защитниками «тишины и устройства», которые для него «наемники мучительства».

В случае, если народ угнетен, страна, обильная урожаем, оказывается для Радищева «опустошенной»: «И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ея не поросли тернием и нивы их обилуют произращениями разновидными. Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза урова» (I, 317).

Вопрос о производительности сельского хозяйства оказывается для Радищева связанным со справедливым распределением, с интересами «кормильца тощеты» всего общества — крестьянина: «Или блаженство граждан в том почитаем, чтоб полны были хлеба наши житницы, а желудки пусты?» (I, 326).

Однако при общем сходстве позиций Мабли и Радищева в данном вопросе необходимо учитывать и отличие. Мабли, аскетически проповедующий добродетельную бедность, вообще осуждает стремления к увеличению общественного богатства. Для Радищева же зло — в несправедливости распределения, а само по себе богатство, если оно не основано на угнетении, является наградой труда и осуждения не встречает. Идея ограничения человеческих потребностей Радищеву чужда. ⁶⁰

Указанное отличие имело частный характер и вытекало из более существенных расхождений. Основным из них было отношение к частной собственности. Данный вопрос тем более интересен, что он позволяет судить об отношении Радищева к самому существенному в наследии Мабли — к его коммунистической теории.

Радищев многократно заявлял себя сторонником частной собственности, «которая первым положительным законом почтеться может» (III, 13). В главе «Хотиллов», как одно из условий социальной гармонии, указывается: «Межа, отделяющая гражда-

⁵⁹ Г. Мабли, Избранные произведения, стр. 168.

⁶⁰ В «Рассуждении о человеке и его способностях» — статье, возможно, написанной Радищевым или, во всяком случае, автором, находящимся под его влиянием, читаем: «Худо рассматривали человека, когда думали, что для учинения счастливым должно приучить его к бедности. Правда, что навык к бедности уменьяет количество наших несчастий, но, отъемля больше у нас удовольствий, нежели печалей, доводит человека скорее к нечувствительности, нежели к блаженству» («Беседующий гражданин», СПб., 1789, ч. III, стр. 124).

нина в его владении от другого, глубока, и всеми зрима, и всеми свято почитаема» (I, 312). Однако само понимание собственности Радищевым весьма своеобразно. Она, для Радищева, совпадает с понятием сферы приложения и плодов личного труда. В этом отношении на той же позиции стоял и Пнин, писавший: «Человек приобретает справедливые права на все те вещи, которые дабы соделаться таковыми, каковыми они суть, требовали употребления личных его способностей. Его работа сливает его так сказать с вещью, которую брал он на себя труд образовать, усовершенствовать, сделать полезною».⁶¹ Присвоение продукта чужого труда является не собственностью, а грабежом. В этом смысле душевладелец и землевладелец собственником не признается. Он — «общественный тать», и «богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежом, и заслуживает строгого в законе наказания» (I, 326). Это же определяет и отрицательное отношение Радищева к купечеству как сословию, непосредственно не производящему жизненных благ (Карп Дементьич в главе «Новгород»). Характеризуя подобную точку зрения, Г. В. Плеханов писал: «Предметы составляют собственность тех, кто произвел их своим трудом. Это, как видите, вовсе не капиталистическое понятие о собственности. В развитом капиталистическом обществе собственность есть, по меткому выражению Лассаля, чуждость (Eigenthum ist Fremdenthum), так как доход богатого создается не его собственным, а чужим трудом, трудом наемных рабочих. Но в том обществе, в котором отношения производства еще не стали господствующими, главным основанием собственности служит труд собственника. И потому ее с убеждением и жаром защищают люди, дорожащие интересами трудящейся массы».⁶²

Радищевская апология собственности имеет характер прямого требования полной ликвидации помещичьей собственности. Позиция защитника непосредственного производителя обусловила отрицательное отношение Радищева к наемному труду крестьянина на чужой земле, что, по его мнению, не отличается от крепостничества. Он требует:

Златая жатва, чтоб бесследна
Была о р а т о ю полезна.

Этому идеалу противопоставляется и труд батрака («бразды

⁶¹ Ив. Пнин. Опыт о просвещении относительно к России. СПб., 1804, стр. 13—14.

⁶² Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, кн. III. ГИЗ, М.—Л., 1925, стр. 10—11.

своей я не наемник») и принудительный труд крепостного («на пажитях своих не пленник»).⁶³ Считая, что размер земельного участка в руках крестьянина должен соответствовать возможностям личной обработки, Радищев допускает изменимость этих возможностей в зависимости от болезней, возраста и т. д.: «Младенцу или старцу, расслабленному, немощному и нерадивому, удел будет бесполезен» (I, 314—315). Это может вызвать концентрацию земли в одних руках, нарушить важнейшие условия справедливого общественного порядка — «равенство в имуществах», которое «отъемлет корень даже гражданских несогласий» (I, 312). Проблема имущественного неравенства волновала русских студентов еще в Лейпциге. Ф. В. Ушаков полагал, что «опыты всех веков и настоящее государств состояние доказывают невозможность равенства имений» (I, 194). Видимо, в связи с этой проблемой внимание Радищева привлекли ежегодные переделы земли у крестьян. Он отмечал, что «казенные крестьяне» «по мирским приговорам» совершают «разделение земель между собою, да и помещичьи, если находятся на оброке, т. е. имеют минимальную возможность самим устанавливать характер землепользования, «землю между собою делают по тяглам», «и нередко бывает, а особенно с умножением душ, что делают новый земель раздел» (I, 130).

Приведенные высказывания Радищева нашли в исследовательской литературе противоречивые оценки.⁶⁴ Пояснить точку зрения Радищева может заметка «Годовой раздел земли у крестьян», в которой находим: «Кто бы мог помыслить в наше время, что в России совершается то, что искали в древности наилучшие законодатели, о чем новейшие помышляют, от чего зависит та отменная любовь к своему жилищу российского земледельца» (III, 132).

⁶³ Разрядка моя. — Ю. Л. Ср. в статье «Рассуждение о человеке и его способностях» («Беседующий гражданин», 1789, ч. III, октябрь), написанной под влиянием Радищева, если не вышедшей из-под его пера: «Простой народ, сие множество людей, которое во всех государствах переносит трудные работы и тягости общественные, бывает ли счастлив в тех государствах, где следствия войн и несовершенства правительства свергнули оный в рабство или в тех правлениях, где успехи роскоши и правительство ввели оный в работу» (А. Н. Радищев. Статьи и материалы. Изд. ЛГУ, 1950, стр. 122).

⁶⁴ А. Н. Шапиро. Записки о Петербургской губернии А. Н. Радищева. «Исторический архив», V, М.—Л., 1950, стр. 208; Е. Приказчикова. Экономические взгляды А. Н. Радищева. М.—Л., 1949, стр. 86, а также: Сб. «История русской экономической мысли», т. I, М., 1935, стр. 643—645.

Для уяснения смысла приведенных отрывков важно определить, о каких древних и новых законодателях идет в них речь. «Новейший законодатель», — бесспорно, Мабли. В книге «О законодательстве, или принципах законов» Мабли доказывал, что любое справедливое распределение земельной собственности неизбежно приведет к концентрации ее в одних руках, и, отрицая возможность периодических переделов, выдвигал коммунистическое требование общественного владения землей. Он писал: «... с какой бы степенью равенства ни был произведен дележ земли, невозможно, чтобы в государстве не образовались вскоре богатые и бедные граждане; и это неравенство имуществ необходимо породит неравенство условий. Такова неизбежная судьба, так как было бы безумием простирать законы до того, чтобы повелевать гражданам иметь одинаковый ум, одинаковое искусство, одинаковую охоту к работе и одинаковое число детей. Итак, земли уродят больше в одних руках и меньше в других, и при равенстве в дележе (земли, — Ю. Л.) возникнет вскоре неравенство в имуществе. Предоставьте времени собрать или разделить передаваемые имущества и наследства, обождите третьего поколения, и я вам отвечаю, что вы не найдете более равенства в вашей республике. Но, может быть, закон прикажет совершать каждые сто лет новый раздел земли? В этом случае, я вас предупреждаю, лекарство будет хуже, чем болезнь. В конце каждого века никто не будет заботиться об обработке земли, поскольку не будет иметь надежды ее сохранить. Повсюду образуются заговоры и партии, и вместо того, чтобы исправить государство, вы его погубите».⁶⁵ В качестве лекарства предлагается (с ссылкой на Ликурга, которого Радищев и имеет в виду, говоря о «наилучших законодателях» древности) ликвидация земельной собственности. Размышления Мабли о невозможности земельных переделов и природе собственности были связаны с дискуссией по этому поводу, о ходе которой Радищев был, бесспорно, осведомлен. В «Размышлении о создании и распределении богатств» Тюрго, развивая точку зрения физиократов, также признавал трудовое происхождение земельной собственности. Он писал: «Первые собственники занимали сначала, как было уже сказано, столько земель, сколько их силы и силы их семьи позволяли им обработать».⁶⁶ В дальнейшем же, как до-

⁶⁵ Mably, Collection complète, т. IX, стр. 65—66. Ср.: Г. Мабли, Избранные произведения, стр. 89—90. Радищев, вероятно, пользовался изданием: Mably, De la législation, ou principes des loix. A Amsterdam et à Leipzig, MDCCLXXVII, стр. 51.

⁶⁶ A. R. Turgot, Réflexions sur la formation et la distribution des richesses (написано в 1766 г.); ср.: Тюрго (1727—1781). Размышления

казывал Тюрго, привлекая те же самые аргументы, что и Мабли (леность одних и трудолюбие других, разность почвы, способностей, количество членов семьи), земля должна была неизбежно сконцентрироваться в руках немногих. Передел земли невозможен. Но выводы, которые делает Тюрго, прямо противоположны коммунистическим идеалам Мабли. Для последнего они служили основой требования уничтожить всякую собственность на землю. Тюрго же ими обосновывал неравенство как неизбежный результат «естественного» развития.

Какова же позиция Радищева? Ему глубоко чуждо стремление физиократов представить порядок, основанный на имущественном неравенстве, как «естественный». Однако характер внутренних противоречий России, обусловивший систему воззрений Радищева, делал для него недоступными и коммунистические идеалы Мабли. Заметка «Годовой раздел у крестьян» фактически оспаривает весь ход мысли Мабли и имеет целью доказать, что трудовая частная собственность возможна.

Таким образом, интерес Радищева к общинному землепользованию был продиктован стремлением оправдать крестьянский идеал работы на своей земле (недаром, работая над «Русской правдой» по тексту Татищева, он выписал: «А иже между перерет... — 12 гр.», и заметил: «Из сего видно, что земля была собственность»).

Однако идея переделов земли вносила существенные поправки в само понятие собственности, подчеркивая ее трудовой характер. Общество сохраняет за собой право вмешиваться в дела собственника (этого физиократы ни за что бы не одобрили), если его собственность может послужить основой угнетения. Позиция Радищева, отличная от утопического коммунизма Мабли, близка к теориям мелкобуржуазных уравнивателей XVIII века (прежде всего, Руссо) и отражает интересы русского крепостного крестьянства XVIII века. В этом отношении любопытны колебания Радищева, то признающего собственность основой общественного союза и явно с осуждением относящегося к тому, что казенные крестьяне землю имеют только на употребление,⁶⁷ то восклицаящего в выражениях, очень близких к знаменитому началу второй части «О причинах неравенства» Руссо: «Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! он пригво-

о создании и распределении богатств. Ценности и деньги. Перевод и дополнения проф. А. Н. Миклашевского, «Ученые записки имп. Юрьевского университета», 1906, № 1, стр. 7, отд. пагин.

⁶⁷ «Можно ли сие назвать собственностью?» — иронически спрашивает Радищев (Полн. собр. соч., т. III, стр. 130).

здил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком» (II, 64).

Подобное колебание весьма характерно: оно было обусловлено стремлением утвердить крестьянскую идею трудовой и уравнительной собственности. Будучи сама по себе утопична, эта идея имела глубоко революционный характер. В. И. Ленин писал: «Идея равенства — самая революционная идея в борьбе с старым порядком абсолютизма вообще — и с старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности».⁶⁸

Рассмотренные нами идейные связи Радищева и Мабли представляют сравнительно частную тему в изучении мировоззрения писателя-революционера; она позволяет, однако, как мы видели, выявить весьма существенные стороны его идеологической позиции.

⁶⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 214.

Н. К. ПИКСАНОВ

«БЕДНАЯ АНЮТА» РАДИЩЕВА И «БЕДНАЯ ЛИЗА» КАРАМЗИНА

К борьбе реализма с сентиментализмом

1

Может показаться неожиданным и спорным такое заглавие статьи. «Бедная Лиза» Карамзина — прославленное произведение, давно ставшее предметом школьного изучения. Но что такое «Бедная Анюта» Радищева? Под таким заглавием у Радищева нет ни отдельного произведения, ни даже особой главы в том или ином произведении.

Да, такого произведения или такой отдельной главы нет у Радищева.

Но в «Путешествии из Петербурга в Москву» есть глава «Едрово», вся посвященная крестьянской девушке Анюте, и там Анюта неоднократно сама называет себя «бедной». Это и дает мне право выделить эту главу, дать ей наименование «Бедная Анюта» — и сопоставить с карамзинской «Бедной Лизой». И не только сопоставить, но и противопоставить и предпочесть радищевский очерк карамзинской повести.

«Бедная Лиза» необычайно популярна. С 1792 года, когда она была впервые опубликована,¹ повесть перепечатывалась бесконечное количество раз — до наших дней включительно, когда она издана в 1950 году, с иллюстрациями Г. Д. Елифанова Гослитиздатом. При первом же появлении в печати повесть вызвала восторги читателей, и к «Лизину пруду» под Москвой начались

¹ «Московский журнал», 1792, т. 6, кн. 3 (июнь).

постоянные паломничества. В издании 1796 года уже помещена картинка, изображающая пруд и поклонников автора, вырезающих на деревьях свои инициалы; под картинкой — отрывки из стихотворений, посвященных «любезному Карамзину» и его героине. Немедленно возникло влияние «Бедной Лизы» на русскую литературу — не только новеллистическую, но и драматическую. А. Е. Измайлов напечатал «Бедную Машу, российскую, отчасти справедливую повесть» (1801) — «справедливую», т. е. правдивую, достоверную. Некий Иван Свечинский издал свою «Обольщенную Генриетту» (1801), Н. П. Брусилов сочинил «Историю бедной Марии», анонимно напечатана «Несчастливая Маргарита». В 1817 году вышла — уже вторым изданием — пьеса Василия Федорова «Лиза, или следствие гордости и обольщения. С пением и куплетами. В пяти действиях». И долго еще потом не успокаивались поклонники карамзинской Лизы. В 1828 году некий М. М. напечатал стихотворение «Лизин пруд» в своем сборнике «Опыт сонетов». О Лизинном пруде говорилось еще в 1833 году в «Телескопе», в одном описательном очерке. Чернышевский указывал, что в своей «Сердечной Оксане» Квитко-Основьяненко подражал «Бедной Лизе». О карамзинской повести говорилось во всех учебниках и университетских курсах.

Судьба «Бедной Анюты» Радищева была иная.

В те десятилетия, когда в литературе и обществе шумела «Бедная Лиза», нельзя было и пытаться писать о радищевской Анюте, поскольку всё «Путешествие» Радищева было под политическим запретом. Да и позже, когда этот запрет был свергнут, гипноз «Бедной Лизы» оставался еще так велик, а понимание литературного метода Радищева было таким превратным, что даже в советское время глава «Путешествия», посвященная бедной Анюте, долгое время не находила правильной, справедливой оценки.

В своем университетском курсе истории русской литературы, еще с 1938 года, я ставил задачу сравнительной оценки «Бедной Анюты» и «Бедной Лизы»; в статье «Радищев и Грибоедов» 1950 года и в статье «Великий мыслитель и гражданин» в 1952 году я настаивал на раскрытии такого сопоставления — в пользу Радищева. К сожалению, полностью осуществить в печати это задание мне как-то не пришлось.

Впрочем, с большим удовлетворением отмечаю, что новейшее советское литературоведение всё быстрее и увереннее движется к правильному решению задачи. Сошлюсь на высказывания П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко, на автореферат диссертации Ю. М. Лотмана «А. Н. Радищев в борьбе с общественно-

политическими воззрениями и дворянской эстетикой Карамзина» (1951), на статью С. Ф. Елеонского «Реализм Радищева».²

И всё же, принципиально существенная задача: на конкретном примере, на сходных сюжетах раскрыть контрастность двух стилей — остается только намеченной, но не решенной.

Дальнейшее мое изложение явится попыткой решения задачи.

2

Тормозом, мешавшим правильному осмыслению литературного творчества Радищева, было превратное понимание его художественного метода.

Издавна литературоведы-компаративисты связывали «Путешествие» Радищева, да и другие его произведения, с западным сентиментализмом, со стернианством, с руссоизмом, а также и с русским сентиментализмом, с карамзинизмом. Так делал (в своих «Западных влияниях») Алексей Веселовский и вслед за отцом — Юрий Веселовский. Ошибочное отнесение Радищева к сентименталистам сказалось и в некоторых работах советского времени. Характерны тут работы Л. В. Пумпянского, Л. Б. Лехтблау и других. Блуждания литературоведов-руссистов отозвались и у литературоведов-западников; так, в коллективной «Истории английской литературы» А. А. Елистратова подчиняет Радищева влиянию Стерна. Руссисты-историки в коллективной «Истории СССР»³ категорически утверждают: «Литературная форма „Путешествия“ была взята Радищевым у английского писателя Стерна».

Здесь наглядно и упрямо проявляется неизжитый формализм. Хватаются за внешние приметы литературного сентиментализма, какие можно найти в текстах Радищева. Для сентиментализма характерна чувствительность — у Радищева в ходу словечко «чувствительность». Сентименталисты любят лирические излияния — у Радищева наблюдается повышенная эмоциональность фразеологии. «Сентиментальный путешественник» (Стерн, Карамзин) охотно излагает свои впечатления и настроения от встреч с людьми, от картин природы — у Радищева то же самое. Для сентиментальной литературы характерен жанр «путешествия» — Радищев написал «Путешествие из Петербурга в Москву».

² «Литература в школе», 1952, № 4.

³ История СССР. Изд. 2-е, т. 1, 1947, стр. 661.

Так учиняют разрыв формы и содержания и форме придают решающее значение в определении литературно-художественного направления. Само направление сводится к «стилю», «жанру».

Но такие большие явления в истории литературы, как классицизм, сентиментализм, реализм, не сводимы к стилю. Стиль для них явление вторичное, производное. Стиль определяется и обуславливается мировоззрением, которое само зависит от жизни. Мировоззрение сентиментализма — идеалистическое, с большими примесями фидеизма, религиозности. Социально-политические взгляды сентименталистов — взгляды умеренно-либеральные, консервативные, в последнем счете реакционные.

По внешним приметам к сентименталистам причисляют Руссо, а Радищева — к руссоистам. Но борьба Руссо против феодального строя, его демократизм, теория народного суверенитета, учение о свободе и равенстве, об уравнивании собственности — все эти элементы революционности выключают его из круга сентименталистов. Не к Стерну, не к Клопштоку или Бернардену де Сен-Пьеру, а к якобинцам тяготеет по существу литературно-идеологическое творчество Руссо.

Еще менее оснований зачислять в сентиментализм творчество Радищева. В западной литературе ему ближе других Руссо. Но Радищев во многом превосходил Руссо. Он с ним полемизировал. С другой стороны: мировоззрение Радищева теснейшим образом связано с национальной русской жизнью, с русской историей. Поэтому, казалось бы, легче соединить Радищева с сентиментализмом русским. Однако русский сентиментализм лишен демократизма, сильно откачнулся вправо, стал отображением и орудием дворянских охранительных тенденций. Демократизм, материализм, революционность Радищева не по плечу русскому сентиментализму.

Мировоззрение русского сентиментализма насквозь индивидуалистично (как и Стерна, как и Б. Сен-Пьера). Радищев в своих концепциях исходит не от индивидуума, но от коллектива, от общества, от народа. В рассуждении «О добродетелях и награждениях» Радищев противопоставляет «единственность» — общественности, «единственного», т. е. отдельного человека, индивидуума, противопоставляет «общезитию», «общественному сожитию», «общественному союзу». Радищев проповедует, что «силы человеческие, дремавшие, уснувшие паче или поистине мертвые в единственности, воспрянули в общественном сожитии». Радищев против индивидуализма, «прилепленного паче и паче к единственности и самолюблению». Немоущные, «расслабленные во единице», люди «едва не всесильными

стали в сообщении, творя чудеса яко боги». К «общественному человеку» Радищев обращается с горячим словом о «силе вашей общей»: «она в тебе и в собратии твоей присносушна. Дерзай желати своего блаженства и блажен будешь. Блажен в общественном союзе — блажен и в твоей единственности».

Радищев понятие «общества» конкретизировал в учении о народе, народе русском, русском крестьянстве. В контрасте с русским дворянским сентиментализмом Радищев изображал не идиллических пейзажей, а подлинный народ, и не только в его «мирном труде», но и в его революционных движениях.

В органической связи с общим реализмом своего мышления — философского, исторического, социального — Радищев применяет реалистический метод и в художественных изображениях.

Язык произведений Радищева крайне своеобразен. В соответствии с революционным пафосом, с агитационно-пропагандистскими заданиями, с высоким строем философской и социальной мысли язык и стиль Радищева страстен, возвышен, публицистичен. Это — язык трибуна. Здесь много книжного, избыточны элементы церковно-славянской лексики, синтаксиса и фразеологии. Но когда Радищев говорит не от себя, а от своих героев, он умеет придать их речи житейскую простоту, естественность, социально-бытовую характерность. Крестьянин, семинарист, купец, дворянин говорят у него каждый по-своему.

Так же умеет Радищев придать характерность, типичность создаваемым образам, персонажам. Реалистически зарисовывает Радищев бытовую жизнь — мужицкую, помещичью, купеческую. Радищев чужд жеманности сентименталистов. Он изображает быт, каков он есть в действительности, он не боится дать и натуралистическую деталь, когда это надо.

Реализм писателя-социолога, экономиста сказывается в создании широких картин народного и государственного хозяйства (например, Вышневолоцкого канала).

Еще глубже, новаторски смелее социальный реализм у Радищева в изображении знати и дворянства, крепостнических насилий, роста народного гнева и классовой борьбы. Никто до Радищева (да и долго после него) не создавал таких реалистических картин народного мятежа, как в «Путешествии».

Революционность мировоззрения Радищева так контрастна, антагонистична мировоззрению русских сентименталистов во главе с Карамзиным, что даже наиболее упрямым защитникам его «сентиментализма» приходится вносить какие-то ограничения, осложнения в свои формулировки. Так, вслед за А. А. Аникстом, Л. В. Пумпянским В. Н. Орлов в своей книге «Радищев

и русская литература» (1949) употребил компромиссную эклектическую формулу: «революционный сентиментализм Радищева» (стр. 18). Автор учебника «Русская литература» (М. Учпедгиз, 1953) А. А. Кайев подхватил ее. Но такая формула — нечто вроде оксюморона: «роскошная нищета», «сладкая горечь». С. Ф. Елеонский резонно возражал: «Выражение „революционный сентиментализм“, двусмысленное само по себе, применительно к литературному творчеству А. Н. Радищева звучит особенно фальшиво, квалифицирует его совершенно превратно. Сентиментальное восприятие революции было чуждо Радищеву». Еще резче против отнесения Радищева к сентименталистам высказался П. Н. Берков: «Настоящий сентиментализм представляет явление реакционное, сколько бы ни упрямылись литературоведы, выгораживая те или иные произведения сентиментализма... Поправки на революционность не спасают мнимого сентиментализма... нет, Радищев не сентименталист, а один из зачинателей русского критического реализма».⁴ И все-таки даже в 1952 году В. Н. Орлов повторяет: «В целом творчество Радищева, если подходить к нему исторически, следует рассматривать как выражение тех художественных тенденций, которые в своей совокупности покрываются принятым в историко-литературной науке понятием сентиментализм».⁵

Определять Радищева как сентименталиста — значит тянуть его назад и книзу. Если уже непременно сближать с кем-нибудь несравнимого Радищева, то лучше сопоставлять его с сатирической журналистикой Новикова и Крылова да с «Недорослем» Фонвизина.

3

Противопоставлять же Радищева следует Карамзину и сентиментальной школе.

«Бедную Лизу» в литературном обиходе принято считать лучшим образцом русского сентиментального повествовательного стиля. Это неверно. Ценнее в художественном отношении и глубже в идейно-психологическом другая повесть Карамзина, «Юлия» (1794). Но согласимся, что «Бедная Лиза» очень показательна и характерна.

⁴ П. Н. Берков. А. Н. Радищев в истории русской литературы. «Ленинградский университет», 1949, 1 сентября, № 28.

⁵ Вл. Орлов. Радищев и русская литература. Изд. 2-е, Л., 1952, стр. 31.

Характерен самый язык этой повести.⁶ Вот несколько примеров. Крестьянская девушка Лиза: «Ах, нет, матушка! Я этого не думаю». Старая крестьянка: «Надобно, чтобы царь небесный очень любил человека, когда он так хорошо убрал для него здешний свет»; «не могу наглядеться на чистое небо, похожее на высокий шатер». Лиза Эрасту: «Без твоего голоса скучен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен»; «Видеть тебя есть великое благополучие для всякого»; «Жестокый человек! ты думаешь лишить меня и этой отрады! Нет! расставшись с тобою, разве тогда перестану плакать, когда высохнет сердце мое». Она же: «О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную! Нет! небо не падает; земля не колеблется. Горе мне!». Эраст выпил поданный Лизой стакан молока — «и нектар из рук Гебы не мог бы показаться ему вкуснее». Еще: «Мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткого сна». Еще: «Рощи, кусточки оживились; птички вспорхнули и запели; цветы подняли свои головки, чтобы напиться животворными лучами солнца»; еще о Лизе: «Часто печальная горлица соединяла жалобный голос свой с ее стенаниями».

Карамзин охотно включает в свою сентиментальную повесть пастораль-миниатюру: когда «молодой пастух по берегу реки гнал стадо, играя на свирели», Лиза думала: «Если бы тот, кто занимает теперь мысли мои, рожден был простым крестьянином, пастухом, и если бы он теперь мимо меня гнал стадо свое: ах! я поклонилась бы ему с улыбкою и сказала бы приветливо: Здравствуй, любезный пастушок! куда гонишь ты стадо свое? И здесь растет зеленая трава для овец твоих; и здесь алеют цветы, из которых можно сплести венок для шляпы твоей» и т. д. Эраст — «...восхищался своей пастушкой — так называл Лизу».

И Лиза, и ее шестидесятилетняя мать часто произносят лирические монологи. Нередко эти монологи начинаются междометием «Ах!» — тем междометием, от которого потом образована критиками ироническая фамилия Ахалкин.

Сам автор не уступает своим героиням в лиризме и патетике. Вот для примера: сообщив читателям, что Эраст выпроводил Лизу из кабинета при содействии слуги, Карамзин продолжает: «Сердце мое обливается кровию в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте — готов проклинать его — но язык мой не движется — смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. Ах! для чего пишу не роман, а печальную бль?»

⁶ Повесть цитируется по изданию: Русская проза XVIII века, т. II. Ред. А. В. Западова и Г. П. Макогоненко, Гослитиздат, Л., 1950.

В этой своеобразной лексике речей героинь и автора, в этой характерной стилистике и фразеологии ярко сказался барский жаргон, какой внедряли в русскую литературу Карамзин и сентименталисты.

И автор, и героини часто плачут. О матери Лизы Карамзин даже пишет: «Бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего, — ибо и крестьянки любить умеют! — день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать». На успокоительные речи дочери мать отвечала: «На том свете перестану я плакать. Там, сказывают, будут все веселы; я, верно, весела буду, когда увижу отца твоего».

Настойчиво Карамзин создает особую психологию своих героинь — необычайно эмоциональную, типично сентиментальную. Постепенно и неуклонно складывается образ Лизы как образ барышни-крестьянки, вернее — крестьянки-барышни, с изысканным литературным языком, с повышенной чувствительностью и т. д. Автор щедро рассыпает в применении к ней эпитеты: нежная, робкая и пр. Да и мать Лизы изображена чертами какой-то барыни-крестьянки или крестьянки-барыни — вне реального трудового быта крестьянства.

Автор неохотно касается бытовой, трудовой жизни героинь. Правда, вначале он сообщает читателям скороговоркой, что Лиза, «не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь — ткала холсты, вязала чулки, весной рвала цветы, а летом брала ягоды и всё сие продавала в Москве». Но в ходе повествования крестьянский труд не показан; автор словно забывает о нем. Так, Лиза поутру пропадает целых два часа на свидании с Эрастом — и мать этого не замечает. О самой матери Карамзин рассказывает: «Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестными красками описывала», — и только; кроме наслаждения природой, ни о чем другом не упомянуто.

Когда Лиза рассказала матери о своей первой городской встрече с молодым барином Эрастом, предложившим рубль за цветы, стоившие пять копеек, мать резонно ответила: «Лучше кормиться трудами своими и ничего не брать даром. Ты еще не знаешь, друг мой, как злые люди могут обидеть бедную девушку. У меня всегда сердце бывает не на своем месте, когда ты ходишь в город». Это резонно. Но когда красивый офицер Эраст сказал ей: «Мне хотелось бы, чтобы дочь твоя никому, кроме меня, не продавала своей работы», — неожиданно «старушка с охотою приняла сие предложение». Когда Эраст «хотел всегда платить в десять раз дороже назначаемой ею цены»,

вдова, правда, отказывалась брать лишнее, но в самом предложении офицера не находила ничего подозрительного, — как и в его частых визитах, — вопреки своим прежним благоразумным наставлениям.

Так нереально, неправдоподобно завязывается повествование.

Это не значит, что в повести не будет реальных, правдивых данных. В частности, правдиво обрисован сам Эраст, молодой, красивый, богатый барин, не лишенный добрых черт, но уже испорченный барско-офицерской средой, бесхарактерный, легко поддающийся дурным увлечениям, проигрывающий в карты целое состояние и потому вынужденный жениться на богатой вдове и порвать отношения с Лизой. Однако вся повесть построена так, что сводится к истории интимных переживаний и моральному конфликту. Подлинная социальная среда, где происходит конфликт, затушевана; Лиза и ее мать с успехом могли бы быть поняты читателем как горожанки, как бедные дворянки. Крепостная эпоха никак не угадывается в повести.

К чести Карамзина-писателя необходимо признать, что он проявляет немало моральной чуткости, гуманизма. Мать и дочь зарисованы и оценены с явной симпатией. Разрыв Эраста с Лизой расценивается автором отрицательно, порицательно. «Эраст, — пишет Карамзин, — был до конца жизни своей несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею».

И всё же тяжелой драме — измене Эраста и самоубийству Лизы — автор дает не социальное, а моралистическое осмысление и разрешение. Рассказав о смерти Лизы и потом Эраста, Карамзин замыкает повествование сентенцией: «Теперь, может быть, они уже помирились!» — за гробом, на том свете, в который Карамзин верит так же твердо, как и мать Лизы. От своего собственного имени он пишет: «Таким образом окончила жизнь свою прекрасная душой и телом. Когда мы там, в новой жизни, увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!»

Ничего иного сказать читателю писатель не имеет.

4

Совсем иначе, контрастно и по существу антагонистично «Бедной Лизе», строит свою повесть о бедной Анюте Радищев.

Впрочем, необходимо отметить, что у Радищева с Карамзинным имеется немало внешних, фабулярных сближений. Как у Карамзина, у Радищева барин заводит знакомство с бедной крестьянской девушкой. У девушки есть мать-вдова, и барин

с нею встречается. Как и у Карамзина, барин у Радищева предлагает вдове и ее дочери денежную помощь. И там, и здесь к девушке сватается деревенский парень.

Всё это помогает сравнительному анализу двух повестей.

Но при сравнении сразу же начинают вырастать контрасты.

Когда проезжий-барин, т. е. сам Радищев, на станции Едрово, встретив девушку Аннушку, несущую на коромысле тяжелое мокрое белье, затевает с нею разговор (в стиле Эраста), Анюта отвергает его помощь: «Спасибо, спасибо; часто мы видим таких щелкунов, как ты; пожалуй, проходи своею дорогою»; «не подъезжай, пожалуй».⁷ Барин уверяет Аннушку, что он не негодяй, не хочет ее обесчестить, что он чтит искренность чувств деревенских девушек. И дальше мы читаем строки, подобных которым не найдем у Карамзина:

Девка в сие время смотрела на меня, выпяля глаза с удивлением. Да и так быть должно; ибо кто не знает, с какою наглостию дворянская дерзкая рука поползается на непристойные и оскорбительные целомудрию шуточки с деревенскими девками. Они в глазах дворян старых и малых суть твари, созданные на их угождение. Так они и поступают; а особливо с несчастными, подвластными их велениям <т. е. крепостными>.

А рядом — еще более резкая тирада:

В бывшее пугачевское возмущение, когда все служители вооружились на своих господ, некакие крестьяне (повесть сия нежива), связав своего господина, везли его на неизбежную казнь. Какая тому была причина? Он во всем был господин добрый и человеколюбивый, но муж не был безопасен в своей жене, отец в дочери. Каждую ночь посланные его приводили к нему на жертву бесчестия ту, которую он того дня назначил. Известно в деревне было, что он омерзил 60 девиц, лишив их непорочности. Наехавшая команда выручила сего варвара из рук на него злобствовавших (144).

Автор считает эту тему столь существенной, что на следующей же странице вновь к ней возвращается. Словно предвосхищая поведение карамзинского Эраста, Радищев пишет:

Не бойся меня, любезная Анюта, не подобен я хищному зверю, как наши молодые господчики, которые отъятие непорочности ни во что вменяют (145).

Глубокое мужицкое недоверие к искренности «добраго барина» проявляется и во встрече путешественника-автора с матерью Анюты. От девушки автор узнает, что за нее сватается хороший парень, но родители не отпускают его к ней в дом —

⁷ Цитаты приводятся по тому же изданию: Русская проза XVIII века, т. II.

«просят сто рублей». «А матушка меня не отдаст; я у ней одна работница». Тогда повествователь решает подарить эти сто рублей матери Анюты и идет в их избу. Мать он застаёт не в сентиментальной элегической бездеятельности, как мать Лизы, а за обычной крестьянской работой. Происходит замечательный диалог. Радищев рассказывает:

В избе я нашел Анютину мать, которая квашню месила; подле нее на лавке сидел будущий ее зять. Я без дальних околичностей ей сказал, что я желаю, чтобы дочь ее была замужем за Иваном, и для того принес ей то, что надобно для отвлечения препятствия в сем деле.

— Спасибо, барин, — сказала старуха, — в этом теперь уж нет нужды. Ванюха теперь пришед сказывал, что отец уж отпускает его ко мне в дом. И у нас в воскресенье будет свадьба.

— Пускай же посуленное от меня будет Анюте в приданое.

— И на том спасибо. Приданого бояре девкам даром не дают. Если ты над моей Анютой что сделал и за то даешь ей приданое, то бог тебя накажет за твое беспуство; а денег я не возьму. Если же ты добрый человек и не ругаешься над бедными, то, взяв я от тебя деньги, лихие люди мало ли что подумают...

Я было еще попытался дать им денег, отдавая их Ивану на заведение дому; но он мне сказал:

— У меня, барин, есть две руки, я ими дом и заведу. — Приметив, что им мое присутствие было не очень приятно, я их оставил и возвратился к моей кибитке (146).

Автор заключает: «Я не мог надивиться, нашед толико благодетства в образе мыслей у сельских жителей» (146).

Радищев не вдается в подробное описание бытовой обстановки, в какой происходила замечательная беседа. Это здесь и не нужно: в главе «Пешки» Радищев дает описание крестьянской избы — настолько точное и реалистичное, что советские музеи быта по нему изготавливают макеты «черной» избы XVIII века:

Я обозрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянския избы. Первый раз обратил сердце к тому, что доселе на нем скользило. — Четыре стены, до половины покрытые, так, как и весь потолок, сажено; пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые штл). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется...

Здесь, прерывая описание, не в силах будучи сдержать гнев, Радищев пишет:

Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззачитное нищеты состояние. — Звери алчные, пиявцы неасытные, что.

крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, — воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отъяти у него жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно! С одной стороны — почти всесилие; с другой — немощь беззащитная (204).

С точным и смелым реализмом передает Радищев рассказ Аняуты о ее трудном бытовом положении:

Меня было сватали в богатый дом за парня десятилетнего; но я не захотела. Что мне в таком ребенке; я его любить не буду. А как он придет в пору, то я состарюсь, и он будет таскаться с чужими. Да сказывают, что свекор сам с молодыми невестками спит, покуда сыновья вырастают. Мне для того-то не захотелось итти к нему в семью. Я хочу себе ровню (144).

Этот откровенный, прямой рассказ девушки о язве крестьянского быта, о снохачестве, невозможен, просто немислим у Карамзина с его чопорностью, с его барской брезгливостью.

С тем же смелым реализмом, не боящимся и натуралистической детали, Радищев пишет в соседней главе («Валдай») о гулящих валдайских девках:

Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских разурмяненных девок? Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясающие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие, воспользоваться его щедростью на счет своего целомудрия. . . Путешественник раздевается, идет в баню, где его встречает или хозяйка, если молода, или ее дочь, или свойственницы ее, или соседки. Отирают его утомленные члены; омывают его грязь. Сие производят совлекая с себя одежды, возжигают в нем любострастный огонь, и он препровождает тут ночь, теряя деньги, здравие и драгоценное на путешествие время. Бывало, сказывают, что оплошного и отягченного любовными подвигами и вином путешественника сии любострастные чудовища предавали смерти, дабы воспользоваться его именем (140).

Радищев видит и изображает жизнь, как она есть, без прикрас, со всеми недостатками.

Но острый взор писателя-публициста умеет увидеть в жизни и положительное, ценное, то, что обеспечит лучшее будущее. Положительные, творческие силы Радищев видит именно в трудовом народе, в крестьянстве, а не в дворянстве. Не излагая этой радищевской темы во всей полноте, напомним только поразительное сопоставление крестьянских женщин с городскими дворянками в той же главе «Едрово»:

Приезжайте сюда, любезные наши боярыньки московские и петербургские, посмотрите на их зубы. . . Станьте, с которою из них вы хотите, рот со ртом; дыхание ни одной из них не заразит вашего легкого. А ваше, ваше, может быть, положит в них начало. . . болезни. . . боюсь сказать какой;

хотя не покраснеет, но рассердитесь. Разве я говорю неправду? Муж одной из вас таскается по всем скверным девкам; получив болезнь, пьет, ест и спит с тобою же; другая же сама изволит иметь годовых, месячных, недельных или, чего боже спаси, ежедневных любовников. Познакомься сегодня и совершив свое желание, завтра его не знает; да и того иногда не знает, что уже она одним его поцелуем заразилась. А ты, голубушка моя, пятнадцатилетняя девушка, ты еще непорочна, может быть; но на лбу твоём я вижу, что кровь твоя вся отравлена. Блаженной памяти твоей батюшка из докторских рук не выхаживал; а государыня матушка твоя, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебе женишка, заслуженного старика генерала, и спешит тебя выдать замуж для того только, чтобы не сделать с тобой визита воспитательному дому <намек на внебрачную беременность> (142).

Тема о развратных нравах столичных дворян, о «дурной болезни» в их среде — опять небывалая, невозможная для сентименталиста тема.

Возьму еще одну цитату из Радищева.

Выше говорилось о том барском жаргоне, каким переполнены речи Карамзинской Лизы и ее матери.

Речь крестьян у Радищева строится иначе — близко к подлинной народной, мужицкой речи. Образцы ее даны уже в приведенных выше высказываниях Анюты и ее матери. Вот еще один пример. Ямщик откровенно говорит барину, автору, Радищеву:

— Видно, барин, — говорил он мне, улыбаясь и поправляя шляпу, — что ты на Анютку нашу призаирался. Да уж и девка! Не одному тебе она нос утерла... Всем взяла... На нашем яму много смазливых, но перед ней все плешь. Какая мастерица плясать! всех за пояс заткнет, хоть бы кого... А как пойдет в поле жать... загляденье (149).

5

Приведенных цитат достаточно, чтобы получить право сказать: Радищев и Карамзин — не союзники в соиздании единого стиля, а враги, антагонисты. Один из них — глубокий реалист, другой — убежденный сентименталист. Таковы они по существу, хотя бы не читали ни одной строки друг у друга.

Но следует помнить хронологию их писаний. «Путешествие из Петербурга в Москву» напечатано в 1790 году, и с этого года Радищев надолго замолк. «Бедная Лиза» напечатана двумя годами позже, и с 1792 года Карамзин развил бурную литературную деятельность. Откликнуться на его творчество Радищев не мог. А Карамзин — откликнулся ли он на «Путешествие» Радищева?

Вне всякого сомнения, Карамзин знал знаменитую книгу Радищева — не мог ее не знать, если не в печатном тексте, то в одном из многочисленных списков.

Было бы невероятно, неправдоподобно, если бы идеолог крепостнической монархии и глава русских сентименталистов Карамзин не откликнулся — прямо или опосредствованно — на книгу революционера и писателя-реалиста Радищева. Хотел того Карамзин или нет, но его «Бедная Лиза» противостоит «Бедной Анюте» Радищева. Рассказ Карамзина «Сельский праздник и свадьба» (1791) дает тенденциозную идилию, когда «поселяне из церкви пришли в дом к господину» и тот, «как отец с детьми», преподавал им «моральные истины» и «увещевал их быть трудолюбивыми». В очерке «Нежность дружбы в низком состоянии» (1793) находим у Карамзина такой диалог между госпожой М. и крестьянкой Анютой:

Госпожа М.: Вам должно быть очень весело, друзья мои? — Анюта: Как не весело, сударыня! Мы рады всему белому свету, встаем, молимся богу, целуемся, работаем с охотой, шутим, смеемся, говорим почти без умолку... После работы отдыхаем, играем с детьми и не видим, как проходит день... — Госпожа М.: Итак, вы совершенно довольны своим состоянием, друзья мои? — Анюта: Конечно, сударыня», и т. д.⁸

Контрастом к образам строптивых крестьян в «Путешествии» Радищева является Фрол Силин, «благодетельный человек» в одноименной повести Карамзина (1791); повесть написана словно в ответ Радищеву.

Противопоставлены радищевским дворянам образы дворян карамзинских — чувствительных, душевно чутких, полных дворянского достоинства и чести, высоко культурных, преданных своей семье, благосклонных к своим крепостным. Карамзин явно, намеренно идеализирует мирное житие крепостной деревни. Но он отлично знает и помнит, что под наброшенным в его повестях идилическим покровом идет именно та социальная борьба, какая гениально разоблачена Радищевым. В год смерти Радищева Карамзин опубликовал повесть «Рыцарь нашего времени» (1802). Литературоведы много писали об отличной разработке психологического образа героя, Леона, о сложном душевном росте его с детских лет. Но удивительно, что не оценили своеобразной и характернейшей ретроспективной «утопии», включенной в это «Детство и отрочество» российского дворянина. Восьмая глава повести носит название: «Братское общество провинциальных дворян»; общество это было не просто кружком приятелей, это была целая организация, «мататоры провинции», как пишет Ка-

⁸ См.: П. А. Орлов. Идейный смысл повести Н. К. Карамзина «Бедная Лиза». «Ученые записки Рязанского гос. педагог. института», т. X, 1955, стр. 46—47. В позднейшей статье — «Радищев и сентиментализм» («Ученые записки» того же института, т. XII, 1956) — автор повторяет эклектическую формулу: сентименталист-реалист.

рамзин. Ими был составлен и подписан «Договор братского общества» — и вот его начало: «Мы нижеподписавшиеся клянемся честью благородных людей жить и умереть братьями, стоять друг за друга горою во всяком случае, не жалеть ни трудов, ни денег для услуг взаимных, поступать всегда единодушно, наблюдать общую пользу дворянства, вступаться за притесненных и помнить русскую пословицу: тот дворянин, кто за многих один». «А кто из нас не сдержит своей клятвы, тому будет стыдно и того выключить из братского общества».

Только среди социальных антагонизмов и в ясном классовом (дворянском) самосознании могла возникнуть у писателя-сентименталиста такая «утопия».

А годом раньше, в пятом томе «Писем русского путешественника» (1801), Карамзин напечатал: «Утопия (или царство счастья — сочинение Моруса) будет всегда мечтою доброго сердца, или может исполниться неприметным действием времени... Всякие насильственные потрясения губельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот».

Сентиментализм Карамзина и его единомышленников становился воинствующим. Ю. М. Лотман поставил эту тему в своей диссертации «А. Н. Радищев в борьбе с общественно-политическими воззрениями и дворянской эстетикой Карамзина» (1951). Он пишет (автореферат, стр. 12): «Завершивший свою политическую эволюцию, Карамзин выступает в эти годы как прямой противник революционной идеологии Радищева. Изучение издаваемого Карамзиным журнала позволяет вскрыть ряд полемических выпадов против Радищева, а также активное участие издателя „Вестника Европы“ в напряженной общественной борьбе, развернувшейся вокруг гибели Радищева». К сожалению, читателям доступен только автореферат этой диссертации.

Но что и теперь уже совершенно ясно, это исторический исход борьбы Радищева и Карамзина, борьбы реализма и сентиментализма. Борьба решилась в пользу Радищева и реализма.

Борьбу эту ошибочно было бы понимать только как борьбу двух литературных стилей, двух эстетических систем, сентиментализма и реализма. Неверно было бы понять ее и как столкновение двух теоретических мировоззрений, консервативного и революционного.

В борьбе Радищева и Карамзина было отчасти и то и другое — и эстетические, и философско-политические элементы. Но было еще иное, основное, то, что предопределило собою и черты эстетические, и черты теоретические. То был социальный субстрат литературного творчества двух писателей: у одного — дворянский, у другого — демократический.

Склонных к формализму литературоведов сбивало с толку то обстоятельство, что в «Путешествии» Радищева находимы подоби́я или прямые восприятия сентиментальной манеры — в языке, в лиризме, в жанровых элементах «путешествия». Но такие черты не органичны для стиля «Путешествия»; преобладают и количественно, и по своей значимости черты реалистические.

Столь же бесспорно, что и в стиле «Бедной Лизы» и вообще у Карамзина-новеллиста и поэта, как и у других русских сентименталистов, явственны черты реализма. Так, достижением литературного реализма явилась культурно-психологическая характеристика Эраста: «... довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным»; «вел рассеянную жизнь, думал только о своем удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою»; «читывал романы, идиллии; имел довольно живое воображение» и т. д. Много реалистических черт рассеяно в повести «Юлия», как и в других психологических повестях Карамзина. Сам будучи даровитым, искренним поэтом-лириком, Карамзин писал («Аониды», вторая книга): «Поэзия состоит не в надутом описании ужасных сцен природы, но в живости мыслей и чувств. Молодому питомцу муз лучше изображать в стихах первые впечатления любви, дружбы, нежных красот природы», — и вот в русской сентиментальной лирике находим много правдивых, реалистических изображений душевной жизни. Больше того: у Карамзина найдем иронические высказывания против ультрасентиментализма; Эраст, начитавшись романов и идиллий, «часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои проводжали».

И все-таки Карамзин остается сентименталистом. Индивидуализм, субъективизм, асоциальность, авторитарность властно определяют собою стиль Карамзина, — как социальность, демократизм, материализм, революционность организуют стиль Радищева.⁹

Органично для обоих авторов то, что возникает из социального положения, занимаемого тем или другим, — из дворянского консерватизма у Карамзина, из демократизма и революционности у Радищева.

⁹ О социальном генезисе литературных направлений см.: Н. К. Пиксанов. К проблеме реализма «Горя от ума». Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ, вып. I, 1949.

Выше говорилось, какой огромный успех имела «Бедная Лиза» у читателей и писателей. Успех был не только литературный, эстетический, но и общественный, морально-социальный. Обширные круги русского дворянства конца XVIII — первой четверти XIX века приняли сентиментальную повесть на свое вооружение. Карамзинистами стали не только многие писатели, но и рядовые дворяне.

Однако и «Путешествие» Радищева имело большой и глубокий успех. Он был бы несравненно больше, если бы не политические репрессии. Но и в условиях жестокой реакции число радищевцев было велико. Вопреки ошибочной литературоведческой версии об одиночестве Радищева список радищевцев продолжает расти в советской историографии. «Путешествие» Радищева приняла на свое вооружение молодая русская демократия, антагонистичная русскому крепостническому дворянству и следовавшая велениям самой русской жизни, полной крестьянскими восстаниями

Советское литературоведение мыслит теперь Радищева как одного из славных зачинателей того демократического реализма, наследником которого является социалистический реализм.

С. Ф. ЕЛЕОНСКИЙ

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОМ И СТИЛЕМ
«ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»**

**К изучению художественного своеобразия книги
А. Н. Радищева**

1

В 1801 году, за год до смерти, А. Н. Радищев написал стихотворение, в котором приветствовал наступление «утра столетия нова» и окидывал взором судьбы минувшего века. Это последнее законченное произведение Радищева — «Осьмнадцатое столетие». Деятель и писатель XVIII века, не переживший его и двумя годами, отозвался о нем на прощанье глубоко прочувствованными и неожиданно благодарными строками:

Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро...
О незабвенно столетье! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет...

Так оценил и осмыслил значение исторического опыта и богатого идеологического наследства восемнадцатого столетия писатель, творчество которого само, можно сказать, явилось итогом развития всех подлинно прогрессивных тенденций предшествовавшей ему русской литературы и предвестием ее дальнейшего освободительного пути.

В сочинениях А. Н. Радищева получили свое наиболее полноценное выражение, а частью и завершение, характернейшие особенности и линии развития передовой русской литературы до начала XIX века. «Путешествие из Петербурга в Москву» как центральное произведение Радищева характеризуется не только замечательно правдивым отражением массовой борьбы, но и глубокой идейной связью с самобытными, исконными традициями русского фольклора и древнерусской литературы.

2

В последние десятилетия XVIII века в самых различных кругах русского общества пробудился интерес к народной поэзии. Народные песни и пляски вошли в моду даже при дворе и у придворной знати.

Поэтами писались на заказ для дворцовых праздников стихотворения с фольклорной тематикой.

Разработкой народно-поэтических тем занялись многие дворянские писатели, однако в большинстве они не шли дальше внешнего перенимания отдельных приемов песенной и сказочной поэтики, и лишь немногие из них приближались к более зрелому осмыслению народности.

Глубокое же принципиальное обоснование идея народности впервые получила в литературных произведениях А. Н. Радищева.

Нет надобности вновь анализировать фольклорные мотивы «Путешествия из Петербурга в Москву», внимательно объясненные исследователями. Важно подчеркнуть лишь общий вывод, что автор «Путешествия» — единственный из русских писателей XVIII века усмотрел в народной поэзии, как подлинном голосе народа, высшую художественную и культурную ценность, выражение исторически сложившихся воззрений русского народа, источник для изучения «образования души нашего народа» (см. главу «София»).

Менее исследован вопрос о народности языка книги Радищева.¹ Между тем воспроизведенные в «Путешествии из Петербурга в Москву» образцы крестьянской речи по своей жизненности, естественности, верности народному разговорному языку являются шедеврами, не превзойденными никем из писателей-прозаиков XVIII века. Даже в лучших комедиях того времени, не исключая «Недоросля» Фонвизина, народная речь слышится только из уст крепостных слуг, второстепенных действующих лиц комедий, да отчасти «отрицательных» персонажей, причем в их языке с целью достижения комического эффекта намеренно сгущаются диалектные, провинциальные особенности и вульгаризмы. Напротив, в «Путешествии» Радищева крестьяне — это главные и положительные герои, и в их речах писатель стремится отразить красоту, живописность и богатство самобытного русского

¹ См.: Е. А. Василевская. Язык и стиль «Путешествия из Петербурга в Москву», «Русский язык в школе», 1949, № 4; Н. Ю. Шведова. Общественно-политическая лексика и фразеология «Путешествия из Петербурга в Москву». «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. II, 1951.

народного слова. Влияние крестьянского языка, хорошо знакомого Радищеву, не могло не сказаться и на его авторской речи.

Так, народные пословицы и поговорки употребляются одинаково и изображаемыми в «Путешествии» крестьянами, и купцами, и приказными, и самим автором: «Куда глаза глядят», «На всякого мудреца довольно простоты», «Тише едешь, дале будешь», «Царь жалует, а псарь не жалует», «Не житье, а масленица», «Ходит повеся нос», «Пыль столбом». Встречаются и более редкие, но не менее колоритные пословицы и поговорки: «На казенные денежки дыр много», «По всем по трем вплоть до Питера». В главе «Новгород» приводится «старинная речь»: «Кто может стать против бога и великого Новагорода». В главе «Едрово» несколько раз повторяется пословица, произнесенная ямщиком и запавшая в памяти путешественника: «Всяк пляшет, да не как скоморох», — твердил я, вылезая из кибитки. . .», «Всяк пляшет, да не как скоморох», — повторял я, наклоняясь. . .». В Любанах пашущий ниву крестьянин говорит не пословицами, но, беседуя с путешественником, отвечая на его вопросы, находит такие меткие выражения, которые сами просятся в пословицы: «У него (барина) на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты щет знаешь. Да хотя растянься на барской работе, то спасибо не скажут. . .»

Автор вставляет иногда в свой рассказ и в разговоры действующих лиц народные эпические речения: «Очнуться от богатырского сна» («Подберезье»), «Не имеем нужды ходить в дальние страны, ни чудес искать за тридевять земель; в нашем царстве они в очью свершаются» («Вышний Волочок»), «Слыхом не слыхано и видом не видано» («Едрово»).

Он употребляет постоянные эпитеты («нраву крутого», «Аннушка, душа моя»), просторечные сравнения («как с кубарем», «как брюхатая баба»; сын, почитающий своего отца лишь «наследия ради», уподобляется «змие за пазухой»).

На «просторечие» как на один из источников своего стиля ссылается сам Радищев (в главе «Вышний Волочок»), он любит просторечие и не боится, подобно Карамзину, вводить в свое изложение грубоватые простонародные слова:² «чуть я не лопнул», «плюнул ему в рожу», «куда ни вертись», «кто тебя толкает в шею», «куды какой затейник», «кого черт не давит», «поворотя оглобли», «что за манер», «два крючка сивухи»,

² Н. М. Карамзин в письме 1794 года к И. И. Дмитриеву протестовал не только против слова *пот*, но и таких слов, как *барабаны*, *сломил*, *вскричал* (М. Погодин. Н. М. Карамзин, ч. I. М., 1866, стр. 233).

«шась в двери», «рот разинув до ушей, зевнул во всю мочь», «голова хуже болвана», «подтибрил» и т. п.

Если внимание и слух «путешественника» захватывали «голоса русских народных песен» (см. главу «София»), то так же чутко вслушивался он в звуки разговорной народной речи. Вот почему почти все диалоги отличаются в книге Радищева такой свежестью, гибкостью. В этом отношении особенно выдаются мастерски выполненные диалоги с пахарем из Любаней и едровской Анютой, очень тонко, без малейшей утрировки оттеняющие разницу «социальных диалектов» образованного «барина» и крестьян. В тоне легкой, остроумной беседы написаны авторские «разговоры с читателем» (в главах «Едрово», «Новгород»). Нельзя не отметить выразительности, законченности отдельных реплик, вводимых автором в повествование. Вот один пример: «Отдатчики рекрутские, вразумев моей речи, воспаленные гневом, прискочив ко мне, говорили: „Барин, не в свое мешаешься дело; отойди, пока сух“...» («Городня»).

Так, средствами самобытного русского языка, создавалась реалистическая живопись «Путешествия из Петербурга в Москву». Свежая струя народной речи являлась одним из основных ресурсов, обеспечивших образам Радищева (преимущественно крестьянским) замечательную жизненность.

Этот источник не был, однако, единственным и нередко заслонялся другими влияниями.

3

Современного читателя «Путешествия из Петербурга в Москву» поражает изобилие архаизмов и славянизмов в языке книги, вышедшей из-под пера писателя-революционера. Действительно, церковно-славянскими словами и выражениями испещрен текст многих страниц и целых глав «Путешествия»: *преселяло, ветр (ветр тихий, ветр надувающий), узрели, предтечи, воздвигнутся, всесовершенно, обрящешь, самая* (род. пад. единств. числа), *алчба, ниже (союз), тако, толико, николи, яко, оным* и т. п. Наряду с приведенными словами, которых еще не чуждался литературный язык той эпохи (частью же и более поздней), Радищев пользовался словарем, типичным для древнерусской, преимущественно церковной, письменности: *отжену, отриновеи, вождаем* (причастие), *воссядите, воскраие, помаваемое, живот* (в значении «жизнь»), *соборный* (в значении «общий»), *днесь, внезапно, аможе, убо, носяй, дски, жадаю*. Он употреблял оборот с дательным самостоятельным («младенцам

вам сущим, находил я...» — глава «Крестыцы»),³ выражения, заимствованные из молитв («яко роса», «божества предвечного») или из проповедей («Да отверзутся темницы, да изыдут преступники и да возвратятся в дома свои...» — глава «Спасская полость»). Он не избегал даже таких редких, а также искусственно архаизированных словообразований, как *сосестр* (род. пад. множ. числа), *по главе, изленение, пощение, умрети, позыбнется, несоплощай, радование, бдетельность*.

Может показаться на первый взгляд, что насыщенность языка «Путешествия из Петербурга в Москву» славянизированной лексикой и фразеологией свидетельствует о подчеркнuto консервативной ориентации автора в понимании вопросов развития современного ему русского литературного языка. На самом деле обращение Радищева к «славянщизне» имело совершенно иное идейное значение. Нельзя не согласиться с утверждением, что традиционные элементы языка древнерусской и славянской письменности он сознательно противопоставил тому «верхушечному жаргону», который становился модным в прозе и стихах дворянских писателей конца XVIII века, равнявшихся по заграничным авторитетам.

Такой «язык», претендовавший стать литературным, отверг Радищев, опираясь, в противовес, на национальные основы русской «словесности», которые он видел не только в народной речи, но и в «высоком слоге» «славяно-русского» книжного языка.

Основоположителем русского «гражданского витийства» (т. е. красноречивой и возвышенной прозаической речи) Радищев считал Ломоносова. «Сравни то, — указывал он, — что писано до Ломоносова, и то, что писано после его, — действие его прозы будет всем внятно...». Но подходя, таким образом, к вопросу о ломоносовском влиянии на русскую прозу с исторической точки зрения, Радищев не забывал при этом высоко ценить и древнерусских красноречивых проповедников, которые, по его словам, появились задолго до Ломоносова, однако «писали языком славянским» (см. «Слово о Ломоносове»).

Радищев находил образцовым «чистый и внятный слог» прозаических сочинений Ломоносова, а среди «бесчисленных

³ Ломоносов «считал „сожалетельным“ почти полное исчезновение из литературного употребления „славянских“ оборотов так называемого дательного самостоятельного» (В. В. Виноградов. Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова. Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т II, Изд АН СССР, 1951, стр. 208).

красот» его стихотворных од сумел выделить как особенно поэтичный выдающийся по своей художественности приступ к оде 1747 года, посвященной Елизавете Петровне: это «пре-лестная картина народного спокойствия и тишины, сей сильной ограды градов и сел, царств и царей утешения...». Любопытно, что в пересказе Радищева эти стихи знаменитой оды приняли более славянизированный вид, чем в оригинале (ср.: «Царей и царств земных отрада, / Возлюбленная тишина, / Блаженство сел, градов ограда / Коль ты полезна и красна...»).

Таким же витийственным слогом старорусских риториков автор «Слова о Ломоносове» говорит о его жизни. «Подстрекаем науки алчною, Ломоносов оставляет родительской дом; течет в престольный град, приходит в обитель иноческих Мусс и вмещается в число юношей, посвятивших себя учению свободных наук и слову божию...».

Стереотипные, устойчивые словосочетания, встречающиеся в памятниках древнерусской литературы, повторены и в «Путешествии из Петербурга в Москву» большею частью в метафорическом значении, например: «*пепл и дым*» («Спасская полость», ср. в повести о разорении Батыем Рязани: «и дым, и земля, и пепел»), «*по валам жития человеческого*» («Крестыцы»). Писатель рисует образ «*лествицы*, по которой разум человеческий нисходит долженствует» («Подберезовье»), говорит о «речах, ударяющих в ухо, подобно *тимпанам*» («Спасская полость»).

Название *повесть* употребляется Радищевым (в главе «Яжелбицы») в старинном терминологическом смысле нравоучительного *примера*, эпизода или же *притчи*, раскрывающей мораль.

Наставление «крестицкого дворянина» сыновьям продолжает линию древнерусских «поучений от отца к сыну», если не по содержанию, отвечающему условиям новой эпохи, то по изложению, полному всевозможных славянизмов, вплоть до цитирования молитв.⁴

Знакома Радищеву и символика, восходящая к глубокой древности. В «Спасской полости» рисуется выкованная из светлой стали «огромной величины змия»: она, «конец хвоста в зеве держаща, изображала вечность».

Использование словаря старорусской письменности и влияние ее фразеологии не могли, конечно, не затруднить стиля «Путешествия из Петербурга в Москву». Автору кое-где не

⁴ Ср. также перефразировку молитвы в рассказе о систербекском приключении (в главе «Чудово»).

удалось избежать необычайно тяжеловесных фраз, до смысла которых иной раз бывает трудно добраться (например, в «Подберезье»: «Но пары, в грязи омерзения почившие, уже вздымаются и предопределяются объяти зрения круг»)⁵.

И в той же книге мы находим великолепные образцы стиля, выдержанного в древнерусской литературной манере и показывающие, как мастерски овладел им Радищев и насколько органически его усвоил. Приведем для примера несколько строк из описания бури на море в главе «Чудово»: «Сильное стремление валов отнимало у кормила направление, и порывистый ветер, то вознося нас на мокрые хребты, то низвергая в утесистые рытвины водяных зыбей, отнимало у гребущих силу шестивенного движения. . .».

В своей обличительной патетике Радищев равным образом широко использовал изобразительные средства древнерусской книжной речи. Вот как писал он в «Спасской полести» о толпе придворных, окружающих трон властелина: «Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. . .». Колонизаторов Америки он заклеймил следующими словами: «Злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения» («Хотиллов»). Торжественная «славяно-русская» речь слышится и в грозных обличениях, направленных против палача-помещика: «Прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщенье. . . ознаменуйте его яко общественного татя, дабы всяк, его видя, не только его гнушался, но убегал бы его приближения, дабы не заразиться его примером» («Вышний Волочок»). Пророчески звучит завещание будущим борцам с самодержавием: «Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою; и если предадут тебя смерти. . . ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков» («Крестыцы»).

К лексике и синтаксису «славяно-русского» языка Радищев, как видим, прибегал даже там, где решительно порывал с идейным наследием старины и восставал против пережитков средневековья в мировоззрении и общественных отношениях.

Если поучение детям «крестецкого дворянина» примыкает по своему жанру к ряду древнерусских памятников, включая

⁵ Ср. в этой же главе фразу, частью цитированную выше в другой связи. «На лестнице, по которой разум человеческий нисходит долженствует во тьму заблуждений, если покажем что-либо смешное и улыбкою соделаем добро, блаженны наречемся».

«Домострой», то по существу оно отвергает и опровергает обветшавшие домостроевские догмы. Свободомыслящего дворянина до глубины души возмущает семья, в которой «отец в сыне своем видит своего раба». «Но если, — говорит он, — в благоустроенном обществе нужно, чтобы юноши почитали старцев. . . то нет, кажется, нужды власть родительскую делать беспредельною». Еще больше претит ему власть косных обычаев и норм поведения, противоречащих истинной добродетели, но освященных авторитетом церкви и закона: «Не бреги обычаев и нравов, не бреги закона гражданского и священного, столь святых в обществе вещи, буде исполнение оных отлучает тебя от добродетели. Не дерзай николи нарушения ее прикрывати робостию благоразумия».

В главе «Подберезье» новгородский семинарист делится своими пытливыми размышлениями, изложенными типичным языком выученика духовной школы, витиеватым и тяжеловесным, впрочем, не без элементов просторечия, характерного для представителя этой среды («душенька моя набродится досыта»). Тем не менее по своим убеждениям он является вольнодумцем, резко протестующим против школьной схоластики, ложного академизма, оторванного от жизни классического образования, против суеверия, невежества и рабства. В радищевском семинаристе можно видеть прямого, хоть и отдаленного, предшественника тех разночинцев, выходцев из духовного сословия, которые несколькими десятилетиями позже вступали в ряды революционных демократов.

4

Две основных речевых традиции, сосуществующие в «Путешествии из Петербурга в Москву», — высокий «славяно-русский» слог и просторечие, — несмотря на напряженнейшую работу автора над языком своей книги, не были сведены им к стиливому единству. Писателю не удалось избежать разностильности, как не удалось в словесном выражении своих идей, впечатлений, переживаний побороть те неимоверные трудности, которые неизбежно возникали вследствие недостаточной выработанности литературного языка в конце XVIII века.

Оформление фразы нередко стоило Радищеву, видимо, огромных усилий. На первой же странице вступительной главы «Выезд» он пишет, например, так: «Спокойствие упреждает нахмуренность грусти, распложая образы радости в зеркалах воображения». Пристрастие к метафорическим украшениям не обеспечивало надлежащей ясности изложения, как например:

«Скинь с них (страстей, — С. Е.) бразды томного благоразумия» («Крестыцы»). Нет надобности приводить другие примеры, но следует отметить, что неясностью, неточностью страдают даже некоторые включенные в «Путешествие из Петербурга в Москву» в виде цитат отрывки сделанных Радищевым же переводов из сочинений иностранных писателей (например, из Тацита в главе «Торжок»).

Интересно, вместе с тем, что таким затрудненным, усложненным, отяжеленным слогом Радищев иногда сознательно пользовался с той целью, чтобы создать впечатление резкого контраста при переходе к иной стилистической манере. Так, в знаменитом аллегорическом «сне» (в главе «Спасская полость») витиевато написаны риторические хвалы в честь верховного властителя, но вот в этом рассказе наступает перелом, появляется символическая фигура Истины-Прямовзоры, и громоздкие фразы, с частыми и запутанными инверсиями, сменяются короткими, ясными предложениями: «Черты лица ее были суровы и платье простое. Глава ее покрыта была шляпою, когда все другие обнаженными стояли главами. Кто сия? — вопрошал я близ стоящего меня...». В главе «Хотилов», содержащей «Проект в будущем», имеется подобный же переход от тягучего славословия к сильной разоблачительной живописи, пользующейся точными и краткими предложениями: «Что видим мы? Пространный воинский стан. Царствует в нем тишина повсюду. Все ратники стоят в своем месте. Наивеличайший строй зрится в рядах их».

Язык публицистических и философских рассуждений Радищева воспринимается трудно, но читателя их прямо поражают многие замечательно четкие, чеканные, законченные формулировки, так выгодно, а местами и неожиданно выделяющиеся на общем фоне. В великолепные афоризмы отливаются любимые идеи Радищева о свободе печатного слова, о просвещении народа, о «священном даре» вольности: «Цензура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, от чего нередко бывают кривые ноги», «цензура с инквизициею принадлежит к одному корню; ... учредители инквизиции изобрели цензуру, то есть рассмотрение приказное книг до издания их в свет», «священнослужители были всегда изобретателями оков» («Торжок»), «согласиться всяк должен, что тесные умы и малые души внешность поражать может» («Выдропуск»).

Разбросанные по главам «Путешествия из Петербурга в Москву» афоризмы о «незаконных сынах отечества» — «при-

дворных истуканах» (например, в главе «Выдропуск»: «Мы уничтожаем ныне сравнение царедворского служения с воинским и гражданским») напоминают изречения Стародума в комедии «Недоросль». Но Радищев идет дальше Фонвизина, направляя острие своей сатиры против самого источника зла — развращающего влияния царской власти.

Превосходны у Радищева отдельные крылатые выражения, как бы отчеканенные навеки: «гражданин будущих времен» («Хотиллов»), «раб духом, как и состоянием» («Медное»).

Некоторые его определения принимали вид острых парадоксов, например: «Но если во добродетели умрети можешь, умей умереть и в пороке, и будь, так сказать, добродетелен в самом зле» («Крестьяны»), «Таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности — рабство» («Тверь»).

Но парадоксальная форма изречений мало типична для Радищева. Добиваясь стройности, отшлифованности изложения, он больше всего заботился о строго последовательном, аргументированно-логическом развитии своих мыслей, о их внутренней расчлененности. Вот один образец: «Правила общезжития относятся ко исполнению обычаев и нравов народных, или ко исполнению закона, или ко исполнению добродетели <...> Добродетели суть или частные, или общественные. Побуждения к первым суть всегда мягкосердие, кротость, соболезнование, и корень их всегда благ» («Крестьяны»). Автор строго придерживается в дальнейшем этого предварительного намеченного плана рассуждения, получающего форму трактата.

Но и самые трактаты Радищева лишены академической сухости. Установка его речи — ораторская даже там, где отчетливое логическое членение посылок и аргументов соблюдается пунктуально: «Власть моя да пекуся о вскармлении вашем и небрежу о нем; да сохраню дни ваши или расточителем в них буду; оставлю вас живых или дам умерети завременно» («Крестьяны»).

Он любит прибегать к обращениям, окрашенным сильной эмоцией: «О юность! услыши мою повесть»... («Яжелбицы»). «Окаменелые сердца! почто бесплодное соболезнование? О квакеры...» («Медное»). Автор обращается к читателю («Торжок»), к героям повествования (к Аняте из Едрова), к согражданам («Хотиллов»), к жителям Петербурга («Вышний Волочок»), к природе (О природа!.. — «София»).

Обращения переходят в в о з з в а н и я, звучащие пламенным призывом: «О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! возрите окрест вас и познайте заблуждение ваше» («Хотиллов»).

Речь прерывается так называемыми риторическими восклицаниями и вопросами, исполненными, однако, самого искреннего воодушевления: «О! горестная участь многих миллионов!» («Черная грязь»), «Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец нашей тощеты, насытител нашего глада» («Хотиллов»), «Не потом ли, не слезами ли и стенанием утучнились нивы?» («Вышний Волочок»).

В наиболее патетических местах «Путешествия» слышатся лирические инвективы необычайной силы, следующие большею частью за размышлениями о рабстве крепостного крестьянства, за описаниями и рассказами о его бесправии и нищете: «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, воздух. Да, один воздух!» («Пешки»), «Вольные люди, ничего не преступившие, в оковах, продаются, как скоты! О законы!» («Городня»).

Эмоциональная взволнованность, лирические подъемы речи передаются, кроме того, посредством повторений как отдельных слов («Вообрази, вообрази, говорил повествователь мой... вообрази мое положение», «пускай меня посадят в темницу... пускай меня мучат, пускай лишают жизни» («Спасская полесь»)), так и целых предложений («Извощик мой затянул песню», «Извощик мой поет» — «София»).

Внутренне эмоциональны и поэтому динамичны, полны движения лучшие повествовательные эпизоды «Путешествия». Таковы в особенности рассказы о сибирском заключении («Чудово»), о «государственном наместнике» — любителе «устерс» («Спасская полесь»), о «чиновнике, закутанном в большую япанчу», оказавшемся жертвою неправосудия приказных, разом лишившемся своего состояния, жены, ребенка и вынужденном, не похоронив их, бежать от ареста («Спасская полесь»), о приезде на почтовую станцию вслед за «гвардейским полканом», важного вельможи — «его превосходительства» («Завидово») и др. Несколько строчек из повествования о встрече в Завидове с этой «превосходительной особой» могут наглядно подтвердить сказанное о мастерстве Радищева как рассказчика: «Еще издали слышен был крик повозчиков и топот лошадей, скачущих во всю мочь. Частое биение копыт и зрению уже неприметное обращение колес подымающеюся пылью толико сгустили воздух, что колесница его превосходительства закрыта была непроницаемым облаком».

Автору «Путешествия» знакомо употребление отрывочных, незаконченных, как бы разорванных предложений при изображении быстрого действия, а также сильных душевных движений

(например, в главе «София»: «Уснул и всё скончалось... Несносно пробуждение несчастному. О сколь смерть для него приятна. А естли она конец скорби...»).

Отрывочные, немногословные реплики чаще встречаются в диалогах, живость и натуральность которых в «Путешествии из Петербурга в Москву» уже были подчеркнуты. Динамичный, непринужденный обмен репликами происходит, например, в разговоре путешественника с новгородским купцом Карпом Деметровичем (в главе «Новгород»): «Я им отдал все мое имение. По три копейки на рубль. — Никак нет-ста, по пятнадцати. — А женин дом. — Как мне до него коснуться; он не мой. — Скажи же, чем ты торгуешь? — Ничем, ей, ничем... Старинной шутник, благодетель мой. Полно молоть пустяки; возьмемся за дело... Я не пью, ты знаешь. — Да хоть прикушай».

Так свежо и колоритно средствами речевой характеристики вырисовывается тип купца.

Живописны и тоже эмоциональны многие портреты и описания, набросанные пером Радищева. Лучшее из них — ставшее образцово-классическим — описание курной деревенской избы в Пешках. Только из скромности автор называет себя «худым живописцем» («Зайцово»). На самом же деле его зарисовки лиц и предметов, при всей своей краткости, сжатости, отличаются меткостью, выразительностью, реалистической точностью, определенностью. Двумя-тремя верными чертами он умеет дать живой портрет: «Приветливый вид, взгляд неробкой, вежливая осанка, казалось, не к стате были к длинному полукафтаныю и к примазанным квасом волосам» («Подберезье»).

Портретная живопись Радищева к тому же психологична: в чертах лица и наружности изображаемого персонажа просвечивают его душевные переживания. Таковы, например, образы сыновей крестичьего дворянина: «В старшем взоры были тверды, черты лица незыбки, являли начатки души неробкой и непоколебимости в предприятиях. Взоры младшего были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движение оных необманчивый были знак благих советов отчих».

Психологичны и пейзажи Радищева. Таково в главе «Чудово» описание сначала тихой, светлой ночи на море, восхода солнца «на гладком водяном горизонте», а потом грозной, разбушевавшейся морской стихии. Эти картины мирной и бурной природы воспринимаются читателем как увиденные «глазами» рассказчика, как его переживания: сначала, в соответствии с характером пейзажа, — созерцательные, умиротворенные, затем — тревожные, наконец — полные смятения и отчаяния.

Непонятно, почему в научно-критической литературе о Радищеве принято утверждение, будто в «Путешествии из Петербурга в Москву» совсем «отсутствуют описания природы».⁶

5

Мало внимания обращалось исследователями на изобразительные средства языка «Путешествия», в частности на его эпитеты. Между тем самый выбор эпитетов обличает в Радищеве замечательного художника, умеющего (хотя и не всякий раз) найти самое меткое, незаменимое, единственно нужное слово.

Так, он говорит о «трепетном молчании» придворных, о «косом виде неудовольствия» их. У них «искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть». Характеризуя их же, Радищев употребляет эпитет, принятый впоследствии Пушкиным: «Тусклый огонь ненасытности». Он говорит о «пресмыкающемся искусстве» придворных художников и поэтов, не осмеливающихся «возводить свои взоры выше очерченной обычаем округи» («Спасская полесь»).

Писатель презрительно отзываясь о «компании молодых господчиков» («Тосна»), о господах,, насыщающих «праздник свой голод» на званых обедах («Спасская полесь»), об их «расслабленных желудках» («Выдропуск»), о «хвильях, робких и подлых душах», которым сродно «содрогаться от угрозы власти и радоваться ее приветствию» («Зайцово»).

Им противопоставляются люди с «упругими душами» («Крестьяны»), особенно люди из народа, крепостные крестьяне, сильные духом, но подавленные рабством, «стоглавное зло» которого клеймит Радищев («Хотиллов»). Крепостные — это «пленники в отечестве своем» («Городня»), но они бесконечно превосходят господ чистотой своей морали, как например едровская Анята с ее «незастенчивой невинностью» («Едрово»).

Остановимся еще на нескольких примерах удачных эпитетов, найденных Радищевым. Он пишет: «отягченные (после сна, — С. Е.) взоры» («Чудово»), «ползущая гордость» («Новгород»), «непоколебимое равнодушие» кладбища («Слово о Ломоносове»), «нелепые кучи камней» (о пирамидах в главе «Хотиллов»), «любоострастное шумление» дубравы («Спасская полесь»), «черная тяжесть» облаков («Чудово»).

⁶ См., например: Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. Изд. 2-е, Учпедгиз, 1951, стр. 567. — В 3-м издании (стр. 466) это утверждение смягчено: «Вопреки жанру книги, в ней почти отсутствуют описания». — Прим. Ред.

В связи с ораторской интонацией речи ряда глав «Путешествия» стоит, видимо, прием нагнетания эпитетов: «... всё то, что не для своей совершаем пользы, делаем *оплошно, лениво, косо и криво*» («Хотилов»); «*коварство, ложь, вероломство, сребролюбие, гордость, любомщение, зверства*» («Крестьяны»).

Сравнения и уподобления, использованные в «Путешествии из Петербурга в Москву», не так многочисленны, но довольно разнообразны по своему характеру. Избегает Радищев лишь стереотипных сравнений, если и встречающихся у него, то только изредка (например, «как дробинка в море» — «Спасская полость»). В подборе сравниваемых и уподобляемых образов видна опять прежде всего творческая инициатива писателя.

Сравнения берутся Радищевым из повседневного быта, привлекая тогда к себе внимание своею смелостью, остротой (например, в главе «София»: путешественник, вынув из кармана дорожную, идет с нею к почтовому комиссару, «как ходят иногда для защиты своей со крестом»).

Материал для сравнений дают иногда и литературные произведения.

Литературностью (в духе ранней романтической трагедии) отзывается уподобление города с его бесчеловечными нравами «жилищу тигров»: «... единое их веселие грызть друг друга» («Чудово»); ср. в «Спасской полости»: «О варвары, тигры, змея лютые, грызите сие сердце, пускайте в него томный свой яд...».

Охотно употребляет Радищев прием развертывания сравнений, например в главе «Чудово»: «Как в темной храмине, свету совсем не приступной, вдруг отверзается дверь и луч денный, влетев стремительно в среду мрака, разгоняет онный, распростираясь по всей храмине до дальнейших ее пределов, — так, увидев суда, луч надежды ко спасению протек наши души».

Такие развернутые сравнения иногда, будучи оформлены в независимые, законченные предложения, получают как бы самостоятельное значение и заслоняют собою предмет или понятие, поясняемые сравнением. Так, в главе «Торжок» мы читаем: «Прочному и твердому зданию довольно его собственного основания; в опорах и контрфорсах ему нужды нет. Если позыбнется оно от ветхости, только тогда побочные тверди ему нужны». Все эти архитектурные детали, оказывается, нужны были лишь для доказательства мысли об условиях прочности, твердости государственной власти.

Замечательно по своей яркости известное уподобление народного восстания грозному потоку:

«Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противостояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему невозможно. Таковы суть братья наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет» («Хотиллов»).

Образ революционера, борца за законные права общества, рисуется посредством сравнений и уподоблений, имеющих величественный, героический характер: «Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою» («Крестыцы»).

Уже из приведенных примеров можно было видеть склонность Радищева к метафорическим выражениям, метафорическим эпитетам и уподоблениям. Метафоры, излюбленные автором «Путешествия», в большей степени, чем эпитеты и сравнения, были характерны для старой литературной манеры, казавшейся архаичной даже в те времена.

«Стрелы карающего грома» («Спасская полость»), «пасутся рабы жезлом самовластия» («Новгород»), «сладкий при насаждении <...> корень произнес наконец плод горький» («Выдропуск») — вот метафоры, типичные для стиля «Путешествия из Петербурга в Москву». В той же манере выдержаны частые в книге Радищева метафорические выражения, образованные с помощью родительного падежа существительного: «хижина уничтожения» (см. в главах «Спасская полость» и «Крестыцы»), «скипетр жестокости», «рамена невинности» («Зайцово»), «чаша рассудка» и «чаша страстей», «зерцало истины», «риза коварства» («Крестыцы»), «убийство порабощения» («Хотиллов»).

Метафорические образы заимствуются из Библии («тогда все плевалы, тогда все изблевании смрадность свою возвратят на извергателя их» — глава «Торжок») и даже, по-видимому, из таких своеобразных памятников старинной письменности, как лубочные картины с объяснительными текстами: к широко распространенному тогда лубочному изображению «колеса фортуны» восходят как будто настойчиво повторяющиеся в «Путешествии» размышления о том, что «на свете всё колесом вертится» («Зайцово») и что «мир нравственный» подобен «колесу» («Подберезье»). Из других источников нам известно, что Радищев интересовался народными лубочными картинками и знал их.⁷

⁷ Ср. мою статью «Творчество А. Н. Радищева и народная литература XVIII в.» («Ученые записки Московского государственного педагогического института им. Потемкина», т. XX, 1953, стр. 10—11).

Для творчества Радищева характерны, конечно, не «заимствования» откуда бы то ни было, однако нельзя не заметить, что его самостоятельные творческие поиски наиболее выразительных, живописных, художественных речевых средств нередко намеренно стилизуются им в том же старомодном вкусе. Таковы радищевские неологизмы: *уподоблю, единожитие* (рядом с *общезитием*), *ушкетинился, чиновостяние, тошета, неуподобительный, лелеятели, распламеня, столично* (в смысле многолично, от слова *лицо*), *сочетование, ужасноносный, ползущество, последственницы* и пр.

Для выражения всех разнообразных оттенков своих чувств и идей Радищеву не доставало слов, бытовавших в тогдашнем литературном языке; писатель упорно, настойчиво, мучительно ищет новые слова и словообразования. Созданные им в «Путешествии из Петербурга в Москву» неологизмы не привились впоследствии, можно думать потому, что запрещенная книга, имевшая в свое время слишком ограниченное распространение, едва ли могла оказать сколько-нибудь широкое влияние на словарь литературного языка. Между тем, такие слова, как «лелеятель» или «единожитие» в качестве необходимого антонима к «общезитию» могли бы войти в употребление; существительное «сочетование» стало общеупотребительным в несколько иной грамматической форме (сочетание).

Даром творчества слова отмечены в особенности, как видели мы, эпитеты Радищева, но его неустанные искания в области словесного мастерства были многообразны, хотя и не всегда одинаково удачны.

Среди других бесспорных достижений его как писателя-художника следует равным образом оценить интересные опыты ритмической организации поэтической речи. Радищев, тонко чувствовавший ритм и гармонию стиха, дал в своей книге также образцы плавной, ритмической прозы, окрашенной обычно приподнятым, возвышенным настроением. Вот отрывок из главы «София»: «Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню по обыкновению заунывную... Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. На сем музыкальном расположении народного уха умеи учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа. Посмотри на русского человека; найдешь его задумчива».

Такой мерной, льющей из глубины чувства, проникновенной речью писатель передает самые задушевные думы и впечатления — обычно устами «чувствительного путешественника». Необходимо лишь подчеркнуть, что «путешественник» Радищева — вовсе не сентименталист и типично-сентиментальная

фразеология отсутствует даже в его наиболее чувствительных излияниях.

Напротив, автор ставит своего героя в положения, как бы пародирующие шаблонные романтические ситуации сентиментальных повестей, начиная их с любовных завязок. Вот, например, как по-своему интерпретирует Радищев сцену первой встречи героя с простодушной «пастушкой» (в главе «Едрово»): путник, молодой дворянин, заговаривает с приглянувшейся ему крестьянской девушкой Анютой — и вот что слышит в ответ: «Поди сударь, прочь от меня, оставь бедную сироту, — сказала Анюта, заплакав. — Кабы батюшка жив был и это видел, то бы даром, что ты господин, нагрел бы тебе шею». Едровская Анюта (в отличие хотя бы от бедной Лизы) протестует и против намерения «барина» войти к ней в дом: «Да вот наш двор. . . Проходи мимо, матушка меня увидит и худое подумает».

Представленный в главе «Городня» тип барчука напоминает Эраста, отчасти предвосхищая его: «Он много имеет хороших качеств, но робость духа и легкомыслие оные помрачают». Своего Эраста, погубившего Лизу, Карамзин осуждает, но, в конце концов, призывает читателя к всепрощению: «Теперь, может быть, они примирились!» — восклицает он в заключение. Радищевский барчук вызывает, напротив, только отвращение.

В главе «Медное», рисующей тяжелую сцену аукциона крепостных, есть одно место, где Радищев прямо отталкивается от бесплодной и слезливой чувствительности сентиментализма: «На лестнице встретился мне один чужестранец. — Мой друг. . . Что тебе сделалось? ты плачешь! Возвратись, — сказал я ему, — не будь свидетелем срамного позорища».

Той «чувствительности и страданию», которые вызывались в авторе «Путешествия из Петербурга в Москву» срамным зрелищем бесправия и угнетения народа, были органически чужды сентиментальная стилистика и фразеология.

Радищев писал (в главе «Крестьяны»), что «упругость духа вольности» переходит «в изображение речи». Своеобразие языка «Путешествия из Петербурга в Москву» — это, как видно, понимал сам автор — отвечало тому духу свободы, выразителем которого был наш великий писатель-революционер.

Г. В. ЕРМАКОВА-БИТНЕР

ЗАХАРИЙ АНИКЕЕВИЧ ГОРЮШКИН — ВОСПИТАТЕЛЬ РОССИЙСКОГО ЮНОШЕСТВА

За последние годы в ряде работ советских исследователей было уделено большое внимание вопросу о формировании отдельных элементов декабристской идеологии в период, предшествовавший Отечественной войне 1812 года.¹ В преддекабристскую эпоху шла кипучая идейная работа, и многие, завоевания передовой мысли предшествующих поколений стали боевым оружием будущих борцов против самодержавия — декабристов. Однако еще недостаточно изучены разнообразнейшие проявления глубокой идейной связи, существовавшей между концом XVIII века и первыми двумя десятилетиями XIX-го, периодом, когда оформлялось мировоззрение дворянских революционеров.

На значение этого периода указал В. И. Ленин, отметив, что именно с конца XVIII века, с 1789 года, и началась «эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений».²

Круг распространения просветительских идей в России был широким, и, помимо таких крупных фигур, как Радищев, Новиков, Фонвизин, чьи взгляды оказали большое влияние на формирование мировоззрения будущих декабристов, были еще многие, испытавшие на себе влияние идей века Просвещения, кто теми или иными путями пропагандировал эти идеи. Зачастую это были люди скромные, порою незаметные, но и они

¹ См., например: М. В. Нечкина. Священная артель. Кружок А. Муравьева и И. Бурцева 1814—1817 гг. Сб. «Декабристы и их время», М.—Л., 1951; М. В. Нечкина. Движение декабристов. М., 1955, т. 1; В. Г. Базанов. Очерки декабристской литературы. Москва, 1953

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 126

внесли свой вклад в дело постепенного расшатывания феодально-крепостнических устоев царской России.

К их числу в первую очередь принадлежит ряд профессоров Московского университета, чья деятельность является одним из проявлений живой связи, установившейся между XVIII столетием и новым веком, первая четверть которого ознаменовалась днем 14-го декабря.

Об отношении царского правительства и его усердных слуг к профессуре Московского университета говорит одно любопытное свидетельство декабриста Михаила Фон-Визина: «Когда в первую французскую революцию известный массон и содержатель типографии Новиков и московские массонские ложи были подозреваемы в революционных замыслах, ген.-губер. князь Прозоровский, преследуя массонов, считал сообщниками или единомышленниками их всех служивших в то время в «московском» университете, а П. И. Фон-Визин был тогда его директором...»³

Хотя, конечно, в этом утверждении М. А. Фон-Визина и содержится некоторая доля преувеличения, потому что среди московской профессуры было немало «верноподданных», о чем должен был знать Прозоровский, но все же эти слова М. А. Фон-Визина заслуживают серьезного внимания. Не случайным был взгляд Прозоровского на университетских профессоров как на «вольнодумцев», потому что действительно в Московском университете многие педагоги были близки по своим взглядам к Новикову и сочувствовали ему.

Одним из профессоров Московского университета, который в своей деятельности руководствовался рядом принципов, выработанных русскими просветителями, был Захарий Аникеевич Горюшкин, «профессор российского практического законоискусства».

Около 25 лет своей жизни посвятил он воспитанию русского юношества.⁴ На всей его деятельности, на его взглядах лежит отчетливая печать XVIII века, когда он сформировался как личность, как ученый, как воспитатель юношества, и в своих, вышедших в XIX веке, трудах он высказал заветные мысли об

³ М. А. Фон-Визин. Обзорение проявлений политической жизни в России. В кн.: Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. I, Декабристы. Статьи и материалы, сост. В. И. Семевский, В. Я. Богучарский и П. Е. Щеголев. СПб., 1905, стр. 127—128

⁴ По приглашению директора Московского университета П. И. Фон-Визина З. А. Горюшкин начал 1 января 1786 года преподавание практического законоведения в Московском университете, а позже, с 1790 года, стал преподавать и в Благородном пансионе при Московском университете. Уволен от службы Горюшкин был 10 февраля 1811 года.

идеале человека, сложившиеся у него в «осьмнадцатом столетии».

В речи 12 января 1834 года, в торжественном собрании Московского университета, адъюнкт Ф. Л. Морошкин оценил значение трудов профессора Горюшкина для развития русской юриспруденции и назвал его русским народным юристом, который был одарен гением терпения и постоянства на сужденном ему поприще, и явился первым систематическим юристом России.⁵ Однако в последующем ни личность профессора Горюшкина, ни его труды не привлекли к себе должного внимания и не были достаточно изучены.⁶ Объясняется это в первую очередь характерной для многих буржуазных исследователей недооценкой роли и значения русских ученых, первых профессоров Московского университета.

Морошкин хорошо сказал об учителе Горюшкина С. Е. Десницком, что «ему недоставало только читателей и иностранного имени»⁷ для того, чтобы стать рядом с Монтескье, Блэкстоном и другими знаменитыми юристами XVIII столетия. Мы встречаемся с недооценкой роли и значения русских ученых — первых профессоров Московского университета — не только в XVIII веке, когда в Московском университете было сильно влияние профессоров-иностранцев, но эта недооценка наложила свой отпечаток и на многие работы буржуазных исследователей в XIX веке и начале XX-го.

Судя по трудам Горюшкина, он был хорошо знаком с работами современных ему европейских юристов, философов. Идеи Монтескье, Беккариа оказали известное воздействие на него, но, вместе с тем, ему была присуща характерная для всех русских просветителей принципиальная самостоятельность, оригинальность мышления.⁸ Горюшкин строил свои выводы, исходя из своеобразия русской действительности. Не случайно, что он первый в России показал источник юриспруденции в нравах, обычаях и пословицах русского народа. Захарий Аникеевич Горюшкин ставил перед собой задачу участвовать в формиро-

⁵ «Ученые записки Московского университета», 1834, февраль (VIII), стр. 233, 234.

⁶ Интерес к Горюшкину проявил лишь Н. М. Коркунов, о чем говорит его статья «З. А. Горюшкин, российский законоискусник» (СПб, 1895).

⁷ «Ученые записки Московского университета», 1834, февраль (VIII), стр. 277.

⁸ Эту принципиальную самостоятельность Горюшкина отметил Н. М. Коркунов, полемизируя с И. М. Снегиревым: «Автор-самоучка вовсе и не считается с установившимися в современной ему юридической литературе воззрениями» (Н. М. Коркунов, ук. соч., стр. 31).

вании русской культуры, глубоко национальной, хотя и осваивавшей все завоевания передовой европейской мысли.

Но подобная самостоятельность мышления не всегда находила правильное понимание у буржуазных исследователей, зачастую воспринималась как «неученость». Вот, например, как охарактеризовал Е. И. Тарасов профессоров Московского университета тех лет, когда там учился Николай Тургенев: «... профессорский состав в то время не блистал крупными талантами: свои, доморощенные не были учены».⁹

Вместе с тем, в ряду профессоров Московского университета этих лет были такие, которых некоторые европейские ученые называли своими учителями.¹⁰

Одним из этих «доморощенных» русских ученых, незаслуженно забытых, чьи труды имеют сегодня право на серьезное изучение, является и профессор Горюшкин.

Горюшкин родился в очень бедной дворянской семье и с ранних лет поступил на службу. Биография его типичная для деятелей русского Просвещения, которые зачастую вырастали в нищете и пробивались к знанию, преодолевая громадные трудности.¹¹

Горюшкин, начавший гражданскую службу «с одним только обыкновенным понятием читать и писать по-русски»,¹² уже взрослым человеком, женатым, засел за учебники и в результате своей энергии и упорства впоследствии стал известен просвещенным кругам Москвы своими глубокими познаниями и опытностью в российском законоведении. По-видимому, решающую роль в его жизни сыграли выдающиеся русские просветители, профессора Московского университета Д. С. Аничков

⁹ Е. И. Тарасов. Детство и юность И. И. Тургенева. ЖМНП, 1915, август, стр. 222. Оценка, данная Тарасовым московской профессуре, распространяется, несомненно, и на Горюшкина, так как Н. Тургенев учился в пансионе при Московском университете в 1798—1806 годах, а в Университете в 1806—1808 годах, т. е. когда там преподавал Горюшкин. Александр Тургенев просто называет себя учеником профессора Горюшкина.

¹⁰ Например, Шлецер считал своим руководителем в русской истории профессора Х. А. Чеботарева, друга Новикова.

¹¹ З. А. Горюшкин родился 5 сентября 1748 года. Службу начал проходить с самых низших канцелярских степеней. В формулярном списке поступление на действительную службу кописистом в Сысской приказ датировано 5 ноября 1763 года (ЦГИАЛ, ф. 733, год 1811, оп. № 28, д. № 146, л. 5 об.).

¹² З. А. Горюшкин. Краткое рассуждение о нужде всеобщего знания практического законоискусства. В кн.: Руководство к познанию российского законоискусства, сочиненное коллежским советником Захарием Горюшкиным, преподавателем сей науки в императорском Московском университете и Благородном пансионе, при нем учрежденном, переплет I, М., 1811, стр. II.

и С. Е. Десницкий.¹³ С большой любовью и уважением вспоминает Горюшкин о Десницком как о своем учителе, чьи лекции помогли ему понять «суету одного практического изучения юриспруденции».

В биографии Горюшкина обращает на себя внимание то, что, несмотря на длительное пребывание на службе, он не был награжден орденом; с марта 1798 года, т. е. более 12 лет, все еще находился в чине коллежского советника, и лишь при увольнении из Университета ему был присвоен чин статского советника. Ушел он из Университета отнюдь не по своей воле, причем близкий к Университету чиновник М. П. Третьяков отмечает в своих воспоминаниях, что Горюшкин был уволен попечителем П. И. Голенищевым-Кутузовым преждевременно и несправедливо.¹⁴ Действительно, не вызывает доверия мотив увольнения Горюшкина, как имеющего «слабую грудь и непространную одышку».¹⁵

Некоторые обстоятельства жизни Горюшкина рисуют нам его как человека, который не считал возможным в угоду начальству менять свою точку зрения и в своей деятельности руководствовался рядом принципов, выработанных русскими просветителями. Чрезвычайно характерна в этом отношении защита З. А. Горюшкиным в Московской уголовной палате, ассесором которой он состоял с 25 ноября 1792 года по 10 августа 1795 года, книгопродавцев, причастных к делу Новикова. Вот что пишет по этому поводу И. М. Снегирев, бывший учеником Горюшкина: «Спор его (Горюшкина, — Г. Е. -Б.) с главнокомандующим князем Прозоровским по делу Новикова в Уголовной палате обнаружил в Горюшкине гражданское мужество; один опирался на личное мнение императрицы, а другой на силу закона и не убоялся гнева и угроз сильного вельможи, желавшего угодить государыне обвинением Новикова».¹⁶ Снегирев ошибся: ¹⁷ дело Новикова не было в Уголовной палате, Горюшкин защищал лишь книгопродавцев, у которых были найдены запрещенные к продаже книги, изданные Новиковым. Но важна сама возможность подобной ошибки, говорящая

¹³ О значении для Горюшкина его сближения с Аничковым и Десницким говорит И. М. Снегирев («Русский архив», 1866, IV—V, стр. 759).

¹⁴ «Русская старина», 1892, № 7, стр. 127.

¹⁵ Донесение Голенищева-Кутузова графу Разумовскому (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 28, д. № 146, л. 1).

¹⁶ Дневник Ивана Михайловича Снегирева и его воспоминания, II, М., 1905, стр. 290—291.

¹⁷ Эта ошибка была отмечена Н. М. Коркуновым в его работе «З. А. Горюшкин, российский законоискусник» (ст. 10)

нам о том, что личность Горюшкина в памяти современников связывалась с Новиковым.

Простые, неродовитые люди должны были отвечать за «преступление» — распространение книг, изданных Новиковым: мелкие купцы, купцы третьей гильдии (один лишь Никита Кольчугин был купцом второй гильдии), Переpletчиков, Глазуновы, Матвей и Василий, Полежаев, Козырев, Луковников, Вавилов, Заикин, Иванов, мещане Иван Шелковников и Алексей Телепнев, переpletчик Московского университета Никита Водопьянов, из солдатских детей.

Приговор по их делу судов нижней инстанции был чрезвычайно суров, но, смягченный в средней инстанции, он был еще более смягчен в Московской уголовной палате, что и вызвало гнев князя А. А. Прозоровского. Горюшкин вынес свое суждение о деле книгопродавцев, основываясь на законах о запрещенной торговле, а князь Прозоровский, в соответствии с желанием Екатерины II, хотел придать этому делу политический смысл. Он писал императрице, что считает голос Горюшкина несогласным с существом дела, важность которого состоит «в преступлении высочайших вашего императорского величества указов». На Горюшкина было оказано чрезвычайно сильное давление, но ничто не могло принудить его дать, уступая требованиям могущественного вельможи, какое-либо иное толкование законам, как писал Екатерине II Прозоровский: «А посему прокурор и в Уголовной палате ему, Горюшкину, замечания делал, наконец предложил палате диспут; а я... дал палате письменное предложение... но по непонятию ль или по упрямству его, Горюшкина, все сие не довольно было отвратить сего от несообразного к сему делу голоса». ¹⁸ Поэтому князь Прозоровский вынужден был в письменном предложении Палате сделать «должное замечание» Горюшкину и рекомендовать ему впредь мнения полагать «по точности дела и прямому разуму закона».

Когда читаешь гневное донесение кн. Прозоровского, постигаешь упорный характер русского юриста Горюшкина, считавшего своим патриотическим долгом защиту справедливости. Нельзя не вспомнить слов Милона, героя комедии Фонвизина «Недоросль»: «Судья, который, не убоясь ни мщения, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах — герой». ¹⁹ Мы видим, что как Прозоровский,

¹⁸ П. П. Пекарский. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869, стр. 161—163 — Разрядка моя. — Г. Е.-Б.

¹⁹ Д. И. Фонвизин. Сочинения, СПб., 1893, стр. 97.

так и Горюшкин, оба опирались на «прямой разум закона», но как различно понимают они закон! Для Прозоровского, по существу, законом является повеление самодержца — желание Екатерины II, чтобы как можно строже были наказаны преступники. Горюшкин же, как мы можем судить по его «Руководству к познанию российского законоискусства», отрицал, чтобы любое царское повеление было равнозначно закону. В первой главе «Руководства» мы читаем, что закон всегда основывается на «народном умствовании», зато закон всегда что является соединенная народная воля, и никогда не может быть признано законом то, что явно противоречит соединенной народной воле и не способствует благоденствию государства, «хотя бы правитель торжественно такое издал повеление».²⁰

В полном соответствии с методом зашифровки, к которому часто прибегали просветители, Горюшкин порою ряд важных мыслей переносит в примечания, причем скрывается за другими авторами, которых он цитирует.²¹ К числу авторов, которых цитирует Горюшкин или на мнение которых он ссылается, принадлежит в первую очередь Монтескье. Большое внимание уделяет Горюшкин и идеям итальянского просветителя Беккариа, которого он называет неизвестным автором итальянской книги о штрафах и наказаниях:²² «Неизвестный автор итальянской книги о штрафах и наказаниях хотя точно и не толкует, какую вещь слово закон значит; однако ж из четвертой и пятой его статей догадаться можно, что он через закон разумеет действительное делам расположение по общей всех воле, чтоб быть им по сему когда их в действо производить надлежит».²³

²⁰ Руководство к познанию российского законоискусства, переплет 1-й, глава первая, стр. 7. «Переплетами» названы Горюшкиным тома, или части, книги.

²¹ Этого не понял Ф. Л. Морозкин, который в своей речи с оттенком иронии говорил о том, как Горюшкин приводит многочисленные определения «закона» (ср.: «Ученые записки Московского университета», 1834, февраль (VIII), стр. 234).

²² Не подлежит сомнению, что в данном случае имеется в виду именно Беккариа. Об этом свидетельствует то, что, говоря об определении автором закона, Горюшкин ссылается на «4-ю» и «5-ю» главы. И действительно, 4-я глава книги Беккариа посвящена «Толкованию законов», а 5-я — «Темноте законов»; см.: Руководство к познанию российского законоискусства, переплет 1-й, глава первая, стр. 6.

²³ Там же. Анонимность Беккариа у Горюшкина объяснима, потому что трактат Беккариа вышел в свет в августе 1764 года без означения места печати и имени автора. Не ясно лишь то, почему Горюшкин дает такой своеобразный перевод заглавия книги Беккариа «О преступлениях и наказаниях», как бы не желая говорить о преступлениях, а имея лишь в виду возмездие за проступки. Не исключена возможность, что это опечатка.

Чрезвычайно любопытна самая обширная из приводимых Горюшкиным в первой главе его «Руководства» цитата из книги Юсти «Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов». Для доказательства мысли, что не всякое повеление императора может быть объявлено законом, Юсти ссылается на примеры действий самодержцев, когда они употребляли свою власть во зло, для удовлетворения своих низменных страстей и прихотей. «Хотя Август, — цитирует Горюшкин Юсти, — прекраснейших жен изо всего Рима приказывал к себе на носилках носить, не взирая на то, что мужья противиться тому не смели; хотя Альфонс, король португальский... по ночам с шайкою непотребных людей в Лиссабоне по улицам шатываясь, дельвал разные своевольства и продерзости; однако в таких случаях не можно их признать законодателями». Характерна концовка цитаты из Юсти, приводимая Горюшкиным, смысл которой сводится к тому, что если законы изъяснять волею монарха, а воля эта часто бывает несправедливою, то и нельзя требовать от подданных повиновения: «разуметь из того не возможно, в каких случаях подданные покоряться обязаны или нет».²⁴

Эта выдержка приведена Горюшкиным, конечно, потому, что в ней звучит протест против деспотизма самодержца, и не приходится сомневаться в том, что она отражает точку зрения самого Горюшкина.²⁵

В своем осуждении самовласти монарха Горюшкин не одинок. Таков был взгляд всех русских просветителей.²⁶

²⁴ Там же, стр. 7—8.

²⁵ Возникает еще и дополнительный вопрос — не привлекло ли соответствующее место из книги Юсти внимания Горюшкина еще и по той причине, что оно давало возможность провести прямую аналогию с современностью. Александра I называли не только «Росский Тит», но порою и «Август». Например, Александр Бестужев называет его так в своем «Подражании первой сатире Буало». «Наш Август смотрит сентябрем», — пишет Языков. Так что имя Августа могло быть воспринято как имя Александра. Женолюбие Александра I было известно. Читая соответствующую цитату из Юсти о развращенности Августа, современники могли понять ее и как намек на конкретные деяния российского Августа.

²⁶ Взгляд Горюшкина совпадает, например, со взглядом Фонвизина, который определял российский строй правления как деспотический, называл Россию деспотией, где произвол одного является законом верховным. Против неограниченной власти самодержца, чье повеление подменяло закон, выступят впоследствии декабристы. Известен смелый ответ Николая Бестужева царю Николаю I, когда тот сказал ему, что может его помиловать, если он станет верным слугой. Как пишет в своих записках Розен, Николай Бестужев ответил: «Желаю, чтобы впредь жребий ваших подданных зависел от закона, а не от вашей угодности» (А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 78).

Известный масон Иван Владимирович Лопухин, примыкавший к кружку Новикова, в своих записках рассказывает о том, что при производстве в Уголовной палате дела о книгопродавцах кн. Прозоровский требовал привлечения к судебной ответственности и Лопухина. Он, рассказывает Лопухин, «озлобил на одного искусного и хорошего судью, который ему доказывал, что обвинить меня никак не можно... Рассердился князь Прозоровский, выгнал судью, однако после велел оставить ревизию».²⁷

Горюшкин был близок к Лопухину по службе, и вполне вероятно предположение Н. М. Коркунова, что искусным судьей, которого выгнал Прозоровский, был Горюшкин.²⁸

Во всяком случае, даже из одного лишь донесения Прозоровского Екатерине II, цитированного выше, видно, как озлобил Горюшкин своим упрямством и прокурора Уголовной палаты и самого Прозоровского. И вряд ли будет особо смелым предположение, что нежелание Горюшкина считаться с мнением «власть имущих» могло иметь влияние на его дальнейшую служебную карьеру.

11 августа 1795 года он был переведен из Уголовной палаты в Казенную, а из нее 10 декабря 1796 года «по силе имянного указа государыни императрицы Екатерины Великой прикомандирован в Комитет, учрежденный для исследования происшествий по обоим воспитательным домам» правителем канцелярии.²⁹

Положение в воспитательных домах, учрежденных Екатериной II, привлекало к себе внимание страшно высокой детской смертностью, и Горюшкин как честный человек мог быть здесь полезен. Но, с другой стороны, чрезвычайно странным представляется то, что Горюшкина — блестящего юриста-практика — посчитали возможным и необходимым удалить от практической судебной деятельности, на которой он должен был бы быть в первую очередь использован.

25 мая 1797 года «по уменьшению членов в Казенной палате»³⁰ Горюшкин был оставлен при одном Университете. Быть может, кому-то надо было, чтобы чрезмерно строптивый юрист был лишен возможности активно воздействовать на судьбы простых людей, чьи дела ему приходилось разбирать.

²⁷ «Чтения Общества любителей истории и древностей», 1860, кн. 2, стр. 54.

²⁸ Н. М. Коркунов, З. А. Горюшкин, российский законоискусник, стр. 13.

²⁹ ЦГАИАЛ, ф. 739, оп. 28, д. № 146, лл. 7—8.

³⁰ Там же.

Многие годы своей жизни посвятил Горюшкин созданию своего 4-томного «Руководства к познанию российского законоискусства», работы общим объемом в 2214 страниц «в большую четверть листа», о которой он сам говорит, что «сей труд есть полувековой плод усердного сына Отечества». «Руководство» Горюшкина — это первая в русской юриспруденции попытка обобщения русского законодательства. Горюшкин, частное лицо, осуществил работу, которая, по существу, должна была бы быть выполнена государственной комиссией, предпринял труд, по признанию многих, едва не превосходящий «частного человека силы и возможности».³¹ Не раз учреждавшиеся в России в течение XVIII века комиссии для составления нового уложения, деятельность которых не привела ни к каким результатам, все были очень обширны. Созданная, например, Петром I палата об уложении состояла из 70 человек.

В «Слове о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» С. Е. Десницкий говорил о том, что «уже необходимо, чтоб сделаны были и напечатаны для общего всех знания краткие наставления всероссийских прав».³² Книга Горюшкина, ученика Десницкого, полностью отвечает этому требованию выдающегося русского юриста-просветителя. Это создание русского ученого-самоучки можно назвать подлинным патриотическим подвигом. Чтобы довести до конца этот титанический труд — собрать и свести в единую систему разбросанные, находящиеся в хаотическом состоянии, порою противоречащие друг другу русские законы и указы, надо было глубоко верить в то, что подобная книга очень нужна русскому народу. Можно предположить, что уверенность в полезности данного труда возникла и укрепилась в Горюшкине по мере прохождения им различных этапов его службы. В Сыском приказе, например, он становился свидетелем диких кровавых сцен, видел, каким жестоким пыткам подвергали простых русских людей, порою невинных. Он должен был на практике сталкиваться с тем, к каким страшным последствиям приводили судебная волокита, лихоимство судейских, неправильное, пристрастное толкование законов, а порою просто незнание их. Он узнавал российскую действительность, видел бесправие крестьян, мещан, и, вместе с тем, постигал русский характер, твердость и стойкость русского человека. И. М. Снегирев рассказывает, очевидно со слов самого Горюшкина: «Среди лютых пыток русской человек обна-

³¹ З. А. Горюшкин. Руководство к познанию российского законоискусства, переплет I, Всеобщее обозрение книги (Предисловие), стр. II—III.

³² Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 210.

руживал свое молодечество: при людях для него и смерть красна. В Сыскном приказе от пытаемых Горюшкин слышал половицу: „терпи голова, в кости скована“.³³

Созыв Комиссии по составлению нового Уложения не мог также не оказать своего влияния на предпринятую Горюшкиным работу.

Российские законы были жестоки и суровы, особенно по отношению к людям «низшего» и «среднего» состояния, но, вместе с тем, одним из требований, которое было выставлено в 1768 году крестьянскими депутатами в Комиссии по составлению нового Уложения, было строгое исполнение существующих законов. Настолько было велико царившее беззаконие, что крестьянин мог лишь мечтать о том, чтобы «блюстители порядка», а по существу угнетатели народа, хотя бы следовали существующим законам, пусть и плохим. Недаром Радищев говорил: «Закон, каков ни худ, есть связь общества».

Утверждение святости и нерушимости закона как гарантии от полного произвола — вот главная цель, которую преследует Горюшкин, делая попытку обобщить русское законодательство. Его деятельность в этом направлении полностью соответствует тем задачам, которые ставили перед собой русские просветители, такие, как Десницкий, Фонвизин, также считавшие необходимым бороться за строгую законность.³⁴

Хотя, обобщая русское законодательство, Горюшкин вынужден был исходить, в основном, из существовавших тогда варварских законов, и это, конечно, ограничивало значение его работы, но уже одно то, что он постарался привести их в систему, напомнил о существовании многих забытых или неисполнявшихся законах, указал, что при противоречиях надо исходить из того, что последующими законами отменены предыдущие,³⁵ — все это было для его времени прогрессивно. Ведь в соблюдении законности, в знании законов местной администрации было в первую очередь заинтересовано русское крестьянство. Не только нарочитое нарушение законов, но и незнание их приводило зачастую к трагедиям. Вспомним главу «Городня» (из книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»), в которой путешественник разъясняет законы трем крестьянам,

³³ «Русский архив», 1866, IV—V, стр. 757.

³⁴ См., например С. Е. Десницкий Слово о способе к научению юриспруденции. В кн. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в., т. I, М., 1952, стр. 193—194, 198—199.

³⁵ Между прочим, именно этот принцип был впоследствии принят Спенсером при составлении «Свода законов».

которые проданы помещиком в рекруты. Он им объясняет, что в рекруты продавать людей нельзя, что им фактически от барина дана отпускная и, кроме того, продают их не в указное время и т. п.

Строгое соблюдение незыблемых законов и знание их просвещенными юристами было хоть, конечно, и половинчатым требованием, но все же одним из путей облегчения участи угнетенного народа.

Оценивая значение работ Горюшкина, надо учесть то, что на известном этапе своей деятельности, до того как встал непосредственно вопрос о вооруженном восстании, декабристы стремились к тому же, чего до них добивался профессор Горюшкин — помочь народу хотя бы в рамках существующего законодательства.

Яркие образцы этого дает, например, деятельность Н. И. Тургенева в Государственном Совете. Он говорит в своих дневниках о том, как «помог многим бедным крестьянам вырваться на свободу».³⁶ Когда Рылеев стал работать заседателем в петербургской палате уголовного суда, а Пущин решил служить в присутственных местах, «где всякий честный человек может быть решительно полезен другим»,³⁷ какими средствами думали они помочь «другим», то есть народу? Тем, что они будут честны, справедливы в своих решениях, точны в следовании законам, нелицеприятны. То есть они решили осуществлять как раз ту программу, которую развертывает З. А. Горюшкин в своих книгах.

Конечно, когда вопрос касается крестьянства, безгласного перед законом, трудно порою различить, в каких случаях мы имеем дело только с незнанием законов, а когда с нарочитым грубым его нарушением. Против этой-то «безгласности» русского крестьянства и борется Горюшкин.

В своей работе «Мысли о составлении общества» Николай Тургенев так определил «значение или сущность истинного просвещения»: «Оно есть знание своих прав и своих обязанностей».³⁸ На мой взгляд, Захарий Аникеевич Горюшкин и стремился в первую очередь именно к тому, чтобы все сословия знали свои права и обязанности. Именно такому

³⁶ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 годы, т. III, Пгр., 1921, см. напр. стр. 189.

³⁷ И. И. Пущин. Из показаний. В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I, М., 1951, стр. 396.

³⁸ Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 годы, т. III, Пгр., 1921, стр. 370. — Разрядка моя, — Г. Е.-Б.

принципу и подчинена его книга «Руководство к познанию российского законоискусства»; главные разделы в ней говорят о правах и обязанностях всех сословий. Он обращает внимание помещиков не только на их поистине неограниченные права по отношению к крестьянам, но и на их обязанности. Пытается он говорить и о «правах» крестьян. И хотя горькая ирония над судьбой угнетенного и обездоленного крестьянства заключена уже в самих словах «права рабов», но важна сама постановка этого вопроса, важно желание во времена вопиющего беспорядка крепостного крестьянства заботливо собрать все, что говорит хотя бы о каких-то его правах.

Симпатии Горюшкина к простым людям, к крестьянству, стремление защищать его интересы наложили свой отпечаток и на вторую его книгу «Описание судебных действий», в которой он создал идеальные образы кристально-честных судебных чиновников, действующих только согласно закону. Справедливый суд, по мнению Горюшкина, должен был быть одним из путей улучшения жизни народа.

Хотя Горюшкин в своих книгах в основном вынужден исходить из существующего русского законодательства, он все же пытается придать ему более прогрессивный характер путем цитирования «Наказа» Екатерины II, ссылаясь на него как на фактический закон.

Вместе с тем, сама же императрица заявляла по поводу своего «Наказа»: «Я запретила на оный инако взирать, как единственно он есть, то есть, правила, на которых основать можно мнение, но не яко закон, и для того по делам не выписывать, яко закон...».³⁹ После прекращения деятельности Комиссии по составлению нового Уложения Екатерина II не любила вспоминать о своем «Наказе». Указом Сената «Наказ» вскоре после его появления был объявлен под запретом. «Наказом» могли пользоваться только высшие чиновники, и то по особому разрешению. Книга «Описание судебных действий» создана на основе практических занятий по юриспруденции, которые вел Горюшкин с воспитанниками университетского пансиона. И мы видим, что с 1790 года и позже, т. е. в период, когда во Франции происходила революция, а в России свирепствовала реакция, русский юрист Горюшкин воспитывает своих учеников на идеях просветительной философии, пропагандирующей идеи Монтескье, Беккариа, в свое время использованные Екатериной II в ее «Наказе».

³⁹ Записки императрицы Екатерины II об учреждениях, введенных в России в ее управление. Сб ИРИО, XXVII, 1880, стр 176 и сл

«Наказ» остался на бумаге, был неприятным для Екатерины II памятником ее «либерализма», но многие подданные русской монархии, делая вид, что им неизвестно ее отрицательное отношение к ее созданию, все время обращались к «Наказу». Ссылка на авторитет «Наказа», на «монаршую волю» была своеобразной уловкой для многих носителей передовой идеологии, которые ссылались на «Наказ» для того, чтобы не упоминать его источников.⁴⁰

Ученик Десницкого, Горюшкин подчиняет преподавание российского законоискусства историческому принципу. В «Биографическом словаре профессоров Московского университета» стремление Горюшкина преподавать науку российского законоведения исторически отмечено как важная заслуга первого преподавателя практического законоведения на Руси.⁴¹ Исторический принцип положен Горюшкиным и в основу его труда «Руководство к познанию российского законоискусства»: он дает в нем обзор российского законодательства с древних времен, приводит в своей книге древние памятники русского законодательства, показывает постепенное изменение ряда узаконений. Сравнение и сопоставление древних и современных законов, их изменимость раскрывали перед читателями книги Горюшкина широкие возможности суждений о справедливости или несправедливости изменения того или иного закона. Впоследствии исторические параллели будут использованы

⁴⁰ Б. С. Ошеро вич. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли. М., 1946, стр. 79—80. Говоря о необходимости популяризации юридических знаний, Ф. В. Кречетов собирался якобы развивать взгляды, выраженные Екатериной II в «Наказе» («Чтения в импер. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», М., 1899, кн. 1 (статья «Новое издание „Не всио и не ничево“». Журнал 1786 г.), стр. 16, 30). Известен иронический и смелый ответ Максима Невзорова Шешковскому во время допроса, когда Шешковский пригрозил, что императрица велела бить Невзорова поленом, если он не сознается, на что тот ответил, что не верит, чтобы создательница «Наказа» могла сказать подобное (см.: И. В. Лопухин. Записки. Лондон, 1860, стр. 63). Пнин, когда цензор нашел предосудительными его мысли о праве крестьян на собственность, утверждал, что все «истины», к данному предмету относящиеся, он почерпнул из «премудрого Наказа Великой Екатерины». В работе «О законоположении» Радищев ссылается на ряд статей «Наказа». На «Наказ» ссылались и декабристы. П. Г. Каховский в письме к Николаю I от 24 февраля 1826 года писал: «И кто из русских без умиления прочтет Наказ, ею данный; он один собой искупает все недостатки того времени и веку тому свойственные» (П. Г. Каховский. Письмо из крепости. «Декабристы», составил Вл. Орлов, ГИХЛ, М.—Л., 1951, стр. 506).

⁴¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета, т. I. М., 1855, стр. 254.

декабристами для критики современной им действительности, строя царской России. В своей дневниковой записи от 13 февраля 1820 года Николай Тургенев, с ненавистью и презрением говоря о крепостниках в Государственном Совете и критикуя их действия, вспомнит запрещение Петра от 1721 года «продавать людей, как скотов»; члены же Государственного Совета «восстают против праха Петра Великого».⁴² Декабристы — Михаил Фон-Визин в своей работе «Обозрение проявлений политической жизни в России», В. И. Штейнгель в своих записках, как и ряд других, — критикуют самодержавно-крепостнический строй царской России, используя для этой цели исторические сопоставления, сравнивая разные исторические этапы в жизни русского народа.

Большой интерес к русской истории, присущий Горюшкину, как и другим русским просветителям — Десницкому, Новикову, диктовался общей для них задачей борьбы за построение национальной культуры.

Во второй главе «Руководства», озаглавленной «О начале и происхождении российских прав и законов», Горюшкин полемизирует с Татищевым, который считал «Русскую Правду» Ярослава древнейшим русским законом. Горюшкин утверждает, что слова летописца «поищем себе князя, иже бы володел нами и рядил по праву» указывают на то, что еще до призвания варягов в России существовало право, что новгородцы «сие право уже имели». В договорах с греками Горюшкин также находит ссылки на русские законы.

В книге Горюшкина есть ряд любопытных характеристик русского прошлого. Так, например, основываясь на летописях, он создает образ великого князя Святослава, храброго государя, который показывал своим войнам пример бесстрашия.

Отрицая право государя на то, чтобы единое его повеление служило основанием для закона, Горюшкин считает единственным государем, чьи повеления имели право на то, чтобы стать законами, — Святослава. Он основывает свое мнение на том, что речи-приказания Святослава (Горюшкин называет их «словесными законами») являлись повелениями «в делах, касающихся до пользы отечества». Святослав в своем призыве отдать жизнь за родину, но победить, в своем воззвании к патристической гордости, чувству национального достоинства русских, выразил не только свое индивидуальное настроение, но и отра-

⁴² Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816—1824 годы, т. III, Пгр., 1921, стр. 222

вил чаяния всего русского народа.⁴³ Не приходится сомневаться в том, что, давая такую характеристику Святославу, Горюшкин тем самым говорит о своем идеале монарха. Рассказывая о призвании варяжских князей, Горюшкин подчеркивает, что «обитавшие тогда в России народы положили призываемым ими вручить над собою право, постановлять или учреждать в их обществе все то, что только служит к их благосостоянию».⁴⁴ В другом месте своей книги Горюшкин употребляет выражение, что новгородцы «согласились общим договором» сыскать себе князя.⁴⁵

Если мы ознакомимся с бывшими тогда в ходу учебниками по русской истории, то увидим, что в них не было и речи о призвании варяжских князей на каких-либо «условиях». Это утверждение о праве государя на царствование лишь в том случае, если его деятельность способствует «благосостоянию» народа, конечно, противоречило концепции самодержавного, самовластного монарха. Горюшкин здесь переключается с А. П. Куницыным, который в своих лицейских лекциях тоже говорил, что «люди, вступая в общество, желают свободы и благосостояния, а не рабства и нищеты; они подвергаются верховной власти на том только условии, чтобы она избирала и употребляла средства для их безопасности и благосостояния...».⁴⁶ Чрезвычайно интересно, что к выводу о том, что варяжские князья были призваны для того, чтобы свершать все то, что служило к «благосостоянию» народов, Горюшкин приходит в результате очень своеобразного собственного анализа слов летописца: «Поищем себе князя, иже бы володил и рядил по праву». Власть «по праву» вполне могла бы быть осмыслена как утверждение самовластного, не ограниченного ничем управ-

⁴³ Образ Святослава, нарисованный Горюшкиным в его книге, находится в полном соответствии с тем народным представлением о Святославе, о котором говорит Н. А. Добролюбов в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы», полемизируя с А. П. Милоковым: «Вспомним величавый образ Святослава, храброго, деятельного, разделяющего с подданными все труды и недостатки, заботящегося о богатстве земель своей, говорящего: „Не посрамям земли Русския — ляжем костями ту!“» (Н. А. Добролюбов, Избранные сочинения, М.—Л., 1947, стр. 35). Образ Святослава, созданный Горюшкиным, предвосхитил Святослава, героя «Думы» Рылеева, смелого воина, защитника Родины, у которого нет своекорыстных интересов, так как он живет единой жизнью с народом.

⁴⁴ З. А. Горюшкин. Руководство к познанию российского законодательства, переплет I, стр. 10. — Разрядка моя, — Г. Е.-Б.

⁴⁵ Там же, стр. 47.

⁴⁶ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I, стр. 634.

ления, но совсем не так понимает слова летописца Горюшкин. Вот как раскрывает он смысл этих слов:

1. *Володеть* или владеть, есть не что иное, как вольно, властно или свободно делать.

2. Через слово *ряд* означалось тогда учиненное о чем-либо основательное или твердое постановление. . .

3. *Право* прежде и ныне приемлется знаменованием таких наших деяний, которые учинены быть должны так, как оные сделать возможным по закону признается.

Из сего явствует, что обитавшие тогда в России народы положили призываемым ими вручить над собою право, постановлять или учреждать в их обществе *все то, что только служит к их благосостоянию*, и делать оное вольно. . .⁴⁷

Я не хочу совершенно утверждать, что декабрист Никита Муравьев не мог сам понять смысла слов летописца точно так же, как их понял Горюшкин, но вполне вероятно, что автор «Проекта Конституции» был знаком с «Руководством к познанию российского законоискусства» и, быть может, книга Горюшкина и натолкнула его на какие-либо соображения. Во всяком случае, не могу не привести одного места из распространявшейся до восстания 14 декабря 1825 года прокламации Никиты Муравьева «Любопытный разговор», в которой дается такое же точно осмысление слов летописца, какое мы находим у Горюшкина:

В. Кто же установил и государей самовластных?

О. Никто. Отцы наши говорили: *поищем себе князя, который бы рядил по праву, а не самовластью, своевольству и прихотям*. Но государи мало-помалу всяким обманом присвоили себе власть беспредельную, подражая ханам татарским и султану турецкому.⁴⁸

Так декабристы в агитационных целях использовали летописные документы.

Большой заслугой Горюшкина является то, что он первый в России показал источник юриспруденции в нравах, обычаях и пословицах русского народа. Он отмечал, что юридические пословицы являются остатками первобытного права. Это обращение Горюшкина к народному творчеству чрезвычайно замечательно и служит как доказательством его демократических устремлений, так и близости его основных принципиальных установок к некоторым основополагающим принципам деятель-

⁴⁷ Э. А. Горюшкин. Руководство к познанию российского законоискусства, переплет I, стр. 10.

⁴⁸ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I, стр. 331.

ности виднейших писателей русского просвещения, в частности Новикова.⁴⁹ Насколько большое значение придает Горюшкин народной мудрости, воплощенной в пословице, слову народа, можно судить по тому, что он считал даже возможным пословицы, обобщение народного опыта приравнять к закону. Потому-то в «Описаниях судебных действий» очень часто, при решении какого-либо дела, судья предлагает заседателям опираться в своих решениях на народную мудрость.

Если мы вспомним, что Горюшкин не считал возможным приравнять к закону любое повеление государя, а пословицы безоговорочно называет словесными законами, так как видит в них «истину, опровержению не подверженную», то это, конечно, лишнее свидетельство его демократических симпатий.

Не все пословицы, рассматриваемые в книгах Горюшкина, являются воплощением подлинно народной мудрости. Он сам говорит, что берет пословицы из имеющихся печатных сборников, и следовательно, в ряде случаев — это пословицы уже подправленные. Но нам кажется, что в данном случае важен главный принцип — желание опираться в своих суждениях на опыт народа.

В «Руководстве к познанию российского законоискусства» Горюшкин «для примеру» сообщает целый ряд пословиц. Они главным образом касаются вопросов морали, поведения человека в общежитии. Но одна пословица, приведенная Горюшкиным, носит четкий социальный оттенок, в ней нашла отражение тяжелая участь крестьянства:

С одного де-скасть вола
По две кожи не дерут;
С одного де-скасть тягла
По две дани не берут.

Пословицу эту читатель мог осмыслить двояко. Ее можно было прочесть и как утверждение того, что, действительно, в помещичьей практике нет чрезмерной эксплуатации крестьян, с которых не берут двух даней, так как это противоречит здравому смыслу, но можно было ее прочесть и по-иному — как пожелание того, чтобы помещики чрезмерно не отягощали своих крестьян, как обращение к жестоким помещикам, как увещание их.

⁴⁹ Об отношении Новикова к народному творчеству см. в книге: Г. П. Макогоненко. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII в. М.—Л., 1951, стр. 250, 268, 269, 463 и др.

Идея патриотического воспитания юношества была одной из главных идей Н. И. Новикова. Рассматривая трехтомное «Описание судебных действий», созданное на основе занятий Горюшкина с воспитанниками Московского университетского пансиона, мы видим, что центральной задачей, которую ставил перед собой профессор российского законоискусства, было воспитание в своих слушателях истинного патриотизма. Он внушал юношам, что недостойно русского человека «быть странником» в отечестве своем, не думать о его благе, о благе народа. Он выступал против себялюбия, говоря об обязанностях человека по отношению к обществу и своим согражданам, «соближним». Взгляд этот на обязанности человека по отношению к обществу характерен для русских просветителей. Против эгоизма себялюбца выступали и Фонвизин, и Новиков, и Крылов. Критиковал «самственность» и Радищев. Понимание общественных обязанностей человека, свойственное Горюшкину, определяет и тот смысл, который он вкладывает в понятие служения отечеству. Служение отечеству, в его понимании, — это неуклонное исполнение своего общественного долга, который заключается в том, чтобы избавлять обиженного от руки несправедливого, «защищать вольность и честь, сохранять жизнь и отдавать каждому ему принадлежащее».⁵⁰ Горюшкин создает в своей книге идеальный образ судьи-гражданина, беспристрастного законодателя, который выше всего ставит «общую пользу». Этот образ неподкупного служителя закона, причем подкрепленный собственной практикой Горюшкина, на наш взгляд, должен был иметь несомненное значение для выработки декабристами их идеалов. Ф. Л. Морошкин говорил о большой популярности книг Горюшкина у юристов-практиков;⁵¹ подтверждением правильности слов Морошкина служат переиздания «Описаний судебных действий».⁵²

⁵⁰ З. А. Горюшкин. Описание судебных действий, ч. I. М., 1805, стр. 12—13. Сравним эти задачи, которые ставит Горюшкин перед «истинным сыном отечества», действующим на благо отечества на законодательном поприще, с тем, что скажет впоследствии о «правосудии» декабрист А. И. Якубович, кстати, учившийся в Московском университетском пансионе: «... не правосудие, а лихоимство заседает в судилищах, где не защищается жизнь, честь и состояние гражданина, но продают за золото или другие выгоды пристрастные решения...» (Из писем и показаний декабристов. Под ред. А. К. Бороздина, СПб., 1906, стр. 77).

⁵¹ «Ученые записки Московского университета», 1834, февраль (VIII), стр. 234.

⁵² Первая часть «Описаний судебных действий» вышла в 1805 году, уже в 1807 году появилось 2-е издание 1-й части; вторая часть, появившаяся в 1808 году, была переиздана в 1815 году. Дополнение ко второй части «Описаний судебных действий», т. е. фактически третья часть, вышло

Приняв решение служить отечеству в качестве судей, И. И. Пущин и К. Ф. Рылеев не могли пройти мимо книг Горюшкина. Когда прочтешь «Описание судебных действий», начинает казаться, что практическая судебная деятельность Пущина и Рылеева была как бы прямым ответом на те задачи, которые Горюшкин поставил в своих книгах перед честными русскими людьми. То, что говорит Пущин в своих показаниях о своей деятельности на судебном поприще, кажется цитатой из книг Горюшкина. Как и Горюшкин, Пущин придает громадное значение правильности решения дела в низовой судебной инстанции, «которое трудно, а иногда уже и невозможно поправить в высшем присутственном месте».⁵³

Конечно, сама русская действительность заставляла задумываться над одними и теми же вопросами передовых русских людей, мечтавших об улучшении жизни русского народа, как на грани XVIII и XIX веков, так и в первой четверти XIX века. Однако несомненно также и прямое знакомство Пущина с работами Горюшкина. Бывший военный, приняв решение выступить на новом поприще, не мог не ознакомиться, прежде всего, с существовавшей тогда юридической литературой. А «Описания судебных действий» Горюшкина, пользовавшиеся громадным распространением среди русских юристов-практиков, были самым лучшим и самым важным пособием для начинающего судебного деятеля. Именно в книгах Горюшкина были даны образцы конкретных судебных решений, и потому они могли служить настоящим руководством в работе, причем руководством отнюдь не только справочного характера.

Своим лекциям Горюшкин давал драматическую форму, его класс представлял присутствие, в котором производился суд, и ученики выполняли роли судейских чиновников. Все это передано им в его «Описаниях судебных действий». Можно предположить, что Горюшкин драматизировал свои лекции, прежде всего, с целью повысить нравственное воздействие занятий по юриспруденции на своих учеников. Ставя перед собой высокую задачу воспитания «истинных сынов отечества», он, очевидно, учитывал большую воспитательную роль театра, бывшего, по

в 1808 году, а в «Опыте российской библиографии» Сопикова за № 7738 мы находим указание на второе издание «Дополнения» в 1809 году. Ряд «судебных действий» были изданы отдельными брошюрами.

⁵³ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I, стр. 397. Можно сравнить с этим мнением Пущина то, что говорит Горюшкин в своем «Кратком рассуждении о нужде всеобщего знания российского практического законодательства» (З. А. Горюшкин. Руководство к познанию российского законоискусства, переплет I, стр. V).

мнению всех русских просветителей, «школой нравов».⁵⁴ Доказательством того, какое значение Горюшкин придавал театру, служит и то, что он даже у себя в доме создал небольшой театр.⁵⁵

Театрализованная форма «Судебных действий» поставила перед Горюшкиным некоторые задачи литературного порядка. Он пытался наметить, в известной мере, характеры судьи и заседателей, индивидуализировать язык тяжущихся, стремился к тому, чтобы придать, зачастую, их диалогом характер живой речи. Вот, например, образец речи мещанина Проторгуева, которому в суде показывают вексель, подписанный под его руку: «Экая причина! И сходно точь в точь как моя рука... Сроду, батюшка, эдакой диковинки не видывал и не слыхивал».⁵⁶ С другой стороны, весь возвышенный строй речи судьи или младшего заседателя напоминает нам речь героев Фонвизина — Стародума и Правдина.

Младший заседатель. ... На что жизнь, когда страдать будет честь того, который, желая в самой точности выполнить долг звания своего, охотно стремился подвергать опасности жизнь, чтобы заслужить честь? ..

Судья. Эти ваши мнения столь основательны, что кажется, всякой честной человек и истинный сын отечества с ними родился.⁵⁷

В данном случае младший заседатель имеет в виду то, что как судья, так и заседатели Добровольского уездного суда (так назван Горюшкиным суд, «заседавший» в стенах пансиона при Московском университете) в прошлом военные. Судья, при открытии суда, в своей речи выражал уверенность в том, что они, защищавшие свое отечество от внешних врагов, будут теперь с таким же самоотвержением защищать родину от злодеев, наносящих ей своими преступлениями урон изнутри, будут бороться против лихоимства, корыстолюбия, всяческих злоупотреблений, утверждать в своих судебных решениях истину.

Этим Горюшкин, несомненно, хочет возвысить звание судейского чиновника, так как в течение долгого времени (до Петровских времен) судейская деятельность считалась постыдной для благородного дворянства. В этом отношении Горюшкин следует

⁵⁴ Интересно, например, мнение о значении театра, высказанное Добролюбовым, героем «Исторического приключения» (Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.—Л., 1951, журн. «Пустомеля», стр. 259).

⁵⁵ Дневник Ивана Михайловича Снегирева и его воспоминания, II. М., 1905, стр. 291.

⁵⁶ З. А. Горюшкин. Дополнение ко второй части судебных действий. М., 1808, стр. 816—817.

⁵⁷ З. А. Горюшкин. Описания судебных действий, ч. I. М., 1805, стр. 37—38.

за Десницким, который хотел привить российскому юношеству любовь к юриспруденции.

«Описания судебных действий» продолжают обличительную традицию комедий Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль», журналов Новикова «Трутень» и «Живописец», а также журналов Крылова, в особенности «Почты духов», в которых обличение взяточничества, криводушия судейских чиновников занимало большое место.

Новиков и Крылов, нападая на порок, вместе с тем, большое внимание уделяли и созданию образов положительных героев, пороку противопоставляли добродетель. Вспомним хотя бы молодого прокурора, который думает, что «все дела надлежит вершить по наукам»,⁵⁸ или третьего просителя мест, который охарактеризован в «Трутне» как «защитник истины, помощатель бедности, ненавистник злых нравов и роскоши»⁵⁹ и т. д. Эта двойная задача, которую преследовали своей литературной деятельностью русские просветители, прямо сформулирована во «Введении» к журналу «Зритель», в котором говорится о праве писателя представлять порок в его гнусности, «а добродетель во всей ее красоте, дабы пленить ею читателя».⁶⁰ Вот этим-то «правом» писателя представлять добродетель во всей ее красоте и пользуется Горюшкин в своих «Описаниях судебных действий», утверждая в них свой положительный идеал.

Такого идеального суда, как Добровольский уездный суд, в России не было. Судебные действия, происходившие в Добровольском уездном суде, — это просветительская утопия, просветительская мечта о победе справедливости, честности. По всей России народ стонал от несправедливых решений, от необходимости давать взятки судьям, от судебной волокиты, а в стенах Московского благородного пансиона заседал образцовый суд, который выносил справедливые, скорые решения.

Отличительной особенностью книги Горюшкина является стремление ее автора подчеркнуть, что, рисуя идеальный судебный процесс, он говорит лишь о желаемом, о том, чего нет и за что надо бороться. Желаемое вступает в противоречие с реально существующим.

В первой части книги содержится много славословий по адресу Екатерины II, которая своим указом о лихоимстве якобы положила предел всем злоупотреблениям. Но при внимательном анализе всех трех частей «Описания судебных действий» стано-

⁵⁸ Сатирические журналы Н. И. Новикова, стр. 50.

⁵⁹ Там же, стр. 57.

⁶⁰ «Зритель», СПб., 1792, февраль, стр. 3.

вится ясным, что Горюшкин применяет типичный для XVIII века и для русских просветителей прием, когда «методом борьбы со злом является противопоставление отрицательному явлению положительного, не в качестве идеала, а в качестве якобы реально существующего».⁶¹

Читая «Описания судебных действий», надо учитывать существующий в них второй план.

Гражданские права и законы судья Добровольского уездного суда (который, очевидно, высказывает взгляды самого Горюшкина) называет теми путями, идя по которым каждый мог бы достичь главной, основной цели — «общего блага». Но, к сожалению, «опыты доказывают», что многие сворачивают с этого пути, устремляются против общественного и частного благоденствия. В доказательство этого секретарь суда читает направленный против лихоимства указ Екатерины II, в котором говорится о том, «до какой степени лихоимство возросло».⁶² Так, в этот идеальный суд, члены которого хотят вершить дела лишь согласно законам, по истине и справедливости, входит сама гнусная российская действительность, мерзость жизни, против которой хочет бороться оружием убеждения, примера, словом честного человека русский законоискусник, профессор Горюшкин.

Судебные заседания, происходившие в Добровольском суде, отнесены Горюшкиным к началу 90-х годов XVIII века, но, вместе с тем, в сносках он дает ряд документов, относящихся уже к царствованию Александра I. Устанавливая, таким образом, преемственную связь между прошлым и настоящим, Горюшкин тем самым, конечно, дает понять своим читателям, что его работа имеет современный адрес, направлена против зла, развешающего судебный аппарат России в настоящем, а не в прошлом. Когда выходили книги Горюшкина — в начале XIX века, в 1805, 1807 годах, — положение оставалось таким же, каким оно было в XVIII веке, так что Горюшкин, конечно, должен был считать, что его труды принесут пользу и в царствование нового монарха.

В первой части «Описания судебных действий» на первых страницах секретарь суда читает указ Екатерины II от 14 декабря 1766 года, в котором она декларирует, что первым ее желанием является увидеть свой народ счастливым.

⁶¹ П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 188.

⁶² Э. А. Горюшкин. Описания судебных действий, ч. I М., 1805, стр. 34, 70.

Но дальше Горюшкин довольно ясно намекает на то, что Екатерина II, несмотря на высказанное ею желание, не сделала свой народ счастливым. Судья характеризует декларацию Екатерины II лишь как «божественное намерение», а старший заседатель прямо говорит: «О! Есть ли бы оно всеми упражненными к тому особами было выполняемо, то бы наше отечество не с чем иным сравнить можно, как только с земным раем!».⁶³

Как известно, сама Екатерина II утверждала, что ее подданные, действительно, живут, как в земном раю, и много говорила о златом веке. Горюшкин же с этим не согласен, и также он не считает, будто златой век воцарился при Александре I. К указу Екатерины II он дает дополнением в сноске и указ Александра I от 21 апреля 1801 года, где тот, подобно своей бабушке, также заявляет, что у него нет иного счастья, кроме счастья его подданных. Но после этого не следует утверждения Горюшкина, чтобы Александру I удалось добиться большего благоденствия подданных, чем его бабушке, Екатерине II. Напротив, скептически-горестное восклицание старшего заседателя о том, что Россия все же не является еще земным раем, всецело относится не только к прошлому, но и к настоящему.

В «Описаниях судебных действий» Горюшкин приводит много примеров несправедливых судебных решений. Как юрист-новатор он выступает, например, против неправильной, по его мнению, русской судебной практики, когда суд в некоторых случаях основывает свое решение на основе лишь «сходства руки», что дает возможность мошенникам, искусно подделавшим подпись на векселе, вымогать у честных людей крупные суммы на основе представления подложного векселя. И если Добровольский уездный суд, выступая против этой неправильной практики, в деле провинциального секретаря Хитрецова, требующего на основании подложного векселя 20 тысяч с капитана Беднякова, становится на сторону капитана Беднякова, то в реальной действительности торжествуют подлецы и мерзавцы. Старший заседатель рассказывает о том, как судом был утвержден подложный вексель, и решение это было принято «за законную правду» и во всех верховных инстанциях. В разделе «О производстве уголовных дел» младший заседатель сообщает об одном трагическом случае, когда какой-то человек простого звания был обвинен в убийстве только потому, что суд не посчитал нужным принять во внимание категорическое отрицание подсудимым его вины и не искал неопровержимых доказательств его винов-

⁶³ Там же, стр. 19. — Разрядка моя. — Г. Е.-Б.

ности.⁶⁴ И хотя по прошествии некоторого времени нашелся настоящий убийца, но невинно обвиненный «страдалец», как называет его младший заседатель, не был освобожден и умер через три года на каторге. Этот пример трагической судебной ошибки, рассказанный младшим заседателем в очень живой форме, мог бы вполне занять свое место в журнале Новикова. Вспомним, например, случай, рассказанный в «Трутне» о невинном подрядчике, обвиненном в краже часов. В сущности, Новиков здесь так же, как и Горюшкин, протестовал против процессуальной практики, не принимавшей во внимание отрицание обвиняемым своей вины, а главное, как и Горюшкин, Новиков, в данном случае, выступал в защиту простого человека.

В России в судах царит беззаконие, говорит Горюшкин своей книгой, «золотой век» существует лишь в воображении российских монархов.

И весь смысл деятельности членов Добровольского уездного суда и заключается в том, чтобы показать, какими путями должны идти честные люди, «сыны Отечества», если они хотят, чтобы в России воцарился «земной рай». Горюшкин начерчивает целую программу действий для этих честных людей, говоря тем самым о своем неверии в то, чтобы цари могли добиться счастья своих подданных, истребить неправосудие, царящее в России.

Младший заседатель, взгляды которого, подобно взглядам судьи, отражают взгляды самого Горюшкина, указывает членам суда на те пути, которыми они должны прийти к решению стоящей перед ними главной задачи — защиты истинной законности. Увеличивающееся количество спорных дел в судебных местах зависит, говорит младший заседатель, от ряда причин: 1) плохой нравственности, 2) незнания законов, 3) неправосудия в нижних судебных инстанциях, благодаря чему дела переносятся в высшие инстанции.

От первой причины судебные места могут избавляться, если будет «повременно исправляема каждого особливо нравственность». Вторая причина происхождения спорных дел может быть, по мнению младшего заседателя, устранена, если «каждый правилом себе поставит не быть странствующим в отечестве своем, но приобретать будет сведения о законах своей земли и

⁶⁴ В «Описаниях судебных действий» Горюшкин выступает как популяризатор ряда важнейших идей Беккарна. В частности, Горюшкин большое место отводит системе доказательств преступности, основываясь на мысли Беккарна, что чем более тяжело обвинение, тем сильнее должны быть и доказательства.

об образе судопроизводства».⁶⁵ Наконец, третья причина — неправоудие в нижних судебных местах — может быть уничтожена, если правосудие будет отправляться скоро и беспристрастно.

Эта программа искоренения зла, конечно, очень наивна, потому что единственной гарантией ее выполнения является личная честность, высокие моральные качества всех судейских чиновников. Кроме того, Горюшкин не понимает, что эти идеальные честные чиновники мало что могли бы сделать в крепостническом государстве XVIII века.

В данном случае Горюшкину, как и всем просветителям XVIII века, присуща ограниченность при решении социальных проблем. Но, заблуждаясь, он был предельно честен в своих побуждениях и в своей собственной практике, примером которой служит хотя бы его борьба с Прозоровским по делу книгопродавцев. Он сам являл образец такого просвещенного, беспристрастного юриста, которые были нужны России и которых он хотел воспитать. И если стать на точку зрения самого Горюшкина, то программа действия, которую он предлагает передовым русским людям, привлекательна своей конкретностью. Горюшкин призывает русских дворян к активной борьбе со злом и намечает для них совершенно конкретный путь борьбы.

Страстный пропагандист юридического образования, рассматривая его как действенное средство борьбы с беззаконием, Горюшкин ставил перед собой задачи: 1) воспитать просвещенных юристов в стенах пансиона при университете и в самом университете и 2) пропагандировать свои взгляды путем издания своих книг.

Нельзя отказать этому замыслу Горюшкина в широте и размахе. Смысл всей деятельности членов Добровольского суда, прежде всего, заключался в том, что они стояли на страже интересов людей небогатых и нечиновных.

Следуя литературному закону классицизма, Горюшкин наделяет тяжущихся фамилиями, которые сразу показывают главную их черту. Мы встречаем у Горюшкина, с одной стороны: Прижимкова, Спорова, Умыслова, Выгодова, Своенравова, Прибралова, Своемыслова, Хитрецова, а с другой стороны: Свободина, Беднякова, Рассудова, Верина, Безроднова, Печалина, Правдина. Симпатии членов суда всегда на стороне положительных героев, добропорядочность которых заранее охарактеризо-

⁶⁵ Э. А. Горюшкин. Описание судебных действий. Дополнение ко второй части. М., 1808, стр. 730. Характерно, что Радищев одной из причин произвола, продажности судей, беззакония, царящего в России, считал отсутствие в России настоящего юридического образования.

вана их фамилиями. Эти положительные герои — бедные и нечиновные люди, часто военные, и именно такие люди близки по духу членам суда.

Горюшкин показывает в своей книге, что деятельность членов Добровольского суда находит горячую поддержку у этих людей, представителей передовых кругов дворянства. Очевидно, этим Горюшкин хочет сказать, что лагерь передовых людей не так уж малочислен. Подобно членам Добровольского суда, верит в силу закона и видит во всяком судье защитника истины и исполнителя закона капитан Правдин. Тех же взглядов придерживается и проситель Рассудов, который считает, что судебные решения должны быть только беспристрастными и нелицеприятными. Его идеалы — это идеалы судьи и младшего заседателя. Одним из представителей передового лагеря является и полковник Печалин. Несмотря на свое умеренное состояние, он, понимая великую пользу «воспитания», живя сам умеренно, ничего не жалел для того, чтобы сын его стал просвещенным человеком, и воспитал его «в нравственности и познаниях». Печалину присуща характерная для всех «новых» людей горячая вера в необходимость просвещения.

Знаменательна фамилия младшего заседателя — Добромыслов. Ему должны быть, конечно, близки Печалин и Правдин, — это представители одного с ним лагеря, лагеря передовых людей. Горюшкин проводит четкое различие между представителями разных лагерей, хотя все они, как те, так и другие, дворяне. Несмотря на то, что судья дает очень высокую оценку тем качествам, которые характеризуют, казалось бы, все дворянство в целом, на поверку оказывается, что бывают разные дворяне. Горюшкин показывает неприглядные действия многих из них. Например, проситель Нерасторопов заключил купчую с Умысловым на продажу своего имения. Умыслов купчую взял, а денег Нерасторопову не отдал. Хочет оставить своих детей в нищете титулярный советник Прибиралов, воспользовавшись завещанием своей жены, согласно которому она все свое состояние завещала мужу, минуя детей.

Против таких-то корыстолюбцев, бесчестных дворян и выступают члены суда. Таким образом, Горюшкин показывает, что «благородство» происхождения отнюдь не влечет за собой непременно благородства поступков. А представление, будто только дворяне в своих поступках руководствуются честью, долгом, истинно благородны, в отличие от представителей «подлого» народа — простых людей, было одним из основополагающих принципов сословно-дворянской морали. И, показывая подлость поступков дворян, Горюшкин действовал в том же направлении,

что и Фонвизин, разоблачавший гнусность и подлость «благородных» Простаковых и Скотининых, или Новиков, который рекомендовал дворянину «всякой день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином», и говорил, что «знатная порода... всегда будет обесчещена, когда не подкрепится достоинством и знатными к отечеству заслугами».⁶⁶

По мнению Горюшкина, передовым дворянам, истинным сынам отечества, должны быть присущи «любовь к отечеству, благу общему, усердие и труд». Эта точка зрения так же в значительной мере противостоит крепостническо-дворянской психологии. Не любовь к государю, а любовь к отечеству и благу общему является первейшей чертой дворянства, по мнению Горюшкина. Интересно, что в одном деле, которое решает Добровольский суд, ходатаем за своего хозяина — его поверенным — выступает простой человек, крепостной, его слуга, по фамилии Усердов. Горюшкин наделил его такой фамилией, очевидно, потому, что считал «усердие» наиболее характерным свойством представителей низшего сословия.

Призывая членов суда к тому, чтобы в их сердцах поселилось усердие к точному и нелицемерному отправлению должности, судья резко осуждает тех дворян, которые праздно проводят время «в роскоши и во всяких иных пороках, нравы развращающих».⁶⁷

Трудолюбие, усердие, проявляемые при исполнении своих обязанностей, — качества, присущие простым людям, противостоят лени, распущенности, праздности большинства дворянства, и Горюшкин хочет, чтобы замечательные черты, характеризующие простых людей, стали принадлежностью дворянства. В этом отношении его взгляды соприкасаются со взглядами Новикова.

Все черты, отличающие истинных сынов Отечества, — любовь к Родине, ко благу общему, трудолюбие, ревностное исполнение своего долга, высокая добродетель, — присущи членам Добровольского суда. Помимо этих общих черт, Горюшкин наделяет их индивидуальными качествами. Судья выступает в роли «учителя жизни», человека, который обобщает жизненные наблюдения, сопоставляя отдельные факты, делает далеко идущие выводы о высоких, возвышенных задачах, которые стоят

⁶⁶ Сатирические журналы Н. И. Новикова, стр. 131—136

⁶⁷ Э. А. Горюшкин. Описание судебных действий, ч. I. М., 1807, стр. 207.

перед людьми, посвятившими свою жизнь борьбе за справедливость. Младший заседатель — мыслящий человек, который ненавидит формализм и всегда находит оригинальные решения, вдумчиво и творчески подходя к каждому делу. Он зачастую предлагает решения, опрокидывающие старые нормы, хотя и придает этому вид лишь наилучшего постижения сути этих существующих норм: «Имея случай входить подробно в узаконения, убежденным нахожусь мыслить то, о чем другим прежде меня бывшим, не было угодно».⁶⁸ Младший заседатель в первую очередь основывает свои суждения на здравом смысле народа, а также зачастую и на законе природы, естественном законе, который, конечно, вступает порою в противоречие с формально понятым законом, мертвую буквою закона.

Многие решения, принятые в Добровольском уездном суде, могут быть названы новаторскими. Остановимся на одном из них.

Одной из главных черт, характеризующих русских просветителей, является их ненависть к крепостному праву. Прямых высказываний Горюшкина, осуждающих институт крепостного права в целом, в его книгах нет, что объясняется и цензурными условиями. Тем не менее ряд моментов дает возможность говорить о том, что Горюшкин, очевидно, относился отрицательно к крепостному праву и, во всяком случае, несомненно, стоял за его ограничение и с сочувствием относился к стремлению русского крестьянства к освобождению от гнета.

Показательным в этом отношении является решение по делу Сидора Фомина, которое принимается в Добровольском суде.

Полковник Свободин (характерна его фамилия), умирая, устно завещал, при духовнике, своей жене отпустить на волю своего дворового человека Фомина вместе со всей его семьей. На основании этого устного завещания Фомин и просит отпустить его с семейством «вечно от рабства». Проситель основывает свою просьбу на статье 14-й главы XX Уложения и на указе от 1699 года, в соответствии с которыми дворовым людям велено давать отпускные из судебных мест по допросу их духовных отцов.

Это прошение Фомина вызывает интерес у членов суда:

Судья. . . дело это кажется для нас ново.

Старший. Да и так-то ново, что едва ли запомнят и Архивы Судебных Мест.⁶⁹

⁶⁸ Там же. Дополнение ко второй части, стр. 658.

⁶⁹ Там же, стр. 702.

Вслед за Фоминым появляется другой проситель — племянник покойного полковника Свободина и его наследник, титулярный советник Споров; он в свою очередь подает прошение, в котором утверждает, что дворовый человек Фомин «несправедливо просит... об увольнении его с семейством от рабства», так как данная статья Уложения, относится только к кабальным людям, которые находятся в крепостной зависимости только при жизни своих господ и освобождаются после их смерти (кроме того, все изустные завещания должны быть записаны в Приказе в два месяца, иначе теряют силу). Споров просит членов суда отнестись к его делу со вниманием, тем более, что «это дело необыкновенное».⁷⁰

Вряд ли можно сомневаться в том, что современный Горюшкину суд в данной ситуации, конечно, решил бы дело в пользу Спорова. Как известно, еще в Комиссии по составлению нового Уложения крестьянские депутаты выступали с гневным протестом против сословного характера суда в России, жалуясь на то, что крестьянин не может найти защиты в суде, так как там заседают дворяне. И хотя здесь, с одной стороны, выступал дворянин Споров, а с другой — крестьянин, который основывал свою просьбу на духовном завещании тоже дворянина — полковника Свободина, но все же именно крестьянин являлся одной из юридических сторон. А главное, вопрос касался основных устоев самодержавного государства — института крепостного права, непререкаемой власти помещиков. Вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости, даже если он исходил от самих дворян, рассматривался вообще как «опасный», несмотря на всю видимость «либерализма» Александра I.

Царское правительство ведь не разрешило декабристу И. Д. Якушкину освободить своих крестьян от крепостной зависимости, мотивируя это тем, что он намерен был освободить их без земли. Дело было, конечно, не в «заботе» царского правительства о судьбе якушкинских крестьян, а в том, что подобный случай мог бы послужить «опасным» примером.

Поэтому исход дела Фомина был, конечно, необычным для того времени и говорил о демократических симпатиях Горюшкина. Защитив фактически интересы крестьянина, члены Добровольского суда доказали, что не декларацией было принятое ими в начале работы решение — судить, невзирая на лица «сильных».

⁷⁰ Там же, стр. 705.

В сложном деле Фомина, как всегда, новатором выступает младший заседатель, причем Горюшкин просто подчеркивает его желание добиться свободы крестьянской семьи.

Возникает спор. Старший заседатель отстаивает более консервативную точку зрения, и когда он приводит, казалось бы, очень убедительные доказательства невозможности решения дела в пользу Фомина, то Горюшкин специальной ремаркой («с некоторым замешательством») подчеркивает огорчение младшего заседателя. Наконец последний находит остроумное, оригинальное доказательство своей правоты. В статье 14-й главы XX Уложения, действительно, имеются в виду только кабальные, но так как кабальных в России нет, то и относящиеся к ним законы не могут служить основанием для решения дел, — утверждает младший заседатель. С другой стороны, согласно 53-й статье XX главы Уложения, помещики имеют право отпускать своих крепостных на волю или сами при жизни, или же могут доверять это кому-либо другому, хотя бы приказчикам, причем приказание об отпуске на волю может быть словесным. Суд приводит еще ряд доказательств неправоты Спорова и отказывает ему в его просьбе.

Решение, которое дает Горюшкин по делу Фомина, является, по существу, выступлением против сословного характера суда в самодержавно-крепостнической России. Оно говорит нам также о сочувственном отношении Горюшкина к стремлению крепостного крестьянина обрести свободу.

Во второй части «Описания судебных действий» есть еще одно выразительное место, также характеризующее отношение Горюшкина к этому вопросу.

Во время четвертого дня заседания секретарь суда читает указ от августа 1737 года о пресечении побегов крестьян и дворовых людей. В указе говорится о том, как «люди и крестьяне» некоторых помещиков покупают земли на их имя в разных отдаленных местах «и на тех не только сами селятся, но и другим крестьянам к побегу и к поселению повод подают».⁷¹ Об этих побегам помещики часто узнают лишь через многие годы, но возвратить беглых «для великих убытков» не могут и потому вынуждены бывают довольствоваться лишь взятым с них малым оброком.

В своем «Руководстве» Горюшкин приводит указы, запрещающие крестьянам совершать покупки земель на имя помещиков.

⁷¹ З. А. Горюшкин. Описание судебных действий, ч. II. М., 1815, стр. 149, 150.

Побеги крестьян от помещиков были выражением их протеста против угнетения, и характерно, что Горюшкин специально касается этой острой темы. В данном случае крестьяне прямо нарушают закон, обходят его и потому, казалось бы, что судья, являющийся строгим стражем закона, должен был бы по прочтении этого указа о беглых крестьянах строго осудить своевольство крестьян. Но судья ограничивается лишь одной репликой, чрезвычайно выразительной: «И немудреные люди выдумали для своей вольности замысловато».⁷² Таким образом, судья не только не осуждает крестьян, но, наоборот, относится с явным сочувствием к проявленной ими находчивости, к присущей русским людям смекалке.

Хотя крестьяне, убежавшие от помещика, юридически оставались крепостными, но чувствовали они себя свободными людьми, находясь от помещика на таком далеком расстоянии, что он их даже и вернуть не мог из-за «больших убытков». Кроме того, если иногда помещики и узнавали о том, что их крестьяне живут на отдаленных от них землях, лишь через «многие годы», то ведь бывали случаи, когда они вовсе об этом не узнавали. Если же и проводывал помещик о крестьянах, то положение оброчного, да еще находившегося так далеко от помещика, все же было неизмеримо легче, чем положение крестьянина, надрывавшегося на барщине.

Учитывая то, что из беглых же формировались ряды воинов Стеньки Разина, Пугачева, трудно сказать более определенно о сочувствии к крестьянам, самовольно вставшим на путь освобождения от рабства. Думается, что на основе скупой, но очень выразительной реплики судьи, можно утверждать, что судья (устаами которого говорит сам Горюшкин) признает право народа на обход закона, на нарушение его во имя своей свободы и с сочувствием относится к желанию крепостного крестьянства освободиться от ненавистного рабства.

Образ угнетенного народа встает перед нами, когда мы перелистываем страницы книги Горюшкина.

Как бы невзначай говорит, например, о бедности крестьян младший заседатель, разбирая дело полковника Фомина: «Деревни не на выгодных местах, крестьяне бедные, а у иных земель и прочих угодий менее, нежели у других».⁷³

Ярким свидетельством глубокого сочувствия Горюшкина к простым людям — крестьянам, а также ко всем представителям «среднего» и «нижнего» рода людей — мещанам, «казакам и

⁷² Там же, стр. 150.

⁷³ Там же, стр. 468.

пушкарям и затинщикам, служилым и тяглым всяким людям» — является раздел книги, касающийся «правежа исков и пошлин по судным делам», законов о неисправных плательщиках и особый раздел «О производстве уголовных дел».

О глубоком сочувствии Горюшкина к миллионам «безгласных» говорит и его «Руководство к познанию российского законоискусства».

Характер этого труда, конечно, ограничивал Горюшкина в возможности прямого высказывания своей точки зрения. Поэтому, только очень внимательно вчитываясь в эту книгу, можно понять, что, излагая или цитируя бесчисленные указы и законы Российской империи, сам Горюшкин относится к ним отнюдь не бесстрастно.

Чтобы показать истинное свое отношение к ряду вопросов, Горюшкин использует все приемы просветительского «эзоповского» языка. Легальную возможность критики дает ему в первую очередь применяемый им исторический метод. В этом отношении, например, очень интересен подбор указов в IV томе «Руководства», касающийся власти государя. Вслед за европейскими юристами Горюшкин считал, что государь имеет: 1) власть законодательную, 2) власть защитительную, 3) власть совершительную и что власть его «во всем оном наследственная».

Под властью «защитительной» Горюшкин подразумевает право государя «защищать своих подданных от обид и утеснений». В свете такого понимания воспринимается в качестве метода легальной критики деспотизма российского самодержца то, что Горюшкин именно в раздел «защитительной» власти включает все указы, запрещающие подданным русского царя подавать жалобы лично государю, минуя определенные инстанции. Русские цари приказывали бить батогами, кнутом своих дорогих подданных, осмелившихся «утруждать» лично царя жалобами о своих горестях. Скрупулезным подбором всех этих указов, даваемых в исторической последовательности, Горюшкин создает убийственно-иронический портрет «благостного» монарха, «защищающего» своих подданных от обид и утеснений страшными наказаниями. Самые сильные кары, конечно, выпадают на долю «неблагодарных» — плети, каторга, вечная ссылка в Сибирь.

Цитируя закон или указ, Горюшкин сбоку страницы дает мелким шрифтом от себя как бы экстракт данного указа, его основную сущность. Нужно отметить как определенную тенден-

цию Горюшкина, что если он цитирует указ, определяющий отношение какого-либо должностного лица к крестьянам, рекрутам, людям простого звания, то непременно как самое главное он выделит мелким шрифтом все то, что говорит о необходимости гуманного обращения с народом, о необходимости защищать его интересы, ограждать его от насилий, злоупотреблений. Чтобы подчеркнуть нужную ему мысль, Горюшкин иногда заменяет слова указа своими собственными. В т. III своей книги, например, говоря об обязанностях государева наместника, Горюшкин приводит данный смоленскому и псковскому генерал-губернатору указ, который заканчивается словами: «...чтобы под видом сего никому притеснения или других злоупотреблений не происходило».

Горюшкин на полях формулирует главную суть этого указа следующим образом: «Чтоб крестьянам притеснения не было», заменяя слово «никому» словом «крестьянам».

Своим «Руководством», так же как и «Описаниями судебных действий», Горюшкин отстаивает в первую очередь интересы «безгласных» перед законом.

Декабристы, выступая против крепостного права, стремились, прежде всего, доказать ложность концепции об извечности его существования.

Задолго до них Горюшкин в своем «Руководстве» подчеркивает различие, существовавшее между холопами и крестьянами, говорит о том, что исторически крепостное право не извечно, предвосхищая в этом вопросе точку зрения декабристской историографии.

При лаконизме стиля «Руководства» обращает на себя внимание то, как Горюшкин, останавливаясь на различии между холопами и крестьянами дважды повторяет слова «что принадлежит до крестьян», тем самым специально фиксируя внимание своих читателей на важности этого различия.

Задавая вопрос: «Какого рода люди могли быть вечными рабами?», Горюшкин делит их на две категории. В первую категорию, т. е. людей, ставших рабами «по собственному их желанию», он включает, в первую очередь холопов, которые сами себя продавали.⁷⁴ Во вторую же категорию людей, ставших вечными рабами, как пишет Горюшкин, «без желания», он включает крестьян.⁷⁵ Трудно сказать более ясно о том, что крепост-

⁷⁴ Горюшкин не раскрывает того, почему они вынуждены были сами себя продавать, но дает возможность предполагать, что он догадывался об экономических основах этого «добровольного» рабства.

⁷⁵ Э. А. Горюшкин. Руководство к познанию российского законоискусства, переплет I, стр. 275.

ная зависимость крестьян была результатом насилия со стороны царского самодержавия.

Можно предположить, что если бы том I «Руководства» был издан не в 1811 году, а, допустим, в 1819 году, и попал в руки Магницкого, то ряд положений книги мог бы вызвать столь же негодующие замечания Магницкого, как те, какими он сопроводил «Статистику Российского государства» К. И. Арсеньева. В частности, в своей «Статистике» Арсеньев, подобно Горюшкину, останавливается на различиях, существовавших между холопами и крестьянами, отмечая, что «крестьяне были все вольные, начиная с самых древних времен» до известного момента. «Опасное объявление в печатной книге», — заметил по этому поводу Магницкий.⁷⁶ Такое же опасное объявление было сделано юристом Горюшкиным за несколько лет до Арсеньева.

В разделах книги Горюшкина, в которых он рассматривает взаимоотношения между помещиками и крестьянами, он внимательно подбирает все законы и указы, хотя бы как-то ограничивающие, по существу, неограниченную власть помещиков по отношению к крестьянам. Это — указы и законы, запрещающие «бить и мучить» подданных своих, «разорять деревни наложением на людей и крестьян несносных тягостей», указы, запрещающие «тиранство и жестокость» господ, запрещающие помещикам принуждать крестьян к бракосочетанию без их желания, и тому подобное. В томе IV «Руководства» он группирует все указы, касающиеся прав крестьянства в их исторической последовательности, приводя, в частности, и указ Павла I о работе крестьян на помещика три дня в неделю. Горюшкин особо настаивает на праве крестьян жаловаться на помещиков. Характерно, что в томе I «Руководства» он не приводит указа Екатерины II, запретившей крестьянам жаловаться, а напротив, цитируя Кормчую книгу и говоря просто о себе, все время возвращается к праву крестьян жаловаться.

Довольно подробно останавливается Горюшкин и на обязанностях помещиков по отношению к своим крестьянам. Интересно, что обязанность помещиков кормить своих крестьян, особенно во время голода, строить для них житницы, снабжать их семенами Горюшкин выводит из права естественного, одним из разделов которого он считает «право жизни», в которое и входит «право снискания пропитания».

Общеизвестна та громадная помощь крестьянам во время голода, которую оказывал крестьянам Новиков, а потом декаб-

⁷⁶ Выписки из «Статистики Российского государства», составленной адъюнктом проф. Главного педагогического института Арсеньевым... и замечания на нее Магницкого. Сб. ОРЯС, т. IX, СПб., 1872, стр. 75.

ристы. Так действовали именно передовые люди своего времени, но это отнюдь не было общим правилом. Горюшкин хочет подобного рода исключения узаконить.

В силу того, что в российском феодально-крепостническом законодательстве фактически не было ни одного закона, отражавшего право на освобождение от крепостной зависимости, у Горюшкина последнее освещено довольно своеобразно: в разделе «О потереянии господского права» он приводит один любопытный пункт. Оказывается, когда крестьянин известит господина своего «о намерении к убийству его», то тогда, согласно Кормчей книге, он должен принять «свобождение яко возмездие». Конечно, Горюшкин сам понимал, что подобные пути освобождения крестьянина могли возникнуть лишь как редкое исключение.

Есть и другое, не менее выразительное место, которое говорит нам о признании Горюшкиным права крестьян на освобождение от крепостного рабства и, вместе с тем, свидетельствует о беспомощности его в поисках соответствующего закона. Одной из «обязанностей господ» по отношению к крепостным крестьянам по Горюшкину является следующее: «Отпущать рабов вечно на волю: I. За усердные услуги без земли. II. И с землею по договору с ними».

Горюшкин основывается на главе 20-й статьи 14-й Уложения, на указе от 1 февраля 1700 года и, очевидно, в поисках обобщающего положения, которое могло бы иметь особый вес, цитирует главу 7-ю, стих 23-й Книги Сирах: «...и не лиши его свободы».⁷⁷

В каждом из четырех томов «Руководства», в той или иной мере, отражено положение крестьянства. Книги Горюшкина, человека, благодаря своей профессии юриста близко соприкасавшегося с жизнью народа, дают богатейший материал для характеристики горестной участи людей «нижнего рода» XVIII и XIX века в России. И пафос книги российского законоискусника заключается в том, чтобы сказать миллионам этих «бесчастных» и неправых, что у них все же есть хоть какие-то права, о которых они должны знать. В томе IV «Руководства», утверждая, что личное право всех вообще граждан состоит «в равенстве, вольности и безопасности», Горюшкин разъясняет, как он понимает требование равенства: «Воспреещение богатым и знатым удручать бедных и низкого состояния людей».⁷⁸

⁷⁷ Э. А. Горюшкин. Руководство к познанию российского законоискусства, переплет I, стр. 200, 202.

⁷⁸ Там же, переплет IV, стр. 2181.

Именно в этом и был главный смысл всей деятельности русского законоискусника.

Не будучи революционером, Горюшкин не мог понять, что при самодержавно-крепостническом строе — строе угнетения и насилия, одно наличие, пусть даже незыблемых, законов не могло дать счастья народу, и не потому только что, прежде всего, не было гарантии их выполнения, но и в силу того, что эти законы были выражением самой системы крепостнической эксплуатации.

Том IV «Руководства к познанию российского законоискусства» вышел в 1816 году, в том году, когда возникло первое тайное общество. Отныне представители новой России будут говорить о цареубийстве, о республике, о полном преобразовании российского законодательства. И хотя в программе декабристов, в частности по вопросам судебной реформы, мы и находим отдельные моменты, близкие тому, о чем мечтал Горюшкин, но в целом, конечно, декабристы пошли значительно дальше его. Но рассматривая идейные предпосылки декабристского движения, мы не вправе обойти молчанием гигантский труд одного из учителей первых борцов против самодержавия — декабристов — профессора Московского университета, русского ученого Захария Горюшкина.

Г. А. ГУКОВСКИЙ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В НЕМЕЦКОМ ЖУРНАЛЕ XVIII ВЕКА¹

В нашей историко-литературной науке до сих пор еще до конца не преодолено старозаветное представление о «провинциальности» русской литературы XVIII столетия, о том, что она, мол, отставала от Запада и потому была мало интересна Западу и не известна ему. Конечно, за последние годы подобные взгляды не высказываются прямо, но они фактически еще пользуются влиянием и объективно выражаются как в понимании некоторыми литературоведами фактов русского словесного искусства XVIII в., так и в самом направлении исследований в этой области. Так, в ряде популярных сводок учебного и массового характера, суммирующих результаты прежних работ, наблюдается стремление по старинке интерпретировать русскую поэзию на протяжении целых шестидесяти лет от Ломоносова до Державина включительно как поэзию классицизма, хотя исследования советских ученых доказали, что классицизм в России, как и в Западной Европе, распадался под ударами передовых литературно-идейных течений той эпохи уже начиная с 1760—1770-х годов. Понятно, что придерживаться в этом вопросе точек зрения дореволюционной либеральной науки это значит признавать, что русская литература в 1760—1790-е годы непоправимо отставала от западной, плелась в хвосте, была за-

¹ Настоящая статья была написана покойным проф. Г. А. Гуковским в 1939 году; при подготовке к печати в 1948 году она была пересмотрена автором и дополнена некоторыми новыми данными. Печатается она в этой последней редакции. Появившаяся в 1956 году статья Ульфа Лемана «Deutsch-russische Wechselseitigkeit in deutschen und russischen Zeitschriften des 18. Jahrhunderts» (Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten. Berlin, 1956, стр. 247—255) лишь в самой незначительной мере совпадает по материалу с публикуемой работой Г. А. Гуковского. — *Прим. Ред.*

поздалым эпигонством, повторявшим «зады» западной культуры; ведь всем, даже не исследователям, а популяризаторам, должно быть известно, что передовые явления западной литературы, начиная, во всяком случае, с 1750-х годов (и даже несколько ранее), стоят уже за пределами классицизма; достаточно вспомнить имена Мариво, Ричардсона, Фильдинга, Грея, Руссо, Дидро, Клопштока, Лессинга и многих других. Почему же мы должны думать, что только русские люди топтались на пройденном уже давно участке общеевропейского идейно-художественного пути? Почему мы должны считать, что не только Ломоносов и поздний Сумароков, но еще Фонвизин и Державин так убийственно отставали? Не есть ли это признание отсталости, зависимости, несамостоятельности, беспомощности всей русской литературы XVIII века и в то же время повторение непростительных ошибок Алексея Веселовского и иже с ним при нежелании ознакомиться с фактами? Факты, исследованные советскими учеными, устанавливают бесспорно, что русская литература уже к середине XVIII века выступила как самостоятельная сила, и, считаясь с опытом Запада, сама могла уже показать Западу немало такого, чего там не было. В этом — одна из причин быстро растущего на Западе интереса к русской литературе. Те литературоведы, которые настаивают на устойчивости на протяжении XVIII века в русской литературе классицизма, обычно не интересуются вопросом о выходе русской литературы этой эпохи за рубежи нашей страны, на Запад, предпочитая думать (тоже по старинке), что Западу нечего было почерпнуть из России в те времена. Впрочем, — на всякий случай, чтобы чего не вышло, — они чаще всего умалчивают и о фактах обратного порядка, об интересе русских писателей XVIII века к передовым явлениям западных литератур, о широком и принципиальном обмене идей между Россией и Западом вообще. Так и получается, что русская литература в XVIII веке иной раз все еще выглядит в наших популярных курсах как какой-то выморочный участок, как застойный пруд, лишенный исторического движения, как глухая провинция, куда не доносятся известия из «центра» и которую этот «центр» нисколько не интересуется. Между тем, Россия уже к середине XVIII века на самом деле сама стала одним из подлинных центров европейской литературной культуры, и следовало бы уже давно заинтересоваться вопросом о том, насколько широко и глубоко знали русских писателей той эпохи на Западе. Разумеется, для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо произвести немало разысканий, новых исследований, — а это более трудно и требует больше усердия, времени и знаний, чем повторение суждений

Алексея Веселовского и А. Н. Пыпина в сочетании с А. И. Незеленовым или даже В. В. Сиповским. Знакомство же с обильным фактическим материалом западной литературы, критики, журналистики удостоверяет, что и во Франции, и в Германии, и (в меньшей степени) в других странах Западной Европы русская литература в XVIII веке была известна вовсе не мало и не поверхностно — и по переводам, и по критическим откликам, и через русских людей, пропагандировавших родную поэзию.

При этом важно подчеркнуть, что это знакомство Запада с русской литературой, интерес и внимание к ней, серьезный учет того, что делают русские писатели, начинается вовсе не в конце столетия, вовсе не с того времени, когда ода Державина переводилась на все главные языки Европы, когда слух о Радищеве прошел по всем странам ее, когда о Карамзине заговорили во всех столицах, а гораздо раньше, во всяком случае уже с 1750-х годов. Научные труды Ломоносова были вовсе не неизвестны его современникам на Западе; наоборот, они вызывали отклики, споры или восхищение среди специалистов-современников далеко за границами России. Знали на Западе и о поэтическом творчестве Ломоносова. Но и другие русские писатели, начиная с Кантемира, несколько раз издававшегося в переводах, и по-французски, и по-немецки, были известны, привлекали внимание, вызывали похвалы и стремление подражать им. Думается, что именно этот ранний период знакомства Запада с русской литературой XVIII века, наименее изученный наукой, представляет значительный принципиальный интерес. Поэтому могут быть не безразличны и те материалы, которые приводятся ниже.

С 1751 года начал выходить в Лейпциге под редакцией и при ведущем участии известного Готтшеда, главы немецкого классицизма, ежемесячный журнал под названием «Новости изящных наук» («Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit»). Журнал являлся органом не менее известного Лейпцигского общества свободных искусств (Die Gesellschaft der freyen Künste zu Leipzig), председателем которого был Готтшед. Значение этого журнала, недооцененного буржуазной наукой и в Германии и за ее пределами, было незаурядно. Служа органом умеренно-либеральной буржуазной научной общественности, он пользовался известностью во всех странах Европы. Литературный консерватизм Готтшеда не мешал ему быть весомым авторитетом, особенно в научных кругах Германии. В основном «Новости» — журнал критический, дававший отчеты и рецензии о книгах, вышедших как в Лейпциге и вообще в Герма-

нии, так и за ее пределами. Художественной прозы журнал не печатал вовсе, но среди критических отзывов он помещал целые самостоятельные статьи, главным образом литературоведческого и исторического содержания, а также стихотворения. Печатал он также от времени до времени известия о событиях в Лейпцигском обществе свободных искусств и другие того же рода (впрочем, таких известий весьма немного). Журнал издавался регулярно (по 12 выпусков в год) до 1762 года включительно; всего вышло 12 томов-годов. Не место здесь подвергать рассмотрению весь материал этого интересного с историко-литературной точки зрения журнала Готтшеда и его литературной группы; сейчас нас интересует то обстоятельство, что в этом журнале обильны и обстоятельны материалы, относящиеся к русской литературе, что этот журнал удостоверяет не только наличие живого, активного интереса к русской литературе, но и осведомленность в ней. Он удостоверяет наличие тесных и налаженных связей русской литературы с Западом, в данном случае — с Саксонией. Он удостоверяет также, что саксонские литераторы нимало не могли смотреть на русскую культуру, им современную, как на некое экзотическое или отсталое явление, и что они, наоборот, следили за ней с уважением и нередко с восхищением. Следует тут же указать на то, что в нашем распоряжении есть немало материалов, раскрывающих связи русской литературы с саксонским культурным центром и помимо готтшедовских «Новостей»; но в настоящей публикации я займусь материалами именно этого журнала, оставляя пока другой материал в стороне.

Материалы о русской литературе появляются почти с самого начала издания готтшедовского журнала. Уже в апреле 1751 года (стр. 259—266) Готтшед помещает рецензию на лондонское издание (1750 года) французского перевода сатир А. Д. Кантемира, сопровождаемое обширной биографией русского поэта. Появление в 1749 году первого издания этого перевода было незаурядным событием в литературной жизни Запада. Эта книга, явившаяся в результате напряженного интереса к русской жизни и культуре, в свою очередь способствовала еще большему росту этого интереса. Вся она была освещена искренним уважением к благородному русскому деятелю. То обстоятельство, что книга эта возникла в кругу передовых просвещенных людей Запада, вблизи Монтескье, еще более поднимало ее значение. Книга разошлась быстро, и спрос на нее потребовал нового издания уже в следующем году. В этой рецензии Кантемир оценен весьма высоко. «Это был человек совершенно исключительных дарований и великой учености, который делал честь

своему отечеству во многих областях. Он был ревностным поборником и продолжателем установлений Петра Великого, — и тем горестнее оплакала его Россия». Вообще Готтшед является восторженным поклонником Петра I; это видно и в его журнале; это засвидетельствовано было еще в 1725 году первым стихотворным произведением Готтшеда, принесшим ему известность, — его одой на смерть Петра.

Далее статья о Кантемире вся написана в тонах панегирика. Затем рецензент, т. е. скорей всего, Готтшед (бывший, видимо, автором всех или, во всяком случае, почти всех рецензий в журнале) говорит, что о сатирах Кантемира можно дать понятие только, если привести хоть одну из них в переводе; «мы надеемся, что наши читатели найдут в ней поистине каницевский, т. е. тонкий и изящный вкус, и надеемся, что нам предложат и другие, переведенные таким же образом». Далее идет стихотворный перевод одной из сатир Кантемира, выполненный александрийским стихом. Это — VI сатира. Вот начало перевода:

*Der lebt wohl recht beglückt, der ruhig und zufrieden
Mit wenig Gütern ist, die ihm das Glück geschieden.
Von allem Grame frey, der andre Menschen schreckt,
Geht er die Tugendbahn, bis ihn der Sarg bedeckt.
Ein kleines Landhaus ists, wo ich das alles ärnte,
Was mein Verlangen stillt, das ich beschränken lernte;
Bey Tischen mittler Art, und der Ergötzlichkeit,
Wo ein erlesner Freund mir den Verdruß zerstreut. . .*

Перевод сатиры заключает 200 стихов (у Кантемира — 162 стиха); сделан он с французской прозы.

В том же 1751 году в августе (стр. 547—558) в «Новостях» была помещена большая статья-рецензия на книгу отца Антиоха Кантемира, князя Дмитрия Константиновича; это — статья о немецком переводе (с английского) книги «Geschichte des osmanischen Reiches, nach seinem Anwachse und Abnehmen beschrieben von Demetrie Kantemir, ehmaligen Fürsten in der Moldau» (Гамбург, 1748; второе издание — Бреславль, 1751). В статье книга весьма расхвалена. Здесь рассказана история латинской рукописи книги, привезенной сыном автора, Антиохом, в Лондон, где в 1737 году вышел ее английский перевод, выполненный Тиндалем (Magister Tindal) с его же примечаниями. Далее сообщается, что в 1743 году вышел французский перевод Жонкьера (Jonquières) в четырех томах, но этот перевод совершенно исказил текст Кантемира, изложив серьезную книгу в легком тоне, — так что автор стал неузнаваем; к тому же во французском переводе много пропусков. Затем

рецензент (Готтшед) дает анализ немецкого перевода и подробную биографию Д. К. Кантемира, наконец — перечисление его сочинений. Тут же — ссылка на то, что о его сыне недавно говорилось в журнале в связи с сатирами последнего.

Следующая по времени статья, связанная с Россией, опять касалась Кантемиров. Это была напечатанная в 1752 году в июле (стр. 503—519) статья-рецензия на немецкий перевод сатир Антиоха Кантемира (с приложением других переводов и собственных произведений) Генриха Эбергарда барона фон Шпилькера (H. E. Freyherr von Spilker), вышедший в Берлине в 1752 году с предисловием Милиуса. Рецензент начинает так: «Наши читатели вспомнят сведения о сатирах князя Кантемира и образец их, которые мы сообщили приблизительно год назад. Теперь мы имеем удовольствие сообщить, что наше тогдашнее желание исполнено. В самом деле, нашелся отважный барон, владеющий пером столь же умело, как и шпагой, который перевел на немецкий язык все пиесы русского князя». Вслед за вступлением рецензент «Новостей» излагает предисловие Милиуса и статью самого Шпилькера о жанре сатиры и ее истории. Между прочим, Шпилькер пишет: «Германия — слишком рабская страна, чтобы своим дубовым воображением воспарить до идеи исправления нравов» («ist gar zu sklawisch um seine hölzerne Einbildung bis auf Verbesserung des Sitten schwingen»). Рецензент робко возражает, что это сказано «немножко слишком жестко» и что в Германии все же были сатирики.² Из этих замечаний, как и из понимания сатиры в кругах классиков-просветителей вообще, явствует, что перевод Кантемира делался вовсе не только ради любопытства: сатирами русского поэта хотели исправлять немецкие нравы; у Кантемира искали уроков и поддержки в борьбе с общественными пороками, примера для исправления «дубового воображения».

Журнал пересказывает подробно биографию Кантемира (ее дает и переводчик в своей книге); здесь говорится: «В России уже задолго до этого (т. е. рансе Кантемира) были рифмованные песни и стихи; но до него все же не был известен ни один

² Отмечу, что Шпилькер состоял в деятельной переписке с Готтшедом, см.: W. Suchier. Gottsched's Korrespondenzen (Sonderdruck aus dem Jahrbuch der Gottsched-Gesellschaft, B. 7 und 8, б. г.). Из данных о Г. Э. Шпилькере, собранных в книге Я. Бима: Jacob N. Beam. Die ersten deutschen Übersetzungen englischer Lustspiele d. XVIII Jahrh., Hamburg und Leipzig, 1906 (Theatergeschichtliche Forschungen, XX, стр. 59—61), видно, что в библиотеке Лейпцигского университета находятся 17 неизданных писем Шпилькера к Готтшеду (между 21 марта 1751 года и 23 января 1752 года), в значительной степени посвященных переводу «Сатир» Кантемира, и что инициатором этого издания был именно Готтшед.

поэт, кроме секретаря Петербургской Академии наук Тредиаковского, который написал несколько од и эпиграмм (Sinngedichte) в похвалу двора. Но эта поэзия была весьма несовершенна, и ее язык смешан с многими иностранными словами. Князь Кантемир отважно (herzhaft) изгонял их из своего языка³ и доказал, что он (т. е. русский язык) достаточно богат. Он нашел также последователей в других князьях и знатных людях. Он решился также впервые писать стихи без рифм — в переводе Анакреона и писем Горация, которые также имели успех; таким образом, он окажется со временем русским Орфеем и Аполлоном». Как видим, Кантемир превознесен в ущерб Тредиаковскому; Ломоносов не учитывается вовсе; зато выдвинуты князья и «знатные», т. е., конечно, кн. Н. Ю. Трубецкой, вероятно, кн. А. Л. Долгорукий, а затем — Сумароков, Херасков, Елагин и люди их круга. Готтшед ориентируется в русской литературе на определенную группу, условно и, конечно, далеко не точно объявляя ее патроном Кантемира. Едва ли здесь играли роль сословные пристрастия и предрасудки. Готтшед был писателем, покорным своему курфюрсту, хотя и не лишенным буржуазного либерализма; но он всем существом своим сближался с Сумароковым и его друзьями и оттапливался от Ломоносова и всего того, что он мог связать с ним. Борьба Сумарокова и его школы с Ломоносовым и Тредиаковским в глазах Готтшеда, конечно, была той же борьбой, которую он сам и его журналы вели, с одной стороны, против духа Возрождения (Гюнтер), с другой — против новшеств «швейцарцев» и Клопштока. Может быть, наиболее ненавистен ему был поэтому на Западе Мильтон, поэт Возрождения и в то же время знамя и кумир круга Клопштока. Так или иначе, Готтшед разбирался вполне хорошо во внутренних соотношениях русской литературы и видел в ней силы, для него значительные, к которым он и обращался в поисках союзников.

В 1753 году «Новости» поместили две статьи о книгах, появившихся в России. Первая из них — это отчет о втором томе «Новых комментариев Петербургской Академии наук» («*Novi commentarii Academiae Imperialis Petropolitanae Scientiarum*»); том помечен 1751 годом, но, видимо, вышел только в конце 1752-го. Рецензия, помещенная в февральском номере (стр. 120—128), начинается так: «Это новый том сочинений

³ Отмечу, что и Готтшед усердно изгоняет варваризмы из своего языка. Даже месяцы на титульных листах своего журнала он называет на «старонемецкий» лад: Wintermond, Hornung, Lenzmond, Ostermond и т. д. вместо: январь, февраль, март, апрель.

знаменитой Петербургской Академии наук»; далее излагается содержание тома.

В сентябрьском номере 1753 года (стр. 684—691) напечатана статья-рецензия на французский перевод «Синава и Трувора» Сумарокова. Эта рецензия, без сомнения, принадлежит редактору журнала, т. е. Готтшеду. Выписав титул книжки,⁴ Готтшед начинает с восхищения успехами молодой, послепетровской литературы, достигшей уже «одной из труднейших вещей в области человеческого ума, а именно трагедии <...>. Один наш друг, прибывший из Петербурга, подарил нас подобной редкостью, которая притом напечатана весьма опрятно. При всем том, это только французский перевод, но и он проистек из русского пера. И то и другое достопримечательно; после стихотворений князя Кантемира ничего не заслуживает так наше внимание, как это. Куда денется теперь философия климата, столь излюбленная французами, которые хотят связать дух и ум народов непременно с климатом, в котором они живут, или с условиями земли, на которой они существуют? Эти столь же поверхностные, сколь и неосновательные суждения и без того уже давно опровергаются примерами датских, шведских, норвежских, исландских, даже лапландских поэтов» и т. д. Мы узнаем из этих строк, что у Готтшеда были личные связи с Россией, позволившие ему быть в курсе русских литературных дел, помимо и сверх печатных источников. Что же касается демики с климатической теорией Монтескье и других, то она вызывала спор и со стороны русских писателей. Вспомним «Стихи Дюку Браганцы» Сумарокова (1774):

...иной ученый говорит:

Климат горячий нам писцов таких <т. е. великих писателей> творит;

Но ложно он вещает;

Вить солнце так, как юг, и север посещает.

Где Вильманшtrand, я там во близости рожден,

Как был Голицыным край финский побежден,—

Пиита ль та страна России обещает?

Не сказывал мне сей весьма холодный край,

Хоть я родился там, и сверх того во мразы,

От пиитической беги, беги заразы,

И в холоде родясь, на лире не играй:

Да кто могла из муз когда внести в рассказы

Такое слово мне,

Что наш прикован ум к какой-нибудь стране? ..

⁴ Перевод Долгорукова выполнен в прозе. Об этом переводе «Синава» пишет Штелин в своей известной «Записке». (См. в кн.: Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 163).

Вслед за приведенными выше суждениями о климате Готтшед дает изложение пьесы Сумарокова, отмечая попутно точное выполнение правил (это, конечно, импонирует Готтшеду), давая прозаические переводы отдельных отрывков диалога. Отмечу такие замечания рецензента: «Отсюда видно, как естествен ход мыслей, как благородны и живы образ мыслей и выражения героев...», или: «Из этого изложения первого действия видно, что связь тем и сцен прекрасно соблюдена. Характеры и нравы также вероподобны, по крайней мере, согласно нашим нравам, — хотя можно было бы усомниться, что русские князья, в особенности древних времен, могли иметь столько мягкосердечия и нежных склонностей. В последующих действиях это обнаруживается еще отчетливее, поскольку всё произведение клонится к изображению нежной любви, столь же почтительной, сколь сильной, и столь же стыдливой, сколь живой...».⁵ В заключении статьи Готтшед ставит Сумарокова в образец немецким драматургам, окончательно обнаруживая тем самым, во-первых, отсутствие недооценки русской поэзии, а во-вторых, свою солидарность с литературной позицией Сумарокова. Он пишет: «Мы можем только похвалить все расположение этого произведения. Мы должны сказать больше. Мы должны поставить этого русского поэта в пример нашим вечным перелагателям иностранных творений. Почему немецкие поэты не могут найти трагических героев в нашей собственной истории и вывести их на сцену, тогда как русский нашел таковых в своей истории?»

Напомню кстати, что перевод «Синава и Тривора» вызвал весьма хвалебную рецензию и в парижском «*Journal Etranger*» (1755, avril, стр. 114—156).⁶

⁵ Замечание о нежности древних князей явно соотносится с упреками, которые делали современники (м-м де Севинье, Робине, Визе, Сегре и др.) Расину в том, что у него в «Баязете» турки слишком изысканны, Митридат — тоже, да и Ипполит в «Федре» слишком галантен. В контексте с Расином упрек Готтшеда Сумарокову может звучать почти как комплимент.

⁶ См. перевод этой рецензии в «Ежемесячных сочинениях» (т. II, 1758, стр. 507); перевод сделан Г. В. Козицким. См. письмо Сумарокова к Екатерине II от 1 февраля 1770 года в «Русской беседе» (1860, стр. 230). Н. Н. Булич (Сумароков и современная ему критика, СПб., 1854, стр. 85—87) полагал, что рецензия в «Новостях» — перевод французской рецензии в «*Journal Etranger*». Булич ошибался. В своем переводе рецензии Козицкий выпустил пассаж о жестокости Петра I и — очень немного — подкрасил ее; так, он переводит: «Сие есть содержание правоучительного монолога, который обильно украсил автор хорошими изречениями...» (выражений, выделенных разрядкой, в подлиннике нет). Перевод Козицкого был перепечатан в «Полном собрании сочинений» Сумарокова (т. X, 1781 и 1787).

В 1754 году «Новости» опубликовали одну статью, присланную из России и говорящую о России (июль, стр. 520—533). Это — статья петербургского академика историка Г. Ф. Миллера «Bedenken über zwo Vermählungen, womit das Geschlecht der alten Grossfürsten von Russland vermehret werden wollen. Im Jahre 1754».

К статье Готтшед сделал примечание: «Насколько нам известно, это сочинение принадлежит г-ну проф. Миллеру в Петербурге и должно быть там напечатано. Оно препровождено нам с тем намерением, чтобы мы, напечатав его в „Новостях“, сделали его несколько более известным». В самом деле, эта статья Миллера была опубликована на русском языке в «Ежемесячных сочинениях» в февральском номере 1755 года. («Рассуждение о двух браках, введенных чужестранными писателями в род великих князей всероссийских»; анонимно).⁷

Отмечу факт сотрудничества Миллера в журнале Готтшеда. Миллер был лично близок к Сумарокову, печатал его обильно в «Ежемесячных сочинениях», т. е. поддерживал его в литературе, печатал и его друзей и учеников, И. П. Елагина, М. М. Хераскова, А. А. Нартова (младшего), А. А. Ржевского. Это был деятель культуры близкой к Сумарокову ориентации и, наоборот, находившийся во враждебной к Ломоносову позиции. Журнал Готтшеда недавно превознес Сумарокова — теперь он печатает статью Миллера. В Петербурге явно считали этот журнал близким себе именно люди сумароковского круга. Примечание Готтшеда к этой статье подтверждает также наличие прямых связей между ним и петербургскими литераторами. Вероятнее всего, он получил статью и непосредственно от Миллера и, следовательно, очень хорошо знал, кому принадлежит статья.⁸

В 1755 году материалы о России встречаются в апрельской книжке «Новостей». Прежде всего здесь (стр. 263—276) помещен отчет о немецком переводе английской книги, содержащей описание путешествия И. Ганвея по России и Персии. В отчете

⁷ Это — ученая историческая статья о родословии великих князей XI—XII веков. Повод к написанию ее указан был еще митр. Евгением Болховитиновым в «Словаре русских светских писателей» (т. II, М., 1845, стр. 80—81), где сообщено и то, что эта статья была напечатана «на немецком языке без означения имени сочинителя» (что неточно), но где напечатана — не указано. Кроме опубликования в журнале Готтшеда, статья Миллера была напечатана по-немецки отдельно в числе 200 экземпляров в Петербурге в том же 1754 году (П. П. Пекарский. История императорской Академии наук, т. I. СПб., 1870, стр. 408—409).

⁸ В Архиве Академии наук СССР (Ленинград) хранится 8 писем Готтшеда к Миллеру за 1756—1761 годы и 12 отпусков писем Миллера к Готтшеду. — *Прим. Ред.*

говорится о России и в конце — о «чуде нашего и будущих времен, царе Петре I», о коем в рецензируемой книге «сообщено много редкостных и секретных известий». Затем, в том же номере дан отчет об издании того же Лейпцигского общества, которое выпускало «Новости» («Sammlung einiger ausgesuchten Stücke der Gesellschaft der freyen Künste zu Leipzig. Zweiter Theil», Leipzig, 1755). В этом «Собрании некоторых избранных пьес» помещена была «переведенная с русского языка трагедия „Синав и Трувор“, взятая из древнерусской истории и сотворенная настоящим русским по всем правилам театра. Трудно было бы отличить ее от произведения, переведенного с французского. Переводчик этой трагедии — господин Келльнер из Вайсенфельса» (стр. 292).⁹ Из этого сообщения мы узнаем, что Штелин был неточен, говоря в своей «Записке» о трагедии «Синав и Трувор», что в 1756 году проф. Готтшед в своем ежемесячном издании «Das Neuste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit» поместил ее, переведенную прекрасными немецкими стихами. Затем мы можем дополнить некролог Сумарокова, в котором сказано, что трагедия «Синав и Трувор» переведена на немецкий язык стихами Тимофеем Ивановичем Остервальдем и многократно играна на немецком театре.¹⁰ Перевод Остервальда, если он действительно существовал, был, следовательно, не единственным. Замечу здесь же, что фразу «Новостей» о том, что «Синава» трудно отличить от французских трагедий, вероятно, следует толковать как признание точного соответствия русской трагедии правилам классицизма, что не звучало порицанием в журнале Готтшеда.¹¹

⁹ В книге «Sammlung...» перевод занимает стр. 81—148 и озаглавлен: «Sinav und Trovor, ein russisches Frauenspiel aus der französischen Uebersetzung verdeutscht von C. G. Köllnern aus Wiessenfels». В тексте Трувор пишется не Trovor, а Truvor. Перевод сделан александрийским стихом.

¹⁰ Сокращенная повесть о жизни и писаниях... А. П. Сумарокова. «Санкт-Петербургский вестник», 1778, ч. I, январь, стр. 44.

¹¹ В дополнение отмечу, что в том же сборнике Лейпцигского общества была напечатана, по словам рецензии, «прекрасная ода г-на Иог. Готфр. Рейхеля, воспевающая в горести хвалу божеству. Это, несомненно, новая тема для поэта... Мы можем без лести сказать, что эта ода совершенно хороша; и без нынешних погрешностей поэтических новаторов она мужественно сильна и полна новых мыслей» (стр. 293—294). Речь идет о Иог. Готфр. Рейхеле, том самом, который потом преподавал в Московском университете и был учителем и другом молодого Фонвизина. Итак, мы узнаем, что он писал стихи, — притом с успехом, притом в кругу готтшедовской школы. В 1756 году (август, стр. 622—626) И. Г. Рейхель напечатал в «Новостях» письмо к некоему пастору Фуксу с антикритикой и полемикой по поводу одной критической статьи самого Рейхеля. Не следует смешивать с магистром Иог. Натанаэлем Рейхелем, поэтом того же времени и круга, тоже участником общества Готтшеда и печатавшимся в его изда-

Начиная с 1756 года связи журнала Готтшеда с Россией и интерес его к русской литературе явно оживляются, а уважение его к «новой» России, и без того значительное, крепнет. К этому были свои весьма серьезные основания. Хотя столицей Саксонии был Дрезден, но главным культурным центром этого государства, отчасти и благодаря своему университету, и благодаря развитию книгоиздательского дела, был именно Лейпциг. В годы, предшествовавшие семилетней войне, саксонское правительство установило дружественные отношения с Россией, фактически шедшей к союзу с Францией и Австрией против Пруссии, в то время как усиление Пруссии беспокоило саксонских властителей. Это обстоятельство не могло не способствовать интересу к России и ее культуре в среде ученых литераторов Лейпцига. Следует напомнить также, что Саксония имела устойчивую политическую связь с Польшей, так как еще с 1697 года (и вплоть до 1763 года) она была соединена с ней личной унией: саксонский курфюрст был одновременно польским королем. Это в свою очередь сближало саксонских деятелей со славянскими. Но особенное значение приобрела Россия, и уже не только для «верхов» Саксонии, а и для всего населения ее, начиная с августа 1756 года. 29 августа этого года войска Фридриха II без предупреждения перешли границу Саксонии и довольно быстро оккупировали ее. Это было начало семилетней войны. Саксония де-факто оказалась союзницей России, Австрии и Франции в войне против прусских захватчиков. Реальное участие Саксонии в войне как военной силы было незначительно, так как Фридрих держал ее в своих руках, но тяжесть войны пала на Саксонию в весьма большой степени: военные операции из года в год протекали именно на ее территории, страна была вконец разорена, население ее ограблено пруссаками, которые вели себя в Саксонии более чем распушенно, людей гибло, по пропорциям и понятиям того времени, довольно много. Между тем спасение могло прийти только из России. Франция воевала в Европе чрезвычайно вяло, так как ее интересовало совсем другое: борьба с союзной Фридриху II

нии. Вероятно, именно ему принадлежит большая философическая ода, помещенная в «Новостях» в декабре 1753 года (стр. 930—932) с подписью «J. Reichel», впрочем, не исключено и авторство И. Г. Рейхеля. В собрании писем к Готтшеду в Лейпцигском университете хранится множество писем И. Г. Рейхеля; см.: W. Suchier. Gottscheds Korrespondenzen. Alphabetisches Absenderregister zur Gottschedschen Briefsammlung in der Universitätsbibliothek Leipzig (Sonderdruck aus der Kleinen Gottsched-Halle, Jahrbuch der Gottsched-Gesellschaft). В. 7 und 8. Berlin, 1912, стр. 60.— Все эти письма относятся ко времени до переезда Рейхеля в Москву.— *Прим. Ред.*

Англией за колонии. Австрийцев Фридрих безнадежно бил на полях сражений; между тем русская армия, оваянная славой Полтавы, готовилась к битвам, а затем, выступив в поход, и на самом деле не один раз громила войска Фридриха и к концу 1761 года привела его на край полной гибели. Явно, что в Саксонии надежды на освобождение обращались к России. Отсюда, естественно, значительный интерес в кругах саксонской интеллигенции и к русской культуре, к русской литературе — свидетельству необыкновенно быстрого и могучего роста русского общества. Следует заметить, что Готтшед и его товарищи, видимо, страдали от разделения и отсталости Германии, от ее жалкого и беспомощного положения под властью сотен более или менее мелких и крупных тиранов, дравшихся между собою, предававших народ и продававших его оптом и в розницу, презиравших народ, его язык, его культуру (вспомним презрение к немецкому языку и литературе Фридриха II, даже писавшего всегда на французском языке). Готтшедовский журнал старался, где мог, выдвинуть идею единой немецкой культуры. Видимо, в этой мечте о единстве духовной жизни Германии, о преодолении ее средневековой раздробленности лейпцигские литераторы обращались мыслью к России как покровителю, на которого они готовы были ориентироваться. С другой стороны, в России общественное мнение было направлено против Пруссии и в защиту оккупированной и угнетенной Саксонии. В «С.-Петербургских ведомостях» 1756 и 1757 годов печатались материалы о зверствах пруссаков в Саксонии, о грабежах и «наглостях, из которых одна другую бесчеловечностию превосходит». В редакцию «Ежемесячных сочинений» было прислано из Москвы стихотворение, в коем говорилось, что

король прусский в гордых мыслях пребывает <...>
 <...> И безвинно бедную Саксонию разоряет.
 Бедные крестьяне дневной пищи почти не имеют,
 А немилосердным пруссакам отказать ни в чем не смеют...¹²

Понятно, что русские писатели и культурные деятели, обращаясь по тем или иным делам на Запад, к Германии, адресовались именно к Саксонии, поскольку Пруссия Фридриха II была врагом, с которым шла война. А в союзной Саксонии не только работал не лишенный известности Лейпцигский университет, но

¹² См. примечание М. И. Сухомлинова к «Сочинениям Ломоносова» (т. II, изд. Академии наук, 1893, стр. 153—154 и сл., 196 и сл.). Автор указанных стихов подписался «Матвей. К.»; конечно, это — известный Матвей Комаров.

и целая школа писателей, группировавшихся вокруг профессора университета Готтшеда. Так установились довольно тесные связи между русскими деятелями культуры и лейпцигцами, установилась своего рода традиция культурного общения. Очевидно, эта же традиция объясняет и то, что именно в лейпцигский университет был направлен учиться в 1763 году молодой брат фаворита Владимир Орлов, а потом, по его возвращении в Россию, по его следам, целая группа молодых русских дворян, среди которых были и А. Н. Радищев, и Ф. В. Ушаков, и А. М. Кутузов. Между прочим, В. Г. Орлов в Лейпциге лично общался с Готтшедом¹³ (Радищев и его товарищи приехали туда уже после смерти Готтшеда).

В журнале Готтшеда за 1756 год мы встречаем целый ряд материалов, связанных с Россией. В февральском номере (стр. 141—147) помещен отчет о немецкой брошюре, содержащей описание фейерверка в Петербурге перед домом гр. П. И. Шувалова. Готтшед восхищен блеском, красотой, «возвышенностью» искусства аллегорических фейерверков в Петербурге. Он хвалит и составителя данной брошюры — академика Штелина. Именно Штелин и прислал эту брошюру Готтшеду. Надо заметить, что Штелин, довольно ловкий дипломат, не был так враждебен Сумарокову, как его великий друг Ломоносов (что видно и из его известной «Записки» и из других материалов). Позиция Штелина в борьбе русских литературно-идейных течений не могла на первых порах помешать его общению с Готтшедом. Штелин с давних пор был хорошо знаком лично с Готтшедом; он был сам некогда лейпцигским литератором. Он жил до этого некоторое время в Дрездене, столице Саксонии, после чего прожил несколько лет (1732—1734) в Лейпциге, где учился в Университете, в котором преподавал Готтшед. Здесь он занимался не только науками, но и поэзией и издал стихотворный перевод наследия Сафо вместе с греческим текстом, а также ряд других переводов с итальянского и французского. Здесь же Штелин зарекомендовал себя как искусный составитель аллегорических иллюминаций. В 1735 году Штелин отправился в Россию по приглашению президента Академии наук Корфа. Штелина, без сомнения, хорошо помнили в Лейпциге. Так, еще в 1755 году в сборнике произведений А. Г. Кестнера (1719—1800),¹⁴ известного математика, с 1746 года — про-

¹³ В. Орлов-Давыдов. Биографический очерк гр. В. Г. Орлова, т. I. СПб., 1878, стр. 16.

¹⁴ Кестнер сам был членом Общества свободных искусств в Лейпциге. Он вступил в него в 1741 году. См. в нижепоименованном сборнике Кестнера стихотворение «Ob eine Gesellschaft, die Sprache zu verbessern, durch

фессора Лейпцигского университета, поэта 1730—1750-х годов, близкого к группе Готтшеда, вместе с ним боровшегося против «швейцарцев»,¹⁵ некогда сотоварища Штелина по студенчеству в Лейпциге, была помещена пародия-двустихие на штелинский перевод Сафо.¹⁶ Должно отметить, что пародии Кестнера — дружеские: он пародирует Иоганна Элиаса Шлегеля,¹⁷ близкого кругу Готтшеда, Геллерта, Галлера (но больше всего Гагедорна). Новейший биограф Штелина сообщает, что он вступил в переписку с Готтшедом, своим бывшим учителем, в 1755 году.¹⁸ Между прочим, Готтшед просил Штелина сообщать ему об интересных новинках русской литературы.

В мае того же 1756 года Готтшед начал печатать большую статью Г. Ф. Миллера на историческую тему «Von Ursprunge der Kosacken» («О происхождении казаков»). К заглавию он сделал примечание: «Эта статья прислана нам». Конечно, статью прислал сам Миллер, который некогда учился в Лейпцигском университете, и в частности у Готтшеда, как об этом сообщают его биографы Бюшинг и митрополит Евгений.¹⁹ Впрочем, это известие не совсем ясно. Дело в том, что Миллер учился в Лейпциге в 1724—1725 годах и уже 5 ноября 1725 года прибыл в Петербург на службу в Академию наук, а Готтшед, тогда еще молодой человек, приехал в Лейпциг тоже лишь в 1724 году и начал свои чтения только с начала 1725 года. У нас есть свидетельства о том, что именно в середине 1750-х годов Миллер возобновил свои отношения с Лейпцигом. Он вступил в пе-

öffentlichen Ansehn müsse berechtigt werden. Beym Eintritte in die Leipziger deutsche Gesellschaft, den 12 des Neumonats 1741 vorgelesen», стр. 105.

¹⁵ См. в том же сборнике на стр. 187—188 эпиграммы-пародии на новаторскую гекзаметрическую поэзию школы «швейцарцев».

¹⁶ «Vermischte Schriften von Abraham Gotthelf Kästner». Altenburg, 1755, раздел «Parodien», стр. 202—203. Источник пародии указан: «Sappho nach Stählins Uebersetzung».

¹⁷ Иоганн Элиас Шлегель был не чужд соотношений с русской литературой. Сумароков (в своем «Ответе на критику» 1750 года, Полн. собр. соч., М., 1782, т. X) цитирует его трагедию «Нерманн» на правах солидарности и без упоминания имени автора, т. е. считая, видимо, трагедию общеизвестной. У Шлегеля есть пародийная ода 1740 года, близкая по эстетической идее и всему складу к «Вздорным одам» Сумарокова; эта ода Шлегеля адресована актеру Кольгарту (Kohlhart), в это время уезжавшему в Петербург по приглашению двора Анны Ивановны (об этом идет речь в оде) — см.: J. E. Schlegel, Werke, Th. IV, Kopenhagen und Leipzig, 1766, стр. 179—181.

¹⁸ K. Stählin. Aus den Papieren Jacob von Stählins, Königsberg i/Pr. und Berlin, 1926, 385—390.

¹⁹ B ü s c h i n g. Beyträge zu der Lebensgeschichte. . . Halle, 1785, стр. 5. — Митрополит Евгений. Словарь русских светских писателей, т. I, М., 1845, стр. 55.

реписку с Готтшедом, письма которого хранятся в миллеровских «портфелях».²⁰

Миллер был посредником Шувалова между новооткрытым Московским университетом и Готтшедом при приглашении из Лейпцига в Университет преподавателей (Рейхеля, Дильтея, Кельнера).²¹

По-видимому, он ввел заочно Сумарокова в Лейпцигское общество свободных наук,²² хотя для этого были и другие возможные пути. Статья Миллера о происхождении казаков печаталась в «Новостях» в течение трех месяцев (май, стр. 380—392; июнь, стр. 431—441; июль, стр. 489—502). П. П. Пекарский сообщает об этой публикации: «Сделанные там на стр. 386 и 439 примечания не понравились Миллеру, и он послал к Бюшингу объяснение о словах: фрязи и немцы, которое этот напечатал в „Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen“, III, 146—148. Статью о казаках поместил Бюшинг в первой части своей „Erdbeschreibung“, а Миллер напечатал, с некоторыми прибавлениями, в „Ежемесячных сочинениях“ 1760 года, апрель, 291—334, и в „Sammlung russischer Geschichte“, V. IV».²³

В той же майской книжке журнала Готтшеда помещена еще одна статья, присланная из России, имеющая прямое отношение к русской литературе. Это — отчет о «Ежемесячных сочинениях» за январь 1756 года (стр. 392—394). Перед ним выписан титул книги по-русски латинскими буквами, с передачей звучания слов (например: «Dlea Fsech», т. е. «для всех», «Fsanctpeteburge»), а затем немецкий перевод титула. Статья начинается так: «Таков титул — по-русски и по-немецки — остроумного (einer witzigen Monatschrift) ежемесячного журнала, выходящего в Петербурге целиком на русском языке. Всякий, кто в качестве гражданина мира принимает участие в росте образованности и свободных искусств, узнает с удовольствием, что и в этом народе, где за 50 лет нельзя было и думать ни о каких науках, теперь процветают даже изящные искусства...»

Далее идет перевод оглавления с добавлениями, а именно:

1. «Описание и изъяснение фейерверка, представленного в первый вечер 1756 года» — добавлено: «господина надворного

²⁰ В свою очередь два письма Миллера к Готтшеду хранятся в библиотеке Лейпцигского университета (одно из них — от 26 марта 1756 года), см.: W. Suchier. Gottsched's Korrespondenten, стр. 54. См. выше прим. 8. Прим. Ред.

²¹ П. П. Пекарский. История императорской Академии наук, т. I, стр. 369.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 410.

советника Штелина». Должно отметить, что в тексте «Ежемесячных сочинений» имени Штелина нет; «изъяснение» же фейерверка — это русские стихи, которые не мог написать Штелин.

2. «Перевод речи, говоренной на немецком языке в Геттингенском университете» — название переведено более полно, по стр. 14 журнала, и указано, что автор — «Д»; на стр. 14, в заглавии речи, в «Ежемесячных сочинениях» дано полное имя автора: Александр Демидов.

3. «Микромегас, повесть философская» — добавлено «Вольтера».

4. «Притчи» — так: «Sechs äsopische Fabeln, in russischen Versen, von dem Obersten A. S.» (подпись «А. С» есть в журнале под текстом, но «полковник» добавлен).

5. «Скаска» — так: «Eine moralische Erzählung vom Irus und Tocharis Major Jel...» (в тексте журнала подпись «И. Е»; название — и в тексте журнала, как и в оглавлении, — «Скаска»).

6. «Письмо к Г. В...» — дано так: «Poetisches Sendschreiben an den Grafen W. über das Glück geruhiger Zeiten, und die erwünschte Regierung Ihrer russisch — kaiserl. Maj. vom Rath. L.» (и в оглавлении и в тексте журнала — только «Письмо к Г. В. ...» и подписи нет).

7. «Показание некоторых заблуждений, случающихся при наблюдении теплоты телесной и охранении от простуды» (так в тексте «Ежемесячных сочинений») дано так: «Anmerkungen über die nothwendige Unterhaltung der Wärme und Ausdünstung des menschlichen Leibes, nebst Mitteln die schädlichen Verkältungen zu verhüten vom Prof. S.». В тексте «Ежемесячных сочинений» в конце: «Продолжение следовать будет впредь»; подписи нет.

8. «Рассуждения о смерти» («Betrachtung über den Tod vom Ass. N») — в тексте «Ежемесячных сочинений» подпись: А. Н.

Таким образом, в заметке раскрывается авторство: целиком Штелина и сокращенно советника Л. и профессора С.; кроме того, уточнены подписи Сумарокова и Елагина. Нет сомнения в том, что автором самой этой заметки является именно Штелин, раскрывший свое инкогнито и даже заодно приписавший себе русские стихи; если эти стихи — перевод стихов Штелина, всякий другой, вероятно, назвал бы и переводчика. Штелин, к тому же сотрудничал в «Новостях» и впоследствии.²⁴

²⁴ Авторство Штелина явствует и из того, что именно он послал Готтшеду номер «Ежемесячных сочинений», об этом сообщает Карл Штелин (K. Stählin. Aus den Papieren Jacob von Stählins, стр. 387).

Вслед за оглавлением журнала в рецензии сказано: «Таково расположение этого журнала. Часто находятся там также статьи о торговле, об экономических вопросах, об искусствах и ремеслах, но еще чаще — стихи на моральные темы тамошних поэтов... Часто появляются значительные статьи о древней русской истории, как и по истории соседей русских... Большая часть произведений в этом журнале присылается любителями оттуда же, из Москвы и других русских городов. Менее всего пишут члены или профессора Академии. Некоторые прекрасные статьи взяты из английских, лейпцигских и гамбургских журналов и переведены на русский язык академическими и иными переводчиками. Но при историческом собрании Академии обеспечивается выбор произведений, помесечное продолжение этого журнала, так же как печатание и издание в свет. Каждый месяц стоит 20 копеек, или 5, или 6 зол. грошей, а весь год с включением пересылки 2½ рубля».

Статья Штелина о «Ежемесячных сочинениях» не только немедленно стала известна в России, но и вызвала полемическое выступление против нее. Ответ на эту статью прислал в тот же журнал Миллер, как это видно из дальнейшего.

В декабре (1756, стр. 949—950) в «Новостях» опубликована анонимная заметка «Известие из Петербурга» следующего содержания:

«Петербургские Ежемесячные сочинения, о которых короткое известие находится на стр. 392, выходят с начала 1755 года под редакцией господина проф. Миллера, императорского русского историографа и конференц-секретаря при Петербургской Академии наук, профессора истории, члена Английского общества наук в Лондоне и Общества свободных искусств в Лейпциге. Каждый член Академии по своему желанию в этот журнал вносит свои труды, одни в виде оригинальных произведений, другие в виде извлечений из чужих сочинений и переводы; присылаемого же посторонними весьма мало. По поводу оглавления сочинений января 1756 г. следует заметить следующее. № 2 — речь, сказанная в Геттингене и переведенная на русский яз., принадлежит г-ну Александру Демидову, молодому русскому дворянину, который обучался тогда в Геттингене. № 4 — помещенные здесь басни — не эзоповские, а также не полковника, а бригадира Александра Сумарокова. № 5 — Нравственный рассказ об Ирусе и т. д. — не оригинал. Это — Ирус г-на Рабенера, переведенный на русский язык г-ном майором Елагиным. № 6 — Стихотворное послание к графу В. советника Л. Оно и не к графу и не советника Л. Автор его — Адриан Дубровский, учитель в здешней гимназии. Послание адресовано

Г. В. Однако Г. обозначает здесь не Граф, но Господин, а В. означает Воронцова. Правда, вице-канцлер Воронцов теперь пожалован в графы «это произошло в 1744 году, — Г. Г.», но его братья — нет, а у них есть сыновья, к одному из которых и обращено это послание. № 7. Замечания о необходимом поддержании тепла и т. д. — принадлежат не проф. С. Заглавие это может быть уточнено по 7-ой части „Гамбургского магазина“, где помещен оригинал г-на Д. Ундера, — что и указано при помещенном в февральском номере продолжении и окончании этой статьи. № 8. О смерти Асс. Н. — то же ошибка. Это — тоже перевод из какого-то немецкого еженедельного журнала. Переводчики забывают иногда указывать свои источники; и на это не обращается особого внимания, хотя оригиналы обычно представляются мне вместе с переводами (ob mir gleich die Originale mit hingeliefert zu werden pflegen), — с тем, чтобы я, и другие, которым это поручено, могли судить о качестве перевода. В конце этого перевода о смерти стоят лишь инициалы А. Н., которые означают: Андрей Нартов; он был тогда еще кадетом; ныне он — лейтенант артиллерии».

Авторство Миллера, тщательно выписавшего свои титулы, по отношению к этой статье не вызывает сомнений: в конце статьи он прямо говорит о себе как редакторе «Ежемесячных сочинений» от первого лица. Следовательно, поправки, внесенные здесь к рецензии Штелина, вполне авторитетны. Однако смысл этой полемики между двумя петербургскими академиками не сводится к фактическим расхождениям. Первый автор подчеркнул в своей заметке, что в русском журнале, издающемся при Академии наук, менее всего печатают свои труды члены Академии, что печатаются здесь дилетанты со стороны, что журнал печатает усиленно труды своего редактора — Миллера, что, наконец, ответственно за все эти обстоятельства «Историческое собрание Академии», т. е. историограф Миллер. Это была весьма серьезный выпад, по-видимому, из круга Ломоносова; в самом деле, Ломоносов вообще не печатался в «Ежемесячных сочинениях»;²⁵ наоборот, там усердно помещали произведения Сумарокова и писателей и поэтов его круга: Елагина, Хераскова (из Москвы — о чем пишет Штелин) и других, и сам Миллер печатал себя. Понятно, что Миллер счел необходимым про-

²⁵ Категоричность утверждения Г. А. Гукковского опровергается фактом, установленным покойным Л. Б. Модзалевским в 1947 году: в первой же книжке «Ежемесячных сочинений» за 1755 год было помещено стихотворение Ломоносова «Правда ненависть рождает». См. статью: Неизвестное стихотворение М. В. Ломоносова. «Вечерний Ленинград», 1947, 16 июля. № 164. Кроме того, см. «Ежем. соч.», 1764, сентябрь. — *Прим. Ред.*

тестовать против выпадов этой заметки. Он ответил, что Миллер, мол, не самоуправен в журнале, что он — лицо официальное в качестве ответственного сотрудника именно Академии наук; что члены Академии печатаются в журнале и никто не мешает им помещать в нем свои труды; что посторонние, наоборот, весьма мало печатаются в журнале; он опорочивал сведения заметки Штелина, доказывая его фактическую неосведомленность в вопросе о журнале; наконец, в заключение он снимал с себя единоличную ответственность за руководство журналом, указывая, что в редактировании его принимают участие еще какие-то лица, которым это поручено (это его сообщение — новость в наших сведениях о «Ежемесячных сочинениях»).

Вся заметка Миллера, находившегося во враждебных отношениях с Ломоносовым и поддерживавшего дружеские отношения с Сумароковым, представлявшего недругам Ломоносова широкое место в своем журнале, дышит раздражением.

В сентябрьском номере «Новостей» (стр. 719—720) опубликовано сообщение о годовом собрании Лейпцигского общества свободных искусств; здесь сказано, что открытого собрания провести было нельзя из-за беспокойных событий, т. е. из-за войны. Но Общество отметило этот день принятием новых почетных членов; тут же дан список этих почетных членов; первым назван гр. И. А. Залуский, знаменитый ученый собиратель книг и рукописей,²⁶ вторым — граф Сольмс, русский дипломат, бывший посол в Саксонии и Польше, в 1756 году ставший уже действительным тайным советником русской службы.

Третьим в списке — «Господин Александр Сумароков, русский (russisch kaiserl.) бригадир из Петербурга». Ниже в том же списке — Штелин и, вслед за ним, Миллер.

Отмечу, что Сумароков и другие русские литераторы были избраны не членами Общества (как писался титул Сумарокова в России), а почетными членами, что и понятно по отношению к лицам, находившимся столь далеко. Диплом за подписью Готтшеда и других, выданный на имя «его высокоблагородия г-на Александра Сумарокова русского высокого бригадира» 7 августа 1756 года, опубликован Д. Д. Языковым в 1885 году.²⁷

²⁶ С гр. Залуским у Готтшеда были и личные отношения. Я видел книгу «Sammlung einiger Ausgesuchten Stücke der freyen Künste zu Leipzig» (Theile I—II. Leipzig, 1754—1755), подаренную Готтшедом в 1756 году Залускому.

²⁷ «Исторический вестник», 1885, май, стр. 445—446 («Новые материалы для биографии Сумарокова»).

Разумеется, обстоятельство, что во время войны, когда Саксония была оккупирована пруссаками, Общество Готтшеда выбирает своими членами деятелей русской культуры и публикует об этом, выразительно. То же продолжалось и дальше. В «Новостях» за март 1757 года (стр. 231—233) было помещено опять извещение об избрании в члены и почетные члены Общества свободных искусств, происшедшем 5 марта. В списке избранных — на первом месте «его высокоблагородие господин Александр Елагин, русский полковник, муж, имеющий высокие заслуги перед изящными науками своей нации» (почему Иван Перфильевич превратился в Александра — неясно). Затем в списке есть Штрубе де Пирмонт, член Петербургской Академии наук.

Избрание Елагина вслед за Сумароковым и Миллером еще раз подчеркивает, что в России Общество Готтшеда ориентировалось на сумароковское направление.

Вслед за списком избранных членом в журнале помещена заметка об избрании Штелина членом королевской Мадридской академии, затем тут же рассказывается о том, что И. И. Шувалов затребовал у Готтшеда двух молодых ученых для преподавания в Московском университете немецкого языка и наук, и о том, что по рекомендации Готтшеда, Шувалов согласился принять И. Г. Рейхеля и Х. Г. Кельнера. «Они заключили договор на 3 года, получают жалованье в 400 т. (талеров?) ежегодно, и отбывают туда в месячный срок, поскольку значительная сумма на путешествие уже получена ими». Посредником между И. И. Шуваловым и Готтшедом в приглашении сотрудников для Московского университета был тот же Миллер.²⁸

Еще раньше избрания Елагина и Штрубе де Пирмонта сочленами Общества в февральском номере «Новостей» была помещена рецензия на работу Штрубе, долженствовавшая познакомиться лейпцигцев с трудами этого ученого (стр. 127—131).

В октябрьском номере журнала за тот же 1757 год опять повторены имена избранных за год сочленов Общества, и среди них опять первый — «господин Александр (?) Елагин и т. д.» (стр. 838).

Сумароков, избранный почетным членом Лейпцигского общества, видимо, счел себя обязанным установить с ним прямую творческую связь. В декабрьском номере «Новостей» помещено большое его стихотворение в немецком переводе. Вот его название, как оно дано в журнале Готтшеда (1757, декабрь, стр.

²⁸ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, ч. I. М., 1855, стр. 403.

946—951): «Ода с русского оригинала его высокоблагородия господина Александра Сумарокова, русского императорского бригадира и почетного члена Лейпцигского общества свободных искусств, на немецкий язык переведенная Остервальдом, капитан-лейтенантом Петербургского шляхетского кадетского корпуса».²⁹

Стихотворение это не было опубликовано на русском языке и доселе вовсе не было известно историкам русской литературы:

ODE,

aus dem Russischen,
des hochwohlgeb. Hrn. Alexanders Summarokoff, russisch-kaiserl. Brigadiers, und der Gesellschaft der freyen Künste zu Leipzig Ehrengliedes, verdeutschet von Osterwald, Capitain-Lieutenant des adelichen Cadetten-Corps zu St. Petersburg

Was stellst du noch durch schlaue Blicke,
Dich unverändert und getreu?
Was schmüchelst du mir mit dem Glücke,
Als ob ich nicht vergessen sey?
Ach! dein erzwungenes Bezeigen,
Die Unruh, dein zerstreuter Sinn
Sind deiner Untreu sichre Zeugen,
Ich seh, daß ich verrathen bin!

Du denkst nicht mehr an das Versprechen,
Dadurch dein Herz sich mir verband.
Du willst das theure Band zerbrechen,
An dem ich Trost und Freude fand.
Du findest nicht mehr in deinem Herzen
Den Trieb, den Du für mich genährt;
Du fühlst nicht mehr die sanften Schmerzen,
Die nur ein liebend Herz erfährt.

Wo seyd ihr hin, beglückte Stunden!
Die ihr so oft, an Doris Brust,
Mir als ein süßer Traum verschwunden.
Wo seyd ihr, Stunden froher Lust!
Wo seyd ihr, kurze Augenblicke?
Kaum sah ich eure Wollust ein:
So flieht ihr schon von mir zurücke,
Und überlaßt mich herber Pein.

Wie oft hat nicht mein Herz voll Zagen
Mein Unglück mich voraus gelehrt:

²⁹ Тимофей Иванович Остервальд (род. в 1729 году), учившийся сам в Шляхетном кадетском корпусе, был одним из кадетов, организовавших известный корпусный театр под руководством Сумарокова, и одним из молодых любителей-актеров и литераторов, учеников и почитателей Сумарокова. Как уже говорилось выше, Остервальду, видимо, принадлежал перевод на немецкий язык «Синава и Трувора».

Wie oftmals hörst Du mich nicht sagen:
 Ich weis, ich bin nicht deiner werth.
 Du wußtest, durch dein Händedrücken
 Mich von dem Zweifel zu befreyn;
 Und ich, ich ließ mich leicht berücken,
 Ich glaubte auch geliebt zu seyn.

Mein Leben floß in stillen Freuden,
 So lange Du mein Glück gemacht.
 Getrost ertrug ich jedes Leiden,
 Wann ich an deine Liebe dacht.
 Itzt hab ich alles eingebübet,
 Da Du Dich mir entzogen hast;
 Ein Leben, das Du mir versüßet,
 Wird ohne Dich mir nur zur Last.

Wo nur ein Funken in Dir lodert,
 Der Glut, die mich so sehr ergötzt,
 Wo meine Treu Vergeltung fodert,
 Die Treu, die Du an mir geschätzt:
 So bitt ich Dich um jene Zähren,
 Die wir einander abgeküßt;
 Mir das Geheinniß zu erklären,
 Was meines Unglücks Ursach ist.

Beweis Dich hierinn noch bewogen,
 Und zeige mir aus Mitleid an:
 Was hat mir deine Huld entzogen?
 Was ists, das Dich erzürnen kann?
 Wie? hätt ich Dir wohl Grund gegeben?
 Wärs möglich? Himmel! sprich! doch nein!
 Mein Herz, das Dir so sehr ergeben,
 Regierte ja dein Wink allein.

Wie hätt' ich Dich beleidgen können?
 Vielleicht durch meine Zärtlichkeit?
 Doch nein! die ist nicht Schuld zu nennen;
 Sie hat Dich sonst an mir erfreut.
 Wenn gleich mein Blick von Eifer brannte,
 Und ich zu klagen mich erkühnt,
 Wenn Dich ein andrer reizend nannte,
 Dies hat mir deinen Zorn verdient.

Du lobtest noch die bangen Triebe;
 Wenn ich bekümmert zu Dir trat:
 Du sprachst: Dieß zeigt von deiner Liebe.
 Wenn ich beschämt um Gnade bath,
 Dieß ists nicht, was Dich mir entwendet;
 Nein! nein! ein andrer Gegenstand,
 Der hat dein flüchtigs Herz geblendet,
 Und mir Ruh, Glück und Trost entwandt.

Wie? fängt dein Herz nicht an zu schlagen?
 Klagt es Dich keiner Untreu an?

Hörst Du nicht dein Gewissen sagen:
 Ich hab ihm doch zu viel gethan!
 O! folge, folge diesem Zeugen,
 Verstopfe nicht für ihn dein Ohr;
 Er kann die Untreu nicht verschweigen;
 Er wirft sie Dir beständig vor.

O könntest Du die Quaal empfinden
 Die mir von deiner Untreu stammt:
 Vielleicht wird sich die Glut entzünden,
 Die sonst in deiner Brust geflammt.
 Will sieh kein Mitleid in dir regen?
 Ach sich! mein Herz, an Dich gewohnt,
 Eilt deiner Herrschaft schon entgegen,
 Die stets in meinem Herzen thront.

Kehr um! woferne noch die Reue
 An dein verletzt Gewissen schlägt;
 Kehr um! Du findst dieselbe Treue,
 Die sonst mein Herz für Dich gehezt.
 Komm, lindre meine bange Schmerzen,
 Zu denen Du die Ursach bist;
 Komm! nimm den Platz in meinem Herzen;
 Der Dir allein gewidmet ist.

Noch kannst Du... Doch vergebnes Hoffen!
 Dich rührt nicht mehr mein heißes Flehn.
 Der Unglücks-Streich ist eingetroffen.
 Der Streich, den ich vorher gesehn.
 Statt jenes Glücks, das meiner Seelen
 Vordem die schönste Lust geschenckt,
 Wird die Verzweiflung jetzt sie quälen;
 Wenn sie an dich zurück gedenkt.

Nun dann! so willst Du mich verlassen?
 Du willst es; lebe stets beglückt!
 Du willst mein treues Herze hassen;
 Ein Herz! in das dein Bild gedrückt.
 Ein Herz! das niemals falsch zu nennen;
 Das niemals sich verändern kann:
 Ein Herz! ja lern es erst recht kennen,
 Es bethet dich, auch untreu, an!

Трудно сказать, почему Сумароков не опубликовал своей «Оды» (или «Песни») по-русски. Содержание ее — любовное. Может быть, оно звучало слишком интимно и среди русской публики могло привести к разговорам насчет отношений самого Сумарокова с его первой женой, Иоганной Христиановной (как известно, Сумароков впоследствии разошелся с нею).

В 1758 году Готтшеду и руководимому им обществу и журналу пришлось нелегко. До этих пор они как бы не замечали

прусской оккупации и довольно явно выражали свои симпатии к России. В начале же этого года им пришлось изменить поведение. Еще в конце 1757 года в Лейпциг приехал сам Фридрих II и принялся наводить порядок в умах саксонских литераторов. Готтшеду приходилось вилять и даже заискивать перед победителем. Он наполняет номера журнала сведениями о Фридрихе II. Между прочим, в мартовском номере «Новостей» помещена (стр. 188—193) заметка о стихах Вольтера против Фридриха II («O Salomon du Nord») и в частности против военной политики его в семилетнюю войну. Готтшед возмущен этими стихами.

Напомню при этом, что именно это стихотворение перевел еще в конце 1756 года Ломоносов. Следует указать также, что в стихотворении Вольтера Фридрих обвиняется, между прочим, в том, что «Et déjà du Leipsick tu vas briser les portes»; этот стих переведен Ломоносовым так: «Ты Лейпцигски врата внезапно разрушил» (прусские войска захватили Лейпциг 29 августа 1756 года).

Готтшед послал эти же стихи Миллеру в Петербург. Тот препроводил их Рейхелю в Москву, и Рейхель сделал три перевода их.³⁰ В июне (стр. 434—436) журнал Готтшеда дает описание траурного украшения, которое было устроено в саксонской столице — Дрездене, в католической церкви по поводу смерти «королевы польской»; напуганный пруссаками Готтшед не упомянул даже, что эта самая королева польская — в то же время и его, саксонская, курфюрстина; видимо, он готов был уже забыть о существовании саксонского государства.

Однако, как только это оказалось возможным, Готтшед вспоминал и о саксонских курфюрстах, и о России, и вообще о том, что Лейпциг — не прусский город.

Такое поведение Готтшеда объясняет, почему и как он посреди своих уверений по адресу Фридриха II все же помещал, хоть и немного, в 1758 году материал о России. Так, в апрельском номере (стр. 311—319) он напечатал статью «Некоторое известие об основанном в Москве русском императорском университете».

Сообщив официальные данные об основании Московского университета, Готтшед вслед за тем печатает письмо к нему Кельнера из Москвы:

О себе могу я вашему высокоблагородию сообщить, что я еще здоров и до сей поры моими обстоятельствами все еще весьма доволен. Я должен

³⁰ Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, ч. II. М., 1855, стр. 341.

считать особенным благодеянием судьбы, что я никогда не был так здоров и что для меня никогда время не протекало так быстро, как в России. Уже почти год прошел, и он протек быстрее, чем я мог когда-либо это себе представить. Я все еще продолжаю мои регулярные лекции по всеобщей истории. Я положил в основание их Фрайерово Введение во всеобщую историю, хотя я, — поскольку наши студенты еще не знают немецкого языка, — должен излагать по-латыни как эти положения, так и самую лекцию. Помощь в моей работе оказывает мне, конечно, здешняя университетская библиотека, в которой уже имеется значительный запас исторических книг по всем частям истории и которая и сейчас ежедневно увеличивается ценнейшими и редчайшими книгами, на что его првосохотительство г-н куратор нашего Университета не жалеет никаких затрат. О наших студентах я должен сказать, что я нашел среди них способнейшие головы; а так как это благодеяние природы соединяется у них еще с усердным и неутомимым прилежанием, — то они, обладая двумя столь необходимыми для ученого качествами, подают о себе наилучшую надежду.

Кроме моих регулярных обязанностей, к которым меня обязывает моя профессия, я теперь еще перевожу, — по желанию г-на капитана фон-Меллсину, «Инесу де Кастро» Ла Мотта. Этот г-н капитан — брат нашего г-на директора, друг бригадира Сумарокова, большой любитель поэзии, и особенно трагической. И из-за этой его любви он взял на себя надзор над немецкой труппой в С.-Петербурге; для использования этой труппой и должна быть переведена на немецкий язык «Инеса де Кастро», так как она на французском получила одобрение ее величества.

Осуществление предложения, сделанного вашим высокоблагородием насчет отмены русских букв, сопряжено с большими трудностями; не говорю о том, что так как весьма немногие из здешней нации знают знаки латинских букв, введение их принесет несравнимо большие трудности, чем сохранение обычных русского алфавита, которые уже всякий знает, но я не вижу также, чем хоть в малейшей мере может быть облегчено этим изучение русского языка для иностранцев. Допустим, что при этом легче будет читать русский текст; но разве благодаря этому легче будет понимать его? К этому надо прибавить, что это изменение представляется почти невозможным. Русские имеют, как ваше высокоблагородие сами знаете, несравнимо большее число букв, чем остальные европейские нации. Их число доходит до 41; и все-таки ни одна из них не излишня в этом языке, так как, хотя многие из них на первый взгляд кажутся имеющими одинаковый звук, но в устах русского они на слух различаются друг от друга более, чем явно; это было одним из первых наблюдений, которые я сделал в России. Имеется даже много слов, которые, если даже относительно их допустить, что они в произношении совершенно одинаковы, все же имеют различное значение, в соответствии с тем, пишутся ли они с тем или иным буквенным знаком, хотя эти буквы все одного рода, т. е. все как будто бы означают С или все — Т.³¹ Вот я и не вижу, где можно набрать в латинском или даже польском алфавите буквы, которые бы могли полностью выразить существовавшее разнообразие всех этих русских букв, лучше замечаемое в произношении, чем обозначаемое знаками. Далее, я должен сказать вашему высокоблагородию, что русский никогда не согласится, что в его буквах есть нечто неправильное. И я должен с ним почти согласиться, особенно когда я смотрю на новые, чистые и аккуратные литеры, которыми теперь пользуются для печати как в С.-Петербурге, так и здесь в Москве, и прилагают все усилия,

³¹ Перевод этой фразы сделан совершенно точно. Вероятно, какая-то ошибка произошла при печатании немецкого текста. — Прим. Ред.

чтобы постоянно делать их все более красивыми. Все дело только в том, чтобы привыкнуть к ним, — и тогда их, конечно, еще гораздо легче переварить, чем арабские, сирийские и даже строчные греческие. По крайней мере даже внешний вид обнаруживает большую правильность в русских буквах, чем в тех. То, что, наконец, подобным изменением можно навлечь на себя в некотором отношении такие же неприятности, каких мог бы ожидать в Германии тот, кому пришла бы в голову мысль напечатать еврейскую Библию или Новый завет немецкими литерами, — это, говорю я, такой вопрос, который я нарочно более обстоятельными объяснениями не хотел бы более прояснять. Я предпочитаю предоставить непосредственный ответ на это предложение г-ну бригадиру, который является столь же великим знатоком и усовершенствователем своего родного языка, как ваше

1755	Родилось			Женилось ³²		Умерло		
	мальчи- ков	девочек	итого	первым браком	вторым браком	мужчин	женщин	итого
Москва . . .	10602	8504	19106	12282	6141	8550	6639	15189
С. Петербург	3362	3207	6565	3620	1810	3593	1867	5460

высокоблагородие нашего, и тем самым имеет возможность разрешить вопрос основательнее и правильнее, чем я, поскольку я еще чужестранец во Израиле.

Среди дел, которыми князь Кантемир оказал услуги распространению учености среди своих соотечественников, есть одно, общее ему с вашим высокоблагородием; это — русский перевод фонтенелевских «Разговоров о множестве миров». Меня уверяли, что Фонтенель столь же мало потерял в своей живой и приятной манере мыслить и выражаться — в русском переводе, как и в немецком. Экземпляр, который я видел, весьма великолепно напечатан в четверку в 1740 году при Петербургской Академии и посвящен тогдашней императрице Анне Ивановне; хотя на самом титуле и сказано ясно, что книга была переведена еще в 1730 г.

Среди новейших поэтических явлений здесь в России наиболее примечательны: г-на советника и проф. Ломоносова (Lomonosoffs) в Петербурге «Ода» на рождение нашей юной великой княжны; и перевод «Опыта о человеке» Попа, который г-н проф. Поповский печатает здесь в Москве русскими стихами.

Так как мне известно, что ваше высокоблагородие любите знать, сколь велико в каждом городе ежегодное число родившихся и умерших, то я и решил поэтому прибавить здесь следующую таблицу рождений, браков и смертей за 1755 год по Москве и С.-Петербургу; сведения для следующих годов я возьму на себя труд также доставить вам.

Не доказывает ли эта таблица, что мы узнаем мир с другой стороны, чем раньше знали его, когда мы читали только дрезденские и лейпцигские новогодние сообщения?

³² Подразделения этой графы названы ошибочно; несомненно, имелось в виду: «количество брачующихся» и «число браков». — *Прим. Ред.*

Чтобы сказать еще одно слово о здешней зиме, — я должен признаться, что я нашел ее не столь ужасно жестокой, как ее всегда представляют себе в Германии, — если исключить 30-е и 31-е января ст. стиля, когда, правда, была такая чудовищная стужа, какой я в Германии еще никогда не испытывал. Вообще к этой части России, в которой я теперь живу, чрезвычайно несправедливы, когда заявляют, будто она пребывает под вечным льдом. Напротив, она имеет перед другими странами, в отношении некоторых произрастаний такие преимущества, которые достаточно свидетельствуют о мягкости ее климата.

По поводу письма Кельнера замечу, что ответ «бригадира», т. е. Сумарокова, Готтшеду по вопросу о русском шрифте нам не известен.³³ Весьма показательно сообщение Кельнера о Ломоносове. Он настолько крепко связан с группой Миллера—Сумарокова, что последнего он прямо называет бригадиром, полагая, что его корреспонденту ясно, о ком идет речь, — а Ломоносова он даже фамилию пишет неправильно. Тем не менее он выделяет оду Ломоносова Елизавете Петровне «На пресветлый и торжественный праздник рождения ея величества и для всерадостного рождения государыни великой княжны Анны Петровны», поднесенную «от императорской Академии наук декабря 18 дня 1757 года в Санктпетербурге» (дочь Екатерины II Анна родилась 9 декабря 1757 года и умерла 8 марта 1759 года). Дело в том, что в этой оде Ломоносов говорил о войне, обрушивался на Фридриха II и скорбел о тяжелой участи Саксонии под игом пруссаков.

Ломоносов заявлял здесь, что Россия не ищет завоеваний («На что державы ей чужие!»), что цель Елизаветы в войне — «Чтобы род российской и соседы / В глубокой были тишине», что Елизавета Петровна скорбит душой, «Зря бури царством толь опасны» О Фридрихе II говорится:

Присяжны преступив союзы,
Поправши нагло святость прав
Царям наверхнуть тщится узы
Желание чужих держав

³³ Отмечу, что в кругу Готтшеда вообще интересовались вопросами реформ орфографии. О проектах изменения правописаний и алфавитов и в этой связи о профессоре Иог. Сигм. Поповиче, знакомце и противнике Готтшеда, см.: Lh. W. Danzel Gottsched und seine Zeit Auszüge aus seinem Briefwechsel Leipzig, 1848, стр. 302—303. Около того же времени Готтшед полушутливо писал Штелину в Петербург «Если бы господа русские отменили их удивительные буквы, не являющиеся ни латинскими, ни греческими, то многие здешние люди славянского происхождения легко изучили бы их язык и могли бы перевести с него кое-что. Но так, как они пишут, никто не может разобраться в этом» (K. Stahlin Aus den Papieren Jacob von Stahlins, Königsberg 1797 und Berlin, 1926 стр. 389).

Творед, воззри в концы вселенны,
 Воззри на земли утесненны,
 На помощь страждущим восстань...

В этих стихах речь шла именно об утесненной и страждущей Саксонии. Несчастья Саксонии, оккупированной пруссаками, выдвигались русским правительством как политический и нравственный аргумент против Фридриха II. Ломоносов поддержал в этом отношении и Саксонию, и правительство Елизаветы Петровны. Далее Ломоносов обращается с приветствием к союзнице Елизаветы Петровны, австрийской императрице, и выражает уверенность в том, что «обиды наглые» будут отомщены и что победа увенчает русское оружие.

Цензурная история перевода Поповского, вышедшего в свет в 1757 году, хорошо известна.

Что же касается таблицы рождений, браков и смертей в русских столицах, то дело в том, что Готтшед неоднократно печатал такие таблицы в «Новостях», но в них сообщались сведения лишь о городах Западной Европы, русские же города не были представлены. Замечу, что Кельнеру не удалось радоваться долго своему пребыванию в России, где, впрочем, у него были и неприятности, так как он (как и Рейхель) не поладил с известным Шаденом, противником готтшедовского направления; он умер 25 февраля 1760 года в Москве.

К июльскому номеру «Новостей» Готтшед приложил гравированный фронтиспис (такие гравюры прилагались к каждому номеру журнала), на котором была воспроизведена медаль в честь основания Московского университета.

В 1759 году журнал Готтшеда явно держался подальше от всякой политики; он наполнялся материалом сугубо академического и даже схоластического характера. Тем не менее в нем проскальзывали материалы, относящиеся к России или намекающие на нее. Так, на фронтисписе к первому январскому номеру журнала изображен, как сказано в объяснении на стр. 11, дворец, который княгиня Иоганна-Елизавета, вдова князя Ангальт-Цербстского, сестра шведской королевы и мать русской великой княгини (т. е. в будущем — Екатерины II) избрала своей вдовьей резиденцией и отстроила после пожара.³⁴

В мартовском номере (стр. 231 и сл.) помещена рецензия на книгу Шадена. В том же номере напечатана статья Штелина (анонимная) «Извлечение из письма из Петербурга, о тамош-

³⁴ Готтшед и его жена были в дружеской переписке с матерью Екатерины II (Karl Stählin. Aus den Papieren Jacob von Stählin's, стр. 386).

нем расцвете изящных наук и свободных искусств».³⁵ Здесь говорится о больших успехах искусств в России.

«Я составил об этом, — говорит Штелин — по случаю и по собственному опыту краткие *Mémoires pour servir à l'Histoire des beaux arts en Russie*, в которых охвачено время от Петра Великого по нынешний день. Если эта работа появится в свет, то все удивятся, какого высокого уровня достигли они (искусства) в короткое время. Русскую грамматику три года назад впервые напечатал здесь советник Ломоносов. Она уже распродана и вскоре должна быть снова издана. В настоящее время она переводится и на немецкий язык, чтобы дать иностранцам, с одной стороны, понятие о русском языке, с другой — руководство для его изучения. Риторика на русском языке того же автора появилась еще ранее. Его речи, стихотворения на случай и театральные произведения были недавно изданы вместе при Университете в Москве в двух томах в 4°.

«Г-н бригадир Сумароков дает каждый месяц что-либо из творений своей музы в русский ежемесячный журнал. Он уже давно назначен директором русского театра, на котором в течение всей зимы каждый четверг исполняются трагедии и комедии с изрядным успехом. Совсем недавно молодой князь (*ein junger Knäs, oder Fürst*) Херемский (*Cheremsky*)³⁶ напечатал в Москве сочиненную им трагедию, названную „Венецианская монахиня“. Хвалят расположение этой трагедии и еще более чистоту ее стихов».

Далее идет отчет о деятельности Академии художеств при Академии наук.

Наконец в июльском номере (стр. 485—491) помещена рецензия на книгу по орнитологии Я. Т. Клейна, члена Петербургской Академии наук (изданную в Лейпциге в 1759 году). В 1760 году «Новости» не напечатали ничего, относящегося к России.³⁷ В это время журнал начал было вновь проявлять

³⁵ Эту статью-письмо Штелин послал Готтшеду еще в июле 1758 г. Ср. там же, стр. 138. Готтшед напечатал ее, по указанию Карла Штелина, с сокращениями.

³⁶ То есть Херасков.

³⁷ Отмечу попутно, что в январском номере 1760 года (стр. 46—53) помещена статья: «*Hr. Menard Untersuchungen über die Spiegel der Alten. Aus dem 23-sten Bande der Geschichte der Acad. des Inscr. et Belles Lettres. Paris, Ausgabe übersetzt.* Подпись под статьей: L. A. V. G., т. е. Luise Adelgunde Victoria Gottschedinn (жена Готтшеда). Очевидно, отсюда именно перевел Д. И. Фонвизин эту статью для журнала Рейхеля (который, вероятно, и указал ему материал для перевода) «Собрание лучших сочинений» (М., т. I, 1762, ч. 1, стр. 1—8). У Фонвизина статья называется: «Господина Менарда изыскание о зеркалах древних. Из тома 23 „*Histoire de l'Académie*»

саксонский патриотизм на монархический лад, но с оглядкой на Фридриха II и не без комплиментов ему.

В 1761 году Готтшед ничего не помещает в журнале о Фридрихе II. Зато в октябре (стр. 725—734) он печатает оду на день рождения саксонского курфюрста, прочитанную автором (Chr. H. Hasse) в Готтшедовском обществе ораторского искусства 7 октября 1761 года. И опять появляется материал о России.

В февральском номере (стр. 94—103) помещена рецензия на «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand» Вольтера (т. I, 1761). Рецензент бранит Вольтера, упрекает его в плохом знании материала, указывает на неизвестных ему его предшественников в создании истории Петра, считает, что Вольтер легкомыслен, несерьезен и т. д.

В мартовском номере (стр. 200—207) напечатан отчет о «Слове о Петре Великом» Ломоносова, известном рецензенту в французском переводе барона Чуди. Это, насколько мы знаем вообще, первая печатная рецензия на художественное произведение Ломоносова. Рецензия озаглавлена: «Panegyrique de Pierre le Grand, prononcé dans la Séance publique de l'Académie Impériale des Sciences le 26 avr. 1755 par—Mr. Lomonosow, conseiller professeur de cette Académie, trad. sur l'Original Russien, par Mr. le Baron de Tschoudy. Imprimé à St. Petersburg in 4°»). Вот ее текст:

Так как мы внимательно относимся к изящным наукам у наших соседей и у отдаленных европейских народов, то мы не можем обойти молчанием опыты красноречия, изложенные на их языках. Русский язык еще 50 лет назад не был настолько богат и гибок, чтобы можно было на нем упражняться в красноречии. Однако благодаря чудесным делам великого императора Петра I и счастливому продолжению его начинаний при его вдове Екатерине и его достойной дочери Елизавете этот язык сделался способен не только к стихотворству, но и к красноречию. Вот и говори после этого, что климат создает дух, умы и языки народов или управляет ими.

Г-н советник Ломоносов полностью доказал в этой речи, что его дарование — и в холодном петербургском климате — нисколько не лишено ораторского огня. Мы можем быть благодарны искусству г-на барона фон Чуди, за то что мы получили возможность прочитать русский текст и во французском переводе, — так же как различные другие русские сочинения появились в немецком переводе. Мы дадим нашим читателям наряду с сообщением краткого содержания некоторые образцы этого произведения, — и предоставим им судить о нем.

des Inscriptions et Belles Lettres». Перевод очень близок к тексту Луизы Готтшед; Фонвизин отбросил лишь ссылки на источники. Напомню, что в эти годы Фонвизин переводил именно по преимуществу с немецкого, который он тогда знал лучше французского.

Далее — перевод начала, весьма приблизительный: «Мы пропускаем здесь кусок, которые не хуже, чем предыдущий, для того, чтобы привести отрывок, следующий вскоре за сим, еще более трогательный». На стр. 5 говорится, после еще одного отрывка перевода текста: «Но и здесь мы должны прервать цитату, чтобы подойти к главной теме. На стр. 9 оратор переходит от великой дочери к ее великому отцу» (большой отрывок текста). «Теперь наши читатели сами могут судить, сколь мужественной силой и сколь хорошим вкусом обладает этот русский оратор».

В 1761 году материал, связанный с Россией, появлялся в «Новостях» неоднократно, но материал этот был малозначителен и весьма невыразителен. Видимо, бурные события последнего года войны Пруссии с Россией привели Готтшеда в смятение.

В мартовском номере (стр. 208—215) появилась хвалебная рецензия на изданную в Петербурге на латинском языке работу академика Эпинуса «*Tentamen theoriae electricitatis et magnetismi. . .*»

В майском номере (стр. 361—366) — ругательная рецензия на книгу «*Geschichte der Staatsveränderungen im russischen Reiche, aus dem Französischen des Hr. advocaten Lacombe übersetzt. Leipzig, 1761*».

К сентябрьскому и ноябрьским номерам «Новостей» приложены гравированные фронтисписы, изображающие фасады зданий Академии наук в Петербурге (два — отсутствующие в настоящее время, третий — кунсткамера). «*Gebäude der kaiserlichen Academie der Wissenschaften, Bibliothek und Kunstkammer in St. Petersburg. . . gedruckt in St. Petersburg, bey der kaiserl. Acad. der Wissenschaften in 4° mit Kupfern*».

Здесь дана краткая история Академии с похвалами ей, как и гимназии при ней, состоящей «при ней же» Академии художеств, библиотеке и другим учреждениям Академии. В конце: «Пользуясь настоящим случаем, сообщаем мы нашим читателям и стихотворение, написанное одним здешним ученым по желанию одного высокого лица в Петербурге, о бессмертном императоре Петре Великом; автор был щедро вознагражден за стихотворение, однако оно, насколько нам известно, не было еще опубликовано».

Из этой публикации «Новостей» видно, что журнал Готтшеда имел прямые сношения с Петербургом до самого конца войны и что он — тоже до конца ее, — где только мог, заявлял о своих симпатиях к России и русской государственности и культуре.

В октябрьском номере (стр. 798—800) помещена рецензия на труд члена Петербургской Академии наук Клейна о камнях, изданный в Петербурге на латинском языке в 1758 году. Зачем и почему журнал Готтшеда вспомнил об этой книге через три года, неясно: оттого ли, что самая книга случайно дошла до Лейпцига лишь в 1761 году (что мало вероятно, так как журнал откликался все эти годы на книги, вышедшие в России, без больших опозданий), или Готтшеду надо было еще раз напомнить о науке в России?

В том же номере (стр. 787—798) напечатана сводная рецензия на два немецких перевода «Истории Русского государства при Петре Великом» Вольтера, вышедших в 1761 году (первый перевод полный; второй, выполненный Губе под редакцией и с примечаниями Бюшинга, — I том; второй том, как известно, вышел в 1763 году). Рецензент указывает по поводу перевода Губе, что Бюшинг в предисловии к нему пишет, что Вольтер «очень плохо использовал полученные от г-на ген.-лейт. и камергера Шувалова известия из русских архивов и многое присочинил». Рецензент пишет далее о том, что сделанные Бюшингом в переводе Губе исправления Вольтеровых «исторических ошибок основаны большей частью на *Sammlung russischer Geschichte* г-на профессора Миллера; этот ученый и знаменитый муж мог бы дать гораздо лучшую историю Петра Великого, чем все Вольтеры на свете».

В конце 1761 года умерла Елизавета Петровна. Война окончилась. В мартовском номере «Новостей» за 1762 год (стр. 165—174) помещены весьма «верноподданнейшие» статья и кантата о торжестве по случаю возвращения в Лейпциг саксонского курфюрста после долгого отсутствия во время войны.

В июне 1762 года взошла на престол Екатерина II. Начинаясь новая полоса внешней политики России. Журнал Готтшеда не теряет ориентации на Россию. В его июньском и июльском номерах (стр. 427—439 и 502—514) помещена большая статья знаменитого Бюшинга о новой школе при церкви св. Петра в Петербурге (школа эта должна открыться 1 октября 1762 года). Статья включает развернутое обоснование педагогической системы школы и план ее работы; она замечательна как один из ранних трактатов, относящихся к истории теоретической и практической педагогики в России. В редакционном примечании к статье сказано, что она прислана из Петербурга. В конце статьи помета: «Ст. Петербург, 5 июня 1762 г.». Напомним, что географ А. Ф. Бюшинг приехал в Петербург во время семилетней войны, в 1760 году, чтобы занять место

пастора церкви св. Петра; он преобразовал школу при этой церкви (существовавшую уже около полувека); эту-то преобразованную школу он и собирался открыть 1 октября. Из России Бюшинг уехал в 1765 году, не поладив с Минихом, стоявшим во главе церковного совета церкви св. Петра.

В октябрьском номере «Новостей» (стр. 765—779) Готтшед поместил статью о речи своего друга Рейхеля, произнесенной в Москве во время коронации Екатерины II.

В статье речь Рейхеля приводится целиком. Затем сказано: «Эта же речь переведена на русский язык и отпечатана в Москве так же, как немецкая, столь чисто, красиво и великолепно, что мы едва ли могли бы изготовить в Лейпциге что-либо лучшее».

Едва ли надо напоминать, что речь Рейхеля, написанную им на латинском языке и переведенную им же самим на немецкий, на русский язык перевел его ученик Денис Иванович Фонвизин.

В ноябрьском номере «Новостей» (стр. 800—837) помещена рецензия на французскую поэму Менвиллера о Петре Великом: «*La Pètrade, ou Pierre le Créateur, poème par M. G. Chevalier de Mainvillers. Amsterdam, 1763*».³⁸

Рецензент сурово порицает поэму как нарушающую нормы и правила классицизма.

Наконец, к декабрьскому номеру журнала приложен фронтиспис, на котором изображена медаль Баварской Академии наук 1759 года и тут же монета с портретом Петра III и надписью на лицевой стороне: «Петр III Б. М. (божиею милостию) самодерж. всерос. СПб.» и на оборотной: «Мон. цена десять руб. импрская rossic. — 1762». Трудно сказать с уверенностью, каков смысл этого напоминания о недавно убитом императоре; во всяком случае, этот смысл не мог не быть весьма неприятным для Екатерины II и, очевидно, не сводился к публикации облика редкой монеты для сведения нумизматов-коллекционеров. Журнал Готтшеда позволил себе выпад против Екатерины. Было ли причиной тому то, что русская царица уже готовилась отнять Курляндию у сына саксонского герцога и, более того, отнять Польшу у потомства этого герцога; или же причина была в том, что вообще надежды на русский императорский двор со стороны Саксонии не оправдались, — неясно. Декабрьский номер 1762 года был последним номером журнала. Готтшед закрыл его.

³⁸ Это издание помечено 1763 годом как, якобы, второе издание поэмы; первое — помечено 1762 годом; однако никакого второго издания не было — просто перепечатан титул; см.: R. Minzloff. *Pierre le Grand dans la littérature étrangère. St. Petersburg, 1872, стр. 489.*

В заключение следует обратить внимание на то, что если русские литераторы следили за «Новостями» Готтшеда, то они могли почерпнуть из этого журнала много любопытных для них сведений и материалов. Между тем не может быть ни малейшего сомнения в том, что они следили за изданием Готтшеда. Так, его не мог не знать Фонвизин, ученик и друг Рейхеля, а стало быть и Херасков, и другие литераторы Московского университета. Его не мог не знать Сумароков, сотрудник его, член Общества, его издававшего, приятель Миллера. Его не мог не знать Ломоносов, друг Штелина.

В этой связи существенна систематическая и ожесточенная полемика, которую вел в 1752—1754 годах журнал Готтшеда с Клопштоком, «швейцарцами» и их последователями. Борьба Готтшеда с «новшествами» хорошо известна. В «Новостях» в 1752 году в январе (стр. 62) помещена статья о христианских эпопеях — против «Мессиады», в марте (стр. 205) — статья «о героическом стихе наших новых библейских эпопей», того же направления; в апреле (стр. 261) — статья, излагающая некую английскую книгу о Мильтоне, где доказывается, что этот самый Мильтон, прославленный новаторами, кумир их, — просто ничтожество и величайший литературный вор (так прямо и говорится); в мае (стр. 341) — продолжение этой статьи и в конце ее выпад против «Мессиады»; в мае (стр. 386) — статья о «Мессиаде»; в июне (стр. 446) — «письмо» против новшеств в поэзии, против Клопштока, и при «письме» пародия на оды Клопштока с ироническими примечаниями; в июле (стр. 519) — рецензия на латинскую книгу Штуса о христианской эпопее, причем резко задет Клопшток (стр. 531), в октябре (стр. 776) — заметка и пародирование од Клопштока. В 1753—1754 годах — опять пародии, статьи, нападения на Клопштока (1753, октябрь, стр. 768—775; 1754, февраль, стр. 122—128, 668); стихи Шённайха, прославляемого журналом и противопоставляемого им Клопштоку, — тоже против новшеств («Die Kleinigkeit», 1754, март, стр. 238).³⁹

Таким образом, уже в начале 1750-х годов русские писатели не могли не знать обстоятельно о новаторской поэзии Клопштока и явлениях, близких ей. Поэтому неправильно поступают те историки русской литературы, которые так уверены в провинциальной отсталости русских поэтов XVIII века, что не допу-

³⁹ Замечу, что и в сборнике «Sammlung einiger Ausgesuchten Stucke der Gesellschaft der freyen Kunste zu Leipzig» Готтшед поместил анонимную статью против «Мессиады» «Eines abwesenden Mitglieds der Gesellschaft der freyen Kunste Bemerkung einiger Ursachen, warum das Heldengedicht „Messias“ nicht allgemeinen Beyfall erhalten hat?» (Teil II, 1755, стр. 434—451).

скают мысли о возможности аналогий гекзаметру «Тилемахиды», логаядам и вольным ритмам Сумарокова в опытах Клопштока.

«Новости» Готтшеда пропагандировали творчество Каршин (например, 1761 год, декабрь, стр. 929 и сл.); ср. «Песню» — послание Сумарокова к этой поэтессе. В литературной позиции «Новостей» немало сходного с позицией Сумарокова и поэтов его школы.⁴⁰ Тут нет, конечно, вопроса о «влиянии» Готтшеда и его журнала; но вопрос об аналогиях процессов, самостоятельно происходивших в русской литературе и в других европейских литературах середины XVIII века, при всех отличиях и национальных своеобразиях той и других, заслуживает внимания. Этот вопрос может подвести нас и к другому, важнейшему — о самостоятельных путях, которыми пришла русская литература уже во второй половине XVIII века к своим великим завоеваниям. В творчестве Фонвизина она сказала новое, неведомое Западу, слово в мировой драматургии; в творчестве Державина — новое слово в мировой поэзии; творчество Радищева выдвинуло ее на самое передовое место в сфере важнейших философски-политических завоеваний человечества. Эти создания русских гениев были глубоко национальны, и именно потому мы ясно видим их интернациональное значение и определяем их место в ряду созданий гениев всех народов.

⁴⁰ См., например, выписки из книги «Maximes adressées à Mlle de B. par une Demoiselle de 13 ans». Gotha, 1753 («Новости», 1753), стр. 879: «Leset keine Romane. Sie verderben den Verstand, und machen ihn abentheuerlich», или см. в 1751 году (стр. 391) статью-речь «О вопросе: следует ли в театральных произведениях всегда представлять добродетель награжденною и порок наказанным». Ср. также статьи из книги Гельвеция «Об уме» в «Невинном упражнении» (1763) с пропагандой этой книги в «Новостях».

М. П АЛЕКСЕЕВ

Д. ДИДРО И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ ЕГО ВРЕМЕНИ¹

Опубликованная в 1932 году библиотекарем парижской Национальной библиотеки Ж. Порше небольшая информационная заметка «Русские книги Дидерота в Париже»,² содержащая в себе перечень русской части библиотеки Дидро, только в начале 50-х годов привлекла внимание исследователей и послужила поводом для появления нескольких статей, посвященных этому вопросу.

Однако специально литературоведческому анализу список русских книг, принадлежавших Дидро, еще не подвергся.

Внимательное изучение этого списка, библиографически уточняющее все его недостаточно ясные указания, может привести, как нам кажется, к очень существенным результатам, в особен-

¹ Настоящая статья представляет часть большой работы М П Алексева «Дидро о русской литературе», написанной в 1948 году, читанной тогда же на научной сессии Института русской литературы и ставшей известной ряду советских исследователей. Появление статей В И Чучмарева «Французские энциклопедисты XVIII века об успехах развития русской культуры» и «Об изучении Дени Дидро русского языка» («Вопросы философии», 1951, № 6, стр 179—193, 1953, № 4, стр 192—206), в значительной части совпадающих по своему фактическому материалу (основанному преимущественно на публикации Ж Порше) с указанной работой М П Алексева, сделало нецелесообразным публикацию последней в полном виде. Поэтому редакция сборника «XVIII век» с разрешения автора печатает в настоящем томе отрывок из этой работы, посвященный теме, не нашедшей до сих пор освещения в советском литературоведении; из этого отрывка исключено все то, что относится к изучению Дидро русского языка, т е. к вопросу, уже привлекавшему к себе в настоящее время внимание исследователей, в частности французских (см, например, статью J Proust. La grammaire russe de Diderot «Revue d'Histoire Littéraire de la France», 1954, № 3, Juillet—Septembre, стр. 329—331).

² Временник Общества друзей русской книги (Société des amis du livre russe), III, Париж, 1932, стр 132—138

ности если мы сопоставим их с рядом отзывов Дидро о некоторых из перечисленных им сочинений.

Особый интерес собранию русских книг Дидро прежде всего придает то обстоятельство, что они вовсе не являлись для него коллекцией иноязычных книжных образцов. Это было собрание, подчиненное тому плану серьезного и вдумчивого изучения русской культуры, который Дидро составил себе, живя в Петербурге. Уже то, что Дидро сумел сделать толковую опись этих книг, свидетельствует, что он знал об их содержании, мог прочесть и перевести (хотя и не всегда точно) их заглавия. Еще более важно для нас то, как свидетельствуют самые книги, разысканные Ж. Порше, что Дидро, приобретая эти книги в Петербурге или получая в подарок от друзей, несомненно читал некоторые из них в русских подлинниках. Если Дидро в момент своего прибытия в Россию не знал ни слова по-русски, как это можно заключить из его собственного признания в письме к жене,³ то, живя в Петербурге в течение пяти месяцев, он делал попытки изучать русский язык и в процессе этого изучения знакомился с русскими книгами, до сих пор сохраняющимися на своих полях его пометы, переводы отдельных слов и прочие следы его работы над ними.

Пять с лишним месяцев, прожитых Дидро в Петербурге,⁴ — с сентября 1773 года до 5 марта (нового стиля) 1774 года — совпали с периодом оживления в русской литературе, еще не

³ «*Revue des vivants*», 1928, Mai, стр. 933.

⁴ *Diderot. Correspondance inédite*, publ. par A. Bibelon, vol. II. Paris, 1931, стр. 240—245 (Письмо Дидро к жене о первых петербургских впечатлениях). Письма Дидро из Петербурга впервые опубликованы были П. Ледье лишь в 1928 году в «*Revue des vivants*»; возможно, однако, что некоторые из этих именно писем почти за сто лет до их напечатания уже были известны у нас по копиям. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому 16 апреля 1837 года: «Посылаю себе письмо Дидеро к жене о Петербурге и Екатерине II» (Остафьевский архив, т. IV, СПб., 1899, стр. 6). Наиболее подробную сводку данных на русском языке о пребывании Дидро в Петербурге мы находим в заключительном десятом томе «Собрания сочинений» Дидро в русском переводе, появившемся в 1947 году, с комментариями П. И. Люблинского и вступительной статьей А. И. Молока «Дидро в России». Однако и после выхода в свет этого тома напечатаны были новые материалы, например интересная записка с вопросами Дидро к Петербургской Академии наук, им самим оглашенная на заседании Академии 1 ноября 1773 года (М. В. Крутикова и А. М. Черников. Дидро в Академии наук. «Вестник Академии наук СССР», 1947, № 6, стр. 64—73). В названном десятом томе русского собрания сочинений Дидро эта записка упоминается (стр. 386) как еще неразысканная и неопубликованная. См. также: Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. Научное описание. Сост. И. М. Любименко. Труды ААН, Л., 1937, вып. 2, стр. 442—443; С. Кузьмин. Забытая рукопись Дидро (Беседа Дидро с Екатериной II). «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 927—948.

подвергшейся тяжелому давлению со стороны трона. Сатирическая журналистика, правда, была уже на спаде, но всем еще памятли были баталии «Трутня», «Всякой всячины» и «Живописца»; просветительская деятельность Н. И. Новикова была в полном разгаре; в Петербурге действовало несколько литературных кружков, горячо обсуждавших общественные и литературные темы и далеко не согласных между собою во мнениях; в Петербурге жили в то время многие писатели, среди них некоторые, лишь недавно приехавшие из Москвы (например, Херасков); наблюдалось заметное оживление и в театральной жизни; новые книги выходили часто и вызывали к себе действенный интерес. Всего этого не мог не заметить любой иностранец-путешественник; тем более это должно было обратить на себя внимание Дидро.

Нужно думать, что свое изучение русской литературы Дидро начал с двух корифеев — Ломоносова и Сумарокова, о которых споры в русских литературных кругах продолжались весьма интенсивно и которые имели и своих последователей и своих врагов и хулителей. Ломоносов был уже в могиле, Сумароков — стар и в опале, но все еще продолжал активную творческую деятельность.⁵ О Ломоносове Дидро знал еще во Франции⁶ и даже написал заметку о французском переводе его «Древней российской истории». Находясь в России, Дидро воспользовался случаем, чтобы пополнить свои сведения об этом поэте и ученом. В числе книг, приобретенных Дидро в Петербурге, нашлись следующие труды Ломоносова: «Собрание разных сочинений в стихах и прозе. Книга вторая» (СПб., 1768),⁷ «Российская грамматика» (СПб., 1755), «Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится риторика» (1748), «Первые основания металлургии, или рудных дел» (СПб., 1763) и «Слово похвальное... Петру Великому» (1755). То обстоятельство, что среди этих книг оказались издания конца 40-х и середины 50-х годов, может быть, свидетельствует об их специальном подборе.

Книг Сумарокова в собрании Дидро оказалось еще больше, но все они преимущественно представлены здесь новыми изда-

⁵ М. Лонгинов. Последние годы жизни Сумарокова. «Русский архив», 1871, кн. 10, стр. 1637—1711.

⁶ Diderot. Oeuvres, ed. J. Assézat, vol. XVII, Paris, 1877, стр. 495—496.

⁷ В эту книгу вошли следующие произведения Ломоносова: «Слово похвальное... Петру Великому» (имевшееся у Дидро и в отдельном издании), героическая поэма «Петр Великий», оды, надписи, идиаллия «Полидор» и «Письмо о пользе стекла».

ниями, конца 60—начала 70-х годов. Очень полно подобраны здесь драматические произведения Сумарокова. Может быть, случайностью следует объяснить то, что среди трагедий Сумарокова оказались преимущественно его трагедии на темы из русской истории: «Синав и Трувор», «Хорев»,⁸ «Ярополк» (все в петербургских изданиях 1768 года), «Димитрий Самозванец» (б. г., 1771); кроме них, также «Семира» (1768) и «Аристана» (1751), «Пустынник» (1769), опера «Альцеста» (1764), балет «Прибежище добродетели» (1764) и пролог «Новые лавры» (1764). Из комедий Сумарокова в руках Дидро было пять поздних комедий (все в изданиях 1768—1769 годов): «Три брата совместника», «Нарцисс», «Лихоимец», «Приданое обманом» и «Ядовитый», — последняя со следами чтения Дидро. Трудно сказать, почему из всех этих комедий Дидро выбрал для чтения одну комедию о клеветнике и цинике Герострате, в обобщенном образе которого исследователи узнают черты личного и литературного врага Сумарокова — Ф. А. Эмина.⁹

Но не только Сумароков-драматург обильно представлен в собрании Дидро: мы находим здесь три отдельных издания его од (все 1774 года), «Притчи» в трех частях (СПб., 1762—1769), переплетенные в одном томе, и его исторический труд «Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 году» (1768); всего — двадцать сочинений. Это был, конечно, достаточный материал для суждения о русском писателе. Как известно, Дидро оставил действительно отзыв о Сумарокове в одной из своих записок Екатерине II — выразительный, хотя краткий и не вполне ясный. Однажды Дидро наставлял русскую императрицу по поводу того, что «государю следует иметь под боком священника и литератора, — предпочтительнее, драматического поэта»; «проповедников не читают, хорошую же комедию или прекрасную трагедию перечитывают десятки раз. Ее можно найти даже в предместьях. Если ваше величество призовете к себе и побеседуете раз-другой с вашим посредственным Сумароковым (*voire médiocre Soumarokoff*), если вы дадите ему тему для поэмы, то вам, быть может, удастся сделать из него настоящего человека. Если же он все-таки останется прежним, то эта милость разбудит какого-нибудь дру-

⁸ На этой книге был сделан ряд помет чернилами и карандашом (стр. 8, 30, 31, 60), часть — рукой Дидро; очевидно, он читал ее с чьей-либо помощью.

⁹ А. Косман (Комедии Сумарокова «Ученые записки ЛГУ», Серия филолог. наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 175—176) ограничивает это мнение, усматривая в Герострате черты других современников и врагов Сумарокова

гого одаренного человека, который станет проповедовать, громко проповедовать свое евангелие».¹⁰ Ни один из комментаторов не раскрывает нам с достаточной ясностью, что Дидро хочет сказать; Турнё ограничивается справкой для французских читателей о том, кто такой Сумароков; П. И. Люблинский в русском «Собрании сочинений» Дидро 1947 года дает аналогичную справку и напоминает, что «незадолго до приезда Дидро в Петербург Сумароков навлек на себя неудовольствие Екатерины постановкой своей трагедии „Синеус (!) и Трувор“».¹¹ Все это нисколько не поясняет нам, что думал о Сумарокове Дидро, почему он называет его «посредственным», почему он советует Екатерине дать Сумарокову тему для поэмы, а не для трагедии, и что означает его предположение, что Сумароков может остаться «прежним». Ясно лишь одно, что отзыв Дидро носит отрицательный характер. Сумароков Дидро не нравился: в его трагедиях и комедиях было то, что претило ему. С подобной поэтикой Дидро боролся и на своей родине. Характерно, что Дидро написал французский перевод заглавия на шмуцтитуле лишь одной трагедии Сумарокова — «Димитрий Самозванец» (1771), которая в особенности должна была привлечь его внимание и своим русским историческим сюжетом с картинами восстания против царя-тирана и теми политическими толками, которые она вызвала при дворе.¹² В начале этого издания находится ответное письмо Вольтера Сумарокову от 26 февраля 1769 года. Мог ли Дидро не знать о поводе к обмену письмами между русским и французским драматургами? Мог ли он сочувствовать литературным позициям Сумарокова, о которых, разумеется, оповещен был в Петербурге? Думается, что оценка Сумарокова, данная ему Дидро, должна была быть весьма сдержанной, хотя он, очевидно, не вовсе отрицал его заслуги и способности, признавая, что при желании из него можно сделать «настоящего человека».

В особую группу в своем перечне русских книг Дидро выделил сочинения В. И. Майкова в четырех книгах, из них две в переплете. Ж. Порше удалось обнаружить в Национальной библиотеке лишь одну книгу из тех, которые Дидро имел в виду. В ней в одном переплете объединены четыре отдельных изда-

¹⁰ M. Tournoux. Diderot et Catherine II. Paris, 1899, стр. 300—301; Дидро, Собр. соч., т. X, М., 1947, стр. 135.

¹¹ Дидро, Собр. соч., т. X, стр. 524.

¹² В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Политические идеи русской классицистической трагедии. Сб. «О театре», М.—Л., 1940, стр. 110—115; С. С. Данилов. Очерки по истории русского драматического театра. М.—Л., 1948, стр. 44.

ния. Томик открывается поэмой Майкова: «Елисей, или раздраженный Вакх» (СПб., б. г.), т. е. первым изданием этой поэмы, появившимся в ноябре 1771 года¹³ (на обороте шмуц-тула заглавие по-французски, может быть рукою С. В. Нарышкина: «Elissei, poëme de M-r Maikoff»); далее идут: «Разные стихотворения Василья Майкова. Книга первая» (СПб., б. г.) и его же «Оды торжественные... книга вторая» (СПб., б. г.) — два небольших поэтических сборника, вышедшие в конце 1773 года, как это видно из объявления «Санкт-Петербургских ведомостей»,¹⁴ т. е. в момент пребывания Дидро в Петербурге; первый из этих сборников занят переложением псалмов, и они-то, вероятно, и названы Дидро «Философическими одами». Едва ли оды Майкова представляли для Дидро какой-либо интерес, но он, безусловно, интересовался творчеством Майкова и, вероятно, прежде всего его «Елисеем». Именно после издания этой поэмы о зимогорском ямщике Майков, живя в Петербурге, пользовался здесь значительной популярностью; споры и кривотолки о его поэме, понравившейся одним и вызвавшей резкое осуждение других, не прекращались. Отзвуки этих споров должны были дойти и до Дидро; так именно можно истолковать несколько сохранившихся свидетельств по этому поводу.

Одно из них принадлежит П. А. Вяземскому. В своей книге о Фонвизине Вяземский говорит, не указывая на свой источник (вероятнее всего, он основывался на устном предании), об особом интересе Дидро к Майкову, как к национально-своеобразному писателю, ничем не обязанному в своем творчестве иноземным поэтическим образцам. Правда, сам не чувствуя к Майкову-поэту никакого расположения, Вяземский, видимо, осуждает не только выбор Дидро, но даже мотивы его любопытства. «Едва ли был прав Дидерот, по крайней мере, в общем применении, когда на обеде петербургских литераторов у графа Григория Григорьевича Орлова говорил он через переводчика Майкову, не знавшему никакого иностранного языка, что особенно его сочинения желал бы он прочесть, ибо они должны быть чисто творческие, без всякой примеси общих форм и понятий».¹⁵

¹³ В. И. Майков, Сочинения и переводы, СПб., 1867, стр. 563; В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ч. IV. СПб., 1905, № 8660.

¹⁴ В. И. Майков, Сочинения и переводы, стр. 565, 573.

¹⁵ П. А. Вяземский. Фонвизин СПб., 1848, стр. 139—140; П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1880, стр. 90. На этом свидетельстве Вяземского (не ссылаясь на него), несомненно, основывался и Н. Булич (Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854, стр. 64),

Об особом интересе Дидро к сочинениям Майкова упоминает также С. Н. Глинка в своих «Записках» и также, несомненно, на основании устной традиции (сам Глинка родился в 1775 году). Характеризуя творчество второстепенного поэта — архаиста Шатрова, Глинка писал: «Шатров не знает иностранных языков, но в стихотворениях его — общий объем мысли. Дидерот в бытность свою в Петербурге, где перечитывал с Екатериною Наказ ее, узнав, что Василий Майков, сочинитель проказных поэм, не сведущ ни в живых, ни в мертвых языках, упросил Александра Ильича Бибикова перевести для него несколько страниц из Майкова. — Я хочу видеть, сказал Дидерот, как предлагает и соображает мысли писатель, не знающий французского языка. Бибиков перевел, а Дидерот и в переводе нашел тот же ход мысли, какой и во французском языке».¹⁶

Никаких других известий о литературном обеде в честь Дидро в Петербурге в конце 1773 или начале 1774 года, о котором упоминает П. А. Вяземский, к сожалению, не сохранилось — ни в сочинениях и письмах Дидро, ни в аналогичных русских источниках. Лишь в журнале «Телескоп» мы натолкнулись на несколько строк, вероятно относящихся к этому же случаю. «Назад тому несколько десятков лет Дидерот просил для редкости перевести ему несколько стихов из Майкова... самородного русского поэта, дабы видеть, такой ли механизм мыслей и чувствований у нас, северных гиперборейцев, как у прочих жителей земного шара...». «Ныне, хотя человечество наше и не подвергается сомнению, но не худо изредка напоминать о нем».¹⁷ Легко видеть, что эта заметка носит полемический характер, что она направлена против высокомерных отзывов иностранцев о русской литературе и что попавшее в нее известие о Дидро совершенно случайно; тем не менее мы думаем, что все приведенные свидетельства восходят к одному событию, искажая его в передаче, и что Вяземский и Глинка точнее передают его, чем автор заметки в «Телескопе». В самом деле, задача Дидро заключалась вовсе не в том, чтобы определить, похожи ли стихи Майкова на французские, а именно в обратном — в установлении различия между ними, в определении своеобразия Майкова, этого «самородного» поэта; он надеялся, что стихи Майкова

впрочем еще более усиливая его осуждение любопытства Дидро: «Знаменитый Дидро, бывший в 1773 г. в Петербурге, думал видеть в Майкове писателя оригинального, потому что последний не был знаком с иностранными языками. Наивный философ не знал, что такая оригинальность — мнимая, и т. д.

¹⁶ Записка Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895, стр. 158.

¹⁷ «Телескоп», 1831, ч. II, № 8, апрель, стр. 545.

должны быть «чисто творческие, без всякой примеси общих форм и понятий», т. е. созданы вне всяких иностранных воздействий.

Любопытно, что некоторые современные Майкову петербургские литераторы упрекали его именно за то, что вызвало к нему любопытство Дидро. Майков в период своей петербургской жизни был близок к Н. И. Новикову и М. М. Хераскову, и, можно думать, что именно из этого лагеря дошли до Дидро как рекомендация русской «самобытности» Майкова, так и освещение многих других событий современной ему русской литературной жизни. М. Д. Чулков, полемизировавший с журналами Новикова и являвшийся ярким литературным противником Майкова, высмеивал его, заставляя произносить следующий, например, монолог:

Латынской мне язык и русской не известен,
Других не знаю я, а прочих не учил;
Однако, лишь перо в чернила омочил,
То вздумал о себе, что есть во мне примета
Такая, что мне быть учителем полсвета, —
Так должно ли же в чем последовать кому?
Я дал свободный путь пространному уму...¹⁸

До Дидро, несомненно, дошли споры о поэме Майкова «Елисей» с ее героем-ямщиком, с ее сочным местным колоритом, с ее гротескными жанровыми эпизодами из жизни петербургского мещанства и преступного мира — в «рабочем доме», тюрьме, кабаке. Эта грубоватая поэма, опиравшаяся, впрочем, на живые источники народного юмора, не лишенная меткой наблюдательности и сатирической остроты, была для своего времени действительным отрешением от условных литературных требований и своего рода вызовом господствующим салонным вкусам. Но это-то и определяло любопытство Дидро и к ней и, может быть, к «басням» и «сказкам» Майкова (также тяготеющим к народно-повествовательной и «лубочной» стихии) как к произведениям, действительно имеющим яркий национальный отпечаток. В русской литературе Дидро надеялся найти средство к познанию подлинной России, выход на большой простор народной жизни из той тесной придворно-аристократической сферы, в которой замыкали его кабинет императрицы и стены нарышкинского дома. Так именно толкуем мы его интерес к Майкову, случайно

¹⁸ В. И. Майков, Сочинения и переводы, стр. XXXXII; А. В. Западов. Журнал М. Д. Чулкова «И то и сьо». Сб. «XVIII век», вып. II. М.—Л., 1940, стр. 109.

засвидетельствованный, но безусловно достоверный. Новым и немаловажным подтверждением его внимания к произведениям Майкова может служить теперь также экземпляр «Елисея», бывший в руках Дидро.

Как уже было отмечено выше, не все сочинения Майкова, которыми располагал Дидро, сохранились в Национальной библиотеке. Составленный Дидро перечень в разделе, относящемся к Майкову, упоминает еще «комедию и трагедии»; однако неясно, что он мог иметь в виду; что касается трагедий Майкова, то ни одна из них не была издана до 1775 года;¹⁹ относительно же «комедии» можно сделать лишь одно более или менее правдоподобное предположение, что Дидро приписал авторству Майкова пьесу, принадлежащую другому русскому писателю. Действительно, в том же переплете, где объединены «Елисей» и две книжечки од Майкова, находилось еще и четвертое сочинение: «Так и должно, комедия в пяти действиях» (М., 1773). Автор на титульном листе книги не обозначен, но мы знаем, что им был М. И. Веревкин. Как бы мы не решали вопрос о том, знал ли Дидро о действительном авторе или смешал его с Майковым, но нахождение именно этой пьесы среди книг Дидро представляет особый интерес. Дело в том, что комедия М. И. Веревкина — его первое драматическое произведение (что и делает вероятным незнакомство Дидро или его русских собеседников с еще малоизвестным «анонимом»), представляющее немаловажный этап в истории русской драматургии и уже издавна связывающееся исследователями именно с драматургическими теориями и эстетикой Дидро.²⁰ Это — «слезная комедия» из русских нравов, комедия нового типа, предметом которой являются «добродетель и обязанности человека»; к тому же это довольно правдивая картина русских провинциальных нравов, жизненность которой подтверждена была современниками. Еще Державин был высокого мнения об этой пьесе и находил, что она «точно описывает» «подъячих крючкотворцев»²¹ — Урывая Алтынникова, верного слугу воеводы Протазана Бесщотного; образ старозаветной помещицы Афросиньи Сысоевны напоминает героинь комедий Фонвизина. Если Дидро

¹⁹ Трагедия Майкова «Агриопа», представленная в первый раз в придворном театре в 1769 году, была издана лишь в 1775 году, т. е. уже после отъезда Дидро из России; трагедия «Фемист и Иеронима» готовилась к постановке в 1773 году, но представлена не была и также опубликована лишь в 1775 году.

²⁰ Н. М. Тупиков. М. И. Веревкин. СПб., 1895; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. М., 1945, стр. 217—218.

²¹ Г. Р. Державин, Полн. собр. соч., т. III, ред. Я. К. Грота, СПб., 1866, стр. 726.

знал о содержании этой пьесы Веревкина, то она, конечно, должна была очень заинтересовать его и своей реалистической документальностью, и своим построением, и своей основной задачей — продемонстрировать «отличные действия добродетели», столь близкой его собственным задачам как драматурга и театрального критика. Вот почему появление экземпляра этой комедии в числе русских книг Дидро едва ли можно объяснить случайностью.

Вопросы драматургии и театра продолжали интересовать Дидро во время его жизни в Петербурге не менее, чем раньше (вспомним, что его «Парадокс об актере» написан в 1773 году), и ничуть не в меньшей степени, чем русские бурлескные поэмы или «философические оды» русских поэтов. Драматургия в его глазах была одним из основных и самых действенных жанров просветительской литературы. Проблемы театральной жизни составляют особый раздел в его записках, направленных Екатерине II; она, в свою очередь, посылала ему на отзыв свои комедии,²² приглашала на школьные спектакли смолянок, давая ему лишние поводы для присылки ей серьезных наставлений о значении театра в общей системе воспитания. Дидро, как мы видели, читал пьесы Сумарокова и приобрел их в большом количестве, заинтересовался комедией Веревкина. В особенности любопытно, что Дидро сам засвидетельствовал свой интерес еще к одному русскому драматургу — Фонвизину. Дидро упоминает его именно в одной из тех записок к Екатерине II, где идет речь, какими должны быть пьесы, если они хотят достигнуть цели, и о решающем значении их «качеств». «Мне говорили, — продолжает Дидро, — об одном из ваших подданных, по фамилии, кажется, Визин (*appelé Visen, je crois*); мне сказали, что он хорошо знает нацию, ее нравы и обладает живостью и веселостью».²³ Не подлежит сомнению, что Дидро говорит здесь не только о Фонвизине, но именно о Фонвизине-драматурге: за это ручается весь контекст этой его записки (озаглавленной издателями: «Проект театральной пьесы»). Единственным произведением молодого Фонвизина, которое могли иметь в виду русские собеседники Дидро, является его комедия «Бригадир», еще в то время не напечатанная: тем примечательнее осведомленность Дидро и его критическое чутье; на основании устных рассказов о молодом писателе и о его пьесе он проникательно опре-

²² В своем списке Дидро отметил четыре комедии Екатерины II; из них сохранилось в Национальной библиотеке только две: «Госпожа Вестникова с семьею» и «Именины г-жи Ворчалкиной».

²³ Дидро, Собр. соч., т. X, стр. 9; французский оригинал: M. Tourneux. Diderot et Catherine II, стр. 408.

делил значение будущего автора «Недоросля», если решился указать на него в записке, посланной высокопоставленной собеседнице, как на драматурга, в особенности подающего надежды. Сильное впечатление, которое эта ранняя комедия Фонвизина, написанная в 60-х годах,²⁴ оставила у его современников, слышавших ее в мастерском чтении автора, помнилось еще в 1773 году, когда о молодом драматурге рассказывали Дидро. Очевидно, он знал также и о задачах, которые ставил перед собой Фонвизин, о теме комедии и ее действующих лицах, если он вслед за своими русскими друзьями мог говорить о ее «живости и веселости» и о том, что Фонвизин знает русские нравы. Дидро не смутило при этом, что в «Бригадире» осмеиваются «офранцузенные» щеголи и кокетки: верность действительности, жизненность сатирической задачи, просветительский дидактизм, своеобразный национальный русский колорит, по видимому, являлись, с точки зрения Дидро, важнейшими и наиболее ценными качествами пьесы.

Последнюю замкнутую в себе группу книг в перечне Дидро составляют творения М. М. Хераскова. Они представлены были в собрании Дидро довольно обильно — шестью книгами; из них сохранилась одна в переплете: «Нума, или процветающий Рим», в московском издании 1768 года (на обороте шмуцтитула не рукою Дидро, но кого-либо из Нарышкиных заглавие повторено по-французски: «*Numa ou Rome florissante, par M. M. Hergaskoff*»), остальные пять до нас не дошли, и о них можно догадываться лишь по краткому указанию в списке: здесь были «Чесмесский бой», «оды» и «трагедии». Наличие всех этих изданий в русской библиотечке Дидро вполне естественно: в начале 70-х годов, оставив службу при Московском университете и переселившись в Петербург, М. М. Херасков входил здесь в славу как новое светило русской поэзии и был центром того литературного кружка, который издавал собственный журнал («Вечера», 1772—1773). Дидро не мог не знать этого плодотворного писателя, характерного представителя русского дворянского либерализма конца 60—начала 70-х годов, соединявшего

²⁴ Датировка этой пьесы вызвала разногласия и споры П. Н. Берков в статье «К хронологии произведений Фонвизина „Бригадир“» («Научный бюллетень ЛГУ, 1946, № 13, стр. 33, 36) относил ее к 1769 году, В. Н. Всеволодский-Геринграсс в недавно опубликованной статье (Когда был написан «Бригадир» «Известия Академии наук СССР, Отдел литер и языка», 1956, т. XV, вып. 5, стр. 460—463) настаивает на более ранней дате — до 1766 года, когда комедия была читана Екатерине II. Для нашей цели этот вопрос не столь существенен, важнее подчеркнуть, что во второй половине 60-х годов Фонвизин не один раз и с неизменным успехом читал свою комедию в придворных и аристократических кругах Петербурга.

со своим несколько отвлеченным свободолюбием приверженность к чистому «разуму»; очень вероятно, что Дидро мог иметь с Херасковым и личные встречи. Прозаический политико-просветительский роман Хераскова «Нума, или процветающий Рим» мог возбудить любопытство Дидро как яркий документ русского «просветительства» и в то же время как политическая программа легальной дворянской оппозиции престолу.²⁵ Интересно подчеркнуть, что Дидро нигде не говорит о стихотворных опытах на французском языке русских аристократов его времени и очевидно не склонен был считать их произведениями «русской музыки», какими считал их Вольтер: его интересовали только русские стихи, резкий, отчетливый национальный в них отпечаток. Да и русский народ интересовал Дидро сильнее, чем окружавшая его самого кучка аристократов. Он, в частности, досадовал на то, что безотлучно прожил в Петербурге. Этого было недостаточно для познания страны, в которой он гостил: «Я не видел ее, — признавался Дидро в письме к г-же Неккер. — (...) Петербург — это всего лишь двор, бесвязная смесь дворцов и изб, больших бар, окруженных мужиками (de moujéks) и поставщиками».²⁶ Подлинная «мужицкая» Россия начиналась для Дидро далеко за пределами этого города, и ее-то судьба и представляла для Дидро наибольший интерес. Недаром в самый разгар Пугачевского восстания Дидро мог предложить Екатерине II множество вопросов о русском крестьянстве, о «его собственности и правах» и среди них, например, следующий: «Не приводит ли лишение крестьян собственности к дурным последствиям».²⁷ Не случайно, конечно, несколько страниц «Записок» Е. Р. Дашковой посвящены изложению их спора с Дидро о «рабстве наших крестьян», и в такой же мере, по-видимому, закономерно и то, что мы находим имя Дидро в одном из черновых планов «Капитанской дочки»

²⁵ М. В. Черняков. Политико-дидактический роман М. М. Хераскова. «Наук. зап. Харьк. держ. педагог. институту», т. VII, Харьков, 1941, стр. 99—119.

²⁶ E. S. Caro. La fin du dix-huitième siècle, vol. I. Paris, 1880, стр. 330—331; D. S. Mohrenschildt. Russia in the intellectual life of eighteenth century France. New York, 1936, стр. 82. Примечательны и дальнейшие строки того же письма, писанного в сентябре 1774 года, так как они образно характеризуют действительное отношение Дидро к Екатерине II и самодержавному строю: «Тихонько я поклянусь вам, что наши философы, которые кажется хорошо узнали деспотизм, видели его лишь через горлышко бутылки. Какая разница между тигром, изображенным на картине Удри, и между тигром в его лесу» (E. S. Caro, ук. соч., стр. 331—332).

²⁷ Дени Дидро, Собр. соч., т. V, М.—Л., 1936, стр. 393.

Пушкина («Орлов едет просить Екатерину — Орлов — Дидерот — Казнь Пугачева»)²⁸ Можно к этому прибавить еще один примечательный факт: среди русских книг Дидро нашелся отдельный оттиск манифеста Екатерины II по поводу восстания Пугачева от 24 декабря 1773 года, переплетенный вместе с несколькими одами Сумарокова в честь императрицы и учебником русского языка для французов Шарпантье! Какие книги Хераскова скрыты за обобщающим определением перечня «Оды», установить затруднительно (может быть, «Новые оды» издания 1762 года или «Философические оды или песни» издания 1769 года?), так же как трудно в настоящее время дознаться, какими «трагедиями» Хераскова располагал Дидро — трагедиями ли из русской истории, написанными вслед Сумарокову, или же «Венецианской монахиней» (1758), напечатанной Херасковым еще до того, как Дидро написал свою «Монахиню» (1761), родственную ей по сюжету и по антицерковным настроениям; еще более вероятно, что среди «трагедий» Хераскова у Дидро должна была быть его «слезная драма» «Друг несчастных» (1771); у Дидро были все основания интересоваться русскими опытами в том драматическом жанре, развитию которого он сам столь сильно содействовал и который «посредственный» в его глазах драматург Сумароков в том же 1771 году провозгласил «новым и пакостным родом». Среди книг Хераскова в руках Дидро была еще одна поэма — «Чесмесский бой», изданная в 1771 году и признанная современниками выдающимся поэтическим произведением. В Национальной библиотеке Ж. Порше не нашел этой книги в числе других, некогда принадлежавших Дидро. В связи с этим позволительно высказать догадку, которая представила бы известный интерес, если бы она подтвердилась: книга, которую Дидро продал библиотеке, была не русская, а французская, хотя и изданная в Петербурге. В 1772 году в Петербурге отдельным изданием вышел французский перевод «Чесмесского боя», и заглавие его совпадает с тем, которое приведено в списке Дидро.²⁹ Особое значение этому французскому изданию поэмы Хераскова придает, как известно, то, что самому тексту поэмы здесь предпослано «Рассуждение о стихотворстве российском» («Discours sur la poésie russe»)

²⁸ «Литературное наследство», т. 16—18, М., 1934, стр. 451.

²⁹ Le Combat de Tzemes. Poème en cinq chants, avec un Discours sur la Poésie russe, composés par M. Cheraskoff. Traduit du Russe en Français. MDCCCLXXII. — Обращает на себя внимание слово «Combat», вместо которого могло стоять и другое (La Bataille).

Хераскова, неизвестное в русском оригинале³⁰ Если, как мы предполагаем, именно это издание и было у Дидро, то из «Рассуждения» он мог извлечь немало данных для истории русской поэзии и для характеристики ее современного состояния, изложенных и объясненных одним из видных деятелей русской литературы

Несколько десятков книг на русском языке, собранных Дидро, не могли не обеспечить его интереса к русской литературной истории. Поэтому для нас очень существенно, что среди этих книг, во всяком случае, имелась и дошла до нас другая книга, на русском языке, в которой при желании можно было почерпнуть подробные данные о русских писателях старого и нового времени, но в еще большем количестве, чем из «Discours sur la poésie russe» Хераскова. В списке эта книга обозначена очень неточно: «Essai historique sur les auteurs et traducteurs russes, jusqu'en 1773»; на деле это оказался известный «Опыт исторического словаря о российских писателях» Николая Новикова (СПб., 1772, XII — 264 стр.).

Словарь Новикова завершает в списке Дидро отдел «Belles lettres», являясь естественным концом этого систематического перечня³¹

Что перед нами не просто беспорядочный список книг, случайно попадавших Дидро под руку во время составления им описи, но перечень, имевший определенную систему, видно с первого взгляда. Дидро расположил свои книги не по годам их выхода в свет, но по писателям, отчетливо представляя себе хронологию их литературной деятельности и как бы внутреннюю закономерность их следования друг за другом. Если бы Дидро написал очерк истории русской литературы, он должен был бы назвать этих писателей в том же самом порядке, в каком названы они в перечне. Это лишний раз убеждает нас в том, что с русской литературой Дидро познакомился вполне основательно, как и со всем тем, что его интересовало в России. Действительно, как ни скудны разрозненные данные об этом, имеющиеся в нашем распоряжении, но подкрепленные изуче-

³⁰ П Н Берков «Рассуждение о российском стихотворстве» Известная статья М М Хераскова «Литературное наследство», т 9—10 1933, стр 287—294; П Н Берков Из литературного наследия М М Хераскова Сб «XVIII век», вып I, Л, 1935, стр 366—370

³¹ Ранее в этом же отделе упомянуты еще «Квинта Курция История о Александре Великом» в переводе С Крашенинникова (2 тома, 1762, 1768) и «Les oeuvres de Tediakouski» (sic!), т е «Три рассуждения о главнейших древностях российских» Тредиаковского (СПб., 1773)

нием перечня, они сами собою складываются в довольно отчетливую картину.

Дидро хорошо знал Ломоносова, ясно представляя себе и его многогранность и все основные уклоны его ученой и литературной активности во всех основных ее областях, до металлургии включительно. Изучение Сумарокова не приблизило писателя к вкусам Дидро, и впечатление осталось отрицательным. В споре о превосходствах Ломоносова и Сумарокова, которые, очевидно, дошли до Дидро, он был на стороне первого и осудил второго. Из «сумароковской школы» он больше всего заинтересовался Майковым, ища у него проявлений самобытности и национального своеобразия; Дидро угадал эти черты у молодого Фонвизина. Он знал, наконец, Хераскова и мог представлять себе не только прошлое русской литературы, но и ее будущее. Радищева, разумеется, Дидро еще не мог знать, но примечательно, что в тот самый год, когда Дидро жил в Петербурге и над собранными им русскими книгами задумывался и о судьбах России, и о русском крестьянстве, и о русских писателях, Радищев уже деятельно работал как переводчик, выпустил «Размышления о греческой истории» Мабли с определением «самодержавства» (деспотизма) как «наипротивнейшего человеческого естеству состояния» и уже, вероятно, был автором анонимного «Отрывка из путешествия» в новиковском «Живописце» (1772) с его, впервые с такой силой написанной, жестокой картиной ужасов крепостничества...

Дидро не обобщил своих наблюдений, не дал нам связанных характеристик и записей своих литературных впечатлений, вывезенных из России, но мы вправе думать, что он более чем кто-либо другой из его французских современников мог оценить в русской литературе ее зреющие прогрессивные силы, ее еще не раскрывшиеся богатства. И это могло произойти прежде всего потому, что он принадлежал, по словам Энгельса, к числу великих мужей, подготовивших во Франции умы для восприятия грядущей могучей революции.³² Дидро и за пределами своего отечества мог быть трезвым и чутким наблюдателем всего того, что, в конечном счете, должно было прийти на смену отживающему «старому порядку», феодально-абсолютистской системе. Отсюда — ненависть Дидро к русским формам крепостничества и к русскому варианту «просвещенного» деспотизма; но отсюда также его интерес к русскому народу,

³² Ф. Энгельс. Вариант введения к «Анти-Дюрингу». К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 357.

к русскому крестьянству, неожиданная на первый взгляд для француза XVIII века любовь к русской национальной песне.³³

Вера Дидро в русский народ была непоколебима: «Признаюсь, — писал Дидро, — я был бы в восторге, узнав, что моя родина в союзе с Россией».³⁴ А в одном из своих писем (октябрь 1773 года) он выражал уверенность в том, что в будущем Россия (*le nation russe*) «станет одной из наиболее честных, одной из наиболее мудрых и одной из наиболее грозных стран Европы и мира» (*une des plus honnêtes, une des plus sages, et une des plus redoutables contrées de L'Europe, du monde*).³⁵

³³ Об этом мы знаем из письма Дидро к Е. Р. Дашковой, из его просьбы к Бороздиной доставить ему в Париж русские народные песни-ноты с русским текстом (*avec des paroles russes écrites au dessous*) и аккомпанементом («Русский вестник», 1866, № 7, стр. 137; В. Михневич. Исторические этюды русской жизни, т. I. СПб., 1879, стр. 281; Н. Троншон. *Romantisme et préromantisme*. Paris, 1930, стр. 266.

³⁴ Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 90.

³⁵ Diderot. *Correspondance inédite*, vol. II, publ. par A. Bibelon, Paris, 1930, стр. 248.

В. С. ЛЮБЛИНСКИЙ

НОВОЕ В РУССКИХ СВЯЗЯХ ВОЛЬТЕРА

Настоящая заметка имеет единственной целью информацию о нескольких документах, уточняющих сложную картину разно-сторонних русских связей Вольтера. Все они либо впервые увидели свет за последнее время, либо были вновь разысканы или же неожиданно обнаружены среди необъятной вольтеровской переписки, распыленной по сотням собраний, в том числе и в наших архивах.

Для воссоздания того неповторимо-многообразного комплексного источника по истории XVIII века вообще (а не только литературной истории Франции!), каким является переписка Вольтера, совершенно особое значение приобрело последнее пятилетие. В 1952 году вышла в свет многолетняя работа Андре Делаттра,¹ сумевшего дать весьма полную и точную сводку сведений о всех письмах Вольтера (а также к нему и о нем), появлявшихся в печати со времени последнего издания его сочинений и переписки, вышедшего под редакцией Луи Молана еще в 1880-х годах. Хотя это последнее уже включало десять с половиной тысяч писем, библиография Делаттра объединила еще свыше четырех тысяч элементов этой огромной корреспонденции. А в 1953 году началось издание, которое сразу отменило Молана и его предшественников и которому суждено будет на многие и многие десятилетия стать одним из основных источников по XVIII веку в руках любого литературоведа, историка и философа: образовав на базе собственного собрания автографов и главным образом фотокопий Институт и музей Вольтера (в некогда вольтеровском владении «Делис» под Женевой), неутомимый Теодор Бестерман предпринял выпуск в свет новой

¹ André Delattre. Répertoire chronologique des lettres de Voltaire non recueillies dans les éditions de sa correspondance générale. Chapel Hill, 1952.

«Переписки Вольтера».² К октябрю 1956 года выпущено уже 20 томов, образцовых как по полиграфическому оформлению, так и по текстологической тщательности. Содержат эти тома около 4200 номеров (против 2300 у Молана за тот же период, т. е. прирост почти на 83%), а доведены только до 1751 года, — иными словами, издание в целом составит не менее 60 томов. Естественно, что историки русской литературы с особым интересом ожидают продолжения, поскольку русские связи Вольтера в основном развертывались с середины 1750-х годов. (В вышедших томах находим лишь оба письма к Антиоху Кантемиру 1739 года и письмо к Г. Ф. Миллеру 1746 года, т. е. тексты уже известные).

Однако и труду Делаттра и публикации Бестермана присущ один — хотя и традиционный, но оттого лишь более непростительный — недостаток: незнание русских изданий. За случайными исключениями, Делаттр вовсе обошел публикации в нашем отечестве, даже — на французском языке.³ В первых 10 томах Бестермана игнорируется, а в следующих крайне недостаточно (а следовательно, неправильно) используется обширная сводка «Наследие Вольтера в СССР», напечатанная в 1937 году в I томе сборника «Русская культура и Франция».⁴ Хотя в этом издании из-за войны не увидели свет публикации писем на языке подлинника, все же их переводы, а особенно обширный археографический и текстологический материал, сопровождающий эти переводы, вполне могли бы избавить редактора женевского издания от ошибочной реконструкции или некритического повторения совершенно искаженного прежними изданиями текста десятков писем (не к русским адресатам, но хранящихся в советских собраниях).

Та же публикация 1937 года содержала суммарный обзор состояния наших рукописных фондов с точки зрения изучения вольтеровских текстов и намечала некоторые пути розысков.

В настоящее время можно отметить дальнейшее расширение научной осведомленности о вольтеровских текстах, хранящихся

² *Voltaire's Correspondence*, edited by Theodore Besterman. Institut et Musée Voltaire. Les Délices—Genève, 1953 и сл. Английский язык заглавия, а также заголовков писем, комментариев и всего аппарата, крайне неожиданный при издании классика французской литературы, по-видимому, выражает то обстоятельство, что оно не только осуществляется (при консультационном совете из основных вольтероведов всех стран) единолично трудами Бестермана, но даже и в финансовом отношении не имеет французской прайвильственной поддержки.

³ Например: М. Р. Alexeyeff. *Voltaire et Schouvaloff. Fragments d'une correspondance franco-russe au XVIIIe siècle*. Odessa, 1928.

⁴ «Литературное наследство», т. 29—30, 1937, стр. 1—200.

в СССР, в том числе и о письмах, непосредственно освещающих сношения Вольтера с Россией.

В начале 1957 года вышел в Издательстве Академии наук СССР в свет первый выпуск «Новых текстов переписки Вольтера» — «Письма Вольтера». В этом выпуске удалось опубликовать на языке подлинника 94 вольтеровских письма, включая и ряд «уже изданных» (каковыми они числились, однако, лишь по явному недоразумению — настолько расщепленными или, напротив, амальгамированными они фигурировали в прежних изданиях).

В материалах этого тома появляется письмо Вольтера к А. Р. Воронцову — к четырнадцати известным в России (а заграничные издания знали их только тринадцать) добавляется пятнадцатое, отсутствовавшее в воронцовском архиве и потому не попавшее в прежние публикации; к тому же оно считалось адресованным другому лицу. Между тем в нем упоминается письмо адресата от 16/27 июня, которое, по нашему убеждению, не может быть не чем иным, как ответом (данные не известным) Воронцова на письмо к нему Вольтера от 28 апреля 1767 года. Темой письма является беспокойство Вольтера о судьбе двух пакетов, посланных якобы «его друзьями» в Вольное экономическое общество: в них, как мы теперь знаем, содержалась работа самого Вольтера, присланная на конкурс сочинений о крестьянской собственности и данные обнаруженная, несмотря на непрекращающиеся поиски.

Для истории театра и для познания драматургических принципов Вольтера значение неосуществленного посвящения трагедии «Олимпия» столь велико, что после опубликования его в 1937 году в переводе оно уже дважды было включено в хрестоматийные сборники. Ныне этот любопытный проект опубликован впервые на французском языке с передачей всех особенностей спешного черновика.

То обстоятельство, что в 1761—1762 годах, взыскуя эмоциональной насыщенности и сценического действия, Вольтер своими самыми сокровенными размышлениями решил поделиться именно с И. И. Шуваловым, не было игрой случая. Он рассчитывал, между прочим, воздействовать на лишь недавно зародившийся русский театр классической трагедии, причем пропаганда «истинного вкуса» входила неотъемлемой частью в его служение Просвещению, успехам которого в России он не раз радовался с нескрываемым восхищением.

К историко-литературным сюжетам касательство имеет и воспроизводимый (в одном из приложений к тому) оригинал письма французского химика Элло, впервые нами же изданный

в переводе в упомянутом выше томе «Литературного наследства». В духе авантюрных мемуаров середины века Вольтеру всерьез преподносится ряд анекдотических сведений о жизни особы, выдававшей себя за вдову царевича Алексея Петровича (умершую, как то отметил и Вольтер в своей «Истории Российской империи при Петре Великом», еще в 1718 году). Авантюристка эта не только представляла одну из граней сенсационного интереса к России в Париже в 1763 году, но и причинила некоторые заботы русскому двору, а для самого Вольтера оказалась вплетенной в крайне для него неудобный узел вопросов, связанных с казнью царевича.

Если, несмотря на розыски редакции «Литературного наследства», в 1930-х годах не удалось установить местонахождение крупного комплекса русской переписки Вольтера — большинства его писем к Екатерине II, то серьезные успехи в упорядочении советских архивохранилищ за истекшие десятилетия привели к тому, что в нынешнем году эти письма предстали перед нами в ЦГАДА в исключительной полноте. При этом обнаружилось, что по не всегда понятным соображениям часть из них была упущена или отброшена при издании П. П. Пекарским «Бумаг императрицы Екатерины»;⁵ в иных же из изданных документов этой переписки оказываются пропуски, подчас довольно значительные. Всего вновь учтено здесь 90 писем Вольтера к русской царице, в подавляющем большинстве — в копиях. Девять писем опубликованы теперь полностью, для большей части прочих приводятся текстологические уточнения (чаще всего — восстановление купюр).

Общий тон и содержание этой знаменитой с XVIII века переписки хорошо известны, и новые письма не заставляют пересмотреть установившуюся ее характеристику. Однако немало любопытных штрихов они все же добавляют.

Чрезвычайную свою озабоченность в успехах русского оружия в годы турецкой войны фернейский отшельник доводит до настойчивого навязывания своего изобретения — модернизированных боевых колесниц, которым «на равнинах Адрианополя» «по крайней мере в продолжение одной кампании» (т. е. благодаря эффекту неожиданности) суждено, по его мнению, «сослужить хорошую службу», обойдась притом «в сущую безделу». Хотя «Вольтер как изобретатель танков»⁶ послужил

⁵ В «Сб. РИО», тт. X (1872), XIII (1874), XVII (1876), XXIII (1878).

⁶ Rob. von Nostiz-Reinecke, Voltaire und die Tanks. «Stimmen der Zeit», 1918, 96, стр. 258—260; J. Cazes. Voltaire inventeur des tanks.

предметом специальных статей и эта его выдумка хорошо знакома его биографам, наиболее существенное ее описание лишь теперь увидело свет, доньше же составляло один из крупных пропусков в традиционном тексте письма от 26 февраля 1769 года.⁷

В других письмах Вольтер усердно рекомендует вниманию Екатерины II своих соотечественников или соседей, едущих искать счастья в России, заступает то за женеvских купцов, которым не возвращает долгов один петербургский дворянин, то за первого встречного ливонского авантюриста, затем спохватывается в своей опрометчивости, отрекается от собственных рекомендаций. Пропущенным прежним издателем оказалось также письмо, в котором (обычно подбитая философскими принципами и опущенная шуточно-фамильярным ворчанием на правах больного старца) лесь принимает переходящие границы иступленные формы. Вместе с вернувшимся из России «отлично сложенным» «юным полковником» (Монморанси-Лаваль), «пьяным от радости, что целовал ваши прекрасные руки», хозяин Ферне опустилсЯ, как перед иконой, на колени перед портретом царицы. Правда, Вольтер тут же обзывает всё это смехотворными вольностями и просит за них прощения, но не требуется быть Валишевским, чтобы допустить, что в момент восхвалений «одного из наших Монморанси — тех, что некогда брали в жены вдов наших французских королей», пылкое воображение Вольтера нарисовало ему перспективу выдвигения нового фаворита. Если письмо Екатерины II, датированное в «Сборнике ИРиО» (XXVII, стр. 46) «после 23 июля 1775», прежде считалось адресованным принцу де Линю, то теперь полностью подтверждается догадка Пекарского о том, что оно обращено к Вольтеру (датируется всё же, однако, «не ранее середины сентября 1775 г.»), — оно бесспорно является ответом именно на этот приступ фернейского зитузиазма, и его подчеркнуто спокойный тон явно восстанавливает дистанцию и переводит переписку в плоскость обычной вежливости.

В письме от 25 июля 1776 года зафиксирован момент, известный каждому русскому по пушкинскому «Посланию

«Mercure de France», 1920, 137, 1 mars, стр. 405—514; Le chariot de guerre de Voltaire. Intermédiaire des chercheurs et curieux, 86, 1923, стр. 433, 566, 993. Первые две статьи нам были недоступны.

⁷ Любопытно, что в этот же день, кроме этого длинного письма, Вольтер направил в Россию еще два больших письма — к А. Р. Воронцову и А. П. Сумарокову. В «Хронологическом обзоре писем Вольтера, хранящихся в советских собраниях, кроме библиотеки Вольтера» (Письма Вольтера, стр. 375 сл.) мы приводим для обоих этих писем текстологические уточнения.

к вельможе»: Ферне только что повторно посетил «один из самых любезных христиан сего полушария», «татарин, чей дед был язычник», — Н. Б. Юсупов. В том же письме (и в следующем, от 1 августа) Вольтер — словно со времени издания «Наказа» не утекло много воды и крови — пытается привлечь Екатерину II к поддержке конкурса на проект реформы германского уголовного законодательства и заверяет, что «Бернское общество» желает принятия законов Екатерины всем светом.

В том же собрании ЦГАДА нами взяты на учет три письма Вольтера к Д. М. Голицыну, подлинники же двух других, известных со времени Д. Ф. Кобеко,⁸ писем к Голицыну нам разыскать не удалось.

Но если обнаружение почти полного комплекта копий вольтеровских писем к Екатерине II подтверждает научное ожидание и выдвигает в свою очередь лишь вопрос о том, куда же попали (или когда и кем могли быть уничтожены) их подлинники, то обнаружение писем самой Екатерины II к Вольтеру явилось вдвойне неожиданным. Были веские основания сомневаться в том, удалось ли Гримму после смерти Вольтера выполнить поручение царицы и скупить (подчас ее компрометирующие перед другими государями) письма, направлявшиеся ею в Ферне; нелегко было в публикации Пекарского, а тем более в перепечатке Молана различать все особенности работы над черновиками. Теперь же перед нами предстали сотни писем Екатерины II как в черновиках (с частыми следами публикаторских купюр), так и в подлинниках, поступивших в архив иным путем, но несомненно, стало быть, все же скупленных во Франции и впервые сопоставимых с изданным их текстом. Не говоря уже о том, какое значение будет иметь для нового издания «Переписки Вольтера» восстановление подлинного текста такого важного звена этой переписки, подчеркнем, что специально для русской истории очная ставка черновиков с окончательными редакциями дает немало интересного, почему им и посвящен особый раздел во втором, ожидающем выхода в свет, выпуске наших «Новых текстов переписки Вольтера» («Письма к Вольтеру»).

Внимания заслуживают, наконец, два письма, вероятно входившие в состав собрания Н. П. Лихачева, но, несомненно, выявленные в Ленинградском отделении Института истории АН СССР лишь в недавнее время. Оба они написаны женевским выходцем Франсуа-Пьером Пикте, которого мы отнюдь не склонны вслед за его соотечественниками величать «секретарем

⁸ «Русский архив», 1885, кн. I, стр. 133—136.

императрицы». В связи с письмом к нему Вольтера от 12 марта 1762 года мы в свое время восстановили этапы довольно бурной биографии этого авантюриста и определили ту роль, которую ему привелось сыграть в завязывании непосредственной переписки между русской царицей и фернейским философом.⁹ Мы констатировали тогда, что до нас не дошло письмо Пикте к Вольтеру, на которое последний отвечал 12 марта (явно — довольно сдержанно), и что в этом письме о Петре III Пикте, несомненно, отзывался не столь пренебрежительно, как в своих позднейших сообщениях, информировавших Вольтера (а через него и европейскую печать) о «счастливой перемене» 1762 года. Недоставало и писем Пикте после 1762 года, которые позволили бы уточнить истинное положение женеваца в Петербурге и конкретизировать формы шедших через него сношений.

Теперь перед нами два новых письма, и, действительно, первое из них написано сразу после оглашения в Сенате указа о вольностях дворянства и полно восторгов по этому поводу самых неумеренных, а заодно и настойчивых домогательств воспевания Вольтером нового государя (воспел же он Генриха IV!) и дальнейшего покровительства автору со стороны Вольтера перед русскими вельможами. Письмо это воспроизведено в приложении к книге «Письма Вольтера», во второй же выпуск («Письма к Вольтеру») мы отнесли второе из вновь найденных писем Пикте, от августа 1763 года, не менее характерное. Корреспондент Вольтера — в зените своего благополучия, он купается в отблесках Вольтеровой славы, так как по милости Вольтера оказался при петербургском дворе тем каналом, по которому туда притекают новинки из Ферне; он философствует о тщете придворных интересов и с вежливейшей наглостью буквально заказывает Вольтеру новые знаки внимания, не исключая таких рукописей, которые не предназначены для печати; он рассуждает о торговом кризисе в результате политики Фридриха II и восхваляет финансовую прочность русских экспортеров. Письма эти пересыпаны русскими именами и безусловно ценны для восстановления ряда культурно-бытовых деталей.

Примером уточнений, в которых нуждаются письма, вошедшие в издание Молана, может служить письмо от «февраля 1757 г.», числящееся адресованным якобы М. Бестужеву-Рюмину. В Воронцовском собрании Ленинградского отделения

⁹ В. С. Люблинский. Письмо Вольтера к Пикте («Вольтер», статьи и материалы под ред. М. П. Алексева, Л., 1947, стр. 185—196); абзацы на стр. 186 должны следовать в таком порядке: 4, 1, 5, 2, 3, а обе сноски надо переставить.

Института истории АН СССР среди писем Ф. Д. Бехтеева к М. А. Воронцову сохранилась официально препровожденная копия этого письма, важного потому, что в нем Вольтер отвечал согласием на переданное ему через Ф. П. Веселовского приглашение написать «Историю Петра Великого». Во-первых, устанавливается точная дата (19 февраля), во-вторых, адресатом оказывается вовсе не Бестужев, а Ф. П. Веселовский, а в-третьих, письмо снабжено весьма существенной припиской, в которой Вольтер обосновывает свое намерение не писать жизнь Петра, неотделимую, по его мнению, от многих неприглядных обстоятельств, но писать историю России его времени. Исправный текст письма был уже опубликован в России за десяток лет до издания Молана, в III томе «Архива кн. Воронцова».

Имеются основания предполагать, что в порядке откликов на новые публикации с мест поступят дополнительные данные о вольтеровской переписке, ускользавшие донныне от учета и изучения.¹⁰

¹⁰ К моменту издания настоящей заметки необходимы следующие дополнения. К стр. 433: весной 1958 г. число томов издания Т. Бестермана дошло уже до 34; за последние два года в нем советские публикации внимательно учитываются. — К стр. 437: нами установлено, что подлинники писем Екатерины II к Вольтеру были поднесены в 1857 г. Александру II одной француженкой, г-жей Гобе.

Н. Н. РОЗОВ

**«ГИСТОРИЯ О КУПЦЕ», НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК
ПОСАДСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XVIII ВЕКА**

Публикуемый ниже памятник русской сатирической литературы XVIII века — «Гистория о купце» — до сих пор не привлекал внимания, хотя один из его списков находится в сборнике, давно и достаточно хорошо известном исследователям русской литературы XVII и XVIII веков.

Это — сборник середины XVIII века из основного собрания рукописных книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (шифр О.XVII.17), написанный одним почерком и целиком составленный из сатирических произведений. Местом составления сборника может быть признана, судя по припискам его владельцев и читателей, Сибирь, а его читательской средой — купечество и посадский люд.¹ Позднее сборник попал в Вологду, а потом в Петербург, где был куплен на толкучем рынке известным собирателем и публикатором памятников древнерусской письменности и фольклора И. П. Сахаровым, после которого поступил в Публичную библиотеку.

Сборник привлекался для публикации и исследования содержащихся в нем произведений русской сатирической литературы XVII века («Повесть о Ерше», «Шемякин суд», «Калязинская челобитная», «Птичий совет» и «Чины на море»), а также сатир М. В. Ломоносова («Гимн бороде», стихотворение «О страх! О ужас! Гром, ты дернул за штаны...», пародия на молитву «Отче наш») и возникших во время полемики вокруг «Гимна бороде» стихотворных и прозаических произведений, направленных против Ломоносова.²

«Гистория о купце» помещена в этом сборнике (лл. 116 об.—121 об.) после «Чинов на мори разным великим и малым птицам»,³ которыми закан-

¹ Эти приписки опубликованы мною в статье: «Об одном пародийно-сатирическом сборнике XVIII в.». Труды ОДРЛ, т. XIV, Л., 1958, стр. 481—485. Здесь же — перечень входящих в сборник произведений.

² М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., под ред. акад. М. П. Сухо-млиннова, т. 2, СПб., 1893; Ломоносовский сборник, СПб., 1911, и др.

³ Опубликовано по этой рукописи Х. М. Лопаревым (Памятники древней письменности, СХVI, ОЛДП, СПб., 1896, стр. 18—21), который

чивается цикл произведений русской сатиры XVII века. Композиционно «Гистория о купце» связана со следующими за ней «Авизиями», хотя, возможно, последние являются произведением самостоятельным.⁴ Эта композиционная связь дает основание опубликовать два названных произведения как одно целое, объединенное составителем данного сборника, почувствовавшим, очевидно, жанровую близость «Гистории о купце» и «Авизий» (общими для обоих этих произведений являются элементы шутства и скоморошества — жанров, ко времени составления этого сборника начавших уже отмирать).

Не случайно также помещение «Гистории о купце» и «Авизий» в этом сборнике между двумя циклами: сатирическими повестями XVII века и произведениями, возникшими вокруг «Гимна бороде». По своему содержанию и литературному оформлению оба эти произведения действительно занимают промежуточное место: от XVII века в них черты пародийно-сатирического жанра, от XVIII века — элементы содержания, отразившие новые явления русской жизни (картины быта Петербурга, и в том числе газетные новости).

Если публикуемый первый список «Гистории о купце» находится в сборнике, носящем отчетливые следы сознательного подбора материала, в котором она занимает определенное, соответствующее своему жанру и содержанию место, то второй список этого произведения обнаруживается в сборнике довольно случайного состава. Этот сборник, тоже хранящийся в ГПБ (Собр. Титова, 3543), не вошел еще так широко, как предыдущий, в научный оборот, и поэтому следует дать ему краткую характеристику.

Сборник был составлен из двух разнородных по оформлению и содержанию рукописей еще в первой половине XVIII века, о чем говорит приписка одного из его владельцев — «устюжанна Федора Димитриева сына Шергина» — на внутренней стороне крышки переплета, датированная 1748 годом.

Первая рукопись является отрывком «Апофегмат», написанным одним почерком — беглым полууставом начала XVIII века. Вторая (лл. 50—73), написанная скорописью нескольких, более поздних, почерков, в начале (л. 50) содержит отрывок тех же «Апофегмат», продолжающий изложение первой рукописи. Далее (лл. 52 об.—57 об.) любопытное и пространное рифмованное наставление учащимся, озаглавленное: «Сию дщицу, взяв в десницу, чти и помни», в конце которого отмечено: «Написася же и издадеся 7204 лета генваря дня»,⁵ и отрывок еще одного рассуждения (в прозе) на тему «корень учения горек, но плод его сладок» (л. 58 об.). После этого (лл. 59 об.—62) идут вирши о пользе чтения священного писания и молитв (начало: «Ничтоже светлейши солнечного сияния...»; конец:

считает, что это «памятник сводный из двух разного времени песен» — XVII и XVIII вв. (там же, стр. XXVIII—XXIX).

⁴ В качестве самостоятельного произведения рассматривает «Авизии» В. П. Адрианова-Перетц, опубликовавшая их по этой рукописи и по рукописи собрания Мазурина, откуда взято название публикации — «Куранты»; в Мазуринском списке «Гистория о купце» отсутствует. (В. П. Адрианова-Перетц. «Юмористические куранты» (Ученые записки Государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 67, л., 1948, стр. 48—49).

⁵ Ссылка эта, очевидно, ошибочна: в соответствующих источниках зарегистрировано лишь одно издание 1696 года учебного характера — букварь Карiona Истомина, составленный и изданный для обучения царевича Алексея Петровича; однако ничего похожего ни на это, ни на последующее в нем нет.

«... иже показаша нам путь к лучшему упованию»), отрывки еще двух вирш и ряд двустиший на аналогичную тему и, наконец, непосредственно перед «Историей о купце», любовное стихотворение, озаглавленное «Лямент, или плач» (начало: «Что бедной сердцем тако смучюся...»; конец: «... любви желаю, ты поздравляю»).

После «Истории о купце» (лл. 66 об.—68) помещены известная «Похвала евоному Герасиму» Феофана Прокоповича за ней — «кратчайшие выписки» из «Географии генеральной» и из календаря 1726 года «О планетах» (оба эти источника указаны в рукописи).⁶

«История о купце», названная в этом списке просто «Историей», написана двумя почерками первой половины XVIII века. Одним из них — крупным, размашистым — написана ее первая часть и большинство «Авизий», другим — мелким, писарским — все остальное. Текст «Истории» несколько отличается от предыдущего списка: он немного короче, местами иначе изложен; в «Авизиях» иное расположение, иные заголовки.

Разночтения между двумя списками «Истории о купце» и имеющиеся между ними взаимные исправления дают основание опубликовать поодиночке, один за другим (с введением пунктуации и заменой не существующих в современном алфавите букв) оба списка этого небольшого произведения, имеющего несомненный историко-литературный и бытовой интерес.⁷

ГИСТОРИЯ О КУПЦЕ

(По списку О.XVII.17)

Лета господня 1735 году случися в царствующем богом спасаемом граде в Санктпитебурхе было из Сибирской страны от города Тоболска некоему мещанину, называемому честью быв-

⁶ На первом (чистом) листе сборника рукой А. А. Титова написано: «Куплена в Ростове у св: о-г-ла <священника отца Гавриила? — Н. Р.> 1889 г. июня 27 за 5 р.»; на обороте — его же рукой — утверждение о принадлежности первой части этой рукописи библиотеке Дмитрия Ростовского (о том же приписка Титова на полях 2-го листа). На остальных чистых листах — многочисленные выписки и приписки (все почерками второй половины XVIII века). Среди них выписка о невинно оклеветанных как соучастниках разбойников двух «великих боярах» во времена царя Алексея Михайловича (л. 60 об.). Любопытна также вставка в текст одного из нравоучительных стихотворений (л. 62):

Бога не люби, отца ненавидь, буди горд,
Чти аггелов, люби неправду, свят не буди,
Всегда пьянствуй,
Трезвися никогда.

Это — образец так называемого «кармен антитетикум», при чтении которого в обычном порядке получается отрицательная сентенция, а при чтении последовательно слова из верхнего и затем нижнего стиха — положительная.

⁷ «Авизии» наводят на мысль о том, что они могли быть известны Н. И. Новикову и могли послужить ему образцом для сатирических «Ведомостей» в «Трутне». Об «авизиях» см. также: П. Н. Берков, Русско-польские литературные связи в XVIII веке. М., 1958, стр. 32. — *Прим. Ред.*

шаго президента господина гостинной сотни купца. Муж оной, летами преисполнен, сединою главы своей изукрашен и сладкоречив. Его же пребывание всякому любопытному читателю, желающему знати, объявляетца в следующем повествовании.

1

Для упоминаемого доволнолетия своего, оной старшина не могущи снести вхождения ногама своима за превеликим того града расстоянием имущаго в себе во всех улицах и вертоградех каменные мосты и для произнесенной похвалы и чести своей, устроил себе нарочную и зело убранную колесницу ис плодов древесных ветвий и огородных листвий, закладывая в ней в простыя дни по два, а в воскресные и в праздничныя времена — по четыре голубя и тако разъезжая на них в подлежащия заблаговременныя места. А для перевозов на реках уготова себе изрядное судно, зделанное ис песка: машты ж его бяху построены из воздуха, вымпал — из земли, а фок и грот, то есть парус, — из облак. И тако оными колесницами и судном удивляя многия люди, от котораго разглашения получил и наивящая о имени и чести своей разглагольствие.

2

Непрестанно разглашая о себе знающим его обретающимся во оныя времена тояж страны обывателем, якобы ему придает случай всегда призываем быти в разныя знатнейшия дома — иногда для кушания, овогдаж для увеселения и добраго его и весма здраваго во всяких случаях многосладкаго разсуждения, как уже оныя и посланы и известовано, что одного дни, котораго он о себе объявил, оное призвание. Ис чего желающим ведать подлинно усмотрено, что он вместо таковаго знатнаго дому имел кушать за свои денги во одном месте, называемом по обыкновению тамошнему трактиром.

3

Оной же старшина, зазвав к себе на обед многия люди и между прочим некоторым объявил, что имеет к нему присланная чрез приятелей писма. Иныя же звавших обождать того часа по предизвестию ево грядуще с великою охотою. И как пришедше к нему, тогда принял их с честью и разговаривая не мал час. И не сказав им вышел ис тоя избы, пошел в обмывальницу и мешкая тамо много. И научив одного из слуг хо-

зяина своего, у котораго имел покоище в дому его, сказати призванным, якобы он прислан по него от некоего знатнаго человека. Научены же он пришед в тое избу, где упоминаемая гости ожидают старшину того, спросил его. Той же им объявил, что он прислан за ним от той вышереченныя персоны. Гости же, видех над собою зело почесть изрядну, разыдошася киждо восвосяи.

4

Наутриез дни того видевся с ними, оговариваясь учтиво и объявляя, что оное учинилось ему нечаянно, и нача поведати им, якобы он ездил тогда с вышепомянутым знатным человеком в предзнатнейшее место, где учинилось видить збывшуюся тамо комедию, которой того дни тамо не бывало. И оный плешивой лжехвастун был в то время в дому квартиры своей и никуды не выезжал, об чем от многих желающих видеть о том изследовано подлинно.

5

И многия от него, плешиваго старшины, во оныя времена происходили разныя неправедныя под видом добродетели вредительные поступки, которыя иных уловляя и приводя к немалому убытку и раззорению, о чем подлинно описать и пространнее гистории предати за краткостию времени перо мое не может. Но предъявльше оное скончания, показующе одним последним пунктом.

6

Имел оной старшина друзей таковых же подобных себе иноземцов и чрез их получал себе разные авизии, ис которых желающим многим людем продавал по 2 и 4 копейки каждую, с которых при сем прилагается список от слова до слова.

Авизии ис Копенгагена

Копенгагенская круглая башня на сих днях пойдет замуж. И будут на банкете из Ганбурха 367 печей в немецких епанчах. Да в церемонии маршалом ис Парижа трунфальныя ворота с вынпалом, 12 пажей картаулных, пушек 40, быков трубачей 12, бастионов с щитами один, политавщик шесть сажень каменьев.

Из Неаполя

Ратуша ходит без галстука в немецком кафтане и без штанов, а магистрат сидит на печи, чрез реку обувает сапоги.

Из Менкленбургия

Баул застрелил в лесе леща шириною в два пуда, да изловил на дереве рака в три аршина и обучает на бандоре играть.

Оттудуж

Близ острова Курляндии дорогу своротили и пугвицы наши франсуским манером до подолу.

Из Лондона

Маркитаны убили корову и нашли в ней два голиота и два бота, на которых сидят люди все живы, а товары их погнили. И как сказывают, что они ехали из Гданцыха под Азов.

Из Мандрита

Город Кадикс выконопатили и вывели на море. Стоят на якирях и дожидаются способных ветров итти в Галандию.

Из Венеции

Дамы все поехали на море в коретах дугами с острогами и в шпорах журавлей ловить. И будут ездить до масленицы, а когда погода займет, там и заговееютца.

Из Ростокa

У единого мещанина в ранжереях 74 кувшина розцвели и стручки поспели, в которых находитьца довольно стерледей живых. В том же ранжереи колодец и в нем трактирной дом с великим убором и с цветами.

Из Трептов

Пребывают все в добром состоянии, токмо погодою с моря у многих головы сломило и от великаго штурма повредило желutki. И от того хлеб дорог.

Из Голандии

Рыбаки много наловили огурцов и солят в патоке, пересыпают известию. А цытроны из вещей еще не вынимают. Там же репу варят и прядут. И намерены из нее делать сукна. Да и с рыбы шерсть стригут и для того на море строитьца новая шляпная фабрика.

Ис Цесарии

Венскую гавань перевезли сухим путем на фурманах в Ранде-бурх и чтоб торговые купцы с кораблями там приставали.

Из Лейбцыхи

От Вязии острова много вылетело осетров и на ратуше гнезда повили и высидели куликов. Шесть на куликах свинья, а величиной з барана, а голос дикого гуся.

Из Францьи

Выбрали из лебедей 40 кораблей в драбанты. Обучают их на шахматах ездить.

Ис Персии

В приморских местах много бегают щук сажен по восьми. Повреждают их тюлени. И протчая мелкая рыба, от стрелбы которая происходит, от ловцов вся пропала.

Конец

ИСТОРИЯ

(По списку Тит. 3543)

Лета господня 1736 году случися в богоспасаемом граде Санктпитебурге быти из Сибирския страны от града Тобольска некоему мещенину называющемуся, честию бывшего президента гостиной сотни купцу.

Муж оный, летами преисполнен, сединами плешивыя главы своей изукрашен и сладкоречив. Его же тамо пребывание всякому любопытному читателю объявляется в нижеследующем повествовании.

1

Оный старшина, для упоминаемого доволнолетия своего и за превеликими того града разстоянием в улицах и вертоградах каменные мосты, для труднаго хождения ногами своими и для превознесенной чести своея, повелел уготова себе изрядную и зело избранную колесницу от плодов древесных ветвий и огородных листов и закладывал под нее в простыя дни по 2, а в воскресныя и в праздничныя дни по 4 голубя. А для перевозов на реках построил себе изрядное судно ис песку; машты же его песку и воздуха, вымпал из земли, а фок и грот, то есть паруса, — из облаков. И тако, оными колесницею и судном разъезжал и удивляя многия люди.

2

Оный же старшина объявлял о себе знающим его тоя страны обывателем, якобы завсегда такой случай его бывает для увеселения. А ныне все по ево мнению творится.

3

Оный же старшина в некое время зазва к себе многия люди на обед. Званныя же люди обедать в тот час снисдошася к нему, которых он и принял с честью и разговаривая с ними не мал час. Потом вышел ис тоя горницы и пошел в обмывальницу, идеже пребывание имел долгое время. И призвав единого из слуг хозяина...⁸ где имел покой в дому квартиры своая, дабы он шел в оную горницу, идеже упомяненныя гости сядят, и сказал, якоб он пришел по него от одного знатнаго человека. Званныя же гости, видев над собою збывшееся почтение, и некогда обождать старшину, разыдошася.

4

На утрий же день оный старшина, свидевся с ними и оговариваяся учтиво, якобы ему тогда вышереченное от одного знатнаго человека учинилось нечаянно, у которого в доме его случилось видеть збывшуюся комедию, которой того дня и не было.

5

Оный старшина имел у себя друзей подобных себе иноземцов, чрез которых получал иностранныя разныя авизии, с которых списывая продавал людем по 2 и по 3 и по 4 копейки...⁸ рых за краткостию времени истории описать перо мое не может; токмо покажу еще единым последним пунктом.

6

А каковы оныя авизии, откуда получаемя, таковым преобщается реестр.

Ис Компемгагена

Копемгагенская круглая башня на сих днях пойдет замуж. И будет нападение 367 печей в немецких епанчах, да ис Парижа

⁸ В рукописи в этих местах оторван угол.

триумфальные ворота с вымполом, 40 быков трубачей, 6 бестионов с щитами, 12 кардаунных пушек и один политаврщик каменной 6 сажень.

Из Неаполя

Ратуша ходит без галстуков в немецком платье и без штанов. А магистрат сидит на печи и через реку обувают сапоги.

Из Магистрата

Рыбаки много наловили огурцов и солят в патоке и пересыпают известью. А лимоны из вещей еще не вынимали. Также рёпу возят и прядут и намеренье им из нее ткать сукна. Да из рыбы шерсть стригут. И для того на море строится новая шляпная фабрика.

Из Венеции

Дамы выехали на море в коретах цуками с острогами и в шорах журавлей ловить. И будут ездить до масленицы. А как погода займет, так и заговеютца.

Из Мекленбурги

Великую гавань перевезли сухим путем на фурманах в Цесарию. И сказывают, что торговые купцы там приставали.

Из Курляндии

Осетры на ратуше гнезда свили и высидели куликов. А на куликах шерсть свиная, величиной з барана, а голос дикого гуся.

Из Лондона

Бобр застрелил в лесе лешака шириною в два пуда, да изловил на древе рака в 3 аршина.

Из Персии

Марикитаны убили корову и нашли в ней галиота да 2 бота, на которых люди все живы, а товары погнили. И сказывают, что они шли из Дадвича под Азов.

Из Гашебурха

Все пребывают в добром здравии, токмо на погоду смотря у многих головы сломило и от великого штурма повредило желутки. И от того хлеб стал дорог.

Т. А. БЫКОВА

К ИСТОРИИ РУССКОГО ТОНИЧЕСКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ

(Неизвестное произведение И. Г. Спарвенфельда)

В Университетской библиотеке г. Упсала (Швеция) хранится редчайший экземпляр «Плачевной речи» И. Г. Спарвенфельда, представляющей нечто вроде надгробного слова шведскому королю Карлу XI (умершему 5 апреля 1697 года), произнесенного на русском языке, но напечатанного латиницей. Прекрасная фотокопия этого издания, известного всего в двух экземплярах подарена Упсальской университетской библиотекой Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Иоганн Габриэль Спарвенфельд (1656—1727) — шведский государственный деятель и замечательный лингвист, трехсотлетие со дня рождения которого исполнилось недавно, интересовался славянскими языками и довольно основательно знал русский.

С 1684 по 1687 год он в качестве шведского посла жил в Москве, где, вероятно, и овладел русским языком. Из Москвы он вывез ряд изданий кирилловской печати, ныне хранящихся в Упсальской университетской библиотеке. Там же находится и рукописное наследие Спарвенфельда, среди которого имеются четыре славяно-латинских и один латино-русский словарь. В самом начале XVIII века в Швеции предполагалось печатание одного из этих словарей, и шведский генеральный суперинтендент в Ливонии Николай Бергиус вел переговоры о покупке для этой цели шрифта И. Ф. Копиевского. К этому времени шрифт основанной в 1625 году в Стокгольме славянской типографии был продан в Амстердам. Сделка с Копиевским не состоялась, возможно, что этому помешала Северная война.

«Плачевная речь», судя по заглавному листу, была произнесена Спарвенфельдом не на погребении короля Карла XI, а спустя полгода — в годовщину его рождения, 24 ноября.

Может вызвать недоумение, зачем понадобилось Спарвенфельду произнести, а затем и напечатать речь на русском языке, которую едва ли могли понимать его шведские слушатели и читатели. Ведь не для того, чтобы обнаружить только свое знание русского языка, предпринял он трудное дело сочинения «Плачевной речи»?

Речь эта, официально адресованная к умершему Карлу XI, на самом деле обращена к довольно многочисленному населению побережья Балтийского моря, отошедшего после Столбовского мира 1618 года от России к Швеции. О русских жителях Нарвы рассказывал в середине XVII века

голландский посол Адам Олеарий в своем «Подробном описании путешествия в Москву и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг.»¹ Основное русское население было сосредоточено на правом берегу Наровы, в Ивангороде, расположенном против Нарвы и иногда в документах называвшемся Нарвским форштадтом. Это русское население занимало в политической жизни Швеции заметное место. Эрнст Глюк, который до переезда в 1703 году в Москву был пастором в Мариенбурге, счит нужным перевести для нужд русского населения Лифляндии Библию на русский язык. Перевод погиб во время военных действий 1702 года.² Карл XI и его предшественники издали ряд грамот и указов, касавшихся русского населения, жившего в Ивангороде, причем некоторые указы Карла XI ограничивали права русского, особенно православного, населения.³ Это, может быть, было одной из причин печатания речи Спарвенфельда, которая должна была показать русским подданным в Швеции достоинства умершего короля.

В надгробной речи Спарвенфельд касается многих достижений царствования Карла XI — мир с Данией, отказ польского короля от притязаний на шведский престол, ослабление значения дворян и уменьшение зависимости от них крестьян. Результатом редукции (отнятия имений у дворян в казну) было обогащение государства, благосостояние населения было также поднято развитием морской и сухопутной торговли. Духовенство было подчинено государству, в народе распространялось учение о божественном происхождении королевской власти.

Интересны примененные Спарвенфельдом принципы транскрипции латиницей некоторых русских букв. Для лингвистов эта транскрипция представляет несомненный интерес как попытка научной записи русского произношения конца XVII века:

ae = я	ss = c
e = e и ять	ts = ц
gh = г	vv = в
je = ять	z = з и ж
s = c	

Издание «Плачевной речи» напечатано без имени автора на заглавном листе. Однако в последней строке «Плачевной речи» Спарвенфельд укрыв свою криптограмму: в этой строке — «Истинным Горкого Сердца Фиником» первые буквы, представляющие инициалы автора, награны особенно крупным шрифтом, в отличие от всего прочего текста, напечатанного сплошь прописными буквами.

Книга состоит из заглавного листа, шести страниц речи и последней, восьмой страницы, на которой помещены стихи, начинающиеся крупным гравированным «I»; в конце речи и стихотворения помещены наборные украшения.

Приводим заглавный лист в русской транскрипции: «Плачевная речь на погребение того прежде сего вельможнейшаго и высокорожденнаго князя и государя, государя Каролуса одиннацетого свидских, готских и вандалских (и прочая) короля, славнаго, благоговеннаго, и милостиваго нашего

¹ A. Olearius. Offt beehrte Beschreibung der newen orientalischen Reisen... Schleswig, 1647.

² E. Winter. Halle als Ausgangspunkt der Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953, стр. 167.

³ Д. С. Лихачев. Плач о реке Нарове 1665 г. Труды ОДРА, VI. Л.—М., 1948, стр. 333—338.

государя,⁴ ныне же у бога спасенного. Когда его королевского величества от души оставленное тело, с подобающею королевскою честью, и сердечным всих подданных рыданием бысть погребенно. В Стокхолме двадцетчетвертаго новемврия лета от воплощения бога слова 1697».

«Безначалнаго бога наместнику», «воистину славному» государю Карлу XI, меч которого принес благолепие победы и мироупокоение, «от всех нас горко оплаченному», тому, кто при своей жизни не вызывал слез, «поставляем также дар сей... слезами усердными... от народа славяно-⁵россыского подданные люди и верные раби», — так обосновывает свое выступление Спарвенфельд. Король «церковных чинов единость укрепити и в далных ижерских и самоедских порубежных сопределех трудно подвизати, также и расширити восхоташе». О короле «слези разливае вся северная страна скандийская», «достойная воздают рыдания возлюбленнейшему государю», «любовь далеко от себе и из персей своих изкидавшему». Любовь эта была взаимна, все подданные «возвратительно» любят «отечества отца». Касаясь отношению к королю жителей Иварорада, Спарвенфельд уверяет: «любовь любовию воздающая Ругодивска слобода» (старое русское название Нарвы — Ругодив). Король ненавидел «преступления аки казни», покаяние предпочитал мукам, но «не бысть без суровости и царския остроты», он «законов святую правду оборонити обыкновен быст», отсюда пошло добровольное послушание народа.

Ласковым, смиренномудрым разговором с «меншими» (нижестоящими) Карл XI поднимал их до себя, не умаляя этим своего величества. Своим смирением «благоречивый бога наместник» принудил «варварские отложивше нравы неразумный некогда и скрежещии савроматскы народ» (Польшу) жалеть о преждевременной смерти короля. «Караболо-плаванием, и куплдействия подвижением свидское свое государство, с прочими частми света тако совокупи», привлечением американского золота и серебра, азиатских и африканских шелков и прочих сокровищ король уравнивал с ними обделенную природой «землю свио-готскую», т. е. Швецию. Его оплакивают не только «домашние», но и иноземцы, среди них приезжавшие череа Московское государство персидские и армянские («кизилбашко-армянские») купцы. Король воскресил истинную верность «вселенскую и посполитую» нижних людей, а не «дворянских кошуников сладкоглаголущих языков».

Спарвенфельд многословно превозносит добродетели Карла XI, почтившего свою совесть яко «богину», его мужество в бранях, верность слову, смиренномудрие, чистоту добродетели. Он призывает оплакивать смерть короля, «веде звенащую славу», которого «последняя Туле <вероятно, Исландия, — Т. Б.> слышавша». В погребении короля, — утверждает Спарвенфельд, — принимает участие вся вселенная: «Земля даждь гробний холм, реки проливают слезни, Перун запалает светила, воздух здыхает благоуханна, свезды одеваются чернотиу».

В конце речи Спарвенфельд дает поучение всем властителям: «Да будут разумнии самодерждци, бдащии короли и вси всегда к смерти готови... родися воеже вековечно жити. Проживе воеже праведно царствовати, царствова же воеже спасенно умрети. Умре воеже вечную честь и спасение достигнути».

Конец речи обращен к новому королю Карлу XII: «Яко из сих драгих королевских пепелей воскресе нам, и останется феникс некий... толикаго отца толь великий сын благочестивый, благомудрый, благоразумней и благодатию возрастаемый самодержавний наш началодержец божию вседержи-

⁴ В подлиннике «госудая».

⁵ В подлиннике «савяно».

тельною милостию⁶ пресветлейший и державнейший князь и государь Каролус двенадесятый».

Стихи, присоединенные к «Плачевной речи», снова превозносят скончавшегося короля и в то же время призывают прекратить плач, так как раны сердца исцеляются новым королем Карлом XII.

Приводим стихи полностью, в русской транскрипции:

Имже восточное солнце сияет
 Славяне слышите что возвещает
 Глас оплачлив из северных страны
 Яко король преставися избранный
 Горе нам сведским яко согрешихом
 И непослушныи⁷ богами быхом
 Паде венец добродетелей, слави,
 Им же венчанная быша нам главы
 Где иному королю тыи цвети?
 В души единной могли ли поспети?
 Бе с'благочестием⁸ связана крепость?
 С'великодушием, бдение кротость
 Со воздержанием чистота, милость
 И с'люботрудием правда, премудрость.
 Все сих величество все совершенно
 Бяше велику Каролу собственно
 Ныне в'селенней неправда владеет
 И христианска любовь оскудеет⁹
 Для того мирскии¹⁰ цари рыдайте
 Миротворителя мира плакайте
 Иже державу в'воине принимаше¹¹
 И во преславном мире же скончаше
 Вы также мир и покой возлюбите
 Миропогубники вси разорите
 Цела Европа слезы проливает
 Мир без Каролуса кто ей подает?
 Кто свигогским будет утешитель
 Умре бо храбрыи враг победитель
 От его руки враги побегоша
 И противитися не возмогоша.
 Друзи не плакайте як исцелися
 Нашего сердца рана. И явися

⁶ В подлиннике «милыйтию».

⁷ В подлиннике «непослушныи».

⁸ В подлиннике «с'багочестием».

⁹ В подлиннике «окудеет».

¹⁰ В подлиннике «мирскии».

¹¹ В подлиннике «псинимаше».

С корене славнаго цвет неразтленный
 Нравов же оческих образ с'вершенный
 Карол дванадцетой во младих¹² летех
 Мужество казует давнож. От детех
 Есть разлучимыи разумом телом
 Великодушием славою делом¹³
 Всех добродетелей оческ, ревнитель
 И неравнителен бедным кормитель
 Дай боже Каролу долго пожити
 Единодушно ему нам служити.

Это — третье известное нам стихотворение Спарвенфельда на русском языке. На два других указывает П. Н. Берков.¹⁴ Одно из них, написанное по-русски, сохранилось в рукописи, факсимильное воспроизведение которой приводит А. Йенсен;¹⁵ текст его напечатан Н. М. Петровским.¹⁶ Текст второго стихотворения параллельно на русском и латинском языках был напечатан латиницей Николаем Бергиусом;¹⁷ в русской транскрипции, с сохранением проставленных Спарвенфельдом ударений, он приведен в упомянутой статье П. Н. Беркова.

Интересно, что среди стихов «Речи» 23 написаны чистым четырехстопным дактилем, а в 19 стихах тонический размер Спарвенфельду не дался и их приходится считать одиннадцатисложными силлабическими строками. Из прежде опубликованных стихотворений Спарвенфельда первое чисто силлабическое, второе уже строго тоническое. Очевидно, стихи при «Плачевной речи» являлись одним из первых, не вполне удачных опытов шведского слависта-дипломата в тоническом стихосложении.

«Плачевная речь» дает новый материал для истории русско-шведских отношений; этот новый документ показывает интерес, проявившийся в то время к России, и в частности интерес иностранцев к русской поэзии. Напечатанная латиницей речь Спарвенфельда содержит материал также для филолога и языковеда и, несомненно, привлечет (пусть даже только в фотокопии) внимание советских исследователей.

¹² В подлиннике «младэх».

¹³ В подлиннике «деелом».

¹⁴ П. Н. Берков. Из истории русской поэзии первой трети XVIII века. Сб. «XVIII век», вып. I, М.—Л., 1935, стр. 61—81.

¹⁵ A. Jensen. Die Anfänge der schwedischen Slavistik. Archiv für slavische Philologie, Bd. 33, Berlin, 1911, стр. 136—165.

¹⁶ Н. М. Петровский. *Analecta metrica*. «Русский филологический вестник», т. XXI, Варшава, 1914, стр. 536.

¹⁷ N. Bergius. *Exercitatio historico-theologica de statu ecclesiae et religionis Moscoviticae*. Holmiae, 1704.

М. М. ГУРЕВИЧ

НЕИЗВЕСТНЫЙ НОМЕР «ВЕДОМОСТЕЙ» ЗА 1709 ГОД

Интерес к истории отечественной культуры усилил в послевоенное время работу крупнейших библиотек страны по выявлению, изучению и описанию отчасти забытых, отчасти и вовсе неизвестных изданий, хранящихся в наших богатейших книгохранилищах.

В связи с этим Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Библиотека Академии наук СССР предприняли совместно библиографический труд — описание изданий, напечатанных при Петре I. Первая часть этого труда — «Описание изданий гражданской печати 1708—январь 1725» — вышла в свет в конце 1955 года. В нем впервые учтены 34 ранее неизвестные книги и 48 указов.

В настоящее время вышла в свет следующая часть названного труда — «Описание изданий, напечатанных кириллицей 1869 — январь 1725». При работе над изданиями кирилловской печати также обнаружены ранее совершенно неизвестные материалы, среди которых привлекает внимание № 13 петровских «Ведомостей» за июль 1709 года. Вышедший в свет в связи с победой под Полтавой, этот номер первой русской газеты представляет список пленных, разделенный на «регименты» шведской армии, в каждом «регименте» приведены фамилии лиц из командного состава, взятых в плен. Фамилии пленных расположены по старшинству офицерских чинов от полковника до прапорщика. В начале списка — перечисление пленных высших чинов и генералов, среди которых такие имена, как генерал-фельдмаршал и тайный советник граф Реншельт, «полный генерал» граф Левенгопт (Левенгаупт), министр, тайный королевский советник Пипер, генералы Шлиппенбах, Штакельберг, Розен и многие другие.

Еновь обнаруженный «Список шведским генералом и штап и обер афидером, которые взяты из генеральной баталии под Полтавою и при Переволочной у Днепра в полон от войска шведского» издан в формате петровских «Ведомостей» и на нем проставлен № 13. Он дает, как мы видим, в систематизированном порядке и наиболее полные сведения о взятых русскими в плен офицерах всех рангов шведской армии. К сожалению, этот экземпляр полностью не сохранился — он обрывается на 8-м листе.

В более ранних сообщениях («Ведомости» №№ 11, 12) эти сведения излагаются сокращеннее, что объясняется тем, что после разгрома шведской армии (в Полтавском сражении) подсчет огромного количества пленных требовал времени.

В самом деле, в № 11 «Ведомостей» от 2 июня 1709 года читаем: «. генерал-фельдмаршал господин Реншилт, купно с четверми генералы,

а именно Шлиппенбахом, Штакельберхом, Гамольстоном и Розеном. Тако же первый министр граф Пипер с секретарми Емерлином и Цидергермом в полон взяты, при которых несколько тысяч офицеров и рядовых взято, о чем подробну вскоре писать будем (а ныне за скоростию невозможно)».

В следующем № 12 газеты публикуется «Реестр шведскому войску... яко воинския полоняники здались при Переволочне, июня в 30 день, нынешняго 1709 году». В «Реестре» указаны полки, перечисление чинов дано отдельно от полковника до майора, прочие указываются суммарно. Первыми в Реестре помещены генералы Левенгоупт, Крейц, Круз, два брата графы Дуглеса и граф Бонды. Все сведения, данные в перечисленных номерах «Ведомостей», в несколько ином порядке и со значительно сокращенным перечнем фамилий приведены в «Журнале» Петра Великого.¹

Это издание не было до сего времени учтено ни в одном из библиографических справочников, перечисляющих издания Петровского времени (П. П. Пекарский, В. М. Ундольский и пр.); его также нет и в специальном труде, посвященном двухсотлетию первой русской газеты «Ведомости».² Если учесть также показания Архива Московской синодальной типографии за 1709 год о том, что последним номером газеты за этот год является № 12,³ то не подлежит никакому сомнению, что достоянием исследователей стало еще одно до того неизвестное издание Петровского времени.

¹ Журнал, или поденная записка... Петра Великого с 1698 года... до заключения Нейштадского мира... т. I, СПб., 1770, стр. 218—236.

² «Ведомости времени Петра Великого», вып. 2, М., 1906.

³ Там же, стр. 80.

З И ГЕРШКОВИЧ

К БИОГРАФИИ А. Д. КАНТЕМИРА

В 1731 году Антиох Кантемир получил назначение на дипломагический пост резидента в Англии. Этот факт по-разному истолковывался дореволюционными историками и литературоведами. Одни видели в нем проявление милости Анны Иоанновны к молодому Кантемиру, столь активно и решительно содействовавшему восстановлению ее самодержавной власти в начале 1730 года. Другие, напротив, расценивали это назначение как благовидный предлог для удаления из России сатирика, творчество которого в немалой степени досаждало «сильным глупцам». В советское время последняя точка зрения решительно возобладала и стала общепринятой. Она, безусловно, справедлива, но, как это ни странно, до сих пор не обоснована фактическими доказательствами и существует на правах более или менее вероятной гипотезы.

Между тем имеются факты, позволяющие решить этот вопрос с полной определенностью. К их числу в первую очередь следует отнести очень важное свидетельство Гуаско — друга и биографа Кантемира. По сообщению Гуаско,¹ идея удаления Кантемира из России родилась в среде придворных противившихся усилению влияния Кантемира при дворе Анны Иоанновны. Их встревожило, в частности, решение Анны Иоанновны наградить Антиоха, его двух братьев и сестру деревнями. В этом они видели начало благосклонного отношения императрицы к молодому Кантемиру, уже проявившему свои выдающиеся политические качества в событиях начала 1730 года.

В стремлении удалить молодого сатирика из России сошлись, с одной стороны, князь Дмитрий Голицын и ряд других придворных, а с другой стороны — всевластный временщик Бирон. Если Голицыным руководили

¹ Ввиду важности этого сообщения приводим его в оригинале: «Ce commencement de faveur effraya les Courtisans, et sur-tout le Prince Gallitzin, Beau-Pere de Constantin, Frère aîné d'Antiochus, qui craignoit que celui-ci n'employât son credit pour revendiquer les Terres, qui avoient été injustement élevées. On persuada a l'Imperatrice de l'envoyer dans quelque Cour estrangere en qualite de Ministre. Cette Princesse, qui ne cherchoit que des occasions de le recompenser, crut qu'on lui faisoit cette proposition de bonne foi. Mais l'extrême jeunesse du Prince Cantemir, tenoit un peu sa resolution en suspens. Le Comte Biren, appelé autrement Biron, Duc de Courlande, qu'elle honoroit depuis longtemps de ses bontes, et qui etoit Tout-Puissant a la Cour, acheva de determiner l'Impératrice „Que l'age du Prince Cantemir ne vous fasse point de peine, lui dit-il, je le connois, et je reponds de sa capacité.” (Satyres de monsieur le prince Cantemir A Londres Chez Jean Nourse, 1749, стр 56—58)

вполне ясные корыстные побуждения (боязнь пересмотра дела о наследстве молдавского господаря, несправедливо решенного Верховным тайным советом под давлением Голицына в пользу его зятя Константина Кантемира), то Бироном руководили другие мотивы, родственные тем, которые вызвали с его стороны гонения на В. Н. Татищева: стремление удалить самостоятельных и способных русских деятелей, чтобы обеспечить полную свободу действия для «немецкой партии», состоявшей из невежественных проходимцев и авантюристов.

Учитывая роль, сыгранную Кантемиром при воцарении Анны Иоанновны, его враги вынуждены были действовать крайне осторожно и скрывать свои истинные намерения под видом стремления к пользе Кантемира. С этой целью был выработан план удалить из России Кантемира под предлогом назначения его на высокий дипломатический пост. Однако молодость Кантемира, едва достигшего тогда 22 лет,² служила весьма значительным препятствием для осуществления этого, ибо в дипломатической практике того времени назначение на пост резидента (да еще в Англию!) в таком возрасте было явлением совершенно беспрецедентным.

Настойчивость и уловки, употребленные для преодоления этого препятствия, меньше всего свидетельствуют о проявлении «заботы» о карьере Кантемира. Они лишь подчеркивают лицемерный характер действий его недоброжелателей. Из сообщения Гуаско видно, что Бирон, восхваляя достоинства Кантемира перед императрицей, смущавшейся возрастом кандидата, имел заднюю мысль преодолеть ее колебания и добиться удаления сатирика из России под почетным предлогом.

Лицемерный характер похвал, расточаемых правящей верхушкой двора достоинствам Кантемира, особенно явно вырисовывается из следующего документа, не использованного еще в биографической литературе о Кантемире. Мы имеем в виду одно из писем английского резидента Рондо своему двору о содержании беседы между Рондо и И. А. Остерманом по поводу назначения Кантемира в Англию.

В этом письме (от 15/26 ноября 1731 года) Рондо писал: «Князь Молдавский (Валахский), назначенный в Англию, обедал у меня несколько дней тому назад с графом Остерманом и еще несколькими знатными особами здешнего двора. Князь кажется очень молодым, но он человек здравомыслящий, говорит по-французски и на нескольких других языках. На мое замечание по поводу его молодых лет граф Остерман отвечал, что ему двадцать в о с е м ь л е т, что он человек весьма достойный, а что касается его возраста, то это не имеет значения для ведения дел между двумя дворами, так как он <т. е. Остерман, — Э. Г.> и я сможем их вести здесь».³

Из этого письма видно, во-первых, что Остерман, ведавший тогда иностранными делами, преувеличил возраст Кантемира (указав 28 лет), во-вто-

² Мы считаем датой рождения Кантемира, согласно его собственным свидетельствам, 10 сентября 1709 года (А. Д. Кантемир, Сочинения, т. I, СПб., 1867, стр. 159). Вопрос о назначении Кантемира решался осенью 1731 года.

³ «The prince of Valachia, who is named to go to England, dined with me some days ago with count Osterman and several persons of distinction of this court. He seems to be very young, but is a man of good sense and speaks french and several other languages. When I observed to count Osterman that Her Majestys intended minister was very young, his excellency told me he was eight and twenty and a person of great distinction, and that as to his age, that was not hing, for what was to be done between the two courts — he and I could do it here» (Сб. ИРИО, 66, 1889, стр. 392). — Разрядка наша, — Э. Г.

рых, что Бирон, Остерман и другие, добиваясь назначения Кантемира, на самом деле не только не исходили из соображений его пригодности к предназначенной ему службе, но даже не намеревались воспользоваться теми выдающимися способностями, какими он действительно обладал и которые они расхваливали как перед императрицей, так и перед английским резидентом.

Бирон, Остерман и другие в этих своих действиях руководствовались не мотивами государственной пользы, а личными интересами, продиктованными их недоброжелательством к молодому сатирику. Со всей решительностью необходимо подчеркнуть политическую подоплеку этого недоброжелательства. Несомненно, что основной тактической целью «немецкой партии», пришедшей к власти вместе с Анной Иоанновной, было раздробить силы той политической группы, которая содействовала уничтожению олигархической власти Верховного тайного совета и имела основание претендовать на руководящую роль. Для достижения этой цели Татищев и Кантемир, наиболее серьезные политические противники, были удалены от двора под благовидными предложениями, Феофан Прокопович — задобрен и приручен, тем более, что его интересы в определенной плоскости — в борьбе против церковных соперников — совпали с интересами «немецкой партии». А. М. Черкасский и И. Ю. Трубевской — наиболее бесхарактерные, нерешительные в политическом отношении личности — были возвышены и превращены в послушные орудия Бирона и Остермана. Не без умысла, очевидно, был оставлен на время при дворе и активнейший деятель Верховного тайного совета — Дмитрий Голицын, видимо, предназначенный служить политическим противовесом группе Татищева—Феофана—Кантемира для того, чтобы не позволить лагерю русского дворянства консолидировать свои силы против немецкой группировки.⁴

Таков в свете приведенных фактов подлинный смысл назначения Кантемира на пост резидента в Англию.

Переписка Рондо с Гаррингтоном позволяет уточнить, когда был решен вопрос об этом назначении. 25 октября (5 ноября) 1731 года Рондо писал, что императрица еще не назначила своего уполномоченного, что подходящее лицо подыскивается, а 4/15 ноября 1731 года он сообщал Гаррингтону, со слов Остермана, о намерении императрицы назначить сына бывшего молдавского господаря.⁵ Стало быть, вопрос решился между 25 октября и 4 ноября 1731 года. Дата официального назначения установлена биографами: 26 декабря 1731 года,⁶ а 1 января 1732 года Кантемир уже выехал из Москвы.

Как же отнесся Кантемир к своему назначению?

⁴ Об отношении Остермана к А. Кантемиру свидетельствуют также письма княжны Марии Кантемир к брату. 13 июля 1733 года она писала: «Я была у Остермана и просила о прибавке вам содержания. Он, по обыкновению, обещал мне многое и сказал, что он истинный ваш друг и, по мере возможности, печется о вашем благе. Мне пришли тогда на ум брянские вотчины. Что же касается его доброты, то бог, видимо, внушил ему делать пользу другим, чтобы от них получать благодеяния» (И. Шимко. Новые данные о кн. Антиохе Кантемире. . . ЖМНП, 1891, № 6, стр. 266). 20 марта того же года она писала: «Вам нечего опасаться немцев, так как Миних в опале» (там же, стр. 260). Хотя из текста письма невозможно установить суть дела, но ясно, каково было отношение «немцев» к Кантемиру, если последнему приходилось опасаться их.

⁵ Сб. ИРИО, 66, 1889, стр. 388—390.

⁶ См. вводный очерк В. Н. Александренко в книге: Л. Н. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903, стр. V.

Судя по цитированному свидетельству Гуаско, Кантемиру была известна обратная сторона той «высокой чести», которая ему была оказана. Тем не менее на первых порах он принял ее с радостью, надеясь путешествием и жизнью за границей удовлетворить свою жажду к знаниям и расширить свой научный кругозор.⁷ Но уже вскоре (с 1733 года) в письмах к родственникам и друзьям в Россию Кантемир выражает желание возвратиться домой, отказаться от дипломатической службы. В последние годы он неоднократно официально просил об этом, но, как известно, так и не получил разрешения.

⁷ См. биографический очерк Гуаско (*Satyres de monsieur le prince Cantemir*, стр. 58—59). Следует принять во внимание, что Гуаско, сообщая приведенные выше факты, основывается на свидетельствах самого Кантемира, что придает его сообщениям особую ценность.

Ю. М. ЛОТМАН

К ВОПРОСУ О ТОМ, КАКИМИ ЯЗЫКАМИ ВЛАДЕЛ М. В. ЛОМОНОСОВ

Вопрос о том, какие языки и в какой степени были известны М. В. Ломоносову, представляет существенный интерес при изучении лингвистических воззрений ученого и места его в развитии сравнительного языкознания. Вопрос этот привлекал внимание исследователей и в настоящее время достаточно хорошо выяснен.¹ Некоторый дополнительный свет на него может пролить рукопись Ломоносова, не привлекавшая до сих пор внимания исследователей. Причина этого кроется, видимо, в том, что в публикации этого документа акад. П. П. Пекарским² текст его подвергся настолько значительным искажениям, что само содержание заметки затемнилось. Обращение к рукописи позволяет исправить ошибки чтения его первым публикатором.

Первая часть документа состоит из перечня грамматик шести языков (португальского, испанского, ирландского, голландского, датского и шведского), словарей и книг на этих языках. Расположение их в списке указывает или на практическую работу по овладению языком, или, по крайней мере, на план подобных занятий. Особенно интересны слова «Камуенс» и «Эпопея» (последнее в латинской транскрипции), прочитанные Пекарским неверно. Они свидетельствуют о стремлении Ломоносова познакомиться в подлинниках с памятниками португальской и испанской эпической поэзии. До сих пор исследователи, вслед за акад. М. И. Сухомлиновым, считали, что произведения Комоэнса были известны Ломоносову лишь во французских переводах. Последний раз это утверждение повторено в комментариях к тому 7 нового академического полного собрания сочинений.³

Вторая часть представляет перечень языков (тридцать номеров), видимо, в той или иной степени известных Ломоносову. Перечень неполон: в нем отсутствует, например, прекрасно известный Ломоносову латинский язык. Знаком +, вероятно, отмечены языки, достаточно хорошо практически

¹ Сводку научных мнений по этому вопросу см. в статье: С. П. Кузнецов. О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания. «Ученые записки Моск. гос. университета им. М. В. Ломоносова», вып. 150, Русский язык, М., 1952.

² П. П. Пекарский. История императорской Академии наук, т. 2. СПб., 1873, стр. 950.

³ М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 7, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 818.

известные Ломоносову. Сомнение могут вызвать лишь обозначение им венгерского и латышского («летского»). Однако и здесь не исключена возможность достаточного практического знакомства. Так, например, в замечаниях на диссертацию Г. Ф. Миллера Ломоносов писал: «Прочие доводы господина Миллера, у Бейера занятые, которые состоят в том, как нас венгерцы и литва называют, весьма неважны. А притом я довольно удостоверился, что венгерцы нас называют руссами, а славян разами». ⁴ И упрек Миллеру за сведения, взятые из вторых рук, и выражение «я довольно удостоверился» намекают на известную осведомленность Ломоносова в венгерском языке. Приведенная цитата содержит неточность, любопытную, однако, так как она может служить показателем именно практического знакомства Ломоносова с венгерским языком. Как любезно сообщил автору этих строк проф. П. Ариста, слова «раз» в венгерском языке нет, в соответствующем значении употребляется слово «ogosz» — «русский». Однако сама ошибка Ломоносова указывает на известный практический, вернее всего, устный навык в венгерском языке. Ломоносов отбросил начальный звук «о», так как принял его за определенный артикль, употребляемый перед словами, начинающимися с согласных, — «а». Возможность смешать звуки «о» и «а» (ср. также во втором случае «раз» вм. «ogosz») обусловлена специфическим соотношением их в венгерском языке. ⁵

В публикуемом документе знаком креста помечен также латышский («летский») язык (возможно, однако, знак относится к стоящему под № 18 литовскому языку). Обращает на себя внимание, что в приводимом списке Ломоносов отказался от употреблявшегося им прежде термина «курландский» (или «куронский») язык и рассматривает языки балтийской группы дифференцированно. Практическое знакомство Ломоносова с этими языками также вполне вероятно. В известной заметке о разделении языков Ломоносов подчеркнул родство славянских и «курландского» языка. Возражая на диссертацию Миллера, он писал: «Курландский язык есть происхождения славянского, так что не токмо большая часть речей, но и склонения и спряжения от славянских весьма мало разнятся». Особенно любопытно указание его на источники осведомленности в языках балтийской группы: «О том, что куронский язык произошел от славянского и отличается от него не больше, чем шведский от немецкого, я узнал не от пруссика Байера, а от многих местных курляндских ученых». ⁶

Упоминаемый под № 22 «ромейский» (арамейский) язык, возможно, объясняет значение загадочного термина «аларбейской» в известной заметке о разделении языков. ⁷ Предположение М. И. Сухоминова, якобы в данном

⁴ Там же, т. 6, стр. 33.

⁵ Языки финно-угорской группы были в поле зрения Ломоносова. В «Древней российской истории» он писал: «Народ чюдской — Ю. Л.» почитает идола Йомалу, что на ливонском, финском и других чюдских диалектах бога значит» (Полное собр. соч., т. 6, стр. 196), а также: «Лопари белокуры, больше финского облику: язык с финским как французский с итальянским сходны» (Примечания на рукопись Вольтера. Там же, стр. 92).

⁶ Возражения Ломоносова на диссертацию Миллера. М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30 и 54.

⁷ Предположение Ю. М. Лотмана едва ли правильно. «Ромейский» значит «византийский», так как со времени императора Маврикия (VII век) жители Восточной Римской империи стали называться ромейцами. О том, можно ли считать «аларбейский» заменой слова «арамейский», см. мою статью «Славяноведческие интересы Ломоносова» («Научный бюллетень ЛГУ», 1946, № 11—12, стр. 49). О славяноведческих лингвистических

случае Ломоносов подразумевал язык упоминаемого Геродотом народа Аллорди, не представляется убедительным.

Заметка, как было указано П. П. Пекарским, была составлена в 1760-х годах и представляет, таким образом, итоговый перечень языков, в той или иной мере оказавшихся в поле зрения Ломоносова. Приводим текст заметки полностью ввиду того, что в тексте публикации Пекарского встречается ряд искажений, а в новое академическое издание данный документ не вошел.

«Заметка Ломоносова»

1. Португальская грамматика, лексикон, Камуенс. ⁸	
2. Грамматика испанская, лексикон, Ероорежа	
3. Грамматика ирландская, лексикон, Новый завет	} или
} вся
} Биб-
} лия
4. Грамматика голландская, лексикон, Новый завет	
5. Грамматика датская, лексикон, Новый завет	
6. Грамматика шведская, лексикон, Новый завет	

1. Португальской	16. Волошской
2. Шпанской	17. Финской
3. Французской +	18. Литовской
4. Аглинской +	19. Летской +
5. Ирландской	20. Лопской
6. Немецкой +	21. Чухонской
7. Голландской	22. Ромейской
8. Датской	23. Еврейской +
9. Норвежской	24. Эллинской +
10. Шведской	25. Словенской +
11. Итальянской +	26. Турецкой
12. Польской +	27. Татарской
13. Чешской	28. Сербской
14. Болгарской	29. Пермской
15. Венгерской +	30. Российской +

интересах Ломоносова см. также статью В. И. Пичеты «Академия наук и славяноведение» («Вестник АН», 1945, № 5—6, стр. 157—158). — *Прим. Ред.*

⁸ ААН, ф. 20, оп. 1, № 2, лл. 343—349. См. указание в книге: Рукописи Ломоносова в АН СССР. Научное описание, составленное Л. Б. Модзалевским, Труды Архива АН СССР, вып. 3, М.—Л., 1937, стр. 52, № 86.

А. И. ДУДЕНКОВА

ПОЭМА А. ДУБРОВСКОГО «НА ОСЛЕПЛЕНИЕ СТРАСТЯМИ»

В августовском номере журнала «Ежемесячные сочинения» за 1755 год была напечатана поэма «На ослепление страстями», автор которой подписан буквами А. Д. Как установил П. П. Пекарский, за этой подписью скрывался один из учеников Ломоносова по Академическому университету, поэт и переводчик *Адриан Дубровский*.

Поэма «На ослепление страстями» никогда не привлекала внимания историков литературы XVIII века своим содержанием и особенностями художественной формы, а между тем это произведение является интереснейшим фактом литературно-общественной борьбы тех лет. Полемическая поэма Дубровского расширяет наши представления о литературно-общественной атмосфере, в которой рождался ломоносовский «Разговор с Анакресном».

Как известно, 1750-е годы в русской литературе ознаменованы острой литературной борьбой, в процессе которой произошло окончательное размежевание ломоносовского и сумароковского литературных направлений. Полемика на страницах академического журнала «Ежемесячные сочинения», в которой принял участие А. Дубровский своей поэмой «На ослепление страстями», продолжала литературные споры прежних лет по вопросам содержания и формы поэзии. Вместе с тем в период борьбы, отраженной на страницах «Ежемесячных сочинений», общественная жизнь выдвинула ряд новых вопросов, решением которых углублялись философские и эстетические расхождения двух лагерей тогдашней литературы.

Одной из причин, обостривших полемические столкновения литературных группировок, было распространение в дворянской среде масонских идей, проницание масонских умонастроений в творчество поэтов-сумароковцев.

В поэзии Сумарокова масонство нашло отражение в серии од нравственно-философского содержания, созданных в 50-е годы. В них поэт, сожалея о золотом веке человечества, развивал мотивы смерти, бренности мира, тщетности всех устремлений человека. Высший стимул добродетели в этой этической концепции — неизбежная смерть, кратковременность жизни. В этом направлении творчества Сумароков был не одинок. Он выступал в роли вождя целой плеяды поэтов (молодой Херасков, братья Нарышкины, А. Ржевский и др.). Кроме произведений с философско-масонской тематикой для лирики поэтов-сумароковцев в те же годы характерно увлечение так называемой анакреонтикой, резкий отказ от гражданской тематики.

Поэзия сумароковцев на страницах «Ежемесячных сочинений» за 1755 год показывает совершенно определенную установку поэтов этого лагеря на масонскую и любовно-пасторальную тематику. Особенно ярко это проявилось в творчестве М. М. Хераскова, произведения которого количественно составляют самую значительную часть отдела поэзии журнала.

Вступив в литературу в период самоопределения и активной борьбы с литературными противниками сумароковской школы, Херасков следует ее литературной программе. Он обращается к жанрам камерной поэзии, в его раннем творчестве, полнее даже чем у Сумарокова, развиваются масонско-философские мотивы.

В той же книге «Ежемесячных сочинений», где была помещена поэма Дубровского, Херасков опубликовал ряд стихотворений: «Оду к господину В***», «Оду Анакреонтову», сонет, эпитафию. В них рисовался идеал человека созерцательного, пассивного, ушедшего в свой мир. Второй важной темой поэзии Хераскова была тема смерти, что явно противоречило традиционному содержанию жанра анакреонтической оды, посвященной главным образом воспеванию радостей любви и наслаждения жизнью.

Правда, и в поэзии Анакреона были мотивы смерти, но греческий поэт не ставил своей целью устрашать ими читателя; мысль о смерти у него — всегда стимул к наслаждениям и радости. У Хераскова же мы находим иное.

Мистически-масонская идейная направленность и в связи с этим своеобразное преломление анакреонтики со всею полнотою раскрываются в «Оде Анакреонтовой». Здесь неумолимый рок в образе смерти с косой, которую ничто не может отворотить, занимает центральное место:

Но есть ли смерть косу вознесит,
Когда она к нему придет,
Ни злата, ни сребра не просит,
Едину душу извлечет.

* *
*

Не могут младость с красотой
Ея свирепость утолить;
Не можно ни ценой драгою
У оной жизни откупить.¹

Образная структура оды, как вообще произведений этого типа не только Хераскова, но и других поэтов-сумароковцев, зиждется на противопоставлении «приятств» жизни, природы и могильного хлада, причем «приятства» жизни выдерживаются в духе следования Анакреону: любовь, веселье, внутреннее спокойствие.

Характерно также третье произведение Хераскова в том же августовском номере «Ежемесячных сочинений» — «Сонет и эпитафия». В сонете бездомный странник рассказывает свою историю:

Я век свой по свету за пищу скитался,
Пристанища себе нигде я не имел;
Везде я странствовал, жил тамо, где хотел,
Чужим я был одет, чужим я и питался.

¹ «Ежемесячные сочинения», 1755, август, стр. 165.

В общем, жизнь этого человека — мало завидная участь бедности, бездомности, но тем не менее и такая жизнь, утверждает поэт, лучше смерти, поэтому человек должен благословлять любой жизненный удел:

Как жизнь та ни гнусна, но я об ней жалею,
Я небом был покрыт, а днесь покрыт землею,
Мой дом был целый свет, а ныне тесный гроб.²

Таким образом, страх смерти заставляет поэта осознать, так сказать, биологическую ценность бытия вообще, ведет к признанию равноценности жизни — и плохой, и хорошей, свободной и угнетенной, так как любое из этих состояний все же лучше «могильного холода». Человек должен быть доволен любой участью.

Подобная философия не является своеобразным отличием творчества одного только Хераскова, она характерна для масонской поэзии как раннего, так и позднего периода, а также для чувствительно-меланхолической поэзии сентиментализма последующих десятилетий.

На страницах «Ежемесячных сочинений» эти настроения окрашивают поэзию всех сторонников Сумарокова. Они проникают и в прозаические статьи журнала. Так, в статье Ф. А. Полунина «Размышление о бессмертии души» красной нитью проходит мысль о временности человеческого бытия на земле, о необходимости готовиться ко вступлению в загробный мир: «...теперешнее наше состояние есть основательное начертание будущего. Нам на сем свете жить для того определено, чтоб мы приготовились к другому, и жилище сей земли дано нам как увеселительное место, на котором дух наш препровождает младенчество».³

Таким образом, масонские искания настойчиво проявлялись в разработке мотивов смерти и бессмертия, религиозно-мистического толкования этических проблем. Философская реакция становится отличительной чертой мышления дворянских поэтов, связанных с масонством, и это проявляется со всей отчетливостью в период полемики в «Ежемесячных сочинениях». На основании этого можно утверждать, что уже в 1750-е годы намечается та смена общественных интересов, которая характерна для сознания следующей литературной эпохи XVIII века — сентиментализма.

Ломоносов и его сторонники Н. Н. Поповский и А. Л. Дубровский резко противостояли подобным умнастроениям дворянской поэзии.

Хотя эта линия полемики проявлялась не так открыто, как в столкновениях по другим вопросам, тем не менее она представляет важное звено в единой цепи литературно-общественной борьбы той поры.

Материалистические устремления ломоносовской философии, которыми проникнута его научно-дидактическая поэзия, были в корне противоположны дворянской поэзии своим пониманием проблемы человеческой личности, смысла жизни человека, этических основ его общественного бытия. Ученик Ломоносова, А. Л. Дубровский в своей поэме «На ослепление страстями» по всем этим вопросам выступил против дворянской поэзии.

По жанру поэма Дубровского принадлежит к дидактической поэзии. Этот жанр, как известно, получил новое название в творчестве Ломоносова в таких произведениях, как «Письмо о пользе стекла», как оды «Утреннее и вечернее размышление о божием величестве» и другие, где основная цель заключается не в моральном поучении, а в пропаганде передовых естественно-научных воззрений.

² Там же.

³ Там же, ноябрь, стр. 446. Статья представляет перевод из журнала «Der Pilgrim», издававшегося в Кенигсберге в 1742—1744 годах.

В поэме «На ослепление страстями» Дубровский следует за идейными мотивами Ломоносова и одновременно использует художественные приемы своего учителя, утверждая тем самым поэтику Ломоносова и защищая ее от ожесточенных нападок литературных противников из сумароковского лагеря. Все это придает трактовке моральной темы у Дубровского иное, чем у дворянских поэтов, идейно-художественное выражение, полемически обращенное против них.

Поэма Дубровского, прежде всего, — гимн человеческому разуму и сознанию, проникнутый глубоким восхищением перед всемогуществом человеческого труда. Уже в самом начале поэт вступает в полемику с теми, кто видит высшее блаженство в спокойном неведении:

Планеты, звезды, ветер, огонь, земля и воды
В погибели своей не чувствуют вреда,
Не знают ни о чем заботы и труда.
Не скажет кто, что тем пред нами и блаженны,
Что безмятежно путь хранят определенный —
Пусть говорит, когда и сам подобен им.⁴

Последовательно развивая взгляды Ломоносова, Дубровский утверждает в своей поэме безмерное превосходство человека в природе как существа мыслящего. Человек, по мнению поэта, отличается от остального, «как свет от глубочайшей тьмы». Человеку даны в удел громадные силы; в исчислении великих возможностей человека поэт повторяет мысли и образы ломоносовской естественно-научной поэзии:

Мы там корысть берем, где горы вечных льдов,
Глубоко входим мы в объятия земные,
Находим там себе сокровища драгие,
Мы меряем без мер верхи высоких гор,
Мы больше во сто крат усугубляем взор.⁵

Второй и третий стихи в этом отрывке представляют почти прямое повторение ломоносовского обращения к химии в оде 1750 года:

В земное недра ты, химия,
Проникни взора остротой,
И, что содержит в нем Россия
Драги сокровища — открой.⁶

Следует описание различных оптических приспособлений, с помощью которых в сотни раз увеличивается острота человеческого глаза, кондентрируются солнечные лучи, добывается огонь; оно снова обращает нас к одному из произведений Ломоносова — «Письму о пользе стекла». Там тема применения стекла для целей науки является одной из основных. О том, что произведение Ломоносова было действительно источником

⁴ Там же, август, стр. 127.

⁵ Там же, стр. 127—128.

⁶ Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова, т. I, СПб., 1891, стр. 219.

Дубровского, говорит наличие прямых реминисценций. Таковы, например, описание неба, которое открывается человеческому взору с помощью увеличительных стекол и научной абстракции, постижение устройства и хода еветил, мысль о множестве миров:

То место, где земле простой взор назначает;
Светилу разум наш земли определяет,
Хоть солнце нам одно мечтается в глазах;
Однако их нельзя и счесть на небесах.⁷

Строка же

Не знаем их числа, и бездне той конца

бесспорно отражение проблематики и лексики «Вечернего размышления о божием величестве».

Таково вступление поэмы Дубровского, подготовляющее постановку моральных вопросов о заблуждении людей и об ослеплении их различными страстями. Такой переход очень логичен, так как во вступлении поэт показал, что же является для него стимулом высоких нравственных достоинств. Если у масонов — это страх смерти, трепет перед тайнствами загробной жизни, то здесь таким стимулом является высокое предопределение человека от природы, его разум, возвышающий его над окружающим миром. Не страх смерти, а полезная деятельность должна удерживать царя природы от порочных страстей.

Какие же пороки осуждает Дубровский?

Прежде всего — алчность, стяжательство; и в осуждении их поэт следует за своим учителем, не устававшим клеймить в разных формулировках «несытую алчбу имения и власти».

Однако не этот порок привлекает основное внимание поэта, а слепая любовная страсть. Именно здесь начинается полемика с дворянской анакреонтикой. На фоне любовной поэзии, печатавшейся на страницах того же журнала, трактовка темы любви у Дубровского звучала в высшей степени целенаправленно и полемично.

Для поэтов, творивших в области легкой поэзии, всепобеждающая любовная страсть была синонимом природы, естества, выражением сущности человека. Расцвет любовного жанра в поэзии 50-х годов, появление анакреонтики в творчестве дворянских поэтов, — всё это свидетельствовало о сознательном противопоставлении любовной темы общественной теме.

Дубровский выдвигает свой критерий и утверждает, что не всякая любовная страсть похвальна и достойна воспевания. Поэта интересуют границы, в пределах которых человек свободен от рабства собственной страсти и остается на высоком пьедестале могучего разума, общественной и научной деятельности. Он высмеивает людей, посвящающих всю свою жизнь одной только любви и, кроме нее, не видящих иного смысла существования.

Идеал поэта — человек, сочетающий разум, полезную деятельность с благородными чувствами. Односторонность уродует человека, унижает его природу, особенно, когда он, забыв о талантах (т. е. о науке, знании, в которых проявляется его высшая деятельность), ослепляется страстями. Такое разумное сочетание полезной деятельности и благородных чувств выражало подлинно ломоносовский гуманизм с его высоким уважением

⁷ «Ежемесячные сочинения», 1755, август, стр. 129.

к человеческому уму, к мудрому человеческому труду, созидающему все ценности, и, вместе с тем, с признанием прав человека на «нежность сердечную».

В конце поэмы Дубровский, перечислив разные пороки, ссылается на Сократа, как на пример преодоления человеком своих слабостей в неустанным труде:

Не выше смертных сил то должно почитаться,
 Всё неусыпный труд возможет победить;
 И Сократов пример нас может научить.

Таким образом, содержание поэмы отчетливо делится на две части: первую — введение, в котором поэт раскрывает свои идейные позиции, чтобы на основании их критиковать человеческие пороки, и вторую — представляющую конкретный показ различных недостойных человека страстей. В соответствии с этим стилистически-художественное выражение в обеих частях поэмы не одинаково. Первая часть, исполненная пафоса прославления науки и человеческого разума, выдержана в тонах ломоносовской научной поэзии. Дубровский переносит в свой поэтический контекст отдельные образные построения Ломоносова. Грандиозность вселенной, постигаемая человеческой мудростью, вызывает патетические восклицания поэта:

О коль находим там строение прекрасно!
 Горящих там светил коль множество ужасно!
 Мы измеряем их подробно высоту,
 Определяем их великость, широту,
 Мы наблюдаем путь и место осторожно,
 Предсказываем их затмения неложно.⁸

В заключительной части поэмы, где поэт снова утверждает высокие моральные идеалы в духе ломоносовской философии, торжественные образы повторяются. В соответствии с поэтикой Ломоносова Дубровский прибегает здесь к развернутым, красочным метафорам. Так, нравственную стойкость и мудрость Сократа он сравнивает с могучим дубом, простирающим свои ветви высоко в небо, с утесом среди бурных вод, который «удары их и шум, смеясь, ни во что читит».

Следовательно, Дубровский в поэме «На ослепление страстями» не только поддерживал идейные устремления ломоносовской поэзии, но и одновременно сознательно защищал те художественные принципы Ломоносова, против которых выступали поэты-сумароковцы.

Дубровский высмеивает поэтику своих противников, умело используя фразеологию любовных жанров, героя их он изображает пустым бездельником, посвятившим жизнь «страсти нежной»:

Всечасно он твердит: Любовь! любовь! любовь!
 Ты сердце мне зажгла и вспламенила кровь.
 Художеств и наук чтит труд за бесполезной,
 Всю мудрость в том кладет, чтоб угодить любезной.

⁸ Там же, стр. 129.

Прямой выпад против «воспевателей любовной страсти» можно найти в таких стихах поэмы, вложенных в уста влюбленного:

Он страсти придает божественный титул,
Нельзя, он говорит, как Купидон стрельнул,
Противиться огню и внутреннему жару,
С часами вдруг растет болезнь сего удару.⁹

Здесь поэт пародирует распространенную тогда любовную лексику модных дворянских песен с их неизменными поэтическими шаблонами, такими, как образ Купидона со стрелой, жар страсти и т. п. Не исключена возможность также, что Дубровский имел в виду статью Г. Н. Теплова, где всемогущество и непобедимость любовной страсти доказывалось так: «... прочие склонности воспитанием строгим одолеть можно, а сия по крови бываемая делает человека невольником своим. Она родила любовные мысли, она произвела любовные речи, которые, когда соединялися с голосным пением, произвели падение слов и для лучшей приметы кончающегося разума, или паче музыкального тону, рифмы».¹⁰ Дубровский же утверждает, что человеку дано от природы быть господином своих страстей.

Еще одна особенность в поэме Дубровского настойчиво включает ее в круг полемических произведений, доказывая, что автор сознательно стоял на ломоносовской литературной позиции, — это вопрос о характере сатиры.

Еще раньше, в самом начале литературной борьбы между ломоносовским и сумароковским лагерями, во время споров вокруг «Сатиры на пети-метров и кокеток» И. П. Елагина, появилось произведение, принадлежащее неизвестному стороннику Ломоносова: «Ответ на эпистолу И. Е.». В этом «Ответе» была дана программа общественно значимой и содержательной сатиры. Автором произведения, как мы предполагаем, был Дубровский. Главное доказательство в пользу этого предположения — внутреннее соответствие критической части поэмы «На ослепление страстями» с требованиями «Ответа». Там автор обвинял Елагина в отсутствии положительного идеала, во имя которого ведется критика, в ничтожности высельных уроков:

.....
Не чаю, чтоб Боал о лентах рассуждал,
Важнее есть пороки, кои он осуждал...
Но наш сатирик слабой нам только описал,
Как, в зеркало глядясь, кто мушку налепляет,
Он все оставя страсти, лишь щеголя ругает.¹¹

Поэма же Дубровского и начинается с утверждения высокого природного назначения человека, поэтому осмеяние порочных страстей в поэме становится целенаправленным и действенным.

Следуя программе обличения важных пороков, намеченной в «Ответе», Дубровский в своей поэме сильнее всего бичует лезть, угодничество, которым заслуживается милость высельных, т. е. обращается к социально-значимым вопросам русской действительности. Поэт показывает этот порок как неизбежное следствие сословного общества, где происхождение и род-

⁹ Там же, август, стр. 132.

¹⁰ Там же, июль, стр. 11.

¹¹ «Библиографические записки», 1859, № 15, стр. 460.

витость ценятся превыше всего. Так, например, касается Дубровский проблемы петиметрства, составлявшей, как известно, основную часть содержания «Сатиры на петиметров и кокеток» Елагина. В отличие от Елагина, Дубровский решает этот вопрос в совершенно ином плане, согласуясь опять-таки с требованиями «Ответа». У него петиметр не просто глупый фронт, как у Елагина, а человек, пренебрегающий общественным долгом, науками ради любви. Дополнение его характеристики, взятое из лексикона любовной поэзии сумароковской школы, обращает эту сатирическую зарисовку против дворянского лагеря. Таким образом, в поэме «На ослепление страстями» наряду с новой проблематикой отразились и вопросы предшествующих полемических столкновений.

Поэма Дубровского «На ослепление страстями» — замечательный образец борьбы ломоносовского лагеря с дворянским, она показывает их непримиримые расхождения. Философский оптимизм, вера в могущество человека резко отличают поэму от дворянской поэзии того времени. Утверждению антиобщественной сущности человека, учению о нравственности, связанному с представлением о смерти, ученик Ломоносова противопоставляет идеал земной деятельности человека, индивидуалистическому чувству — разум, способный постигать тайны природы. Такой идеал закономерно вытекал из активного просветительства Ломоносова.

Выступление Дубровского показывает, что ломоносовский кружок в пору утверждения в поэзии враждебных ему морально-философских течений активно боролся с ними, защищая передовые философские и литературные взгляды.

Д. Д. ШАМРАЙ

Ф. ЭМИН И СУДЬБА РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ М. В. ЛОМОНОSOBA

В 1768 и 1769 годах в Петербурге вышли три тома «Российской истории» Ф. Эмина. Титульная страница этого издания была очень многословна и содержала обещание закончить весь труд изображением цветущего состояния империи при Екатерине II. Однако своего намерения автор не выполнил: в 1770 году он умер.¹

Рукопись «Российской истории» принималась к печатанию в типографии Академии наук на положении частного заказа, первые три тома были оплачены, по распоряжению Екатерины II, в громадной сумме 3119 руб. из средств Соляной конторы, т. е. изданы за счет Кабинета.²

Это не известное прежде обстоятельство побуждает внимательнее отнестись к забытому труду Эмина. При самом печатании было сделано совершенно необычайное исключение: Эмину выдавались прошедшие корректуру чистовые листы в количестве восемнадцати экземпляров, хотя за несколько месяцев перед этим было установлено в Академической типографии твердое правило, чтобы от каждого приготовленного к печатанию листа делалось лишь по одному пробному предварительному оттиску для наборщика, для корректора и для самого заказчика. Однако 17 января 1768 года, т. е. по окончании печатания первого тома, Академической канцелярией было приказано наборщику Сидорову дать за свою подписью справку о том, сколько было отдано переводчику Эмину и по чьему приказу из напечатанных в типографии экземпляров сочиненной им «Российской истории». Наборщик Сидоров (он же фактор новой типографии) ответил следующее: «Помянутым переводчиком Эминым брано „Российской истории“ каждого в печать отпущенного листа на александрьевской бумаге по 4 экз. и на простой по 14 экз., объявля словесное приказание, что-де мне от господ присутствующих Академической комиссии велено оное число брать для раздачи во оной с ним трудившимся».³

Совершенно ясно, что в числе лиц, покровительствовавших либо содействовавших выходу «Российской истории», были особы очень высокого

¹ Смерть Ф. Эмина в апреле 1770 года оказалась совершенно неожиданной для его немногочисленных друзей. Они ничего не сообщают о болезни Эмина, но засвидетельствовали, что ему не было поставлено намогильного памятника. Так поступали, как известно, при захоронении самоубийц.

² ААН, ф. 3, оп. 1, д. № 308, лл. 157 и 158; д. № 322, л. 102.

³ ААН, ф. 3, оп. 1, д. 308, лл. 159.

положения, для которых собственно и назначались четыре оттиска на александрийской бумаге. Поэтому понятно, что никаких выисканий на фактора Сидорова не было наложено, и не было сделано никаких новых разъяснений.

Из этого можно сделать вывод, что исторический труд Эмина был не простым, очердным литературным его начинанием. В различных местах своих предисловий и в примечаниях Ф. Эмин называет несколько лиц, которые с самого начала помогали ему советами, рукописными материалами, а может быть и редактированием.

Мы не можем указать с должной обоснованностью, кто именно получал полистно оттиски этого произведения. Сам Эмин называет полковника А. А. Дьякова,⁴ интересовавшегося историей России, но не имевшего литературного имени, а также разностороннего П. С. Свистунова, участвовавшего во всех театрално-музыкальных предприятиях «малого двора» Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны в Петергофе и позднее видного сторонника Екатерины.

В своей «Российской истории» Эмин неоднократно высказывает критические замечания по адресу Ломоносова как историка. Приводить все выпады Эмина против Ломоносова мы не будем. Отметим лишь, что Эмин совсем незадолго перед этим в своем памфлете «Сон под новый 1765 год» отзывался о великом писателе гораздо лучше. Значит, господствовавшее при дворе неприязненное отношение к Ломоносову в сильной мере повлияло на Эмина.

В предисловии к первому тому «Российской истории» Эмин сообщил следующие важные сведения, касающиеся Ломоносова: «Сей муж был предпримчив и высоких мыслей; но при всем том издал в свет в 1760 году весьма краткую и темную Российскую летопись, а древней Российской истории, давно им собранной, издать не осмелился, и сим похвальным его трудом уже по кончине его мы пользуемся. Древняя российская история довольно им пространно описана. Хотя, впрочем, в ней немало несходств, может статься, для того, что время господину Ломоносову не дозволило разбирать множественные один другому противоречащие списки; а слычить оные, может быть, не было с чем; однако же господин Ломоносов отворил мне путь к поправлению своей истории, к дополнению и к продолжению оных».⁵ Из этих слов Эмина можно заключить, что в распоряжении Эмина находились неизданные рукописи Ломоносова. Каким образом они попали в руки Эмина, нам не известно. Однако можно предположить, что рукопись Ломоносова была передана Эмину из опечатанного по распоряжению Екатерины II архива покойного писателя.

По-видимому, результатом использования обработанной рукописи и рукописных материалов из ломоносовского архива была необыкновенная быстрота опубликования «Российской истории...» Ф. Эмина, а именно: первого тома в январе 1768, второго тома в феврале 1768 и третьего тома в октябре 1769 года.

Для предотвращения недоумений напомним, что титульный лист «Древней российской истории» Ломоносова не принадлежит автору и что указанный на титульном листе конечный 1054 год исторического изложения (кончина Ярослава I) не означает конца рукописи Ломоносова: последняя,

⁴ Отец второй жены Г. Р. Державина, жены Н. А. Львова и жены В. В. Капниста. — *Прим. Ред.*

⁵ Ф. А. Эмин. Российская история, ч. I. СПб., 1768, стр. 4—5. — Разрядка наша, — Д. Ш.

140-я, страница печатного текста заканчивается словами «конец второй части», а в нижнем правом углу ее находится кустод «часть», т. е. это означало, что далее будет идти третья часть.⁶ Напомним также, что «Древняя российская история» Ломоносова начата была печатанием еще при его жизни, а доканчивалась уже после его смерти. Что в руках Эмина было продолжение рукописи Ломоносова, видно из того, что на последней странице третьего тома «Российской истории», сообщив о смерти в 1213 году Всеволода III после кратковременной болезни, Эмин в сноске указывает, что, хотя у Никона болезнь эта описана как продолжительная, но Ломоносов согласен со Стрыйковским и Могилою, которые болезнь описывают кратковременной.

Так как в «Кратком Российском летописце» совсем нет никаких сведений о болезни упомянутого князя, то этим подтверждается, что объем ломоносовских материалов или его чернового рукописного текста выходил за пределы 1054 года.

В заключение мы отметим, что выпады Эмина в «Российской истории» против Ломоносова были приняты русской общественностью с большим неудовольствием.

Это засвидетельствовал в очень мягкой форме сам же Эмин в предисловии к третьему тому «Российской истории»: «Некоторые мне говорили, что моя история была бы гораздо лучше, если бы я не критиковал г. Ломоносова. Счастливое свойство эха славы!» (стр. VII и VIII).

⁶ Фотокопия 140-й страницы прижизненного набора имеется в Музее М. В. Ломоносова, а подлинный экземпляр хранится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под шифром 18.340-а.6.29.

М. М. ГУРЕВИЧ

НЕИЗВЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ВАСИЛИЯ МАЙКОВА

Опубликованные в «Полном собрании всех сочинений» А. П. Сумарокова статьи «О казни» и «Господину Пассеку: вот наш бывший разговор», как установлено В. П. Семенниковым на основании данных Архива АН СССР, были изданы отдельными листками во время последнего пребывания писателя в Петербурге в 1774 году.¹ До недавнего времени сами эти издания были неизвестны, хотя факт существования второго из них не подвергался сомнению, так как оно упоминается у В. А. Сопикова и в объявлении о продаже произведений Сумарокова, напечатанном в «Санкт-петербургских ведомостях» вскоре после смерти писателя.²

Недавно в Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР при разборе вновь поступивших нешифрованных изданий XVIII века был обнаружен очень интересный конволют, состоящий из трех статей, напечатанных в 4-ю долю листа. Первые две — «О казни» и «Господину Пассеку: вот наш бывший разговор». Каждая из этих статей, напечатанных без титульного листа, имеет отдельную пагинацию, а в конце текста находятся инициалы А. С. — обычная сокращенная подпись А. П. Сумарокова.

Особый интерес представляет третья статья конволюта, не имеющая заглавия и пагинации и начинающаяся словами «Государь мой»; заканчивается она басней «Лисица и бобер», под которой стоят инициалы N. N. Предшествующая басне фраза построена так, что не возникает сомнения в принадлежности этого произведения автору статьи: «В дополнение сего вам прилагаю здесь следующую басенку...». Если бы автор статьи и автор басни были разными лицами, первый, естественно, должен был бы прибавить: «...басенку такого-то» или «...басенку неизвестного сочинителя». Но он обходит молчанием вопрос об ее авторе, и это свидетельствует о том, что адресату, — а статья, по-видимому, представляет такое же письмо, как и сумароковская «Господину Пассеку: вот наш бывший разговор», — должно было быть ясно, кому принадлежат стихи.

¹ В. П. Семенников. Материалы для истории русской литературы и словаря русских писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914, стр. 115—118.

² Сопиков. Опыт российской библиографии. СПб., 1905, № 9419; «Прибавление» к № 6 «С.-Петербургских ведомостей» от 19 января 1778 г., стр. 53.

Поэтому можно смело считать, что автор статьи и басни — одно и то же лицо. Автор басни известен: это — В. И. Майков, в «Нравоучительных баснях» которого, изданных в 1767 году, она находится в несколько иной, правда, редакции.³ Была она — опять-таки в слегка стилистически измененном виде — напечатана и в журнале «Собрание новостей...» за сентябрь 1775 г. (стр. 122—123).

Судя по неисправленным опечаткам в статье «Государь мой», можно предположить, что это — корректурный экземпляр, который его владеец переплел вместе с двумя статьями А. П. Сумарокова в один конволют, снабдив его общим названием, вытесненным на корешке: «3 пиесе» (1). Такое объединение, разумеется, не случайно, так как статья «Государь мой» является ответом на статью «Господину Пассеку: вот наш бывший разговор».

Ввиду большого интереса этой неизвестной статьи В. И. Майкова ее текст целесообразно ввести в научный оборот. Для уяснения смысла статьи «Государь мой» напомним, что вызвавшее ее появление письмо Пассеку представляет одно из важнейших философских произведений А. П. Сумарокова. Здесь, исходя из того, что «нет ни малейшего довода, что естество устроило нас двуножными» и что «общество и следовательно нашу силу усталила нам бедность», Сумароков писал: «Ежели бы не было общежития, по необходимости его <человека, — М. Г.> бедности и безопасности, не имел бы он изощрения ума своего и был бы такою же скотиною: и еще многих скотов многократно глупее». Против этих, по существу материалистических вагядов Сумарокова и выступил В. И. Майков.

Вот его статья:

Государь мой!

Присланный вами ко мне напечатанный разговор г. Сумарокова с г. Пассеком я прочитал, и не входя в дальнейшее то раздробление, также не касаясь сего столь славного писателя ни слога, ни мыслей, ибо всякий человек так мыслит, как его разум действует, признаюсь вам, что сравнение, а паче еще и унижение человека пред прочими тварями, населяющими землю, мне не весьма кажется справедливым. И думаю, что господина сочинителя тем не разраду, когда изъясню вам мои мысли; в рассуждении общей связи и взаимности всех тварей, как и господин Попе во своем опыте о человеке выводит его не владыкою, но слугою всех животных, против сего я не спорю, ибо и человек столько же обязан для собственныя своея пользы служить им, и в рассуждении сего он с ними равен. Но чтоб сию словесную тварь до того унижить, что будто человек глупее многих животных и включать его в род четвероногих, на сие я не согласен. Ибо естли и случались такие из людей, которые каким-нибудь случаем с самого младенчества выросли между зверями и изучились от них ходить на четвереньках, сие еще не доказа-

³ В. И. Майков Нравоучительные басни, ч. II, М., 1767, стр. 12—13; ч. II, изд. 2-е, М., 1788, стр. 47—48; В. И. Майков. Сочинения, СПб., 1809, стр. 194—195; В. И. Майков, Сочинения и переводы, под ред. П. А. Ефремова, СПб., 1867, стр. 199—200.

тельство, что человек сотворен быть четвероногим, когда прочие люди да и самые дикие ходят на двух ногах. Пусть человек и дуб, как говорит господин сочинитель, состоят не из единыя живности, но из многих и ни бык ни дуб не могли от естества произведены быть вдруг, каковы они потом быть стали, я о сем не спорю, но, полагаясь на испытателей естества, еще то и подтверждаю, а чтобы причислити человека к которому ни есть из пяти родов животных, то есть ко четвероногим, ко крылатым, ко плавающим, ко ползающим или пресмыкающимся и ко вкорененным⁴ никакого средства не вижу, да как его к сим причислить, ибо он ото все сих отменен, хотя телом их и беднее, но разумом несравненно богаче.

Правда, что творец, производя его во свет, не облек его ни шерстью ни перьями и ни чешуею для защищения от суровости воздуха, также не вооружил его ни рогами, ни ногтями, ни зубами подобными плотоядным животным, но вместо того одарил его разумом, дав ему действовать по удобно расположенным органам, снабдил его словесностью, устроив язык его удобным произносить слово, и чрез то сообщать свои мысли, на руках его соделал персты, хотя и не вооруженные острыми ногтями, но способные по избретению разума производить всякие предприятия в действие, к чему других животных копытами и ногтями окочивающиеся (!) ноги не способны.

Самая его бедность тела, но богатство разума принуждена и умела составить общество, и ежели бы львы и другие сильнейшие человека твари имели такие же общества, бесспорно бы они, быв превосходнее силами, нас бы себе покорили и гордости бы нашей посмеялись; но для чего же они их не составляют, не от того ли, что не имеют разума и словесности, чем человек пред ними много преимуществует.

Правда, есть из птиц, которые, быв изучены, некоторые слова и целые речи говорят, как то попугай, сороки, скворцы и им подобные, но сие у них происходит без всякого смысла, так что, например, попугаю или другой какой выученной говорить птице: здравствуй, она сие слово и тогда говорит, когда ей захотелось бы пить или чево инова, и так она, что говорит, сама того не разумет.

Общество также хотя и есть у некоторых животных, как-то у пчел, муравьев и у некоторого рода обезьян; положим, что пчела и муравей, не имея равных сил человеку, не могут свои общества и довести до такого могущества и совершенства, как

⁴ «Вскорененными» Сумароков называет растения. В подлиннике: «ко в ковкоренным».

люди, но обезьяны, хотя телесные силы и способности почти равные со человеком имеют, и казалось бы для чего им такова же общества не составить, не завести в нем наук и художеств, но недостаток разума в том им препятствует, хотя бы они и нужду в том имели. Американцы как ни были дики, однако же у них свои искусства были; потом, когда пришли к им европейцы, то и науки им стали не несведомы, а обезьяна или какой другой зверь сколько между людьми ни обращается, но ничего перенять не может, и разума у него чрез то нимало не пребывает, которым бы он мог, как и человек, пользоваться, словом сказать, если бы человек не имел на руках таких перстов, во рту языка, способного ко произношению слова, а паче всего управляющего ими разума, то бы совершенно был он беднее всех животных, но природа, как всем общая мать, разделила свои дарования равно всем тварям: одних силою, других легкою, иных проворством, многих разными телесными способностями наградила, но человек в разсуждении недостатка телесных сил употребляет разные вымыслы для защиты от воздуха и обороны своея от вооруженных природою тварей. И как бы он сие произвел без отличного пред зверьми дарованного ему разума, следственно он ни к которому из пяти родов творению и не принадлежит, но он есть род особенный и превосходнейшей прочих.

Ластовица, хотя и строит себе гнездо, по подобию каменщика складывая и лепя оное из частей, так как и каменщик из кирпича или камня свои полаты, и может быть, что и человек от нея ремеслу сему изучился, но сколько он ее в том превзошел; для чего же и ластовица, видя его здание своего превосходнее, не заимствует и не перенимает, видно, что она сего не чувствует и не понимает, не имея к тому способного разума.

Видим также довольно искусства и от паука в соплетаемой паутине, но не видим в сей работе его разума, а только одну побуждающую к тому его силу, и так хотя и есть в некоторых животных малое что ни есть похожее на человеческое, но не на разум и не можно ни из чего заключить, чтоб зверь или птица были равны, не только превосходнее разумом человека.

Что бык, дуб и другие животные, не из единыя живности, но из многих состоят, о сем я спорить не намерен, как уже и выше сказал, но чтобы человек не был превосходнее всех животных, о том сомневаться также не можно; не над всеми ли животными он господствует, да еще и не телесною силою то господство и власть себе приобрел, но единым искусством, а искусство ни от чего инова, как от превосходного разума пред

прочими тварями происходит. Представим себе, ежели бы какое совершеннейшее человека творение, не бывавшее никогда на земном шаре, могло на него прийти и быстротечным своим зрением вдруг половину его увидеть и, узря на нем многочисленные грады, обременяющие купно и украшающие землю, спросило бы: кто их созидал, а узнав, что человек, конечно бы почел его за обладателя оныя или, по крайней мере, первенствующую пред прочими тварями.

Наконец, положим, что человек и подлинно тварь беднейшая изо всех на свете и что он в том заблуждает, что он есть всему господин и повелитель. Приятное заблуждение! из которого себя и выводить не надобно, и не лутче ли нам, пускай рабствующим, воображать себя господствующими, нежели как самую вещь господствующих воображать себя рабами и худшими протчих тварей на свете обитающих.

Вот, государь мой, мое мнение, с которым, по крайней мере, можно жить приятнее и веселее. В дополнение же сего вам прилагаю здесь следующую басенку:

ЛИСИЦА И БОБЕР

Лисица не когда к Юпитеру ходила,
И возвращаясь сошла с Бобром,
Куда, спросил Бобер, ты кумушка бродила;
Ходила я туда отколе мечут Гром,
И множество с собой я весточек имею,
Лисица в гордости рассказывала так:
То знает, да не всяк
Что ныне я сошед с Олимпа разумею:

Теперь

Доволен будет Каждый зверь,
Там вышло повеленье
И так угодно небесам,
А то определенье
Скрепил Юпитер сам.
Волк с зайцем будут в поле
Конь, Бык, Баран, Свинья и Пес
Останутся в неволе,
Медведям, Тиграм, Львам, дремучий отдан Лес;
В степях от ныне жить Слонам дано великим,
Стремнины, Горы, Рвы; Козам, Баранам диким,
Болота от даны в жилище Кабанам,
Бобрам в Реках со выдрами вселятся,

И так во свеге все под властно будет нам:
А Человеку чем осталось забавляться?

Лису бобер спросил:

Сию Юпитер тварь всево тово лишил
И не дал нашева проворства Ей ни сил,
Единое ему в утеху он оставил,
Чтоб больше нашева своим разсудком правил,
И только кум

Ему оставлен ум.

Какая ж для него оставлена безделка!

Но Бобр лисе в ответ:

Ах! кумушка мой свет,
Худая будет нам со человеком сделка
И кончится конечно не добром.

Не осердись, что я слова промолвлю грубы:

Он будет лисьи шубы

Опушивать Бобром

* *
*

Я мню, что..... и сам ты скажешь то же,
Что силы разума, телесных сил дороже.

N. N.

Предлагаемые материалы Майкова, как и сумароковское письмо «Господину Пассеку: вот наш бывший разговор», — еще одно свидетельство о философских спорах русских писателей середины XVIII века, к тому же почти вовсе не обращавшее на себя внимание наших исследователей.

В этой связи заслуживает внимания фигура Пассека. Может быть, это Петр Богданович Пассек (1738—1804) — один из активных участников переворота 28 июня 1762 года, либо один из его братьев — Василий, сведения о котором весьма скудны,⁵ или третий брат — Федор, о котором известен только факт его существования.⁶

Как указывалось выше, текст басни «Лисица и бобер» в майковских «Нравоучительных баснях» 1767 года имеет иную редакцию, чем в статье «Государь мой». Сопоставление обоих текстов с несомненностью свидетельствует, что текст 1774 года представляет авторскую доработку более ранней редакции.

В виде примера приведем два отрывка:

⁵ Русский биографический словарь, том «Павел-Петр», СПб., 1902, стр. 352, 359.

⁶ П. Долгоруков. Русская родословная книга, ч. I, СПб., 1854, стр. 174, № 234.

Издание 1767 года

Теперь

Не всякой по земли скитаться
будет зверь,

Там вышло повеленье

И так угодно небесам;

А то определенье

Скрепил Юпитер сам.

Волк с зайцем будут в поле,

Баран, конь, бык и пес

Останутся в неволе;

Медведям, тиграм, львам дре-
мучей отдан лес,

В степях отныне жить сло-
нам дано великим

Стремнины, горы, рвы козам,
баранам диким;

Болота отданы в дом вечно ка-
банам,

Бобрам в реках со выдрами
вселиться,

А прочее во власть оставлено
все нам.

И еще:

Читатели и вы, мню, скажете
здесь тоже,

Что качество души телесных
сил дороже.

Издание 1774 года

Теперь

Доволен будет Каждый зверь,

Там вышло повеленье,

И так угодно небесам,

А то определенье

Скрепил Юпитер сам.

Волк с зайцем будут в поле

Конь, Бык, Баран, Свинья и
Пес

Останутся в неволе,

Медведям, Тиграм, Львам дре-
мучий отдан Лес;

В степях отныне жить Слонам
дано великим,

Стремнины, Горы, Рвы; Козам,
Баранам диким,

Болота отданы в жилище Ка-
банам,

Бобрам в Реках со выдрами
вселятся,

И так во свете все подвластно
будет нам.

Я мню что... и сам ты
скажешь тоже

Что силы разума, телесных
сил дороже.

В предпоследней строке басни пропущено одно слово, очевидно, фамилия адресата. Поскольку два последних стиха написаны александрийским стихом, пропущенное слово должно состоять из трех слогов с ударением на первом или третьем слоге. Не должно ли прочитать: «Новиков»? Если это так, возникает вопрос, не была ли статья «Государь мой» напечатана Новиковым в ранний период его издательской деятельности.

Л. В. КРЕСТОВА

ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д. И. ФОНВИЗИНА

Фонвизин прославил свое имя в первую очередь как драматург. «Бригадир» и, в особенности, «Недоросль» принесли ему неувядаемую славу зачинателя русского реалистического театра.

Большое место в наследии писателя занимают также публицистические произведения как оригинальные, так и переводные. Наряду с «Баснями нравоучительными» Гольберга, «Альзирой» Вольтера, «Иосифом» Битобе, романом Террасона, повестями Бартеlemi и Арно, а также другими художественными произведениями Фонвизин перевел трактаты «Торгующее дворянство» Куайэ и «Слово похвальное Марку Аврелию» Тома. Однако круг переводов Фонвизина, касающихся публицистических произведений, не вполне уяснен, в частности не установлена принадлежность его перу статьи «Та-Гю, или великая наука, заключающая высокую китайскую философию». Рецензируя «Новое издание сочинений Фонвизина», выпущенное И. И. Глазуновым, Л. Н. Майков еще в 1866 году считал неправильным пропуск этого перевода.¹ Впоследствии в связи с указанием Л. Н. Майкова «Та-Гю» было включено в первое собрание сочинений и переводов Фонвизина в 1888 году,² но затем снова исчезло из двух дальнейших изданий 1893 года. И в настоящее время о «Та-Гю», переведенной Фонвизиным, нет упоминания в статьях и монографиях советских ученых. О ней не пишут ни Г. А. Гуковский, ни К. В. Пигарев.³ А между тем есть все основания считать данный перевод трудом Фонвизина.

Как указал П. А. Ефремов, статья «Та-Гю» впервые была напечатана в сборнике «Правдолюбец, или карманная книжка мудрого», в 1801 году.⁴

¹ Л. Н. Майков. Новое издание сочинений Фонвизина. ЖМНП, 1867, ч. 133, № 2, стр. 219.

² Д. И. Фонвизин. Первое полное собрание сочинений как оригинальных, так и переводных (1761—1792), М., 1888, стр. 768—777.

³ Г. А. Гуковский. Фонвизин. История русской литературы, т. IV, ч. 2. М.—Л., 1947, гл. II, стр. 152—205. К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. М., 1954 (особенно глава IV, обозрение 70-х годов, стр. 112—150).

⁴ Сочинения, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонвизина. (Редакция изд. П. А. Ефремова). СПб., 1866, стр. 672 (в дальнейшем цитируется: Д. И. Фонвизин. Сочинения, стр. ...); Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 220.

В крупных книгохранилищах Москвы и Ленинграда сохранилось несколько экземпляров этого сборника. В Москве один из них находится в Научной библиотеке им. А. М. Горького Московского государственного Университета (собрание Дмитревского 2198). Четыре экземпляра «Правдолюбца» имеются в Государственной публичной исторической библиотеке: один из Чертковской библиотеки (148.33), второй, находящийся в ОИК (78^{6/6}); третий — из собрания Н. П. Рогожина (385 619, Г^{1/78}) и четвертый — из собрания П. В. Щапова (309 404—91 ^{2/12}). Наконец, шестой экземпляр «Правдолюбца» сохранился в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина в собрании книг К. И. Соловьева (22237-45).

В книгохранилищах Ленинграда имеется также шесть экземпляров «Правдолюбца». Три из них находятся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Один — из библиотеки К. Туманова (18.111.6.62); второй «из книг Михаила Федорова» (37. 39. 10. 33) и третий — без всяких записей (37. 18. 9. 9). Два экземпляра «Правдолюбца» имеются в Библиотеке Академии наук ($\frac{1801}{169}$ инв. — 7851 и $\frac{1801}{169a}$ инв. — 7852). Кроме того, один экземпляр «Правдолюбца» есть в Библиотеке Ленинградского Государственного университета (Е Г 3013).

Все перечисленные двенадцать экземпляров «Правдолюбца» одинаковы по формату (16-я доля листа), имеют одно и то же заглавие, напечатаны в Императорской типографии в Санкт-Петербурге и выпущены в один и тот же 1801 год.

Несмотря на указанное внешнее сходство, экземпляры «Правдолюбца» различны по содержанию, что позволяет разделить их на три неоднородные группы.

Первую из этих групп составляют пять одинаковых по содержанию экземпляров «Правдолюбца»: I-A — из библиотеки Дмитревского (Научная библиотека МГУ), I-B в Исторической публичной библиотеке (ОИК), I-B там же (Чертковский), I-Г там же (Рогожинский); к этой группе относится экземпляр, некогда принадлежавший К. Туманову (в ГПБ). Назовем его I-Д.

Следует заметить при этом, что все эти экземпляры хорошей сохранности, только в Рогожинском экземпляре «Правдолюбца» (I-Г) отсутствуют стр. 27—28.

Содержание экземпляров этой группы, как обозначено в имевшемся оглавлении, следующее: 1. Каллисфен. Греческая повесть Фон-Физина. 2. Та-Гю, или великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию, перевод его же. 3. Отборные басни разных сочинителей.

Пагинация в экземплярах этой рукописи I сплошная: 1—124.

Нет сомнения, что экземпляр «Правдолюбца» именно первой группы — с указанием имени Фонвизина в оглавлении — попал в руки П. А. Ефремова.

Исследователь не предполагал, однако, что его ссыла на «Правдолюбца» не всегда подтверждается текстом: он не знал о наличии второй и третьей групп экземпляров данного сборника.

Вторая группа представлена в Москве экземплярами II-A (из библиотеки П. В. Щапова) и II-B (из библиотеки К. М. Соловьева), а в ленинградских книгохранилищах еще двумя экземплярами II-B (БАН, $\frac{1801}{169}$ инв 78) и II-Г (Библиотека ЛГУ).

Экземпляр II-A любопытен, между прочим, тем, что он попал к П. В. Щапову из личной библиотеки Н. И. Новикова.

Перечисленные четыре экземпляра «Правдолюбца» имеют следующее содержание: 1) Каллисфен, греческая повесть, 2) Та-Гю, или великая наука, заключающая высокую китайскую философию. Вместо же «Отборных басен» в экземплярах второй группы помещены:

«Поэма на разрушение Лиссабона соч. г. Вольтера с возражением на оную, писанным Ж. Ж. Руссо». Никакого оглавления в сборнике «Правдолюбца» этой второй группы нет; упоминание о Фонвизине, авторе «греческой повести» и переводчике «Та-Гио», не имеется

Кроме того, пагинация сборника двойная: от страницы 1-й до 64-й и затем снова от 1-й до 54-й.

Наконец, имеется и третья группа экземпляров той же книги: III-A, некогда принадлежавший Михайле Федорову (в ГПБ), III-B (там же, шифр 37.18.9.9) и, наконец III-B (БАН, $\frac{1801}{169a}$ инв. — 7852).

В экземплярах этой группы, несмотря на тождественное заглавие сборника, нет, однако, не только «Отборных басен», но удалены как «Каллисфен» Фонвизина, так и «Та-Гио». Очевидно, что экземпляры этой группы окончательно измененного «Правдолюбца» представляют жалкий остаток второй группы, так как сохранившуюся часть сборника составляют поэма Вольтера и возражения Ж. Ж. Руссо (экземпляры III-A и III-B). В начале же экземпляра III-B приплетено на двух отдельных листках большого формата «Характерное описание портрета Консула Бонопарте» Мерсье, изданное в Санкт-Петербурге, напечатанное в Императорской типографии в том же 1801 году.

Итак, сборник «Правдолюбец» 1801 года имеет три различных варианта, отличающихся друг от друга как своим содержанием, количеством страниц, так деталями и оформлением.

В чем же причина подобного различия?

Первоначальное содержание «Правдолюбца», вне всякого сомнения, было таким, каким мы находим его в экземплярах, составляющих первую группу.

Это сатирический сборник, где смело звучит голос Фонвизина, «друга свободы», автора «греческой повести Каллисфен», направленной против самодержавия. Дополнением к «Каллисфену» являются также двадцать пять «Отборных басен», завершающих сборник.

Большинство из них (за исключением пяти)⁵ принадлежит И. И. Хемницеру. В баснях, напечатанных в «Правдолюбце», нарочито подобраны такие, как «Львиный указ», «Лев, учредивший совет», «Слепой лев», «Побор львиной», «Привилегия» и другие, находившиеся позднее под цензурным запретом вплоть до 70-х годов XIX века. С совокупность произведений Фонвизина и басен Хемницера придавала «Правдолюбцу» резкую политическую направленность. Ее увеличивала также басня Н. Ф. Эмина «Сильная рука владыка» (стр. 117—124).

Не следует забывать, что «Правдолюбец» вышел в свет в мрачное царствование Павла I. Весьма вероятно, что содержание этого сборника, даже пропущенного цензурой, в дальнейшем показалось недопустимым. Тогда-то, полагаем, первоначальное содержание «Правдолюбца» подвергалось изменению. «Отборные басни» с их политическими намеками были заменены философскими произведениями Вольтера и Ж.-Ж. Руссо,⁶ имя Фонвизина исчезло со страниц «Правдолюбца».

В экземплярах второго типа появились как бы две части: сначала труды Фонвизина, а затем механически прибавленные к ним произведения Вольтера и Руссо, вследствие чего в книге получилась своеобразная двойная пагинация.

⁵ Две басни Ломоносова «Старик с парнем и осел» и «Волк в пастушьем платье», стр. 70 и 88; Сумарокова «Пир у льва», стр. 75; Княжнина «Мор зверей», стр. 81 и Н. Эмина, стр. 117.

⁶ На стр. 19 «Правдолюбца» этой группы после произведения Вольтера помещена небольшая эпиграмма.

По-видимому, именно эта вторая группа экземпляров «Правдолюбца» была наиболее распространена, что и объясняет затруднения в вопросе о переводчике «Та-Гю», тем более, что из экземпляров «Правдолюбца» третьей группы исчезли и «Каллисфен» и перевод «Высокой китайской науки» с связи с дальнейшими цензурными преследованиями.

П. А. Ефремов и Л. Н. Майков полагали, что перевод Та-Гю, выполненный Фонвизинным, был напечатан только в 1801 году.⁷

В действительности же он появился первоначально без имени автора в 1779 году в журнале «Академические известия». Сопоставление текста «Та-Гю» 1779 и 1801 годов показывает их тождество.⁸ Источником перевода и в первом и во втором случаях, как нам удалось установить, является перевод «Та-Гю» с китайского на французский язык, напечатанный в книге: «Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages etc. des Chinois» (Par les missionnaires de Pékin, Tome premier, Chez Nyon, A Paris, MDCCCLXXVI, стр. 436—458).⁹

«Та-Гю, или высокая наука» представляет одну из многочисленных книг, излагающих учение Конфуция.

Основное содержание «Та-Гю» — изложение его этико-политических воззрений, в первую очередь его взглядов на права и обязанности монарха.

Отправным положением книги является учение о добродетели, одинаково необходимой как государю, так и его последнему подданному; склонность ко благу равняет всех. В витиеватых и пышных восточных аллегориях повторяется мысль, что «всего драгоценнее и почтеннее на свете добродетель». Отсюда вывод: добродетель есть «непоколебимое основание престола» (стр. 48).¹⁰ «Великий монарх становится примером всему государству своему изнутри своих чертогов. Добродетели тамо им возвращенные и окрест его цветущие, обращают всех взоры, и далеко возвещают должность и невинные

⁷ Д. И. Фонвизин. Сочинения, стр. 672; ЖМНП, 1867, январь, стр. 219.

⁸ См.: «Академические известия», 1779, ч. II, май, стр. 59—101. Незначительное изменение имеется в композиции статьи: заключение «Академических известий» (стр. 83—84) стало началом в «Правдолюбце» (стр. 27—28). Кроме того, в последнем сокращены примечания. Из тридцати четырех, имевшихся в «Академических известиях», осталось только восемь в «Правдолюбце». В «Правдолюбце» исправлены также отдельные грамматические формы: именительный падеж множественного числа среднего рода на ИИ заменен формами на ИЯ: «роптания», «иждивения» (стр. 50, 54), выправлены опечатки.

⁹ Перевод с китайского сделан миссионером Сибо (Cibot). См.: Henri Cordier, Bibliotheca Sinica, t. I, Paris, 1776, стр. XIII; Полностью (в 6 томах) на русском языке этот труд появился в издании Н. И. Новикова в 1786 году под заглавием: «Записки, подлежащие до истории наук, художеств, нравов, обычаев и проч. китайцев, сочиненные проповедниками веры христианской в Пекине, том I издаи в Париже с воли и одобрения короля в 1776 г., на российской же язык предложен в 1785 году, губернии Московской, Клинской округи, в селце Миханлеве». После посвящения указана фамилия переводчика Михаила Веревкина. «Та-Гю» помещено в томе втором, стр. 167—206.

¹⁰ Страницы приводятся по изданию «Правдолюбца» 1801 года.

нравы. И действительно, нельзя, чтоб не был он почтен и любим, чтоб к вельможам его не было уважения и повиновения, чтоб несчастные не имели вспоможения и облегчения, когда сыновнее почтение, братская любовь и благоговение отличает высокий дом его паче порфиры, оный украшающей» (стр. 42). Вместе с этим, читаем в «Та-Гио»: «Государь тщетно то запрещает, что сам себе позволяет; никто ему не повинуется. Надлежит, чтоб в нем те пороки отнюдь не обитали, кои он истребляет, и чтоб те добродетели, коих он взыскует, в нем были неисходны; тогда да ожидает и да уповает он всего от своих подданных» (стр. 44).

Указывая, какое значение имеет моральный облик правителя, составитель «Великой китайской премудрости» создает образ идеального государя. Последний не только строг со своими подданными, но «ставит он себя непрестанно на место своих подданных» (стр. 46). Он печется о несчастных и о нуждах сирот. «В сем разуме, — вешает Конфуций, — благоговение государя сняет столько же в являемых им строгостях, сколько в нежных свидетельствах его благодати» (стр. 52). Верность, правота и честность — опора его престола. Идеальный правитель, внимательный к нуждам подданных, не обременяет их непосильными налогами. Он неизменно стоит на страже правосудия: оно «есть обильнейшее и неисчерпаемое сокровище государств. Сие неоцененное сокровище должен государь усугубляти непрестанно: он им одним богат будет» (стр. 55). В обязанность монарха входят также и заботы о просвещении. Лишь выполнение всех изложенных обязанностей — отмечено в «Та-Гио» — дает государю право на любовь народа и тем самым оправдывает его власть «Любовь подданных дает скипетры и короны. Их ненависть исторгает оныя и преломляет» (стр. 48). Престол может заколебаться, «когда корыстолюбие государя развратит честность подданных, тогда нечестие их рассеивает сокровища, собранные его неправосудием» (стр. 49). Опасным является положение и в том случае, когда монарх «станет презирать мужа, всеми почитаемого, но сделает «любимцем своим человека, всеми ненавистного» (стр. 53).

Многократно повторяются напоминания: «Цари! страшитесь уподобиться сему ненавистному вельможе, престол ваш падет под бременем гордыни, и развалины его гробом вашим будут» (стр. 47); «... есть ли б избрание мое, возопил Мукинг, пало на человека надменного, который бы боялся, удалял от меня, скрывал и или утеснял всех тех, коих способность, звание, ревность, служба и честность возмущали б его гордыню и раздражали б его зависть, тогда с какою б высотой ума он ни был, тогда что будет с потомками и народом и моими? всё государство мое не подвергнется ли конечному бедствию? Таковые министры рождены на разрушение и погибель государств. Мудрый токмо государь умеет отвергать их услуги, изгонять их от лица своего, очищать государство свое от их присутствия...» (стр. 51 сл.).

Книга «Та-Гио» во французском переводе могла попасть в руки Фонвизина во время его пребывания во Франции в 1777 и 1778 годах.¹¹

Интерес к Китаю неметался и в русской литературе давно. Сумароков помещает в «Трудолюбивой пчеле» «Монолог из Китайской трагедии Си-рота». Русские журналы второй половины XVIII века, как указывает М. П. Алексеев, были полны известий «о торговле европейцев в Китае», характеристиками китайского купечества, описанием фарфоровых фабрик и шелковых заводов... С. П. Колосов выпускает перевод книги Роб. Додсли

¹¹ Французский перевод «Та-Гио» появился в 1776 году; следовательно, предложение П. А. Ефремова (Д. И. Фонвизин, Сочинения, стр. 672) датировать фонвизинский перевод 1770 годом ошибочно.

«Китайский мудрец, или наука жить благополучно в обществе» (изд. 1773 и 1777 года).¹²

Большой интерес представляют также переводы с китайского, печатавшиеся на страницах сатирических журналов. Крупнейший синолог А. Л. Лентьев помещает в «Трутне» 1769 года «Чензы, китайского философа совет данный государю» (1770, л. VIII), а в «Пустомеле» «Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну» 1770 г. месяц июль.

П. Н. Берков правильно указывает, что «в обоих переводах с китайского было очень много такого, что наталкивало на сопоставление с русской действительностью 1769—1770 гг.». Вот, например, фраза в «Ответе Чензыя», которая совершенно злободневно звучала во время толков о роспуске Комиссии 1767 года: «Если учреждения твои будут легкомысленны и, следовательно, не тверды, то ведай, что не только государство свое не исправишь, но и самого тебя исправить трудно будет» («Трутенъ», 1770, л. VIII). Во втором переводе примечателен эпизод со старым государем, который передает власть наследнику, а в 1770 году Екатерина II, согласно письменному обещанию, должна была уступить власть своему шестнадцатилетнему сыну и при этом формулирует основные принципы своей правительственной системы: «Не отдавайся в обман льстецам и лукавцам и не слушай развратных предложений, ведай, что от добродетельного государева жития в государстве будет мир и согласие... («Пустомеля», 1770, июль).¹³

Выбрав для перевода книгу «Та-Гио», Фонвизин сделал это, конечно, не случайно. За год до этого (1777) он перевел «Похвальное слово Марку Аврелию» передового французского писателя Тома, который начертал возвышенный образ справедливого и мудрого правителя. Оно привлекло внимание Фонвизина, так как допускало сопоставления с русской действительностью. То же самое следует сказать и о «Та-Гио».

Проблемы государственного управления (права и обязанности монарха), вопросы законодательства и судопроизводства глубоко волновали Фонвизина. Ему был ненавистен произвол, царивший в России, поведение развратной императрицы, частая смена ее фаворитов, дерзко расхищавших государственную казну, отстранение крупных государственных деятелей, деспотическое поведение Потемкина.

Фонвизин как в своих оригинальных, так и переводных произведениях пользовался любым случаем, чтобы доказать, как та страна, где царь владеет сердцами народа и своим собственным, блаженна.

«Та-Гио, или высокая китайская наука» наталкивала читателя на желаемые переводчику выводы, содержала косвенное обличение Екатерины II, давала новый урок самодержавной правительнице, что выдает, между прочим, одна небольшая цензурная подробность.

В «Академических известиях» 1779 года перевод помещен полностью, но среди тридцати четырех примечаний опущено несколько строк в примечании двадцать втором. Примечание это следующее: «Кие и Тшу суть китайские Нероны и Калигулы. Первый изображен в Шу-Кинге и в летописях государем сладострастнейшим и роскошнейшим, не имеющим ни честности,

¹² См.: «Трудолюбивая пчела», 1759, сентябрь, стр. 570; М. П. Алексеев. Пушкин и Китай. сб. «Пушкин и Сибирь», М. — Иркутск, 1937, стр. 116; «СПб. ученые ведомости», 1777, №№ 21, 22, стр. 168 и 170 сл. Ср. также: В. И. Межов. Библиография Азии, т. I. СПб., 1891; А. Н. Неустроев. Указатель к русским повременным изданиям и сборникам 1703—1802 гг.». СПб., 1898, стр. 291—292.

¹³ Сатирические журналы Н. И. Новикова, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 25—26.

ни веры, любившим великолепию забав и увеселений до безумия, горделивым в своих требованиях, гнусным в поведении, вероломным и жестоким».

Следующие за этим строки оригинала отсутствуют в переводе Фонвизина: «Государем... вероломным и жестоким, как женщина, погрязшая в разврате, нагло злоупотребляет своей властью, чтобы подавлять народы и развращать их до предела ради удовлетворения своей похоти».

Вряд ли эти строки снял сам Фонвизин, боясь их применения к Екатерине II; вероятнее, что их не пропустил цензор, тем более, что они отсутствуют и в позднейшем переводе М. И. Веревкина.

Перевод Фонвизина, изданный в 1779 году, был первым в России. Через год (в 1780 году) книга снова увидела свет: ее перевел с китайского и манчжурского Алексей Леонтьев;¹⁴ названный выше перевод Веревкина был третьим; несмотря на это, перевод Фонвизина дословно (с сокращением примечаний) перепечатан в «Правдолюбце» в 1801 году.

Итак, Фонвизину, несомненно, принадлежит перевод «Та-Гио», который, как указывал еще Л. Н. Майков, «может послужить к разъяснению политического образа мыслей нашего автора и, стало быть, не менее замечателен, чем перевод „Похвального слова Марку Аврелию“ Тома и „Торгующего дворянства“ Куаие».¹⁵

Впрочем, для полной ясности вопроса следует остановиться еще на одной детали.

В «Опыте российской библиографии» сочинение статьи «Каллисфен» и перевод «Та-Гио» приписаны не автору «Недоросля», а его брату Павлу Ивановичу Фонвизину.¹⁶ В «Правдолюбце» действительно оба эти произведения отнесены к одному и тому же лицу: г. фон-Физину, инициалы которого не указаны.

Но можно ли считать автором оригинальной повести «Каллисфен»¹⁷ и в то же время переводчиком «Та-Гио» Павла Ивановича Фонвизина?

П. И. Фонвизин (1744—1803) известен как переводчик, помещавший свои труды в журналах «Полезное увеселение», «Доброе намерение», «Собрание лучших сочинений». Ему принадлежат переводы «Нравоучительных сказок» Мармонтеля, «Силы родства» г-жи Гомиц и «Друга девиц». Все эти переводы относятся, однако, к периоду с 1760 по 1767 год, в следующие же годы П. И. Фонвизин как переводчик не выступал более в печати. Что же до оригинальных прозаических произведений, то о наличии их у П. И. Фонвизина вообще не известно.¹⁸ Как предполагает П. Н. Берков, отсутствие инициалов при упоминании фамилии в «Правдолюбце» — явное свидетельство в пользу всем известного писателя, а именно Дениса Ивановича Фонвизина. Кроме того, нет никаких оснований оспаривать принадлежность последнему повести «Каллисфен», в чем, кстати сказать, не усомнился ни один из советских исследователей и что подтверждается как рядом биографических фактов, так и стилем произведения.

¹⁴ Сы-Шу-Гей, т. е. четыре книги с толкованиями... СПб., 1780, «Та-Гио» здесь названа «Да-Хио».

¹⁵ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 220.

¹⁶ В. С. Сопиков, Опыт российской библиографии, ч. 4, СПб., 1904, № 8724.

¹⁷ Напечатана в «Ежемесячных сочинениях» (1786, ч. II, август, стр. 84—106).

¹⁸ Русский биографический словарь, том «Фабер—Цявловский» (XXI), СПб., 1901, стр. 199.

Написанию «Каллифена» предшествовал ряд смелых статей Фонвизина в «Собеседнике любителей Российского слова». В третьей части журнала за 1783 год он напечатал, вступив в полемику с самой императрицей, свои колкие «Вопросы». В «Челобитной российской Минерве» писатель обрушился на невежественных вельмож, а «Опыт российского сословника» наполнил политическими намеками. Гнев императрицы заставил Фонвизина замолкнуть, но через три года он вновь продолжил борьбу с самовластием, написав «Каллифена». «Греческая повесть» имеет русское содержание, в ней снова повторены страстные обличения, снова создана блестящая политическая сатира.¹⁹

Давая резкие характеристики самодержцу и его вельможам, автор в некоторых случаях повторял свои прежние высказывания. Так, создатель «Каллифена» смело осуждает Леонада — любимца правителя, который «умел овладеть совершенно душою монарха». Он «нагл», «им владели страсти высокомерные и алчность к обогащению». Именно о таких пороках любимца государя пишет Фонвизин в «Рассуждении о истребившейся в России всякой формы государственного правления»: «Если провидение допускает душою государя овладеть чудовищу... если он горд, нагл, коварен, алчен к обогащению».

Характеристика государева любимца, имеющаяся в «Каллифене» («Леонад не любил никого и никем любим не был, ибо тот, кто любит одного себя, не должен быть любимым от других»), повторяет суждения Д. И. Фонвизина, высказанные в «Недоросле». Стародум: Без знатных дел знатное состояние ничто. Софья: Конечно дядюшка. И такой знатный никого счастливым не делает, кроме себя одного. Стародум: Как! А разве тот счастлив, кто счастлив один? Софья: Вижу, какая разница казаться счастливым и быть действительно. Да мне непонятно, дядюшка, как можно человеку помнить одного себя».

В полном соответствии с художественной манерой Фонвизина дан в «Каллифене» также образ Скотазы, начальника обоза. Самое имя Скотазы знаменательно. В «Опыте российского сословника» Фонвизин писал: «Все то создание, которое имеет душу живу, называется животное. Следственно человек и скот под сие название подходят. Но если человек называется в добром смысле животным, то скотом иначе не именуется, как в дурном смысле, то есть, когда рассудок управляет им не больше, как скотом. Люди и скоты, составляющие род животных, имеют между собою ту разницу, что скот никогда человеком сделаться не может, но человек иногда добровольно становится скотом. „Человек в чести сый, не разуме; приложися скотом несмысленным и уподобися им“».²⁰

Скотаз в «Каллифене» — человек низкий и глупый до невероятности: «Верблюды, лошади, ослы составляли существо душевных его чувств». Кроме того, он действительно готов добровольно сделаться скотом.

«Хотя действие „Каллифена“, — замечал еще Н. С. Тихонравов, — происходит во времена Александра Македонского, но Скотаз на вопрос „Каллифена“ об его усердии к Леонаду отвечает: „Да для его высокопревосходительства я сам бы рад припречься“: понятно, каких придворных представляют спутники Александра».²¹ Скотаз в «Каллифене» был «из

¹⁹ Всецело присоединяюсь к мнению К. В. Пигарева, подчеркивающего политическую направленность повести «Каллифен» и полемизирующего по этому вопросу с П. Н. Берковым и Г. П. Макогоненко. См.: К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. М., 1954, стр. 235.

²⁰ Фонвизин, Сочинения, стр. 198.

²¹ Н. С. Тихонравов. Сочинения, т. III, ч. 1, М., 1898, стр. 127.

тех придворных тварей, коих поведение перед знатными весьма подло, но перед теми, коих он не боялся или в коем не искал, весьма грубо». Эта характеристика напоминает «Всеобщую придворную грамматику» Фонвизина: «Придворный падеж есть склонение сильных к наглости, а бессильных к подлости». Или, в «Лисице-Казнодее», — «знатному скоту льстят подлые скоты».

Повесть «Каллистен», идейно и стилистически близкая к публицистике и драматургии Д. И. Фонвизина, несомненно принадлежит его перу.

Этому же перу принадлежит и перевод «Та-Гио», который должен быть внесен в предстоящее авторитетное издание сочинений Фонвизина как оригинальных, так и переводных.²²

²² Первое упоминание о «Та-Гио» в русской науке имело место задолго до перевода Фонвизина. В 1730 году в «Museum sinicum» акад. Зигфрида Байера было помещено начало книги «Та-Гио» по-китайски с параллельным переводом по-латыни. — *Прим. Ред.*

Л. Б. СВЕТЛОВ

МНЕНИЕ О ИЗБРАНИИ ПИЕС В «МОСКОВСКИЕ СОЧИНЕНИЯ» Д. И. ФОНВИЗИНА

Автограф статьи под таким заглавием сохранился среди бумаг Д. И. Фонвизина, собранных П. А. Вяземским. В своей монографии о Фонвизине Вяземский называет ее отрывком. Опубликовав многие важные и даже второстепенные материалы, он не придал статье большого значения и поэтому, вероятно, не счел нужным привести ее. «По отрывку, под названием „Мнение о избрании пьес в «Московские сочинения», — писал Вяземский, — видно, что он <Фонвизин, — Л. С.> был один из учредителей общества, которое готовилось издавать периодическое сочинение. В числе правил, постановленных им, замечательно следующее: не принимать никаких переводов; следовательно, в то время это было дело бытовое, что, впрочем, и доказано „Собеседником“».¹ Квалификация «Мнения» как отрывка представляется нам спорной. Скорее всего — это вполне законченная программа намечавшегося издания журнала или альманаха под названием «Московские сочинения». К сожалению, в литературе не встречается никаких сведений об этом предприятии, участником которого был или хотел быть Фонвизин.

Статья относится, несомненно, ко второй половине 1780-х годов. Суждения, которые высказывает в ней Фонвизин, — это суждения зрелого, опытного литератора, хорошо знающего насущные потребности литературы своего времени, проблемы художественного перевода и развития русского литературного языка. В 1780-х годах Фонвизин как раз много занимался подобными вопросами, принимал активное участие в разработке планов словаря русского языка, подготовлявшегося Российской Академией. К этому периоду относятся и его лингвистические статьи: «Опыт российского соловника», «План или начертание словаря российского языка» и др.

Датировка статьи устанавливается также по ссылке Фонвизина в ней на петербургские «Ежемесячные сочинения», т. е., несомненно, на журнал «Новые ежемесячные сочинения», издававшийся Академией наук в 1786—1796 годах

В этом журнале действительно помещались, зачастую без должного строгого отбора, малоудачные переводы. Новейший исследователь, П. Н. Берков, специально подвергший анализу содержание этого академического журнала, подтверждает отзыв о нем Д. И. Фонвизина. «В литературном отделе

¹ П. А. Вяземский. Д. И. Фонвизин. СПб., 1848, стр. 280. — В подлиннике опечатка: «собранные». — Прим. Ред.

„Новые ежемесячные сочинения“, — пишет П. Н. Берков, — делали шаг назад по сравнению с „Собеседником любителей российского слова“, давая место наряду с оригинальными произведениями также и переводам. Последние, в конце концов, заняли первенствующее положение в академическом журнале. Но переводы в „Новых ежемесячных сочинениях“ не делались по какому-либо определенному плану. Редакция, очевидно, вполне зависела от присылаемого материала, выбиравшегося самими переводчиками; поэтому, наряду с Овидием, которого „Превращения“ и другие произведения занимают много места в журнале, находим переводы из Шолье, из Мерсье, Галлера, Геллерта, Аддисона и даже из „Спектатора“ и Вольтера”.²

Упоминание П. А. Вяземским «Собеседника любителей российского слова» в приведенной выше характеристике «Мнения» свидетельствует, что он также относил статью Фонвизина к 1780-м годам.

Издание «Московских сочинений», возможно, проектировалось Фонвизиним после постигшей его неудачи самостоятельно издавать журнал «Друг честных людей, или Стародум», запрещенного цензурой в конце 1787 или начале 1788 года. Это могло быть попыткой писателя обойти цензурные рогатки посредством создания литературного сообщества со своим печатным органом. Такое коллективное предприятие, как, возможно, надеялся писатель, позволило бы ему вновь выступить на литературной арене, несмотря на крайне неблагоприятное отношение к нему Екатерины II, к тому времени фактически воспретившей ему продолжать литературную деятельность.

С этой точки зрения публикуемый документ представляет, несомненно, значительный биографический и общественно-политический интерес как одно из проявлений борьбы передовой русской литературы за свое утверждение, за свои жизненные права.

Текст статьи воспроизводится по автографу из собрания П. А. Вяземского (ЦГАДА, ф. 195, п. 47, д. № 43, л. 5), находящемся ныне в ЦГАЛИ.

МНЕНИЕ О ИЗБРАНИИ ПИЕС В «МОСКОВСКИЕ СОЧИНЕНИЯ»

Для предупреждения тех злоупотреблений, которые обыкновенно во всяких добрых делах случаются, следовательно, и с «Московскими сочинениями» случиться могут, мне кажется постановить такое в рассуждении сих учреждение, которое бы никогда не нарушаемо было от тех, кто для пользы общества желает проводить время с такою приятностию, каковую подают словесные науки всем упражняющимся в оных. Нет в том сомнения, чтоб не сошлись в оном учреждении все те, которые приняли намерение составить малое сообщество издавать «Московские сочинения».

Остается только положить единожды сие учреждение, которое может состоять в следующем:

² П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. Изд. АН СССР, 1952, стр. 344—346.

1) Не принимать никаких переводов, тем менее дурных, ибо в противном случае «Московские сочинения» наполнены будут как и «Ежемесячные» в Петербурге такими переводами, которых и сам переводчик, не говоря о читателе, разуместь не может. Сверх того общество, издавая сии книги, желает стараться о чистоте российского языка, которая, как и всех языков на свете, видна бывает по большей части в сочинениях. Оно желает стараться показать чистоту языка и в стихах, которых переводить почти невозможно, для той разности, которую языки в свойстве своем имеют; сверх того доказывается то самым опытом, что с стихов стихом переводить не можно, разве только подражать.

2) Трагедий и комедий не принимать, ибо оные называются уже большими сочинениями, а «Московские» состоять будут в малых.

3) Все сочинения должны надлежать к словесным, а не другим наукам, ибо для прочих учреждены другие собрания.

4) Отсутствующие, как и присутствующие, обязаны каждый месяц давать по листу стихами и по листу прозою. Первые пересылать, а другие отдавать могут тому, который избран будет стараться о напечатании.

5) Как всякое общество утверждается на единодушии, кои оное составляют, то все пьесы должны быть читаны всем собранием; каждый не только может, но и должен сказать свое мнение как о всей пьесе вообще, так и порознь о примечаемых им погрешностях. Сей есть один способ очистить российский язык от тех погрешностей, которые видны во многих сочинениях и в толиком множестве несносных переводов, от коих язык русский страждет. Чужестранные авторы, прославленные во всем свете, теряют в отечестве нашем свою славу, и читатель заражается дурным вкусом.

П. Н. БЕРКОВ

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА¹

У. К БИОГРАФИИ МИХАИЛА АЛЕКСЕЕВИЧА МАТИНСКОГО

(Документы об отпуске его на волю и о службе в Комиссии об учреждении училищ)

Имя Михайлы Матинского, драматурга, переводчика, композитора и видного педагога конца XVIII—начала XIX века, в прошлом «крепостного человека графа Ягужинского», достаточно хорошо знакомо советским литературоведам, музыковедам и театроведам.² Менее известно, что Матинский, по словам исследователя, «был для своего времени незаурядным математиком и должен быть упомянут в истории русской математики».³ По поводу

¹ Начало см.: сб. «XVIII век», вып. I, 1935, стр. 327—376.

² Основная дореволюционная литература о Матинском указана в т. IV «Источников словаря русских писателей» С. А. Венгерова (Пгр., 1917, стр. 217). Следует добавить: <А. Анненков>, Драматический словарь, М., 1787, стр. 38—40 (или переиздание: СПб., 1881, стр. 38—40). В. <А.> Яковлев>. Опера комическая С.-Петербургский гостинный (!) двор Михайла Матинского. Перепечатано с первого издания 1791 г. Одесса, 1890, стр. I—XVIII (стр. 1—116: текст пьесы Матинского). Кроме того, попутно говорится о Матинском в «Историях русского театра»: 1) Б. В. Варнеке (все издания); 2) под ред. В. В. Каллаша и А. Эфроса (1914), 3) С. С. Данилова, и др., в «Русской литературе XVIII века» Г. А. Гуковского, в «Истории русской литературы XVIII века» Д. Д. Благого, в «Русской музыкальной культуре XVIII века» Т. Н. Ливановой, в «Русской комедии и комической опере XVIII века», под моей редакцией. Единственная специальная работа о Матинском — композиторе и писателе: В. А. Прокофьев. Михаил Матинский и его опера «Санктпетербургский гостинный двор» (сб. «Музыка и музыкальный быт старой России. Материалы и исследования», т. I, Л., 1927, стр. 58—69) содержит много неточностей. О Матинском как педагоге см.: Описание дел Архива Министерства народного просвещения, т. I, Пг., 1917 (по именному указателю); Н. П. Черепнин. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Пг., 1914 (по указателю).

³ И. Чистяков. Крепостной математик-композитор XVIII в. М. Матинский. «Известия Тверского педагогического института», 1928, вып. 4, стр. 47

его книги «Начальные основания геометрии» (1798) И. Чистяков писал: «„Основания“ (...) ценны для характеристики личности самого Матинского; они обнаруживают в нем математический талант и глубокую эрудицию для того времени и дают полное основание предполагать, что если бы Матинский в молодости причудами своего владельца не был отвлечен в область музыки, он мог бы сделаться крупным ученым-математиком и много сделать для русской науки и просвещения».⁴

Однако биография Матинского известна нам не во всех подробностях. Неизвестно было до сих пор его отчество, так как во всех источниках, печатных и письменных, он фигурирует исключительно как Михайла Матинский.

Об отпуске его на волю графом С. П. Ягужинским сообщил в 1856 году М. Н. Лонгинов в одной из серии заметок, озаглавленных «Библиографические записки», печатавшихся им в некрасовском «Современнике». По сведениям, полученным Лонгиновым от «одного из родственников графа Ягужинского по женской линии», граф, «видя способности Матинского, обучавшегося в гимназии, дал ему отпускную».⁵ Неподтвержденные другими документами, сведения эти вызвали к себе осторожное отношение. Нижепубликуемые документы подтверждают этот факт и заодно содержат отчество Матинского.

В Центральном государственном историческом архиве Ленинграда в фонде Комиссии об учреждении училищ (фонд 730) хранятся следующие документы:

I

В Комиссию об учреждении училищ от уволенного Михайла Матинского покорнейшее прошение о желании поступить в должность переводчика.

Желая вступить в действительную е. и. в. службу, и имея к должности переводческой некоторые способности, Комиссии от части известные,⁶ покорнейше прошу высокопочтенную Комиссию об определении меня в свое ведение к переводам на каком основании заблаго рассудит. В доказательство же моей вольности прилагаю при сем подлинную мою отпускную. Михайла Матинской. Июля дня 1786 года.

*Канцелярская помета: «Получ. июля 28-го 1786».*⁷

II

Объявитель сего крепостной мой дворовой человек Михайло Матинской с женою Натальею Григорьевой и матерью его Марьею Яковлевою, положенной в подушной оклад в подмосков-

⁴ Там же, стр. 55.

⁵ «Современник», 1856, т. LVII, № 6, отд. V, стр. 168; перепечатано в «Сочинениях» М. Н. Лонгинова (т. I, М., 1915, стр. 55).

⁶ В 1785 году М. Матинский перевел для Комиссии книгу И. Ф. Гакмана «Всеобщее землеописание», и ему же было поручено перевести «Историю Российского государства» И. Г. Штритера (Описание дел Архива Министерства народного просвещения, т. I, Пгр., 1921, стр. 18).

⁷ ЦГИАЛ, ф. 730, оп. 1, ед. хр. 38422, л. 30.

ном моем селе Павловском, отпущен за верную его мне службу вечно на волю; до которого впредь как мне самому, так жене, детям и наследникам моим дела нет, и никому в него не вступаться.

Подушные же деньги и другие государственные подати принимаю платить за него на себя впредь до ревизии. Во утверждении его вольности дана ему от меня сия вечная отпускная с подписанием моей руки и с приложением печати моего герба в Санкт-Петербурге октябр. дня 1785 года. Е. и. в. всемилост. госуд-ни моей ген(ерал)-порутчик д(ействитель)ной камер гер и кавалер граф Сергей Ягужинский.

На обороте находится секретарская заверка:

Сия отпускная Санкт-Петербургской губернии верхнего надворного суда во 2 департаменте отпущенного вечно на волю от его сиятельства г-на ген. пор. действ. камергера и кавалера гр. Сергея Павла. Ягужинского дворового человека Михаила Алексея сына Матинского сего 1785 года ноября 3 дня при челобитье явлена, а по силе учиненного в сем департаменте сего ж года ноября 9 дня определения в крепостную книгу под № 118 записана и за лист гербовой бумаги, на какой оной писанной быть надлежало, деньги двадцать копеек взяты и в приход записаны; и с сею надписью ему, Матинскому, обратно отдана с тем, что естли на сию отпускную впредь от кого-либо произойдет какой спор и опровержение, то оным людям с кем надлежит разбираться в том судом, где по законам следует.

Ноября 13 дня 1785 года. Секретарь Иван Марков.
Надсмотрщик Харлампий Ниточкин.⁸

Присоединяю к этим документам сведения, сообщенные М. А. Матинским в Комиссию об училищах в сентябре 1798 года для получения аттестата:

Служил я при оной комиссии с 1786 г. июля 28 дня до 1797 г. февраля 16 дня переводчиком, а потом февраля с 16 дня до 13 июля того же года секретарем. С сего же времени удостоен я быть принятым в службу при Обществе благородных девиц по воле начальствующей во оном г(осударыни) и м(ператрицы), где я ныне и состою. Сентября дня 1798 года.⁹

Этих данных Комиссии показалось недостаточно, и поэтому канцелярией был подготовлен более подробный перечень служебных поручений М. А. Матинского: 28 июля 1786 года принят переводчиком; с 1785 по 1797 год — учитель истории, географии, арифметики и русского языка при Пажеском.

⁸ Там же, л. 31—31 об.

⁹ Там же, л. 62

корпусе; 26 сентября 1788 года участвовал в издании малых и больших глобусов; 28 июня 1795 года — «по поднесенному от Комиссии докладу за выше прописанные труды по высочайшему указу произведен» в титулярные советники; 10 декабря 1796 — по изданию двух древних карт получил прибавку жалованья в 100 руб. к прежним 300; 16 февраля 1797 г. по 31 марта 1797 г. — секретарь Комиссии.¹⁰

В результате изложенного было постановлено:

Михаилу Алексеевичу Матинскому написать аттестат (!) таков:

Во всех сих многообразных должностях трудился он неутомимо с таким искусством и рачением, как более ожидать нельзя, посвящая все свое время в пользу государственной службы. За таковые отличные его труды, яко в отправлении при комиссии должностей бдительному, исправному и усердному, а в преподавании учения в науках сведующему и имеющему искусство внушать учащимся предметы для понятия и затверживания легчайшим образом, дан ему, Матинскому, сей аттестат за подписанием присутствующего Комиссии и с приложением ее ж печати. Санкт-Петербург, Сентября 17 дня 1798 года.¹¹

Составлен этот аттестат известным деятелем на педагогическом поприще, Ф. И. Янковичем-де-Мирнево.¹²

VI. НЕИЗДАННАЯ ЭПИГРАММА ЛОМОНОСОВА

Пятиактная трагедия Ломоносова «Тамира и Селим» была написана в исключительно короткий срок: начата она была «29 сентября <1750 года> после обеда», как гласит собственноручная авторская помета на рукописи трагедии, а уже в последних числах октября того же года она была набрана, и 1 ноября состоялось определение о ее печатании.¹

Слухи о новой русской трагедии проникли в тогдашние литературные круги и вызвали раздражение со стороны единомышленников А. П. Сумарокова, до того считавшегося единоличным властителем «храма российския Мельпомены». По-видимому, именно к этому времени относится пародическая афиша И. П. Елагина, в которой сообщалось о «представлении трагедии Тамиры» в несообразный с календарной точки зрения день — 29 февраля 1758 г.² Здесь Ломоносов иронически назван «Racine malgré lui» («Расин поневоле») — перефразировка мольеровского «Médécin malgré lui» и намек на то, что пьеса была написана Ломоносовым по заказу.

¹⁰ Там же, лл. 66—66 об., 67 и 68.

¹¹ Там же, л. 67.

¹² Описание дел Архива Министерства народного просвещения, т. I, Пгр., 1921, стр. 137.

¹ Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова, т. I, СПб., 1891, стр. 427 втор. пагин.

² См. мою книгу: Ломоносов и литературная полемика его времени. М.-Л., 1936, стр. 102—104.

К этому же времени — к первой, по-видимому, половине октября 1750 года — относится неизданная эпиграмма, находящаяся в известном «Казанском сборнике» «Разные стиходействии».³

Тамира бедная! Ты хочешь лишь родиться,
 Уже зовет тебя слепую Филоктос.
 «Как можно, — говорит, — ей со стены влюбиться,
 Тотчас, приятель мой, ответь на сей вопрос!»
 Никак ты думаешь, что было в прежни веки
 Тако ж строение градов и крепостей,
 Как нын ухитрены наукой человеки,
 Обширностью валов брегутся от огней.
 Иль многих в древности не видишь ты примеров,
 Там жены полюбить могли со стен царя,
 Со стен там разговор, согласие и пря,
 Сего исполнен труд Маронов и Гомеров.
 Тамиру для того престань ты оуждать
 И не заставь за то слепым себя назвать.⁴

Слова «Ты хочешь лишь родиться» позволяют предположить, что эпиграмма написана еще до выхода в свет печатного издания трагедии, может быть — даже до окончания работы автора над рукописью. Возможно, что Ломоносов читал отдельные отрывки своего произведения литературным ценителям, скорее всего Сумарокову и Тредиаковскому, с которыми у него в то время были вполне хорошие отношения, и эпиграмма является ответом на замечания одного из них.

Имя «Филоктос» искусственное, значение его неясно. Возможно, что вторая часть его восходит к греческому глаголу *κτείνω*, что означает «убиваю», т. е. «любящий убивать, поражать».

«Как можно, — говорит, — ей со стены влюбиться!» — Трагедия Ломоносова начинается диалогом Тамиры и ее кормилицы Клеоны, стоящих на городской стене крымского города Кафы; в следующем явлении Тамира в монологе говорит о своей любви к Селиму, «царевичу багдатскому», которого она видела со стены. К отдельному изданию трагедии Ломоносова приложена гравюра-фронтиспис, изображающая Тамиру на городской стене, а Селима в поле перед Кафой.

В сборнике «Разные стиходействии» эпиграмма «Тамира бедная!» подписи не имеет. Однако то обстоятельство, что автор ее защищает Ломоносова как создателя еще не опубликованной, может быть, даже неоконченной трагедии, пользуется обычными у Ломоносова ссылками на авторитет античных писателей, употребляет ломоносовское ударение в слове «град^ов», расходившееся с нормальным в то время ударением «гра^дов», содержит обычную для поэтического языка Ломоносова начала 50-х годов форму «нын^я» (вместо «ныне»), — всё это дает основание предполагать, что эта эпиграмма принадлежит самому Ломоносову.

³ О «Казанском сборнике» см.: Ломоносов и литературная полемика его времени, стр. 114—116 и 305—306.

⁴ ГПБ, Рукоп. отд., Q. XIV. 123, стр. 92.

А. П. МОГИЛЯНСКИЙ

«ОЛЬГА», ТРАГЕДИЯ Я. Б. КНЯЖНИНА

I

Литературная репутация Княжнина в XVIII веке была основана на трагедиях «Дидона» (1769) и «Рослав» (1784). Именно этими произведениями он «воздвиг Парнасс» в екатерининской России, как говорится в известном четверостишии к его портрету. В 1770—1790-х годах Княжнин — ведущая фигура русской трагической драматургии. С появлением произведений В. А. Озерова, отодвинувших трагедии Княжнина на второй план, были сделаны попытки переосмыслить его деятельность, охарактеризовав его как драматурга-комика.¹ Но полемика романтиков двадцатых годов XIX века с классиками и особенно статьи Белинского делают репутацию Княжнина уже величайшей отрицательной.

Было бы бесполезно искать объяснений литературной судьбы Княжнина в особенностях его творчества или недостаточности художественного дарования. Никакой особой литературной судьбы у Княжнина не было, так как он полностью разделил судьбу всего русского классицизма XVIII века, вернее — русской классической трагедии от Сумарокова до Озерова.

Интерес, проявлявшийся к трагедии Княжнина «Вадим Новгородский» (сожжена в 1783 году, впервые переиздана в 1871 году), имеет характер преимущественно идейно-политический. Работы, посвященные Княжнину, стремились дать то или иное истолкование трагедии и постигшей ее кары, мало заботясь об освещении творчества драматурга в целом. Другими словами, интерес к опальной трагедии ни в какой мере не знаменует изменения отношения исследователей к Княжнину и русской классической трагедии вообще. Последняя была как бы вычеркнута из списка тех эстетических ценностей, которые способны стимулировать дальнейшее развитие искусства слова. Невнимание к трагедии Княжнина «Ольга», известие о которой появилось в печати еще в 1886 году,² является в этом отношении показательным.

¹ Анонимный рецензент «Сына Отечества» по поводу третьего издания сочинений «знаменитого нашего комика» писал: «Трагедии его „Дидона“, „Рослав“, также и „Владисан“, конечно, имеют свое достоинство: но самые лучшие его произведения бесспорно суть комедии: „Хвастун“ и „Чудаки“ («Сын Отечества», 1817, ч. 38, № 23, «Современная русская библиография», стр. 142). См. также рецензию С. Н. Глинки в «Русском вестнике» (1819, № 5, стр. 39—40).

² Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1883—1885 г. М., 1886, стр. 33.

II

«Ольга» дошла до нас в единственной рукописи, представляющей собой четкую писарскую копию конца XVIII века.³ Автором в рукописи назван Яков Княжнин. Но ввиду того, что иных известий о трагедии не имеется, может возникнуть законный вопрос об авторстве Княжнина. Вопрос этот благодаря наличию в его стиле ряда устойчивых индивидуальных особенностей разрешается положительно. Иначе говоря, «Ольга», несомненно, принадлежит перу Княжнина, причем сохранность ее текста вполне удовлетворительна.

Больше затруднений представляет второй важнейший вопрос — о хронологическом приурочении этой безвестной трагедии.

В работе первой исследовательницы «Ольги» — М. О. Габель — проблема датировки трагедии, равно как и источников ее, не ставится. Однако одно высказывание Габель позволяет заключить, что она мыслит «Ольгу» последней трагедией Княжнина (т. е. написанной около 1790 года).⁴ Эта датировка, как будет видно ниже, никаких оснований не имеет.

«Ольга» — не оригинальное произведение Княжнина, она представляет собою переделку, «переложение на русские нравы» трагедии Вольтера «Мёгоре» (1743). При этом драматургом был использован не оригинальный текст, что особенно существенно, а русский стихотворный перевод В. И. Майкова, изданный в Москве в 1775 году. Эта дата — terminus post quem создания «Ольги».

На данной ступени исследования некоторую помощь нам может оказать анализ стиля трагедий Княжнина. Рассмотрим, например, одну из наиболее типичных закономерностей развития этого стиля — постепенное вытеснение двуглагольных рифм (типа: угасает — умирает) рифмами одноглагольными (принадлежит — стыд). Иллюстрируется эта закономерность следующими цифрами: «Дидона» — 318 : 42; «Владимир и Ярополк» — 317 : 69; «Рослав» — 276 : 75; «Владисан» — 227 : 78; «Софонисба» — 206 : 75.⁵ В «Ольге» мы имеем такое же соотношение между одноглагольными и дву-

³ Вся рукопись представляет собою переплетенный сборник пьес в лист. Сборник содержит текст пяти пьес («Ольга», 2 комедии Фонвизина и Эмина и 2 трагедии Вольтера в переводе Фонвизина и Дубровского). Писана рукопись разными писарскими почерками (в пределах «Ольги» — почерк один). «Ольга» помещена в рукописи на первом месте (лл. 2—37). Хранится рукопись в Рукописном отделении Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина под шифром 2968.

⁴ «Княжнин стремился отойти от сюжетов, взятых из античной истории, обращаясь к русской и пытаясь выйти за пределы „исторического баснословия“ по Татищеву, образцы которого он дал и в „Рославле“, и в „Владисане“. Место действия последнего — мифический Славянск, а действующие лица измышлены, отнюдь не историчны. Но он шагнул затем дальше других, от Хорева, Синава и Трувора через Вадима и Рурика, добравшись даже до Ольги, киевлян и древлян, до лесов и пустыни, в которых скрывается Святослав» (М. Габель. «Литературное наследство Я. Б. Княжнина». «Литературное наследство», т. 9—10, 1933, стр. 368). Статья Габель посвящена доказательству ошибочного положения об оппозиционно-аристократическом характере идеологии Княжнина. В основном правильно polemизировал с Габель Н. К. Гудзий в статье «Об идеологии Я. Б. Княжнина» («Литературное наследство», т. 19—21, 1935, стр. 659—664).

⁵ В последней трагедии Княжнина, «Вадиме Новгородском» (1789), наблюдается некоторый рецидив двуглагольности (235 : 60).

глагольными рифмами, как и в трагедии «Рослав». Ряд других показателей свидетельствует о том, что «Ольга» была написана ранее «Рослава». Так, например, архаическая форма инфинитива в двуглагольных рифмах встречается только в первых двух актах «Рослава» и в дальнейшем совершенно исчезает из трагедий Княжнина. Между тем, в «Ольге» мы находим эту форму в шести случаях (в «Дидоне» — 9).

Приурочение «Ольги» к периоду 1776—1783 годов вызывает вопрос: почему она не была обнародована тогда же? В цитированной выше статье М. О. Габель полагает, что публикации «Ольги» препятствовало то, что Ольга читалась церковью как святая.⁶ Неосновательность этого заключения видна хотя бы из того, что тогда же, в 1779 году, была издана трагедия Ф. П. Ключарева «Владимир Великий». Одной из причин неоявления в свет «Ольги» было, несомненно, опубликование в 1778 году трагедии Ф. Я. Козельского «Велесана», представляющей собою оригинальную попытку воссоздания образа исторической Ольги.⁷ Дата публикации «Велесаны» и дает нам *terminus ante quem* создания «Ольги». О других причинах будет сказано ниже.

III

Уже к 20-м годам XIX века почти всеми было признано, что Княжнин — драматург, охотнее других пользовавшийся готовыми образцами, преимущественно западными — французскими и итальянскими. Особенно категоричен отзыв А. Ф. Мерзлякова, канонизованный Гречем в его «Опыте краткой истории русской литературы». «Он подражал всем французским трагикам вместе, или лучше, переводил из них. — Это не Сумароков! Почти ни один план, ни один характер, ни один монолог не принадлежит ему».⁸ Позднейшие исследователи несколько смягчили этот приговор. Ю. А. Веселовский, например, считал, что «Княжнин никогда не заимствовал рабски, чуть не дословно».⁹ А М. О. Габель даже полагает, что для Княжнина уж не столь характерна «переимчивость», подражательность, упорное следование за иностранными образцами, присвоение отдельных сцен, ситуаций, монологов популярных французских трагедий, о чем неоднократно писалось.¹⁰ Особое значение в этом отношении придает Габель «Ольге», которая якобы «намечает также некоторые новые пути в преодолении устойчивых штампов трагедии».¹¹

Сопоставление «Ольги» с майковским переводом «Меропы» Вольгера приводит, вопреки приведенным мнениям Веселовского и Габель, к малоутешительным для Княжнина выводам. Шаг за шагом следуя за Майковым, Княжнин в то же время не отказывается и от дословных заимствований. Таким образом, Княжнин без каких-либо перемен перенес в свою трагедию

⁶ М. Габель, ук. соч., стр. 368.

⁷ Федор Козельский, Сочинения, т. II, издание второе, исправленное и умноженное. СПб., 1778.

⁸ Н. И. Греч. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822, стр. 206. Далее Мерзляков восклицает: «Вот что значит подлинно перекладывать на русские нравы!».

⁹ Юрий Веселовский. «Литературные очерки», т. I. Изд. 2-е, М., 1910. Статья «Идейный драматург екатерининской эпохи: Княжнин и его трагедии», стр. 344.

¹⁰ М. Габель, ук. соч., стр. 367—368.

¹¹ Там же, стр. 367.

свыше семидесяти стихов, написанных Майковым.¹² Это составляет 4,3% текста «Ольги». Если же принять во внимание стихи более или менее видоизмененные (часто только в связи с необходимостью замены имен) и то обстоятельство, что построение трагедии заимствовано почти полностью (даже изменение порядка реплик незначительно) — «Ольгу» придется квалифицировать не как подражание,¹³ а как переделку, носящую на себе все следы литературного плагиата.

Приведу несколько примеров, отмечая курсивом заимствования Княжнина из перевода Майкова (в скобках — счет стихов «Меропы»).

Во втором акте Ольга (Меропа) говорит Мирведу (Эвриклею):

- 59 (57) *Пускай вселенна вся, пусть небо в том согласно,*
 60 (58) *Не мыслит Ольга так, и будет то напрасно,*
 61 (59) *Мой сын, поверь мне в том, мой сын любезный сам*
 62 (60) *Конечно предпочтет скитаться по лесам,*
 63 (61) *Как средством подлости достигнути ко трону.*

В третьем акте Всевеста (Исмена) говорит воспитателю Святослава — Володу (Нарбасу):

- 56 (60) *Убийца злобнейший его в пуги поправ*
 57 (61) *С него оружия снял, се мечь его близь гроба,*
 58 (62) *Пронзена будет чем убийцова утроба;*
 59 (63) *В сей самый Ольга час, несчастнейшая мать,*
 60 (64) *Пред гробом своего супруга хочет стать,*
 61 (65) *И в услаждение своей несносной муки,*
 62 (66) *В крови злодейския свом багрить руки.*

Волод ей отвечает:

- 63 (67) *Так сын ея погиб и Святослава нет.*

В приведенных отрывках больше всего обращает на себя внимание тот факт, что порядок стихов Майкова остается неизменным, причем положение стихов в акте почти тождественно (расхождение на 2—4 стиха). При этом какому-либо изменению подвергаются часто менее значимые элементы стиха. Так, например, вместо стихов Майкова (III, 109—110):

О варвар! сколько ты притворствовать умеешь,
 Отъемля жизнь мою, и сам о мне жалеешь, —

¹² Следует отметить, что перевод Майкова, как это указано на титульном листе его издания, выполнен не с оригинала, а при помощи русского прозаического перевода. В связи с этим, сохраняя смысловую близость к подлиннику, Майков часто отклонялся от объема оригинала. Так, например, слова Меропы

On ose me donner au tyran qui me brave;
 On a trahi le fils, on fait la mère esclave!

Майков изложил следующим образом:

Держают и меня сему тирану дать,
 Который мной по том намерен обладать.
 Сражаю ах тебя мой сын бесчеловечно!
 И делают меня невольницею вечно.

Ср. «Меропа», акт II, сцена 4 (у Майкова — 3).

¹³ Н. К. Гудзий, ук. соч., стр. 663.

Княжнин (III, 113—114) пишет:

Жестокой! ах! как он притворствовать умеет,
Отъемлет жизнь мою и обо мне жалеет.

Совершенно очевидно, что ни в одном из известных нам драматических произведений Княжнина нельзя найти следов подобного недобросовестного отношения к литературной работе. Относящиеся к 1770-м годам факты биографии Княжнина наилучшим образом объясняют нам причину его литературного грехопадения. С 1773 по 1777 года Княжнин, как известно, состоял под судом (с разжалованием в солдаты) за растрату казенных сумм. Для драматурга эти годы, в связи с его материальными затруднениями, были одновременно годами напряженной литературной работы. На эти и следующие за ними два года падает большая часть выполненных Княжниним переводов. В 1777 году был издан перевод «Генриады» Вольтера, в 1778—идиллии Геснера, в 1779 — первый том трагедий Корнеля («Смерть Помпеева», «Цинна» и «Сид»). Все эти работы и при жизни драматурга пользовались наименьшей популярностью. «Они не стоят ни подлинников своих, ни славы переводившего», — писал митрополит Евгений Болховитинов, отметивший также причину этого: «Нужды по большей части заставляли его поспешно и не очень внимательно обрабатывать свои творения».¹⁴

IV

Тематические различия между «Меропой» и «Ольгой» сводятся к некоторому изменению образов тирана (Полифонт — Мал) и его жертвы (Меропа — Ольга). Вольтеровский Полифонт — изменивший раб, княжнинский Мал — исконный враг, отомстивший за все свои предшествовавшие поражения. Это — единственная черта, заимствованная Княжниним из исторических источников. В связи с сказанным Меропа только в середине третьего акта узнает, что Полифонт — убийца ее мужа, в то время как Ольге преступление Мала было известно в течение 15 лет до исходного момента трагедии. Полифонт только во втором акте захватывает престол, тогда как Мал совершил это уже давно, и т. д. К существеннейшим различиям относится также изменение архитектоники пятого акта (у Вольтера убийство тирана происходит за сценой). Вообще первый и пятый акты «Ольги» написаны намного самостоятельнее центральных актов. В них, в частности, нет ни одного целиком заимствованного у Майкова стиха.

Немногочисленность изменений, произведенных Княжниним при переложке майковской «Меропы» в «Ольгу», объясняется не только хищническим отношением к труду Майкова, но и полнейшим игнорированием исторических данных. Позднее, создавая «Вадима Новгородского», Княжнин был волен творить что угодно, так как нет исторического образа Вадима, а есть только краткое упоминание о его гибели. Но исключительно яркий летописный образ хитрой и мстительной Ольги ни в какой мере не позволял Княжнину превращать страдающую Меропу в еще более жалкое и безличное существо, ни одной своей чертой не напоминающее присвоенное ему историческое имя.

Упомянутая выше «Велесана» Федора Козельского также не свободна от влияния той же «Меропы» Вольтера. Но влияние это полностью подчи-

¹⁴ Евгений «Болховитинов». Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. I. М., 1845, стр. 289. См. также работу Ю. А. Веселовского: «Я. Б. Княжнин (жизнь и творчество)». М., <1917>, стр. 22—25.

нено самостоятельной драматической концепции, основанной на историческом материале. Из имеющихся в «Повести временных лет» четырех эпизодов мести Ольги древлянам Козельский избрал третий, т. е. рассказ о коварном согласии Ольги выйти замуж за Мала и устроенном ею празднике, во время которого оставшиеся трезвыми киевляне убивают 5000 опьяневших древлян. К чести давно забытого Козельского нужно признать, что в его трагедии много достоинств, позволяющих включить ее в немногочисленный ряд удачных произведений русской Мельпомены XVIII века. Этот относительный успех Козельского, давшего живой и в основном исторически верный образ Ольги-мстительницы, делал, по существу, невозможной прижизненную публикацию трагедии Княжнина без радикальной переработки ее.

Однако на этом история «Ольги» не заканчивается. В середине 1780-х годов Княжнин использует ее для создания трагедии «Владисан» (опубликована в 1786 году), представляющей собою, правда, совершенно новое произведение. Игорю здесь соответствует Владисан, Ольге — Пламира, Малу — Витозар, Святославу — Велькар, Володу — Вамир, Зловреду — Избар,¹⁵ Всевесте — Зенида (Мирвед соответствия не имеет). Моменты драматического действия находят меньшее число соответствий. Более яркие из них: 1) «Владисан», III, 5. Пламира, как и Ольга (IV, 2), защищает сына от Витозара; 2) IV, 3 (начало). Пламира, как и Ольга (V, 1), принимает решение взять клятву с Витозара о сохранении сына и вслед за этим — умертвить себя; 3) IV, 3. Вамир, как и Волод в «Ольге» (III, 4), удерживает Владисана от убийства Пламиры.

Текстуальное сопоставление «Ольги» с «Владисаном» показывает, что «Ольга» в «Владисане» была использована не по памяти, а так же, как и майковский перевод «Меропы»: при переработке «Ольги» во «Владисана» драматург непосредственно пользовался рукописью «Ольги». И всё же текстуальных совпадений в тексте обеих трагедий немного.

В первом действии (стих 354) Ольга говорит Малу:

Земля нам будет трон, а слезы только пища;

в первом же действии «Владисана» (стих 31) Пламира говорит Зениде:

Сей гроб мой будет трон, а слезы только пища.

В пятом действии, близ гробницы Игоря, Ольга говорит (стихи 17—18):

*В очах сих помрачу лучи несносна света,
И сим кинжалом я свои окончу лета.*

В трагедии «Владисан» (III, 3) Пламира, также близ гроба своего мужа, говорит:

Я с жизнью сей рукой окончу грусть безмерну;

В сцене драматического поединка Мала со Святославом (IV, 2) первый говорит:

О дерзкий! юностью, безумством ослепленный...

В аналогичном поединке Витозара с Велькаром («Владисан», д. V, явл. 2) первый говорит:

Младенец, юностью, безумством ослеплен.

¹⁵ Избар — имя, фигурирующее в «Ольге» в качестве вымышленного (для Святослава) имени Волода. Ср. акт II, стих 154; акт III, стих 140.

Приведенные нами дословные совпадения в текстах обеих трагедий сами по себе незначительны. Однако идентичность их драматургических функций делает доказательность их неопровержимой.

Таким образом, факт написания «Ольги» до «Владисана» не может подвергаться никакому сомнению.

Главной причиной неопубликования «Ольги» следует считать не появление трагедии Козельского, а просветление сознания Княжнина и находящееся в непосредственной связи с этим изменение его отношения к своему литературному труду. В 1777 году Княжнин уже возобновил свою литературную деятельность, а поэтому время создания «Ольги» должно быть отнесено к 1775—1776 годам. Малая зависимость «Владисана» даже от «Ольги» лучше всего показывает, какие требования предъявлял к себе Княжнин в нормальных условиях.¹⁶

V

Нам не известны полностью причины конфликта между Княжниним и начинавшим тогда свою литературную деятельность Крыловым. Точно даже не известно и время начала этого конфликта: 1786 или 1787 год. Но едва ли можно сомневаться в том, что Крылову стал известен факт существования «Ольги» и был понятен ее глубоко унижительной для Княжнина смысл. Крылов неоднократно и крайне резко обвинял Княжнина в литературных хищениях — в комедии-памфлете «Проказники», в «Почте духов», в памфлете «Покаяние сочинителя Крадуна» (1792). Категорический тон Крылова и его явное презрение к Княжнину без «Ольги» объяснены быть не могут.

В свете сказанного приобретают особую значительность слова Крылова в 46-м письме «Почты духов» о том, что «переводчик и сочинитель не есть одно» и что «переведенное сочинение назвать своим» — дурно.¹⁷ Все это говорится по поводу трагедии Княжнина «Владисан», имеющей, как было сказано, прямое отношение к «Ольге». А в памфлете «Покаяние сочинителя Крадуна» Крылов идет еще дальше и прямо говорит о хищениях Княжниним из сочинений вышеупомянутого В. И. Майкова.¹⁸

Следовательно, для правильного понимания поступков и произведений молодого Крылова изучение «Ольги» весьма важно.

1936—1956

¹⁶ Со времени работ М. О. Габель и Н. К. Гудзия ничего существенного о произведении Княжнина сказано не было. Л. И. Кулакова почему-то называет трагедию Княжнина незаконченной, отнеся ее к 1790 году (История русской литературы, т. IV. М.—Л., 1947, стр. 228; Л. И. Кулакова. Я. Б. Княжнин. Л., 1951, стр. 90).

¹⁷ И. А. Крылов, Полн. собр. соч., т. I, М., 1945, стр. 263.

¹⁸ Там же, стр. 434. Речь идет о комической поэме Майкова «Елисей или Раздраженный Вахх».

Н. М. ЛЕВИНА

ДВА НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЬМА Е. И. КОСТРОВА

Творчество Ермила Ивановича Кострова, которого высоко ценили современники и ближайшие поколения русских читателей, ныне совершенно забыто.

Современники Кострова видели в нем не только выдающегося переводчика, но и крупного оригинального поэта. Его стихи и переводы издавал Н. И. Новиков, печатал в своих журналах Ф. И. Туманский; в «Зеркале света» и «Российском магазине» Туманского появились первые рецензии на костровские переводы «Илиады» и Оссiana. Произведения Кострова, помимо отдельных изданий, публиковались в «Московских ведомостях», в лучших журналах конца XVIII века («Собеседнике любителей российского слова», «Аонидах» Карамзина и др.). В 1802 году (через шесть лет после смерти Кострова) в Петербурге вышло «Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова», в двух частях.

Для юного Пушкина имя Кострова стояло в одном ряду с именами Руссо и Камюэнса:

Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;
Катится мимо их фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камюэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.¹

Рассказывая в «Исторических анекдотах» о том, как Херасков уважал Кострова и предпочитал его талант своему собственному, Пушкин замечает: «Это приносит большую честь и его сердцу и его вкусу».² О роли Кострова в развитии русского литературного языка Пушкин писал уже в 1836 году в статье «Александр Радищев»: «... Радищев писал лучше стихами, нежели прозою. В ней не имел он образца, а Ломоносов, Херасков, Державин и Костров успели уже обработать наш стихотворный язык».³

¹ А. С. Пушкин. К другу стихотворцу, 1814. Полн. собр. соч., т. I, Изд. АН СССР, М.-Л., 1949, стр. 24.

² Там же, т. VIII, стр. 102.

³ Там же, т. VII, стр. 359.

В. Г. Белинский с уважением называл имя Кострова среди «тружеников, которые своими сочинениями, каковы бы они ни были, размножали в обществе число грамотных людей, возбуждали в нем любовь к благородным наслаждениям и способствовали к произведению того, что называется „публикою“ и без чего невозможна никакая литература».⁴ В связи с этим Белинский высказывал пожелание среди компактных дешевых изданий «старинных русских писателей, игравших в глазах современников более или менее важную роль»,⁵ видеть также и сочинения Кострова. Под влиянием статьи Белинского было осуществлено смирдинское издание сочинений Кострова 1849 года. Это собрание сочинений Кострова, как и издание 1802 года, неполное. В оба собрания не включены, кроме прозаических переводов, некоторые стихотворные переводы и оригинальные произведения, опубликованные при жизни Кострова. Издание сочинений Кострова В. Г. Белинский считал полезным для «литераторов, которым необходимо знать основательно историю отечественной литературы и родного языка».⁶

Однако Костров был забыт. Статьи и заметки о нем в дореволюционных журналах не содержат ни одного достоверного высказывания самого поэта и только повторяют анекдоты, связанные с его именем. В середине XIX века о Кострове судили уже лишь по дошедшим напечатанным произведениям. Один из первых писателей-разночинцев, живший исключительно литературным трудом и в последние годы жизни не имевший даже своего угла, Костров не мог оставить архива. Дошедшие до нас письма Кострова известны наперечет.

В 1856 году Г. П. Данилевский в «Журнале Министерства народного просвещения» опубликовал сохранившиеся у потомков И. О. Курнса, правителя канцелярии А. В. Суворова, «Суворовские бумаги».⁷ Среди них находилось письмо Е. И. Кострова к А. В. Суворову от 30 сентября 1792 года. В 1874 году текст этого письма как ненапечатанного «сообщил» в «Русский архив» Н. Н. Мурзакевич.⁸

П. О. Морозов в предисловии к своей монографии о Кострове утверждал, что «ни в имп. Публичной библиотеке, ни в московских книгохранилищах (по уверению лиц, которым они хорошо известны) нет ни строки из бумаг Кострова, нет даже ни одного его автографа».⁹

В 1880 году в третьем томе «Русского архива» А. Н. Корсаков поместил обнаруженные им случайно бумаги Платона Петровича Бекетова. Одна из них — «Цидулка от Ермила Кострова к Иоанну Бекетову».¹⁰ Документ не датирован, А. Н. Корсаков его не комментирует, и мы не знаем, чьей рукой написана «цидулка» — перед *post scriptum* стоят слова: «Писал по повелению его я, ваш покорный слуга», подписи нет. По содержанию этого письма и тому обстоятельству, что оно адресовано к И. П. Бекетову (см. ниже), проживавшему в Москве, можно предположить, что оно было написано в Петербурге. Где находится «цидулка» в настоящее время — не известно.

⁴ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 301.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ ЖМНП, 1856, XCII, октябрь, отд. VII, стр. 30—50.

⁸ «Русский архив», 1874, т. II, стр. 4—6.

⁹ П. О. Морозов, Е. И. Костров, его жизнь и литературная деятельность. Воронеж, 1876, стр. 3.

¹⁰ «Русский архив», 1880, т. III, стр. 402.

При подобной скудости рукописных материалов Кострова особый интерес представляют предлагаемые ниже два письма поэта.

Письмо, хранящееся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (шифр ИРЛИ: ф. 357, оп. 2, № 116), куда оно поступило из Библиотеки АН СССР в составе собрания В. И. Яковлева, обращено к «Ивану Петровичу» <Бекетову>, как и «цидулка», найденная А. Н. Корсаковым. Это подтверждается припиской И. И. Дмитриева: «При сем и я вам, любезный братец, свидетельствую мое почтение, с которым на всегда пребуду покорным вашим слугою и братом Иван Дмитриев». Иван Петрович Бекетов (1766—1835) — двоюродный брат И. И. Дмитриева, дальний родственник Н. М. Карамзина, вместе с которым он учился в пансионе Шадена.¹¹ М. А. Дмитриев в «Мелочах из запаса моей памяти» рассказывает: «Костров хаживал к Ив. Петр. Бекетову, двоюродному брату моего дяди... С Бекетовым вместе жил брат его Платон Петрович; у них бывали: мой дядя Ив. Ив. Дмитриев, двоюродный их брат Аполлон Николаевич Бекетов и младший брат Н. М. Карамзина Александр Михайлович...».¹²

В письме Кострова даты нет. Оно могло быть написано только после 1782 года, так как в стихах Костров говорит о памятнике Петру I Фальконэ. Бумага с водяным знаком: герб, верхняя часть которого срезана, подпись JAN KOOL.

На одной стороне листа — шуточные стихи Кострова:

Милостивый Государь Иван Петрович!

Без тебя у нас мой свет
все не так идет:
Лизонька твоя¹³ сурова,
Не промолвила ни слова,
У Лионьши¹⁴ сливок нет
Кофе в рот без них нейдет.
Нам остался лишь Матье¹⁵
Будем там иметь питьё.

Ваш покорный слуга Ермил Костров.

Не погневайся пожалуй. Стихи самые великопостные и чистопонедельнишные.

Далее следует приписка И. И. Дмитриева, цитированная выше.

На обороте — стихи Кострова о Петербурге (без заглавия), не вошедшие в собрания сочинений и, по-видимому, не напечатанные, так как в библиографических указателях сведений о них нет.

¹¹ Об И. П. Бекетове см.: кн. А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. I. Изд. 2-е, СПб., 1895, стр. 41 (здесь дата смерти указана с опечаткой); Московский некрополь, т. I, СПб., 1907, стр. 94.

¹² М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, стр. 26.

¹³ Очевидно, имя знакомой Бекетова. По указанию А. Б. Лобанова-Ростовского (см. прим. 11), И. П. Бекетов умер холостым.

¹⁴ Лионьша — содержательница кафе в Москве.

¹⁵ Матье — владелиц старинного ресторана в Москве.

В 1786 и 1787 годах произведения Кострова печатались только в Петербурге, а биографы поэта утверждают, что он никогда не был там. Это мнение опровергает «Цидулка к Иоанну Бекетову». М. И. Пыляев в книге «Старый Петербург», рассказывая о петербургском доме И. И. Шувалова, в числе его постоянных гостей называет Е. И. Кострова.¹⁶ Вероятно, это отклик, но вполне достоверный, на кратковременное пребывание Кострова в Петербурге. В эклоге Кострова «Три грации, на рождение великня княжны Александры Павловны» 1783 года Петр I изображен так: «Превознесен на каменной твердыне, / Седящий на коне, простерший длань к пучине». Здесь чувствуется какое-то абстрактное, книжное восприятие создания Фальконэ. Стихотворение по автографу Пушкинского Дома, посвященное памятнику Петра I, гораздо ярче, оно могло быть написано скорее всего под непосредственным впечатлением:

Целую я тебя, о вожделенный град,
 Жилище чистых муз, собрание отрад!
 Петрополь! буди мне благословен навеки,
 И да текут твои спокойно чисты реки,
 И здания твои взнесенны к высоте
 Пребудут на всегда в блестящей красоте.
 Не мог помыслить я, чтоб смертного трудами
 Ты был сооружен, о чудо меж градами!
 Кто сей, я вопрошал, великий человек,
 Который столь тебя величеством облек?
 Но образ зря Петров, в меди изображенный,
 Величествен, высок и славой осененный
 И простирающий свою державну длань
 Да воины текут бестрепетно на брань,
 Под коим гордый конь как будто жив крутится
 И на высокий холм бессмертия стремится,
 Познал я, что его всемошная рука
 Толико в крепости и в бранех высока
 Воздвигнула тебя, да видит вся вселенна,
 Колико в нем душа была неутомленна.

Следует отметить, что приведенное стихотворение написано другим почерком, нежели стихи Кострова «Без тебя у нас мой свет», а также, что подпись Кострова под обоими стихотворениями не одинакова. Поэтому нет полной уверенности, что оно принадлежит Кострову, а не кому-либо из других писателей его времени. Исследование журналов XVIII века и собраний сочинений поэтов тех лет не дало результатов: данного стихотворения там не оказалось. Удивляет, что это прекрасное стихотворение о Петербурге не было напечатано при жизни Кострова, а затем не было включено в «Полное собрание сочинений» 1802 года. Если оно действительно принадлежит Кострову, приходится предположить, что он не печатал ряда своих вполне законченных стихотворений.

¹⁶ М. И. Пыляев. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1887, стр. 162.

Представляет интерес и второе письмо — А. А. Майкову¹⁷ от 11 декабря 1785 года, сохранившееся в архиве Майковых и в настоящее время находящееся в Отделе рукописей ГПБ (шифр: Отчет ГПБ, 1903, стр. 29, II, а, 1). Вот оно:

Любезный Аполлон Александрович! Я имел честь послать к тебе письмо с Алексеем Дмитриевичем Збоевым; который был некогда моим товарищем в университете; теперь посылаю другое... о чем бы с тобой поговорить? о том, что у нас старой желтой флигель ломают, теснота в университете чрезвычайная, для сей причины я живу в доме Харитона Андреевича Чеботарева,¹⁸ профессора университетского, который мне и благодетель и друг вместе... Хочется тебе переманить меня к себе? Хорошо бы; но благодетели мои и люди благоразумные нежелают этого; и подлинно, разсуди, Аполлонушко, оставить место и ехать искать другое. Стыдно мне будет, ежели я, проездив рублей сто, возвращуся в Москву опять. Лучше, чтоб меня искали, а не я. По крайней мере должен я переписаться с его превосходительством Иваном Ивановичем Шуваловым, дозволит ли он мне сие путешествие и обнадежит ли верным местом, иначе я его привлеку противу себя на гнев, когда оставлю без его дозволения такое место,¹⁹ где он главным начальником. Не правда ли? Естьлибы я был богат, то непременно бы побывать к вам в гости хотя на месяц. Но... Мне весьма хочется увидеть тебя и Федора Ильича Козлятева,²⁰ которому и прошу засви-

¹⁷ А. А. Майков (1761—1838), в конце XVIII века незначительный поэт-дилетант, с 1802 года служил в театральной дирекции в Петербурге, с 1821 по 1825 год был директором императорских театров, напечатал несколько од и комедию («Неудачный зговор, или помолвил, да не женился», 1794).

¹⁸ Х. А. Чеботарев (1746—1815), впоследствии (с 1805 года) ставший ректором Московского университета, к 1785 году был уже автором ряда работ («Слово о изобретении искусства письма», 1776; «Географическое методическое описание Российской империи», 1776; «О способах и путях, ведущих к просвещению», 1779, и др.). Демократическое происхождение сблизало Чеботарева с Костровым — Чеботарев родился в Вологде, в семье бедного сержанта. После окончания Московского университета он остался там же преподавателем русской словесности и перевода с латинского, французского и немецкого языков, затем издавал «Московские ведомости», а с 1778 года стал ordinарным профессором и секретарем университетской конференции (до 1783 года). Х. А. Чеботарев был вторым великим надзирателем Московской масонской ложи, он был связан с кругом Н. И. Новикова.

¹⁹ Костров имеет в виду свою должность официального университетского поэта.

²⁰ И. И. Дмитриев о своем знакомстве с Ф. И. Козлятевым вспоминает так: «... это было эпохою, с которой я начал выбираться на прямой путь словесности» (И. И. Дмитриев, Сочинения, т. 2, СПб., 1893,

детельствовать мое искреннейшее почтение и поклон, и поздравить с наступающим новым годом. О как я восхищен был его письмом, которым он изъяснял свое удовольствие в разсуждении благодарственной моей песни.²¹ Посылаю к вам оду... которую поправил. Послушай дружеского совета, не печатай ее,²² а читай только своим приятелям, яко первый и незрелый плод своих упражнений, и я тебе искренно говорю, не сочиняй еще так рано од, а что-нибудь полегче. Должно тебе читать еще много книг всякого рода. Знать, хотя несколько философию, и самое богословие. Словом знать должно много... Клянйся братцу своему Михайле Александровичу; я удивляюсь, что он в вашем письме не начеркнет мне ни строчки, ни полпоклона. Карабанову²³ от меня благословение. Я его помню и люблю; а особливо помню когда бываю в <.....> Прости, любезный мой, и знай что всегда к вам с искренним почтением и дружбою пребуду верным

Ермил Костров.

Декабря 11. 1785. Москва.

На втором листе — исправленная ода и приписка:

Вот тебе, Аполлонушко и ода. Узнаешь ли ее в обнове. Она в Московском приехала к тебе платье. Не так правда щеголевата, как ваши Санктпетербургские, ну, да что же делать. Прости.

Я довольно часто бываю в вашем доме, и имею счастье пользоваться ласкою и приязнию всех.

Р. S. ваше письмо родителями вашими получено 10. декабря, и я к ним поутру пришел 11. с письмом, при котором и ода. Скажи, пожалуй, кто вам соврал, что я умер, или улыбнулся. Я жив и торжествую. Напиши ко мне о сем когда при случае.

Надо полагать, что публикуемыми двумя письмами не исчерпывается эпистолярное наследие Кострова. Следует произвести обследование других архивов СССР, чтобы выяснить, имеются ли в них какие-либо материалы Кострова или о нем

стр. 30). «Одна беседа с Козлятевым уже была для меня училищем изящного и вкуса» (Там же, стр. 31). Во «Взгляде на мою жизнь» И. И. Дмитриев приводит восторженные отзывы Карамзина и Жуковского о Козлятеве.

²¹ Речь идет о «Благодарственной песне ее имп. вел. за оказанные Москве щедроты в бытность в сей столице, читанной в публичном собрании Университета, в день восшествия ее имп. в. на престол, 28 июня 1785 года».

²² Очевидно, А. А. Майков последовал совету Кострова: первая его ода (по словарю Геннади) напечатана в 1791 году.

²³ Поэт П. И. Карабанов.

Ю. М. ЛОТМАН

О ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ «ПОЧТЫ ДУХОВ» И. А. КРЫЛОВА

Журнал И. А. Крылова «Почта духов» выходил в 1789 году и прекратился при неясных обстоятельствах, не дотянув до конца года. Выпущенная в августе восьмая книжка, закончившая вторую часть, оказалась последней известной читателю и исследователям. Публикуемый отрывок из записной книжки В. Г. Анастасевича позволяет установить существование третьей части журнала, запрещенной цензурой. Отрывок содержит также любопытные сведения о Я. Б. Княжнине, вновь подтверждая слухи о преследовании Княжнина за трагедию «Вадим».

В. Г. Анастасевич (1775—1845) — известный библиограф и журналист. Ценность приводимых им сведений тем значительней, что источником их, вероятно, был сам И. А. Крылов. Усиленно интересуясь библиографией,¹ Крылов не мог не быть знакомым с одним из наиболее авторитетных библиографов его времени. В 1811 году Анастасевич в издаваемом им журнале «Улей» печатно поддержал инициативу А. Н. Оленина об организации в Императорской публичной библиотеке системы обязательного экземпляра, встретившую горячую поддержку со стороны Крылова. И. П. Быстров указывал, что за библиографическими справками Крылов советовал ему обращаться к Анастасевичу.² В свою очередь и последний, конечно, в своих библиографических трудах не раз пользовался услугами читального зала Публичной библиотеки, т. е. Крылова. Неточность свидетельства о «дружбе» Крылова и Княжнина легко объяснима: Крылов, как известно, крайне неохотно делился сведениями о своем участии в литературной жизни XVIII века. Другой упомянутый Анастасевичем источник сведений, Ишимов, — вероятно, Федор Ишимов, сотрудник журнала «Новости русской литературы» 1803—1804 годов.

Записная книжка Анастасевича хранится в Рукописном отделе ГПБ под шифром: Собрание автографов № 378/1. Приводимая запись содержится на стр. 80:

Сент<ябрь>

Княжнина Якова Борисовича Иш<имов> знал лично.

Кн<яжнин> также был другом Ивана Андр<еевича> Кры-

¹ См.: С. М. Бабинцев. И. А. Крылов. Очерк его издательской и библиографической деятельности. Изд. Всесоюзной книжной палаты, М., 1955.

² См.: «Северная пчела», 1846, № 63.

лову <Так!> и едва ли оба не были в руках у Степана Ив<ано-
вича> Шешковского³ оберполицеймейстера <?>⁴

Княжнин точно был за Вадима. Он служил при Ив<ане>
Ив<ановиче> Бецком и его формуляр должен быть в Ломбарде.

В 787 он полное собрание своих сочинений посв<яти>л Ека-
т<ерине> II и насчет казны печатал в Горном корпусе. Еще
было 2-е в 795 в 8⁰, 3-е Москва, в 9 ч. 802 и 1803.

Ив<ан> Андр<еевич> Крылов (служит в <неразб.> департа-
менте) издавал почту духов в 3-х частях. 3-я запрещена. Зри-
тель 1793.

с

³ В рукописи — «Шишковского». — Так правильнее: на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры на надгробной плите — Шишковский. — Прим. Ред.

⁴ Последнее слово неразборчиво и приписано другими чернилами.

ТРИ ПИСЬМА К Н. П. НИКОЛЕВУ

Несколько лет назад член-корреспондент АН СССР Н. Ф. Бельчиков передал редакции сборника «XVIII век» копии двух писем к Н. П. Николеву, публикуемых ниже под №№ 1 и 3. По имевшейся при этих копиях карточке М. А. Арзумановой, по просьбе редактора, было отыскано еще одно письмо к тому же адресату (печатается ниже под № 2). М. А. Арзуманова также сверила копии Н. Ф. Бельчикова с оригиналами и снабдила их шифрами, отсутствовавшими в переданных «XVIII веку» материалах.

Все три письма хранятся в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы в Фонде 728 (Рукописное отделение библиотеки Зимнего дворца) и являются составной частью «собрания кн. Лобанова-Ростовского».

1. Письмо Ф. Г. Карина к Н. П. Николеву¹

Москва 1781 года августа 2 дня.

Любезный друг Николай Петрович!

Я приехал в Москву по твоему вызову, и, к несчастью, в ней вас не застал; но как я слышу, что вы недалеко от городу; то надеюсь, что вы за чем нибудь в него приехав не пропустите случая видеться и со мною. — Мне много кой чего надобно тебе сообщить от Дмитревского и о том расположении литературы в каком осталась она в Петербурге по мой отъезд. Здесь свидетельствую наиглубочайшее почтение милостивой государыне Катерине Александровне. Прошу вас уведомить меня о приращении ваших творений а наипаче трагедии вашей.

Государю моему Андрею Михайловичу приношу мое почтение и прошу его подбить Николая Петровича в Москву хотя на денек, обнять ему верного друга

Ф. Карин

<На обороте:> Милостивому государю Николаю Петровичу его высокоблагородию Николеву.

¹ ЦГИАМ, ф. 728, оп. 1, ч. 1, д. № 277, л. 1.

В единственной специальной работе о Ф. Г. Карине, написанной В. И. Сантовым, приведены сведения о дружбе этого писателя с Н. П. Николаевым.² В публикуемом документе обращает на себя внимание указание на связи как автора письма, так и адресата с Дмитриевским (см. следующее письмо). Трагедия Николаева, о которой упоминает Карин, — «Пальмира», напечатанная в 1781 году. Екатерина Александровна — жена Николаева, урожденная кн. Долгорукая.

2. Письмо И. А. Дмитриевского к Н. П. Николаеву³

Милостивый Государь мой Николай Петрович!

Будучи всегда усердным почитателем отменных ваших дарований, и желая от всего сердца, чтоб Петербург подобно Москве пользовался вашими прекрасными театральными сочинениями, и отдавая вашему разуму достойную справедливость приемлю смелость вам милостивый государь мой предложить: не угодно ли вам будет прислать ко мне для представления на здешнем российском театре некоторых пьес вами сочиненных, а наипаче трагедий Сорены, Пальмиры с обеими окончаниями, и той комедии которую вы мне прошлого года читали. Ежели соизволение ваше на присылку сих драм согласно с моим желанием будет то прошу покорнейше обстоятельно уведомить меня, на каких договорах вы оные отдадите, дабы я мог о том уведомить управляющий над спектаклями Комитет: или не благоволите ли их отдать в мое распоряжение, я всеми силами постараюсь соблюсти вашу пользу уверяю вас милостивый государь мой! что я при сем случае не имею в виду другие лестные для меня выгоды, как распространение славы вашего имени, и удовольствие оказать мои слабые таланты в ваших прекрасных сочинениях, кои здесь по городу ходят но жаль что со многими ошибками в переписке. Имею честь всегда с отменнейшим почитанием быть

милостивый государь мой!
вашего высокоблагородия
покорнейший слуга
Иван Дмитриевской

Марта 9 дня 1784 года.
Санктпетербург

Из текста публикуемого письма видно, что И. А. Дмитриевский, стоявший во главе Российского театра, стремился получить известную трагедию

² В. И. Сантов. Федор Григорьевич Карин. Один из малоизвестных писателей второй половины XVIII в. СПб., 1893, стр. 9 и 14—15.

³ ЦГИАМ, ф. 728, оп. 1, ч. 1, д. № 295, л. 1—1 об.

Николева «Сорена и Замир» еще до ее постановки в Москве (12 февраля 1785 года). По-видимому, во время своего пребывания в Москве в 1783 году, о котором Дмитревский упоминает в данном письме, он не только слушал комедию Николева,⁴ но и познакомился с трагедиями «Сорена и Замир» и «Пальмира», имевшей два варианта развязки; оба они приведены в печатном издании «Пальмиры» в «Российском театре».⁵

Судя по печатному «Архиву Дирекции императорских театров», ни одна из названных Дмитревским пьес не была поставлена на сцене Российского театра.

3. Письмо А. И. Клушина к Н. П. Николеву⁶

Милостивый Государь мой Николай Петрович

Оценять вашу оду и Сорену, и отдавать справедливость почтенному их автору есть должность каждого, кто умеет чувствовать.

Я уверен что хорошее сочинение и автор всегда будут торжествовать. Если современники не так мыслят или по незнанию, или по пристрастию, остается судия неслестный, справедливый, непредубежденный — потомство!

Не старался ли Сумароков похитить славу Ломоносова? — Последний всегда будет великим, и никакой невежественный век не сравнит их — Его творческий дух, красоты, истинная поэзия, всегда будут пленять его читателей.

Послание ваше к Г—ву, имею честь при сем препроводить. Я было приготовил его к цензуре; но ваше письмо меня остановило. Мне остается сожалеть о том, что оно не будет напечатано в Меркурии. Я соглашаюсь с вами что оно есть шутка друзей; — но шутка приятного и легкого пера.

Покорнейше благодарю вас за вежливый и лестный для меня отзыв как во рассуждении моих стихов «Всё пройдет», так и за стихи Крылова. Образ ваших мыслей мне известен, и я принимаю похвалу вашу искренностию.

На этих же днях достану я ваше рассуждение о стихотворстве. Нет сомнения что в нем помещены правила; и потому постараюсь прочесть его со вниманием; и, буде можно, услужу ими Бухарскому.

⁴ Вероятно, речь идет о какой-то ненапечатанной комедии, так как все известные пьесы Николева в этом жанре были к 1784 году уже опубликованы, а Николев едва ли читал Дмитревскому напечатанную пьесу.

⁵ Н. П. Николев. Пальмира. Трагедия. Российский театр, ч. V, СПб., 1787, стр. 147—226; Другим образом окончание трагедии. Там же, стр. 227—234.

⁶ ЦГИАМ, ф. 728, оп. 1, ч. 1, д. № 382, лл. 1—2.

Август месяц вы получите с сим письмом. Не ужели не захотите сделать чести Меркурию и одолжение мне присылкою других ваших творений; этим бы вы огорчили публику и того, кто с совершенным почтением имеет честь пребыть

Милостивый государь мой!
вашим покорнейшим слугою
Александр Клушин

8 сентября 1793
С. Петербург

Письмо Клушина, как явствует из его содержания, было вызвано просьбою Николева возвратить ему ранее доставленное последним в редакцию «Санктпетербургского Меркурия», издававшегося в 1793 году Клушиным и Крыловым, «Послание к Г—ву». Возможно, что это — «Послание к другу пиите и рыцарю в Измаил», обращенное к кн. Д. П. Горчакову и напечатанное в «Творениях» Николева (т. IV, М., 1795, стр. 224—230).

Названные в письме стихи Клушина «Всё пройдет» были напечатаны в «Санктпетербургском Меркурии» (1793, ч. III, июль, стр. 28—34). «Рассуждение о стихотворстве российском» без подписи Николева было напечатано в «Новых ежемесячных сочинениях» (1787, ч. II, № 10, стр. 37—92).⁷

Упоминание анонимного «Рассуждения о стихотворстве российском» имело целью показать Николеву интерес издателя «Санктпетербургского Меркурия» к творчеству своего сотрудника.

Бухарский Андрей Иванович (1767—1833) — поэт и драматург, был одним из активных сотрудников «Санктпетербургского Меркурия».

Участие Николева в журналах Крылова и Клушина, как известно, вызывало неудовольствие Карамзина, отразившееся в письмах последнего к И. И. Дмитриеву.⁸

⁷ Принадлежность этого «Рассуждения» Николеву устанавливается благодаря ссылке на стихи из собственной трагедии: «И если бы владел престолом я вселенной» и т. д. («Сорена и Замир», д. I, явл. 4; Российский театр, ч. V, стр. 247).

⁸ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву с примечаниями и указателем Я. К. Грота и П. П. Пекарского. СПб., 1866, стр. 37.

«ПРОШЕНИЕ ЛИТЕРАТОРА КЛУШИНА»

В Центральном историческом архиве г. Ленинграда среди документов, собранных заведующим Общим архивом Министерства императорского двора Г. В. Есиповым (ум. в 1899 году) и заключающих материалы с 1720 по 1872 гг. (фонд 938), студентом В. В. Фроловым обнаружено дело, озаглавленное, по-видимому, Есиповым — «Прошение литератора Клушина». Название это не вполне правильно, так как самого прошения в деле нет; имеются лишь две справки, представляющие известный научный интерес, так как они содержат некоторые неизвестные биографические подробности об А. И. Клушине (1763—1804), отсутствующие, в частности, даже в лучшей биографии его, написанной Б. А. Модзалевским.¹

Вот эти две справки:

1

Подпоручик Клушин, служащий при письменных делах в Комиссии о дорогах, поданным вашему имп. велич. прошением, объясняя склонность свою к наукам, просит отлучиться на 5 лет для продолжения учения в Геттингенском университете с жалованием, но его он получает по 300 руб. в год.

2

Мать живет в принадлежащей ей деревне с 10 душами. Отец Иван Степанович ум. в 1774 г., оставив двух сыновей. Старший и есть проситель. Он при открытии Орловского наместничества вступил в гражданскую службу канцеляристом, в 1780 году перешел на военную службу сержантом. В этом звании он находился в 1783—1784 гг. в походах в Польше. В 1784 г. переведен в Смоленский пехотный полк адъютантом, в 1786 г. по прошению за болезнью уволен из военной службы подпоручиком и в 1788 г. в мае месяце определен в комиссию о дорогах где и теперь находится. По склонностям к наукам

¹ Русский биографический словарь, том «Ибак—Ключарев», СПб., 1897, стр. 749—753.

он в свободное время занимается сочинениями, из коих известны:

- 1) «Зритель», период. издание 1792 г.
 - 2) «Спб. Меркурий», который сейчас и ведет в 1793 г.
 - 3) «Смех и Горе» — играна на здешней сцене с похвалой для автора.
 - 4) «Алхимист», комед. в 1 действии
 - 5) «Любовь хитрей всего». Опера в 2-х действиях, на которую сейчас делается музыка Фоминым.
- Докладывано 22 окт. 1793 г. Просьбу удовлетв. выдать 1500 р.

Вторая справка восполняет пробелы в раннем периоде биографии Клушина: Б. Л. Модзалевский отмечает лишь, что «А. И. Клушин учился в Ливенском уездном училище, а затем служил в Смоленском пехотном полку и в 1790 году был в отставке, имея чин подпоручика».² Глухо упоминают источники и о службе Клушина в Орловском наместничестве. Публикуемый документ дает точные сведения и об этом эпизоде в биографии писателя. Теперь становится известным также и время ухода Клушина в отставку с военной службы. Совершенно новым фактом является служба Клушина в комиссии о дорогах.

«Справка о Клушине», перечисляя его сочинения, указывает и оперу в двух действиях «Любовь хитрее всего», на которую в 1793 году Е. К. Фомин «делал музыку». Опера под таким названием в истории русской музыки не известна. Очевидно, речь идет о комической опере Крылова—Клушина «Американцы», которая действительно имеет два акта и музыка которой написана Фоминым. Таким образом, «Справка о Клушине» дает точное указание, когда Фомин писал музыку «Американцев».

² Там же, стр 749.

А. Ю. ВЕЙС

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА Н. А. ЛЬВОВА

І. НЕОПУБЛИКОВАННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ «НА УГОЛЬНОЙ ПОЖАР»¹

Николай Александрович Львов (1751—1803) вошел в историю русской культуры последней четверти XVIII века как талантливый архитектор и поэт, рисовальщик и гравер, собиратель и исследователь народных песен, изобретатель и деятель горной промышленности.

На его изысканиях в области горной промышленности мы остановимся потому, что один из эпизодов этой отрасли его деятельности нашел отражение в публикуемом ниже стихотворении.

Среди произведений Н. А. Львова, напечатанных в т. 9—10 «Литературного наследства», отсутствует стихотворение «На угольной пожар».² Между тем оно интересно не только как лирический отклик на событие, связанное с биографией Львова, но и как произведение, ценное в художественном и идейном отношении. Приводим текст стихотворения:

НА УГОЛЬНОЙ ПОЖАР
Послушай, мать — сыра земля,
Ты целой век ничком лежала,
Теперь стеной к звездам восстала,
Но кто тебя воздвигнул? — Я!
Не тронь хоть ты меня, شوкуда
Заправлю я свои беды,
Посланные от чуда-юда:
От воздуха, огня, воды.

¹ Предлагаемая вниманию читателя работа была написана летом 1951 года. Появившиеся после этого статьи, а также две диссертации (Н. И. Никулиной и А. Х. Грансберг) автором учтены. В 1951 году исполнилось 200 лет со дня рождения, в 1953 году — 150 лет со дня смерти Н. А. Львова, но месяц и день его рождения до сих пор не выяснены.

² Незаданные стихи Н. А. Львова. Публикация Э. Артамоновой. «Литературное наследство», т. 9—10, М., 1933, стр. 264—286.

Огонь воды не осушает,
И десять дней горит пожар,
Вода огонь не потушает,
А воздух раздувает жар.³

Стихотворение было вызвано угольным пожаром, который произошел на даче Н. А. Львова, по всей вероятности, осенью 1799 года.

Н. А. Львов явился «первым официальным руководителем промышленной разработки каменного угля на территории нашей Родины».⁴ Еще акад. Я. К. Грот в 1880 году указывал на то, что по письмам Львова к Державину можно воссоздать довольно ясную картину его работы в области эксплуатации боровичского каменного угля.⁵ Сводку этих материалов с дополнением их новыми архивными данными осуществил в 1927 году Б. И. Коплан. Он тщательно систематизировал и последовательно изложил высказывания Львова по вопросу угледобычи.⁶ Работа Коплана дала достаточно верное представление о деятельности Львова в этом направлении. В настоящее время изыскания проф. А. А. Зворыкина⁷ показали, какое крупное значение имел Н. А. Львов на рубеже XVIII—XIX веков в области разработки отечественного угля. Однако ни один из названных исследователей не указал на то, что эта сторона деятельности Львова нашла отражение в его поэтическом творчестве.

В 1822 году в журнале «Сын Отечества» появилась первая краткая биография Н. А. Львова, написанная, по сообщению редакции, «одним из близких родственников поэта».⁸ Из нее видно, как трудно было Львову осуществлять свои замечательные патриотические начинания. «Часто, и во всех почти краях, — писал биограф, — при открытии новых польз общественных, виновники оных, возбуждая внимание зависти, были гонимы. Подобной участи не избежал и Львов<...> О земляном угле кричали, что он не горит и не может заменить земляного угля английского, а уголь русский, загоревшись однажды на пустом месте на берегу под Невским, горел несколько месяцев, и потушить его было невозможно».⁹

³ Архив Г. Р. Державина в ГПБ, т. 37, л. 91 об. Список. Из этого тома были взяты Э. В. Артамоновой материалы для публикации.

⁴ А. А. Зворыкин. Первооткрыватели каменноугольных бассейнов СССР. Стенограмма лекции. М., 1950, стр. 20.

⁵ Я. К. Грот. Жизнь Державина. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. VIII, СПб., 1880, стр. 533.

⁶ Б. И. Коплан. К истории жизни и творчества Н. А. Львова. «Изв. АН СССР», VI сер., 1927, № 7—8, стр. 699—710.

⁷ А. А. Зворыкин, ук. соч., стр. 20—26. См. также: Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. Исследование и документы. Сост. под рук. А. А. Зворыкина. М.—Л., 1952, стр. 207—208, 240—254, 277—284; А. А. Зворыкин. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. Исследование и документы, т. I, М., 1949, стр. 127—130, 444.

⁸ «Сын Отечества», 1822, ч. 77, № XVII, стр. 108—121. В 1855 году эта работа была напечатана с небольшими изменениями в «Москвитянине» (т. II, № 6, стр. 179—185) со следующим примечанием редакции: «Эта биография попала в бумаги Михайла Никитича Муравьева, и, вероятно, написана им самим».

⁹ «Сын Отечества», 1822, ч. 77, № XVII, стр. 119; «Москвитянин», 1855, т. II, № 6, стр. 184.

Несмотря на то, что в именном указе Павла I от 24 августа 1798 года «О разработке каменного угля для доставления оного на употребление в обе столицы»¹⁰ предлагалось соответствующим государственным учреждениям оказывать Н. А. Львову содействие, крепостнический государственный аппарат не только не помогал ему в его прогрессивных начинаниях, но, напротив, чинил всяческие препятствия. Об этом Львов с горечью писал в своей книге «О пользе и употреблении русского земляного угля»:

«Введение новых и нужных вещей в общее употребление столько же в полезную сторону медленно, сколько стремительно в сторону невыгоды для тех, коих добрая воля служить соотчичам и земле своей первыми выставляет на строгой и часто пристрастной суд! Почти всегда единая заплата для начинающего было нареkanie, неприятности и труд, успех дела оставался по пути его следующему; тогда пройдет уже время, на толки определенное и идущий по готовой дороге, где трудности преодолел его предшественник, браня его, что он ничего не сделал, пожинает похвалы и пользу, которых семена не он сеял. Между тем забыто уже имя и дело того, который с добрым намерением искал доброго имени и понес труды для общей пользы.

«Имея некоторые неприятные опыты сей истины, ни о славе, ни о труде я, действительно, не мыслил, посвятив себя с лишком 10 лет в часы для отдохновения от должности мне остававшиеся, на обретение в России на выгодном месте минерального угля, убежден будучи только тем, что сделать полезное дело, естли успех будет отвечать намерению моему, нашел уголь и много. По опытам посторонним нашлось, что он и на всё годится, ходил я челобитчиком, чтобы позволили разрабатывать вследствие монаршей воли найденной мною уголь; но разработка оного оставалась безгласною, смеялся обретению и обретателю, обещали, отказывали, и я, терпевши всякого рода неудачи 10 лет, не отставал от моего начала. Всё мне казалось, что, кроме большого подспорья дровам (и тогда уже час от часу дороже становившимся), одна выходящая ежегодно на уголь и на серу из государства сумма заслуживает не бросать моей находки, потому что, кроме 45 982 рублей, на иностранный уголь употребляемых, заплачено за горючую серу в 1788 году 84 546 рублей; итого 130 528 рублей.¹¹ Деньги бы сии оставались дома, уголь бы способствовал дешевизне дров, леса не столько бы выводились, из угля делали бы серу и, много денег расходясь на рабочих людей, обогатили бы тот край, где зимою почти ничего выработать нельзя.

«Вот причины, которые заставили меня искать уголь, и за них покорно прошу меня простить, естли кому-нибудь противен его запах».¹²

Как видим из приведенных цитат, а также из писем Львова к Г. Р. Державину и А. Р. Воронцову и из его отношений и донесений в Академию наук и Академию художеств,¹³ попытки Львова внедрить русский уголь взамен

¹⁰ ПСЗ, т. XXV, № 18638.

¹¹ «Уголь тогда продавался только от 8 до 15 коп. пуд; но с того времени цена оного более, нежели удвоилась: ибо в следующих годах привозной уголь от 25 до 40 копеек пуд, что по средней цене составило бы уже сумму 300 000 рублей. Правда, что с того времени, как начали привозить в столицу свой уголь, англичане спустили цену; но естли бы они и по 5 коп. пуд продавали, нет, мне кажется, для государства прибыли выпускать деньги за такой товар, которой своим заменить можно. Впрочем, цена и ныне углю состоит между 35 и 25 копеек пуд, в разноевскую». (Примечание Н. А. Львова).

¹² «Н. А. Львов». О пользе и употреблении русского земляного угля. СПб., 1799, стр. 45—47.

¹³ Б. И. Коплан, ук. соч., стр. 699—710.

английского осуществлялись с большим трудом. Из неопубликованных отрывочных черновых набросков и записей Львова явствует, как сильно занимал и волновал его этот вопрос.¹⁴

Видимо, окончательно выведенный из терпения препятствиями, чинившимися ему бюрократами, Львов решил обратиться в высшие инстанции и составил следующую записку, черновик которой приводим:

Императорское амиралтейство]. 21-е марта 1803. СПб.

Т[айный] с[оветник] Льв[о]в просит, не угодно ли будет прекратить учение земляных строителей, поелику 24 уже губернии отозвались, что достаточно число оных. Равным образом и разработку земляного угля, поелику в принятии оного адмиралтейство великие делает затруднения и не апробует доброту оного, несмотря на опыты, прежде разработки сделанные. Остановка сия повторенная экспедиции большой суммы стоила.¹⁵

Попытки Львова наладить употребление отечественного угля реализовались с большим трудом. В конце концов доставленный им в столицу и нигде не принятый уголь загорелся. До сих пор в историко-литературных работах были известны два свидетельства, касавшихся этого события. Это письмо М. А. Львовой Г. Р. Державину от 20 февраля 1801 года¹⁶ и цитированный нами отрывок из биографии Н. А. Львова. Исследователи XIX века, П. И. Бартенев и Я. К. Грот, знали об этих свидетельствах. Бартенев писал: «Предание сказывает, что под Петербургом этого львовского угля свезено было большое количество, что он загорелся нечаянно и горел в течение с лишком года».¹⁷ Но ярче всего — если не считать стихотворения Львова — об этом рассказано в письме М. А. Львовой: «...прошлого года он также привез уголь, но его у него нигде не приняли, говоря, что выписали из Англии, хотя угля никакого другого не употребляли. Итак, у него остался уголь на руках; тогда он стал просить, чтоб дали ему место, где бы ему можно было положить уголь безопасно, и тут государь приказал отвести место против Аничковского дворца на Фонтанке; но ему не дали ни тут, ни в другом месте. Пришла между тем осень; барки оставить невыгруженными опасно, чтоб льдом не проломило и не потопило бы угля; принужден он был выгрузить у себя на даче, где загорелась пивоварня, и сгорел весь уголь, об чем весь Петербург знает».¹⁸

Я. К. Грот в комментариях к сочинениям Державина приводил чрезвычайно богатый фактический материал, используя рукописи Львова, бывшие в его распоряжении, но почти совершенно не комментировал это письмо Львовой. Не упомянул он и о стихотворении Львова на эту тему, хотя,

¹⁴ Рукописный отдел ИРЛИ, Путевая тетрадь Н. А. Львова № 2, л. 77; там же, № 3, л. 12. Черновые записи и наброски Львова по этому поводу, кроме указанных, встречаются в «Путевых тетрадях» № 2 (лл. 75 об.—76) и № 3 (л. 14). Кроме того, в делах Державина (из собрания Я. К. Грота) имеется следующий документ: «Примечание о боро-видской угольной карьере» (Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 96, оп. 14, № 48, 2 л.). Последний документ (вероятно, писарская копия) имеет прямое отношение к работам Львова, но составлен не им.

¹⁵ ИРЛИ, Рукописный отдел, Путевая тетрадь Н. А. Львова № 3, л. 78.

¹⁶ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. VI, СПб., 1871, стр. 368—369. В дальнейшем цитируется: Державин. Сочинения.

¹⁷ Архив князя Воронцова, кн. 32, М., 1886, стр. 512; также см.: Б. И. Коплан, ук. соч., стр. 704.

¹⁸ Державин. Сочинения, т. VI, стр. 368.

несомненно, видел его в рукописи. В биографии Державина он писал: «Перевезенный в Петербург, валдайский уголь долго лежал большою массой на каком-то дворе, но наконец, в жаркое время, воспламенился и весь пропал».¹⁹ Грот говорит о «каком-то дворе», хотя в письме М. А. Львовой совершенно ясно сказано, что пожар произошел на даче Львова, а в примечаниях к стихотворению «Другу» (1795) сам Грот объясняет, что дача Львова находилась «близ Невского монастыря, против Охты».²⁰ Кроме того, Я. К. Грот имел в своем распоряжении документ, который несколько уточняет местоположение дачи и дает довольно подробное официальное изложение всех перипетий в работе Львова по добыче, поставке и реализации угля. Этот документ — «Записка о боровицком каменном угле и относящихся к нему разных заведений» — представляет безусловный интерес не только для биографов Н. А. Львова, но и для истории Ленинграда, горного дела и отчасти литературы.²¹

Грот, очевидно, знал о пожаре понаслышке: он говорит о «каком-то дворе» и неточно указывает время; М. А. Львова писала о том, что «пришла... осень»; в изложении же Я. К. Грота дело произошло в «жаркое время». Я. К. Грот не обнаружил интереса к эпизоду с пожаром и к связанному с этим стихотворению «На угольной пожар».

Между тем последнее заслуживает внимания, так как по языку и по системе образов оно тесно связано с другими поэтическими произведениями Львова, а по своей научной тематике продолжает линию «научной поэзии», начатую «Утренним» и «Вечерним размышлением о божием величестве» и «Письмом о пользе стекла» Ломоносова.

Система образов Львова в публикуемом стихотворении близка к народной поэзии. Такие обороты, как «мать — сыра земля», «целой век ничком лежала», «заправлю я свои беды, посланные от чуда-юда», — всё это народные образы.

Поэт в своем обращении к «матери — сырой земле» рисует яркую картину: еще не тронутая, не возделанная человеком, «земля» «целой век лежала ничком». И дальше, чтобы показать мощь вырвавшихся на свободу сил природы, Львов создает грандиозный образ пламени, восставшего «стенкой к звездам».

Следующий стих — «Но кто тебя воздвигнул? Я!» — говорит уже о другом, о разумной воле человека, во власти которого обратить силы природы себе на пользу. Здесь налицо восхищение могуществом дел человеческих и человеком-творцом. Слово же «воздвигнуть», семантика которого несет в себе понятие величия и торжества разумного начала, с предельной ясностью выявило мысль поэта, идею стихотворения.

Хотя уголь, привезенный Львовым, загорелся и при помощи тогдашних технических средств его не могли потушить, но по замыслу стихотворения именно человек должен выйти победителем и научиться управлять силами природы.

Аналогичный характер имеет и баллада «Ночь в чухонской избе на пустыре». Львов выступает здесь как человек XVIII столетия, владеющий знанием и идущий навстречу непознанным трудностям:

Бесконечной Ночи бурной визг,
Умножаясь продолжается...

¹⁹ Я. К. Грот. Жизнь Державина. Державин, Сочинения, т. VIII, СПб., 1880, стр. 533.

²⁰ Державин, Сочинения т. I, СПб., 1864, стр. 673.

²¹ Хранится в ИРЛИ (ф. 86, сп. 13, № 37), в составе бумаг Державина из архива Я. К. Грота

Что за страшный громовой удар
 Потряхнул пустыню спящую?
 Отдался в лесу и лес завыл?
 Выйду, встречу Ночь лицом в лицо,
 Посмотрю на брань природных сил...²²

Это не созерцательное любование идиллическими картинками природы, наоборот, это активное наблюдение стихийных сил природы с намерением познать ее законы. Такие стихи мог написать только человек с большим опытом научно-практической работы. Баллада «Ночь в чухонской избе на пустыре» была написана как раз тогда, когда Львов усиленно работал в Гатчине над созданием своих огнестойких землебитных построек, наиболее удачным образцом которых было сооружение гатчинского «Приората».²³ Это здание блестяще выдержало испытание временем, простояв полтора столетия в условиях влажного приморского климата, и не дало даже трещины, когда во время Великой Отечественной войны недалеко от него взорвалась тяжелая фугасная бомба.

Работа на пользу своих соотечественников придала глубокий смысл трудам Львова. Он, вслед за Ломоносовым, стал одним из самых ранних и замечательных певцов труда:

Послушай, мать — сыра земля,
 Ты целой век ничком лежала,
 Теперь стеной к звездам восстала,
 Но кто тебя воодвигнул? — Я!

В этих четырех строчках — весь Львов: его неугомонная энергия, сила убежденности в своей правоте, в жизнениости тех идей, к которым он пришел в своей практической работе.

II. НЕИЗВЕСТНАЯ БАСНЯ Н. А. ЛЬВОВА

Неясность относительно авторства так называемых «Чужих басен», печатавшихся в сборниках И. И. Хемницера «Басни и сказки» была устранена Б. И. Копланом еще в 1927 году.²⁴

Найденные в советские годы черновые автографы Н. А. Львова позволили Б. И. Коплану с полной убедительностью установить, что автором «Чужих басен» является Львов, а не Хемницер. Тем самым догадка Н. С. Тихонравова,²⁵ высказанная еще за три четверти века до работы Б. И. Коплана, подтвердилась, а мнение Я. К. Грота в пользу Хемницера²⁶

²² Ночь в чухонской избе на пустыре. «Литературное наследство», т. 9—10, 1933, стр. 280.

²³ А. Липман. Неизвестные постройки Николая Львова. «Архитектура Ленинграда», 1941, № 2, стр. 67—68; Инж. В. В. Свенторжецкий. Земля как строительный материал. Изд. 2-е, Л., 1933, стр. 7—11.

²⁴ Б. И. Коплан. К истории жизни и творчества Н. А. Львова. «Известия Академии наук СССР», VI серия, 1927, № 7—8, стр. 720—726.

²⁵ Н. С. Тихонравов. Рецензия на книгу: Мелочи из запаса моей памяти Мих. Дмитриева. Москва, 1854. «Отечественные записки», т. ХСVIII, 1855, январь, отдел III, стр. 12—13.

²⁶ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. I, СПб., 1864, стр. 179; Сочинения и письма Хемницера. С биографической статьей и примечаниями Я. Грота, СПб., 1873, стр. 32.

должно быть окончательно отвергнуто. Тогда же Б. И. Коплан опубликовал еще одну неизвестную, третью, басню Львова, обнаруженную в той же тетради, где и черновики «Чужих басен».

Однако работа Коплана почему-то оставлена без внимания некоторыми исследователями, и «Чужие басни» продолжают приписываться Хемницеру,²⁷ и Львов-баснописец по-прежнему не известен читателю. Это объясняется отчасти тем, что составитель двух антологий, озаглавленных «Русская басня XVIII и XIX века», Н. Л. Степанов не уделил в них места Львову.²⁸

Басенное наследие Львова пополняется ныне еще одной, четвертой басней, автограф которой нами обнаружен в «Путевой тетради № 2» Н. А. Львова:

23-е нояб^ря 1803. Москва! больной после Крыму.
Кому как по натуре Л^ьво^ва стихи.

БАСНЬ

Дурак привык купаться в луже,
«Дурак, поди в реку». — «Там хуже:
там течет,
светла, мешает
да студена, как лед», —
дурында отвечает.
Дурак наш так считает:
«Где смирно, хоть черно,
но тихая вода,
то там и золотое дно».
О! Дурень! Там беда.²⁹

Написано это произведение во время предсмертной болезни Львова, преждевременно оборвавшей его жизненный и творческий путь.

Идея басни является выражением тех принципов, которым в течение всей своей жизни следовал Львов. Даже самое общее представление о творческой биографии поэта убеждает нас в этом.

Вся жизнь Н. А. Львова — это пример неутомимого и вдохновенного труда на пользу Отечества. В своей многообразной творческой деятельности

²⁷ А. С. Пушкин, Полн. собр. сочинений в шести томах, т. VI, М.—Л., 1931, стр. 364; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Изд. 1-е, Учпедгиз, М., 1945, стр. 317; изд. 2-е, Учпедгиз, М., 1951, стр. 530; изд. 3-е, Учпедгиз, М., 1955, стр. 433; А. Д. Китина. Литературное окружение Державина. «Известия Воронежского педагогического института», т. X, вып. III, Воронеж, 1948, стр. 32.

²⁸ Русская басня XVIII и XIX века. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н. Л. Степанова, «Библиотека поэта», большая серия, Л., 1949; Русская басня XVIII и начала XIX века. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Н. Л. Степанова, «Библиотека поэта», малая серия, Л., 1951.

²⁹ ИРЛИ, ф. 16470/С. IV 6-20. Сокращенный и полный списки этой басни имеются в 37-м томе Архива Державина в ГПБ.

Львов постоянно общался с разными слоями народа, с представителями разных классов. Он был дружески и творчески связан с Г. Р. Державиным, В. В. Капнистом, И. И. Хемницером, Д. Г. Левицким, В. Л. Боровиковским, А. Е. Егоровым, Дж. Кваренги, Е. И. Фоминым, М. Н. Муравьевым, И. М. Муравьевым-Апостолом, А. Н. Олениным, А. А. Мусиным-Пушкиным и др. В его научно-исследовательских опытах помощниками его были дворовые; во время разработки боровичских углей он вместе с крестьянами проводил недели и месяцы «в угольной яме»,³⁰ он слушал и записывал народные песни.³¹

Именно это постоянное трудовое соприкосновение и непосредственная творческая связь Н. А. Львова с народом укрепляли в нем веру в созидательные силы русского народа.

Одним из доказательств этого положения может служить запись Львова от 1 марта 1803 года, в которой автор со свойственной ему убежденностью отвечал неизвестному оппоненту:

«Вопрос: да где взять людей?»

«Награди только заслугу, ободри таланты: земля русская полна ими. Тогда из-под снегов ее выйдут люди великие, вырастут невидимо и согреют солнцем опыта; да и дело отвори<?> на примере<?>. Соревнование отличит превосходных, отставшие достигать станут, где не силою, там разумом, где парением, где терпением».³²

Между этой записью и басней, написанной в том же 1803 году, есть много общего. Уже по существу на смертном одре, за месяц до кончины, только что вернувшись из своей поездки по югу,³³ больной, но, как всегда, активный, полный творческих исканий, планов и надежд, Львов славит неустанное движение человека вперед и порицает прекращение движения, безразличие, пассивность (= бесперспективность), ведущие к гибели личности, к духовной и социальной смерти человека.

³⁰ Державин, Сочинения, т. V, СПб., 1869, стр. 580.

³¹ См.: Е. Канн-Новикова. Собиранье русских народных песен Н. А. Львова (К 200-летию со дня рождения). «Советская музыка», 1951, № 12, стр. 77—81.

³² ИРЛИ, ф. 16470/С. IV: Б. 20. Путевая тетрадь Н. А. Львова № 2, л. 1 об.

³³ В 1803 году Н. А. Львов был командирован на юг для обследования Кавказских минеральных вод и общего описания Кавказа и Крыма. См.: Б. И. Коплан, ук. соч., стр. 710—714.

М. А. АРЗУМАНОВА

О СВЯЗЯХ С РОССИЕЙ А. Н. РАДИЩЕВА В ЛЕЙПЦИГСКИЙ ПЕРИОД

В литературе о А. Н. Радищеве вопрос о связях русских студентов и самого Радищева с родиной недостаточно разработан.

Многие исследователи считают, что, находясь за границей, русские студенты не имели связей с Россией, плохо знали о том, какие события там происходили, что занимало в то время русское общество.¹

Изучение материала, как уже опубликованного, так и ранее неизвестного, показывает, что на деле всё обстояло иначе.

16 ноября 1768 года началась русско-турецкая война, в связи с чем через Лейпциг в Италию и на острова Адриатического побережья проезжало много русских офицеров, участников войны, курьеров с депешами. Естественно, что, останавливаясь в Лейпциге и встречаясь со своими соотечественниками, они могли рассказывать последним о том, что происходило в России.

Об этом вспоминает и сам А. Н. Радищев в «Житии Ф. В. Ушакова»: «Отправление Российских морских сил в Архипелаг, в последнюю войну между Россиею и Турциею, доставило нам в Лейпциге случай видеть многих наших соотчичей, проезжавших из России в Италию, и оттуда в Россию».²

Но не только война была причиной того, что в Лейпциге бывало много русских. В течение всего времени, когда там были студенты, в город часто приезжали из России или с тем, чтобы учиться в университете, или со специальными поручениями. В августе 1767 года Лейпциг посетил «дво-

¹ В наиболее открытой форме подобное мнение выражено в книге: В. М и а к о в с к и й, Радищев. «Огни» (серия «Светочи прошлого — творцы будущего») Пгр., 1919, стр. 20 сл.: студенты — «тепличные растения из чуждой среды... представляли ее <Россию, — М. А.> себе вероятно так же неопределенно, как и чужую Германию, когда впервые ехали туда... Из своего лейпцигского далека они рисовали себе Россию совсем в иных красках, чем те, в каких предстала перед ними она — подлинная...» Подобные высказывания мы находим и у позднейших исследователей, ср., например, работу Л. Кулаковой: А. Н. Радищев (1749—1802). Очерки жизни и творчества. <Л.>, 1949, стр. 18.

² А. Н. Радищев. Житие Ф. В. Ушакова. Полн. собр. соч., т. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 176.

рянин Кабинета ее императорского величества» — князь Несвижский, чтобы повидаться со своим братом Александром,³ одним из двенадцати русских студентов, обучавшихся в Лейпциге. Вскоре после этого, в начале сентября, туда прибыл кабинет-курьер Гуляев с сыном Адама Васильевича Олсуфьева — Дмитрием, посланным для учебы в университет.⁴

1768 год был, пожалуй, самым богатым по количеству соотечественников студентов, приезжавших в Лейпциг. В этом году через город проехал И. А. Дмитриевский. Был здесь и другой русский писатель — С. Г. Домашнев. Если предположить, что он встречался со студентами, то, очевидно, он мог им рассказать о главном событии, волновавшем в то время Россию, — работе Комиссии по составлению нового Уложения, тем более, что сам он был в 1767 году ее депутатом от сумского дворянства.⁵

В период 1766—1768 годов у кн. А. М. Белосельского при русском посольстве в Дрездене служил еще один русский писатель — будущий автор «Душеньки», И. Ф. Богданович. Он неоднократно бывал вместе с посольством и саксонским двором в Лейпциге.⁶ Был там и камергер Василий Дагаган.⁷

По словам самого А. Н. Радищева, случилось проезжать через Лейпциг и генерал-поручику Н. Е. Муравьеву с супругой и шурином, молодым человеком, гвардии офицером-драматургом А. А. Волковым (кстати — тоже депутатом Комиссии по составлению нового Уложения — от Канцелярии строения дорог.⁸ А. А. Волков часто бывал у студентов и даже вместе с ними потешался над глупостью и хвастовством их гофмейстера, отчего «презрение» студентов к последнему «с того времени стало совершенное».⁹

Осенью 1768 года посетили Лейпциг также и Федор и Алексей Орловы, братья всесильного фаворита Екатерины II — Григория Орлова,¹⁰ пу-

³ АВПР фонд «Сношения России с Саксонией», д. 99, 1767 г., лл. 99 сл. — письмо Бокума Олсуфьеву от 17 августа 1767 года.

⁴ Там же, лл. 102 сл. — письмо Белосельского Панину от 28 августа/8 сентября 1767 г.

⁵ Сб. ИРИО, 36, 1882, стр. 18—19.

⁶ О частых пребываниях посольства в Лейпциге ср., например, упоминания в письмах кн. Белосельского: «... двор 15 сего месяца в город переселитца на предбудущую ярменку в Лейпциг, подлинного приказу к зборам, еще нет, однако поговаривают, что их высочества туда поедут...» АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 99, 1767 г., лл. 102 и 103. — Письмо Белосельского Н. И. Панину от 28 августа/8 сентября 1767 года; «... третьего дня весь здешний двор, по двунедельном пребывании на Лейпцигской ярменке, в Дрезден благополучно возвратился. Приехав за оным, имею честь не медля вашему императорскому величеству о том всеподданнейше донести». В том же фонде (д. 98, 1767 г., л. 81) — письмо Белосельского к Екатерине II от 9/20 октября 1767 года. Письмом от 9/20 марта 1769 года Белосельский сообщал Панину, что курфюрст «думает пробыть в Лейпциге целую ярмонку, чего для и нас, чужестранных министров, туда пригласили» (в том же фонде, д. 109, 1769 г., л. 32).

⁷ См. документы в том же фонде, д. 104, 1768 г., л. 36а, и в ЦГАДА, Фонд «Государственный архив», разр. XI, д. 1036.

⁸ Депутатом «Комиссии» был и Николай Ерофеевич Муравьев — см.: Сб. РИО, IV (1869), стр. 11, 53, 69. О А. А. Волкове см.: там же, стр. 155.

⁹ Оба тоже депутаты «Комиссии» — см. там же, стр. 53.

¹⁰ А. Н. Радищев. Житие Ф. В. Ушакова. Полн. собр. соч., т. I, стр. 176.

тествовавшего инкогнито, — под весьма прозрачной фамилией Островых.¹¹

По материалам фонда «Сношения с Саксонией» видно, что они были в Дрездене с конца июля по середину октября не менее трех раз.

А 12 октября, получив приглашение посетить конный завод курфюрста, находившийся в Лейпциге,¹² Алексей и Федор Орловы уехали туда одновременно с гр. Э. Г. Чернышевым.¹³ В Лейпциге они пробыли около двух недель, успев не только осмотреть достопримечательности города, но и познакомиться со своими соотечественниками.¹⁴ Это подтверждает кабинет-курьер М. Яковлев, сообщавший, что «граф Алексей Григорьевич Орлов подарил молодым господам... 200 талеров» на продолжение «домашних концертов».¹⁵

На основании приведенных фактов можно с большей уверенностью утверждать, что «некто... Ф...»,¹⁶ познакомивший студентов с книгой Гельвеция «Об уме», это не кто иной, как граф Федор Григорьевич Орлов, бывший в Лейпциге вместе со своим братом.¹⁷

¹¹ АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 104, 1768 г., л. 123 — письмо Белосельского Панину от 19 июля 1768 года; л. 136 — письмо Белосельского Панину от 16/27 октября 1768 года. См. также письмо Белосельского Панину от 1/12 августа 1768 года. В том же фонде и деле (л. 109—109 об.): «10-го сего месяца по новому штילו прибыли сюда <т. е. в Дрезден, — М. А.> из Берлина господа Островы, и не цитают доле здесь остановиться как только до завтрава, спеша ехать в Карлсбад чтоб не упоздать. Все здесь считают их знатными русскими господами под чужим именем».

¹² Там же, л. 130 — 130 об. — письмо Белосельского Панину от 30 сентября/11 октября 1768 года.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 134 — письмо Белосельского Панину от 14/25 октября 1768 года; об этом упоминается также в донесении М. Яковлева (ЦГАДА, фонд «Государственный Архив», разр. XVII, д. 62, 1766—75 гг., лл. 461—477 об.).

¹⁵ То же донесение Яковлева, л. 467 об. — 468.

¹⁶ А. Н. Радищев. Житие Ф. В. Ушакова. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 176.

¹⁷ Высказанное положение подтверждается и данными, имеющимися в «Житии Ф. В. Ушакова». При внимательном чтении становится очевидным, что Ф... довольно молодой человек, так как он охотно все время проводил со студентами, особенно с Ф. В. Ушаковым. Судя по всему, это какой-то русский вельможа, аристократ, способный обещать Ушакову «мощное свое покровительство» и «извлечение» последнего из «руки отягощения». Он любит показать себя знатоком философской просветительской мысли, «покровителем учености», не прочь поупражняться в «метафизических рассуждениях», т. е. ведет себя так, как и другие современные ему русские аристократы, чье показное «свободомыслие» и увлечение философией было в то время своего рода модой. Но, уехав из Лейпцига, этот «покровитель» забывает Ушакова и даже не отвечает на его письма: «Или ему низко было вступить в переписку с неравным ему состоянием, или благодарить надлежит за то Наукам, что среди обиталища их различие состояний нечувствительно и взоров природного равенства не тягчит и для того в Лейпциге Ф... обходился с Федором Васильевичем, как с равным себе» — делает предположение Радищев. Но если Ф..., как то вытекает из приведенного отрывка, может считать для себя унизительным переписываться с человеком дворянского звания, майором, служившим ранее коллежским ассессором у одного из самых

В 1769 году население студенческой колонии увеличилось еще на четыре человека. В начале февраля уехали из России Осип Козодавлев и Сергей Олсуфьев; 21 апреля их уже занесли в университетские списки.¹⁸ Летом того же года приехал Николай Хлопов; его записали в число студентов университета 11 сентября.¹⁹ 14—15 августа прибыл в Дрезден Алексей Теплов — сын Г. Н. Теплова, снабженный рекомендательным письмом гр. Панина к кн. Белосельскому. Его представили курфюрсту и познакомили с гр. Сакеном и бароном Гогенталем, после чего он, очевидно, уехал в Лейпциг, так как уже 25 октября мы находим его занесенным в университетские списки.²⁰ Возможно, что он был знаком с Ф. Ушаковым еще в Петербурге, когда тот служил секретарем у его отца.

В 1770 году в июле посылается за границу Шкуров с целью приобрести «настолько совершенное образование, какое можно получить только в Лейпциге».²¹

В августе туда приезжают с губернатором братья Шурины, «воспитанию» которых «содействовать с большим удовлетворением» обещал барон Гогенталь.²²

В сентябре в Дрездене остановился гвардии подпоручик Павел Фонвизин (брат Дениса Фонвизина) и, «по приключившемуся ему в Цейсте на последней почте из Праги сюда весьма болезненному припадку», вынужден был остаться там на всю зиму.²³ Весьма возможно, что, будучи так близко от Лейпцига, он бывал там, тем более, что, как уже говорилось выше, русское посольство вместе с двором часто приезжало в Лейпциг.

28 дней пробыл в городе, живя вместе со студентами, постоянно с ними встречаясь, кабинет-курьер М. Яковлев, приехавший туда 14 ноября, в сопровождении Николая Матюшкина, Николая Волкова и Василия Мельгунова.²⁴

видных царских сановников Г. Н. Теплова, то, без сомнения, он принадлежал к высшему кругу знати. Все эти намеки и архивные данные подтверждают, что молодым знатным русским аристократом Ф. . . , упоминаемым в «Житии Ф. В. Ушакова», был граф Федор Григорьевич Орлов.

¹⁸ Сообщение из Кабинета Бокуму от 6 февраля 1769 года говорило об отправке в Лейпциг двух дворян — С. А. Олсуфьева и О. П. Козодавлева (ЦГАДА, фонд «Государственный архив», разр. XVII, д. 62, 1766—1775 гг., л. 90; см. также: «Известия ОРЯС», т. 9, 1860—1861, стр. 159, приложение к статье «Несколько ученых заметок Я. К. Грота во время заграничного путешествия»).

¹⁹ Письмо Бокума от 9 августа/29 июля 1769 года (ЦГАДА, там же, л. 98; см. также: приложение к статье Я. К. Грота).

²⁰ АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 109, 1769 г., л. 133 (лиц. и об.) — письмо Белосельского Панину от 17 октября 1769 года; см. также: приложение к статье Я. К. Грота

²¹ Там же, д. 116, 1770 г., л. 6 — письмо Панина к Белосельскому от 6 июля 1770 года.

²² Там же, д. 115, 1770 г., л. 46 — письмо Гогенталя Панину от 13 августа 1770 года, а также (л. 47) письмо Гогенталя Панину от 16 августа 1770 года.

²³ Там же, лл. 65 об. — 66 — письмо Белосельского к Панину от 4/15 сентября 1770 года, а также л. 99 — письмо Белосельского Панину от 16/24 октября 1770 года, и в деле 116, 1770 г., л. 7 — письмо Панина к Белосельскому от 5 ноября 1770 года.

²⁴ ЦГАДА, фонд «Государственный архив», разр. XVII, д. 62, 1766—75 гг., лл. 127—130 об. — сообщение из Кабинета Бокуму от 23 сентября 1770 года; там же, л. 469 об. — донесение Яковлева.

В июле 1771 года к русским студентам отправили из Петербурга студента Сергея Подобедова в качестве учителя русского языка.²⁵ Из фактов его биографии следует учесть, что с 1768 по 1770 год он служил переписчиком в Комиссии по составлению нового Уложения.²⁶

Необходимо еще особо остановиться на частых приездах в Саксонию братьев Орловых. Как уже сказано выше, они не раз бывали в Дрездене и Лейпциге в 1768 году. В 1770 году Орловы опять проезжают через Лейпциг.²⁷ В 1771 году Алексей Орлов приехал в Дрезден 13/24 апреля, вручил Белосельскому камергерский ключ, представился курфюрсту и, «отобедав у графа Сакена, отправился отсюда через Вену в Венецию...».²⁸

В непосредственной связи с этим, как нам кажется, находится факт перевода Радищевым брошюры Антона Гики «Желании греков, к Европе христианской» — «некогого рода весьма длиннаго... важнаго и любопытства достойнаго... на греческом языке писанного Манифеста», который он получил «из Архипелага, чрез Италию».²⁹

Перевод этой брошюры явился живым откликом на события русско-турецкой войны. Рукопись Радищева не датирована, но, судя по содержанию, переводил он ее в конце августа 1771 года. Чтобы аргументировать это положение, обратимся к тексту. Описывая тяжелое состояние греков под турецким владычеством, автор свою надежду на освобождение с помощью России выражает следующими словами: «Важность и скорость Ея побед и усугубляющаяся робость наших тиранов, заставили нас почитать уже блискими минуты нашего избавления».³⁰

Приведенные строки не могли быть написаны ранее 1770 года, так как именно этот год и ознаменовался рядом «важных и скорых» побед над турками: разгром 80-тысячной турецкой армии при Ларге и 150-тысячной — при Кагуле; взятие Бендер; освобождение Измаила, Килии, Аккермана; занятие русскими войсками Кутанси, Молдавии, Валахии, поражение турецких войск при Аспинзи, нанесенное союзником России — Грузией; не говоря уж о прославленном разгроме турецкой эскадры в Хиосском проливе и при Чесме.

Но эти выдающиеся успехи вызвали вмешательство западноевропейских держав (назревала угроза австро-турецкого союза), что сказалось и на разделе Речи Посполитой. 16 мая 1771 года Н. И. Панин предложил согласиться на раздел, оставив за Австрией захваченные ею еще в 1770 году польские области и передав Пруссии некоторые другие области Польши.

Вскоре стало известно, что Австрия заключила с Турцией 6 июля 1771 года тайный военный союз, что вызывало угрозу непосредственного

²⁵ Там же, л. 183 — письмо Белосельскому от А. В. Олсуфьева (?) от 30 июля 1771 года.

²⁶ Там же, л. 233 об. — «Аттестат»: «По указу ея императорского величества от Комиссии сочинения проекта нового Уложения дан сей аттестат находящемуся при оной для письма студенту Сергею Подобедову в том, что в бытность свою при оной мая с 1-го числа 1768 года должность ево исправлял добпорядочно, что и засвидетельствуется сентября 28 юня 1770 года. На подлинном подписано тако: Депутатский маршал Александр Вибиков».

²⁷ АВГР, фонд «Сношения России с Саксонией», 1770 г., д. 115, л. 124 — письмо Белосельского к Панину от 18/29 декабря 1770 года.

²⁸ Там же, д. 120, 1771 г., л. 59 — письмо Белосельского Панину от 14/25 апреля 1771 года.

²⁹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 2, Желания Греков, к Европе христианской, стр. 225.

³⁰ Там же, стр. 227.

вступления Австрии в войну. Все эти обстоятельства заставляли Россию спешить с прекращением войны и сказались даже при заключении мирного договора (в отказе от требования независимости Молдавии и Валахии и передачи России одного из островов Архипелага).

Именно намеком на эти события можно объяснить следующие слова текста Гики: «Мы надеялись, что покровительство великодушной сей избавительницы еще раз допустит нас жить под управлением законов, что воляность паки между нами возобновится и что Греция прежней своей вид поучит. Надежда толиких выгод, в один миг исчезла, и весьма основательный страх мучительных изгнаний тиранами нашими нам приуготавливаемых, как из отмищения, так и для политических причин, наполнил сердца наши горестию и отчаяньем. Мы должны опасатся, чтоб россияне не положили победоносного оружия своего для другой причины, нежели из почтения к неприятелю. Да отвратит нас грозщее сие бедство».³¹

Это высказывание сужает возможные границы написания, а следовательно, и перевода брошюры. Очевидно, что автор мог написать приведенные строки только после того, как ослабло участие России в войне, которое, как мы видели, произошло в конце июля 1771 года. Данное положение подтверждается и числами, стоящими на самой статье: 20 и 29 июля. Таким образом, ее перевод мог быть выполнен Радищевым только не ранее конца августа месяца. Даже если, сразу после написания ее А. Гикой, с брошюрой в очень короткий срок ознакомились и немедленно переслали ее в Лейпциг для перевода, то и при таком предположении на все это не могло потребоваться менее двух недель. Подобному утверждению нисколько не противоречит то, что, как известно, 16 августа (ст. ст.) в «С.-Петербургских ведомостях» появился другой перевод этой же статьи (в связи с чем, очевидно, Радищев и прекращает работу над переводом).

Этот номер «Ведомостей» никак не мог попасть в Лейпциг раньше чем через 10—12 дней, т. е. 26—28 августа (ст. ст.!), даже если его переслали с экстренным курьером, н, следовательно, раньше самого конца августа Радищев не имел никаких оснований прервать свою работу.

Возможно, что статью Гики для быстрого перевода на русский язык направил Радищеву сам А. Г. Орлов (в штабе которого она и была сочинена),³² запомнивший незаурядного студента еще по пребыванию в Лейпциге в 1768 году и по неоднократным приездам туда и в Дрезден в 1770 и в 1771 годах. Это тем более вероятно, что Орлов вообще прибегал к такого рода публицистике. Так, в 1770 году он обратился с просьбой к Белосельскому, чтобы тот уговорил переводчика Евгения Булгари, жившего в Лейпциге, взяться за перевод на греческий язык одного сочинения и как можно скорее его закончить.³³

Но не так важно установить, кто в действительности поручил молодому студенту перевод актуальной политической брошюры, как то, что выбран был именно Радищев. Из этого факта видно, что Радищев зарекомендовал себя

³¹ А. Н. Радищев. Желания греков, к Европе христианской. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 227—228. — Разрядка моя. — М. А.

³² Сб. РИО, 145, 1914, стр. 411.

³³ Булгари отказался от перевода, ссылаясь на то, что он переводит на греческий язык «Наказ Екатерины II» и потому не имеет свободного времени. Подробнее см.: АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 114, 1770 г., л. 108 — письмо Белосельского к Панину от 10/21 апреля 1770 года и на следующем листе — письмо Евгения Булгари Белосельскому от 11 апреля 1770 года.

в качестве серьезного, образованного человека, находящегося в курсе событий международной политической жизни.³⁴ Затем, надо полагать, Радищев был осведомлен о русской периодике, так как, принимаясь за работу, он уверенно пишет: «Мы тем охотнее приемлем на себя перевод оной <т. е. статьи, — М. А.), что, по всем обстоятельствам, думать должно, что нет еще оной в переводе ни в одном периодическом сочинении, кроме сих листов»,³⁵ а прекращает работу над переводом, после того как выяснилось, что статья уже напечатана в «С-Петербургских ведомостях».

Это обстоятельство, во-первых, лишний раз подтверждает, что Радищев хорошо знал периодические издания, выходившие в России, следил за тем, что там печаталось. Во-вторых, словами «ни в одном периодическом сочинении, кроме сих листов» Радищев сам свидетельствует, что он делал свой перевод для какого-то периодического издания, и притом, очевидно, для выходившего в России: если бы он намеревался напечатать статью в лейпцигских журналах, то, вероятно, и перевел бы тогда ее на немецкий язык. А из этого вытекает, что у Радищева уже в лейпцигские годы имеются связи с русской периодикой, что первая его литературная работа была рассчитана на широкий круг читателей и только непредвиденная случайность помешала ей увидеть свет. Наконец, подтверждается и необоснованность легенды о незнании Радищевым русского языка.³⁶

У нас нет сведений о том, имелись ли в Лейпциге русские журналы, но зато известно, что в числе книг, которые находились у студентов, были

³⁴ См. два письма-характеристики Белосельским Радищеву: АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 120, 1771 г., л. 123 — 123 об.; ЦГАДА, ф. 249, 1771 г., д. 6465, л. 527; см. также: АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 115, 1770 г., л. 2—3, письмо Белосельского Панину от 1/12 июня 1770 года. «...Что касается учения их, то Бокум доволен ими, так же как это есть и мнение всех профессоров, что через полтора года первые семь смогут с пользой вернуться на Родину. А именно — Радищев, которой самый образованной, Янов, Челищев, кн. Трубецкой, Кутузов, Рубановский и Насакин».

³⁵ А. Н. Радищев. Желания греков, к Европе христианской, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 225.

³⁶ В некоторых работах встречается утверждение: Радищев в Лейпциге «забыл русский язык» и по возвращении в Петербург ему даже пришлось брать уроки русского языка у А. В. Храповицкого. Подобного рода высказывания базируются, во-первых, на ошибочном мнении, что после того как Радищев и другие русские студенты приехали в Россию, «начальство» на их примере увидело, «как легко было на чужбине забыть родной язык» (ср.: В. Я. К у ш к и н. Учебные годы А. Н. Радищева. (Отрывок из его биографии), в кн.: Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженко, М., 1902), стр. 202. Учитель русского языка Сергей Подобедов, действительно, был отправлен в Лейпциг, но не после приезда Радищева (декабрь 1771 года), а в июле 1771 года, и, следовательно, приезд студентов никак не мог повлиять на решение начальства послать в Лейпциг учителя русского языка. Кроме того, сторонники этого ошибочного взгляда основываются на неправильном толковании показания Радищева Шишковскому в Петропавловской крепости. Из слов Радищева, что он имел «малое знание в российском письме» и для «приобретения достаточных в оном сведений» много читал церковных книг, некоторые авторы делают вывод, будто он плохо говорил по-русски. Между тем очевидно, что в показании речь шла не о языке, а о «письме», т. е. о слоге, да и не о русском, но о «российском», под которым писатель понимал церковно-славянский стиль.

и «российские книги», присылавшиеся из России.³⁷ К сожалению, какие именно, не известно, но, во всяком случае, это говорит о том, что из России студентам привозили и присылали книги; трудно предположить, что среди них не было и журналов.

Интересно также и то, что сведения о событиях русской действительности студенты могли черпать и из книг и из журналов, издававшихся в Лейпциге, а также из слухов, быстро распространявшихся по городу.³⁸

В 60-е годы там издавалось большое количество журналов, свыше пятидесяти, с самой разнообразной тематикой. Одни из них посвящены вопросам литературы,³⁹ другие — вопросам истории, философии и богословия.⁴⁰ Были журналы юридические,⁴¹ экономические,⁴² музыкальные⁴³ и сатирические,⁴⁴ журналы, освещавшие вопросы торговли и промышленности,⁴⁵

³⁷ ЦГАДА, фонд «Государственный архив», разр. XVII, д. 62, 1766—1775 гг., лл. 203—206 — «Известие о купленных для обучающихся в Лейпциге российских дворян книгах».

³⁸ Так, например, еще в 1767 году Белосельский сообщал Панину, что «... разные слухи здесь рассеялись о некотором страннике, которой именуется Петром Третьим...». Об этом событии пишут и разные иностранные газеты, но «справедливые сих ведомостей по-видимому та, которую дал здешнему двору резидент саксонский в Венеции: оной пишет, что в некоторой малой части Далмации, которая есть вольная и не принадлежит ни туркам, ни венецианцам, проявился странник, называя себя бывшим нашим императором Петром третьим, ушедшим из России. Красноречием своим он столь большую поверхность взял над той малой части земли народом, которой однако ж почитается до десяти тысяч человек, что к нему они аки к главе их почтение имеют. в чем час от часу более он утверждается» (АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 99, 1767 г., л. 130 — письмо Белосельского Панину от 25 ноября/5 декабря 1767 года). Не исключена возможность, что каким-либо путем это могло стать известным и русским студентам.

³⁹ Таковы: «Zusätze zur Theorie der Poesie und Nachrichten von den besten Dichtern». Hrsg. Christian Heinrich Schmid, 1767—1769; «Almanach der deutschen Musen». Hrsg. Christian Heinrich Schmid, 1770—1781; «Philologische und kritische Bibliothek». Hrsg. Christian Heinrich Schmid, Leipzig, 1770—1781; «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste». Hrsg. Christian Felix Weise, 1765—1806; «Versuche aus der Literatur und Moral». Hrsg. Chr. Aug. Glodius, 1767—1769.

⁴⁰ См.: «Fortgesetzte neue genealogisch-historische Nachrichten». Hrsg. Michael Ranfft, 1762—1777; «Nova Agenda Scholastica». Hrsg. Peter Graf von Hohenthal, 1765—1774; «Allgemeines Staast-Magazin zum Behuf der politischen Geschichte». Hrsg. Joh. Chr. Adelung, 1766—1768.

⁴¹ «Unpartheiische Kritik über die neueßten juristischen Schriften». Hrsg. August Friedrich Schott, 1768—1781.

⁴² «Neue öconomische Nachrichten». Hrsg. Peter Graf v. Hohenthal, 1764—1773.

⁴³ «Wöchentliche Nachrichten und Anmerkungen, die Musik betreffend». Hrsg. Joh. Adam Hiller, 1766—1769.

⁴⁴ «Fidibus, eine satyrische Monatschrift». Hrsg. Joh.-Jac. Ebert und Karl Gottfried Küttner, 1769—1770.

⁴⁵ Museum Rusticum et commerciale oder auserlesene Schriften, den Ackerbau, die Handlung, die Künste und Manufacturen betreffend. Hrsg. Chr.-Aug. Schultze u. J. J. Schwabe, 1764—1769.

химии, минералогии и медицины,⁴⁶ и ряд других многочисленных изданий.

Многие из этих журналов печатали рекомендательные библиографические списки с краткими рецензиями на выходявшие книги.⁴⁷ Другие занимались популяризацией наиболее известных авторов, печатая краткие сведения о них и их произведениях. Так, например, в журнале Христиана Генриха Шмида «Zusätze zur Theorie der Poesie» мы находим биографии таких писателей и философов, как Монтескье, Даламбер, Вольтер, Фонтенель, Шлегель, Клопшток, Геллерт, Шекспир, Стерн, Фильдинг и др.

Это не могло не заинтересовать студентов. Но особенно привлекали их внимание, естественно, те сведения о России (не всегда, впрочем, лестные), которые они могли почерпнуть из этих журналов.

Любопытен факт появления в 1767 году в Лейпциге двух немецких книг, о которых Белосельский сообщал, что они «в непристойных терминах касаются» «высочайшего двора».⁴⁸

Интересны также и отклики в журналах на русские события. Так, в связи с деятельностью в России Комиссии по составлению нового Уложения и выходом «Наказа» Екатерины II, журнал Шотта «Unpartheiische Kritik...» печатает в 1768 году обширную рецензию с цитатами из самой книги.

В этом же году в журнале «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und freien Künste», как известно, появляется «Известие о русских писателях».⁴⁹

В 1769 году оно в несколько сокращенном виде было опубликовано в журнале Христиана Генриха Шмида «Zusätze zur Theorie der Poesie...» с таким предисловием: «Перечень всех русских поэтов. Если для моих читателей является таким же приятным занятием наблюдение за развитием вкуса у различных наций, я думаю, что окажу им услугу, описав для них следующие достоверные сведения о русских поэтах из той части „Bibliothek der schönen Wissenschaften...“, которая уже напечатана. (Лиц, желающих получить полный список датских, шведских, голландских писателей прошу почтить меня своими сообщениями)».⁵⁰

⁴⁶ Mineralogische Belustigungen zum Behuf der Chemie und Naturgeschichte des Mineralreichs. Hrsg. Joh.-Chr. Adelung, 1768—1771; «Arzneikundige Abhandlungen». Hrsg. von dem Collegio der Aerzte in London, 1768—1787.

⁴⁷ См. журнал «Unpartheiische Kritik...», 1768—1771, passim.

⁴⁸ АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 99, 1767 г., л. 106 — письмо Белосельского к Панину от 18/29 сентября 1767 года.

⁴⁹ См.: П. Н. Берков. Кто был автором лейпцигского Известия о русских писателях? «Известия Академии наук СССР», VII серия, Отд. обществ. наук, Л., 1931, стр. 937—952; А. И. Ляшенко. С. Т. Домашнев как автор Известия о некоторых русских писателях (1768). Там же, стр. 953—975; Д. Д. Шамрай. С. Т. Домашнев и Nachricht von einigen russischen Schriftstellern. Там же, стр. 977—983.

⁵⁰ «Verzeichnis etlicher russischen Dichter. Wenn es minen Lesern eine eben so angenehme Beschäftigung ist, den Fortgang des Geschmacks unter allen Nationen zu bemerken, so glaube ich ihnen einen Dienst zu thun, wenn ich ihnen folgende sehr authentische Nachricht von russischen Dichtern aus der Bibliothek der schönen Wissenschaften, so weit sie gedruckt ist, abschreibe. <...> Die Herren, die ein vollständiges Verzeichnis der Dänen, Schweden und Holländer verlangen, bitte ich mich mit ihren Beyträgen zu verehren». (Zusätze zur Theorie der Poesie, Hrsg. von Chr. Heinr. Schmid, Leipzig, 1769, стр. 210).

Шмид напечатал биографии поэтов и писателей с краткими сведениями об их произведениях. Правда, из журнала «Bibliothek der schönen Wissenschaften» он взял не всех русских писателей, а только наиболее значительных: Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Попова, Елагина, Ельчанинова, Лукина, Баркова, Дениса Фонвизина, Богдановича и Александра Волкова. Заканчивается это сообщение следующими словами: «Если кое-что также и нужно в этом Известии отнести к энтузиазму автора, то все-таки нельзя отрицать того, что хорошее чувство вкуса в России начинает пускать ростки».⁵¹

Тот факт, что в течение одного года была осуществлена вторичная перепечатка сведений о русских писателях, говорит о возросшем интересе за границей к русской культуре.

Менее всего является вероятным, что подобные вещи проходили незамеченными в русской колонии, тем более, что, например, издателями и авторами некоторых журналов были профессор Лейпцигского университета — барон Гогенталь, Август Фридрих Шотт, Иоганн Иоахим Швабе и другие. У двух последних Радищев занимался в течение всех четырех лет и, надо полагать, был хорошо знаком с их журналами.⁵²

Именно в журнале Шотта в 1771 году появляется целый ряд статей, рекомендующих книги о крепостном праве, о положении крестьянства, что было связано с запросом Вольного экономического общества. Как известно, в ноябре 1766 года Екатерина II, продолжая политику показного либерализма, прислала в Общество письмо, подписанное прозрачными инициалами «И. Е.» и 1000 червонцев, с предложением объявить конкурс на тему: «В чем состоит собственность земледельца, в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости, и какое он право на то или на другое для пользы общественной иметь может?»⁵³

Вскоре, действительно, был объявлен с официальным объявлением в печати конкурс сочинений, отвечающих на вопрос: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю или только движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны».⁵⁴

Тема конкурса была настолько животрепещущей, что вызвала широкие отклики не только в России, но и за ее пределами. Вплоть до апреля 1768 года поступали в адрес Общества сочинения. Всего было получено 160 ответов на русском, французском, немецком, голландском, итальянском, латинском языках.

Непосредственно на тему конкурса отвечала и книга неизвестного автора, вышедшая в 1770 году в Риге под названием: «Опыт сочинения о собственности крестьян в ответ на запрос», рецензию на которую мы находим в журнале Шотта.⁵⁵ В книге обсуждалось, что выгоднее для общества: чтобы крестьянин имел землю или только движимое имущество?

⁵¹ «Wenn man auch etwas auf den Enthusiasmus des Verfassers von dieser Nachricht abrechnen muss: so kann man doch nicht leugnen, dass der gute Geschmack in Russland zu keimen anfangt» (Там же, стр. 218).

⁵² А. Ф. Шотт издавал журнал «Unpartheiische Kritik...». И. И. Швабе и Х. А. Шульце — журнал «Museum Rusticum et commerciale», см. выше сноски 41 и 45.

⁵³ История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865, стр. 22.

⁵⁴ Там же, стр. 23.

⁵⁵ Versuch einer Abhandlung vom Eigenthume der Bauern nach Anleitung einer Frage». Riga, 1770, 111 страниц.

И делался вывод: для крестьянина полезнее, если он имеет и то и другое, помещику же выгоднее, когда крестьянин обладает только правом пользования землей, а не полного владения ею.⁵⁶

В другой книге, одновременно появившейся в Дрездене и Лейпциге, — «Юридические сочинения о крестьянах и их барщине, а также об их природной свободе и в равной мере о разных неправильных и хороших положениях для улучшения их правового положения»⁵⁷ — поднимается целый ряд сложных вопросов, связанных с крепостным правом. Ее автор — консультант юриспруденции в Дрездене Иоганн Леонард Хаушильд.

Рекомендовалась и книга Гедера «Размышления по вопросу, каким образом предоставить крестьянству свободу и право собственности в тех странах, где оно лишено и того и другого».⁵⁸

Вероятно, Радищев был знаком с этими рецензиями, а, возможно, заинтересовавшись их проблематикой, прочел и книги, так как они, в большинстве своем, выходили в Лейпциге — крупнейшем книготорговом центре, где, кстати, устраивались и ежегодные книжные ярмарки, так что именно здесь легче всего было купить любую книгу, вышедшую в Европе.

Итак, приведенные новые документы и материалы со всей убедительностью показывают, что, находясь за границей, усиленно занимаясь, изучая науки, готовясь к будущему служению Родине, Радищев и его друзья не порвали связи с Россией. Чтение книг, журналов, газет, встречи с соотечественниками давали им возможность знать то, что там происходило и что волновало их «сограждан».

⁵⁶ Unpartheiische Kritik. Leipzig, 1771, стр. 38.

⁵⁷ Juristische Abhandlungen von Bauern und deren Frohdiensten, auch der in Rechten gegründeten Vermuthung ihrer natürlichen Freiheit, ingleichen von verschiedenen irrigen oder guten Vorschlägen zu einer Verbesserung der Justiz, theils anitzo verbessert, theils ganz neu herausgegeben und mit einem zureichenden Register versehen», Leipzig und Dresden, 1771, 306 страниц.

⁵⁸ Bedenken über die Frage: Wie dem Bauerstande Freiheit und Eigenthum in den Ländern, wie ihm beides fehlt, verschaffet werden könne? Frankfurt und Leipzig, 1771, 112 стр.

Х а р а л ь д Р А А Б

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ О ДЕЛЕ А. Н. РАДИЩЕВА В ПЕЧАТИ

В процессе работы над исследованием немецко-русских литературных связей в период от Просвещения до романтики¹ мною были систематически просмотрены многочисленные периодические издания XVIII века, выходявшие в Германии и преимущественно в северной ее части. Среди многих ценных материалов, обнаруженных при этом, особое внимание обращает на себя сообщение о деле А. Н. Радищева, помещенное в графсвальдском журнале «Neueste Critische Nachrichten» («Новейшие критические известия», 1790, 2 октября, № 40, стр. 320), издававшемся профессором истории И. Г. П. Меллером. Вот оно:

Der Rußisch Kaiserl. Collegienrath und Director des Zollwesens, Hr. Radischeff zu St. Petersburg, hatte vor kurzem eine Schrift in seiner Privatdruckerei wöchentlich herausgegeben, über die Freiheit des Menschen, worin er die Rußische Nation aufforderte, auf das Exempel der Französischen Nation acht zu geben, und zugleich gegen die Lieblinge declamirte. Er hat aber selbst darüber seine Freiheit verlohren.

Предлагаем его в переводе:

Русский императорский коллежский советник и директор таможи г-н Радищев (Петербург) недавно издавал в своей частной типографии еженедельный журнал, посвященный свободе личности, в котором он побуждал русскую нацию взять за образец нацию французскую и одновременно громил фаворитов. Однако он сам за это поплатился свободой.

¹ Dr. H. Raab. Deutsch-russische Literaturbeziehungen in der Zeit von der Aufklärung bis zur Romantik. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz Arndt Universität Greifswald», Festjahrgang zur 500-Jahrfeier. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, Nr. 2/3, Jahrgang V, 1955—1956, стр. 91—99.

В этом кратком известии, появившемся через несколько недель после ареста Радищева, следует, по моему мнению, видеть первое вообще печатное сообщение о революционном произведении и судьбе Радищева. Таким образом, утверждение покойного Георга Закке, будто впервые о Радищеве и его «Путешествии» в печати было сказано Г. А. В. Гельбигом в немецком журнале «Минерва» (1798, ч. III, стр. 11—13) и почти одновременно в немецкой же книге А. Б. Бернхарди «Черты для картины Русского государства» (6. г., 1798, ч. 2, стр. 211 и сл.),² сейчас уже не может считаться правильным.

Кто был автором сообщения в грайфсвальдском журнале, ныне не представляется возможным установить: заметка помещена в разделе «Разные сообщения» среди других научных известий, весь материал этого раздела печатался анонимно, никаких других статей о русской литературе с подписями в журнале обнаружить не удалось. Однако известно, что акад. Ф.-У.-Т. Эпинус, в прошлом учитель издателя «Новейших критических известий» проф. И. Г. П. Меллера, продолжал, находясь в Петербурге, поддерживать связь со своим учеником. Поэтому вполне допустимо предположение, что Эпинус и является автором сообщения о деле Радищева.

Очевидно, автор этой заметки был недостаточно точно осведомлен в подробностях дела Радищева — это выразилось в том, что он не привел названия книги и считал «Путешествие» еженедельным журналом. Однако в словах «die Freiheit des Menschen» («свобода личности») можно видеть намек на то, что автор заметки знал об оде «Вольности».

² G. Sacke. Radišev und seine «Reise» in der westeuropäischen Literatur des 18. Jahrhunderts. «Forschungen zur osteuropäischen Geschichte», Bd. I, Berlin, 1954, стр. 45 сл. В статье Г. Закке есть странное противоречие. Приведя на стр. 47—48 своей статьи выдержку из статьи Гельбига в журнале «Минерва» (1798, ч. III, стр. 11—13), касающуюся «Путешествия» Радищева, автор разрядкой отмечает, что «это — первое печатное известие о Радищеве» (стр. 48), а в подстрочном примечании 9 на стр. 50 добросовестно указывает, что Ж. Кастера в своей «Жизни Екатерины II, императрицы русской» (Париж, 1797, т. III, стр. 239) также сообщил о «Путешествии». Таким образом, выходит, что Кастера опередил Гельбига. Впрочем, сейчас — после открытия д-ра Г. Рааба — вопрос этот утратил свое значение. — *Прим. Ред.*

С. М. БАБИНЦЕВ

НОВЫЕ РАННИЕ СПИСКИ «ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ»

Огромный интерес русских людей к знаменитому произведению А. Н. Радищева, а также малое количество уцелевших экземпляров «Путешествия» (32 — по показаниям А. Н. Радищева) вызвали уже в 1790-е годы появление ряда списков запрещенной книги. Печатные экземпляры «Путешествия» как величайшая редкость хранятся в ряде библиотек и у отдельных собирателей-книголюбов.¹ Рукописные копии «Путешествия» с конца XVIII века широко обращались среди русской читающей публики, а позднее стали предметом собирания наших архивохранилищ и отдельных коллекционеров.

В 1935 году Я. Л. Барсков описал 28 ранних списков «Путешествия».² В числе их — 12 списков, хранящихся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в собраниях Колобова, Титова, Ф. Толстого, П. Тиханова и др.). Остальные экземпляры были описаны по коллекциям других хранилищ Советского Союза.

В дополнение к описанию Я. Л. Барскова ниже приводятся описания еще десяти ранних списков (конца XVIII — начала XIX века); в числе их шесть поступили в Отдел рукописей ГПБ в 1932, 1941 и 1951—1954 годах, три списка хранятся в Государственном литературном музее в Москве и один принадлежит известному ленинградскому собирателю рукописных памятников В. Ф. Груздеву.

Списки «Путешествия», хранящиеся в ГПБ, следующие.

Первый представляет собою переплетенную в кожу рукописную книгу, размером 130 × 210 мм. На ее корешке тисненое заглавие: «Путешествие в Москву». Объем списка 277 листов. Последний лист в нижней части срезан (размер его 128 × 157 мм). Бумага верже, конца XVIII века. Список приобретен у гр. М. Ваксера в 1941 году.³ На л. 1 титул: «Путешествие в Москву Радищева в 1790-м году». Над этим заглавием штамп — красного цвета экслибрис одного из позднейших владельцев рукописи: «Н. Козакова.

¹ Д. Н. Анучин. Судьба первого издания «Путешествия» Радищева. М., 1918. См. также: Библиографическая редкость. Приобретение Литературного музея. Газ. «Вечерняя Москва», 1947, 31 мая.

² Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. В кн.: А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, т. II. Изд. «Academia», Л.—М., 1935, стр. 239—261.

³ ГПБ, Отдел рукописей, 41/18.

Николаевская 48». На лл. 2—277 — текст «Путешествия». Сличение рукописи с печатным изданием 1790 года (по фототипическому воспроизведению 1935 года)⁴ показало почти полное совпадение текстов. Незначительные разночтения относятся к исправлению опечаток книги.

Второй список, оставшийся в 1935 году неизвестным Я. Л. Барскову, находился в Библиотеке среди неразобранных фондов Общества любителей древней письменности (ОЛДП) с 1932 года.⁵ Это — расшитая тетрадь, без начальных и последних листов и с многочисленными пропусками в середине. Объем списка 93 листа, различного формата: лл. 1—8 и 91 размером 170 × 216 мм, лл. 9—90 размером 165 × 210 мм. Бумага верже, водяной знак: 1796.

Сохранившиеся листы содержат отрывки из глав: «Торжок», «Любань», «Городня», «Хотилов» и др. Список сделан по печатному изданию 1790 года, но с рядом мелких разночтений, с пропусками отдельных слов и их изменениями. Очевидно, список писался под диктовку и переписчик искажал текст, принимаемый на слух.

Третий список — из собрания проф. В. А. Десницкого.⁶ Это рукописная книга, в кожаном переплете начала XIX века, с четырьмя отверстиями по краям для шнуров. Поступила в 1950 году. Формат 180 × 220 мм. Бумага верже, водяной знак — 1806. Объем 169 листов, из которых лл. 1—157 с текстом, остальные чистые. Титульный лист: «Путешествие из Петербурга в Москву. Чудище обло, озерно, огромно, стозебно и лаяй. / Телемахида, том II, кн. XVIII, стих 514-й / 1790-го года. В С.П.Б.У.Р.Г.Е». Текст занимает лл. 2—157 об.; на лл. 156 об.—157 об. находится известная «Копия с именного указа, данного главнокомандующему в С. П.-бурге г-ну генерал-аншефу, лейб-гвардии Семеновского полку подполковнику и разных орденов кавалеру графу Якову Александровичу Брюсу» о предании Радищева суду.

Список, в основном, совпадает с текстом издания 1790 года, но имеет ряд разночтений и пропусков. Некоторые из них носят характер искажений переписчика, допущенных, по-видимому, при написании текста под диктовку. Пропущена полностью глава «Хотилов», отсутствуют также перед «Словом о Ломоносове»: раздел «Черная грязь», конец главы «Едрово», начиная со строки: «Всяк пляшет, да не как скomorox...», и главы «Чудово», со слов: «Прости, сел в кибитку и поскакал». Отрывок на стр. 337—340 печатного текста «Не дивись несообразности разума человеческого... может быть больше неприятностей, если не царской?» дан в рукописи после окончания главы «Торжок» на лл. 109 об.—111 под заглавием «Медное», а со строки 3-й сверху листа 114-го снова под этим же заглавием — «Медное» следует обычный текст этой главы. Эти пропуски и перестановки текста не носят характера его нарочитого изменения или какого-либо тенденциозного подхода. По-видимому, эти места показались переписчику менее важны или интересны, и он их опустил.

Четвертый список поступил из неразобранных фондов Библиотеки в 1953 году.⁷ Это — рукописная книга в кожаном переплете, формат 160 × 195 мм, объем 197 листов. На титульном листе заглавие: Путешествие из С. Петербурга в Москву». Бумага верже, начала XIX века. Сравнительно с печатным текстом список особенных разночтений не имеет. Послед-

⁴ А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, т. I.

⁵ ОЛДП, № 6369.

⁶ ГПБ, Отдел рукописей, собр. В. А. Десницкого. Поступл. 1950 г., № 1/6.

⁷ ГПБ, Собр. отделы поступлений, 1953, 31.¹

ние сводятся к исправлениям опечаток, к опискам, к перестановке слов в предложениях. По-видимому, переписка производилась либо на слух, а не непосредственно с печатного экземпляра «Путешествия», либо с неточного списка.

На полях списка имеются пометы его читателя-владельца, характер которых свидетельствует о несогласии с выводами автора. Так, на л. 5 списка поставлен знак вопроса против следующего утверждения: «Бурлак, идущий в кабак, повеся голову и возвращающийся обгаренный кровью от оплеух, многое может решить доселе гадательное в истории российской». На л. 6 об. против слов стряпчего в Тосно о том, что «царь Федор Алексеевич российское дворянство обидел, уничтожив местничество», на полях поставлено: «Правда». Такое же согласие выражается ниже с высказыванием о том, что Петр I привел дворянство «в затмение своею табелью о рангах» и «древнее дворянство, так сказать, затоптал в грязь». Напротив, на л. 7 читатель написал на полях: «Ложь», не соглашаясь с Радищевым об опасности мнимого маркизства, «могущего быть причиной возрождения истребленного в России зла хвастовства древней породы». Возражение находится также и на л. 8 об. против утверждения о том, что крестьянин имеет для добывания себе хлеба одни праздники и ночное время, будучи занят остальные дни работой на помещика.

Пятый список поступил из неразобранных фондов Библиотеки в том же 1953 году.⁸ Он представляет собой рукописную книгу в кожаном переплете, формат ее 215 × 250 мм, объем 189 листов. На первом, титульном листе заглавие: «Путешествие из Санкт Петербурга в Москву г. Радищева». Бумага с водяным знаком — 1814. Список является второй частью рукописи и начинается с главы «Хотилов». Многочисленные позднейшие карандашные исправления внесены неизвестным лицом при сверке списка с печатным экземпляром «Путешествия». Вставлены пропущенные слова, буквы, исправлены другие описки и допущенная перестановка слов.

На лл. 25 об.—26 имеется предложение, незаконченное в печатном тексте «Путешествия», а именно: «Они были изверги, не исполнив благородных чувств сердце к освобождению своих собратьев от жестокого рабства!» В печатном тексте «Путешествия» предложение это кончается словами: «Они были...» (стр. 263, 3-я строка снизу). Можно предполагать, что список был сделан с какого-то другого списка, восходящего к черновому оригиналу, либо с самого оригинала.

Шестой список поступил в Библиотеку в 1954 году в составе последней части собрания А. А. Титова.⁹

Рукопись в картонном переплете формата 155 × 200 мм, объем 205 листов. Бумага верже, с водяными знаками: 1792 и 1795. Заглавие и посвящение А. М. Кутузову отсутствуют. Начинается сразу с главы «Выезд» и писана девятью различными почерками, возможно — кружком читателей «Путешествия». Разночтения с печатным текстом встречаются лишь в написании некоторых слов.

Три неизвестных списка «Путешествия» хранятся в Москве в Государственном литературном музее.

Первый из них¹⁰ представляет собой книгу в картонном переплете и в папке, формат ее 330 × 220 мм. Объем 203 листа, из них текст зани-

⁸ ГПБ, Собр. отдельных поступлений, 1953, 40.²

⁹ ГПБ, собр. А. А. Титова, Охр. каталог, № 2904.

¹⁰ Государственный литературный музей, № 10088/1, карт. 9.

мает 101 лл. Водяной знак бумаги — 1818. На лл. 1—2 об. — «Стихи, писанные князем Н. М. Долгоруковым пред кончиною жизни: Взгляд старца на заходящее солнце» («Красное солнышко садится»). На лл. 3—98 об. — текст «Путешествия». На л. 99 (лиц. и об.) — оглавление и указатель тем «Путешествия». На л. 100 (лиц. и об.) — стихотворение «Семейна беседа» («Не горюй, моя Анята»). Рукопись приобретена у И. Г. Левикова в 1939 году за 150 руб., как это отмечено в специальном листке, приложенном к рукописи.

Текст «Путешествия» переписан или с издания 1790 года, или с точного списка, так как почти не имеет различий сравнительно с печатным, исключая обычных описок переписчика. Титульный лист следующий: «Поездка из С. Петербурга в Москву. / Чудовище обло, озорно, огромно с тризевной и лайя. / Чудовище оно обло, огромно, озерно, стозевно и лайя (т. е. адский цербер). Третьяковский. Сочинение Радищева Александра Николаевича 1791 года».

Пометы на полях рукописи: 1) переписчика, 2) неизвестного лица (чернилами) и 3) по-видимому, Н. М. Долгорукова (карандашом). Вертикальными чертами и знаком из двух параллельных линий, пересекаемых вертикалью, сделанными карандашом, отмечен ряд мест списка.

Так, на л. 46 лиц. и об. выделено описание развратных нравов (глава «Валдай»). Против описания любовных подвигов монаха Иверского монастыря на полях карандашная запись рукой Н. М. Долгорукова: «Монах». На л. 50 чертой выделено место, где описан отказ крестьянина взять деньги от путешественника на свадьбу Аняты; на л. 66 об. отмечено современное состояние подцензурной печати; на л. 71 слова: «рассмотри святого Евангелия строки или послания апостола Павла, всяк разумный признается что много в них прибавлено и исправлений писцовых».

Важнейшая глава «Путешествия» — «Хотилово» — привлекла особенное внимание и переписчика, и владельца списка. В самом начале главы, против слов «Проект в будущее» — чернильная запись: «Замечательна», сделанная переписчиком. Под ней мельчайшим почерком, тоже чернилами, рукой неизвестного лица написано: «Соглашаюсь, еще хочу знать правится ли?». На л. 57 об. — 58 карандашом отчеркнуто место о возможном восстании поработенного народа и поставлена буква «Г». Кроме того, против начала отрывка сделана чернильная помета: «Здесь». На л. 58 об. выделены также карандашом слова: «целая связка бумаг и начертаний законоположений относилась к уничтожению рабства в России», а ниже — против проекта постепенного освобождения крестьян от крепостной зависимости — чернильная помета: «внимай». Ряд мест списка, носящих обличительный характер, выделен на полях крестиками, сделанными чернилами.

Все эти пометы на полях свидетельствуют, что «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева читалось внимательно, будно мысль русских читателей, волновало их, находило отклик.

На л. 98 об. после окончания «Путешествия» рукой переписчика сделаны следующие записи:

Хранящий истины уставы,
Совет ты мой внемли
Не предавай своей расправы,
Не будь ты пьян и не дремли!

«Сочинитель скончался в городе Илимске, Иркутской губери». «Последние слова: „Сноси горесть, ожидай времени и делай добро людям!“».

На л. 99, параллельно с оглавлением (в виде второго столбца) вписан указатель главных 23 тем «Путешествия», он отсылает к листам рукописи, на которых эти темы раскрыты. Приведем его полностью:

4. Почтовый комиссар	45. Анюта
5. Стряпчий	50. Проект
6. Пахарь	57. Пов'сть о помещике
7. Гибель на воде	59. Продолжение проекта в будущее
11. Присяжной. Сказка и сон	61. О цензуре
21. Семинарист	72. Укционная продажа
24. Купец	80. Рекрутский набор
27. Гора	85. Проезжающий генерал
28. Председатель Крестьянкин.	86. Нищий
34. Отец, дающий совет детям.	88. Крестьянская изба
43. Кладбище	90. Свадьба
44. Монах	

Этот указатель позволял читателю быстро найти наиболее важные и интересующие его места в рукописи. Составлен ли он был переписчиком или воспроизведен им с готового текста, судить трудно. Ни в одной из известных рукописей «Путешествия» такой указатель не встречается.

Второй список Государственного литературного музея¹¹ — также в картонном переплете, формат: 320 × 210 мм. Текст занимает 121 л., кроме того, 20 л. чистых. Водяной знак бумаги: 1787. Серьезных разночтений с печатным текстом 1790 года не имеет, наблюдаются лишь ошибки переписчика, многие из которых исправлены.

Третий список¹² — книга в картонном переплете, формат: 210 × 180 мм. Не представляет особенного интереса. Текст (на 393 л.) без разночтений с печатным 1790 года, кроме описок, вкравшихся при переписывании. На л. 1 в правом верхнем углу — подпись прежнего владельца списка:

«М. Келлер. $\frac{5}{XII}$ 01». За текстом на последнем листе посторонние наполовину вычеркнутые записи, сделанные не рукой переписчика («Слово в неделю всех святых»).

Последний из рассматриваемых нами списков — известного книголюбца-собирателя В. Ф. Груздева — представляет собой непереплетенные тетради, формат их 181 × 220 мм. Бумага верже, водяной знак: 1798, объем — 169 л. Написан четырьмя почерками скорописью XVIII века. Это — также копия с печатного издания 1790 года, без особых разночтений, кроме ошибок, допущенных переписчиком и некоторых пропусков. На вкладном дополнительном листе рукой владельца, В. Ф. Груздева, сделана помета: «22 нояб. 1927/555» — дата приобретения рукописи.

Перед исследователями стоят задачи разыскания новых списков «Путешествия» и изучения всех выявленных. В частности, чрезвычайно интересным представляется то обстоятельство, что, по имеющимся данным, некоторые списки радищевской книги изготовлялись под диктовку, как позднее переписывалось декабристами «Горе от ума» Грибоедова. Одной из существенных задач, стоящих перед исследователями, является выяснение круга читателей и переписчиков «Путешествия», их социального лица. В этом отношении многое могут дать пометы на листах списков, сделанные их владельцами и всеми лицами, среди которых списки обращались. К сожалению, в описанных нами экземплярах таких помет немного.

¹¹ Государственный литературный музей, 4079/1, карт. 9.

¹² Государственный литературный музей, 2739/3, карт. 9.

Л. Н. НАЗАРОВА

ОБ ОДНОЙ ЭПИГРАММЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

В т. III «Сочинений Державина», изданном Академией наук в 1866 году, на стр. 381 помещена эпиграмма под названием: «На подьячего, свиставшего в комедии „Коварный“»:

Как ты Коварного решился освистать?
Сказал дьяку так дьяк, быв хитрый сам пролаза. —
Наш долг, тот отвечал, себя здесь защищать:
И ворон ворону не выколет ведь глаза.

В подстрочном примечании Я. К. Грот писал: «При заглавии в рукописи означен декабрь 1804 года. Из Северного вестника (ч. V, стр. 108) видно, что комедия Коварный действительно была в первый раз представлена 16 декабря этого года. К сожалению, в журнале не сообщено ни имени автора, ни других каких-либо подробностей относительно этой пьесы».

В т. VIII «Сочинений Державина» (СПб., 1880), который составляет подробная биография поэта, в главе XV (раздел 3 — «Эпиграммы и басни Державина») Я. К. Грот разбирает ряд эпиграмм его на писателей-современников (Н. П. Николаева, Д. И. и А. С. Хвостовых, Н. Ф. Эмина, Е. И. Кострова, Н. М. Карамзина, А. Ф. Воейкова и др.). Однако эпиграмма по поводу первого представления комедии «Коварный» здесь даже не упомянута, возможно, вследствие того, что автор пьесы оставался Я. К. Гроту неизвестным.

Между тем совершенно очевидно, что Державин имел в виду пятиактную комедию в прозе «Коварный» — второе произведение А. А. Шаховского. Авторство Шаховского не было тайной для многих историков русского театра, в частности, например, для Р. И. Зотова. По его словам, комедия «Коварный» «не имела успеха, потому что чисто русского, национального элемента тут вовсе не было: это было подражание известной Грессетовой комедии „Le méchant“, которая и на французской сцене холодна».¹

Не входя в рассмотрение мнения Р. И. Зотова (о причинах провала «Коварного» речь будет идти дальше, при анализе этой комедии), укажем еще, что факт неудачи «Коварного» засвидетельствован и П. Н. Араповым. Последний, имея в виду то же самое первое представление «Коварного» (16 декабря 1804 года), писал, что пьеса «успеха... не имела, и когда на

¹ Материалы для истории русского театра. Князь А. А. Шаховской. «Репертуар и Пантеон»; 1846, том 14, стр. 9.

вызов нескольких голосов „автора!“ явился Шушерин, чтоб сказать, что автора нет в театре, большая часть публики зашикала и закричала „не надо!“. ²

Упоминает о «Коварном» Шаховского и Н. В. Гербель, подчеркивая, что комедия эта «провалилась и вызвала целую тучу эпиграмм из лагеря сторонников нового карамзинского направления...». ³

Позже А. А. Ярцев также отмечал, что пьеса Шаховского не только «не имела никакого успеха», но «даже возбудила протест публики». ⁴ Связывая провал «Коварного» с реакцией на спектакль определенной части зрительного зала, Ярцев приводил в своей статье две строки из стихотворения П. А. Вяземского «Поэтический венок Шутовского», в котором поэт, обращаясь к Шаховскому, вспоминает то время,

Когда при свисте кресл, партера и райка,
Торжественно сошел со сцены твой «Коварный». ⁵

Вслед за дореволюционными историками русского театра, ничего не прибавив к тому, что они писали, но даже несколько осложнив вопрос, пошел и один из советских театроведов — С. С. Данилов. Он отмечает, что комедия «Коварный» «была встречена враждебно частью бюрократической публики за сатирические выпады по адресу чиновничества». ⁶ Последнее утверждение является совершенно ошибочным, так как в числе действующих лиц пьесы вообще нет никаких чиновников.

Объясняя таким образом неуспех первого представления на сцене пьесы Шаховского, С. С. Данилов, вероятно, исходил из эпиграммы Державина. Ведь именно в ней повествуется о беседе двух дьяков (т. е. чиновников).

Между тем никто из писавших об этом эпизоде не пытался сказать что-либо о содержании «Коварного», что, впрочем, понятно: эта комедия, как и многие другие пьесы Шаховского, не была никогда опубликована. Однако в рукописном отделе Ленинградской государственной театральной библиотеки им. А. В. Луначарского сохранился автограф комедии «Коварный» ⁷ (фамилия автора не обозначена, но почерк несомненно А. А. Шаховского).

Как и для последующих комедий Шаховского — «Новый Стерн» (1805) и «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), — для «Коварного» характерны выпады против сентиментализма и писателей-сентименталистов.

Одной из героинь этой комедии является княжна Кермская, девица почтенного возраста, помешанная на «чувствительных» романах. Она мечтает о том, чтобы покинуть «монотонную Россию, этот варварский климат» и отправиться в заграничное путешествие в обществе венецианца Монтани, афериста и пролазы, сумевшего обворожить любительницу сентиментальной литературы. Автор противопоставляет княжне Кермской ее брата, который «восхищается своим отечеством и ненавидит все иностранное». Князю Керм-

² П. Н. Арапов. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 169.

³ Н. В. Гербель. Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1873, стр. 136.

⁴ А. А. Ярцев. Князь А. А. Шаховской. (Опыт биографии). Статья первая. Общий очерк жизни и деятельности. Ежегодник императорских театров. Сезон 1894—1895 гг. Приложения. Книга 2, СПб., 1896, стр. 127.

⁵ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. III, 1808—1827, СПб., 1880, стр. 85.

⁶ С. С. Данилов. Очерки по истории русского драматического театра. М.-Л., 1948, стр. 184.

⁷ АГТБ, II.6.5. № 1477.

скому (именно он является выразителем идей автора) порядком надоели «сентиментальные кривлянья, принужденные вздохи и это платье альпийской пастушки», т. е. всё то, что характеризует его сестрицу. Эти нападки на сентиментализм и объясняют возмущение, которое вызвала пьеса Шаховского в среде зрителей-карамзинистов, в частности у П. А. Вяземского. Отрицательное же отношение Державина и многих других писателей к «Коварному» могло быть связано с тем, что в качестве главного героя комедии был выведен Шаховским действительно «пролаза» в полном смысле этого слова, проходимец и авантюрист Монтани, иностранец по происхождению. Он сумел при помощи своей хитрости и изворотливости обворожить всех тех, с кем столкнула его судьба. Без ума от него не только княжна Кермская; даже ее брат, который недоверчиво относится к иностранцам, весьма высокого мнения о Монтани. Своим искренним другом считает его и молодой граф Ипполит Вельский. Софию же Кермскую мнимые совершенства венецианца даже пугают. Стараясь во что бы то ни стало достигнуть своей цели — женитьбы на богатой и знатной девушке, княжне Софье Кермской, Монтани очень ловко устраняет своего соперника — графа Вельского. А обманутая «пролазой» старшая княжна Кермская, единственной наследницей которой является Софья, дарит Монтани свое имя.

Особенное возмущение зрителей мог вызвать монолог Монтани. Характеризуя свой ум, «победитель предрассудков» Монтани, потерявший в молодости свое имя, провозглашает, что теперь и он сам «получил право обольщать, разорять» других. С этой именно целью он приехал в Россию, где гостеприимство жителей и покровительство одного сановника дали ему возможность отличиться. «И наконец мой ум принуждает знатного и богатого господина женить меня на своей дочери», — заключает Монтани свой монолог.

Возникает вопрос, присутствовал ли Державин на первом представлении «Коварного»? Ответить на него с полной определенностью вряд ли возможно, так как прямых свидетельств об этом не сохранилось. Но в конце 1804 года Державин был в Петербурге и, следовательно, мог присутствовать в театре и 16 декабря.⁸

Некоторым подтверждением этой догадки может служить и сама эпиграмма Державина.

Трудно предположить, чтобы поэт мог написать эпиграмму на пьесу, которой не видел и о провале которой знал только понаслышке: это противоречит обычной его литературной манере — отправляться от реальной действительности.

⁸ Известно, что в Екатеринин день (т. е. 24 ноября) 1804 года Александр I во дворце подошел к Державину и спросил его, был ли он накануне в театре на первом представлении «Эдила» (В. А. Озерова). Таким образом, в это время Державин, очевидно, нередко посещал театр.

Т. А. БЫКОВА

НОВЫЕ ТРУДЫ ПО БИБЛИОГРАФИИ РУССКОЙ КНИГИ ГРАЖДАНСКОЙ ПЕЧАТИ XVIII ВЕКА

В августе 1956 года вышла из печати новая библиография изданий XVIII века — «Книги гражданской печати XVIII века. (Каталог книг, хранящихся в Государственной публичной библиотеке Украинской ССР)», сост. С. О. Петров, Киев, 1956, 302 стр.

Каталог охватывает книги и журналы 1708—1800 годов, всего 2745 названий. Материал расположен в алфавите авторов, а если автор не установлен, то под заглавием. Описания даны по современной орфографии и воспроизводят всю существенную часть заглавного листа; для подавляющего большинства книг указана типография. Автор приводится перед заглавием с нераскрытыми инициалами; если его имя установлено по библиографиям, то в прямых скобках, а от заглавия дается ссылка на имя автора. Также даются ссылки от псевдонимов, от фамилий монашествующих или при двойных фамилиях. В описании периодических изданий и многотомных сочинений перечисляются тома с указанием числа страниц и годом выхода; в некоторых случаях раскрывается состав книги (например, №№ 1034, 1036).

В каталоге не приводится указание на библиографии, где учтены описываемые издания. Хотя самый жанр «Каталога» не требует ссылок на известные библиографические пособия, как например, на «Опыт русской библиографии» В. С. Сопикова, каталоги В. А. Плавильщикова и А. Ф. Смирдина, «Справочный словарь» Г. Н. Геннади, однако всё же отсутствие подобных указаний снижает научное значение книги, так как лишает читателя возможности установить, какое издание является неизвестным в библиографии и где можно найти подробные сведения об уже известных книгах.

В некоторых случаях описание издания снабжено аннотацией. Это указание или на наличие в описываемом издании какого-либо библиографического приложения, например «Реестра» или «Росписи» российским книгам (№№ 24, 106, 1244, 1286), или на находящийся в книге материал, не отраженный на заглавном листе (№№ 784, 1273); иногда это сведения о переводе книги, о фамилии переводчиков последующих томов (№№ 87, 1676). Нередко аннотация указывает на различие отдельных экземпляров, вышедших с одинаковым заглавным листом (№ 1269 и в ряде других случаев).

«Каталог» снабжен указателями («Именной указатель переводчиков», «Указатель городов и типографий» и «Систематический указатель литературы по отраслям знаний»).

Несмотря на досадное отсутствие ссылки на библиографическую литературу, значение этого каталога, знакомящего исследователя с изданиями XVIII века, хранящимися в Киеве, всё же велико, и полностью оно определится, когда обращение к нему войдет в практику.

В настоящее время Государственной Библиотекой СССР им. В. И. Ленина начата подготовка сводного каталога книг, журналов и газет XVIII века с 1725 по 1800 год, хранящихся в крупнейших библиотеках Москвы и Ленинграда (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Государственная публичная историческая библиотека, Научная библиотека им. А. М. Горького Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Библиотека Академии наук СССР и Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Предполагается, что издание выйдет в свет к концу шестой пятилетки.

Порядок расположения материала принят алфавитный. Описание должно полностью отражать заглавный лист, сохраняя этимологические особенности и орфографию с некоторыми отступлениями: буквы *i, ъ, ѳ, ѵ* заменяются ныне употребляемыми буквами и отбрасывается твердый знак в конце слов. Описания снабжены аннотациями с дополнительными сведениями: раскрытие особенностей издания, ссылки на библиографические источники и указание, в каких библиотеках издание имеется. В «Сводном каталоге» предусмотрены указатели — именной, хронологический, предметный, указатель портретов и список библиографической литературы.

При подготовке к печати «Сводного каталога» проводится сверка разных экземпляров изданий XVIII века, хранящихся в московских библиотеках, и эта же работа будет проводиться для ленинградских библиотек. Выявляемые разночтения дают иногда существенный материал, имеющий большой интерес для истории русской культуры. С выходом сводного каталога у научных работников будет библиография изданий XVIII века, находящихся в Москве и Ленинграде.

Д. Д. ШАМРАЙ

БИБЛИОГРАФИЯ ИЗДАНИЙ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ДОНОВИКОВСКИЙ ПЕРИОД

В связи с юбилеем 200-летия Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в 1955 году в Москве был опубликован труд Н. Н. Мельниковой под названием «Издания Московского университета 1756—1779».

Автор ставил себе цель заполнить весьма чувствительный пробел, существовавший до сих пор в библиографии изданий Московского университета в первые годы его существования, до того момента, когда типографию Университета взял в аренду Н. Н. Новиков.

Согласно принятому плану книги, автор прежде всего дает сведения о произведениях М. В. Ломоносова, изданных Университетом, а затем располагает погодно остальные 872 библиографических записи, разбивая издания внутри каждого года на 8 разделов. Разделы не связаны какой-либо системой, но удобны для справочной работы.

Книга Н. Н. Мельниковой имеет несомненное значение для лиц, изучающих русскую культуру и в особенности литературу XVIII века. Этой работой с благодарностью будут пользоваться многие исследователи. Именно поэтому мы считаем нужным сделать ряд дополнений или уточнений в освещении издательской деятельности Московского университета и университетской типографии, опираясь на извлеченные нами из Архива АН СССР материалы.

Специальный Ломоносовский отдел (№№ 1—3) можно пополнить сведениями относительно «Оды Елисавете Петровне на торжественный праздник тезоименитства 5 сентября 1759 г. и на преславные победы, одержанные над королем прусским», напечатанной в типографии Академии наук тиражом в 500 экз., по заказу Московского университета через И. И. Шувалова.¹

Полиграфическая помощь Московскому университету в первое время его деятельности со стороны Академии наук хорошо известна.² Какие причины

¹ ААН, ф. 3, оп. 1, д. № 281, лл. 62—63. В библиографии этот заказ известен, см.: Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время», т. VI. Пгр., 1918, стр. 31—32.

² В декабре 1757 года, когда печаталось «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе» Ломоносова, была отправлена Университету из Академии наук даже бумага в большом количестве: миттель рояль 30 стоп, медиан 30 стоп и заморской комментарной 200 стоп (ААН, ф. 3, оп. 1, д. № 227, л. 18).

побудили Университет поручить печатание дополнительного тиража этой оды академической типографии, нам выяснить не удалось.

В этом же Ломоносовском отделе в аннотации к «Собранию разных сочинений в стихах и прозе» в 3 книгах (М., 1778) следовало бы отметить отсутствие в нем важных трудов Ломоносова и высказать свое отношение к характеристике этого издания на страницах журнала «Russische Bibliothek»;³ нельзя было обойти молчанием и тот факт, что редактор этого издания епископ Дамаскин (Семенов-Руднев) получил за свой труд от Екатерины II в подарок 500 рублей. Как известно, императрица совсем не любила Ломоносова, и награду Дамаскину она сделала явно с целью для публики показать свое уважение к великому русскому поэту и ученому. Это был жест, аналогичный посещению Екатериной Ломоносова в 1764 году.

В основной части своего труда, состоящей в погодном обозрении продукции университетской типографии, автор мог осветить подробнее некоторые частные заказы. Последние очень важны для изучения интересов русского общества 200 лет тому назад. В архивных материалах об этих заказах открывается также иногда возможность более точно определить время печатания таких изданий, которые вышли в свет без обозначения даты. Если не сохранилось архивных материалов по университетской типографии, возможно, в связи с пожаром 1812 года, то особое значение приобретает достоверный документ, который возник при следующих обстоятельствах.

С 14 февраля 1760 года заведывание Московской книжной лавкой Академии наук было поручено переводчику Федору Соколову, знатоку старинной и современной ему книги, и он должен был продолжать покупку по 2 экземпляра на всех языках всех изданий университетской типографии для Библиотеки Академии наук, как это раньше делал бухгалтер Штельдель.

21 февраля того же года Ф. Соколов отвечал из Москвы: «... что надлежит до каталога, то оно в лавке Московского университета нет печатного, а письменного копию при сем посылаю».⁴

В мае 1763 года тот же Ф. Соколов, представляя список книг, купленных для Академии наук по университетскому реестру, сообщал, что сверх того «куплены печатные в Университете на кошт издателя, кои в реестре не значатся».⁵ Это оказались: а) «Все или ничего». Повесть нравоучительная, по 25 коп.; б) «Жизнь Марианны», в трех частях, 1762, по 1 руб. 05 коп. Библиограф Н. П. Собко в «Русском библиографическом словаре» (том «Сабанеев—Смыслов») называет издателем этих книг Александра Михайловича Салтыкова и сообщает некоторые подробности всего дела.

Н. Н. Мельникова, доверившись материалам «Российской библиотеки» Дамаскина, нравоучительную повесть «Всё или ничего» помещает под № 206 в 1764 году, тогда как уже в мае 1763 года книга эта была прислана Соколовым в Петербург.

Другой частный заказ был сделан С. И. Писаревым, напечатавшим в университетской типографии «Советы премудрости»; об этой книге мы знаем из списка 62 томов университетских изданий, подаренных И. И. Меллиссино Академии наук через академика Г. Ф. Миллера 14 декабря 1761 г.⁶ У Н. Н. Мельниковой этой книги нет.

³ H.-L. Weicmeister. «Russische Bibliothek», VI, СПб., 1777, стр. 335—338.

⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, д. № 252, л. 45. Рукописной копии каталога пока не обнаружено.

⁵ Там же, д. № 275, л. 205.

⁶ Там же, д. 277, лл. 157 и 158; Сопиков. Опыт российской библиографии, СПб., 1905, № 11066. Ф. Соколов уже 28 сентября

Переводчик Ф. Соколов сообщал 25 ноября 1762 года о приобретении в университетской книжной лавке «предики» игумена Константина, 1 декабря 1763 года — проповеди ректора Московской духовной академии архимандрита Гавриила.⁷ Эти проповеди отсутствуют у Н. Н. Мельниковой.

Вследствие неполноты каталога книг, продававшихся в университетской книжной лавке, приобретают должное значение и книготорговые объявления за 1760 и ближайше годы в тогдашних газетах. Так, в № 8 «С.-Петербургских ведомостей» от 28 января 1760 года было помещено объявление о продаже в новоучрежденной императорской Академии художеств напечатанных в Московском университете книг. Среди них, наряду с известными, находится «Римская история» по 80 к. и «гридированные образы св. митрополита Дмитрия, новоявленного чудотворца Ростовского» по 1 р.

В следующем 1761 году в № 2 «С.-Петербургских ведомостей» от 5 января было опубликовано расширенное объявление, в котором повторены «Римская история» по 80 коп. и «гридированные образы св. Дмитрия Ростовского» по 1 руб.

Тесная связь обоих этих изданий с Московским университетом засвидетельствована документами: к книге Саллюстия (т. е. к «Римской истории»), отпечатанной для И. И. Шувалова в университетской типографии, было припечатано в Петербурге в академической типографии в 1761 году $\frac{1}{2}$ листа «погрешностей»;⁸ гравюра же была выполнена в фигурной типографии Академии наук на счет Московского университета по заказу И. И. Шувалова.⁹

О комедиях Мольера (№ 31) в книге Н. Н. Мельниковой указано, что все четыре пьесы первого тома, изданного без обозначения даты, были напечатаны в 1757 году. Это едва ли так: тогда в типографии было напряженное положение вследствие спешного тиснения книги «Собрание разных сочинений в стихах и прозе М. Ломоносова». В осуществлении этого предприятия большую полиграфическую помощь Университету оказывала академическая типография.¹⁰

Эти четыре комедии Мольера связаны колонтитулом, и последовательность их в аннотации к № 31 указана правильно.

Однако книготорговые объявления в «С.-Петербургских ведомостях» говорят в 1760 году только о первых трех комедиях. Этому вполне соответствует то, что Ф. Соколов выслал для Библиотеки Академии наук комедию «Скупой» 7 августа, комедию «Школа мужей» 31 августа и комедию «Лицемер» («Тартюф») 16 октября, а 4 декабря комедия же «Школа жен» была объявлена в «Московских ведомостях» только в № 13, а в «С.-Петербургских ведомостях» в № 39 за 1761 год.

При хронологическом принципе расположения продукции университетской типографии необходимо согласовать №№ 31 и 91-а.

В 1775 году в связи с победоносным окончанием Турецкой войны было напечатано в московской университетской типографии значительное

1760 года прислал эту книгу для Библиотеки Академии наук (ААН, ф. 3, оп. 1, д. 252, л. 57).

⁷ Там же, д. № 272, л. 101, д. 279, л. 82.

⁸ В записи № 77 у Н. Н. Мельниковой слова о погрешностях выпали. Ссылка на архивное дело точная.

⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, д. № 281, лл. 62—63.

¹⁰ ААН, д. 232, л. 150. Фактор типографии Розе доносил в сентябре 1758 года, что в «Сочинениях» проф. Ломоносова, которые печатаются в Московском университете, перепечатано и вновь напечатано целых три листа.

количество торжественных мелких произведений, и все они были в том же году типографией присланы Академии наук в дар.¹¹ В обсуждаемой книге Н. Н. Мельниковой нет изданий, известных и В. Сопикову под №№ 7119, 10056, 10528 и 11432, а также не упоминается «Ода» В. Петрова гр. Г. А. Потемкину в переводе на греческий язык и не указываются французские стихи Берянд де Бодельера в честь Г. А. Потемкина. Что касается «Московского любопытного месящеслова» (запись № 715), вышедшего в свет без года, то в этой присылке 1775 года он уже был в С.-Петербурге, автор же относит его к 1776 году.

Наконец, нельзя признать обоснованным внесение в хронологическое обозрение (№ 449) «Грамматики чувашской» как издания Московского университета. Сам Университет был противником параллелизма в издании книг. 22 июля 1768 года он прислал в Канцелярию Академии наук 5 экземпляров «реэстра печатанным и продаваемым университетским книгам и сочинениям для ведома, чтобы одинакие книги не печатались и не делали между собою подрыва».¹² В аннотации к № 449 приведены материалы различной авторитетности, в том числе и ссылки на «Российскую библиотеку» Дамаскина. Но архивным документам должно отдать предпочтение, и «Грамматику чувашскую» следует считать продукцией академической типографии.

Можно ожидать и в дальнейшем обнаружения некоторых неточностей в книге Н. Н. Мельниковой. Частный вывод из вышеизложенного сводится к тому, что сведениями еп. Дамаскина следует пользоваться с осторожностью.

Несмотря на сделанные замечания, позволим себе повторить: книга Н. Н. Мельниковой своевременно вносит в научный оборот ценные материалы, описание сделано строго научно и сопровождается полезными вспомогательными указателями.

Хороший труд автора получил хорошее полиграфическое оформление

¹¹ ААН, ф. 3, оп. 1, д. 547, л. 58—58 об.

¹² Там же, д. 313, л. 185.

П. Н. БЕРКОВ

НОВЕЙШИЕ РАБОТЫ УЧЕНЫХ ГДР ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

В последние несколько лет в Германской Демократической Республике появился ряд работ, имеющих прямое отношение к истории русской культуры и литературы XVIII века. Ознакомление с ними советских литературоведов представляется нам крайне необходимым.

Самым крупным явлением среди указанных работ бесспорно научно признать книгу действительного члена Немецкой Академии наук в Берлине Эдуарда Винтера «Город Халле как исходная точка немецких изучений России в XVIII веке».¹

Проф. Э. Винтер, шестидесятилетний юбилей которого был недавно отпразднован в ГДР и сопровождается изданием в его честь сборника «Немецко-славянская взаимность на протяжении семи столетий»,² является выдающимся знатоком эпохи барокко и Просвещения. Его книга о Халле посвящена совершенно не привлекавшему до сих пор внимания русских ученых вопросу об отношениях одного из крупнейших деятелей немецкого пиэтизма, А. Г. Франке, к России и русской культуре и основана на замечательном по полноте и ценности хранящихся в нем материалов архиве «учреждений Франке». Исследование Э. Винтера должно стать если не настольной книгой для всех изучающих эпоху Петра I, то безусловно одним из самых необходимых пособий. Для литературоведов же и историков русского Просвещения первой трети XVIII века монография проф. Винтера имеет особое значение. Достаточно указать, что в ней содержатся сведения, неодинакового, правда, значения, о Феофане Прокоповиче, А. Кантемире, С. Яворском, Ф. Яновском, Ф. Лопатинском, С. Тодорском, Г. Бужинском, М. В. Ломоносове, Э. Глюке, И.-Г. Грегори, Г.-В. Лудольфе, Л. Блументросте, Л. Рингубере, И.-Г. Рейхеле и других, чтобы понять, какой ценный источник представляет эта книга. Если же учесть, что о поэтизме на русском языке, насколько нам известно, кроме устарелой, с православно-богословской точки зрения написанной книги П. И. Нечаева «Пиэтизм и его историческое значение» (М., 1873, 150 стр.), нет ничего существенного и что в этой последней

¹ E. Winter. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953, VII, 502 стр.

² Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten, Berlin, 1956, IX, 708 стр. В дальнейшем цитируется сокращенно: DSW.

книге об отношении пнэтистов к России почти не говорится, то значение труда проф. Винтера вырастает еще больше.

Автор справедливо видит за лозунгом Франке о привлечении к «истинному христианству» народов мира, в том числе и русских, «политические и экономические интересы» (стр. 45; ср. стр. 42 и др.).³ Неоднократно подчеркивает проф. Винтер связь Франке с немецким меркантилизмом и зарождавшимся капитализмом, с одной стороны, и с прусско-бранденбургским двором, с другой. Поэтому не вполне убедительным, — во всяком случае, требующим более веских доказательств, — представляется нам положение автора о том, что пнэтизм и немецкое Просвещение связаны и что «без халльского пнэтизма немецкое Просвещение не могло бы так скоро упрочиться» (стр. 8). Напротив того, давно известные факты о гонениях, принятых Франке против Х. Вольфа, более подробно изложенные в рецензируемой книге, а также новые данные о преследованиях вождем халльских пнэтистов просветителя Томазиуса, говорят решительно против концепции проф. Винтера. В освещении автора личность Франке представляется крайне отрицательной,⁴ хотя явно чувствуется, что проф. Винтеру импонирует «суровый человек действия» («der harte Tatmensch» — стр. 9) Франке. Как объективный, добросовестный ученый, проф. Винтер указывает в одном из примечаний американскую работу 1934 года, озаглавленную «Пнэтизм как фактор в формировании германского национализма». Нам эта книга недоступна, но, если судить по заглавию, нам кажется, что пнэтиста Франке американский автор правильно связывает не с немецким Просвещением — Лейбницем, Томазиусом, Вольфом, — а с позднейшими идеологами германского «мирового господства».

Сказанное не означает, однако, что объективно в деятельности Франке, наряду с отрицательными моментами, не было и положительных. Если в его стремлении привлечь (может быть, точнее даже — подчинить) к своему «истинному христианству» население России нельзя не видеть экспансионистских вожадений немецкого бюргерства, то в создании «учреждений Франке», в переписке с русскими учеными, в собирании и сохранении славянских и русских рукописей и книг заслуга этого «сурового человека действия» неоспорима.

Книга проф. Винтера написана легко, интересно и живо. Для нас особенное значение имеют разделы, освещающие деятельность «халльцев» в России и русских в Халле (стр. 72—106). В новом свете представляются после прочтения главы «Петербургская Академия наук и Халле» (стр. 161—198) первые годы работы нашего высшего научного учреждения. Много нового содержит и глава, посвященная изучению русского языка в Халле и деятельности тамошней русской типографии (стр. 199—254). Очень ценны приложения, в которых имеются впервые публикуемые письма Ф. Прокоповича, С. Тодоровского, И. Копиевского и др.

³ В этом отношении ценным дополнением к труду Э. Винтера является статья Бруно Леммеля «Der Rußlandhandel der Franckeschen Stiftungen im ersten Viertel des 18. Jahrhunderts» (DSW, стр. 157—192).

⁴ Вот как характеризовал Франке П. И. Нечаев в упомянутой работе: «Франке был душою галльского пнэтизма. Он отличался благочестием, необыкновенною преданностью своим убеждениям и горячностью характера (...). у Франке все дышит огненным рвением и суровостью. Франке был неустойчив в преследовании своих целей и старался быть выше препятствий, заграждавших ему избранный им путь» (П. И. Нечаев, ук. соч., стр. 76—77). Далее Нечаев говорит о «неустойчивом рвении Франке», о том, что «Франке идет напролом» и т. д. (стр. 77).

Из изложенного ясно, какой полезный вклад в изучение русско-немецких отношений и русской культуры начала XVIII века представляет книга проф Винтера⁵

К этой книге примыкает и статья того же автора «„Некоторое известие о господине Симоне Тодорском“ Памятник немецко-славянской дружбы в XVIII в»⁶ Она также основана на архивных материалах «учреждений Франке» и содержит много данных для биографии этого деятеля русской культуры первой половины XVIII века

Отметим также «Краткие рецензии» проф Винтера в № 3 «Zeitschrift für Slawistik» за 1956 год (стр 153—156) среди которых некоторые например о статьях К Мюллера («Лейбниц и Н Витсен») Х Резеля («Поездка Добровского в Швецию и Россию — века в истории русско-чешских культурных связей») и В Кречмера («И Г Гмелин швабский врач и исследователь Сибири»), представляют интерес для историков русской литературы и культуры XVIII века

Тем же кругом вопросов занимается и ученик проф Винтера д-р Иоахим Тетцнер старший ассистент Института славяноведения Немецкой Академии наук автор содержательной книги «Г В Лудольф и Россия»⁷ и статей «Материалы о России в прибавлении к дневнику А Г Франке Новые находки в архиве учреждений Франке»⁸ и «Лейпцигские „Новые ведомости о ученых делах“ о первых шагах Петербургской Академии»⁹ Без книги д-ра Тетцнера о Лудольфе, авторе «Русской грамматики» 1696 года не сможет в дальнейшем обойтись ни один из историков русского языка и историков русской культуры конца XVII—начала XVIII века Вторая статья того же автора построена на материалах, сообщавшихся в лейпцигский журнал петербургскими академиками, и содержит ряд небесполезных сведений, например о начале деятельности типографии Академии наук в 1726 году, а не в 1727, как принято думать, и др

Непосредственно к истории русской литературы XVIII века относятся работы д-ра Гаральда Рааба, ассистента Института славяноведения в Грейфвальском университете его заметка о Радищеве напечатана выше в настоящем сборнике Недавно Г Рааб защитил диссертацию «О начальных годах занятий славяноведением в Северной Германии в особенности в Мекленбурге и Предпомерании» Полностью диссертация эта напечатана в «Научном журнале Грейфсвальдского университета» (1956, № 5/6)

Перу д-ра Рааба помимо диссертации, принадлежат богатые фактическими материалами и интересными наблюдениями статьи «Немецко-русские литературные связи со времени Просвещения и до романтики»,¹⁰ «Лирика

⁵ Ср рецензию Е И Дружининой на эту же книгу проф Винтера в «Вопросах истории» 1957, № 1 стр 165—168

⁶ E Winter Einige Nachrichten von Herrn Simeon Todorski Ein Denkmal der deutsch-slavischen Freundschaft im 18 Jahrhundert «Zeitschrift für Slawistik», 1956, H 1, стр 73—100

⁷ J Tetzner H W Ludolf und Russland Berlin 1955, 152 стр. См рец А Ангуал, «Deutsche Literatur-Zeitung», 1956 November, № 11 столб 841—843

⁸ J. Tetzner Russisa in den Antagen zum Tagebuch A H Franskes-Neue Funde im Archiv der Franckeschen Stiftungen DSW стр 193—209

⁹ J Tetzner Die Leipziger Neuen Zeitungen von gelehrten Sachen über Anfange der Petersburger Akademie «Zeitschrift für Slawistik», 1956 H 2, стр 93—120

¹⁰ H Raab Deutsch-russische Literaturbeziehungen in der Zeit von der Aufklärung bis zur Romantik «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt Universität Grefswald, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe»,

Шяллера в ранних русских переводах»,¹¹ «Фридрих Шиллер и Россия»¹² и «Ранние оценки русской литературы в немецких журналах».¹³

Каждая из названных статей д-ра Рааб представляет результат большой предварительной работы, суммирующей итоги длительных разысканий. Польза этих работ несомненна, они прочно войдут в научный оборот. Но, вместе с тем, видя начитанность автора в немецких источниках, мы не можем не пожалеть, что ему оказались недоступны работы советских исследователей на те же темы. Знакомство с этими материалами, в частности с работами М. П. Алексеева, оберегло бы автора от ряда неточностей. Мы вправе ожидать от такого трудолюбивого и сведущего исследователя, как д-р Рааб, серьезного изучения советских работ, которые связаны с кругом его научных интересов. Это, мы надеемся, поможет ему в создании его собственных научных трудов.¹⁴

Ряд статей, заслуживающих внимания советских литературоведов, специализирующихся в области XVIII века, содержит упомянутый выше сборник в честь проф. Винтера.

Наибольший интерес представляет статья Петера Хофмана «Русские студенты в Лейпциге в 1767—1771 гг. К литературе о Радищеве».¹⁵ Автор, ассистент Института истории народов СССР при Университете им. Гумбольдта (Берлин), делал в 1954 году на Берлинском славяноведческом съезде доклад на ту же тему, и уже краткие тезисы этого доклада, сопровождаемые библиографией, в которой содержались неизвестные советским исследователям материалы, заставили желать скорейшего появления в свет работы П. Хофмана в полном виде. И использованные автором архивные и малоизвестные печатные источники проливают свет на столкновение русских студентов с их воспитателем Бокумом (это, впрочем, после работ М. А. Арзумановой и Г. П. Макогоненко,¹⁶ менее интересная часть статьи) и сооб-

№ 2/3, 1956, стр. 91—99; «Neue Deutsche Literatur», 1957, H. 1, S. 91—104.

¹¹ H. Raab. Die Lyrik Schillers in früher russischer Übersetzung. «Zeitschrift für Slawistik», 1956, H. I, стр. 40—60.

¹² H. Raab. Friedrich Schiller und Rußland. «Deutschunterricht», 1955, № 11, стр. 604—612.

¹³ H. Raab. Anfänge einer russischen Literaturbetrachtung in deutschen Zeitschriften. «Zeitschrift für Slawistik», 1956, № 4 (Festgabe für Ferdinand Liewehr zum 60. Geburtstag), стр. 108—114.

¹⁴ В первой из указанных выше статей д-р Рааб приводит в примеч. 43 (на стр. 96 сл.) сведения об отношениях к России немецкого демократического писателя XVIII века И. Г. Зейме (J. G. Seume). Отметим, что в только что вышедшей книге «Немецкие демократы XVIII века. Шуберт. Форстер. Зейме» (М., 1956, 662 стр.), под ред. В. М. Жирмунского, находятся выдержки из «Моего лета 1805 года» Зейме, посвященные русской литературе (стр. 604—606). Из этих заметок немецкого писателя видно его глубокое уважение к русскому языку и литературе, но в то же время неглубокое знание последней — например то, что он говорит о Хераскове как переводчике Гомера(!) или о содержании «Россиады». Как всегда, интересны и содержательны вводная статья, биографические заметки и примечания В. М. Жирмунского. Книга «Немецкие демократы XVIII века» — необходимое научное пособие для лиц, изучающих русскую литературу конца XVIII века.

¹⁵ Peter Hoffmann. Russische Studenten in Leipzig 1767—1771. Ein Beitrag zur Radišev-Forschung. DSW, стр. 337—348.

¹⁶ М. А. Арзуманова. О связях с Россией А. Н. Радищева в Лейпцигский период. (См. в настоящем сборнике, стр. 527—537); Г. П. Макогоненко. Радищев и его время. М.—Л., 1956.

щает кое-что (опять-таки меньше, чем в названных советских работах) о процессе обучения Радищева и его товарищей в Университете. Самое же важное — это вывод, к которому приходит П. Хофман: «На вопрос о том, были ли знакомы Гете и Радищев, можно теперь ответить с известной определенностью положительно» (стр. 348). Дело в том, что автор установил важный факт: Гете часто посещал семью культурного купца Кройхауфа (Kreuschauf), в доме которого как раз и жили русские студенты (стр. 347). П. Хофман приводит постоянно упоминаемые в советских работах данные о том, что и Гете и Радищев со своими товарищами посещали лекции проф. Беме и отнеслись к ним одинаково отрицательно.

В хорошей, в общем, статье П. Хофмана мы встречаем недостаточное внимание к советским исследователям. Автор, например, цитирует беллетристическое произведение М. В. Муратова «Жизнь Радищева», изданное в Детгизе, а также компилятивную книжку Б. С. Евгеньева и проходит мимо работ Г. П. Макогоненко и др. Упомянув об отношении Радищева и его товарищей к Вицману, П. Хофман не использует известный ему сб. «Радищев» (Л., 1950), в котором данному лицу отведено четыре страницы (стр. 222—225) и высказано предположение, не Вицман ли сообщил в Германию сведения о деле Радищева.

Подобное же невнимание или неосведомленность в советской исследовательской литературе обнаруживает и Ульф Леман, ассистент института славяноведения при Университете им. Гумбольдта (Берлин), в статье «Немецко-русская взаимность в немецких и русских журналах XVIII века».¹⁷ Говоря о русских журналах XVIII века, автор не использует советских работ по истории русской журналистики этого периода, в которых сообщается ряд фактов, имеющих отношение к рассматриваемой им теме. Некоторые частные наблюдения У. Лемана полезны и заслуживают внимания советских литературоведов. Основное в статье У. Лемана — это анализ русских материалов в журнале Готтшеда «Новости изящной литературы», т. е. та же самая тема, которой посвящена напечатанная выше статья покойного проф. Г. А. Гукковского.

Отметим также полезную и интересную статью Хельмута Граскофа, аспиранта Берлинского Института славяноведения, о первом немецком переводе сатиры А. Д. Кантемира.¹⁸ Молодой автор собрал, — правда, не с исчерпывающей полнотой,¹⁹ — сведения о бароне Шпилькере, переводчике сатиры Кантемира, и установил, что одно стихотворение Лессинга, прежде никем не комментированное, было обращено к этому лицу.

Рассмотренные нами работы ученых ГДР показывают, что советские литературоведы найдут в трудах своих немецких коллег ценные факты и соображения. Вместе с тем, можно надеяться, что более близкое знакомство с работами советских литературоведов, в свою очередь, поможет немецким ученым в разработке интересного для обеих сторон материала.

¹⁷ Ulf Lehman. Deutsch-russische Wechselseitigkeit in deutschen und russischen Zeitschriften des 18. Jahrhunderts. DSW, стр. 247—255.

¹⁸ Helmuth Graßhoff. Die deutsche Ausgabe der Satiren Antioch Dmitrievič Kantemirs vom Jahre 1752 und ihr Übersetzer. DSW, стр. 256—267.

¹⁹ Оставшиеся неизвестными немецкие материалы о Шпилькере см. выше в статье Г. А. Гукковского, стр. 385, прим. 2.

М. М. ГУРЕВИЧ и П. Н. БЕРКОВ

ПОЛЕЗНАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ РУССКОГО НОТОПЕЧАТАНИЯ XVIII ВЕКА

Вышедшая недавно книга Б. Л. Вольмана «Русские печатные ноты XVIII века»¹ содержит ряд ценных находок в области музыковедения, вносящих серьезные поправки в существующие работы по истории русской музыки XVIII века, публикацию впервые обнаруженных автором книги редчайших нотных изданий и одновременно достаточно широкие обобщения, относящиеся к художественной культуре России XVIII века. Однако эта работа имеет и более широкое значение. Она представляет несомненный интерес и для советских литературоведов, занимающихся изучением литературы и журналистики XVIII века, а также для фольклористов и историков русского типографского искусства XVIII века.

Книга Б. Л. Вольмана является комплексным исследованием, впервые не только ставящим, но частично и разрешающим назревший вопрос о необходимости научного подхода к тому виду печатной продукции, который в общепринятом именуется нотами. Библиография нотных изданий затруднительна в силу своей специфики, требующей не только книговедческих, но и музыковедческих знаний. Общая библиография почти не затрагивает нотных изданий. Трудность изучения первоисточников усугубляется еще тем, что до сравнительно недавнего времени (1931 г.) систематическая регистрация нотных изданий у нас не производилась, требование предоставления обязательного экземпляра либо отсутствовало, либо плохо соблюдалось, каталогизация нот в книгохранилищах и даже нотохранилищах стояла не на достаточной высоте. По этим причинам многие старинные нотные издания не сохранились, и сведения о них могут быть получены лишь по случайным газетным объявлениям, материалам архивов, мемуарам и письмам современников и иным косвенным источникам. В особенности это затруднительно в отношении русских нот XVIII—начала XIX века.

Б. Л. Вольманом проделана большая работа по изучению нотопечатной деятельности русских типографий XVIII века (Академии наук и др.) и отдельных музыкальных издателей. В результате длительных и тщательных изысканий автору удалось впервые не только в русской, но и иностранной библиографии создать хронологический указатель нотных изданий опреде-

¹ Б. Вольман. Русские печатные ноты XVIII века. Государственное Музыкальное Издательство. Л., 1957, 293 стр.

ленного периода; в этом указателе систематизированы все обнаруженные до сих пор русские нотные издания XVIII века (на Западе существуют только нотографические указатели произведений отдельных крупных композиторов, как например составленный Кехелем указатель произведений Моцарта). Вместо 2—3 десятков известных в литературе названий нотных изданий автором установлено свыше 200 наименований нот самого различного содержания, выпущенных в России в XVIII веке. Многие из них не сохранились до нашего времени, но в приложенный к книге перечень включены их названия с указанием источников, на основании которых можно утверждать, что издание этих нот состоялось. Обнаруженные автором русские нотные издания XVIII века описаны de visu с достаточной библиографической точностью, а поскольку сохранившиеся в различных библиотеках СССР экземпляры нот XVIII века являются уникальными, то автором указано и место их хранения. В тексте книги мы встречаем интересные иллюстрации и подробности, относящиеся к художественному и полиграфическому оформлению нотных изданий рассматриваемого периода. Представляют интерес и сделанные автором выводы, в частности тот факт, что за короткий срок отставшая от западной почти на три столетия русская нотная печать «пришла к началу XIX века с результатами, показывающими образцы высокого качества, отнюдь не уступающими лучшим достижениям Запада» (стр. 200). Книга Б. Л. Вольмана — целый вклад в советскую музыкальную библиографию. Она станет настольной книгой каждого исследователя музыкальной культуры XVIII века и библиотечного работника.

Приведенные автором сведения о русских печатных нотах XVIII века представляются полными, но не исчерпывающими. По мере обнаружения новых материалов несомненно увеличатся и наши знания о нотных изданиях. Однако начало уже положено и положено успешно.

Историк русской литературы XVIII века также почерпнет немало интересного и ценного в исследовании Б. Л. Вольмана. Так, совершенно исключительное значение имеет установленный автором факт существования печатного клавира оперы Мартина «Песнолюбие» на либретто А. В. Храповицкого. Находка эта решает многолетние недоумения исследователей творчества И. А. Крылова, который в одном из последних номеров своего журнала «Почта духов» (вышедшем уже в 1790 году) высмеял какую-то вздорную оперу. Обычно считалось, что Крылов имел в виду оперу «Две невесты». Высказывавшиеся предположения о том, что сюжетно пародия Крылова, может быть, ближе к опере Храповицкого «Песнолюбие», чем к «Двум невестам», отвергались вследствие того, что до сих пор «Песнолюбие» было известно только по названию. Приведенные в книге Б. Л. Вольмана материалы (стр. 123—133) решают этот вопрос окончательно. Следует только возразить автору по поводу соображений о причинах неуспеха «Песнолюбия» (стр. 131). Традиция изображать слуг носителями «наиболее здравых суждений» и обрисовка их «наиболее реалистично» идет в мировой и русской комедии и родственных ей жанрах еще из народного театра. В русской комедии, как народной, так и литературной, начиная с Сумарокова, слуга всегда является обладателем трезвого рассудка, противопоставляемого «шалости» (глупости) дворянских персонажей. Наиболее характерный пример в этом отношении представляют комедии самой Екатерины, где благоразумные слуги (Мавра и др.) выражают взгляды автора. Таким образом, предположение Б. Л. Вольмана, будто «Песнолюбие» Храповицкого — произведение чуть ли не в радищевском духе, не кажется нам хоть сколько-нибудь убедительным.

Заслуживают внимания сведения о «канте» на прибытие Анны Иоанновны в Петербург в 1732 году (стр. 28—31), автором которого, по мне-

нию Б. Л. Вольмана, является Тредиаковский, что, по-видимому, вполне вероятно.¹

Интересно уточнение заглавия нот 1734 г. «Ария, или менуэт», которые до сих пор читались «Ария и менуэт». Это новое заглавие свидетельствует о синонимическом употреблении слов «ария» и «менуэт» не только в 20-е годы XVIII века, как обычно считали исследователи русской повести, но и в 30-е.

С несомненным интересом примут историки литературы XVIII века сведения Б. Л. Вольмана о нотном издании М. Цветихина «Невинное упражнение» 1780 года (стр. 65—69). Это — единственный печатный сборник «Псалм», в который вошло 22 номера песен; из них 10 — Ломоносова, 8 — Сумарокова и 1 — Тредиаковского. Б. Л. Вольману не удалось установить авторов трех текстов. Жаль, что он не привел начальных строк этих не определенных им со стороны авторства «Псалм» — может быть, кто-либо из читателей сумел бы оказать ему помощь в решении вопроса.

Новые сведения, важные для фольклористов и литературоведов, содержит раздел книги Б. Л. Вольмана, посвященный «Песеннику, или полному собранию старых и новых российских народных и протчих песен» Герстенберга и Дитмара (стр. 177—188). Заметим, что автору при изложении данных о песне Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ах, тошно мне на чужой стороне», послужившей источником известной агитационной песни Рылеева, было бы полезно соотнести свои соображения со сведениями историков литературы о рылеевской «пародии» (см.: К. Ф. Рылеев, Стихотворения. Под ред. и с примечаниями Ю. Г. Оксмана, М., 1956, стр. 381—382).

В работе Б. Л. Вольмана есть несколько неточностей, которые желательно было бы устранить в последующем издании. Отметим некоторые из них.

Едва ли верно, что перевод «Езды в остров любви» был сделан Тредиаковским по повелению кн. А. Б. Куракина: Тредиаковский в «Предисловии» указывает, что достал оригинал в Гамбурге во время вынужденной своей остановки, а Куракин находился в это время в Москве (стр. 25).

Редкость «Езды в остров любви» объясняется не тем, что Тредиаковский скупал свой перевод из-за включенного в него «канта», а из-за того, что книга имела большой успех и, подобно песенникам и азбукам, должна быть отнесена к числу «зачитанных». В примечании 2-м ссылка на Пекарского не точна: должно быть 24, а не 62 (стр. 27).

Не все стихотворные произведения Тредиаковского 1720—1740-х годов вошли в его «Сочинения и переводы» 1752 года (стр. 29).

И. Д. Шумахер ни исполняющим обязанности президента Академии наук, ни тем более ее президентом не был (стр. 30).

Панегирик на возвращение Петра I в 1717 году из-за границы был прозаический, а не стихотворный. См.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. М.-Л., 1955, стр. 209—210 (стр. 33).

Опера И. И. Керцелли называлась не «Деревенская ворожея», а «Деревенской (или Деревенский) ворожея» (стр. 56 и 80—81, иллюстрация 3-я). Не Бабищев, а Бабинцев (стр. 236).

Книга Б. Л. Вольмана снабжена полезным и для литературоведа перечнем использованной литературы. Историкам русской лирики и комической оперы XVIII века будет полезно обращаться к рецензируемой работе.

¹ Напрасно автор оставил в тексте стр. 29 фразу, противоречащую окончательному выводу.

Г. А. КНЯЗЕВ, Э. П. ФАЙДЕЛЬ
и К. И. ШАФРАНОВСКИЙ

**КАТАЛОГ ИЗДАНИЙ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК 1731 ГОДА
(дар немецкой Академии наук, 1956)**

Каталоги русских книг, напечатанные в XVIII столетии, называвшиеся чаще всего «росписями», иногда «реестрами», не раз привлекали внимание библиографов, историков книги и коллекционеров. Значение этих каталогов оценивалось в литературе с двух различных точек зрения.

В своем большинстве «росписи» или «реестры» не отличались большими размерами. Многие из них относятся к числу мелких изданий, даже листовок, сохранившихся в XIX и особенно в XX веке только в виде единичных, случайно уцелевших, экземпляров.

Все «росписи» и «реестры» являются большой библиографической редкостью. Именно в качестве редкостей они по преимуществу и интересовали любителей и собирателей книг конца XIX и начала XX века. В числе таких коллекционеров следует упомянуть в первую очередь Д. В. Ульянинского, составившего детальное описание собранных им «росписей»¹, и Н. П. Лихачева, которому принадлежал ряд каталогов XVIII века, отсутствовавших в коллекции Д. В. Ульянинского.²

Но если библиофилы только разыскивали и хранили редчайшие «росписи», то в литературе высказывалась не раз и другая точка зрения: говорилось о необходимости обратиться на «росписи» и «реестры» особое внимание, как на важный источник для получения сведений о печатных изданиях, выходивших в России в XVIII столетии. Такое отношение, несравненно более существенное при оценке значения «росписей», усиленно подчеркивалось библиографами и историками книги в последние десятилетия.

В числе книжных «росписей» и «реестров» XVIII века большое значение имеют каталоги изданий Петербургской Академии наук. Они важны по

¹ Д. В. Ульянинский. Среди книг и их друзей. 1903; Описание библиотеки Д. В. Ульянинского, т. II. 1912.

² А. И. Маленин. Книжные росписи XVIII века. (Отдельные замечания). Труды Института книги, документа, письма, V, 1936, стр. 29—47. — В статье Р. М. Тонковой «Дополнительные сведения о книжных росписях XVIII века (По материалам Архива Академии наук)» (там же, стр. 49—52) указаны 29 неизвестных в научной литературе печатных каталогов XVIII в. (с 1746 по 1771 год).

той причине, что на протяжении всего XVIII века Академия наук была основным, а долгое время и почти что единственным (до середины XVIII века) центром, выпускавшим научную литературу и художественную литературу в нашей стране. Значение сведений, которые можно почерпнуть из «росписей» для получения полных данных об изданиях Академии наук XVIII века, стало очевидным после упомянутой работы А. И. Малеина. В ней перечислен целый ряд изданий, упомянутых в «росписях», но оказавшихся забытыми в дальнейшем и не включенных в библиографии академических изданий более позднего времени.³

Первый по времени каталог изданий Петербургской Академии наук был опубликован в 1728 году, но он вышел не в виде отдельного издания, а в качестве приложения к газете «С.-Петербургские ведомости». В нем перечислено 11 академических изданий.⁴ Эта цифра была для 1728 года значительной: типография Академии наук была организована и приступила к печатанию книг и журналов во второй половине 1727 года.

Следующий каталог изданий Академии наук был напечатан, как предполагалось до сих пор, в 1735 году. Он был выпущен в виде небольшого отдельного издания (размер 17,5 × 11 см). В 1736 году этот каталог был перепечатан с тем же содержанием, но он был набран во второй раз в два столбца и отличался от издания предыдущего года большим форматом.⁵

В дальнейшем «росписи» академических изданий печатались в 1740, 1742, 1746, 1748 годах и выпускались еще не раз во второй половине XVIII века с указаниями новых книг и журналов Академии наук. Помимо того, в типографии Академии наук на протяжении всего XVIII века публиковались каталоги иностранных книг, которые продавались в академической книжной лавке, называвшейся «книжной палатой». Каталоги академической книжной лавки интересны для выяснения той иностранной литературы, которая распространялась в XVIII веке в России, но сведения об академических изданиях в этих каталогах не помещались.

В сентябре 1956 года действительный член Немецкой Академии наук в Берлине Э. Винтер, находившийся в научной командировке в СССР, передал для хранения в Архив Академии наук СССР каталог изданий Петербургской Академии наук XVIII века. По сведениям, сообщенным проф. Э. Винтером, еще два таких же экземпляра академического каталога хранятся в Немецкой Академии наук.⁶

Каталог озаглавлен «Реестр книг по ныне в типографии Государственной Академии наук печатаных». В нем на двух страницах перечислено 26 изданий Академии наук (из них 2 книги, находившиеся в печати). Издания, указанные в каталоге, пронумерованы. Названия всех изданий напечатаны по-русски, хотя академические книги выпускались не только на русском, но и на латинском, немецком и французском языках.

По внешнему оформлению каталог, переданный в дар Архиву Академии наук СССР, представляет сложенный лист бумаги, на котором поме-

³ Например в наиболее полный указатель академических изданий — «Каталог изданий Академии наук», части 1—3, 1912—1916.

⁴ «С.-Петербургские ведомости», 1728, «Супплемент» к № 102, 21 декабря.

⁵ К. И. Шафрановский и Э. П. Файдель. Двухсотлетие первого каталога изданий Академии наук. «Вестник АН СССР», 1935, № 1, стр. 71—78.

⁶ Краткое упоминание об этом каталоге см. в книге проф. Э. Винтера: Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953, стр. 196. — Там же, между стр. 196 и 197, воспроизведен самый каталог. — *Прим. Ред.*

щено всего лишь 4 страницы текста. Размер каждой страницы равен 18×11 см. Весь перечень академических изданий занимает 2 страницы и повторен на сложенном листе два раза. На листе бумаги отпечатано, таким образом, два экземпляра каталога. При распространении каталога лист разрезался, очевидно, на две части.

Год издания каталога не обозначен. Но в нем перечислены издания, печатавшиеся только по 1731 год включительно и в том числе календари на 1731 год. Поэтому можно предположить, что каталог был напечатан в 1731 году.

Каталог мог быть издан в виде приложения к выходявшей тогда газете «С.-Петербургские ведомости» или к научно-популярному журналу «Примечания к Ведомостям». Но по размерам набора «реестр» не подходит к этим изданиям. Поэтому рассматриваемый каталог, по-видимому, является отдельным изданием, опубликованным в виде листовки.

Упомянувшийся уже каталог 1728 года вышел в виде приложения к «С.-Петербургским ведомостям». Следовательно, можно предположить, что каталог 1731 года был наиболее ранним из известных до сих пор отдельно изданных каталогов академических изданий. В общих и специальных библиографических указателях русских книг и листовок XVIII века каких-либо упоминаний об этом каталоге нам не удалось обнаружить. Сведений о нем не помещено и в статьях, посвященных «росписям» XVIII столетия.

Среди научных изданий, которые перечислены в каталоге 1731 года, прежде всего отметим два сборника речей («*Sermones*»), произнесенных академиками на двух первых торжественных собраниях Академии наук в 1725 и 1726 годах (по каталогу №№ 10 и 11). Первый из этих сборников был наиболее ранним научным изданием Академии, выпущенным еще до организации академической типографии. Второй сборник «*Sermones*» не отмечен в упоминавшемся уже указателе академических изданий начала XX столетия.⁷ В рассматриваемом каталоге XVIII века указаны два тома основного академического научного журнала, печатавшегося с 1728 года на латинском языке, — «*Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*» (№№ 1 и 2). В дальнейшем «Комментарии» не раз меняли свое название. Под № 3 в каталоге указано: «Краткое описание Комментариев». Это первая попытка Академии наук в области популяризации научных знаний: текст первого тома латинских «Комментариев» был сокращен и опубликован по-русски.

Перечислим еще упомянутые в каталоге отдельные издания работ академиков. Три выпуска труда И. Х. Буксбаума с первым напечатанным у нас в XVIII веке научным описанием растений (№ 4); далее следуют рассуждение астронома И. Н. Делиля о движении Земли (№ 12) и китайская грамматика, составленная Байером (№ 22). К отдельным научным изданиям надо еще присоединить немецко-латинско-русский словарь с основными правилами русской грамматики, отмеченный в каталоге 1731 года в числе двух изданий, находившихся в печати.

Все эти издания подводили итог научной работы Академии в первые годы ее деятельности. Их вполне можно назвать инкубабулами нашей отечественной научной литературы, выпускавшейся Академией наук.

Кроме того, в каталоге помещены сведения об издававшихся Академией учебниках (№№ 5—8 и 28). В числе учебников указаны немецкая грамматика, составленная «ради российских отроков», и «русская грамматика ради французов» (№№ 8 и 24). Данные об этих двух учебных пособиях в более поздних каталогах отсутствуют.

⁷ Каталог изданий Академии наук, части 1—3. 1912—1916.

В каталоге указан известный перевод В. К. Тредиаковского французского романа «Езда в остров любви» (№ 23). Далее следуют упоминания об издававшейся Академией газете, о научно-популярном журнале «Примечания к Ведомостям» и о календарях, составлявшихся Академией наук на каждый год.

Типография Академии наук выполняла, как известно, и правительственные заказы. К ним относятся упомянутые в каталоге «Вексельный устав» (№ 9) и «Мирный договор между Российским и Персидским государством» (№ 13).

Каталог 1731 года представляет прежде всего интерес в качестве одной из ранних попыток познакомить русских читателей (напомним, что текст каталога напечатан на русском языке) с изданиями Академии наук. Публикация каталога свидетельствует также о желании расширить распространение академических изданий. Несмотря на то, что в «реестре» перечислено только 26 изданий, всё же в нем указываются 3 книги, которые не вошли в наиболее полный указатель изданий Академии наук. Издательская деятельность Академии наук в XVIII веке даже в первые годы работы этого нового научного учреждения в России отличалась, как это и видно по каталогу 1731 года, значительным разнообразием.

С. М. БЕРКОВА

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ СОВЕТСКИХ РАБОТ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА ЗА 1954—1956 ГОДЫ

В настоящую библиографию в основном вошли отдельно изданные книги и напечатанные в советских общих и специальных изданиях статьи по истории русской литературы и литературного языка XVIII века. Включались также материалы по истории, философии, экономике, географии, истории просвещения и наук и по искусству, поскольку в них довольно часто содержатся полезные для исследователя литературы XVIII века сведения. Так, например, отмечена статья Н. А. Агасевой «Выдающийся молдавский ученый Д. К. Кантемир» (см. 130), так как она полезна при изучении биографии Антиоха Кантемира. То же относится к статьям по географии и этнографии России XVIII века, так как в них нередко встречаются материалы по фольклору.

Просмотр литературы закончен к 1 декабря 1956 года.

В перечне, по-видимому, имеются пропуски, в частности в отношении тезисов научных сессий; последние не учитываются в «Летописях» Всесоюзной книжной палаты, и следить за ними крайне трудно.

Материалы, составляющие данную библиографию, делятся на две части: общую (1—105) и посвященную отдельным писателям или деятелям культуры XVIII века (106—274). В работе применено алфавитное расположение — в первой части по авторам книг и статей и заглавиям анонимных трудов, во второй — по писателям и ученым XVIII века.

I

1. Азадовский, М. К. Фольклористика XVIII века. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество, под ред. П. Г. Богатырева, М., 1954, с. 41—65.

2. Алефиренко, П. К. Борьба монастырских крестьян России в 30—50-х годах XVIII в. — Доклады и сообщения Института истории Академии наук СССР, в. 3, 1954, с. 151—163.

3. Ардабацкая, А. Из истории русско-английских отношений начала 40-х годов XVIII века. — Ученые записки Саратовского государственного университета, 1954, выпуск исторический, т. XXXIX, с. 138—175.

4. Асеев, Б. Н. История русского драматического театра XVII—XVIII веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени док-

тора искусствоведения. М., 1955, 31 с. (Государственный институт театрального искусства).

5. Барбашев, Н. И. Производственно-техническая терминология русского морского судостроения XVIII века. — Труды Института истории естествознания и техники Академии наук СССР, т. 8, 1956, с. 49—63.

6. Берков, П. Н. Из истории русской театральной терминологии XVII—XVIII веков («Комедия», «интермедия», «диалог», «игрище» и др.). — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР, т. XI, 1955, с. 280—299.

7. Берков, П. Н. К истории русского театра 1720-х годов («Диалог о Гофреде, победившем сарадины»). — Там же, т. X, 1954, с. 389—407.

8. Берков, П. Н. Русская книга гражданской печати первой четверти XVIII века. — В кн.: Быкова, Т. А. и Гуревич, М. М. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. М.—Л., 1955, с. 11—39.

9. Берков, П. Н. [Русская литература XVIII в. (Изучение ее в ИРЛИ)]. — В кн.: 50 лет Пушкинского Дома. М.—Л., 1956, с. 101—105.

10. Благой, Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 3-е, переработанное. М., 1955, 568 с.

11. Боброва, Е. И. Краткий обзор собрания старославянских и русских книг XV—XVIII вв. Отдела рукописной и редкой книги БАН. — Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР, т. 2, 1955, с. 22—62.

12. Бобровникова, В. К. Роль Московского университета в развитии передовой педагогической мысли в России во второй половине XVIII в. — Советская педагогика, 1955, № 1, с. 55—67.

13. Буров, А. А. Начальные общеобразовательные школы в России в первой четверти XVIII в. и их дальнейшее развитие. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, Л., 1955, 11 с. (Ленинградский государственный педагогический институт имени Герцена).

14. Быкова, Т. А. и Гуревич, М. М. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Ред. и вступ. ст. проф. П. Н. Беркова. М.—Л., 1955, 625 с.

15. Быкова, Т. А. и Гуревич, М. М. Книги на иностранных языках, напечатанные в России в 1708—1725 гг. — Там же, с. 483—503.

16. Быкова, Т. А. Затерянное издание «Зрелища жития человеческого». — Там же, с. 504—514.

17. Быкова, Т. А. Книга Марсова. — Там же, с. 515—523.

18. Быкова, Т. А. Кушты садов. — Там же, т. 524—527.

19. Быкова, Т. А. Петербургское издание книги «Символы и Емблемата». — Там же, с. 528—533.

20. Быкова, Т. А. Первые образцы гражданских шрифтов. — Там же, с. 534—540.

21. Вагина, П. А. Волнения приписных крестьян на Авзяно-Петровских заводах в 50—60-х годах XVIII века. — Ученые записки Свердловского педагогического института, в. 11, 1955, с. 141—164.

22. Васильев, В. Н., Глинка, В. М., Помарнацкий, А. В. Русская культура XVIII века. М., 1955, 50 с., 16 табл. (Государственный Эрмитаж. Путеводители по выставкам).

23. Вирен, В. Н. Московский университет и его влияние на развитие Московского театра (XVIII в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 1956, 16 с. (Государственный институт театрального искусства).

24. Водовозов, Н. В. «Повесть о русском мужестве». — Ученые записки Московского городского педагогического института имени Потемкина, т. 43, в. 4, 1954, с. 83—110.

Об анонимной рукописной повести середины XVIII века.

25. Всеволодский-Гернгросс, В. Н. Два века русского театра. — Театр, 1956, № 9, с. 188—191.

26. Всеволодский, В. Н. 200-летие со дня учреждения русского профессионального театра. М., 1956, 25 с.

27. Гильман, М. И. Некоторые вопросы развития передовой социологической мысли в России второй половины XVIII—первой четверти XIX в. (Проблема естественного права и общественного договора). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1954, 15 с. (Московский государственный университет).

28. Гомон, Н. М. Словесные средства комического русской литературы XVIII века в произведениях Н. В. Гоголя. — Ученые записки Нежинского педагогического института, т. 4—5, 1954, с. 135—152.

29. Горланова, В. П. Орфография «Ведомостей» эпохи Петра I. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1954, 12 с. (Тбилисский государственный университет).

30. Данилевский, В. В. Русская техническая литература первой четверти XVIII века. М.—Л., 1954, 358 с.

31. Дахшлейгер, Г. Д. Из истории русско-индийских связей в XVII—первой половине XVIII веков. — Вестник Академии наук Казахской ССР, 1956, № 3, с. 75—82.

32. Дени Дидро и русская культура XVIII века. — Вопросы философии, 1955, № 2, с. 234—235.

Информация о совместной работе по данной теме советских и французских ученых.

33. Добровольский, Л. М. и Малова, М. И. Обзор историко-литературных материалов XVIII—XX вв., поступивших в РО ИРЛИ (ПД) АН СССР в 1951 г. — Бюллетень Рукописного отдела Пушкинского Дома, в. 5, 1955, с. 133—156.

О рукописях Г. Д. Державина (с. 146), Я. П. Козельского (с. 147), Н. И. Новикова (с. 155).

34. Дуденкова, А. И. Идеино-художественная борьба в русском классицизме (1740-х, 1750-х, начала 1760-х годов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ужгород, 1955, 16 с. (Академия наук СССР, Институт русской литературы).

35. Евгеньева, А. П. Языковые особенности «Песни о яблице» в записи 1699 г. как материал для ее локализации. — Ученые записки Ленинградского педагогического института, т. 15, 1956, Факультет языка и литературы, в. 4, с. 163—181.

36. Елеонский, С. Ф. Н. В. Гоголь и традиции русской литературы XVIII—начала XIX веков. — Ученые записки Московского городского педагогического института имени Потемкина, т. 34, в. 3, 1954, с. 47—83

37. Елеонский, С. Ф. Из истории массовой литературы XVIII века. Лубочные листы. — Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 1955, в. 5, с. 448—459.

38. Елеонский, С. Ф. Из истории русско-украинских отношений в русской литературе XVII—первой половины XIX в. — Ученые записки

Московского городского педагогического института имени Потемкина, т. 48, в. 5, 1955, с. 47—80.

39. Елеонский, С. Ф. Из истории русской комедии XVIII века. Старинный «купецкий» театр. — Там же, т. 43, в. 4, 1954, с. 3—68.

40. Елеонский, С. Ф. К вопросу о взаимосвязях народного творчества и литературы в XVIII веке. — Там же, т. 48, в. 5, 1955, стр. 81—108.

41. Елеонский, С. Ф. Литература и народное творчество. Пособие для учителей средней школы. М., 1956, 239 с.

С. 44—62: Рукописная литература XVIII века и фольклор. Своеобразие русского классицизма и его тесная связь с устным народным творчеством. Ломоносов и народная поэзия; с. 63—76: Русская литература последней трети XVIII века и ее отношение к фольклору. А. Н. Радищев и народная поэзия.

42. Елеонский, С. Ф. Сказки в быту и рукописной литературе XVIII века. — Ученые записки Московского городского педагогического института имени Потемкина, т. 34, в. 3, 1954, с. 85—113.

43. Ждановский, Н. П. Русские писатели XVIII века. Рекомендательный указатель литературы. Под ред. Д. Д. Благого. М., 1954, 120 с. (Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина).

44. Забродченко, В. П. Лексика русских повестей первой трети XVIII века. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1956, 15 с. (Московский государственный университет).

45. Замятин, В. Н. О периодизации истории русской экономической мысли феодального периода. — Вопросы истории, 1954, № 11, с. 112—115.

46. Западов, А. В. Индия в русской литературе и журналистике XVIII столетия. — Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 1956, в. 2, с. 110—121.

47. Зевакова, Л. Н. Именные причастия действительного залога по памятникам русской письменности XVII—начала XVIII веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1954, 16 с. (Ленинградский государственный педагогический институт имени Герцена).

48. Зубов, В. П. О некоторых работах по истории естествознания, появившихся в России на рубеже XVIII и XIX вв. — Труды Института истории естествознания и техники Академии наук СССР, т. 4, 1955, с. 315—342.

49. К двухсотлетию Московского университета. (Литературоведение и языковедение в МГУ). — Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 1955, в. 2, с. 105—106.

50. Калинович, М. Я. «История об Александре, российском дворянине» і «Повесть о Петре золотых ключей». — Науковий збірник Київського державного університету, т. 14, в. 2, 1955, Збірник Філологічного факультету, № 8, с. 177—194.

51. Коган, Ю. Я. Из истории распространения антихристианских памфлетов Вольтера в России в XVIII веке. — Вопросы истории религии и атеизма, сб. 3, 1955, с. 253—277.

52. Коган-Бернштейн, Ф. А. Влияние идей Монтескье в России в XVIII веке. — Вопросы истории, 1955, № 5, с. 99—110.

53. Кожина, М. Н. Морфология глагола в «Ведомостях» Петровского времени. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1954, 16 с.

54. Кокорев, А. В. Литература и театр. — В кн.: Очерки по истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразование Петра I. Под ред. Б. Б. Кафенгауза и Н. И. Павленко. М., 1954, с. 702—728.

55. Копорский, С. А. Из истории лексики русского литературного языка XVIII—XIX вв. (Изменение значения славянизмов). — Русский язык в школе, 1955, № 3, с. 17—23.

56. Кривоустова, Э. Н. Ударение в русском литературном языке начала XVIII в. («Ведомости» 1703—1707 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Куйбышев, 1954, 19 с. (Куйбышевский государственный педагогический институт).

57. Кузнецова, Л. К. Формирование понятия «критический реализм» при изучении литературы XVIII в. в VIII классе. — Ученые записки Московского педагогического института имени Ленина, т. 90, Кафедра методики русского языка и литературы, в. 2, 1955, с. 151—157.

58. Кузьмина, В. Д. Драматургия и сценическое искусство в русских городских драматических театрах XVIII века. (Исследование и тексты). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1956, 29 с. (Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР).

59. Кузьмина, В. Д. «Игра пирожная». (Неизвестная комедия демократического театра XVIII в.). — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР, т. X, 1955, с. 397—421.

1. Игра пирожная (с. 405—420); 2. Пирожник Яшка (с. 421).

60. Кузьмина, В. Д. Неизвестные произведения русской демократической сатиры XVIII века. — Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 1955, в. 4, с. 374—383.

1. Повесть о некоем господине (с. 374); 2. [Повесть о господине и приказчике] (с. 374—375); 3. Разговор о кокушке в суде (с. 375—378); 4. [Стихотворная сатира на суд и чиновников]; [Комментарии] (с. 378—383).

61. Кузьмина, В. Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. — Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки имени Ленина, в. 17, 1955, с. 145—158.

1. Рапорт пронского воеводы в Сенат (с. 153); 2. Ответ новгородцев на указ из Военной коллегии (с. 153—154); 3. Духовное завещание Елистрата Шибаева (с. 154—156); 4. «Апшит данной от хозяина серому кату за его непостоянство и недобрату» (с. 156—158).

62. Лебедев, Д. М. Рукописный заводской атлас 1777—1778 г. — Известия Академии наук СССР, серия географическая, 1956, № 3, с. 96—99.

63. Лихачев, Д. С. (ред.). Русское народное поэтическое творчество. Т. II, кн. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII, первой половины XIX века. М.—Л., 1955, 543 с. (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР).

64. Мавродин, В. В. Пугачевское восстание и передовая общественно-политическая мысль в России в конце XVIII—первой половине XIX вв. — Научная сессия 1953—1954 гг. Ленинградский государственный университет. Тезисы докладов по секции исторических наук, Л., 1954, с. 70—75.

65. Маргарян, Б. А. Словарный состав повестей петровского времени. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1956, 16 с. (Московский областной педагогический институт).

66. Мельникова, Н. Н. Издания Московского университета 1756—1779. М., 1955, 250 с.

67. Михайлов, В. Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1956, 20 с. (Московский государственный педагогический институт имени Ленина).

68. Муратов, X. М. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. М., 1954, 208 с.

69. О некоторых вопросах истории русской общественной мысли конца XVIII—первой половины XIX века. — Вопросы истории, 1955, № 9, с. 3—12.

70. Оришин, А. Д. Белинский и русская литература XVIII века. Львов, 1954, 50 с.

71. Осипов, Г. С. Борьба материализма с идеализмом в Московском университете в XVIII веке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1955, 15 с. (Московский государственный университет).

72. Павленко, И. И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России. (По материалам XVII—XVIII вв.). — Исторические записки, т. 54, 1955, с. 382—419.

73. Пенчко, Н. А. Выдающиеся воспитанники Московского университета в иностранных университетах (1758—1771 гг.). — Исторический архив, 1956, № 2, с. 155—183.

74. Петров, В. А. Обзор собрания Воронцовых, хранящегося в Архиве Ленинградского отдела Института истории Академии наук СССР. — Проблемы источниковедения, 5, 1956, с. 102—145.

Есть материалы по литературе и общественной мысли XVIII в.

75. Петров, С. О. Книги гражданской печати XVIII века (Каталог книг, хранящихся в Государственной публичной библиотеке Украинской ССР). Киев, 1956, 384 с.

76. Петровская, И. Ф. Поместно-вотчинные архивные фонды XVIII—первой половины XIX вв. (К вопросу о систематизации документов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1956, 15 с. (Московский историко-архивный институт).

77. Примаковский, А. П. О русских переводах произведений Монтескье. — Вопросы философии, 1955, № 3, с. 138—139.

78. Примаковский, А. П. Первый научно-популярный журнал в России. — Вестник Академии наук СССР, 1955, № 5, с. 63—64.

О «Ежемесячных сочинениях».

79. Прудников, В. Е. Русские педагоги-математики XVIII—XIX веков. Пособие для учителей. М., 1956, 640 с.

С. 13—26: Л. Ф. Магницкий; с. 26—64: Л. Эйлер; с. 65—83: С. К. Котельников; с. 84—101: С. Я. Румовский; с. 102—114: Н. Г. Курганов; с. 115—132: Я. П. Козельский; с. 133—142: М. Е. Головин; с. 143—170: С. Е. Гурьев; с. 171—188: Т. Ф. Осиповский.

80. Путинцев, В. Роль Московского университета в развитии русской литературы и передовой общественной мысли. — Литература в школе, 1955, № 3, с. 88—90.

81. Радовский, М. И. У истоков англо-русских научных связей. — Исторический архив, 1956, № 3, с. 139—155.

О переписке президента Лондонского королевского общества Слоана с русскими академиками в 1730—1740-х годах.

82. Рейсер, С. А. Книги политические, которые продаются в Гаге. — В кн.: Быкова, Т. А. и Гуревич, М. М. Описание изданий гражданской печати 1708—январь 1725 г. М.—Л., 1955, с. 541—563.

83. Розов, Н. Н. Светская рукописная книга XVIII—XIX вв. в собрании А. А. Титова. — Сборник Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в. 2, 1954, с. 127—146.

84. Рубинштейн, Н. Л. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. — Исторические записки, т. 54, 1955, с. 343—361.

85. Рыбник, А. М. Русская театральная критика XVIII и первой четверти XIX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 1954, 16 с. (Государственный институт театрального искусства).

86. Садыкова, Д. М. Из истории массовой драматической литературы XVIII в. Театр интермедии. М., 1956, с. 16 (Московский городской педагогический институт имени Потемкина).

87. Сахаров, А. М. и Шелестов, Д. К. Московский университет. Краткий исторический очерк. М., 1955, 163 с.

С. 9—20: Основание университета; с. 20—31: От открытия университета до Устава 1804 года.

88. Соколов, А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955, 692 с.

89. Соколова, В. К. Проблемы этнографии и народного творчества в последней трети XVIII в. — Труды Института этнографии, новая серия, т. 30, 1956, с. 136—171.

90. Соловьева, Л. В. Именное сказуемое в языке памятников эпохи формирования русского национального языка (вторая половина XVII—начало XVIII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1954, 15 с. (Институт языкознания Академии наук СССР).

91. Софонова, А. В. Положение трудящихся Петербурга и их классовая борьба в 60—70-ые годы XVIII века. — Ученые записки Вологодского педагогического института, т. 14, 1954, с. 3—46.

92. Таирзаде, Н. А. Из истории движения крепостных крестьян в России в последние годы XVIII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Баку, 1956, 17 с. (Азербайджанский государственный университет).

93. Тихомиров, М. Н. (ред.). История Московского университета. В 2-х тт. Т. 1. 1755—1917. М., 1955, 563 с.

94. Томсинский, С. М. Первая печатная газета России, ее общественно-политическое и культурное значение (1702—1727 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1955, 16 с. (Московский городской педагогический институт имени Потемкина).

95. Томсинский, С. М. Литературное окружение первой печатной газеты России — «Ведомостей». — Отчетная научная сессия Молотовского государственного университета 27 февраля—3 марта 1956 г. Тезисы докладов Историко-филологического факультета. Молотов, 1956, с. 17—18.

96. Фейгина, С. А. По страницам зарубежных исследований внешней политики России в XVI—XVIII веках. — Вопросы истории, 1955, № 12, с. 204—211.

97. Фролова, С. В. Именное склонение в русской оригинальной бытовой повести XVII—XVIII столетий. — Ученые записки Куйбышевского педагогического института, в. 13, 1955, с. 213—232.

Здесь опубликовано окончание ранее печатавшейся работы.

98. Фрумкин Л. Новгородская тема в русской литературе XVIII—XIX веков. — Новгород, № 3, 1955, с. 110—114.

99. Чагешева, В. И. Употребление второго винительного падежа в русском литературном языке XVIII века. — Ученые записки Ленинградского педагогического института имени Герцена, т. 111, 1955, с. 110—111.

100. Чернецкий, В. К. Грамматические средства выражения принадлежности в русском литературном языке конца XVII—первой трети XVIII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Одесса, 1954, 16 с. (Одесский государственный университет).

101. Чиковани, М. Я. Русская народная песня XVIII века на грузинском языке. — Сообщения Академии наук Грузинской ССР, т. 15, № 9, 1954, с. 627—632.

102. Шамурин, Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 1. М., 1955, 399 с.

С. 287—319 и 376—382: Гл. 10. Систематизация книг в России в XVIII в.

103. Шолом, Ф. Я. Реалістичні тенденції в українській соціально-політичній сатирі XVIII с. — XII наукова сесія Київського державного університету. Тези доповідей, секція філології, Київ, 1955, с. 5—8.

104. Шолом, Ф. Російсько-українські літературні зв'язки в XVII и XVIII століттях. — Літературна газета, 1954, 18 лютого, № 8.

105. Эммаусский, А. В. Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII веков. Киров, 1956, 243 с.

С. 195—239: г. IV. Развитие культуры в Вятском крае в XVII—XVIII вв. (с. 212—239. — Развитие культуры и общественной мысли в Вятском крае в XVIII в.; о Кострове — с. 230—232; о Колокольникове — с. 232—237).

II

[Д. С. Аничков]

160. Рыбаков, П. М. «Арифметика» Д. С. Аничкова. — Математика в школе, 1956, № 1, с. 15—20.

О книге «Теоретическая и практическая арифметика, в пользу и употребление юношеству собранная из разных авторов Д. Аничковым», изд. в 1764 г.

[А. А. Антонский]

107. Карякин, Ю. Ф., Плимак, Е. Г. и Филиппов, Л. А. Какой России принадлежал А. А. Антонский? — Вопросы истории, 1956, № 9, с. 120—126.

[М. Афонин]

108. Назаренко, И. И. Профессор Матвей Афонин и его борьба против врагов передовой русской науки в Московском университете. — Вестник Московского университета, 1954, № 3, с. 139—152.

[А. А. Богданов]

109. Теплов, Л. Н. Андрей Богданов — первый историк русского книгопечатания. — Полиграфическое производство, 1954, № 5, с. 30—31.

[Ф. Г. Волков]

110. Козьмин, М. Б. За научную биографию Федора Волкова. — Новый мир, 1954, № 7, с. 257—262.

О сборнике «Ф. Г. Волков и русский театр его времени». М., 1953.

[Г. Р. Державин]

111. Айдарова, В. Н. Борьба с иноязычными заимствованиями в поэзии Г. Р. Державина. — Труды Сталинирского педагогического института, в. 2, 1955, с. 333—348.

112. Айдарова, В. Н. Теория «трех штилей» М. В. Ломоносова и оды Г. Р. Державина. — XVI научная сессия Сталинирского государственного педагогического института, 1955, с. 31—33.

113. Айдарова, В. Н. Элементы реализма в поэзии Г. Р. Державина. — XV научная сессия Сталинирского государственного педагогического института, 1954, с. 21—22.

114. Базанов, В. Г. Державин в Карелии и его ода «Водопад». — В кн.: Карелия в русской литературе и фольклористике 19 века. Очерки. Петрозаводск, 1955, с. 11—32.

115. Войнова Л. А. Лексика поэзии Г. Р. Державина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1954, 17 с. (Ленинградский государственный педагогический институт).

116. Западов, А. В. Гоголь о Державине. — В кн.: Гоголь. Статьи и материалы. Л., 1954, с. 175—186.

117. Пинчук, А. Л. Гораций в творчестве Г. Р. Державина. — Ученые записки Томского государственного университета, № 24, 1955, с. 71—86.

[Державин, Г. Р.] — см. выше 33.

[С. Е. Десницкий]

118. Бак, И. С., С. Е. Десницкий — выдающийся социолог. — Вопросы философии, 1955, № 1, с. 57—66.

[Ф. И. Дмитриев-Мамонов]

119. Светлов, Л. Б. Русский антиклерикальный памфлет XVIII в. Ф. И. Дмитриев-Мамонов. Дворянин-философ. (Аллегория). — Вопросы истории религии и атеизма, сб. 4, 1955, с. 394—399.

С. 399—411: Дмитриев-Мамонов, Ф. И. Дворянки-философ. (Аллегория).

[Екатерина II]

120. Берков, П. Н. Пушкин и Екатерина II. — Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 200, серия филологических наук, в. 25, 1955, с. 212—215.

[В. Ф. Зуев]

121. Гурвич, Д. М. Выдающийся исследователь нашей родины (К 200-летию со дня рождения В. Ф. Зуева). — Природа, 1954, № 12, стр. 67—70.

122. Матвеев, Н. П. О некоторых географических работах В. Ф. Зуева. (К 200-летию со дня рождения). — Бюллетени Московского общества испытателей природы, т. 59, отд. геол., т. 29, в. 5, 1954, стр. 68—69.

123. Райков, Б. Е. Академик Василий Зуев, его жизнь и труды. К двухсотлетию со дня его рождения. М.—Л., 1955, 351 с.

С 273—304: гл. II. Журнал В. Ф. Зуева «Растущий виноград» (1785—1787 гг.).

124. Степанов, Н. Н. Этнографические исследования В. Ф. Зуева. — Труды Института этнографии, новая серия, т. 30, 1956, с. 172—186.

[А. Д. Кантемир]

125. Алексеев, М. П. Монтескье и Кантемир. — Вестник Ленинградского университета, 1955, № 6, с. 55—78.

126. Галактионов, А. А. О месте А. Д. Кантемира в истории русской философии. — Вестник Ленинградского университета, 1956, № 11, стр. 81—89.

127. Галактионов, А. А. В. Н. Татищев и А. Д. Кантемир — идейные предшественники материалистической философии М. В. Ломоносова. — Научная сессия Ленинградского государственного университета 1955—1956 гг. Тезисы докладов по секции философских наук, Л., 1956, с. 22—25.

128. Паина, Р. Б. Редакции сатир А. Д. Кантемира. — Ученые записки Белорусского государственного университета, в. 27, 1956, с. 38—67.

129. Паина, Р. Б. Роль и значение А. Д. Кантемира в истории русской литературы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Минск, 1954, 21 с. (Белорусский государственный университет).

[Д. К. Кантемир]

130. Агасьева, Н. А. Выдающийся молдавский ученый Д. К. Кантемир. (К 280-летию со дня рождения Д. К. Кантемира). — Ученые записки Книшиневского педагогического института, т. 5, 1956, с. 13—14.

[В. В. Капнист]

131. Всеволодский-Генгросс, В. Н. Первые издания комедии В. В. Капниста «Ябеда» (1798). — В кн.: Институт истории искусств, 1955. Театр. М., 1955, с. 423—429.

[Н. М. Карамзин]

132. Золотова, Г. А. Структура сложного синтаксического целого в Карамзинской повести. — Труды Института языкознания, т. 3, 1954, с. 88—119.

133. Кудрявцев, И. А. «История Государства Российского» Н. М. Карамзина в русской историографии. Автореферат диссертации на сои-

скание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1955, 20 стр. (Московский государственный историко-архивный институт).

134. Орлов, П. А. Идейный смысл повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». — Ученые записки Рязанского государственного педагогического института, № 10, 1955, с. 43—55.

135. Уткина, В. П. Лексика ранних повестей Н. М. Карамзина. — Известия Крымского педагогического института, т. 19, 1954, с. 235—294.

136. Федоров, В. И. Исторические повести Н. М. Карамзина. (К характеристике литературно-общественных взглядов Н. М. Карамзина и его современников). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1955, 17 с. (Московский городской педагогический институт имени Потемкина).

137. Федоров, В. И. Повесть Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь». — Ученые записки Московского городского педагогического института имени Потемкина, т. 48, в. 5, 1955, с. 109—142.

[И. К. Кириллов]

138. Клепиков, С. А. Неизвестный экземпляр карт из «Атласа Всероссийской империи» И. К. Кирилова. — Известия Всероссийского географического общества, т. 88, в. 1, 1956, с. 87—89.

[Я. П. Козельский]

139. Дмитриченко, В. С. Общественно-политические и философские взгляды Я. П. Козельского. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Киев, 1955, 22 с. (Київський державний університет).

140. Коробкина, О. К биографии Якова Козельского. — Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 200, серия филологических наук, в. 25, 1955, с. 192—204.

[Козельский, Я. П.] — см. 33 и 79.

[М. Г. Коковцов]

141. Косвен, М. О. Первый русский африканист М. Г. Коковцов (1745—1793). — Советское востоковедение, 1956, № 2, с. 91—95.

[Колокольников] — см. 105.

[В. П. Колычев]

142. Светлов, Л. Б. Писатель-вольнодумец XVIII века В. П. Колычев. — Вопросы истории религии и атеизма, сб. 3, 1955, с. 247—252.

[Костров, Е. И.] — см. 105.

[И. П. Котляревский]

143. Плющ, П. П. «Енеїда» Котляревського, її спільні та відмінні риси в дівавленні з російським її прототипом — «Вергілієвої „Енеїдою“ вивороченної наизнанку» Осипова-Котельницького. — XI наукова сесія Київського державного університету. Тези доповідей, секція філології. Київ, 1954, с. 14—15.

[С. П. Крашенинников]

144. Степанов, Н. Н. С. П. Крашенинников — исследователь Камчатки. — Труды Института этнографии, новая серия, т. 30, 1956, с. 111—135.

[В. В. Крестянин]

145. Черняховский, Ф. И. Василий Васильевич Крестянин. Архангельск, 1955, 40 с.

[Ф. Кречетов]

146. Папаригопуло, С. В. О взглядах Федора Кречетова. — Вопросы истории, 1956, № 3, с. 125—128.

Приведена подробная библиография о Кречетове.

147. Сивков, К. В. О взглядах Федора Кречетова. — Там же, 1956, № 3, с. 121—125.

[И. А. Крылов]

148. Бабинцев, С. М. И. А. Крылов. Новые материалы. Паспорт и аттестат И. А. Крылова. К датировке оды И. А. Крылова на заключение мира России со Швецией. — Сборник Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в. 3, 1955, с. 52—53 и 58—59.

149. Голяк, А. И. Сатирические комедии И. А. Крылова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1955, 20 с. (Московский областной педагогический институт).

150. Деркач, Б. А. Драматургия И. А. Крылова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киев, 1955, 16 с. (Академия наук УССР. Отделение общественных наук).

151. Десницкий, А. В. И. А. Крылов — автор «Кофейницы» и театральная жизнь в Твери 70-х и 80-х годов XVIII в. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени Герцена, т. 120, 1955, с. 135—150.

152. Десницкий, А. В. Из биографических материалов о родителях И. А. Крылова. — Там же, с. 231—242.

153. Десницкий, А. В. К вопросу о годе рождения И. А. Крылова. — Там же, т. 107, 1955, с. 277—310.

154. Могилянский, А. П. Рукописи И. А. Крылова. — Бюллетень Рукописного отдела Пушкинского Дома, в. 6, 1956, с. 5—26.

[Г. С. Лебедев]

155. Гамаюнов, Л. С. Герасим Лебедев — основоположник русской индологии (1749—1817). — Советское востоковедение, 1956, № 1, с. 145—154.

156. Гусева, Н. Г. С. Лебедев и его «Беспристрастное созерцание». (Из истории русской индологии). — Советская этнография, 1956, № 1, с. 114—116.

[М. В. Ломоносов]

157. Акимова, Г. Н. Относительное подчинение в научной прозе М. В. Ломоносова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Л., 1955, 16 с. (Ленинградский государственный университет).

158. Белявский, М. М. В. Ломоносов. М., 1954, 56 с. (В помощь лектору).

159. Белявский, М. Т. М. В. Ломоносов и Московский университет (К 200-летию МГУ). — Исторические записки, т. 47, 1954, с. 93—123.

160. Белявский, М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955, 311 с.

Рец.: Лукин, А. Книга о Ломоносове. — Советская культура, 1955, 17 мая, № 62.

161. Беренбейм, Д. М. Вклад Ломоносова в учение о приливах. — Известия Крымского отделения Географического общества, в. 3, 1954, с. 75—78.

162. Берков, П. Н. М. В. Ломоносов об ораторском искусстве. — Сб. «Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию», М., 1956, с. 71—81.

163. Бобровникова, В. К. Влияние М. В. Ломоносова на развитие педагогической мысли в России во второй половине XVIII в. — Советская педагогика, 1954, № 8, с. 113—121.

164. Бомштейн, Г. И. Роль Ломоносова в истории русской этнографии и фольклористики. — Труды Института этнографии, новая серия, т. 30, 1956, с. 85—110.

165. Бурдин, С. М. Роль М. В. Ломоносова в создании русской естественно-научной терминологии. — Ученые записки Ташкентского педагогического института, Филологический сборник, в. 2, 1954, с. 49—154.

166. Вільницький, М. Б. Матеріалізм Ломоносова та його погляди на простір. — Науковий збірник Інституту філософії Академії наук УРСР, т. 2, 1954, 46—65.

167. Глушков, С. И. Язык од М. В. Ломоносова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киев, 1954, 15 с. (Киевский государственный университет).

168. Данилевский, В. В. Ломоносов на Украине. Под ред. В. В. Мавродина, Л., 1954, 136 с.

Рец.: Морозов, А. А. По неверному пути. — Звезда, 1955, № 3, с. 180—185.

169. Западов, А. В. М. В. Ломоносов и журналистика 40—60-х годов XVIII века. — Юбилейная научная сессия, посвященная 200-летию Московского университета. Тезисы докладов факультета журналистики, М., 1955, с. 7—8.

170. Зубов, В. П. Ломоносов и Славяно-греко-латинская академия. — Труды Института истории естествознания и техники, т. 1, 1954, с. 5—52.

171. Иванова, М. А. Грамматическая терминология М. В. Ломоносова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1954, 23 с. (Тбилисский государственный университет).

172. Исайков, Д. Д. Философские взгляды М. В. Ломоносова. — Сборник Московского инженерно-строительного института, № 12, в. 3, 1956, с. 17—36.

173. Кандаурова, Т. Н. М. В. Ломоносов — основоположник разработки вопросов грамматической стилистики русского языка. — Ученые записки Московского городского педагогического института имени Потемкина, т. 33, Кафедра русского языка, в. 3, 1954, с. 185—194.

174. Кафенгауз, Б. Б. Незавершенный труд М. В. Ломоносова. — Доклады и сообщения Института истории Академии наук СССР, в. 3, 1954, с. 125—136.

О письме «О сохранении и размножении российского народа».

175. Котов, В. Ф. Ломоносов и вопросы механики. — Труды Института истории естествознания и техники, т. 5, 1955, с. 52—68.

176. Кудрявцев, П. С. Ломоносов и Ньютон. — Там же, т. 5, 1955, с. 33—51.

177. Кулакова, Л. И. О некоторых вопросах эстетики М. В. Ломоносова. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института, т. 9, 1954, факультет языка и литературы, в. 3, с. 5—38.

178. Кулябко, Е. С. Ломоносовский «Регламент московских гимназий». — Вестник Академии наук СССР, 1955, № 5, с. 58—62.

179. Мирзоева, М. В. Употребление времен в исторических трудах М. В. Ломоносова. — Ученые записки Азербайджанского университета, № 8, 1955, с. 67—79.

180. Морозов, А. А. М. В. Ломоносов. — В кн.: Ломоносов, М. В. Стихотворения. Под ред. А. А. Морозова. Л., 1954, с. 5—62. (Библиотека поэта, малая серия, изд. 3-е).

181. Морозов, А. А. Последняя воля Ломоносова. — Звезда, 1956, № 4, с. 167—172.

О текстологических промахах в т. 7 «Полного собрания сочинений» Ломоносова, изд. АН СССР. Ответ на эту статью: Виноградов, В. В., Бархударов, С. Г., Блок, Г. П. По поводу одной критической статьи (письмо в редакцию). — Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 1956, в. 5, с. 469.

182. Поспелов, Н. С. Учение о частях речи в «Российской грамматике» Ломоносова и русская грамматическая традиция. — Вестник Московского университета, 1954, № 1, с. 83—90.

183. Сайкиев, Х. М. М. В. Ломоносов и А. Х. Востоков о значениях винительного падежа в русском языке. — Вестник Академии наук Казахской ССР, 1954, № 7, с. 55—69.

184. Соловьев, Ю. И. Прогрессивные русские журналы XIX века о М. В. Ломоносове как естествоиспытателе. — Труды Института истории естествознания и техники, т. 6, 1955, с. 28—42.

185. Степанов, В. И. О тенденции М. В. Ломоносова к выходу из рамок метафизического мировоззрения. — Научные труды по философии. Белорусский государственный университет. Минск, 1956, в. 1, с. 36—63.

186. Тихомиров, М. Н. М. В. Ломоносов и основание первого университета в России. М., 1955, 16 с.

187. Тихомиров, М. Н. М. В. Ломоносов и основание первого университета в России. — Вестник Московского университета, 1955, № 4—5, с. 29—30.

188. Фигуровский, Н. А. Труды М. В. Ломоносова по химии и их значение для развития науки. — Труды Института истории естествознания и техники, т. 6, 1955, с. 9—27.

189. Черняховский, Ф. М. В. Ломоносов. Изд. 2-е. Архангельск, 1954, 52 с.

190. Шафрановский, И. И. Несколько слов о кристаллографии в трудах М. В. Ломоносова. — Записки Всесоюзного минералогического общества, ч. 85, в. 1, 1956, с. 106—108.

[Ломоносов, М. В.] — см. 112.

[Н. А. Львов]

191. Будылина, М. Н. А. Львов. К 150-летию со дня смерти. — Советская архитектура, 1954, № 5, с. 75—87.

[В. И. Майков]

192. Муза, Е. В. Славяно-книжная лексика, ее стилистические функции и приемы использования в языке иронических поэм В. Майкова и

М. Чулкова. — Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института, т. 2, факультет русского языка и литературы, в. 1, 1955, с. 165—180.

[В. Ф. Малиновский]

193. Араб-Оглы, Э. А. Выдающийся русский просветитель-демократ (В. Ф. Малиновский). — Вопросы философии, 1954, № 2, с. 181—197.

[М. А. Матинский]

194. Бокшанина, Е. «Санкт-Петербургский гостиный двор» Матинского—Пашкевича и русская опера XVIII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 1955, 16 с. (Московская государственная консерватория).

[Г.-Ф. Миллер]

195. Косвен, М. О. Г.-Ф. Миллер. — Советская этнография, 1956, № 1, с. 72—76

[Н. И. Новиков]

196. Будзько, А. С. Педагогические идеи Н. И. Новикова (1744—1818). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Л., 1954, 20 стр. (Ленинградский государственный педагогический институт имени Герцена).

197. Трушин, Н. А. К характеристике педагогического наследия Н. И. Новикова. — Ученые записки Астраханского государственного педагогического института, 1955, т. 4, с. 67—102.

[Новиков, Н. И.] — см. 33.

[Н. П. Осипов] — см. 143.

[Т. Ф. Осиповский]

198. Кравец, И. Н. Борьба Т. Ф. Осиповского против идеализма и религии. — Вопросы истории религии и атеизма, сб. 3, 1955, с. 237—246.

[Осиповский, Т. Ф.] — см. 79.

[М. Петрович]

199. Зубов, В. П. Русский рукописный учебник по логике середины XVIII века. — Вопросы философии, 1956, № 4, с. 154—156.

О рукописной «Логике феоретической» М. Петровича.

[П. А. Плавильщиков]

200. Петр Алексеевич Плавильщиков. — Театр, 1955, № 4, с. 190—191.

201. Козьмин, М. Б. Из истории русской журналистики и театральной критики XVIII века. (Деятельность П. А. Плавильщикова). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1954, 16 с. (Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР).

[Н. Поповский]

202. Белявский, М. Т. Николай Поповский — ученик и соратник Ломоносова. — Ученые записки Московского университета, в. 167, 1954, с. 133—150.

[А. Н. Радищев]

203. Абрамович, И. М. О сложно-подчиненных предложениях в произведении А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». — Труды Института языкознания Академии наук СССР, т. 3, 1954, с. 60—87.

204. Александрова, М. И. Живопись на уроках литературы. — Ученые записки Московского педагогического института имени Ленина, т. 90, Кафедра методики русского языка и литературы, в. 2, 1955, с. 159—168.

Сопоставление творчества Радищева и его современника художника И. Ерменева.

205. Английская буржуазная революция XVII века, т. 2. Под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого. М., 1954.

С. 225—228: Изучение истории английской революции в дореволюционной России. Взгляды русских революционных демократов. А. Н. Радищев.

206. Бонташ, П. К. К вопросу о политических взглядах А. Н. Радищева последнего периода его деятельности. — Наукові записки Київського університету, т. 13, в. 5, Збірник Юридичного факультета, № 7, 1954, с. 141—161.

207. Васильева, А. Н. К вопросу о значении композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» для раскрытия идеологии Радищева. — Ученые записки Московского областного педагогического института, т. 42, Труды Кафедры философии, в. 3, 1956, с. 193—206.

208. Васильева, А. Н. О некоторых художественных особенностях «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. — Там же, т. 40, Труды Кафедры русской литературы, в. 2, 1956, с. 137—151.

209. Виленская, Э. С. О спорных вопросах и методах изучения идейного наследия А. Н. Радищева. — Вопросы философии, 1956, № 5, с. 163—174.

По поводу 220.

210. Водовозов, Н. В. А. Н. Радищев и Америка. — Ученые записки Московского городского педагогического института имени Потемкина, т. 43, Кафедра русской литературы, в. 4, 1954, с. 69—82.

211. Галактионов, А. А. и Никаилов, П. Ф. О месте А. Н. Радищева в русском освободительном движении. — Вопросы философии, 1956, № 3, с. 160—165.

212. Гвасалиа, Б. А. Н. Радищев и И. Г. Чавчавадзе. — XVI научная сессия Сухумского государственного педагогического института имени Горького. 1955 год, 27—29 октября. План работы и тезисы докладов, Сухуми, 1955, с. 43—44.

213. Громов, Н. И. Радищев в школе. Пособие для учителей средней школы. Изд. 2-е. Л., 1954, 92 с.

214. Гуторов, И. В. Философско-эстетические взгляды А. Н. Радищева. — Ученые записки Белорусского государственного университета, в. 18, 1954, с. 81—116.

215. Дайкова, М. А. Роль русской народной поэзии в творчестве А. Н. Радищева. Автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук. М., 1954, 15 с. (Московский государственный университет).

216. Дубровина, А. Б. Гражданско-правовые взгляды А. Н. Радищева. Лекции для студентов ВЮЗИ. М., 1955, 44 с. (Всесоюзный юридический заочный институт).

217. Закрыткин, Р. А. Радищев и Рылеев. — Ученые записки Калининградского педагогического института, в. 2, 1956, с. 3—12.

218. Казакевич, Т. А. К вопросу о теории познания А. Н. Радищева. — Ученые записки Ленинградского государственного университета, № 168, 1955, серия философских наук, в. 5, с. 223—243.

219. Карякин, Ю. Ф. и Плимак, Е. Г. О двух оценках «Путешествия из Петербурга в Москву» в советской литературе. — Вопросы философии, 1955, № 4, с. 182—197.

220. Карякин, Ю. Ф., Плимак, Е. Г. и Филиппов, Л. А. О произвольном обращении с источниками. — Вопросы истории, 1955, № 9, с. 104—107.

О статье И. Я. Шипанова «Общественно-политические и философские взгляды А. Н. Радищева» в сб. «Из истории русской философии», М., 1952.

221. Кикозашвили, М. Х. Политические и правовые взгляды А. Н. Радищева. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1955, 16 с. (Академия наук СССР, Институт права).

222. Китушин, А. Н. Об авторстве А. Н. Радищева в разработке проекта «Всемилоостивейшей грамоты российскому народу жалужемой». — Ученые записки Азербайджанского государственного университета, 1956, № 7, с. 109—119.

223. Копиленко, М. М. Одеський список «Подорожі в Петербурга в Москву» О. М. Радищева. — Праці Одеського державного університету, т. 4, 1954, Збірник Філологічного факультету, с. 161—163.

224. Кострова, М. И. [публикация]. П. А. Радищев — Герцену (письмо от 15 июля 1861 г.). — Литературное наследство, т. 62, 1955, Герцен и Огарев, 2, стр. 504.

О послыке П. А. Радищевым Герцену биографии А. Н. Радищева и «двух статей, ему приписываемых, из „Живописца“ Новикова». Об отношении к попытке издать сочинения А. Н. Радищева в конце 1850-х годов.

225. Куканов, А. М. Пушкин и Радищев. (Постановка общей проблемы и радищевские традиции в раннем творчестве Пушкина 1813—1820 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1954, 16 с. (Московский государственный университет).

226. Кулакова, Л. И. Из истории создания и судьбы великой книги. — Ученые записки Ленинградского педагогического института, т. 18, 1956, Факультет языка и литературы, в. 5, с. 5—25.

О «Путешествии» Радищева.

227. Кулакова, Л. И. К вопросу о тексте оды А. Н. Радищева «Вольность». — Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 1956, в. 2, с. 150—158.

228. Кулакова, Л. И. Неизданные записки внука Радищева. — Ученые записки Ленинградского педагогического института, т. 18, 1956, Факультет языка и литературы, в. 5, с. 219—224.

229. Кулакова, Л. И. Неопубликованное письмо А. Н. Радищева. — Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 1956, в. 2, с. 159—160.

230. Кулакова, Л. И. А. Н. Радищев и вопросы художественного творчества в русской литературе XVIII века. (Из истории русской эстетической мысли). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1954, 30 с. Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР.

231. Лотман, Ю. М. Был ли А. Н. Радищев дворянским революционером? — Вопросы философии, 1956, № 3, с. 165—172.

232. Макогоненко, Г. П. А. Н. Радищев и его время. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1955, 43 с. (Ленинградский государственный университет).

233. Макогоненко, Г. П. Радищев и его время. М., 1956, 775 с.

234. Мижевская, Г. М. Некоторые морфологические особенности языка произведения А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Праці Одеського державного університету, т. 146 1955, серія філологічних наук, в. 5 с. 101—110.

235. Молчанова, Г. П. Педагогические идеи А. Н. Радищева — первого просветителя-революционера. М., 1954, 11 с. (Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина).

236. Оксман, Ю. Г. Проблематика «Истории Пугачева» Пушкина в свете «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. — Научный ежегодник Саратовского государственного университета за 1954 год, Саратов, 1955, с. 149—154.

237. Розанов, И. Редчайшая из книг Радищева. — Новый мир, 1956, № 5, с. 278—279.

О «Письме к другу, жительствующему в Тобольске».

238. Рыбин, А. В. Государственно-правовые взгляды А. Н. Радищева. — Ученые записки Молотовского государственного университета, т. 10, в. 4, 1955, с. 28—48.

239. Савыкова, М. М. А. Н. Радищев, его философские и общественно-политические взгляды. — Труды Одесского государственного университета, т. 145, серия общественных наук, в. 1, 1956, с. 277—293.

240. Светлов, Л. Б. Рукописное наследие А. Н. Радищева. — Новый мир, 1956, № 6, с. 274—275.

241. Спектор, М. М. Радищев о взаимоотношении языка и мышления. — Вопросы языкознания, 1955, № 4, с. 104—107.

242. Шинкарук, В. І. Про деякі спірні питання у висвітленні філософського змісту праці О. М. Радіщева, «Про людину, її смертність і безсмертя». — XII наукова сесія Київського державного університету. Тези доповідей, Секція філософії, 1955, с. 18—21.

243. Шамаков, А. А. Из разысканий о Радищеве. — Ученые записки Челябинского государственного педагогического института, т. 2, в. 1, 1956, с. 86—111.

1. К истории сибирской ссылки писателя (с. 86—87); Источники «Письма о китайском торге» (с. 87—91); Личность П. Д. Ванифатьева — директора кяхтинской таможни (с. 91—95); Когда написано «Письмо о китайском торге» (с. 95—97); Материалы о Е. В. Рубановской (с. 98—101); О переписке И. Пиля с А. Воронцовым (с. 101—103); 2. Прогрессивная зарубежная печать о Радищеве (с. 103—111).

244. Шмаков, А. Неизвестные служебные бумаги А. Н. Радищева. — Южный Урал, 1954, № 11, с. 140—144; 1955, № 12, с. 109—110.
245. Шмаков, А. А. О радищевских традициях в украинской литературе. — Там же, 1955, № 12, с. 105—109.
246. Шторм, Георгий. Страницы морской славы. М., 1954, 435 с.

Есть архивные материалы об А. Н. Радищеве.

[И. Г. Рахманинов]

247. Полонская, И. М. И. Г. Рахманинов. Из истории русского издательства конца XVIII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности «библиография». М., 1954, 16 с. (Московский государственный библиографический институт).

[П. А. Рычков]

248. Ляровский, П. А. П. И. Рычков как выдающийся русский географ XVIII века. — Географический сборник, в. 3, 1954, с. 45—78.

[А. П. Сумароков]

249. АLEXИНА, Е. А. Краткие и полные имена прилагательные в языке произведений А. П. Сумарокова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1954, 18 с. (Московский государственный университет).

250. Касаткина, Е. А. Сумароковская трагедия 40-х—начала 50-х годов XVIII века. — Ученые записки Томского педагогического института, т. 13, 1955, с. 213—261.

251. Ковалева, К. В. Элементы народного языка в баснях А. П. Сумарокова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Минск, 1955, 20 с. (Белорусский государственный университет).

252. Кунгурова, А. Т. Лексика комедий А. П. Сумарокова. (Общелитературная книжная лексика). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1954, 12 с. (Академия наук СССР, Институт языкознания).

253. Самаренко, В. П. А. П. Сумароков — сатирик. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1956, 18 с. (Московский городской педагогический институт имени Потемкина).

254. Чнстов, К. В. «Притчи» Сумарокова и русское народное творчество. — Ученые записки Карело-Финского педагогического института, т. 2, в. 1, 1955, с. 145—160.

[В. Н. Татищев]

255. Бак, И. С. Экономические воззрения В. Н. Татищева. — Исторические записки, т. 54, 1955, с. 362—381.

256. Иовчук, М. Т. К вопросу о мировоззрении В. Н. Татищева. — Ученые записки Уральского государственного университета, в. 13, 1955, с. 88—115.

257. Копанев, А. И. Об одной рукописи, принадлежавшей В. Н. Татищеву. — Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки Отделения общественных наук Академии наук СССР, т. 2, 1955, с. 232—240.

258. Персиц, М. М. «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» В. Н. Татищева как памятник русского свободомыслия

XVIII века. — Вопросы истории религии и атеизма, сб. 3, 1955, с. 278—310.

259. Степанов, Н. Н. В. Н. Татищев и русская этнография. — Труды Института этнографии, новая серия, т. 30, 1956, с. 71—84.

[Татищев, В. Н.] — см. 127.

[И. А. Третьяков]

260. Бак, И. С. Общественно-экономические воззрения И. А. Третьякова. — Вопросы истории, 1954, № 9, с. 104—113.

[Д. И. Фонвизин]

261. Всеволодский-Гернгросс, В. Н. Когда был написан «Бригадир»? [Фонвизина]. — Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 1956, в. 5, с. 460—463.

262. Гомон, Н. М. Первый опыт русского словаря синонимов. («Опыт российского сословника» Д. И. Фонвизина). — Русский язык в школе, 1955, № 3, с. 13—16.

263. Кодухов, В. И. Сложное предложение с придаточными дополнительными в языке комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени Герцена, т. 111, 1955, с. 112—114.

264. Павлова, К. Н. Комедия Д. И. Фонвизина «Бригадир». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1955, 16 с. (Московский городской педагогический институт имени Потемкина).

265. Пигарев, К. В. «Рассуждение о непременных государственных законах» Д. И. Фонвизина в переработке Никиты Муравьева. — Литературное наследство, т. 60, кн. 1, 1956, с. 339—361.

266. Пигарев, К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954, 316 с., 6 табл.

Рец.: 1. Серман, И. Э. — Звезда, 1955, № 2, с. 189—190.

2. Макогоненко, Г. П. Обобщение и исследование. — Литературная газета, 1955, 5 марта, № 28.

3. Светлов, Л. Творческий путь Фонвизина. — Новый мир, 1955, № 4, с. 263—266.

4. Степанов, Н. Л. — Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 1955, в. 2, с. 197—199.

267. Шамес, П. Е. Русские писатели о Д. И. Фонвизине. (От А. Пушкина до М. Горького). — Ученые записки Ивановского педагогического института, т. 6, 1954, с. 157—176.

[М. Д. Чулков]

268. Баранская, Н. В. Песни народного протеста в «Собрании разных песен» М. Д. Чулкова. — Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 1956, в. 2, с. 133—146.

269. Сельванчук, Р. М. «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова. (Первый в России печатный сборник народных и литературных песен). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1955, 16 с. (Московский государственный педагогический институт им. Ленина)

[Н. Шалауров]

270. Белов, М. И. Новые материалы о походах устюжского купца Никиты Шалаурова. — Географический сборник, в. 3, 1954, с. 160—184.

О полярной экспедиции XVIII в.

[Т. Шмалев]

271. Макарофа, Р. В. Роль Тимофея Шмалева в изучении истории русских географических открытий в Тихом океане во второй половине XVIII в. — Труды Московского историко-архивного института, т. 6, 1954, с. 166—186.

[М. М. Щербатов]

272. Федосов, И. А. Вопросы торговли и промышленности в публицистике М. М. Щербатова. — Ученые записки Московского государственного университета, в. 167, 1954, с. 99—120.

[Ф. А. Эмин]

273. Неизданные произведения русского писателя. — Вечерний Ленинград, 1955, 11 октября.

О докладе И. Э. Сермана о комедии Ф. А. Эмина «Ученая шайка».

[Ф. И. Янкович]

274. Додон, Л. Л. Учебная литература русской народной школы второй половины XVIII в. и роль Ф. И. Янковича в ее создании. — Ученые записки Ленинградского педагогического института имени Герцена, т. 119, 1955, с. 185—207.

И. А. КРЯЖИМСКАЯ

О РАБОТЕ ГРУППЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР после шестилетнего перерыва, в марте 1955 года, возобновила свою работу Группа по изучению истории русской литературы XVIII века. Группу возглавляет П. Н. Берков.

В ежемесячных заседаниях Группы активное участие принимают не только сотрудники научных учреждений Ленинграда (Государственного университета, Педагогического института им. А. И. Герцена, Библиотеки АН СССР, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Всесоюзного музея А. С. Пушкина и др.), но и исследователи других городов.

Первое заседание открыл П. Н. Берков докладом «Очередные задачи изучения истории русской литературы XVIII века»; в несколько расширенном виде этот доклад опубликован в настоящем сборнике (стр. 7—24).

Дважды выступал с сообщениями преподаватель Московского заочного педагогического института А. В. Позднеев, много лет занимающийся изучением песенного творчества писателей конца XVII—начала XVIII века. В докладе «Поэзия Петровской эпохи» А. В. Позднеев остановился на анализе лирических песен в трех сборниках, самый ранний из которых датируется 1724 годом. Выступавшие по второму докладу А. В. Позднеева («Традиция книжной песни второй половины XVII века в песенной поэзии XVIII столетия») отмечали, что, несмотря на ряд спорных положений, наблюдения и выводы исследователя открывают новую страницу в изучении истории русской поэзии XVII века и истоков песенной поэзии начала XVIII века. С большим вниманием собравшиеся отнеслись к той части доклада, в которой А. В. Позднеев характеризовал жизненный и творческий путь интересного, но почти не изученного поэта XVII столетия — Германа.

Новое в изучении истории русской литературы XVIII века дает и работа главного библиотекаря Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Т. А. Быковой, посвященная деятельности И. Ф. Копиевского. Т. А. Быкова собрала много фактического материала, позволяющего уточнить ряд положений в его биографии (например, неизвестную ранее дату смерти — 1714 год). Среди заслуг И. Ф. Копиевского была отмечена и та, что он явился родоначальником русской печатной библиографии. «Реестр книг, напечатанных Копиевским в Амстердаме на русском языке по указу великого государя...» — первое русское печатное библиографическое издание. В докладе обращено было внимание и на деятельность

Копиевского как стихотворца, творчество которого представляет известный историко-культурный интерес.

Сообщение о «Первом русском политическом памфлете» («Книги политические, которые продаются в Гааге»), написанном, очевидно, в 1723 году под непосредственным наблюдением Петра I, сделал С. А. Рейсер. В памфлете дана остро-сатирическая оценка событий западноевропейской политической жизни 1720-х годов. Работа С. А. Рейсера опубликована в «Описании изданий гражданской печати 1708—январь 1725 г.» Т. А. Быковой и М. М. Гуревича (М.—Л., 1955, стр. 540—563).

Два доклада, прочитанные на заседаниях Группы, были посвящены творчеству А. Д. Кантемира. Основываясь на новых архивных данных, Ф. Я. Прийма сделал интересный по материалу доклад «Кантемир в Париже», по-новому осветив парижское окружение Кантемира, рассказав о его встречах с Вольтером, Подиляком, художником Амбикони, актером Риккобони и др.

Доклад З. И. Гершковича носил название «К вопросу об эволюции мировоззрения Кантемира (К проблеме девятой сатиры)». Автор, касаясь конкретного факта — даты создания девятой сатиры — «К солнцу», сумел установить не только время написания сатиры. Точная датировка дала возможность исследователю по-новому поставить вопрос об эволюции мировоззрения и творчества писателя. (См. настоящ. сб., стр. 44—64).

В докладе «Из истории литературной борьбы 60-х годов XVIII века» И. З. Серман указал конкретные объекты, против которых была направлена памфлетная комедия Ф. Эмина «Ученая шайка»: главный объект сатиры — А. П. Сумароков; много выпадов и в адрес начальства и профессуры Морского кадетского корпуса. Комедия Эмина представляет интерес именно как реально-исторический комментарий к литературной борьбе 60-х годов. (См. настоящ. сб., стр. 207—225).

Научный сотрудник Государственного литературного музея Н. В. Баранская (Москва) прочитала отдельные отрывки из своей большой работы «Народно-поэтическое творчество и демократическая среда 70—80-х годов XVIII века». Основываясь на исследовании газетных публикаций 1770 года о вышедших книгах и на анализе статей из «Пересмешника», Н. В. Баранская показала довольно широкий круг писателей, связанных с Н. И. Новиковым.

После обмена мнений по докладу В. Н. Всеволодского (Москва) — «Автор так называемого „раннего“ „Недоросля“» — участники заседания признали, вопреки утверждению К. В. Пигарева, правильной точку зрения докладчика, считающего, что текст рукописи «раннего» «Недоросля» создан Фовизиним. Рукопись, по всей вероятности, была написана в 1766 году, а правка в ней произведена в 1770-х годах.

Научный сотрудник Всесоюзного музея А. С. Пушкина А. Ю. Вейс не только познакомил участников Группы с неизданными произведениями Н. А. Львова (стихотворением и басней), но дал интересный обзор его разносторонней деятельности.

О своей работе над текстом неизданной трагедии Я. Б. Княжнина «Ольга» рассказал А. П. Могиланский. Доклад печатается в настоящем томе (см. стр. 498—504).

Деятельности Н. М. Карамзина как первого профессионального театрального критика был посвящен доклад И. А. Кряжимской. (См. настоящ. сб., стр. 262—275).

Студенткой-дипломанткой Ленинградского государственного университета Н. М. Левиной было сообщено о рукописях Е. И. Кострова. Это первые рукописи поэта, обнаруженные исследователями: письмо И. П. Бекетову, с шутивными стихами и стихами о Петербурге, нгде прежде не печатавшиеся, и письмо с одой, адресованное А. А. Майкову.

Три доклада были посвящены творчеству выдающегося русского писателя-революционера А. Н. Радищева.

Г. П. Макогоненко поделился с присутствующими своими соображениями о проблемах, которые стоят перед исследователями, изучающими жизнь и творчество А. Н. Радищева.

Оживленные споры вызвал главный тезис доклада Ю. М. Лотмана (Тарту), выраженный в самом названии: «Был ли Радищев дворянским революционером?»¹ По мнению докладчика, теоретическая программа Радищева отвечала практическим интересам русского крепостного крестьянства, и поэтому, прежде всего, нельзя определять Радищева как дворянского революционера. В развернувшейся полемике приняли участие П. Н. Берков, Б. Ф. Егоров, И. Э. Серман, которые согласились с основными положениями работы Ю. М. Лотмана. Отмечены весьма плодотворные наблюдения автора о качественных изменениях крестьянских волнений в начале XIX века, введение в научный оборот новых интересных материалов и т. д. Попутно же указывалось, что докладчик, характеризуя мировоззрение Радищева, недооценил значение русской традиции для формирования взглядов писателя, не сопоставил его взгляды с развитием русской мысли предшествующего пятидесятилетия. А. В. Предтеченский, Г. П. Макогоненко, Э. И. Гершкович, отмечая, что в докладе много новых сведений, трактовок, оспаривали ряд положений Ю. М. Лотмана, считая их недостаточно убедительными для решения вопроса, поставленного в докладе.

Дипломантка Ленинградского государственного университета Филологического факультета М. А. Арзуманова сделала сообщение о новых архивных материалах, связанных с лейпцигским периодом жизни А. Н. Радищева. В Центральном государственном архиве древних актов и в архиве Министерства иностранных дел СССР ею обнаружены свыше 100 документов. Среди них — неизвестные до настоящего времени «Пункты против поведения молодых людей» (приложение к письму Бокума Олсуфьеву), список книг и учебников, бывших в распоряжении студентов, сведения об их занятиях музыкой, о распорядке учебного дня, а также ряд писем Бокума Олсуфьеву. (См. настоящ. сб., стр. 527—537).

С докладом об И. З. Горюшкине выступила Г. В. Ермакова-Битнер. Собрав значительный материал, Г. В. Ермакова сумела осветить деятельность этого талантливого человека не только как профессора Московского университета, но и как законоведа, указавшего, что источником при составлении законов должны являться нравы народов. Докладчица подробно анализировала один из правовых трудов Горюшкина, оказавший, по ее мнению, заметное влияние на формирование мировоззрения декабристов. (См. настоящ. сб., стр. 343—379).

Небольшое по объему, но интересное по материалу сообщение сделала старейший работник Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Д. Д. Шамрай — «Об ошибке, допущенной в академическом издании Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова».

На заседании 26 октября 1956 года группа XVIII века отметила 70-летие члена Группы канд. филол. наук Д. Д. Шамрая, главного библиотекаря Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Научная деятельность юбиляра началась еще на студенческой скамье. Первое печатное его выступление состоялось в 1913 году в «Сборнике в честь директора имп. Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко». Заслу-

¹ См. «Вопросы философии», 1956, № 3, стр. 162—172.

гой Д. Д. Шамрая как автора многих ценных статей по истории цензуры XVIII века является систематическое обследование им для своей темы крупнейших архивных фондов, хранящих материалы по основным петербургским типографиям XVIII века (академические типографии «старая» и «новая», типография Сухопутного шляхетного корпуса, типография Морского кадетского корпуса). Им введено в научный оборот много важных документов. Защищенная Д. Д. Шамраем в 1947 году диссертация «К истории цензурного режима Екатерины II» была высоко оценена таким требовательным ученым, как Г. А. Гуковский. Д. Д. Шамрай является в настоящее время лучшим знатоком фондов ГПБ, в частности иностранных.

И. А. КРЯЖИМСКАЯ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ АВТОРЕФЕРАТОВ: ДИССЕРТАЦИЙ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И РУССКОМУ ЯЗЫКУ XVIII ВЕКА¹

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

Б. Н. Асеев. История русского драматического театра XVII—XVIII веков, М., 1955. (ГИТИС)

Цель диссертации — «показать историю формирования русского национального театра, слагавшегося и с исключительной интенсивностью развивавшегося в течение XVIII века и подготавливавшего расцвет национальной театральной культуры в XIX столетии». Автор опровергает прежние воззрения на якобы раздражительный характер русского театра указанного периода. Опираясь на самобытную национальную культуру, русский театр осваивал опыт мировой театральной культуры. В последующих главах рассматриваются пути развития русского театра и анализируются разнообразные театроведческие проблемы, возникшие на различных этапах. Вступительная глава посвящена историографии русского театра до XIX века, заключительная часть этой обширной работы рассматривает русскую театральную критику XVIII столетия.

В. Д. Кузьмина. Драматургия и сценическое искусство в русских городских демократических театрах XVIII века. М., 1956. (ИМЛИ)

Диссертация основана на архивном рукописном материале. Для выяснения главных источников репертуара городских демократических театров XVIII века изучено свыше 50 рукописных сборников, хранящихся в Москве, Ленинграде, Киеве. Изучение архивных материалов дало возможность включить в научный оборот 34 новых драматических произведения с многочисленными режиссерскими замечаниями. Рассмотрены важнейшие жанры рукописной демократической драматургии, рукописная сатира XVIII века, устная народная драма, русская демократическая рукописная драматургия, особенности театрального искусства.

¹ В библиографии зарегистрированы диссертации, авторефераты которых поступали в Ленинградские книгохранилища с 1950 года до 1 декабря 1956 года. Материал расположен в тематически-хронологическом порядке. В специальную группу выделены авторефераты докторских диссертаций.

в русском демократическом театре XVIII века, его связь с устной народной драмой и школьным театром. В приложении, состоящем из пяти разделов, даны тексты, археографический комментарий, варианты, библиография, включающая 366 источников, в их числе 108 архивных материалов, отдельно приложен альбом иллюстраций.

Н. В. Трунев. Кантемир в истории русского литературного языка. Омск, 1952.

Отталкиваясь от В. Г. Белинского, назвавшего А. Д. Кантемира «прологом» к русской литературе, Н. В. Трунев устанавливает основополагающую роль А. Д. Кантемира в развитии русской литературной речи. Принципы отбора слов и выражений как в поэтической, так и в научноделовой речи, открытые Кантемиром, были продолжены следующими поколениями русских писателей. Эти принципы, заключающиеся в стремлении к самобытности, использовании фольклорной фразеологии, в стремлении не злоупотреблять иностранными словами и т. п., отражают, по мнению диссертанта, процессы, происходившие в современной Кантемиру действительности. На примерах, почерпнутых из сравнительного анализа различных редакций произведений сатирика, диссертант доказывает, что Кантемир одним из первых осознал необходимость строить литературный язык на общерусской основе. Этим и определяется его значение в истории русского национального языка.

Л. И. Кулакова. А. Н. Радищев и вопросы художественного творчества в русской литературе XVIII века. (Из истории русской эстетической мысли). М., 1954.

Диссертация состоит из двух частей. В первой рассматриваются становление теории русского классицизма — эстетические воззрения Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова, развитие реалистических тенденций в русской эстетической мысли, вопрос о сентиментализме и борьба против него таких писателей, как Крылов, Плавильщиков и др. Вторая часть посвящена анализу общественно-политических и эстетических взглядов Радищева как одного из родоначальников русской материалистической эстетики. В центре внимания автора — анализ «Путешествия из Петербурга в Москву». В «Приложении» дается описание ранее неизвестного списка «Путешествия» и поставлен вопрос об уточнении текста оды «Вольность» по списку XVIII века, хранящемуся в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Приведено также неопубликованное письмо Радищева, относящееся к последнему периоду его жизни.

Г. П. Макогоненко. А. Н. Радищев и его время. Л., 1955.

Г. П. Макогоненко ставит перед собой задачу дать научную биографию А. Н. Радищева, раскрыть связь Радищева с русским Просвещением, определить место Радищева в истории русской освободительной мысли и указать на значение идейно-эстетического наследия писателя для передовой литературы начала XIX века, в частности для Крылова, Гнедича, декабристов, Пушкина. Основываясь на неизвестных ранее архивных материалах, найденных в ЦГАДА и в архиве Лейпцигского университета им. Карла Маркса, Г. П. Макогоненко по-новому характеризует пятилетний период пребывания Радищева в Лейпциге, службу в Петербурге, в Финляндской дивизии и т. д. Новые библиографические материалы используются автором для подтверждения высказываемых им и ранее положений о датировке «Дневника одной недели»

и авторстве «Отрывка...». Диссертант дает подробную картину борьбы двух направлений в русской литературе, особенно 80-х годов XVIII века, и показывает как сочинения Радищева «вторгались в текущую литературу, участвовали в борьбе просветителей с дворянским и правительственным лагерем».

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК

а) Литературоведческие

С. М. Томсинский. Первая печатная газета России, ее общественно-политическое и культурное значение (1702—1727). М., 1955.

Утверждается закономерность появления печатной газеты в России в начале XVIII века и доказывается ее огромное культурно-общественное значение в деле укрепления Русского государства. Работа построена на большом количестве архивного материала, просмотрены газеты, не вышедшие в свет, редакторские материалы. Анализ статей дается под рубриками: «Ведомости о внутренней политике России первой четверти XVIII века», «Северная война в освещении „Ведомостей“». На протяжении двадцатипятилетнего существования «Ведомостей» выработали особый публицистический стиль, содействовали расширению кругозора русского человека, дали много нового, свежего материала русским публицистам, были предшественниками «С.-Петербургских ведомостей».

С. В. Калачева. Сатиры Кантемира. М., 1953. (Московский педагогический институт).

Основная идея диссертации состоит в том, что творчество Кантемира органически связано с русской действительностью и с процессом развития русской литературы. В первых двух главах рассмотрен вопрос о том, насколько общественная жизнь России конца 20—30-х годов XVIII века отразилась в восьми сатирах Кантемира, и дан разбор различных редакций сатир. Третья глава посвящена проблеме художественного метода Кантемира и особенностям его сатирического творчества.

В последней главе речь идет о школе Кантемира в русской литературе.

Э. И. Гершкович А. Д. Кантемир. Проблемы мировоззрения и литературной деятельности. Л., 1953.

Выявлены три новые редакции сатир, существенно отличающиеся от донные известных первоначальной и окончательной. Эти редакции позволяют полнее осветить эволюцию философских, политических и этических воззрений Кантемира. Значительное место уделено вопросу датировки IX сатиры — одной из наиболее острых в политическом отношении. Новая датировка сатиры — 1738, а не 1731 год — подтверждает тезис о том, что между двумя периодами творчества писателя существует общность и преемственность; идейно-политическая позиция Кантемира, определявшаяся в ранний период, получила свое дальнейшее углубление и развитие.

Р. Б. Паина. Роль и значение А. Д. Кантемира в истории русской литературы. Минск, 1954. (Белорусский государственный университет).

Автор останавливается на анализе восьми сатир Кантемира и их редакциях, отвергая положение, будто в заграничный период жизни Кантемира произошло «понижение уровня политической мысли». Во второй редакции сатиры более зрелы как по идее, так и по языку. Указано, что стремление писателя к народности языка — свидетельство его демократизма.

В. П. Самаренко. Сумароков-сатирик. М., 1954. (Московский городской педагогический институт им. Потемкина).

Литературное наследство Сумарокова определено диссертантом, в основном, как сатирическое. Объектом изучения взяты комедии, особенно те, в которых используются сатирические приемы пародии, басни, эпиграммы, девять сборников сатир. Показано разнообразие их тематики, наличие различных образов. Сумароков выступает защитником петровских преобразований. «Русские народные картинки» с текстами сумароковских произведений говорят о действительности сатиры Сумарокова, источником которой была сама жизнь.

А. И. Дуденкова. Идеино-художественная борьба в русском классицизме (1740-х, 1750-х—начало 1760-х годов). Ужгород, 1955. (ИРЛИ).

В диссертации рассматривается процесс формирования в русском классицизме двух течений: одно — во главе с Ломоносовым, другое — дворянское, во главе с Сумароковым. Материалом исследования служат главным образом высокие жанры русского классицизма. Автор доказывает значение Ломоносова как предшественника русских просветителей второй половины XVIII века; дворянский классицизм Сумарокова рассматривается как предшественник дворянского сентиментализма. Их борьба характеризуется как предпосылка последующих расхождений писателей-просветителей с дворянскими сентименталистами.

И. М. Гиголов. В. И. Лукин и его роль в становлении русской национальной комедии. Тбилиси, 1950. (Тбилисский государственный университет).

Диссертация И. М. Гиголова — первая монографического характера работа о Лукине. Творчество Лукина рассматривается в противопоставлении творчеству Сумарокова. Диссертант доказывает, что комедия Лукина — новый этап развития русской комедии в сторону расширения идейного содержания и тематики. Русская комедия отходит от традиций Сумарокова и репертуар русского театра во многом становится зависимым от направления, теоретиком и практиком которого был Лукин.

С. О. Петров. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова. Киев, 1951. (Государственная публичная библиотека Украинской ССР).

В диссертации дается всесторонний анализ книгоиздательской и книготорговой деятельности Новикова, рассмотрены материалы о новиковских типографиях, выявлен состав авторов и переводчиков, указана тематика изданий. К диссертации прилагаются список неизвестных ранее изданий Новикова и альбом графического оформления всех изданий, вышедших из новиковских типографий. Помимо печатных источников, в диссертации использованы фонды ЦГАДА и Государственного архива УССР.

Г. И. Месяцева. Сатирические журналы М. Д. Чулкова и Ф. А. Эмина. М., 1953. (Московский государственный педагогический институт).

Исследованы идейные и художественные особенности журналов Чулкова, которые как и все его творчество, ориентируясь на широкие демократические читательские круги, были глубоко враждебны классицизму. За резкую антидворянскую направленность и за социальную сатиру журналы Чулкова подвергались цензурным гонениям. Защита Ф. Эминым прямой, резкой, боевой «сатиры на лицо» оказала большое влияние на формирование взглядов передовых русских писателей на цели и задачи сатиры. Сатирические журналы Чулкова и Эмина — первые образцы недворянской журналистики в России.

Н. П. Кралина. Проблема народности в творчестве Г. Р. Державина. Л., 1951. (Ленинградский государственный педагогический институт).

Понимая «народность» как идею национальной самобытности, некоторой демократизации литературы и искусства, Н. П. Кралина дает характеристику формирования этой идеи от Кантемира до Крылова. Далее рассматривается проблема народности в поэзии самого Державина. Диссертантка, разбив творчество поэта на три этапа, прослеживает развитие элементов народности и реализма, тесную связь творчества Державина с русской народной поэзией. Последняя глава посвящена характеристике основных моментов драматургии Державина в свете борьбы за народность русской литературы.

К. Н. Павлова. Комедия Д. И. Фонвизина «Бригадир». М., 1955.

Отмечая недостаточную изученность первого крупного произведения Фонвизина, в котором отчетливо наметились реалистические тенденции русской комедиографии, автор анализирует идейную проблематику «Бригадира» и его художественные особенности.

Путем сравнения с другими произведениями XVIII в. автор обосновывает глубокую справедливость слов Белинского: «Русская комедия начиналась задолго до Фонвизина, но началась только с Фонвизина».

Б. А. Деркач. Драматургия И. А. Крылова. Киев, 1955 (АН УССР, Отделение общественных наук).

В диссертации исследована эволюция Крылова-драматурга, показано, как постепенно усиливались реалистические тенденции в его творчестве, раскрыта та роль, которую сыграли пьесы Крылова в подготовке его басенного творчества, определено место и значение писателя в истории русской драматургии и русского театра.

М. Б. Козьмин. Из истории русской журналистики и театральной критики XVIII века. (Деятельность П. А. Плавильщикова). М., 1954. (Институт мировой литературы).

Не ставя своей целью дать анализ драматургического творчества и актерского мастерства П. А. Плавильщикова, диссертант рассматривает его эстетические взгляды и деятельность в качестве журналиста. В первой главе, посвященной журналу «Утро» (1782), раскрыт сатирический и просветительский характер журнала, ближе всего стоявший к сатирической журналистике Новикова. Вторая глава характеризует деятельность Плавильщикова в «Зрителе», его выступления о благе мира для народов и о русском национальном характере. Третья глава посвящена анализу статьи «Театр» и определению ее места и роли в развитии русской теории драмы и театральной критики XVIII века. В разработке проблемы создания русского национального театра Плавильщиков следует эстетике Новикова, а не Лукина, как то принято было считать.

А. И. Мацай. «Ябеда» В. В. Капниста. Киев, 1952. (Киевский государственный университет)

Главной задачей диссертации поставлено исследование гворческой работы Капниста над комедией. На основе сравнительного изучения пяти автографов, хранящихся в Киеве, и двух списков, находящихся в архивах Ленинграда, а равно и первого печатного издания комедии предложено восстановление текста «Ябеды». Дан также стилистический и идеологический анализ комедии, история ее театральных постановок и первых изданий.

Н. И. Никулина. Н. А. Львов — прогрессивный деятель русской культуры конца XVIII—начала XIX веков. Л., 1952. (Государственный Эрмитаж).

Диссертация посвящена всей многосторонней деятельности Н. А. Львова в целом — его биографии литературной деятельности, деятельности в качестве архитектора, геолога-испытателя, техника-изобретателя, рисовальщика и гравера. Во второй части опубликованы неизвестные ранее произведения и письма Львова (230 страниц текста), в третьей — альбом, содержащий 150 фотографий с архитектурных чертежей, рисунков, гравюр и т. д. Эти материалы значительно дополняют и уточняют биографию Н. А. Львова.

Ю. М. Лотман. А. Н. Радищев в борьбе с общественно-политическими воззрениями и дворянской эстетикой Карамзина. Тарту, 1951. (Ленинградский государственный университет).

В диссертации прослежены этапы борьбы Радищева с теоретиками масонского лагеря и с дворянским направлением русской литературы конца XVIII—начала XIX века. Выяснено, какое значение оказала эта борьба на формирование социально-политических и эстетических воззрений, а также художественной практики писателя. Сам Радищев охарактеризован как выразитель настроений крепостного крестьянства России конца XVIII столетия, ранний предшественник революционной демократии середины XIX века.

А. Н. Васильева. Художественный метод Радищева. М., 1953. (Московский областной педагогический институт).

Основная мысль работы состоит в истолковании художественного метода Радищева как метода критического реализма. Автор полемизирует с рядом ученых, относивших Радищева в лагерь писателей-сентименталистов. Художественный метод Радищева продолжает развивать лучшие традиции русской литературы XVIII века, созданные Кантемиром, Ломоносовым, Новиковым, Фонвизиним. Признавая прежнюю датировку «Дневника одной недели» (ранним периодом творчества), А. Н. Васильева уже здесь усматривает полемические выпады Радищева против сентименталистов. «Отрывок из путешествия в *И* *Т*» характеризуется как высшее достижение русской реалистической сатиры допугачевского периода. Основная часть работы посвящена идейно-художественному анализу «Путешествия из Петербурга в Москву», подтверждающему правильность оценки Радищева как зачинателя критического реализма.

М. А. Данкова. Роль русской народной поэзии в творчестве А. Н. Радищева. М., 1954. (Московский государственный университет).

В фольклористике 1760—1800-х годов усматриваются два направления — демократическое и реакционное; Радищев — продолжатель традиций демократического лагеря, достигший, однако, новых, качественно отличных ступеней в их развитии. Во второй главе произведения, написанные Радищевым до ссылки в Сибирь, рассмотрены с точки зрения использования в них народной поэзии. Третья и четвертая главы посвящены характеристике произведений 1790—1802 годов, причем основное внимание уделено путевым дневникам Радищева, «Бове» и «Песням, петьм на состязаниях...» Анализ произведений приводит диссертанта к утверждению, что Радищев видел в народной поэзии источник познания жизни народа и его идеологии; под пером Радищева народная поэзия становится орудием разоблачения феодально-крепостнического строя.

Д. М. Садыкова. Из истории массовой драматической литературы XVIII в. Театр интермедии. М., 1956.

Рассматриваются интермедии русского массового и школьного театра XVIII века и близкой к ним «шутовской комедии». Диссертантка подробно останавливается на вопросе историографии изучения интермедий, дает четкую классификацию интермедий и их сюжетов, анализирует образы, говорит о композиционном своеобразии, сценических приемах и стихе, приводит реально-бытовой комментарий.

Интермедии характеризуются как сатирические сценки из русской жизни XVIII века, которые изображали темные стороны русского быта, защищали преобразовательную политику Петра I.

Е. Бокшанина. «Санкт-Петербургский гостиный двор» Матинского-Пашкевича и русская опера XVIII века. М., 1956.

Не ставя перед собой цели всестороннего изучения оперы XVIII столетия, автор рассматривает малоизвестное произведение Матинского как типичный самобытный памятник ранней русской оперной культуры, когда шел процесс складывания национальной музыкальной школы, «возводился тот фундамент, на котором впоследствии выросло величественное здание русской музыкальной классики». Рассмотрению оперы Матинского, ее разностороннему анализу, исследованию литературы о ней, биографии композитора и т. п. посвящено четыре главы. В приложениях приводятся выдержки из архивных документов и отдельные номера партитуры оперы.

А. М. Рыбник. Русская театральная критика XVIII—первой четверти XIX века. М., 1954.

В диссертации в хронологическом порядке рассматривается история развития русской театральной критики за три четверти века. Материалом исследования послужили все литературно-художественные периодические издания второй половины XVIII и первой четверти XIX веков, теоретические и исторические труды, художественные произведения и переписка общественных и театральных деятелей эпохи; использованы материалы рукописного отдела ИРЛИ. Исследование начинается с литературоведческих трудов Ломоносова и взглядов на драму и театр А. П. Сумарокова. Вторая глава охватывает период деятельности Новикова, Лукина, Крылова и Радищева. Крылова, а не Карамзина

считает А. М. Рыбник одним из основоположников реалистического театра. В третьей главе рассматривается критика первого десятилетия XIX века, в последней речь идет о декабристах, анализируется деятельность «Зеленой лампы», ставятся также вопросы актерского мастерства.

б) Лингвистические

С. И. Иванова. Глагольные предложные конструкции в деловой речи начала XVIII века. Куйбышев, 1953. (Куйбышевский педагогический институт).

Глагольные предложные конструкции рассмотрены на материале первых пяти томов «Писем и бумаг Петра Великого»; основное внимание сосредоточено на собственноручной переписке Петра I. Вывод: система глагольного предложного управления в языке рассматриваемого памятника в основных своих положениях совпадает с современной, изменения же отражают процесс постепенного, медленного совершенствования грамматического строя языка.

В. П. Забродченко. Лексика русских повестей первой трети XVIII века. М., 1956. (Московский государственный университет).

Изучение словарного состава трех оригинальных повестей первой трети XVIII века с точки зрения исторической и стилистической. Соотношение слов русских, церковно-славянских и иноязычных, сравнение словарного состава повестей и русского современного языка, соотношение и роль в повестях слов общеупотребительных, нейтрально-книжных, высоких, разговорно-просторечных и т. д.

Б. А. Маргарян. Словарный состав повестей Петровского времени. М., 1956. (Московский областной педагогический институт).

В диссертации дается общая характеристика словарного состава повестей. Рассматриваются повести о Василии Корпотском и об Александре дворянине. Повесть о купце Иоанне отнесена к послепетровскому времени.

Отдельно анализируются вопросы о церковно-славянизмах и словарном составе повестей и о заимствованной лексике. Резкое смещение старого с новым в Петровское время обусловило пестрый, беспорядочный состав лексики памятников этого времени.

В. А. Приходько. Формы и категории глагола в произведениях А. Д. Кантемира. Л., 1953 (Ленинградский государственный университет).

На материале произведений Кантемира дано описание структуры глагольных категорий в морфологическом плане. Исследуемый материал сопоставляется с языком научных трудов Ломоносова и с отдельными положениями «Российской грамматики». Диссертант отмечает пестроту материала: архаические элементы перемешиваются с живыми, идущими из народно-разговорного языка.

Т. А. Шаповалова. «Российская грамматика» и отражение ее норм в художественных произведениях М. В. Ломоносова. Л., 1953. (АН СССР. Институт языкознания).

Осветив роль Ломоносова и его «Российской грамматики» в развитии русского литературного языка и дав описание системы слово-

изменения именных и местоименных форм в «Российской грамматике» и художественных произведениях Ломоносова, диссертант рассматривает глагольные категории и формы. Значительную часть работы занимает обзор грамматических трудов, предшествовавших «Российской грамматике».

С. И. Глушков. Язык од М. В. Ломоносова. Киев, 1954 г. (Киевский государственный университет).

Диссертант ограничивает тему исследования рассмотрением особенностей лексики, а также важнейших морфологических и синтаксических особенностей одического жанра. На основании исследования различных форм имен существительных, системы глагольных форм, наречий доказывается, что нормы литературного языка, нашедшие свое практическое применение в одах Ломоносова, в большинстве своем не утратили значения и в современном русском языке.

Г. Н. Акимова. Относительное подчинение в научной прозе М. В. Ломоносова. Л., 1955.

Сравнительный анализ языка научной прозы М. В. Ломоносова, его художественных произведений и произведений других писателей показал, что, несмотря на ряд особенностей, относительное подчинение в литературном языке XVIII века ближе к относительному подчинению современного языка, чем к той же конструкции древнерусского.

М. К. Мартыновская-Молчанова. Теоретические воззрения А. П. Сумарокова на грамматический строй русского языка и их отражение в языке его произведений. Одесса, 1953. (Киевский университет).

В диссертации дана общая характеристика лингвистической деятельности А. П. Сумарокова, изучены и систематизированы теоретические высказывания его по вопросам грамматики, фонетики, орфографии и пунктуации. Далее рассмотрено отражение этих теоретических положений в его языковой практике, выяснено, какую роль сыграл Сумароков в грамматической и орфографической нормализации русского литературного языка середины XVIII века.

В диссертации для сравнения привлечены высказывания по исследуемым вопросам современных Сумарокову лингвистов (Ломоносова, Тредиаковского, Барсова, Курганова и др.) и материал грамматик и словарей того периода.

Е. А. АLEXИНА. Краткие и полные имена прилагательные в языке произведений А. П. Сумарокова. М., 1954. (Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина).

Практика А. П. Сумарокова в употреблении кратких и полных имен прилагательных была типичней для поэзии XVIII века. Особенно широко представлены в его творчестве притяжательные имена прилагательные. Исключительно широкое их распространение объясняется слабым развитием категорий родительного принадлежности. Употребление кратких, «усеченных», форм играло не стилистическую, а версификационную роль. Употребление кратких форм только в строго определенных сочетаниях и несовпадение с употреблением кратких в произведениях устного народного творчества позволяет сделать вывод, что они не были фактом живого языка, а употреблялись по традиции. Специальная глава посвящена вопросу употребления имен прилагательных в предикативном значении.

А. Т. Кунгурова. Лексика комедий А. П. Сумарокова (Общелитературная книжная лексика). М., 1954. (АН СССР, Институт языкознания).

Общелитературная книжная лексика, представленная в языке комедий Сумарокова, отражает в определенной мере общее состояние лексики этого вида в литературном языке XVIII века. В языке комедий Сумарокова выявлены такие виды лексики: стилистически нейтральная лексика, которая употреблялась и в книжной и в разговорной речи, не меняя ее стилистической окраски; книжная лексика, разговорно-просторечная, необходимая для речи живого общения, в большинстве случаев она эмоционально окрашена; диалектно-областная, профессиональная и жаргонная. Диалектно-областная представлена единичными случаями, а профессиональная — только элементами канцелярски-приказной речи. Особый раздел посвящен анализу общелитературной книжной лексики, выяснению ее состава и ее отличительных черт.

К. В. Ковалева. Элементы народного языка в баснях А. П. Сумарокова. Минск, 1954. (Белорусский государственный университет).

Исследование вопроса привело автора к заключению, что язык басен Сумарокова — общенародный; Сумароков широко пользовался просторечной и простонародной лексикой, пословицами и поговорками. Его басни-притчи подготовили почву для развития языка в направлении его демократизации. Дана также общая характеристика лингвистической деятельности Сумарокова, прослежено отражение его теоретических положений в языковой практике и выяснена роль Сумарокова в грамматической и орфографической нормализации русского литературного языка середины XVIII века. Высказывания Сумарокова сопоставлены с высказываниями Ломоносова, Тредиаковского, Барсова, Курганова и др. Показано, что Сумароков не оставил вне поля зрения ни одной актуальной языковедческой проблемы; в целом ряде случаев он стоял на более верных позициях, нежели его современники и некоторые лингвисты XIX века.

Р. И. Лихтман. Из истории московского просторечия в середине XVIII в. (на материале «Записок Натальи Долгорукой»). «Омутинск», 1953 (Омутинский государственный учительский институт).

На материале памятника восстанавливается живая речь автора, как образец московского просторечия середины XVIII века, периода, когда особенности московского просторечия (произносительные и морфологические) легли в основу создавшихся норм национального языка. Исследуется фонетический строй и морфологическая система; анализ последней ограничивается рассмотрением форм словоизменения, не распространяясь на формы словообразования.

В. И. Кодухов. Способы передачи чужой речи в русском языке второй половины XVII—XVIII вв. Л., 1953, (Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена).

Из произведений XVIII века лингвистическому анализу подвергнуты «Пригожая повариха» Чулкова, «Живописец» Новикова, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Письма русского путешественника» Карамзина, «Краткое описание разных путешествий по северным морям» Ломоносова.

В. Н. Айдарова. Лексико-фразеологический состав одического слога Г. Р. Державина. Тбилиси, 1953. (АН СССР, Институт языкознания).

Диссертация состоит из четырех глав, введения и заключения. Автор рассматривает лексику высокого стиля в одическом слоге Державина, унаследованную им от Ломоносова; отмечены элементы реализма и элементы народной разговорно-бытовой речи в одическом слоге поэта. Специальная глава посвящена иноязычным словам в одах Державина. У Державина сказываются широко представленными слова, снижающие одический стиль, ярко разговорные по своим фонетическим и морфологическим признакам.

Л. А. Войнова. Лексика поэзии Г. Р. Державина. Л., 1954. (Ленинградский государственный педагогический институт).

Изучение народно-разговорной и книжной лексики и приемов ее использования Державиным в поэтическом творчестве Языковая практика Державина сопоставлена с языковой практикой Сумарокова, Княжнина, Майкова, Фонвизина, Крылова и др. Выясняя индивидуальные особенности Державина в отборе им народно-разговорных и книжных элементов речи, диссертант показывает, как в поэзии Державина осуществляется дальнейшее развитие основного рационального зерна теории Ломоносова о языке.

Е. Ф. Петрищева. Лексика и фразеология сатирической прозы И. А. Крылова. Л., 1953. (Ленинградский государственный педагогический институт).

Рассмотрены вопросы о том, какие типы разговорно-просторечных элементов использует Крылов в сатирической прозе, в речи каких персонажей они встречаются и какие функции выполняют, каковы методы и принципы слияния их с книжным стилем литературного языка XVIII века. Разговорно-просторечная лексика и фразеология является для Крылова могучим средством сатиры. На основании характеристик книжной лексики в сатирической прозе Крылова и принципов использования церковно-славянизмов, путем языкового анализа устанавливается авторство Крылова в отношении всех писем «Почты духов». Освещен также вопрос об областных, жаргонных словах и выражениях и об иноязычной лексике в сатире Крылова. Вывод: деятельность Крылова-прозаика способствовала расширению сферы употребления устной разговорной речи в литературном языке.

П. В. Бурба. Особенности лексики «Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных им для своих потомков». Киев, 1953. (Киевский государственный университет).

В первых двух разделах работы даются общие сведения о жизни и творчестве А. Т. Болотова. Третий посвящен исследованию лексических особенностей «Записок». Основным лексическим пластом является общепотребительная лексика, широко использовано просторечие, простонародная лексика. Отмечено очень широкое и разностороннее проникновение диалектной лексики в язык «Записок», много славянизмов. Специальная лексика представлена русскими и иноязычными словами, ассимилировавшимися, закрепившимися в русском языке. Иноязычная лексика в основном представлена европейской терминологической лексикой из различных областей общественной жизни. Исследуется и фразеология «Записок». В языке «Записок» ярко отражен процесс демократизации русского литературного языка.

И. М. Абрамович. Сложно-подчиненные предложения в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Л., 1953. (АН СССР, Институт языкознания).

Исследование структурных особенностей сложноподчиненного предложения в произведении Радищева имеет значение не только для изучения языка этого писателя, но и для построения общей картины развития исторического синтаксиса русского языка. В работе рассматриваются союзные сложноподчиненные предложения, особо выделяется группа временных и условных. Союзы в «Путешествии из Петербурга в Москву» заимствованы из самых разнообразных речевых слоев. Радищев проводит тщательную стилистическую дифференциацию в их употреблении. Рассматриваются и те сложноподчиненные предложения, в которых связь между главным и придаточным предложениями осуществляется с помощью союзных слов.

Г. М. Мижевская. Морфологические особенности произведения А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (К истории развития русского литературного языка). Саратов, 1953. (Саратовский государственный университет).

Морфологические особенности «Путешествия» подвергнуты изучению в областях склонения и спряжения и их стилистического использования в связи с процессом развития русского литературного языка. Не чуждаясь грамматических форм старого книжного языка, Радищев широко использует морфологические особенности народно-разговорной речи как одно из средств художественного воспроизведения действительности. В диссертации рассмотрены преимущественно те формы, в которых обнаруживаются изменения, связанные с воздействием живой разговорной речи. Прослеживаются колебания в употреблении форм, свидетельствующие об отмирании в морфологии арханчского и о появлении жизненно-нового. Использован сравнительный материал из произведений Ломоносова, Державина, Новикова, Карамзина и др.

В. Н. Михайлов. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX века, их функции и словообразование. М., 1956. (Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина).

Диссертация ставит своей задачей дать цельную систему стилистических функций и принципов создания собственных имен персонажей в художественной литературе: собственные имена персонажей являются своеобразной, стилистически действенной, выразительной частью лексики художественных произведений. Автор прослеживает историю применения собственных имен, изучаемых категорий, дает этимологии собственных имен рассматриваемых типов.

Н. П. Утехина. Из истории русской поэтической орфоэпии конца XVIII—начала XIX века. М., 1950. (Московский государственный университет).

Материалом для диссертации послужило творчество поэтов середины XVIII—первой половины XIX столетий. Установлены исторически менявшиеся нормы поэтического произношения (в произведениях Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Державина, Карамзина и Дмитриева, Батюшкова, раннего Пушкина и др.), показано, как медленно, но неуклонно преодолевалась поэтическая традиция XVIII века, уступая место живым произносительным нормам языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР
АН — Академия наук.
АВПР — Архив внешней политики России.
БАН — Библиотека Академии наук СССР.
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ГИТИС — Государственный институт театрального искусства.
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького.
ИРИО — Императорское Русское историческое общество.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
ЛБ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ЛГТБ — Ленинградская государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.
ЛГУ — Ленинградский государственный ордена Ленина университет им. А. А. Жданова.
МГУ — Московский государственный ордена Ленина университет им. М. В. Ломоносова.
ОДРА — Отдел древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
ОИК — Отдел истории книги Исторической публичной библиотеки.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии Наук.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.
РИО — Русское историческое общество.
ЦГАДА — Центральный исторический архив древних актов.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в Москве.
-

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

3-го выпуска сб. «XVIII век»

- М. П. Алексеев (Ленинград), академик, заместитель директора ИРЛИ, профессор ЛГУ.
- М. А. Арзуманова (Ленинград), библиотекарь ГПБ.
- С. М. Бабинцев (Ленинград), главный библиотекарь ГПБ, кандидат филолог. наук.
- Н. В. Баранская (Москва), научн. сотр. Гос. литературного музея.
- П. Н. Берков (Ленинград), ст. научн. сотр. ИРЛИ, профессор ЛГУ, д-р филолог. наук.
- С. М. Беркова (Ленинград).
- Г. И. Бомштейн (Молотов), старший преподаватель Пермского гос. университета.
- Т. А. Быкова (Ленинград), главный библиотекарь ГПБ.
- А. Ю. Вейс (Ленинград), научный сотрудник Всесоюзного пушкинского музея.
- Э. И. Гершкович (Ленинград), старший преподаватель Военно-морского училища им. Фрунзе, канд. филолог. наук
- Г. А. Гукровский, профессор, д-р филолог. наук.
- М. М. Гуревич (Ленинград), главный библиотекарь БАН.
- А. И. Дуденкова (Ужгород), ст. преподаватель Ужгородского гос. университета, канд. филолог. наук.
- С. Ф. Елеонский (Москва), профессор Московского городского Педагогического института им. Потемкина, д-р филолог. наук.
- Г. В. Ермакова-Битнер (Ленинград).
- Е. А. Касаткина (Томск), доцент Томского гос. университета, канд. филолог. наук.
- Г. А. Князев (Ленинград), директор Архива АН СССР, канд. истор. наук.
- Л. В. Крестова (Москва).
- И. А. Кряжимская (Ленинград), мл. научн. сотрудник ИРЛИ.
- Н. М. Левина (Ленинград), редактор Ленинградского отд. изд-ва «Советский композитор».
- Ю. М. Лотман (Тарту), доцент Тартуского гос. университета, канд. филолог. наук.
- В. С. Люблинский (Ленинград), доцент Педагогического института им. А. И. Герцена, канд. истор. наук.

- А. П. Могилянский (Ленинград), мл. научн. сотрудник ИРЛИ, канд. филолог. наук.
- {Л. Б. Модзалевский} ст. научн. сотрудник Архива АН СССР, д-р филолог. наук.
- Л. Н. Назарова (Ленинград), мл. научн. сотрудник ИРЛИ, кандидат филолог. наук.
- Н. К. Пиксанов (Ленинград), чл.-корр. АН СССР, профессор ЛГУ.
- А. В. Позднеев (Москва), доцент Московского заочного педагогического института, канд. филол. наук.
- Е. П. Привалова (Ленинград), доцент Гос. библиотечного института им. Крупской, канд. филолог. наук.
- Ф. Я. Прийма (Ленинград), ст. научный сотрудник ИРЛИ, канд. филолог. наук.
- Г. Рааб (Грейфсвальд, ГДР), ассистент Института славяноведения при Грейфсвальдском университете, д-р философии.
- Н. Н. Розов (Ленинград), научн. сотрудник рукописного отдела ГПБ, канд. филол. наук.
- Л. Б. Светлов (Москва), канд. филолог. наук.
- И. Э. Серман (Ленинград), мл. научн. сотрудник ИРЛИ, канд. филолог. наук.
- Э. П. Файдель (Ленинград), библиотекарь БАН.
- Д. Д. Шамрай (Ленинград), главный библиотекарь ГПБ, канд. филолог. наук.
- К. И. Шафрановский (Ленинград), библиотекарь Библиотеки АН СССР.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.
3

От редакции

Статьи

П. Н. Берков. Итоги, проблемы и перспективы изучения русской литературы XVIII века	7
А. В. Позднеев. Проблемы изучения поэзии Петровского времени	25
З. И. Гершкович. К вопросу об эволюции мировоззрения и творчества А. Д. Кантемира (Проблема «девятой» сатиры)	44
Г. И. Бомштейн. Антиклерикальная поэзия Ломоносова и русские народные пословицы	65
Е. А. Касаткина. Трагедия М. В. Ломоносова «Демофонт»	91
<u>Л. Б. Модзалевский.</u> Ломоносов и его ученик Поповский (О литературной преемственности)	111
Ф. Я. Прийма. Ломоносов и «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера	170
Д. Д. Шамрай. К истории цензурного режима Екатерины II	187
И. З. Серман. Из истории литературной борьбы 60-х годов XVIII века (Неизданная комедия Федора Эмина «Ученая шайка»)	207
Н. В. Баранская. Еще об авторе «Отрывка Путешествия в*** И*** Т***»	226
Е. П. Привалова. А. Т. Болотов и театр для детей	242
И. А. Кряжимская. Театрально-критические статьи Н. М. Карамзина в «Московском журнале»	262
Ю. М. Лотман. Радищев и Мабли	276
Н. К. Пиксанов. «Бедная Анята» Радищева и «Бедная Лиза» Карамзина. К борьбе реализма с сентиментализмом	309
С. Ф. Елеонский. Из наблюдений над языком и стилем «Путешествия из Петербурга в Москву». К изучению художественного своеобразия книги А. Н. Радищева	326
Г. В. Ермакова-Битнер. Захарий Аникеевич Горюшкин — воспитатель русского юношества	343
<u>Г. А. Гуковский.</u> Русская литература в немецком журнале XVIII века	380
М. П. Алексеев. Д. Дидро и русские писатели его времени.	416
В. С. Люблинский. Новое в русских связях Вольтера	432

Сообщения и публикации

Н. Н. Розов. «Гистория о купце», неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII века	440
Т. А. Быкова. К истории русского тонического стихосложения (Неизвестное произведение И. Г. Спарвенфельда)	449
М. М. Гуревич. Неизвестный номер «Ведомостей» за 1709 год	454

Э. И. Гершкович. К биографии А. Д. Кантемира	456
Ю. М. Лотман. К вопросу о том, какими языками владел М. В. Ломоносов	460
А. И. Дуденкова. Поэма А. Дубровского «На ослепление страстями»	463
Д. Д. Шамрай. Ф. Эмин и судьба рукописного наследия М. В. Ломоносова	471
М. М. Гуревич. Неизвестное произведение Василия Майкова	474
Л. В. Крестова. Из истории публицистической деятельности Д. И. Фонвизина	481
Л. Б. Светлов. Мнение о избрании пьес в Московские сочинения» Д. И. Фонвизина	490
П. Н. Берков. Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII века. V. К биографии Михаила Алексеича Матинского. VI. Неизданная эпиграмма Ломоносова	493
А. П. Могилянский. «Ольга», трагедия Я. Б. Княжнина	498
Н. М. Левина. Два неопубликованных письма Е. И. Кострова	505
Ю. М. Лотман. О третьей части «Почты духов» И. А. Крылова	511
Три письма к Н. П. Николеву	513
«Прошение литератора Клушина»	517
А. Ю. Вейс. Новые материалы для изучения биографии и творчества Н. А. Львова	519
М. А. Арзуманова. О связях с Россией А. Н. Радищева в лейпцигский период	527
Гаральд Рааб. Первое упоминание о деле А. Н. Радищева в печати	538
С. М. Бабинцев. Новые ранние списки «Путешествия из Петербурга в Москву»	540
Л. Н. Назарова. Об одной эпиграмме Г. Р. Державина	545

Хроника и библиография

Т. А. Быкова. Новые труды по библиографии русской книги гражданской печати XVIII века	548
Д. Д. Шамрай. Библиография изданий Московского университета в доновиковский период	550
П. Н. Берков. Новейшие работы ученых ГДР по истории русской культуры и литературы XVIII века	554
М. М. Гуревич и П. Н. Берков. Полезная книга по истории русского нотопечатания XVIII века. Б. Вольман. Русские печатные ноты XVIII века	559
Г. А. Князев, Э. П. Файдель, К. И. Шафрановский. Каталог изданий Петербургской Академии наук 1731 года (дар немецкой Академии наук, 1956)	562
С. М. Беркова. Материалы для библиографии советских работ по истории русской литературы XVIII в. за 1954—1956 гг.	566
И. А. Кряжмская. О работе Группы по изучению русской литературы XVIII века	587
И. А. Кряжмская. Библиографический перечень авторефератов диссертаций по русской литературе и русскому языку XVIII в.	591
Список сокращений	603
Список участников 3-го выпуска сб. «XVIII век»	604

XVIII ВЕК
Выпуск третий

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский дом)
Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. С. Люблинский*
Технический редактор *Э. Ю. Блейх*
Корректоры *Э. В. Коваленко* и *К. Н. Феноменов*

Сдано в набор 25 апреля 1958 г. Подписано к печати
30 июля 1958 г. РИСО АН СССР № 47-97В. Формат
бумаги 60 × 92¹/₁₆. Бум. л. 19. Печ. л. 38 = 38 усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 39,62. Изд. № 639. Тип. зак. 639.
М-36623. Тираж 3000. Цена 25 р. 75 к.

Ленингр. отделение Издательства Академии наук СССР.
Ленинград, В-164, В. О., Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
2	10 сверху	поэтических	поэтических,
22	20 "	вогсе, — не	вогсе не, —
178	7 "	нами	ними
193	5 "	русском	Русском
207	10 снизу	Eminencescu	Eminescu
225	10 "	одна	одно
442	7 сверху	Прокоповича	Прокоповича,
486	17 "	сыну и	сыну, и
498	20 "	1783	1793
504	19 "	унизительной	унизительный
528	22 "	дорог. ⁸	дорог). ⁸
551	7 снизу	Beismeister	Basmeister
554	8 "	пэтивме	пэтивзме
556	8 "	Russisa in den Antagen	Russica in den Anlagen
556	13 "	im-8. Janrhundegt	im 18. Jahrhundert
573	5 "	160	106
574	2 "	Дворянки	Дворянин
584	11 сверху	библиографический	библиотечный
605	1 "	мл. научн.	и. о. ст. научн.

На стр. 573 и сл. в украинских словах следует исправить повторные ошибочные написания і вместо i.

XVIII век